Вольфганг
Акунов

ДЕРЖАВА ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС

АЛЕТЕЙЯ

Документы и материалы
древней и новой истории Суверенного Военного ордена
Иерусалимского храма

Под редакцией действительного члена
Академии военных наук, профессора
Александра Шаравина

УДК 929.71
ББК 63.3(0)4
А 442

Акунов В. В.

А 442 Держава Тевтонского ордена / В. В. Акунов. – СПб.: Алетейя, 2020. – 438 с.: ил. – (Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма).

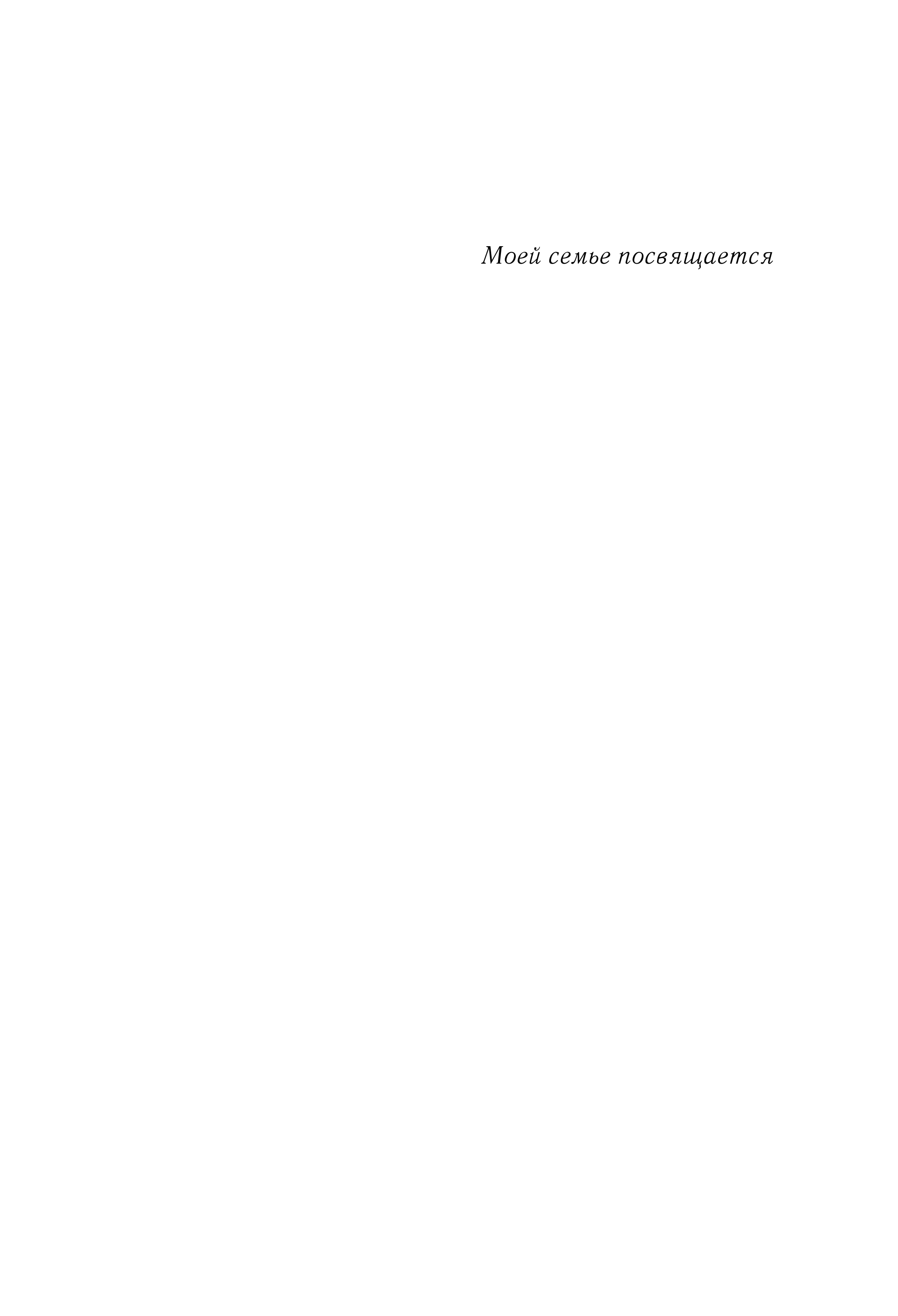
ISBN 978-5-907189-00-3

Немецкому ордену Святой Девы Марии, более известному у нас под названием Тевтонского, в отечественной (да и не только) историографии, беллетристике и кинематографии, прямо скажем, не повезло. Почти всем с детства запомнилось выражение «псы-рыцари», хотя в русских летописях этих «псов» именовали куда уважительней – «Божьи дворяне» или «Божьи слуги». При слове «тевтонский» в сознании у многих сразу возникает негативный ассоциативный ряд: Ледовое побоище – железная свинья – колыбель агрессивного прусского юнкерского государства – предтеча германского фашизма... Что же на самом деле кроется под названием «рыцари-тевтоны»? Каковы их идеалы, за которые они были готовы без колебаний жертвовать жизнью?

УДК 929.71
ББК 63.3(0)4

© В.В. Акунов, 2019
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Моей семье посвящается

Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...

Наталья Кончаловская.
«Наша древняя столица»

В этом замке был один брат, который, будучи обманутым кознями дьявола, воистину полагал, что в ордене дома Тевтонского он не может обрести спасения души, затаив в сердце своем желание вступить в более строгий орден. После этого он увидел во сне святого Бернарда, Доминика, Франциска, Августина, шедших во главе своих братьев, и он, обращаясь к ним, слезно просил, чтобы они приняли его в братство, а они один за другим отказывали. Самой же последней шла Пресвятая Дева Мария со многими братьями дома Тевтонского; он начал смиренно умолять ее, прося, чтобы она позволила ему, по крайней мере, остаться в товариществе братьев своих. Сказала ему Пресвятая Дева: «Это невозможно, ибо тебе кажется, что орден твой настолько нестрог, что нет в нем ничего, что ты согласно желанию твоему мог бы претерпеть». И, снимая плащи с каждого из братьев, она показала раны, которые были нанесены язычниками и от которых они погибли ради защиты веры; и сказала: «Разве не кажется тебе, что эти братья твои претерпели нечто во имя Иисуса Христа?» И с этими словами видение исчезло. И этот брат, проснувшись и придя в себя, пошел в собор, где собрались братья; и то, что раньше легкомысленно открыл им о намерении своем, теперь, как мудрый и искушенный, смиренно отвергая как ошибочное, всем поведал о видении, явившемся ему. Этот брат, следуя по пути служения Богу, вскоре после того был убит язычниками.

Петр из Дусбурга.
«Хроника земли Прусской»

1. Зачин

Не лепо ли бяшеть, братия, начати старыми словесы трудныя повести... а впрочем, лучше

Мы слогом сегодняшним песню начнем,
На происшедшее глянув —
Певцу не к лицу избитый прием,
Ветхий обычай Боянов!

Немецкому ордену (Deutscher Orden), более известному у нас под его другим названием — Тевтонского (а также под совершенно фантастическим названием «Ливонского ордена», никогда в истории не существовавшего), в отечественной историографии, а пуще того — беллетристике и кинематографии, не говоря уже о творениях славной когорты советских журналистов-международников, прямо скажем, не повезло. Что там «латы с черными крестами»! В учебном пособии по российской истории под редакцией известного советского профессора, разоблачителя русского и международного масонства, историка и публициста Николая Николаевича Яковлева (получившего как-то при всем честном народе пощечину от всемирно известного — ныне покойного — отца советской водородной бомбы, диссидента академика Андрея Дмитриевича Сахарова за то, что непотребно отозвался о супруге последнего в другом своем опусе — «ЦРУ против СССР»), рыцари Тевтонского ордена наступают по льду Чудского озера аж под... черным знаменем с белым черепом и костями! Вот, оказывается, насколько запал многим «бывшим советским» в душу известный эпизод из незабвенного фильма «братьев» Васильевых «Чапаев»! Как же — как же, «фашистский стиль», архетип врага, и все такое прочее...

С детства почти всем запало в душу выражение «псы-рыцари», которым заклеймил «тевтонов» борец за свободу мирового пролетариата товарищ Карл Маркс. Хотя в русских летописях и житиях благоверных князей — например, в «Житии Александра Невского» этих «псов» именовали с куда большим уважением — «Божии дворяне», «слуги Божии», «Божии ритори», то есть «Божии рыцари».

При слове «тевтонский» сразу невольно напрашивается ассоциативный ряд — «псы-рыцари», «Ледовое побоище», «железная свинья», «проклятые крыжаки», «колыбель агрессивного прусско-юнкерского государства» и, конечно же, — «предтечи германского фашизма» (последний аспект «ассоциативного ряда» наиболее ярко проявился в «Автобиографии» знаменитого советского поэта-«шестидесятника» Евгения Александровича Евтушенко, на страницах которой он изливался в своей ненависти к немецким рыцарям-«тевтонам», несшим на своих щитах «крест — зародыш гитлеровской свастики»). Этот набор штампов при желании можно было бы продолжать до бесконечности. Некоторые горе-публицисты договариваются даже до того, что «немецкие рыцари ордена Девы Марии», якобы «ходившие на Православные земли под черно-белым знаменем тамплиеров» (?! — В.А.), в свою очередь, якобы «стоявших у истоков Тевтонского ордена» (?! — В.А.), встретили «в степях» (Забайкалья?! — В.А.) и «направили на Русь воевавшего в Средней Азии Чингисхана» (?! — В.А.), чей «черно-белый штандарт удивительно походил на тамплиерский» (?! — В.А.).

Для справки — у Чингисхана было «девятибунчужное» белое знамя (с изображением серого кречета, держащего в когтях черного ворона), украшенное, по мнению одних исследователей, девятью черными хвостами яков, а по мнению других — например, Юрия Николаевича Рериха, сына знаменитого художника-теософа — девятью белыми лошадиными хвостами. Если верить Морису Давидовичу Симашко, знамя монголов было кроваво-красным («цвета теплой крови»), если же верить Чингизу Торекуловичу Айтматову — черным, с ярко-красной каймой и вышитым яркими шелками и золотой нитью огненным драконом, извергающим из пасти пламя.

О тамплиерском знамени «Босеан» известно, что оно представляло собой черно-белое двух- или многополосное полотнище (или же полотнище в черно-белую клетку, наподобие шахматной доски — на этом основании один из наших главных «православных конспирологов» — Юрий Юрьевич Воробьевский! — не замедлил объявить «преемниками тамплиеров»...хорватских националистов-«усташей» доктора Анте Павелича, невзирая на то, что их «шахматное» знамя и «шахматный» герб были не черно-белыми, как у храмовников, а бело-красными). А знаменем Тевтонского ордена служили полотнище с Образом Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Христом на руках, либо же белая хоругвь с черным крестом (первоначально же — простое белое полотнище безо всяких изображений — в знак чистоты веры и помыслов собравшихся под ним рыцарей-монахов). Вот и судите сами, дорогие читатели, о существовавшем между ними «удивительном сходстве»...

2. «Уж не черт ли этот враг?», или представлял ли Тевтонский орден реальную угрозу для Руси и Православия?

Под пером «энтузиастов» и «популяризаторов» отечественной истории бои сугубо местного значения под Псковом и Изборском, стычки — пусть кровопролитные, но буквально переполняющие историю средневековой Европы эпохи феодальной раздробленности, эпохи войны «всех против всех», превращаются в оборону всей обескровленной татаро-монголами Руси от натиска римско-католической (то есть универсалистской, космополитической и направленной на объединение всего христианского мира под верховной властью римских пап) и в то же время (вот необъяснимое противоречие!) немецко-феодальной (то есть сугубо национальной и — с учетом смертельной вражды между римскими папами и тогдашними германскими императорами, доходившей до отлучения последних — например, Генриха IV или Фридриха II из династии Гогенштауфенов — папами от церкви! — а н т и п а п с к ой) агрессии.

А если учесть, что в тогдашнюю «Германию», то есть «Священную Римскую империю (германской нации)», по-латыни: «Sacrum Imperium Romanum (Nationis Teutonicae)», по-немецки: «Heiliges Roemisches Reich (deutscher Nation)» — отнюдь не являвшуюся в действительности, по меткому выражению одного современника, повторенному впоследствии т. Карлом Марксом, ни «священной», ни «римской», ни «империей», ни — добавим мы от себя — «германской» в современном понимании этого слова! — входили добрая половин Италии и Франции, Бургундия, Сицилия, Неаполь, Нидерланды, Чехия, Силезия и прочая и прочая, что в походах-«рейсах» («рейзах», «райзах», нем.: Reisen) «Немецкого» ордена против язычников столетиями принимали участие уроженцы всех стран христианской Европы — начиная с моравского маркграфа, австрийского герцога и чешского короля (все — в одном

лице!) Оттокара (Отакара) II Пшемысла, именно в честь которого был назван основанный им в середине XIII в. в Пруссии город Кенигсберг (нынешний Калининград), и кончая английским принцем Генрихом Дерби, позднее взошедшим на британский престол под именем Генриха IV Ланкастерского — то о каком агрессивном немецком национализме можно было вообще в тот период говорить?

В Крестовом походе «Немецкого» ордена зимой 1344 г. против языческой Литвы, к примеру, участвовали король Богемии Иоанн Люксембургский, король Венгерский, граф Голландский, герцог де Бурбон, бургграф Нюрнбергский, граф Голштинский (Гольштейнский), чешские, силезские, моравские, австрийские и шотландские рыцари и многие другие. С другой стороны, всегда ли верно изображать «Господин Великий Новгород» — оплот весьма сомнительной, хотя и усердно воспевавшейся, в частности, декабристами вечевой «свободы» (а говоря по-простому — «кто кого перекричит»; да и «вечевых горланов» — профессиональных крикунов — можно было без особых церемоний перекупить за деньги, так что торговля думскими голосами является отнюдь не изобретением нашего времени!) неким щитом, якобы прикрывавшим всю Русь с Запада, от натиска «агрессивного католицизма». Это Новгород-то, изначально бывший не только источником постоянных и направленных всегда на подрыв власти общерусского Великого князя, где бы он не сидел — в стольном ли Киеве, Владимире, Суздале, Твери или Москве! — кровавых смут, но и, самое главное, лютых ересей! «Стригольники», «жидовствующие» и прочие еретики — все они расползались по Святой Руси не откуда-нибудь, а именно из славного Новгорода и другой «северной республики» — Пскова (высокомерно именуемого новгородцами своим «посадом», а говоря по-нашему — «пригородом») !

Новгород постоянно враждовал с Псковом. Хорош защитник русской государственности и Православной веры, который даже свою долю дани татаро-монголам отдавал очередному общерусскому Великому князю лишь ценой большой крови и постоянно интриговал против каждого Великого князя Владимирского, натравливая на него других князей, подкупленных новгородским «заволочским» серебром! Этому безобразию был положен конец только Великим Государем Московским и Всея Руси Иоанном III, в результате двух войн силой (причем при активной поддержке другого «ревнителя свободолюбивых вечевых традиций Северной Руси» — упомянутого выше «новгородского посада» Пскова!) усмирившим и подчинившим Своей Державной воле вконец запутавшийся в собственных интригах «Господин Великий Новгород». А окончательно вбил «осиновый кол» в гроб этого оплота «вечевых свобод» и ересей Царь Иоанн Васильевич Грозный, Верховный магистр ордена православных опричных рыцарей, выступивший, промыслительно (как это ни покажется кому-то странным),

в роли «мстителя» за разгром новгородским войском войска другого христианского рыцарского ордена на (или, по мнению иных историков, при) Чудском озере пятью столетиями ранее!

Новгородский князь Александр Ярославич, прозванный Невским за свою победу над шведами на р. Неве в 1240 г., постоянно конфликтовал с «Господином Великим Новгородом» (приходилось даже усмирять непокорство «боярской республики» на Волхове вооруженной рукой, «урезать носы» и «вынимать очи» особо буйным новгородцам, сумевшим настроить против князя его собственного сына Василия Александровича, посаженного за это разгневанным отцом в «поруб» после подавления бунта). В то же время Александр Невский (как и другой выдающийся военно-политический деятель XIII в. — князь Даниил Галицкий) — активно вел переговоры с папой римским Иннокентием IV, причем (как и Даниил) удостоился от папы королевского титула. Об истории получения Даниилом Галицким от папы короны «короля Руси (Рутении)» ныне не знают только полные невежды (чего не скажешь об аналогичной истории коронации Александра Невского — если не считать невразумительного описания в любимом всеми нами с детства романе Василия Григорьевича Яна «Юность полководца» прибытия к князю Александру таинственного странника «Андреяша», привезшего ему в мешке королевскую корону от папы римского и отосланного князем обратно «несолоно хлебавши»; скорее всего, речь идет о домысливании уважаемым романистом, в компетентности которого у нас нет ни малейших сомнений — видимо, в угоду тогдашней политической конъюнктуре! — упоминания в «Житии» Святого благоверного князя Александра Невского некоего «Андреяша», пораженного выдающимися качествами Невского победителя; хотя упоминаемый в «Житии» Андреяш — отнюдь не замаскированный под убогого «калику перехожего» тайный папский посланец, а ливонский ландмейстер Тевтонского ордена Андреас фон Вельвен, о чем совершенно недвусмысленно сказано в комментариях к «Житию»). До нашего времени сохранились две буллы (послания) папы Иннокентия Александру Невскому — между прочим, сватавшему своего сына за дочь правителя Норвегии Гакона (Хокона), исповедовавшего римско-католический вариант христианской веры. В первой булле, датированной 22 января 1248 г., римский понтифик предлагал князю Александру, именуемому им «благородным мужем Александром герцогом Суздальским» (лат.: nobili viro Alexandro duci Susdaliensi), присоединиться, ПО ПРИМЕРУ ЕГО ПОКОЙНОГО ОТЦА ЯРОСЛАВА (выделено нами — В.А.), к римской (католической) церкви, и просил его, в случае наступления татар, «извещать об этом наступлении братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы...безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать». А во второй папской булле (датированной

15 сентября 1248 г.) римский понтифик обращался к князю Александру, который в своем ответе на предыдущую буллу «со всяческим рвением испросил, чтобы (его) приобщили как члена к единой главе церкви через истинное послушание, в знак чего (он) предложил (папке) воздвигнуть в граде твоем Плескове (Пскове) соборный храм (кафедральный собор) для латинян» (лат.: in Pleskowe civitate tua Latinorum Ecclesiam erigere cathedralem) уже как к светлейшему королю Новгорода» (лат. illustri regi Nougardiae). Подробнее обо всем этом при желании можно прочитать в статье Антона Анатольевича Горского «Два "неудобных" факта из биографии Александра Невского» // «Александр Невский и история России». Новгород, 1996, с. 84–75) и в книге Николая Викторовича Кленова «Несостоявшиеся столицы Руси: Новгород, Тверь, Смоленск, Москва», М., 2011, с. 42–43). Что касается «дружеских уз», существовавших, по мнению иных горе-историков, между рыцарями Святой Девы Марии и татаро-монголами, которым они якобы служили чем-то вроде проводников, то наглядным свидетельством этой «нерушимой дружбы» может служить не только высказанная в упомянутой выше папской булле обращенная к Александру Невскому просьба извещать об ожидаемом татарском наступлении «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы... безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать», но и битва под Лигницей (Вальштаттом) в 1241 г., в которой силезский князь Генрих Благочестивый со своими польскими и немецкими рыцарями — главным образом, иоаннитами, тамплиерами и тевтонскими «кавалерами Пресвятой Девы Марии», и впрямь «сим татарам мужественное сопротивление оказал», пав под татарскими стрелами и саблями, но преградив туменам Батыя дальнейший путь на Запад! А в 1389 г. тевтонские «псы-рыцари» в союзе с литовским князем Александром-Витаутасом (по-русски: Витовтом, по-польски: Витольдом), с польскими и венгерскими крестоносцами-католиками и с православными русскими князьями (в том числе и знаменитым воеводой Дмитрия Донского — Дмитрием Боброком Волынцем, фактическим победителем войска ордынского беклеярибека Мамая на поле Куликовом девятью годами ранее!), а также с православным же молдавским господарем Стефаном I Мушатом сразились на реке Ворскле с татарской ордой хана Едигея и своей совместно пролитой кровью засвидетельствовали верность Вере Христовой!

Что же до великой победы объединенного «славянского» (добрую половину которого, впрочем, составляли жмудь, литовцы, армяне, караимы и опять-таки татарские орды!) войска над «проклятыми крыжаками» под Танненбергом («Грюнвальдом»), то ведь именно после этой «великой победы над общими врагами всего славянства» объединенные «братья-славяне», католики-поляки и литвины стали с удвоенной силой теснить

«своих», западнорусских, православных «братьев-славян», и в то же время регулярно ходить огнем и мечом на Москву, пока дело не дошло до лжедмитриев, тушинских воров и Семибоярщины. Столь серьезной угрозы Тевтонский орден для Руси не представлял никогда. Наоборот, именно тевтонские рыцари, вывезенные русскими из завоеванной Ливонии, стояли у истоков создания Иваном Грозным с целью укрепления Российского государства первого в нашем Отечестве военно-рыцарского ордена — опричнины! Но об этом мы почему-то забываем, хотя это не секрет. Гораздо лучше западают в память, например, такие строки из любимой всеми нами в детстве книжки Натальи Петровны Кончаловской «Наша древняя столица» (книжки, действительно замечательной во многих отношениях, хотя и переизданной несколько раз (причем в каждое новое издание вносились исправления, дополнения и купюры, в соответствии с изменениями внутри- и внешнеполитической конъюнктуры Страны Советов). Для вящей убедительности процитируем ее ниже несколько подробнее, чем в эпиграфе:

Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...
Был ливонский рыцарь страшен,
Занимался грабежом.
Плохо было людям нашим
За ливонским рубежом...
Враг-то, видно, чародей,
Не похожий на людей!
Уж не черт ли этот враг?
Не возьмешь его никак!
(«О краях твоих законных,
о врагах твоих исконных»)

Впрочем, не станем далее «растекаться мыс (л) ью по древу», а только заметим себе, что пришла, наверное, пора отказаться от некоторых, хотя бы самых заскорузлых, штампов, и попытаться трезво, без эмоций, разобраться, что это все-таки были за страшные «псы-рыцари», «не похожие на людей».

3. Был ли Тевтонский орден «форпостом германской экспансии»?

После взятия мусульманами (или, как говорили еще не так давно, магометанами) христианского порта-крепости Аккон (Сен-Жан д'Акр) в 1291 г., сделавшего невозможным дальнейшее пребывание руководства Тевтонского ордена Приснодевы Марии в Святой земле, ему пришлось перенести свою резиденцию сперва на остров Кипр, затем в Венецию, в Венгрию — точнее, Трансильванию, или Се (д) миградье — и, наконец, в языческую Пруссию (Боруссию или Прутению), куда переместился основной центр могущества ордена и орденских владений. Будучи основан в конце XII в. в Святой Земле и со временем распространив свою деятельность на Трансильванию, Пруссию и Ливонию, Тевтонский орден сражался там против язычников (половцев, пруссов, куршей, леттов, ливов и эстов), начиная с 1231 г. Именно на этих территориях, именовавшихся, подобно русской земле, Уделом Пресвятой Богородицы (Терра Мариана) ему удалось, в отличие от Палестины, Сирии, Киликии и Греции, закрепиться «всерьез и надолго».

Начиная с 1309 г., замок, а затем — город Мариенбург (что по-немецки означает: «град Пресвятой Девы Марии»), по-польски — «Мальборг» или «Мальборк» (что — увы! — ровным счетом ничего не означает ни по-польски, ни на каком другом языке) стал резиденцией Верховного магистра одноименного ордена и центром комплекса владений, который получил у историков название «Немецкого орденского государства», хотя он не являлся, как мы увидим, ни «немецким», ни «государством» в современном понятии этого слова. Это расположенное — главным образом — в Пруссии и Ливонии, то есть з а п р е д е л а м и тогдашней «Германии» (упоминавшейся нами выше «Священной Римской империи германской нации», именовавшейся в описываемое время чаще всего просто «Римской империей») и потому фактически абсолютно независимое от тогдашнего (во многом чисто номинального) «главы» этой «империи» (который даже и на «своих», то есть — пусть даже чисто

формально! — входивших своими владениями в империю германских князей не имел почти никакого влияния, будучи лишь «первым среди равных» и даже не имея в «Германии» постоянной столицы — столицей считался далекий Рим!) орденское государство, несмотря на свои своеобразные структуры и на то обстоятельство, что первоначальная задача ордена Девы Марии заключалась исключительно в уходе за больными, борьбе с язычниками и военной защите христианских миссионеров, с течением времени превратилось — в Восточной Европе — в феодальное государство, по сути дела мало отличавшееся от соседних, и втянутое в типичные межгосударственные конфликты, связанные с взаимной экспансией всех этих конкурировавших между собой на международной арене государств.

Именно в этих конфликтах, в особенности с Польшей и Литвой, (но уж никак не с Древней Русью!) и заключалась одна из важнейших (хотя и далеко не единственная!) причина позднейшей гибели этого прусско-ливонского государства тевтонских рыцарей, силы которого были подорваны пришедшей из Германии антикатолической Реформацией, окончательно прекратившего свое существование в 1525 г., после того, как Тевтонский орден еще в 1466 г. был вынужден уступить Польскому королевству свои наиболее богатые владения в Пруссии. В 1525 г. произошла секуляризация остатков прусского орденского государства — его последний глава, Верховный магистр (Гохмейстер) Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из рода Гогенцоллернов, тайно приняв лютеранство, объявил себя герцогом Прусским, присягнул на верность своему родному дяде — польскому королю — и получил от него прусские земли Тевтонского ордена в качестве лена. Это принесение присяги сопровождалось кощунственной с точки зрения любого нормального христианина церемонией — сам Альбрехт и сопровождавшие его орденские рыцари широким жестом сорвали со своих белых плащей черные кресты и швырнули их наземь. Но, видимо, все собравшиеся, включая короля и магистра, уже настолько прониклись великими гуманистическими идеями «титанов Возрождения», что не нашли в этом всенародном поругании Святого Креста ничего предосудительного! Именно так — откровенно воровским образом! — появилось первое в континентальной Европе протестантское государство.

Дошедший до нас прижизненный портрет Гохмейстера Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, кстати, наглядно демонстрирует нам, насколько размытыми в сознании этого узурпатора и типичного человека эпохи Ренессанса были заложенные в пору развитого Средневековья христианско-рыцарские основы, на которых зиждился возглавляемый им — в силу роковой исторической случайности! — древний орден. Магистр Альбрехт изображен на портрете в белом плаще с черным крестом, то есть в орденском облачении рыцаря-«тевтона», но... со светским бранденбургским орденом рыцарей Лебедя (нем.: Ritter des Schwanenordens) на шее — вещь, совершенно невозможная в классическую средневековую эпоху, когда ор-

ден воспринимался не в качестве награды, которую можно было получить, а в качестве организации, в которую можно было вступить и в ней состоять.

В начальный, «классический» период существования духовно-рыцарских орденов рыцарь (как и всякий иной член ордена — священник, сержант-«сариант», «полубрат», «фамилиар» — обо всех этих орденских «сословиях» мы еще подробнее расскажем далее) мог принадлежать только к одному ордену, вступление одновременно и в какой-либо иной орден было просто немыслимо (как военная служба одновременно в армиях двух разных государств). Даже переходы из одного ордена в другой были чрезвычайно редким явлением. Но, как видно, ко времени, когда Гохмейстер Альбрехт совершил в Пруссии государственный переворот, совсем другие идеи завладели умами. Впрочем, своеобразным напоминанием о «монашески-рыцарском» прошлом новоявленного светского герцога Прусского служило золотое изображение Пресвятой Богородицы (покровительницы Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии) с Богомладенцем Иисусом на руках, служившее верхней частью подвешенного к орденской цепи медальона (нижнюю часть образовывало изображение Лебедя).

Уцелевшие в своих анклавах на территории Германии тевтонские рыцари долго протестовали против этого грабежа среди бела дня и убедили императора Карла I Габсбурга, защитника римско-католической веры, хотя и большого недруга папы, поставить Альбрехта Гогенцоллерна вне закона. Однако по всей «Священной Римской империи германской нации» бушевали религиозные войны, и в ней не нашлось силы, способной заставить узурпатора вернуть Тевтонскому ордену незаконно отторгнутые у него владения. Орден Девы Марии официально так и не смирился с потерей Пруссии. Более того, когда руководство им позднее перешло в руки принцев из католической австрийской династии Габсбургов, австрийские императоры (являвшиеся одновременно императорами «Священной Римской империи») долго не признавали за потомками Альбрехта фон Гогенцоллерна право именоваться «королями Пруссии» (нем.: Koenige von Preussen), упорно именуя их лишь «королями в Пруссии» (нем.: Koenige in Preussen).

В 1561 г. Тевтонский орден потерял и свои земли в Ливонии, первоначально завоеванные в ходе Ливонской войны победоносными войсками благоверного Православного Государя Иоанна Васильевичем Грозного, а затем отвоеванные у Московского государства и разделенные между собой Швецией, Данией и Польско-Литовским государством — «Речью (правильнее: Жечью) Посполитой». Отдавшийся под их защиту последний геермейстер — наместник Верховного магистра Тевтонского ордена в Ливонии — Готтгард фон Кеттлер (Кеттелер, Кетлер) — сохранил за собой часть бывших орденских владений в Курляндии и Семигалии (Земгалии), превратив их в свое собственное светское Курляндское герцогство. Но об этом позже. Будем излагать события по порядку.

4. Акконская странноприимница

При римско-германском императоре Генрихе VI Гогенштауфене «Священной» римско-германской империи удалось подчинить себе, после Англии, остров Кипр, в знак чего император Генрих прислал Амори (Амальрику) де Лузиньяну, титулярному королю Иерусалимскому, скипетр, с которым последний короновался королем Кипрским в Никосии в 1197 г. Фактически и юридически это означало подчинение не только Кипра, но и Иерусалимского королевства «Священной Римской империи германской нации», в вассальной зависимости от которой находилась и Армения (Киликия). Но немецкое влияние стало возрастать и в самой Святой Земле. Последнее было связано с основанием и деятельностью там Тевтонского ордена.

В истории возникновении Тевтонского ордена можно усмотреть немало параллелей с историей возникновения иерусалимского ордена госпитальеров Святого Иоанна (госпиталариев, странноприимцев, гостеприимцев или иоаннитов), который тогда нередко называли просто «Госпиталем», нем.: Шпиталь, Spital (этот иерусалимский госпитальерский, или странноприимный, орден Святого Иоанна не следует путать с другим, возникшим позднее, Акконским, или Акрским, госпитальерским орденом Святого Иоанна и Святого Фомы). Еще в правление умершего в 1118 г. короля Иерусалимского Бодуэна (Балдуина) I («царя Балдвина» или «царя Балдвинова» древнерусских летописей и «Хожения в Святую Землю» игумена Даниила) некий «проживавший в Святом граде тевтон (немец) основал странноприимный дом для немецких паломников, вскоре достигший, благодаря многочисленным пожертвованиям, значительного благосостояния». Однако этот Тевтонский (Немецкий) странноприимный дом не был самостоятельным, а считался филиалом иоаннитского Госпиталя, отличаясь от него лишь тем, что функции странноприимцев в нем выполняли только услужающие братья из Германии. Их попытка добиться независимости своего госпиталя от иоаннитов, не была одобрена папой римским Целестином II (1143–1144), специальным указом признавшим спра-

ведливым подчинение Немецкого дома Магистру Госпиталя иоаннитов и даровавшим иоаннитскому магистру право назначать приоров немецких странноприимцев. Конец существованию Тевтонского странноприимного дома в Иерусалиме положила катастрофа 1187 г. — разгром армии Иерусалимского королевства и взятие Святого Града Иерусалима султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) из династии Эйюбидов.

Епископ Акконский Иаков (Жак) де Витри (1216–1224) в своей «Иерусалимской истории» (Historia Hierosolimitana) писал о возникновении Тевтонского ордена следующее:

«Когда Святой Град начал вновь заселяться после его освобождения христианами, то многие тевтоны (немцы — В.А.), или аллеманы, стали, в качестве паломников, прибывать в Иерусалим, но не могли объясняться с жителями города на своем языке. И тогда Божественное милосердие побудило некоего достопочтенного, благочестивого тевтона (немца — В.А.), проживавшего в этом городе со своей супругой, на собственные средства основать странноприимный дом (госпиталь — В.А.) для размещения в нем бедных и больных тевтонов. И когда туда, привлеченные звуками родного языка, стали стекаться его многочисленные бедные и больные единоплеменники, он, по воле и с согласия Патриарха, наряду с вышеупомянутым странноприимным домом, основал и ораторий (молитвенный дом — В.А.) во славу Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Долгое время нес он безропотно бремя тягот содержания бедных больных, частью на собственные средства, частью за счет доброхотных даяний благочестивых верующих.

Иные, в особенности из числа народа тевтонов (немцев), отрекшиеся от мира и всего, что в мире, привлеченные любовью и рвением сего мужа, отдали все свое имущество и самих себя вышеупомянутому госпиталю, сложили с себя мирское платье и всецело посвятили себя служению больным. Когда же, с течением времени, наряду с благочестивыми мужами низкого звания, обет служения в вышеупомянутом госпитале начали приносить и мужи рыцарского и благородного звания, они сочли приятным в очах Господа, достойным и еще более заслуженным делом не только служить больным и убогим, но и каждодневно жертвовать своей жизнью во имя Христа и, защищая Святую Землю, вести за Христа не только духовную, но и телесную брань. И потому они, не отказываясь от вышеупомянутого, угодного в очах Господа ухода за больными, приняли правила и законы Храма (то есть ордена тамплиеров — В.А.), но, в отличие от храмовников, прикрепили на свои белые плащи черные кресты. И, поскольку они по сей день пребывают в бедности и благочестивом рвении, то да удержит их милосердный Господь в дали от раздувающего гордыню, вызывающего ссоры, умножающего заботы и умаляющего рвение богатства».

В действительности Тевтонский орден, полное название которого приводилось в разных источниках по-разному: «орден рыцарей госпиталя Святой Марии Немецкого Дома», «орден рыцарей госпиталя немцев в Иерусалиме», или «орден братьев Немецкого госпиталя Пресвятой Девы Марии в Иерусалиме», третий по времени основания, известности и могуществу духовно-рыцарский римско-католический орден, был учрежден во время осады портового города Аккона (библейского Аккарона, носившего в разные периоды своей многовековой истории и другие названия — Екрон, Акко, Акка, Птолемаида, Акра, Сен-Жан д'Акр) в Святой Земле в 1190 г., в период Третьего Крестового похода. Его основателями были крестоносцы (в широком значении этого слова — не воины, взявшие крест, дабы разить неверных копьем и мечом на поле брани, а принявшие участие в Крестовом походе благочестивые купцы) из северогерманских ганзейских городов, в том числе из Бремена и Любека, избравшие своим главой некоего Сибранда (Сигибранда, Зибранда, Зигибранта или Зигебранда), о котором, впрочем, не известно ничего, кроме имени. Иные историки даже полагают, что этот Сибранд был вовсе не первым главой исторического Тевтонского ордена, основанного под стенами Аккона, а ректором (или, выражаясь церковным языком, предстоятелем) немецкого странноприимного братства, учрежденного под патронажем ордена госпитальеров Святого Иоанна в Иерусалиме и прекратившего свое существование после захвата Святого града султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) в 1187 г.

Между этим «зародышем» позднейшего духовно-рыцарского Тевтонского ордена и этим позднейшим орденом, по мнению многих исследователей, не существовало никакого преемства. Впрочем, историки самого Тевтонского военно-монашеского ордена всегда утверждали обратное (отрицая в то же время утверждения историков ордена святого Иоанна о зависимости иерусалимской тевтонской странноприимницы от тамошнего иоаннитского госпиталя). Как бы то ни было, исторический Тевтонский орден (орден рыцарей черного креста Девы Марии), основанный (или восстановленный в 1190 г. под стенами Аккона), первоначально также представлял собой братство гостеприимцев, или странноприимцев (наподобие Иерусалимского братства госпитальеров-иоаннитов) и содержал госпиталь, размещавшийся первоначально на борту вытащенного на берег корабля, а затем — в нескольких парусиновых палатках для больных и раненых, раскинутых под открытым небом.

После освобождения города крестоносцами от власти сарацин, «тевтонские» госпитальеры получили в свое распоряжение каменный странноприимный дом — нечто вроде гостиницы или постоялого двора, где нуждавшиеся в помощи всякого рода крестоносцы и просто паломники получали бесплатно пищу, кров и первую медицинскую помощь. Подобно

названиям других сходных благочестивых объединений той эпохи, название братства странноприимцев-«тевтонов» — как только их не называли в последующие времена: «немецкие господа», «господа Немецкого дома», «круциферы», «круцисигнати», «кавалеры Святой Марии», «марианиты», «марианцы», «мариане» (просьба не путать с другими «марианами» — членами польского чисто монашеского ордена под названием «Конгрегация Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии»), или просто «крестоносцы»!, следовавших первоначально уставу ордена Святого Иоанна (что может быть, при желании, расценено как косвенное свидетельство в пользу их первоначальной зависимости от Иерусалимского госпиталя иоаннитов), указывало на их неразрывную связь со Святым Градом Иерусалимом, как идейным центром всех крестоносцев.

Избрав небесной покровительницей своего благочестивого братства Пресвятую Богородицу и Приснодеву Марию, они, хотя и основали свой первый госпиталь не в Святом Граде, а в пригороде Аккона — морских ворот Палестины и главнейшего оплота воинов Христовых в Святой Земле, тем не менее, назвали его «Немецкий (Тевтонский) странноприимный дом Пресвятой Девы Марии, что в Иерусалиме», дав аналогичное название и самому своему госпитальерскому братству. Жили они в большой бедности, питаясь «хлебом смирения и водой сердечного сокрушения», «об одежде и пище пеклись лишь настолько, насколько это было жизненно необходимо». Избрав истинную нищету, они отказались от собственных желаний; и так во имя Христа они связали жизнь свою с разными бесчисленными неудобствами, опасностями, заботами, тревогами». По словам брата Петра из Дусбурга (вероятно, современного немецкого города Дуйсбурга), летописца Тевтонского ордена: «...из холщовых мешков, в которых по морю перевозилась для них мука, делали они холщовые одежды, в которые с радостью одевались». Перед возвращением из Палестины на родину купцы-основатели тевтонского странноприимного братства поручили свой госпиталь заботам двух спутников знатного германского крестоносца герцога Фридриха Швабского, сына римско-германского императора, — его капеллану (священнику) Конраду и камерарию (камергеру, то есть ключнику) Буркхарду.

Сам герцог Фридрих Швабский взял новое благочестивое братство (к которому стало постепенно примыкать все больше воинов, в том числе и рыцарей, для охраны немецких странноприимцев от набегов сарацин — этим собирательным названием, происходившим от названия одного из арабских племен, крестоносцы обозначали всех мусульман, как арабоязычных, так и тюркоязычных) под свое покровительство и наилучшим образом рекомендовал его своему брату, императору Генриху VI. Благодаря его стараниям (хотя и через несколько недель после его смерти — согласно завещанию герцога Фридриха он был похоронен в церкви тевтон-

ского странноприимного дома) братство было официально признано папой римским Климентом III, а его признание, в свою очередь, подтверждено 21 декабря 1196 г. папой Целестином III. Но уже по прошествии всего восьми лет со дня основания, в 1198 г., это немецкое странноприимное братство было — по примеру других орденов крестоносцев, например, тех же иоаннитов, с согласия двух старших рыцарских орденов — храмовников-тамплиеров (темплариев) и иоаннитов-госпитальеров (госпиталариев) — преобразовано в рыцарский союз и в качестве такового официально признано папой Иннокентием III буллой от 19 февраля 1199 г. Папа (а точнее говоря — антипапа, возведенный на римский престол волей германо-римского императора) Григорий III (1191–1198) в 1196 г. даровал новому сообществу обычные привилегии, предоставляемые всем орденам. Превращение братства в рыцарский орден произошло весной 1198 г. на собрании в Акконском «орденском доме» тамплиеров. Одиннадцать епископов и девять светских германских имперских князей, пребывавших в Акконе в связи с Крестовым походом императора Генриха VI, встретились там с Великими магистрами тамплиеров и иоаннитов. Согласно их решению, Тевтонский орден должен был отныне руководствоваться, в отношении клириков (священников), рыцарей и прочей братии Уставом (Правилами) тамплиеров, а в отношении ухода за бедными и больными — Уставом (Правилами) иоаннитов.

Магистром «тевтонов» был избран (или назначен) «брат-рыцарь» Немецкого ордена, Генрих Вальпот (или Вальпото). Правда, в официальной орденской историографии основателем Тевтонского дома по традиции считается упомянутый нами выше Зибранд (Сибранд, Сигибранд или Зигибранд), о котором, в сущности, не известно ничего, кроме имени. Некоторые историографы идентифицируют таинственного Зибранда с иерусалимским «благочестивым тевтоном», упоминаемым Иаковом де Витри. Последнее представляется неосновательным, тем более, что не существует никакой уверенности в наличие прямой преемственности между Тевтонским странноприимным домом в Иерусалиме, скорее всего, навсегда прекратившим свое существование и деятельность после захвата города сарацинами после битвы при Хиттине в 1187 г., и Тевтонским орденом, учрежденным в Акконе в 1198 г. (хотя летописцы последнего по сей день пытаются создать впечатление, будто такая преемственность существует!).

Именно поэтому иные историки ведут отсчет истории Тевтонского ордена не с 1190, а с 1198 или с 1199 г. Наряду с тремя монашескими обетами нестяжания (бедности), целомудрия (безбрачия) и послушания, новый орден, включил в свой первоначальный («иоаннитский») устав «тамплиерский» обет неустанно ратоборствовать за обращение язычников в Христову веру, и получил в качестве облачения (habitus) для «братьев-рыцарей» тамплиерский белый (а не синий, как почему-то решили Виктор Богаты-

рев, Михаил Пензиев и Игорь Дьячук — авторы увидевшей свет в 2010 г. в Санкт-Петербурге книги «Военно-духовные ордена»!) плащ (вскоре послуживший пищей для раздоров с храмовниками), но с черным крестом (вместо тамплиерского красного креста) на левом плече (а если быть точнее, то — напротив сердца).

Папы римские обосновали свое решение тем, что различие нашитых на общих для обоих орденов белых плащах эмблем (красного креста у тамплиеров и черного креста у «тевтонов») не позволяет путать ордены друг с другом. Вероятно, первоначально рыцари-монахи обоих орденов носили белые плащи без каких бы то ни было эмблем. Косвенным свидетельством этого является следующий подтвержденный сохранившимися иллюстрациями факт: знамя Тевтонского ордена первоначально представляло собой простое белое полотнище без каких бы то ни было изображений — в знак чистоты помыслов и целомудрия членов ордена.

Конфигурация «тевтонского» креста на протяжении многовековой истории Немецкого ордена неоднократно видоизменялась, пока не приняла характерную «лапчатую» форму с расширяющимися концами, опять-таки подобно кресту храмовников-тамплиеров. Эти расширения, дарованные папой тамплиерам, отличившимся при взятии сарацинской крепости Аскалона, на концы их орденского креста, символизировали «иерихонские трубы» (в знак того, что перед доблестью Христовых рыцарей не устояли стены Аскалона, как не устояли стены ветхозаветного Иерихона при звуках труб воинства библейского пророка и одного из «семи мужей славы» Иисуса Навина).

К 1220 г. Тевтонский орден уже имел двенадцать комтурств (комтурий, командорств) в Палестине, Греции, на юге Италии и в Германии (первое «тевтонское» комтурство на немецкой земле было учреждено в городе Галле). Однако в самой Святой Земле все наиболее важные крепости и земли уже находились в руках учрежденных прежде орденов тамплиеров-храмовников и госпитальеров-иоаннитов. Поэтому Тевтонский орден оставался сравнительно бедным и небольшим.

Первоначально орден Пресвятой Девы Марии Тевтонской сконцентрировал свои основные силы в княжестве Антиохийском и графстве Триполийском. Однако после гибели большинства «братьев-рыцарей» и самого Верховного магистра от рук сарацинов в ходе военной кампании 1216 г. штаб-квартира «тевтонов» была перенесена в крепость Монфор (Штаркенберг), а затем — в Аккон. Принадлежавшая Тевтонскому ордену Немецкая (Аллеманская) башня (лат.: Туррис Аламанорум, Turris Alamanorum) считалась самым мощным оборонительным сооружением Аккона, превосходя в фортификационном отношении даже тамошний укрепленный «Храм» тамплиеров (по их собственному признанию и к их величайшей досаде). Орден Пресвятой Девы Марии участвовал во всех крупных военных

операциях крестоносцев XIII в. Однако «тевтонам» так и не удалось стать влиятельной военно-политической силой в Святой Земле (что, впрочем, уберегло их от участия в тамошних политических интригах, повлекших за собой катастрофические последствия).

Четвертый по счету Верховный магистр (Гохмейстер) Тевтонского ордена, брат Герман фон Зальца, сыграл решающую роль в его развитии. Он был доверенным лицом, советником и другом римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, буквально осыпавшего его самого и находившийся под его руководством орден всяческими милостями и привилегиями. Герман фон Зальца неустанно расширял орденские владения. Получив в Акконе, ставшем, после утраты Иерусалима, столицей Иерусалимского королевства, в свое распоряжение башню близ ворот святого Иакова, Герман фон Зальца превратил её в центральную резиденцию Тевтонского ордена. Чуть позднее он построил на территории земельного участка, купленного в 1219 г. для Тевтонского ордена герцогом Австрийским Леопольдом VI, орденский дом (конвент), госпиталь и храм.

Правда, папа римский Григорий IX (1227–1241 гг.), вступивший в конфликт с императором Фридрихом II, в 1229 г. повелел Патриарху Иерусалимскому, в соответствии с указом папы Целестина II, восстановить контроль ордена святого Иоанна Иерусалимского над Тевтонским орденом, но ни это, ни повторное повеление того же папы в 1241 г. не привело к подчинению «тевтонов» иоаннитам. Жребий был уже, как говорится, брошен. Тевтонский орден остался самостоятельной организацией. Не избежал он также трений с «бедными соратниками Христа и Храма Соломонова». Тамплиеры оспаривали право тевтонских рыцарей носить белые плащи, считая это исключительной привилегией «рыцарей Храма». Лишь после вмешательства римских пап Гонория III (1216–1227) в 1220 г. и Григория IX в 1230 г. тамплиеры окончательно смирились и прекратили вступать в конфликты с тевтонскими рыцарями.

Подобно членству в духовно-рыцарских орденах Испании и Португалии, членство в Тевтонском ордене ограничивалось (в большинстве случаев) пределами одной нации (хотя первоначально он нередко принимал в свои ряды французских рыцарей). Однако со временем орден Приснодевы Марии сумел вовлечь в свою орбиту множество стран и народов и осуществлять во многих странах творческую миссию распространения германской культуры.

5. Об Уставе Тевтонского ордена

Устав Тевтонского ордена был, скорее всего, окончательно сформулирован в первой половине XIII в. (старейший из его сохранившихся манускриптов датируется 1264 г.Он в значительной степени базировался на Уставах Орденов странноприимцев-иоаннитов и тамплиеров-храмовников, с необходимыми изменениями и дополнениями. Термином «Устав» («Статуты») мы ныне обозначаем комплекс уставных правил, которым должны были следовать братья Тевтонского ордена. Сами же они обычно именовали свой Устав «Орденской книгой», или «Книгой Ордена» (Орденсбух).

«Орденская книга» содержала полный список Правил (Regule, Регуле), законов (Gesetze, Гезетце) и Обычаев (Gewohnheiten, Гевонхайтен) Тевтонского Ордена. Список был разделен на три части, каждая из которых озаглавлена, в соответствии со средневековой традицией: «Hie hebent sich an die capitula vn (d) das registrum der regule der brudere des duetschen ordens des spitales sante marien»=«Здесь начинаются главы и реестр правил братьев Немецкого (Тевтонского) Ордена странноприимного Дома святой Марии» (заголовок раздела «Правила») ; «Hie hebet sich an das registrum der gesetze»=«Здесь начинается реестр законов... (заголовок раздела «Законы») ; «Hie hebent sich an das registrum von den gewonheiten»=«Здесь начинается реестр обычаев» (заголовок раздела «Обычаи»).

Изначально «Орденская книга» включала тридцать девять правил, семьдесят законов и шестьдесят четыре обычая. Она регулировала все аспекты жизни тевтонских рыцарей в мирное и военное время, определяя, в качестве основных принципов целомудрие, послушание и нестяжание, и описывая основные правила основания странноприимных домов, заботы о больных и стариках, порядок молитв и богослужений, приема пищи и постов, молчания, особыми правилами оговаривается, когда и где «братьям» ордена надлежит спать, каким образом допускать до хозяйственных работ женщин и т.д. Большое внимание уделяется внешнему виду, одежде и вооруже-

нию «братьев», правилам общежития, уважительному отношению к магистру и т.д.

Текст на последней странице начинался с орденского календаря, включающего все христианские церковные праздники, дни памяти святых и мучеников, вигилии (ночные молитвы) и коленопреклоненные молитвы.

Языком оригинала Устава Тевтонского ордена, вероятнее всего, был латинский (поскольку Устав должен был получить одобрение папы римского), однако большинство списков с оригинального устава представляют собой перевод с латыни на немецкий, поскольку большинство «братьев» ордена Девы Марии латынью не владело. Сохранившиеся рукописные немецкоязычные варианты «Орденской книги» написаны на различных диалектах (единый немецкий литературный язык ко времени написания переводов с исконного латинского текста Устава еще не сложился), поскольку каждая комтурия (комтурство, командорство) должна было иметь свою копию «Орденской книги». Сами тевтонские рыцари рассматривали Устав в том виде, в каком он был зафиксирован в рукописи 1264 г., как вечный и неизменный. Поэтому все новые правила и законы, принятые при последующих Верховных магистрах, никогда не включались в текст самого Устава, а лишь присовокуплялись к нему в виде приложений или дополнений. Естественно, по мере увеличения числа рукописных копий, в них стало вкрадываться все больше различий и неточностей, (связанных не только с языковыми и диалектальными различиями, но и с небрежностью переписчиков-копиистов), не говоря уже о связанных с местными особенностями дополнениях. Поэтому в 1442 г. Капитул Тевтонского ордена принял решение о проведении генеральной ревизии «Орденской книги» и об изготовлении, на основе подвергнутого ревизии текста, трех «образцовых» копий, предназначенных к хранению: одна — в Мариенбурге (резиденции Верховного магистра), другая — в Горнэке (тогдашней резиденции дейчмейстера — магистра орденских владений. расположенных на территории Германии), третья — в Риге (резиденции ливонского ландмейстера, или провинциального магистра, Тевтонского ордена). Все последующие копии дозволялось делать только с одной из этих трех образцовых копий. Так в 1442 г. немецкая версия была официально объявлена единственной имеющей силу версией Устава тевтонских рыцарей.

Рукописных вариантов Устава Тевтонского ордена до нашего времени дошло очень немного. В 1890 г. немецкий исследователь Макс Перльбах насчитал тридцать четыре манускрипта, датируемых XIII–XV вв., из них двадцать четыре были написаны на немецком, пять — на латинском, четыре — на голландском и один — на французском языке. Самым древним из них был датируемый 1264 г. манускрипт, написанный на сред-

неверхненемецком языке и хранившийся в Берлине. Все эти рукописи хранились в Германии или Австрии. В результате Второй Мировой войны это число уменьшилось на восемь манускриптов (шесть из которых хранились в Кенигсберге, а два — в Берлине; оба города, как известно, сильно пострадали в ходе боев за них между германскими и советскими войсками). Еще один манускрипт Устава Тевтонского ордена, написанный немецким курсивом и датируемый XV в., после Второй Мировой войны оказался в отделе редких книг библиотеки Пенсильванского университета (США).

6. Царство, разделившееся в себе, может ли устоять?

Заимствования из тамплиерского устава, добавленные к первоначальным иоаннитским статутам, а в особенности — заимствование белого плаща с крестом «тамплиерской» формы постоянно приводили Тевтонский орден к конфликтам с храмовниками. История этих постоянных конфликтов между двумя военно-монашескими орденами, принимавших нередко весьма кровопролитные формы, полностью опровергает абсурдные бредни об их идентичности (к примеру, в популярном историческом романе А. К. Югова «Ратоборцы» при описании рыцарского войска венгерского короля Белы, наступающего на рать князя Даниила Галицкого подчеркивается: «Развевались на ветру огромные белые мантии тевтонов-храмовников») или о тевтонских рыцарях как о некоем «орудии» тамплиеров. В действительности храмовники всеми силами сопротивлялись любым нововведениям своих новоиспеченных соперников. Да это и понятно.

Ведь если рыцари разных орденов оказывались трудно отличимыми друг от друга в сражениях из-за сходства их «униформы», то не исключен был вариант, что, скажем, «тевтоны» (чей черный крест на белом плаще в схватке вполне мог сойти за темно-красный тамплиерский крест сходной формы) теоретически могли приписать себе славу и успех тамплиеров и соответственно претендовать на большую долю военной добычи, чем они того заслуживали. К тому же сохранилось немало изображений тамплиеров с крестами не «уставного» красного, а «тевтонского» черного цвета на облачении, вооружении и прапорах. Не случайно даже такой знаток Средневековья, как любимый всеми нами сэр Вальтер Скотт в своем романе «Айвенго», при описании пира у благородного сакса Седрика Ротервудского с участием командора (или, как сказали бы «мариане» — комтура) ордена Храма Бриана де Буагильбера, облачил последнего в белую мантию, украшенную крестом его ордена, вырезанным из черного (а не красного, как следовало бы по Уставу тамплиеров) бархата (кстати, запрещенного,

наряду с другими дорогими тканями, к употреблению храмовниками их орденским Уставом). Впрочем, несколькими страницами ранее уважаемый автор нарядил того же самого свирепого храмовника в красный плащ с белым суконным крестом на плече, как госпитальера-иоаннита. Но это так, к слову...

Тамплиеры не раз жаловались папе римскому на немецких рыцарей за то, что те переняли не только храмовнический устав, но и белый плащ «бедных рыцарей Христа и Соломонова Храма». Папа римский Иннокентий III, их известный покровитель и друг тамплиеров, даже запретил «тевтонам» на какое-то время ношение белого «тамплиерского» плаща, но, впрочем, оставил окончательное решение за «латинским» (римско-католическим) Патриархом Иерусалимским. Патриарх попытался осуществить своего рода компромисс — он дозволил «тевтонам» сохранить белый цвет их плаща, но повелел им шить плащи не из льняной, как у тамплиеров, а из любой другой ткани. Однако храмовники еще долго не могли примириться с нисколько не удовлетворившим их решением римского понтифика.

Десятилетия спустя очередному римскому понтифику — папе Григорию IX — не раз приходилось призывать тамплиеров не придираться к «тевтонам» из-за копирования теми их орденского одеяния. В итоге храмовникам так не удалось добиться своего. Рыцари Немецкого ордена сохранили за собой право носить белый плащ с черным крестом — так называемый «господский плащ» («герренмантель», нем.: Herrenmantel). Его и по сей день носят священники (клирики) и «почетные рыцари» («рыцари чести», «эренриттеры», Ehrenritter) современного Тевтонского ордена. Однако постоянные конфликты между тевтонскими рыцарями и храмовниками возникали не только из-за сходства в облачениях, но и в области большой политики.

В палестинский период истории своего ордена «немецкие господа» в борьбе между папами и кесарями «Священной Римской империи» поддерживали императоров из дома Гогенштауфенов, а тамплиеры — папских сторонников, «гвельфов». Когда анафематствованный папой римским император Фридрих II прибыл в Палестину, Верховный магистр «тевтонов» брат Герман фон Зальца стал его главным советником, а «Немецкий орден» — его главной опорой (на этом эпизоде истории Крестовых походов мы подробнее остановимся ниже). Храмовники же избегали отлученного от церкви императора и строили против него всяческие козни. В результате Фридрих II после возвращения Иерусалима христианам отказался вернуть тамплиерам замок их Великого магистра, что привело храмовников в еще большую ярость. После поражения Гогенштауфенов в Италии тамплиеры воспользовались этим поводом для реванша. Начиная с 1241 г., они развязали против «немецких господ» форменную войну. «Тевтоны» эту войну проиграли и лишились почти всех своих владений в Святой земле. Вражда между обоими духовно-рыцарскими орденами,

тянувшаяся через всю историю христианских владений в Святой Земле, имела поистине роковые последствия для развития событий в Палестине, тем более что и с орденом иоаннитов у храмовников сложились далеко не братские отношения, крайне обострившиеся с момента, когда эти ордены благодаря полученным привилегиям достигли власти и богатства. В ходе многочисленных распрей ордены оказывались по разные стороны «баррикад», разделявших противоборствующие партии, вследствие чего по сути дела незначительные конфликты из-за поляризации орденов обострялись, ослабляя обороноспособность Иерусалимского королевства.

В 1179 г. папе римскому Александру III удалось добиться заключения мира между враждовавшими орденами, как если бы речь шла о примирении между двумя враждебными государствами. В 1242 г. храмовники осадили странноприимцев-госпитальеров в замке ордена святого Иоанна в Акконе и даже не позволили иоаннитам похоронить своих убитых. Через несколько лет тамплиеры снова напали на иоаннитов в Акконе, но были истреблены почти поголовно в схватках на улицах города. Надо думать, что иоанниты и тевтонские рыцари во время последующего процесса над тамплиерами во Франции (1307–1314) не видели особых причин брать под защиту своих бывших противников, сравнительно недавно силой оружия изгнавших их из замков и городов Палестины. Позднее мы еще коснемся этого вопроса несколько подробнее, пока же заметим только, что межорденские распри, несомненно, значительно ускорили конец Иерусалимского королевства «латинян».

Тем не менее, скажем, старший брат Гохмейстера Тевтонского ордена Лютера Брауншвейгского был рыцарем ордена тамплиеров, а средний — рыцарем ордена иоаннитов.

Папой римским Тевтонскому братству была дарована так называемая «экземция», вследствие чего оно было, в рамках церковной иерархии, выведено из какого бы то ни было подчинения местному епископату и Патриарху Иерусалимскому и подчинено непосредственно папскому престолу. Именно с этого момента оно превратилось в настоящий военно-монашеский орден. Это особое положение сохранилось и по сей день и имеет огромное значение для современной деятельности Тевтонского ордена.

Кстати, изо всех орденов, возникших в эпоху Крестовых походов и ни разу не прерывавших с тех пор своего существования, доныне сохранились только орден Святого Иоанна Иерусалимского и Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии. Подобное «долголетие», вероятнее всего, объясняется тем, что оба этих ордена возникли именно как странноприимные братства и лишь позднее, в силу суровой реальности существования на границе враждебного как «латинянам», так и «грекам» (православным) мира воинственного ислама, вынуждены были взять на себя и военные функции.

По мере отпадения необходимости в вооруженной борьбе с неверными, которую, кстати, необходимо рассматривать как актуальную и совершенно нормальную для того времени форму служения идее сохранения и распространения христианской веры и правильно понять которую можно лишь с учетом духа той далекой эпохи классического религиозного сознания, ни в коей мере не пытаясь давать оценку тогдашним событиям с точки зрения современности, оба ордена смогли быть реформированы, а по сути — вернуться к выполнению своих первоначальных задач, связанных с делами христианского милосердия и служения ближнему. Блаженный Жерар (Герард), первый предводитель («ректор») госпитальеров, был абсолютно прав, предсказав своему ордену долгую и славную будущность:

«Братство наше пребудет вечно, ибо почвой, на которой оно произрастает, являются страдания мира сего и, если будет на то воля Божия, всегда найдутся люди, работающие над тем, чтобы уменьшить эти страдания и облегчить их бремя своим ближним».

Это пророчество блаженного Жерара в отношении ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского полностью оправдалось и в отношении Тевтонского ордена Приснодевы Марии, история которого со всей очевидностью свидетельствует о том, что он всегда, с какими бы неблагоприятными обстоятельствами ему не приходилось сталкиваться, находил в себе силы для проведения внутренних реформ и тем самым — для дальнейшего поддержания своего существования.

7. Тевтонские рыцари и Крестовый поход Фридриха Гогенштауфена (1228–1229)

Наряду с кайзером (или, по-гречески, кайсаром) Фридрихом I Барбароссой, его внучатый племянник Фридрих II (1212–1250), основатель Неаполитанского университета (1224), был самым известным римско-германским императором из швабской династии Гогенштауфенов (Штауфенов), память о котором, расцвеченная многочисленными легендами, сохранилась в памяти потомков на протяжении многих веков. Он был достойным представителем своего дома, правившего «Священной Римской империей германской нации» в период с 1138 по 1254 гг. Римско-германские императоры из династии Штауфенов стремились к восстановлению между собой и римско-католической Церковью тех же отношений «симфонии» что существовали между императором (василевсом) и греко-кафолической Церковью в Восточной, православной Римской («Ромейской») империи (Византии). В борьбе с Гогенштауфенами римские папы, сплотив вокруг себя богатые средиземноморские города и поощряя ростовщичество (строго запрещенное христианам церковными канонами!), создали антиимперскую Лигу ломбардских городов (от ломбардских ростовщиков, между прочим, происходит слово «ломбард») и организовали восстание против Фридриха I Барбароссы (фактически — первую в истории буржуазную революцию, ведь слово «буржуа», или «бюргеры», означает ничто иное, как «горожане»).

Сказания о Фридрихе II Гогенштауфене веками жили среди потомков его итальянских и немецких подданных, не уступая в популярности легендам о короле Артуре и рыцарях святого Грааля. После ранней смерти отца Фридриха, его мать Констанция осталась единственной наследницей норманно-сицилийского королевства. Фридрих был воспитан под опекой римского папы вдали от Германии, в городе Палермо на Сицилии, где было все еще очень сильно влияние мусульман и Византии. Из всех средневековых правителей «Священной Римской империи германской нации» император Фридрих II Гогенштауфен был, пожалуй, самым

образованным. Он свободно говорил и писал (в том числе стихи и поэмы) на латинском, арабском, греческом и древнееврейском языках, мог объясняться по-французски, провансальски, итальянски и немецки, был автором трактата о соколиной охоте и обладал весьма обширными познаниями в области естественных наук.

Папский престол обвинял Фридриха, стремившегося включить в состав своей империи не только христианские, но и мусульманские народы, во враждебности христианству, колдовстве и чернокнижии. В действительности же этот государь, покровитель искусств и наук, стремился к восстановлению изначального канонического устроения христианской Церкви, возвращению ее к выборности епископов и соборному устройству и, хотя продолжал исповедовать римско-католическую догматику (в частности, введенное папами римскими на «латинском» Западе, под давлением Карла Великого, лжеучение об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына — пресловутое «филиокве»), все активнее стремился к диалогу с Восточной — греко-католической (а если быть точней, то греко-кафолической), или Православной — церковью.

Подобно жизни других императоров из дома Гогенштауфенов, вся жизнь Фридриха II была омрачена конфликтами с папским Римом. Еще во время своей коронации германским королем в Ахене в 1212 г. Фридрих дал обет принять участие в Крестовом походе. В период между 1219 и 1229 гг. обетованный поход в Святую Землю дважды откладывался им на более поздний срок. И все три раза срок выступления Фридриха в поход продлевался (анти) папой Гонорием III.

По Сан-Джерманскому договору 1225 г. Фридрих снова обязался выступить в Крестовый поход не позднее, чем через два года. Но это была уже последняя попытка. В случае нарушения данного обета императору грозило отлучение от Церкви. Когда Григорий IX в 1237 г. взошел на папский трон, он менее чем через месяц после своей интронизации призвал Фридриха выполнить, наконец, свое обещание. Хотя тысячи других крестоносцев, собравшиеся в августе того же года в южно-итальянском порту Брундизиуме (Бриндизи), не смогли переправиться морем в Святую Землю вследствие вспыхнувшей среди них эпидемии, император Фридрих, тем не менее, вышел в море. Однако в пути он также тяжело заболел и был вынужден снова сойти на берег в Отранто. Папа счел его болезнь притворством и по прошествии месяца отлучил Фридриха II (которого, за терпимость к магометанам, именовал не иначе, как «сицилийским султаном»), от Церкви (правда, не только за задержку с отправлением в Крестовый поход, но и за враждебность к основанной крестоносцами в завоеванном ими в 1204 г. отнятом у греков-византийцев Константинополе Латинской империи и за дружественные отношения с враждебным этой империи, правившим в Никее Иоанном Ватаци, объявившим себя наследником

православных византийских императоров-василевсов). Тем самым ему было запрещено участвовать (до снятия отлучения) в Крестовых походах.

Невзирая на папское отлучение, римско-германский император весной 1228 г. направил своего маршала в сопровождении пятисот рыцарей в Палестину. В конце июня за ними последовал сам император во главе трехсот рыцарей (каждого рыцаря, за исключением самых бедных, «однощитных», сопровождало — в зависимости от его благосостояния — некоторое число вооруженной и невооруженной челяди — оруженосцев, лучников, пеших ратников, конных или пеших слуг, пажей и т.д.). Незадолго до высадки в Акконе, Фридрих II получил известие, что папа повторно отлучил его от Церкви, ибо он отправился в Крестовый поход, не дожидаясь снятия с него предыдущего отлучения.

Один из самых выдающихся вассалов этого величайшего монарха из дома Гогенштауфенов — Томмазо (Фома) I ди Аквино, граф Ачерра, будучи императорским наместником в Сирии, фактически проложил Фридриху путь в Страну Обетованную, сопровождал императора в его первом походе в Германию, затем был послан особым уполномоченным на Сицилию, а позже вел от имени «сицилийского султана» переговоры с папой римским. Впоследствии Томмазо II из Аквино (Аквинат), другой наместник Фридриха (и его зять), погиб вместе с последним Гогенштауфеном — Конрадином — в борьбе с французами Карла Анжуйского за Сицилию. Любопытно, что ближайший родственник двух этих лангобардских сторонников императора («гибеллинов») — виднейший римско-католический богослов Томас (Фома) Аквинский, автор «Суммы богословия» (лат.: Summa Theologiae), неустанный проповедник идей древнегреческого «царя философов» Аристотеля, прозванный «ангелическим доктором», пошел явно «не в родню», поставив все свои силы и таланты на службу партии «гвельфов» — сторонников духовной и светской власти римских пап. Но это так, к слову...

Из-за небольшой численности имевшихся у Фридриха II войск его военное положение в Земле Обетованной представлялось чрезвычайно неблагоприятным. Две сарацинские армии, значительно превосходящих военные силы римско-германского императора по численности, стояли наготове для уничтожения его войска. Надежд на приход значительных подкреплений из Европы, ввиду папского отлучения, питать не приходилось. Но Фридрих Гогенштауфен проявил всегда присущие ему качества незаурядного дипломата. В своем письме султану Египта аль-Камилю «сицилийский султан» подчеркивал следующее:

«Мы переплыли море не с намерением завоевать Вашу страну, ибо в Нашем владении и без того находится больше земель, чем у какого-либо иного властителя в мире, а для того, чтобы, согласно договору, принять под Наше покровительство Святую Землю. Христиане не обеспокоят Вас, и Вам не придется проливать кровь Ваших подданных в войне против Нас».

Вся «франкская» (римско-католическая) знать Святой Земли была настроена против римско-германского императора. Ведь он находился под церковным отлучением, и никто не хотел иметь с ним дела — ни Патриарх Иерусалимский, ни кто-либо из духовенства, ни местные бароны, ни (не в последнюю очередь!) рыцарские ордены — за исключением Тевтонского. Тевтонский орден и его Верховный магистр Герман фон Зальца неизменно сохраняли Фридриху II верность.

Магистр «тевтонов» брат Герман оказывал императору немалые услуги не только на поле брани, но и в качестве советника и дипломата, в частности, выступая в качестве поистине незаменимого посредника в контактах между императором и римской курией (как глава военно-монашеского ордена католической церкви, он формально подчинялся непосредственно римскому папе). Когда договор с султаном Египта был, после длительных переговоров, наконец, подписан, Герман фон Зальца в письме папе римскому, с которым был связан не менее тесно, чем с римско-германским императором Фридрихом, подчеркивал:

«Пока шла усердная работа над договором, султан и Государь Император, непрерывно обмениваясь посланцами, вели переговоры о заключении мирного соглашения. При этом султан Каирский, в сопровождении своего брата и бесчисленного войска, расположился лагерем в Газе, на расстоянии одного дня пути от нас, в то время как султан Дамаска также во главе неисчислимого войска, стоял на расстоянии одного дня пути от нас под Сихемом. Когда же начались переговоры о возврате нам Святой Земли, Господь Иисус Христос в Своей неизреченной благости дал делу такой ход, что султан уступил Иерусалим с прилегающей округой Государю Императору и христианам; лишь монастырь под названием Храм Господа (резиденция ордена храмовников в иерусалимском «Храме Соломоновом», т.е. в стоящей на месте этого храма мечети Аль-Акса — В.А.) остался под охраной сарацинской стражи, поскольку сарацины давно уже молятся там; однако туда будут иметь свободный доступ как они, так и христиане, чтобы молиться там, каждый согласно своему закону. Кроме того, сарацины уступили нам урочище Святого Георгия и урочища по обе стороны дороги на Иерусалим, равно как и Вифлеем со всей округой и область между Акконом и Назаретом. И еще султан уступил нам крепость Тир со всем, что к ней относится, с урочищами и земельными владениями; город Сидон, со всей прилегающей к нему низменностью и всеми землями, принадлежавшими ранее, во времена мира, христианам. По договору христиане также получили право восстановить стены и оборонительные башни Иерусалима, а также крепости Яффу, Кесарию и наш новый замок Монфор (Штаркенберг, резиденцию Тевтонского ордена в Святой Земле — В.А.), строительство которого было начато нами в горах в текущем году. Нам представляется вероятным, что, если бы Император переплыл

море, будучи в согласии с Римской Церковью, это принесло бы еще большую пользу Святой Земле. Согласно мирному договору, заключенному, сроком на десять лет, между султаном и Императором, ему и его людям не дозволяется возводить новые крепости и иные постройки. Кроме того, обе стороны обменялись всеми пленными, оставшимися не обмененными при оставлении Дамьетты и взятыми в ходе недавних боев. Теперь Император намеревается совершить со всем своим народом восхождение в Иерусалим, чтобы, как ему советуют разные люди, носить там венец во славу Царя всех Царей и с должным рвением посвятить себя восстановлению града Иерусалима».

Договор был не только блестящим образцом дипломатического искусства, но и образцовым примером взаимной терпимости между двумя религиями, ибо признавал, что Иерусалим является для магометан такой же святыней, как и для христиан. Мусульмане почитали этот город местом, откуда их пророк Магомет вознесся на небо.

Так император Фридрих II Гогенштауфен при помощи Гохмейстера Тевтонского ордена Приснодевы Марии безо всякого кровопролития вернул все, что стоило христианству и жителям Палестины стольких крови и страданий. Но даже теперь никто из «латинян» не предложил папе римскому снять с императора церковное отлучение. Напротив, Патриарх Иерусалимский пригрозил, что отлучит от Церкви всякого жителя Святого Града, оказавшего какую-либо услугу императору в его стенах. Поэтому духовно-рыцарские ордены (кроме Тевтонского) и теперь не пожелали иметь ничего общего с отлученным от церкви императором. Впрочем, у них было для этого немало различных причин.

Во-первых, император Фридрих II был отлучен папой римским от Церкви; во-вторых, император не распространил действие своего договора с султаном на северные области Сирии и расположенные там город Триполи, иоаннитские крепости Крак де Шевалье и Маргат, тамплиерские крепости Шастель Блан и Тортозу, на Антиохию, а также на столь важные города Иерусалимского королевства, как Аскалон, Наблус, Тивериаду и не менее важные замки иоаннитов и тамплиеров, завоеванные султаном Египта и Сирии Саладином. Кроме того, тамплиеры были настроены против Фридриха II и заключенного последним с султаном договора еще и потому, что им не удалось заполучить обратно старинную резиденцию Великих магистров их ордена — Храмовый квартал в Иерусалиме с «Храмом Соломоновым».

17 марта 1229 г. Фридрих II Гогенштауфен, в сопровождении тевтонских рыцарей во главе с Верховным магистром ордена Приснодевы Марии братом Германом фон Зальца, совершил свой торжественный въезд в Святой Град, встреченный ликованием всех «латинян», прибывших вместе с ним. Вне себя от радости были, прежде всего, немцы. Император поселил-

ся в Доме (Госпитале) иоаннитов, чтобы на следующий день возложить на себя корону королей Иерусалима в Храме Живоносного Гроба Господня. Фридрих II обосновывал свои права на иерусалимскую корону женитьбой на Иоланде де Бриенн, юной дочери Иерусалимского короля-неудачника Жана де Бриенна, принесшей ему титул короля Иерусалимского в качестве «приданого». Правда, Иоланда умерла еще в 1228 г., после чего Иерусалимское королевство по наследству перешло к малолетнему сыну Иоланды и Фридриха, Конраду. Однако Фридрих Гогенштауфен объявил себя его опекуном и заявил о своем намерении править Иерусалимским королевством за своего сына до совершеннолетия последнего.

На церемонию коронации Фридрих II явился в сопровождении верных ему архиепископов Палермо и Капуи. Однако они не могли венчать его на царство, ибо, согласно чину Священного коронования, принятому в Святой Земле, церемонию коронации должен был провести лично Патриарх Иерусалимский или же его делегат. Между тем, Патриарх отклонил императорское приглашение. Поэтому вместо Патриарха мессу отслужил «брат-священник» Тевтонского ордена Приснодевы Марии. Император Фридрих сам взял в руки лежавшую на алтаре корону королей Иерусалимских и возложил ее на свою главу «в честь и во славу Предвечного Царя» (предвосхитив аналогичный поступок Наполеона I Бонапарта при короновании последнего императором французов).

При коронации Фридриха II королем Иерусалимским в 1229 г. рыцарям Тевтонского ордена была дарована почетная привилегия нести охрану Гроба Господня (дарованная ранее сепульхриерам, затем — госпитальерам-иоаннитам, а одно время — тамплиерам). Из-за своей безоговорочной поддержки своевольного императора из династии Штауфенов Тевтонский орден попал в сложную ситуацию. Впрочем, в 1230 г. папское отлучение с римско-германского императора было снято, а Патриарх Святого Града (пусть и задним числом) подтвердил его титул короля Иерусалимского.

Глубоко уязвленный враждебным отношением к нему иерусалимских знати и клира, Фридрих Гогенштауфен в скором времени опять отбыл в Аккон, а оттуда — через Кипр — в Италию, где наголову разгромил войска папских сторонников-гвельфов. В борьбе с противниками своей власти Фридрих действовал не менее безжалостно, чем его древнеримские предшественники. Всякое непокорство он воспринимал, как нарушение своих священных прав, и немедленно вводил в действие свою беспощадную сарацинскую гвардию. До нас дошел один из приказов, отданный императором Фридрихом II начальнику этой гвардии, направленной им против мятежного итальянского города Гаэты:

«Доверяя вашей искренней и стойкой верности, на которую Мы при всех обстоятельствах считаем возможным положиться, сочли Мы за благо поручить вам ведение войны против Гаэты и отмщение как городу, так

и его жителям, изменившим Нам. Повелеваем вам, под страхом лишения вас Нашего благоволения, подступив к городу, прежде всего незамедлительно и со всей непреклонностью уничтожить все виноградники и плодовые сады. После чего надлежит вам, в целях приведения всей области к покорности, днем и ночью неукоснительно пребывать при метательных машинах, камнеметах и катапультах. По взятии города надлежит вам всех знатных горожан и лиц благородного звания, которых там найдете, ослепить, отрезать им носы и выгнать вон из города нагими. Женщинам же также отрезать носы для позора, после чего отпустить. Всех детей мужеского пола, которых там найдете, оскопить, после чего дозволить им остаться в городе. Вам также надлежит разрушить до основания городские стены, башни и дома, кроме церквей и домов священнослужителей, коим вы не должны причинять никакого вреда. Когда весть о каре распространится по миру, то да содрогнется каждый изменник в душе и да преисполнится страха».

После примирения императора Фридриха II с папой римским тот, по договору от 23 июня 1230 г., снял с «сицилийского султана» церковное отлучение. Патриарху Иерусалимскому было дано указание отменить все еще сохранявший силу интердикт (запрет на отправление церковных треб), наложенный на принявший Фридриха Святой Град. Папа римский Григорий IX также признал договор, заключенный между Фридрихом II и султаном аль-Камилем, призвал к себе противившихся римско-германскому императору Великих магистров иоаннитов и тамплиеров и дал им поручение всеми силами обеспечивать в Святой Земле спокойствие и порядок. Султан честно соблюдал условия мирного договора, однако оба рыцарских ордена не делали этого в областях, на которых действие этого договора не распространялось. Вследствие общего для тамплиеров и иоаннитов недоверия к императору Фридриху Гогенштауфену (основу армии которого составляли пять тысяч конных сарацинских наемников, поселенных им в апулийском городе Лучеро, где император-вольнодумец даже воздвиг для них мечети с минаретами, с которых муэдзины ежедневно призывали мусульман к молитве!), оба ордена, вопреки договору, сговорились о совместных военных действиях против сирийских и палестинских мусульман.

8. О воинстве Христовом

Середина XIII в. стала подлинным «началом конца» эпохи Крестовых походов, и связанный с ее начальным периодом крестоносный энтузиазм стали заметно ослабевать. Однако идеал крестоносца, идеал рыцаря Христова сохранял свою привлекательность еще на протяжении долгих столетий и даже по сей день находит свое отражение во многих традициях, которые живы и поныне. Поэтому стоит упомянуть хотя бы некоторые из этих традиций и ценностей, с которыми вот уже на протяжении более чем полутора тысячелетий, начиная со времен древнехристианских святых и мучеников, сказаний о рыцарях Круглого Стола и святого Грааля, а затем средневекового рыцарства и в особенности — военно-монашеских орденов, ассоциируется рыцарский идеал.

К числу идеалов христианского рыцарства относились, с одной стороны, вооруженная борьба за ускорение прихода Царства Божия (необходимой предпосылкой которого, как известно всякому христианину, является евангелизация всех стран и народов), за спасение душ закосневших в язычестве детей Адамовых от вечного адского пламени, освобождение и защита христианских святынь и, прежде всего — Святого Града Иерусалима, а с другой — защита слабых, убогих, женщин и детей. Но наверняка существовало и немало иных причин, по которым множество доблестных мужей в расцвете сил и красоты, отказавшись от стяжания земных богатств и радостей семейной жизни, вступали в подобные рыцарские братства или, по крайней мере, в индивидуальном порядке стремились достичь на практике рыцарских идеалов. Важнейшая причина, несомненно, заключалась в готовности тогдашних христианских воителей, не щадя своей жизни, обнажить меч во имя ускорения прихода Царства Божия.

Наиболее ярко эта готовность проявилась в ходе Крестовых походов, как в Святую землю, так и в языческие земли Центральной Европы с целью их христианизации. Тогдашние летописи, а самое главное — последующая история данных земель — однозначно свидетельствуют

о том, что большинство принимавших в те века крест рыцарей — вопреки усердно пропагандировавшемуся сперва властителями дум «века Просвещения», затем — либеральными историками прошлого века и, само собой разумеется, такими лютыми ненавистниками Веры Христовой, как советские (и не советские) марксисты, изображающие крестоносцев не иначе как скопищем лицемерных садистов и грабителей! — превыше всего ценило любовь к Богу и к ближнему своему и далеко не всегда спешило браться за меч. Но как не взяться, если язычники жарят живьем на медленном огне проповедующего им Благую Весть мирного миссионера и тем самым отдаляют день пришествия Царствия Божия! А свои души и души своих детей и сородичей обрекают на вечные адские муки! Могла ли смириться с этим душа тогдашнего глубоко верующего христианина! Подчеркнем — тогдашнего, а не теперешнего, который порой бывает, по слову Евангельскому, «не холоден и не горяч, а только тепел»...

Как бы то ни было, многочисленные и подробные письменные документальные свидетельства говорят о преимущественно мирном освоении крестоносцами земель, до их прихода по большей части непригодных для проживания человека или, в лучшем случае, малонаселенных. Рыцари строили больницы, сиротские и странноприимные дома и богадельни, церкви и монастыри, основывали города и села, осушали болота и вводили земледелие среди диких языческих племен, живших дотоле лишь охотой, рыбной ловлей, собирательством и бортничеством (сбором меда диких пчел), не знавших вкуса печеного хлеба и влачивших свое довольно жалкое существование под постоянной угрозой голода ввиду недостатка съестных припасов, для обеспечения которыми необходимо развитое сельское хозяйство. Таким образом рыцари, ордены, и в том числе — рыцарские ордены — способствовали распространению христианства, несли мир в земли, столетиями — чуть ли не со времен Великого переселения народов! — раздираемые кровавыми межплеменными междоусобицами, и культивировали огромные территории, превращая их из «медвежьих углов», чреватых постоянной смертельной угрозой для мирных христианских соседей, в часть цивилизованного мира.

Спору нет, христианская цивилизация средневекового Запада имела — как, впрочем, и всякая цивилизация вообще, немало теневых сторон, подробно распространяться здесь о которых нет особой надобности. Но идеализация царивших среди язычников Пруссии и Литвы дофеодальных, варварских порядков с кровной местью, человеческими жертвоприношениями и поклонением демонам не к лицу даже атеистам — разумеется, если прогресс человеческой цивилизации имеет в их глазах какую-либо ценность. Ведь жмудины, литвины, ятвяги и пруссы вовсе не были какими-то кроткими агнцами, которых люто терзали свалившиеся им на голову ни за что не про что лютые крестоносные волки. Они жили набегами на

своих христианских соседей. Убили миссионера Адальберта (Войцеха), причисленного папским престолом к лику святых и ставшего небесным покровителем Польши. Совместно с литовцами систематически разоряли сопредельные польские и русские земли. Конные прусские банды в несколько десятков всадников, стремительно, как волчьи стаи, спеша от одного селения к другому, опустошали усадьбы, убивали поселян, увозили имущество. Тем и жили. Позволительно спросить: кто же тут были агнцы, а кто — волки? Вторая причина, по которой осуществлялась вся эта неутомимая, разносторонняя деятельность под каждодневным девизом «ора эт лабора» (лат.: ora et labora, то есть «молись и трудись») была, по логике вещей, связана с достижением уже не только идеальных, но материальных целей, а именно — необходимости сохранения, расширения и финансирования орденского имущества, а также управления орденскими угодьями и владениями. Ведь, чтобы иметь возможность творить дела милосердия и благотворительности, надо обладать каким-то имуществом. Не имея ни гроша в кармане, нищему не подашь. Не имея хлеба в закромах, голодного не накормить. Не имея крыши над головой, странника не приютить. Чтобы рука дающего не оскудела, ему должно быть что давать и откуда брать.

Вне всякого сомнения, в Тевтонском ордене, как, впрочем, и во всех других орденах, имелись силы, для которых мирские помыслы, от предприимчивости и авантюризма до страсти к наживе, были важнее, чем вещи духовные. Поэтому существование орденов протекало под знаком постоянного дуализма, колеблясь между служением Богу и любовью к ближнему, с одной стороны, и принимавшим порой слишком мирской характер стремлением к приумножению имущества, славы и чести, а также к оказанию влияния на светских государей и князей Церкви, с другой. Наивысшие формы общежительства той далекой эпохи возникли в результате соединения воедино дисциплины, силы и веры и реализовались в форме рыцарства, с одной стороны, и монашества — с другой. Логическим синтезом этих мощных групп или структур и являлись духовно-рыцарские ордены.

9. Тевтонские рыцари в битве при Вальштатте

В кровавой битве при Вальштатте (Легнице или Лигнице) 9 апреля 1241 г. объединенное рыцарство римско-католической Европы скрестило копья и мечи с «несущими смерть Чингисхана сынами». В России об этом сражении мало наслышаны, хотя для истории Польши и Германии она имеет не меньшее значение, чем для русских людей — битва с монголами на Калке. В обоих случаях выигранные монгольскими туменами битвы проложили войскам Великого хана дорогу в служившие целью вторжения страны, оказавшиеся, в результате разгрома, почти что беззащитными (или, во всяком случае, обескровленными). Тот факт, что под Лигницей в сражении со степняками пали, наряду с польскими рыцарями и рыцарями со всей Европы (в том числе даже французами и англичанами), также рыцари Тевтонского ордена, тамплиеры и иоанниты, полностью развенчивает распространенный у нас миф, согласно которому «римско-католическая Европа» (а в особенности — орден тамплиеров) якобы только тем и была занята, что «натравливала татар на православную Русь». Наоборот, в польских и немецких летописях сохранились сведения об участии в монголо-татарском нашествии на Польшу русских воинских контингентов. Вообще-то говоря, в данном обстоятельстве не было ничего особенного, поскольку включение войск покоренных стран и народов в состав собственной армии на положении вспомогательных частей было обычной практикой монголо-татар со времен самого Чингисхана. Однако это не слишком-то совместимо с расхожими представлениями о том, что древнерусские княжества служили исключительно щитом «между монголов и Европы» (как сказано у Александра Блока в его знаменитом стихотворении «Скифы»).

Наголову разгромив в марте 1241 г. под Краковом войско короля Польши Болеслава V и разграбив королевскую столицу, двадцать тысяч степных батыров вторглись в польское княжество (герцогство) Силезию. Князь (герцог) Силезии Генрих Благочестивый выступил против монголов во

главе сорокатысячного войска, состоявшего из польских и немецких рыцарей, поддержанных многочисленными рыцарями-добровольцами из разных стран Европы, а также воинскими контингентами военно-монашеских орденов иоаннитов, тамплиеров и тевтонских рыцарей ордена Пресвятой Девы Марии. Первоначально Генрих думал закрепиться на оборонительной позиции близ города Лигницы, чтобы дождаться шедшего ему на помощь войска чешского (богемского) короля Венцеля (Вацлава или Венцеслава). Однако монголы, узнав о приближении чешского войска, первыми напали на силезскую армию, применив против Христова Воинства даже «реактивную артиллерию» (боевые ракеты китайского производства, распространявшие при взрыве удушливый черный дым). Это был первый засвидетельствованный в истории случай применения на европейском поле сражения боевых отравляющих веществ. Как ни храбро сражались витязи князя Генриха (среди которых своей доблестью выделялись «тевтоны»), оно потерпело сокрушительный разгром. Сам князь сложил голову в битве, большинство его рыцарей и воинов пало в жестоком сражении, длившегося от рассвета до заката. В рядах павших в сражении членов Тевтонского ордена и ордена иоаннитов погибли и последние добринские рыцари («братья Христовы из Добрина»), вошедшие в состав обоих орденов, соответственно, в 1235 и в 1237 гг. К вечеру к палатке главного монгольского военачальника хана Хайду (Кайду), внука Великого хана Угедэя и правнука Чингисхана, привезли девять огромных мешков, наполненных окровавленными ушами, отрезанными торжествующими победителями у убитых христиан.

Впоследствии гибель членов ордена тамплиеров от стрел, сабель и копий монголо-татар под Лигницей сыграла немалую (а, возможно, и решающую роль) в срыве так называемого «Желтого Крестового похода» монгольского полководца-христианина Китбуги в союзе с христианскими Грузинским и Армяно-Киликийским царством, а также государств крестоносцев в Святой Земле против мамелюкского Египта. Развивавшийся поначалу весьма успешно для объединенной армии врагов египетских магометан поход был сорван нападением сирийских тамплиеров, ударивших в тыл монголам (чтобы отомстить за гибель членов ордена Храма при Вальштатте). Но это было уже позже...

Узнав о разгроме и гибели в битве силезского герцога, чешский король не решился вступить в бой с победоносными монголами один на один, предпочтя отступить на северо-запад и присоединиться к армии, собиравшейся под знамена римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена. Казалось, путь степным батырам в Европу открыт...

Однако потери, понесенные монголо-татарами, были также весьма ощутимы, и потому они не решились преследовать уцелевших воинов герцога Генриха и продолжить наступление в глубь собственно Германии («Священной Римской империи»).

10. Что произошло на Чудском озере

В начале XIII в. Прибалтика до границ с Литвой (не считавшейся частью Прибалтики до конца Первой мировой войны) была подданной русских феодальных государств (западная ее часть платила дань Полоцкому княжеству, восточная — «Господину Великому Новгороду»).

В 1199 г. папа римский Иннокентий III назначил епископом Ливонии Альбрехта (Альберта) фон Буксгевдена (Бугсгевдена, нем.: Buxhoevede), который с помощью германского короля Филиппа Швабского и датского короля Кнуда VI Эстридсена высадился в 1200 г. на побережье реки (Западной) Двины (по-латышски: Даугавы, по-немецки: Дины, или, точнее, Дюны) и добился от вождей местных языческих племен предоставления земель, на которых он бы мог обосноваться. В следующем году епископ Альбрехт основал город Ригу и начал обращать в христианство местных жителей. Чтобы усилить воздействие на умы язычников «духовного меча» (который, по Евангелию, «есть Слово Божие») мечом железным, Альбрехт решил учредить военно-монашеский орден по образцу и подобию госпитальеров и храмовников, что и сделал в 1202 г. В 1204 г. папа римский, с подачи епископа Альбрехта, утвердил в правах орден рыцарей Христа, которые стали именоваться меченосцами (по красному изображению меча, нашитому на их белые плащи). О меченосцах (называвшихся по-латыни «гладиферами») будет подробнее рассказано далее, в отдельной, посвященной им главе нашей книги.

В 1209 г. ливонские «братья-меченосцы» сожгли расположенные на территории современной Латвии полоцкие крепости Кукенойс (Кукейнос, по-немецки: Кокенгаузен) на Западной Двине и Герцике (Ерсике, Ерсику), но в 1210 г. подписали с Полоцким княжеством «вечный мир», согласившись выплачивать Полоцку «ливонскую дань» (выплату которой, однако, прекратили уже в 1212 г.). В том же 1209 г. ливонскими меченосцами после победы над язычниками-эстами был взят их город Отепя (по-немецки: Оденпе или Одемпе, по-русски: Медвежья Голова). Город и замок

были сожжены меченосцами дотла, но вновь отстроены ими в 1215 г. С тех пор «медвежане» — воины из замка Медвежья Голова — не раз участвовали в военных столкновениях «ливонских немцев» с псковскими и новгородскими ратниками.

В то же время в южной Эстонии (Эстляндии) новгородские «вооруженные миссионеры» в 1209–1210 гг. крестили тамошних язычников в Православную веру. В 1212 г. южных эстов принудил к уплате дани сам новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный (то есть «Удачливый», хотя и называемый иногда неточно «Удалым»). Гладиферы наступали крепостями, строя их одну за другой — Венден (Вынну, Цесис, Кесь), Феллин (Вильянди) и т.д.

Восстав в 1217 г. против меченосцев, эсты обратились за помощью к русским (вероятно, в обмен на обещание креститься в Православную веру). В этом же году их союзное двадцатитысячное войско осадило крепость Оденпе, на помощь которой двинулся магистр (геермейстер) меченосцев Фольквин (Фолькевин, Волквин, Вольковин) во главе трехтысячного войска. Русскими войсками предводительствовали князь Владимир Полоцкий и посадник новгородский Твердислав. Меченосцы были разбиты в полевом сражении и укрылись за стенами Оденпе. Князь Владимир и посадник Твердислав взять Оденпе не смогли (вопреки ошибочным утверждениям некоторых историков), и отступили, вынудив меченосцев откупиться. Вообще следует заметить, что в описываемый период — за редким исключением — русским князьям никогда не удавалось захватить ни одного из осаждаемых ими в Ливонии замков. Обычно они отступали после непродолжительной осады (в лучшем случае — удовольствовавшись данью, взятой с осажденных).

В том же году в северную Эстонию вторглись датские крестоносцы.

В 1221 г. датский король Вальдемар II Победитель, установив морскую блокаду Риги, принудил епископа Альбрехта признать власть датской короны над Ливонией и Эстонией. В 1223 г. датский король дозволил (уже своей властью) ордену меченосцев продолжить христианизацию прибалтийских земель в восточном направлении, с тем, «чтобы они были верны ему», то есть Дании, и продолжали расширять датские владения к югу от Ревеля (по-русски: Колывани, по-эстонски: Таллинна=Таани-Линна, то есть «датского замка»).

В 1223 г. войско Великого князя Юрия Всеволодовича осадило Ревель, и датский король вернул права на Эстонию ордену меченосцев, получившему от римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена права на земли к востоку от Ливонии. Рыцарям ордена Меча, направляемым рижским епископом Альбрехтом фон Буксгевденом, удалось взять город Юрьев, обороняемый русским князем Вячеславом (Вячко) Борисовичем, и переименовать его в Дорпат (Дерпт, по-эстонски: Тарту).

В том же 1223 г. жители Оденпе отдались под власть Господина Великого Новгорода, отстроив городской замок заново (на этот раз из камня). В 1224 г. Новгород и Господин Псков (упорно не желавший признавать себя новгородским пригородом, или посадом) подписали с рижским епископом мир в обмен на выплату «юрьевской дани». В этом же году было учреждено Дерптское епископство. В конце 20-х гг. XIII в. Псков, объявив себя полностью независимым от Новгорода, уступил епископу и ордену меченосцев вассальные права на земли эстов, латгалов и ливов. Великий князь Ярослав Всеволодович, в четвертый раз приглашенный на княжение в Новгород (откуда его уже три раза изгоняли новгородские «вечники»!), подчинил Псков, но ряду псковских (и новгородских) бояр удалось бежать в епископские и орденские земли.

В 1233 г. меченосцы снова захватили Оденпе, превратив его в базу для набегов на псковские и новгородские земли.

В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович выступил на Дерпт, сразился с вышедшим ему навстречу войском ордена Меча, порубил немало меченосцев, а часть загнал на тонкий лед реки Омовжи (по-немецки: Эмбах, по-эстонски: Эмайыге), не замедливший под теми проломиться — вот где, видимо, следует искать истоки легенды о «немцах, провалившихся под лед Чудского озера в 1242 г.», уже при сыне Ярослава — князе Александре) ! «И взял с ними мир по всей правде своей».

Князь Ярослав, а за ним — и княживший в Новгороде с 1238 г. сын Ярослава Александр, брал дань с Прибалтики, как ее истинный сюзерен. Между тем, «латинские» меченосцы и епископ Рижский (Ливонский) считали владельцами Прибалтики себя, а ее верховным сюзереном — римско-германского императора, поскольку, подобно древним римлянам и «восточным римлянам» — «ромеям»-византийцам, рассматривали в качестве владений «римского цесаря» весь «orbis terrarum» (лат.: «круг земной»), то есть, в принципе, ВЕСЬ МИР (по крайней мере, весь мир обитаемый, именуемый по-гречески «Ойкуменой», а по-латыни — «Экуменой»). В этом заключалась основная причина практически неразрешимого конфликта между ними и русскими княжествами.

В 1236 г. литовские язычники разбили объединенное войско ордена меченосцев и псковских православных крестоносцев в битве на реке Сауле (по мнению одних историков — близ нынешнего литовского города Шяуляй, по мнению других — на территории области племени земгалов, одной из провинций современной Латвии). В битве при Сауле погибли сорок восемь (или пятьдесят) «братьев-меченосцев» (включая их войскового магистра Фольквина), т.е. была уничтожена почти вся военная сила ордена. Из псковских православных крестоносцев после битвы с литовскими язычниками уцелел только каждый десятый. В российской историографии про поражение немецких рыцарей-монахов при

Сауле вспоминать было не принято еще с царских времен, в силу того факта, что православные христиане-псковичи принимали участие в битве с литовцами на стороне побеждённых рыцарей-католиков, что совершенно не вписывается в господствовавшее долгое время официальное представление о «совместной борьбе русского народа и народов Прибалтики против феодальной шведско-немецко-датской католической агрессии».

А в изданной сравнительно недавно в серии «Живая история» книге Наталии Валентиновны Будур «Повседневная жизнь инквизиции в Средние века» (М., «Молодая гвардия», 2011, с. 41) дано следующее, совершенно искаженное описание битвы на Сауле:

«К счастью, соединенные силы литовских язычников и православных христиан разбили меченосцев в 1236 году под Саулисом (Шяуляем)».

Это называется «поставить все с ног на голову». Впрочем, бумага, как известно всем, и не такое стерпит...

В 1237 г. папа римский Григорий IX призвал шведов к Крестовому походу на финнов-тавастов, все еще коснеющих в язычестве (хотя с русской стороны их уже начали обращать в греко-кафолическую веру, иначе говоря — в Православие). На всякий случай юный князь Александр Ярославич выставил сторожу (стражу) на реке Неве. Ведь, заняв устье Невы, шведские крестоносцы могли бы отрезать Русь от Финляндии (Тавасталанда) и Прибалтики (входили ли подобные действия в их реальные планы — это другой вопрос).

К 1238 г. Тевтонский орден завершил покорение восточного побережья Балтийского моря (от устья Вислы до устья Немана).

В июне 1238 г. в резиденции датского короля Вальдемара II Победителя был заключен договор, подписанный королем, ливонским ландмейстером «тевтонов» и легатом папы римского в Прибалтике Вильгельмом Моденским, по которому Тевтонский орден Приснодевы Марии возвращал датчанам северную часть Эстляндии, а Дания отказывалась от претензий на остров Эзель (Сааремаа) и на западную часть Эстляндии. К описываемому времени литовский кунингас (Великий князь) Миндовг (Миндаугас) сумел объединить под своей властью Нальшанскую, Жетувскую, Жемайтскую и часть Ятвяжской земель Литвы.

В 1240 г. ливонские «тевтоны» (орден меченосцев на тот момент уже был филиалом Тевтонского ордена) выступили из трех крепостей — Оденпе, Дерпта и Феллина, датские крестоносцы — из Ревеля, а шведские отправили из города Бирки (тогдашней столицы своего королевства) военно-морскую экспедицию в Ижорскую землю, платившую дань новгородцам. К ливонским «тевтонам», наступавшим на Псков, присоединился со своей дружиной и нашедший убежище во владениях ордена Девы Марии князь Ярослав Владимирович (сын изгнанного Мстиславом Удатным из Пскова

князя Владимира), надеявшийся с помощью гладиферов вернуться на отцовское княжение.

Ливонские «тевтоны» осадили Изборск, хорошо укрепленный город на западной границе псковских земель. После нескольких неудачных приступов Изборск был взят. Недавние меченосцы, оставив там свой гарнизон, вместе с князем Ярославом Владимировичем двинулись дальше, на Псков. Псковичи во главе с воеводой Гаврилой Гориславичем (назначенным молодым новгородским князем Александром Ярославичем) выступили навстречу союзникам, которые дали им бой, невзирая на численное превосходство и отличное вооружение псковичей. Последнее обстоятельство было особо подчеркнуто в «Рифмованной хронике» Генриха Латвийского (Латышского) :

Жители Пскова тогда
Не возрадовались этому известию.
Так называется город,
Который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава...
Они не медлили,
Они собрались в поход
И поскакали туда,
Многие в блестящей броне,
Их шлемы сияли, как стекло.
С ними было много стрелков.
Начался жестокий бой.

Невзирая на «крутой нрав», отличное вооружение и множество стрелков, псковичи были разбиты. В битве пало более восьмисот псковичей, в том числе их воевода Гаврило Гориславич.

Уцелевшие в битве псковичи «вдали плещи» («вдаша плеша»), а попросту говоря — «взяли ноги в руки», т.е. побежали. Ливонские «тевтоны» и русская дружина Ярослава Владимировича преследовали их, но ворваться в Псков «на плечах» бегущих все же не успели. После недельной осады, собравшись с силами, «тевтоны» и воины князя Ярослава разорили земли вокруг Пскова и двинулись на Водьскую пятину (владение Господина Великого Новгорода), овладев там, в течение короткого времени, крепостями Копорье (Капория) и Тесов и создав, таким образом, опорную базу для завоевания Новгорода. При этом они, не собираясь тратить силы в долгих осадах, намеревались вынудить Псков и Новгород к сдаче при помощи разорения окрестных земель и экономической блокады. Это удалось им в отношении Пскова, где и без того имелась сильная партия сторонников князя Ярослава и ордена Девы Марии. Псковский посадник Твердило Иванкович сдал город ливонским «тевтонам» и стал править Псковом

вместе с двумя «братьями-рыцарями», посаженными Тевтонским орденом в Пскове в качестве наместников-фогтов (по-польски: войтов, по-русски: тиунов).

В июле 1240 г. шведская корабельная рать вошла в устье Невы, чтобы покорить Ижорскую землю. Предводителем шведских крестоносцев традиционно считается ярл (старинный скандинавский титул, соответствующий английскому эрлу и немецкому графу) Биргер (зять короля Эрика Эриксона), хотя многие современные историки утверждают, что ярл Биргер в походе не участвовал, а предводителем шведов был другой военачальник — ярл Ульф Фаси. В «Житии Александра Невского» сказано, что во главе экспедиции стоял «король части Римськыя от полунощныя страны», или, говоря по-нашему, «король римской (римско-католической) веры из Полунощной (т.е. Северной) страны» (не названный автором «Жития» по имени). По-видимому, шведы намеревались не брать Новгород штурмом, а построить крепость на побережье Финского залива, опираясь на которую, могли бы помешать местным племенам выходить по реке Неве в Балтийское море и грабить торговые суда и прибрежные районы Швеции (как это делали, например, воинственные и охочие до добычи карелы, разграбившие даже столицу Швеции Сигтуну и подарившие поддерживавшему их «Господину Великому Новгороду» так называемые «Корсунские врата», украшавшие до карельского набега кафедральный собор разграбленной Сигтуны). 15 июля 1240 г. юный князь Александр, во главе своей новгородской дружины и ладожско-карельско-ижорского (но отнюдь не новгородского!) ополчения, ошеломив «римлян» (так русский летописец именует шведов, как исповедовавших римско-католический вариант христианской веры), нанес им ощутимые потери и ранил в конном поединке их предводителя (как бы того ни звали) в лицо («возложи» ему «печать на лице острым своим копием»). Согласно некоторым источникам, в битве также пали шведский «воевода» Спиридон (имя греческое, типичное для исповедников православной «греческой» веры, но крайне необычное для католика-шведа, тем более «подозрительное», что Спиридоном звали тогдашнего новгородского владыку, т.е. архиепископа). Потери войска князя Александра составили, согласно новгородским источникам, всего двадцать человек. Как только ошеломленные шведы опомнились и выстроились в боевой порядок, князь отступил. Погрузив своих убитых (в числе которых, по некоторым сведениям, был и «бискуп», то есть епископ римско-католической Церкви, прибывший якобы под Новгород в составе шведского войска — из чего делается вывод о, якобы, имевшемся у шведских «латинян» намерении перекрещивать новгородцев по обряду римско-католической церкви!) на корабли (часть из которых была вслед за тем затоплена), ушли восвояси и шведы. За эту молниеносную и блестящую победу князь Александр Ярославич получил прозвище «Невский».

Однако буйные «вечники»-новгородцы не нашли ничего лучше как изгнать князя Александра (они были явно недовольны его нападением на шведов, совершенным юным князем на свой собственный страх и риск, без согласования с боярством и вечем и, соответственно, без участия собственно новгородского ополчения) — причем как раз в тот момент, когда вчерашние меченосцы (уже влившиеся в ряды Тевтонского ордена Приснодевы Марии), в союзе с войсками дерптского епископа, взяли Изборск, порубили княжеского воеводу и псковичей, а посадник Твердило Иванкович и псковские бояре, настроенные сепаратистски (по отношению к своему «старшему брату» Великому Новгороду) впустили в Псков тевтонский гарнизон. Новгорода это не касалось, однако ливонские «тевтоны» сгоряча продвинулись до побережья Невы, в Карелию (папа римский авансом передал эти земли «латинскому» епископу острова Эзель, или, по-эстонски, Сааремаа), взяли Тесов и начали строить замок в Копорье. А это были уже земли «Господина Великого Новгорода».

В 1241 г. князь Александр Ярославич во главе новгородской рати и вспомогательных отрядов крещеных в Православие племен ижорцев и карел захватил «тевтонский» гарнизон врасплох в Копорье, отпустив часть пленных «тевтонов» и повесив местных «переветников» (изменников). Зимой же 1242 г. он, при поддержке дружины своего брата князя Андрея Ярославовича (но уже без участия новгородского ополчения), взял Псков (при штурме которого — согласно одним, более поздним, источникам — было убито семьдесят воинов ордена, в том числе «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов», а по другим — вообще никакого боя не было, а два единственных пребывавших в Пскове орденских наместника-фогта покинули город безо всякого сопротивления), а затем Изборск, и вторгся на территорию Дерптского епископства с войском из Северо-Восточной Руси, воспользовавшись восстанием пруссов против орденской власти в Помезании и Вармии (Эрмланде). Дать ему решительный отпор «тевтоны» были не в состоянии. Общая численность орденских войск составляла не более тысячи двухсот человек. Отряд же, направленный ими против Александра, едва ли насчитывал более пятисот человек, включая вспомогательные войска дерптского епископа Германа фон Буксгевдена (немцев — медвежан, юрьевцев) и датских «королевских мужей», присоединившихся к ливонским «тевтонам», согласно «Рифмованной хронике». Несомненно, именно этих датских «королевских мужей» имеет в виду древнерусский летописец, упоминающий собранное против князя Александра его противниками войско, под «помочью королевою» («с всеми бискупы (епископами — В.А.) своими, и с всем множеством языка их, и власти их, что ни есть на сей строне, и с помочью королевою» — Полное Собрание русских Летописей, т. XVIII, стр. 64). Известный советский военный историк полковник (а впослед-

ствии генерал-майор) Евгений Андреевич Разин истолковывает во Втором томе своей «Истории военного искусства» (стр. 159) выражение «с помочью королевою», как «войска короля шведского», на наш взгляд, без достаточных на то оснований. Тем более, что в описываемый период верховным сюзереном Ливонии считался датский король, бывший с королем шведским, как известно, «на ножах».

В пользу нашего предположения о немногочисленности войска противников князя Александра Невского говорят следующие факторы.

1) В описываемое время, после разгрома в описанной нами выше битве с татаро-монголами при Лигнице в 1241 г., «братьев-рыцарей» в ордене насчитывалось не более ста;

2) Рыцарское «копье» («глефа», «шписс», «ланце») в описываемое время состояло, включая возглавлявшего его «брата-рыцаря», из трех человек: рыцаря, «оруженосца» («брата-сарианта») и конного стрелка-арбалетчика (имевшиеся в «тевтонском» войске пехотинцы-«кнехты» в состав «копий» не входили) ;

3) Рыцарей в «баннере» («хоругви», «знамени»), согласно построению острия «клина» («кабаньей головы», или «свиньи», о которой у нас еще пойдет речь далее) должно было быть тридцать пять человек. Этому числу рыцарей соответствовали триста шестьдесят пять пехотинцев колонны (второй части построения). Таким образом, общее количество «тевтонов» составляло примерно четыреста человек (а не «десять-двенадцать тысяч воинства», как утверждает, например, Вадим Викторович Каргалов в своем очерке жизни и деятельности Святого Благоверного князя Александра Невского в книге «Полководцы X–XVI вв.», М., 1989, стр. 96). С учетом же данных ливонской «Рифмованной хроники» это число, равно как и потери, определяются с точностью до человека, что и делают современные российские историки Александр Владимирович Кибовский в своем труде «Ледовое побоище» и Леонид Александрович Маневич в своей работе «Русь и меченосцы».

Что же касается численности войска князя Александра Невского, то вряд ли оно значительно превосходило войско ливонских «тевтонов» и их союзников. На это также был ряд причин:

1) Войско князя Александра потерпело ощутимый урон при штурме Копорья, Изборска (и Пскова — если Псков был действительно взят штурмом) ;

2) Был конец зимы, когда продовольствие заканчивается вообще (а в разоренных войной землях тем более), следовательно, прокормить многочисленное войско (даже такое традиционно неприхотливое в пище, как русское) не представлялось возможным;

3) Начиналась весенняя распутица, которая затормозила бы продвижение многочисленного войска, да еще отягощенного большим обозом;

4) Одержав победу в Ледовом побоище, князь Александр не продолжил войну с Тевтонским орденом (что свидетельствует об отсутствии у него необходимых для этого сил).

Заметим в скобках, что князь Александр Невский, будучи женатым на Вассе — дочери князя Брячислава Полоцкого — имел в Ливонии и личные интересы.

Высланный князем Александром, вторгшимся в Ливонию, вперед для разведки передовой конный отряд под командованием Домаша Твердиславича (сына новгородского посадника Твердислава) и Кербета, был разбит «марианами». Домаш Твердиславич пал в бою, его отряд был разбит. Остатки отряда Домаша бежали и соединились с войском князя Александра, который отошел с территории Ливонии в сторону Чудского озера, или «вспятися на озеро», по выражению летописца.

5 апреля 1242 г. на льду (хотя целый ряд историков, вопреки устоявшейся традиции, и отрицает, что «на льду») Чудского озера (озера Пейпус) — а вовсе не Ладожского озера, как, ничтоже сумняшеся, утверждает ревнитель «родноверия» и сочинитель новоязыческих мифов Александр Игоревич Асов (он же — Бусов) в своем фантастическом опусе «Славянские руны и "Боянов гимн"»! — сошлись сотни тяжеловооруженных всадников. Одни из них — под началом князя Александра Невского, другие — под началом ливонского ландмейстера (провинциального магистра) Тевтонского ордена Дитриха фон Грюнингена (хотя его личное участие в побоище также отрицается целым рядом историков). Вместо Грюнингена (Гренингена) часто называется Андреас фон Вельвен — он же фон Фельбен (упоминаемый в «Житии Александра Невского» — хотя и без прямой связи с битвой на Чудском озере — как «Андреаш», прибывший познакомиться с князем Александром с Запада, от «тех, что именуют себя слугами Божьими»). В действительности Ледовое побоище происходило совсем не так, как описано в привычных нам учебниках (и уж тем более не так, как оно показано в фильме советского кинорежиссера Сергея Михайловича Эйзенштейна «Александр Невский»). У князя Александра было множество стрелков (вероятнее всего, конных), его дружинники были облачены в красивые панцири. Начищенные шлемы и богато расшитые знамена воинов русских князей сверкали на солнце. Далее мы еще подробнее коснемся этого аспекта битвы. Из красочной картины сражения, в котором Александр Невский (следует заметить, что, вопреки широко распространенным представлениям, он получил это почетное прозвище, увековечившее его победу над шведскими крестоносцами на реке Неве в 1240 г. отнюдь не сразу, а лишь посмертно, подобно своему потомку — Великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу, разбившему татарское войско Мамая на Дону в 1380 г., но начавшему именоваться в честь своей победы «Донским» лишь в произведениях московских книжников

XVI в.) окружил ливонских «тевтонов» фланговой атакой кавалерии, а «тевтоны» проломили своей тяжестью лед, верно лишь то, что «тевтоны» во второй раз атаковали «свиньей». «Свиньей» («кабаньей головой») именовался плотный строй с тяжеловооруженными всадниками в «челе» (первых рядах, выстроенных «клином») и по бокам и пешими ратниками («кнехтами») в середине. Этот боевой порядок был необычен для светских рыцарей Европы. Большинство светских рыцарей, из соображений личной и фамильной гордости, просто не могло допустить, чтобы чье-то знамя находилось впереди их собственного. Светские рыцари с оруженосцами и челядью атаковали каждый сам по себе, образуя неправильную цепь. Новгородский летописец, писавший по горячим следам событий, воздал должное необычайно высокой дисциплине ливонских «тевтонов», которые «прошиблись свиньею сквозь полк» русских.

В первоисточнике — Новгородской Первой летописи — говорится просто: на восходе солнца в субботу немцы и чудь (эсты-эстонцы) атаковали русских «на Чудском озере на Узмени у Вороньего камня...и прошиблись свиньей сквозь полк, и была тут сеча велика немцам и чуди... и не было видно льда, покрылось все кровью...и немцы тут пали, а чудь дала плечи (бежала), и гоня били их на семи верстах по льду до Суболичьского берега, и пало чуди без числа, а немец четыреста, а иных пятьдесят руками взяли и привели в Новгород».

Согласно «Ливонской Рифмованной хронике» конца XIII в., «у русских было много стрелков, они отразили первую атаку, мужественно выстроившись перед войском короля (князя Александра — В.А.). Видно было, что отряд братьев («баннер» — «хоругвь», или «знамя», отряд численностью от тридцати до тридцати пяти рыцарей, а всего — до четырехсот всадников — В.А.) строй стрелков прорвал, был слышен звон мечей и видно, как раскалывались шлемы. С обеих сторон убитые падали на землю (или на траву, но не на лед! — В.А.). Те, кто был в войске братьев, оказались в окружении...братья упорно сражались, все же их одолели. Часть...вышла из боя, чтобы спастись...двадцать братьев остались убитыми и шестеро попали в плен». Цифры вполне соответствуют Новгородской Первой летописи: двадцать рыцарей сопровождало более четырехсот кнехтов, но в плен их всегда брали меньше (из в общей сложности пятидесяти немцев всего шесть рыцарей). Впрочем, скорее всего, под «братьями» в «Рифмованной хронике» подразумеваются не только орденские «братья-рыцари», но и «братья-сарианты».

Как известно, многие современные историки склонны считать, что тяжеловооруженный «клин» рыцарской конницы вовсе не врезался в глубь вражеского строя, а развертывался перед неприятельским фронтом в линию, после чего бой распадался на ряд поединков (иначе рыцари и конные воины второго и последующих рядов клина не смогли бы войти в боевое

соприкосновение с противником). Но как же тогда быть с сообщениями летописцев (причем обеих противоборствующих сторон) о сплоченном тевтонском «отряде» («свинье»), прорвавшем русский строй? «Темна вода во облацех...»

В отличие от фильма Сергея Михайловича Эйзенштейна, «братьям» ливонского филиала Тевтонского ордена в этой сече противостоял вовсе не пеший строй новгородского ополчения (участие которого в битве представлялось крайне важным для советской кинематографии и историографии, дабы лишний раз подчеркнуть «исторически прогрессивный», «народный» и «классовый» характер Ледового побоища — ведь и сам князь Александр, по версии Эйзенштейна — в которой он, кстати, ни разу лба не перекрестит, предоставив тевтонским «врагам народа» в изобилии пользоваться всевозможной христианской символикой! — выступает как своеобразный «вождь народных масс», разгром которыми «тевтонской» походной часовни, с последующим бегством преследуемого серыми волками епископа со Святыми Дарами под мышкой, особенно смакуется тов. Эйзенштейном! — в борьбе не только с «феодальной агрессией» коварного «латинского» Запада, но и с «собственными эксплуататорами» — новгородскими и псковскими богатеями, среди которых присутствует, между прочим, и некий православный изменник-монах).

Никаких сведений об участии новгородского ополчения в Ледовом побоище (в отличие, скажем, от битвы с ливонскими «тевтонами» и их союзниками при Раковоре в 1268 г.) до нас не дошло. Кстати, даже если бы в Ледовом побоище и участвовало «народное» новгородское ополчение, оно было бы отлично вооружено и выглядело бы совсем не так убого, как в кино — мужики-лапотники с дубинами, ослопами, оглоблями, в «кольчужках» явно не по росту — «да не (классовый — В.А.) враг дал, сам ковал»! Или, как писала Наталья Кончаловская в неоднократно цитируемой нами книге «Наша древняя столица»:

И с дружиной наравне,
Мужики в овчинах,
Кто пешком, кто на коне,
Даже при дубинах.

Но дело-то совсем в другом. Ливонским «тевтонам» пришлось «пробиваться свиньей» через Передовой полк отборной владимиро-суздальской княжеской «кованой рати» братьев Александра и Андрея Ярославичей, значительно превосходившей «мариан» (войско которых, как мы знаем, состояло в основном из легковооруженных чудинов-эстов) качеством и тяжестью вооружения.

О подавляющей мощи русских дружинников в двойных кольчугах и блистающих шлемах сообщают все «тевтонские» источники, начиная

с «Рифмованной хроники» XIII в. В немецком описании Чудской битвы было к тому же особо подчеркнуто, что суздальская конная рать «короля Александра» в изобилии имела луки, обладавшие огромной убойной силой. Именно градом стрел, выпущенных из этих (монгольских?) луков, русский Передовой полк отразил первую атаку ливонских «тевтонов».

Метит ратник, метит в цепь,
Что блестит на солнце, —
Хочет в шлем, в глазную щель
Поразить ливонца.
Стрелы острые у нас,
А попробуй, ну-ка!..
Попади «не в бровь, а в глаз» —
Хитрая наука!
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Ливонские «марианиты» повторили атаку, прорвали боевые порядки Передового полка и врубились в основную рать — Большой полк.

Расстановка русских войск была стандартной; князь во главе Большого полка в центре, впереди — Передовой полк, на флангах — полки Правой и Левой руки. Возможно, имелся еще и резервный, Засадный полк (как в фильме Эйзенштейна), однако обрывистый восточный берег Чудского озера в районе Вороньего камня (если побоище действительно произошло именно там) делал его необязательным. Маневра для окружения ливонских «тевтонов» Александру Невскому не требовалось — ведь они сами буквально рвались в окружение, в котором и погибли. В самоубийственной второй атаке участвовало более четырехсот ливонских конных воинов, в том числе около двадцати пяти «братьев-рыцарей». Менее десятка смогло прорваться назад и бежать по примеру чудинов-эстов, составлявших «тело» железной тевтонской «свиньи». Двадцать «братьев-рыцарей» полегло в жаркой сече, шестеро было взято в плен. В этом тевтонская хроника точно совпадает с русской (вместе с кнехтами — пятьдесят пленных немцев и четыреста убитых, усеявших своими телами окровавленный лед Чудского озера).

Скорее всего, никакой лед под ливонскими «тевтонами» 5 апреля 1242 г. не проламывался, и под лед они не уходили (да и как в таком случае они смогли бы «усеять лед своими телами на протяжении нескольких верст»). Ведь место для битвы выбирал сам князь Александр, который уж точно не стал бы выстраивать свою собственную тяжеловооруженную отборную конницу на тонком, подтаявшем льду (именно на этом основании ряд историков вообще ставит под сомнение самый факт, что сражение произошло «на льду» Чудского озера, а не «при» Чудском озере) ! Характерно, что даже Наталья Кончаловская в главе

«Слово о побоище Ледовом» своей «Нашей древней столицы» не говорит ни слова о ливонцах, провалившихся под лед Чудского озера! А вот в другом, уже упоминавшемся нами выше, сражении ливонцев с русскими, восемью годами ранее, в 1234 г., отец Александра Невского — князь Ярослав Всеволодович, потопил «братьев» ливонского ордена меченосцев (не влившегося еще в более крупный и сильный Тевтонский орден) в реке Эмбах, под хрупкий лед которой некоторые из них действительно провалились. Весьма красочный и леденящий душу мотив потопления немецких рыцарей, проваливающихся под лед, присутствует не только в фильме Эйзенштейна, но и почти на каждой картине, посвященной Ледовому побоищу. Но история его происхождения уходит в прошлое не далее, чем до XV в., когда он был впервые внесен в описание Чудской битвы, включенное в Софийскую Первую летопись.

Укажем, интереса ради, вес защитного вооружения западно- и среднеевропейского рыцаря первой половины XIII в.:

1) Кольчуга с длинными рукавами (а не стальные кованые доспехи, появившиеся гораздо позже!) — около четырнадцати килограммов;

2) Кольчужные чулки (около восьми килограммов пара) ;

3) Щит (около четырех килограммов) ;

4) шлем (около четырех килограммов).

Таким образом, общий вес рыцарского защитного вооружения составляет около двадцати семи килограммов, при этом весьма равномерно распределенных по телу и нисколько не сковывающих движений (так что представление о «неповоротливых», «тяжеловесных», «неуклюжих» западных рыцарях на поверку оказывается не более чем мифом — во всяком случае, в отношении рыцарей XIII столетия). Для сравнения — полная выкладка современного пехотинца составляет более сорока (!) килограммов. Но это так, к слову.

А если даже кто-то из «тевтонов» и провалился под лед, то это могли быть только те «слуги Божии», которых воины князя Александра оттеснили на так называемые «сиговицы» — подтаявший лед, не выдержавший тяжести дерущихся и действительно проломившийся под ними. Видимо, среди этих немногочисленных провалившихся под лед были не только «тевтоны», но и дружинники князей Александра и Андрея. Судя по иконографическим источникам описываемого времени, вооружение и доспехи русских дружинников практически не отличались от вооружения и доспехов средне- и западноевропейских рыцарей и, соответственно, весило не меньше. Не зря в «Слове о полку Игореве», описывающем события конца предыдущего, XII в., уже упоминаются «латынские» (латинские, то есть западноевропейские) шлемы русских князей.

Новгородская летопись так и говорит: «...иних (некоторых, нескольких, кое-кого) вода потопи...». Впрочем, довольно об этом.

Судя по немецкой хронике, ливонские «тевтоны» и их союзники бросились в бой от страха перед могучей ратью (возможно, включавшей татар), с которой «король Александр» отвоевал у них Псков и новгородские владения, захваченные ненадолго «марианами», а теперь шел на Дорпат (Дерпт). Именно дерптский епископ Герман фон Буксгевден взывал к ордену о спасении. И «тевтоны» спасли его — хотя и ценой собственных жизней.

Впрочем, князь Александр не собирался осаждать и штурмовать Дерпт, претендуя лишь на дань, которую дерптский епископ был обязан платить новгородскому князю за право владения эстами.

Сразу же после битвы «Господин Великий Новгород» заключил мир — причем не с ливонским филиалом Тевтонского ордена, а с епископами Риги и Дерпта. Епископы прислали в Новгород посольство с извинениями за вторжение и предложением примириться на границах, существовавших до 1240 г., произведя размен пленных. Как сказано в Новгородской Первой летописи, «в том же (1242) году прислали немцы с поклоном» в отсутствие князя что мы заняли Водь, Лугу, Псков, Латыголу (Латгалию) мечом, того мы все отступаем, а что мы взяли мужей ваших, теми разменяемся, мы ваших отпустим, а вы наших пустите», и заложников псковских отпустили и умирились». Стороны заключили мир, причем о возобновлении выплаты дерптским епископом «юрьевской дани» новгородскому князю и речи не было (хотя именно из-за невыплаты этой дани, собственно, и дошло дело до Ледового побоища) ! Не ясно, участвовал ли князь Александр в подписании мирного договора. Во всяком случае, в 1243 г. он уже замещал на владимирском «столе» (великокняжеском престоле) своего отца Великого князя Ярослава Всеволодовича, вызванного татаро-монгольским ханом в Орду.

Воодушевленные разгромом «тевтонов» в Ледовом побоище, в 1242 г. против власти ордена восстали пруссы. Непосредственной причиной восстания послужила, однако, не победа князя Александра, а нарушение Тевтонским орденом договора, по которому представителям прусской родоплеменной знати предоставлялось право участвовать в управлении делами земель. Восставшие опустошили Хелминскую землю (Кульмерланд), но большинство орденских замков устояло перед их натиском.

1 октября 1243 г. был подписан договор от взаимной защите и помощи между епископами Риги, Дерпта, острова Эзель и Тевтонским орденом Приснодевы Марии.

В 1244 г. в битве при Газе в далекой Святой Земле войско крестоносцев было разгромлено объединенной армией хорезмийских и египетских мусульман. После поражения Христовых воинов при Газе у Тевтонского ордена осталось в Святой Земле всего три (!) «брата-рыцаря» (триста девяносто семь «тевтонов» были убиты или попали в сарацинский плен).

В 1247 г. в Пруссию прибыло пополнение, состоявшее в основном из «братьев» других военно-монашеских орденов, и «тевтоны» перешли в наступление на прусских повстанцев.

23 ноября 1249 г. в битве при Крюкене пруссам удалось разгромить многочисленный отряд «тевтонов». В схватке пало пятьдесят четыре «орденских брата». Редко когда пруссам удавалось добиваться такого успеха в полевом сражении.

11. О высшем руководстве Тевтонского ордена

Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии имел строгий устав и четкую иерархическую структуру. Во главе ордена стоял Совет (Конвент) высших должностных лиц, называвшихся по-немецки «(гросс) гебитигеры», в переводе на русский — «(великие) повелители» и, в свою очередь, возглавлявшихся «орденсгебитигером», избиравшимся пожизненно Генеральным Капитулом (административным советом) и носившим первоначально титул магистра — «магистер» (magister) по-латыни и «мейстер» (meyster, meister) по-немецки, впоследствии же титул Верховного магистра — «Супремус магистер» (supremus magister) или «Магистер генералис» (magister generalis) по-латыни и «Гохмейстер» (Hochmeister) по-немецки (старонем.: homeyster).

Данное обстоятельство следует особо подчеркнуть, поскольку глава Тевтонского ордена в русскоязычной литературе почему-то (вероятно, в подражание главам других военно-монашеских орденов — например, храмовников или госпитальеров) упорно именуется не «Верховным», а «Великим» магистром. Латинское слово «магистер» (нам более привычна русифицированная форма «магистр»), равно как и его немецкий эквивалент «мейстер» («майстер») означает «мастер» в античном и средневековом значении этого слова («начальник», «учитель», «наставник» или, как тогда говорили — «ректор» — сравните наше современное «мэтр» в значении «авторитет», «величина в своей области»). Например, в немецком переводе Евангелия ученики Иисусовы именуют своего Божественного Учителя «Мейстер» (буквально «мастер», «магистр»).

Верховный магистр Тевтонского ордена, осуществлявший, в соответствии со своим титулом, верховную духовную и светскую власть и подчиненный непосредственно римскому папе, избирался пожизненно, хотя иногда орденские рыцари его смещали (например, Гергарда фон Мальберга или Генриха Рейсса фон Плауэна), а порой —

даже убивали (как Вернера фон Орзельна). Гохмейстер Карл фон Трир (Каролус де Тревери), смещенный своим окружением в 1317 г., покинул свою мариенбургскую резиденцию, был в 1318 г. восстановлен в должности на орденском Конвенте в городе Эрфурте, но в Мариенбург больше не вернулся, продолжая управлять орденом Приснодевы Марии из своего родного немецкого города Трира. Гохмейстер Буркхард фон Швенден (Бургардус де Сванден), выходец из Швейцарии, перед самым отбытием в Святую землю неожиданно вышел из Тевтонского ордена и вступил в орден госпиталариев, членом которого оставался до самой смерти (хотя и пытался впоследствии вернуться в орден Девы Марии). Но подобные случаи были крайне редки. По своему достоинству Верховный магистр, как духовное лицо, считался равным епископу римско-католической церкви, в знак чего носил полученный от папы епископский перстень («кольцо Верховного магистра») и посох. До наших дней сохранился перстень, датируемый первой половиной XIII в., якобы подаренный (анти) папой Гонорием III четвертому Гохмейстеру «тевтонов» брату Герману фон Зальца. Это массивное литое кольцо из червонного золота, украшенное большим, неправильной формы кроваво-красным рубином, обрамленным по бокам двумя крупными алмазами.

Первоначально Верховные магистры «тевтонов» носили такое же белое, с черным крестом на левом плече, облачение, что и все братья-рыцари своего ордена, независимо от занимаемой должности.

Единственным внешним отличием Верховного магистра от остальных рыцарей ордена Приснодевы Марии в описываемый ранний период орденской истории являлся нашитый на груди его белого кафтана (котты) или полукафтанья (сюрко) черный крест с серебряной окантовкой — первоначально прямой, но со временем превратившийся в лапчатый. И лишь гораздо позднее в гардеробе тевтонских Гохмейстеров появились упоминаемые в расходных книгах орденского казначея отороченные лисьим мехом перчатки, собольи накидки с золотой каймой, дорогие русские меховые шапки, серебряные пряжки, золотые шпоры, янтарные четки и прочие предметы роскоши, отнюдь не подобающей монахам (пусть даже и рыцарского звания). К концу XV в. серебряную окантовку, судя по дошедшим до нас иллюстрациям и гравюрам, получили и черные лапчатые кресты на белых плащах простых рыцарей и священников Тевтонского ордена. Именно этот черный, прошитый серебром тевтонский крест впоследствии, в начале XIX в., вдохновил прусских художников на создание знака Железного Креста, а в годы Первой Мировой войны — эмблем для боевых машин и самолетов германской армии.

12. Избрание Верховного магистра «Мариан»

Весьма любопытной представляется на наш взгляд процедура выборов Верховного магистра «тевтонов».

Сначала на заседании Генерального капитула зачитывался вслух Устав Тевтонского ордена. Затем служили обедню, во время который каждый член капитула пятнадцать раз читал молитву «Pater noster» («Отче наш»). После этого торжественного богослужения устраивалась традиционная даровая трапеза для тринадцати убогих. Затем Великий комтур (заместитель Верховного магистра) назначал первого электора (выборщика), тот, в свою очередь — второго, потом первый и второй выборщики вместе назначали третьего выборщика, и так далее, пока общее число всех выборщиков не достигало тринадцати. Это число считалось священным — в память Христа и двенадцати его апостолов — и складывалось из одного «брата-священника», восьми «братьев-рыцарей» и четырех «услужающих братьев», представлявших различные комменды (комтурии, командорства) Тевтонского ордена. Выборщики присягали на Святом Евангелии честно исполнить свой долг, после чего приступали к процедуре выборов нового Верховного магистра.

Как правило, выборы протекали спокойно, без особых разногласий, и завершались пением «Te Deum laudamus» («Тебя Бога хвалим...»). Затем заместитель главы ордена торжественно вручал вновь избранному Верховному магистру большую орденскую печать и перстень, символизировавший высшую власть над орденом. Под колокольный звон Верховный магистр, его заместитель и отправлявший торжественное богослужение «брат-священник» обменивались так называемым «поцелуем мира», после чего Верховный магистр, с согласия Генерального Капитула, назначал на высшие должности ордена новых «гебитигеров» (или оставлял в должности прежних).

Состояние орденской казны держалось в строжайшей тайне. Большая печать Тевтонского ордена хранилась

в потайном шкафу с тремя замками. Ключ от первого замка хранился у самого Верховного магистра, ключ от второго замка — у Великого комтура, ключ от третьего замка — у «тресслера» (казначея). Поэтому открыть этот шкаф они могли только втроем. Таким образом, власть Верховного магистра, хотя и была по сути дела самодержавной, тем не менее, ограничивалась Генеральным капитулом — например, в столь важных финансовых вопросах.

13. О должностном гербе Верховного магистра

Прямой черный крест Верховного магистра Тевтонского ордена Приснодевы Марии на белом поле имел в центре черного одноглавого орла «Священной Римской империи (германской нации)» на золотом щите. На черный крест был наложен более узкий золотой крест королевства Иерусалимского, основанного крестоносцами в Земле Обетованной (так называемый «Крест императора Констанция» — по древней легенде, римскому императору Констанцию, сыну первого христианского императора — Святого Равноапостольного Царя Константина Великого, в небе над Иерусалимом привиделся крест именно такой формы), чаще всего имевший форму, именующуюся в геральдике «костыльной» или «усиленной» (с поперечными перекладинами на концах лучей креста), оканчивающийся на концах золотыми геральдическими лилиями.

Черный одноглавый имперский орел на гербе Гохмейстера «мариан» связан с буллой римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена 1226 года, даровавшего тевтонскому Верховному магистру наследственные права суверенного владетельного государя в завоеванной Пруссии (не входившей в состав «Священной Римской империи») и титул князя (по-немецки: «фюрста», Fuerst, по-латыни: «принцепса», princeps) «Священной Римской империи германской нации» (во входивших в состав империи орденских владениях «тевтонов»).

Золотой иерусалимский крест был дарован Верховным магистрам Тевтонского ордена королем Иерусалимским Гвидо (ном) Лузиньяном вместе с рядом привилегий за заслуги тевтонских рыцарей в борьбе против сарацин в Святой земле. Золотые же лилии на концах креста в гербе Верховного магистра Тевтонский орден за аналогичные заслуги получил от французского короля-крестоносца Людовика IX Святого. К середине XIV в., в эпоху расцвета Тевтонского ордена в Пруссии, этот уже далекий от первоначальной монашеской простоты, пышный герб украшал

белое облачение, доспехи, щит, конскую попону, Большую и Малую хоругвь Верховного магистра (а с середины XV в. и по сей день — богато украшенный шейный крест на черной ленте и металлический крест, который Гохмейстеры носят слева на груди, в качестве своеобразного эквивалента орденской звезды).

14. Все ли тевтонские рыцари были дворянского происхождения?

В качестве полноправных членов в Тевтонский орден в первые столетия его существования принимались главным образом отпрыски дворянских родов (как правило, младшие сыновья мелкопоместных рыцарей, не получавшие доли в отцовском наследстве), но, наряду с ними, также и не принадлежавшие в рыцарскому сословию (лат.: ordo equester, буквально: «всадническому сословию» — термин, заимствованный из терминологии Древнего Рима, где «всадниками» — «эквитами», лат.: equites — именовалось второе по знатности, богатству и значению сословие после патрициев-сенаторов) бюргеры (горожане) — главным образом, граждане торговых ганзейских городов Бремена и Любека (как дань уважения первым «тевтонским» странноприимцам, происходившим из этих двух городов) — и хорошо зарекомендовавшие себя незнатные воины-крестоносцы.

Последние за особые заслуги, пройдя период послушничества и после принесения необходимых обетов и принятия монашеского пострига, возводились в сан «брата-рыцаря» (лат.: frater miles или frater militarius, буквально: «брата-воина») Тевтонского ордена лично Гохмейстером (который сам обычно был выходцем из нетитулованного рыцарского сословия, и лишь в редких случаях — из аристократических родов «Священной Римской империи германской нации»). Подниматься по служебной лестнице до высших административных должностей могли, как правило, лишь «братья-рыцари», хотя бывали и исключения. Так, например, Верховный магистр Карл фон Трир был сыном горожанина (бюргера) из немецкого города Трира (античной Августы Треверорум) на Рейне. «Братья-рыцари», «братья-сарианты» и «братья-священники» приносили обет пожизненного служения Тевтонскому ордену.

«Братья», вступившие в Тевтонский орден, передавали ему всю свою движимость и недвижимость (если таковая имелась), навечно вешали щиты со своими фамильными

гербами (если обладали таковыми) на стены орденской церкви и отныне украшали свой щит только черным на белом поле крестом ордена Святой Девы Марии. В случае их смерти или исключения из военно-монашеского братства все внесенное ими имущество оставалось в собственности Тевтонского ордена. И лишь впоследствии, когда орден превратился из военно-миссионерской организации в «госпиталь немецкого дворянства» (для вступления в который стали требоваться все более длинные списки поколений благородных предков), дело дошло до нашивания фамильного герба тевтонского рыцаря поверх украшавшего его белый плащ черного орденского креста, наложение родового герба на орденский крест в геральдических документах и других вопиющих нарушений устава Тевтонского ордена. Кстати, почему, собственно говоря, «Тевтонского» и какое отношение «тевтоны» или «тевтонцы» имеют к немцам и Германии?

15. О происхождении слова «тевтоны»

Первые упоминания о «тевтонах» (лат.: teutoni) относятся к 350—320 гг. до Р.Х., когда древнегреческий мореплаватель Пифей (который, кстати, впервые поведал миру о существовании за Полярным кругом таинственной земли «Крайняя Туле», или «Крайняя Фула» (лат.: Ultima Thule) из Массилии (Марселя) достиг северо-западного побережья современной Германии и обнаружил обитавшее там племя «тевтонов». Согласно Пифею, эти «тевтоны» вели с греками меновую торговлю «электроном» (то есть «солнечным камнем» янтарем), который собирали на каком-то острове «Абал» (Абалон, Авалон — возможно, «Остров Яблок», связанный в позднейших легендах с феей Морганой и королем Британии Артуром Пендрагоном?), лежащем в одном дне пути от побережья (некоторые историки пытались локализовать «Абал» в районе современного немецкого острова Гельголанд). Во второй раз греко-римский мир столкнулся с тевтонами в 104—101 гг. до Р.Х., когда они, в союзе с племенем кимвров, чуть было не завоевали Италию, но были разбиты римским диктатором Гаем Марием с двух кровопролитных сражениях — при Аквах Секстиевых и при Верцеллах. Долгое время позднейшие исследователи считали оба северных племени германскими (тем более, что античные историки не сразу начали отличать древних германцев от их западных соседей — кельтов, или галлов). В настоящее время большинство историков склоняется к тому, чтобы считать кимвров все-таки не германцами, а кельтами (об этом, в частности, говорит, чисто кельтское имя их вождя — Бойорикс, или Бойориг). Тевтонов же (и их «короля» Тевтобода, нем.: Teutobod), разбитых римлянами в 102 г. до Р.Х. в Галлии, с некоторыми сомнениями (высказываемыми прежде всего французскими историками в приливе «галльского», то есть «кельтского» патриотизма) все-таки относят к числу германцев, хотя известно, что в пантеоне именно кельтских (а не германских) божеств был «одноименный» тевтонам бог Тевтат (Teutatis или Toutatis). На языке древних германцев существительное «тиот» (tiot) или «тиод» (tiod)

означало «народ», а прилагательное «тиотиск» (tiotisk) — «народный». После основания древнегерманских королевств на развалинах Западной Римской империи в V в. по Р.Х. официальным языком, а кое-где — и языком знати, духовенства и вообще — образованных людей в них стала латынь, а германские диалекты стали пренебрежительно именоваться «тиотиск» (tiotisk), то есть «(просто) народный» язык. В IX в. крупнейшее из образовавшихся на бывших римских землях «варварских» государств — Франкское королевство (лат.: Regnum Francorum) — разделилось на две половины: Западнофранкскую (давшую начало позднейшей Франции) и Восточнофранкскую (давшую начало позднейшей Германии).

К тому времени западные франки, перемешавшиеся с романизированным населением завоеванной ими прежней римской Галлии, окончательно забыли свой «простонародный» германский язык, а восточные франки, продолжавшие жить на своих коренных германских землях (в Германии и по сей день существует историческая область, называющаяся по-русски «Франкония», а по-немецки — просто «Франкен», Franken, то есть буквально «франки»), наоборот, сохранили свой язык «тиотиск» (tiotisk). Но его название теперь уже произносилось как «тейч» или «тойч» (teutsch), от чего, в свою очередь, произошло современное название немецкого языка — «дойч» (deutsch), или, как чаще пишут по-русски, «дейч». Так слово, означавшее «простонародный», стало этнонимом, то есть обозначением германоязычной немецкой нации.

Однако средневековые книжники-латинисты, в соответствии со столь распространенной в те времена «фантастической этимологией», то есть исключительно по созвучию, возвели слово «тойч» = teutsch («немецкий») к не совсем ясным по своему происхождению, но прославившимся в войнах с великим Римом и тем самым сделавших родство с ними лестным для любого народа «тевтонам» (по-немецки это слово звучит как Teutonen = «тейтонен» или «тойтонен»), и сделали, в соответствии со вкусами своего времени, овеянное славой древних веков слово «тевтон» синонимом слова «немец» (по аналогии с тем, как французов стали, на древнеримский манер, именовать «галлами», англичан — «бриттами», шведов — «готами», русских — «скифами» или, того хлеще, «тавроскифами», а поляков — так даже «сарматами»). Поэтому Немецкий орден («Тейчер Орден»=Teutscher Orden, а позднее «Дейчер Орден»=Deutscher Orden) стал, в переводе на латынь, именоваться «Ордо Тейтоникорум» (Ordo Teutonicorum или Ordo Theutonicorum), а орденская провинция Германия (Аллемания) стала называться «Тевтонией» (Teutonia).

16. Знамена и хоругви

На Главной хоругви Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии были изображены Пресвятая Богородица с Богомладенцем Иисусом на руках, а справа от Богородицы — герб ордена — прямой черный крест на белом (серебряном) поле. Вероятно, данное изображение украшало аверс главной орденской хоругви «тевтонов», в то время как на ее реверсе был изображен святой мученик Маврикий (так, во всяком случае, обстояло дело с главной хоругвью ливонского филиала Тевтонского ордена — прямого наследника прибалтийского ордена воинства Христова, или меченосцев, известного также как орден Меча). Наличие у рыцарей-«мариан» этой Главной хоругви с образом Пресвятой Богородицы, Небесной Покровительницы и Заступницы ордена, не подлежит никакому сомнению, будучи засвидетельствовано многочисленными хрониками и другими документами, однако о ее наличии в рядах тевтонского войска Верховного магистра брата Ульриха фон Юнгингена в день битвы с польско-литовско-русским войском под Танненбергом 15 июля 1410 г., не сообщает ни один хронист. Возможно, кому-то из тевтонских рыцарей удалось спасти это главное знамя своего ордена, вследствие чего оно не попало в руки победителей и, соответственно, в известный список хоругвей и знамен Тевтонского ордена (лат.: «Бандериа Прутенорум», Banderia Prutenorum, то есть «Прусские знамена»), составленный польским хронистом каноником Яном Длугошем.

Другое боевое орденское знамя, так называемая Большая (Великая) хоругвь Тевтонского ордена, было первоначально совершенно белым, безо всяких изображений. Позднее Большая хоругвь представляла собой белое полотнище с прямым черным крестом и тремя косицами (что соответствовало рангу Верховного магистра). «Земский магистр»-ландмейстер имел хоругвь с двумя косицами. Каждый отряд («хоругвь», «фане», «баннер») орденского войска имел собственное знамя (также именовавшееся хоругвью или баннером) с различными геральдическими изображениями.

На знаменосцев возлагалась весьма почетная, но вместе с тем и весьма опасная миссия — возить знамя, беречь его

как зеницу ока и в то же время не забывать своевременно подавать знаменем необходимые сигналы своим войскам (в лязге и грохоте тогдашних рукопашных схваток команды, да и трубные сигналы очень быстро становились неразличимыми, так что вся надежда была на знамя). Знамя было лучшим средством оповещения и ориентиром. К нему стягивались (от этого, кстати, происходит и одно из русских названий знамени — «стяг») войска для перестройки и новой атаки. Знаменем подавались сигналы в бою.

Внезапное исчезновение знамени-хоругви во время боя — это случилось, к примеру, с главным знаменем польского войска при Танненберге — Большой (Великой) Краковской хоругвью — могло вызвать панику, его утрата символизировала поражение и считалась огромным позором. Неправильно поданный знаменем сигнал мог привести собственные войска в замешательство (что произошло в ходе битвы при Танненберге, когда изменивший «тевтонам» кульмский рыцарь — вассал ордена Девы Марии — Никкель (Нильце, Нитце) фон Ренис подал своим знаменем (на одной половине которого, согласно описанию польского хрониста Яна Длугоша, были изображены белые, а на другой — красные волны с черным крестом и черной чертой наверху) ложный сигнал к отступлению и способствовал поражению «тевтонов»). За подобные действия орденский Устав предусматривал смертную казнь для нерадивого (или вероломного) знаменосца. Обезглавлен был и Никкель фон Ренис (правда, не сразу). Хотя к знамени-хоругви приставляли надежную охрану, служить знаменосцем (хоругвеносцем) было небезопасно. Знаменосец постоянно являлся первоочередным объектом вражеских нападений и потому всегда носил особо прочное защитное вооружение. Нередко роль знаменосцев выполняли орденские комтуры. Полотнище знамени должно было иметь довольно большие размеры, чтобы хорошо различаться издалека, но не слишком большие, чтобы не обматываться вокруг головы знаменосца или головы его коня (что могло иметь фатальные последствия).

Древко знамени обычно заканчивалось острием, как у копья. Как уже говорилось, в бою знамя тщательно охранялось. Устав Тевтонского ордена требовал назначать в эскорт знамени только самых опытных, отборных «братьев-рыцарей», вооруженных мечами (иногда даже парой мечей каждый), булавами, шестоперами, чеканами и боевыми топорами, готовых и способных отбить любое вражеское нападение. Им было строжайше запрещено отлучаться в ходе боя от знамени и оставлять его без защиты. Рыцарям «знаменной группы» не выдавались копья, поскольку для нанесения «таранного» удара копьем необходимо было разогнаться, а, следовательно — покинуть знамя, оставив его без присмотра. В качестве дополнительной меры предосторожности, для предотвращения паники в случае потери знамени, комтур обычно имел запасное знамя, обернутое вокруг копья. Но Большая (Великая) хоругвь ордена Святой Девы Марии, а также Большая

(Великая) и Малая хоругви Верховного магистра существовали только в одном единственном экземпляре.

Со временем у Тевтонского ордена появился свой собственный флот, превратившийся во внушительную военно-морскую силу на Балтике. Мачты орденских кораблей были украшены белыми флагами, а корма и борта — белыми щитами с изображенными на них черными крестами (первоначально — прямыми, а позднее — лапчатыми).

17. «Белые плащи»

Основную ударную силу орденского войска «мариан» составляли тяжеловооруженные «братья-рыцари» («белые плащи»), сражавшиеся преимущественно в конном строю. По-крайней мере, так было в начальный период пребывания ордена Пресвятой Девы Марии в Палестине, где главными противниками «тевтонов» выступали арабские и тюркские наездники-мусульмане (сарацины) и в Седмиградье (Трансильвании), где «Божиим дворянам» пришлось иметь дело с легкой конницей куманов (половцев), от которых «тевтонам», приглашенным венгерским королем Андреем II (Андрашем, Эндре), надлежало оборонять границы Венгрии.

Но в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация во многом изменилась. Кстати, такая возможность была предусмотрена и статьей 22-й орденского Устава тевтонов «О том, что относится к рыцарству», в которой, в частности, говорилось: «Воистину, поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов Креста и Веры, то в зависимости от разнообразия земель и обычаев и нападения врагов надлежит сражаться разным оружием и разными способами...»

Действительно, местность в Пруссии и Лифляндии (Ливонии), изобиловавшая густыми лесами, болотами и реками, была не слишком пригодной для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от классического ведения рыцарями военных действий на территории Святой Земли и Европы (преимущественно конного), тевтонским «братьям-рыцарям» часто приходилось вести бой пешими и биться нередко нетипичным для рыцарей оружием. Так, например, «брат-рыцарь» Генрих фон Таупадель (разумеется, прекрасно владевший копьем, мечом, топором, шестопером и булавой), особенно прославился своей меткой стрельбой из «(ручной) баллисты», то есть из самострела, «кущи», или арбалета (хотя в составе войска ордена имелись наемные арбалетчики и лучники — как, впрочем, и отличная наемная пехота и легкая

кавалерия — «туркополы», подчинявшиеся, как и в ордене иоаннитов-госпитальеров, особому орденскому должностному лицу — туркопольеру).

Согласно орденскому летописцу брату Петру из Дусбурга, при осаде орденского замка Шенензе вождем прусского языческого племени бартов Диваном (Диване) : «...брат Арнольд Кроп выстрелом из баллисты прострелил горло упомянутому Дивану. Остальные ни с чем ушли».

А при штурме прусскими язычниками замка Кенигсберг: «...один брат среди прочих оборонявшихся был вынужден бросить заряженную баллисту и едва спасся бегством. Подняв эту баллисту, один самб повесил ее себе на шею. Другие, окружив его, чрезвычайно дивились тому, что это такое, ибо раньше такого не видели, и прикасались к ней руками в разных местах; наконец, когда кто-то нажал на спуск, струна (тетива — В.А.) баллисты перерезала ему горло, так что вскоре он умер. Поэтому пруссы с тех пор очень боялись баллист».

Еще недавно даже многие историки (недооценивавшие значение постоянной физической тренировки и непрерывного военного обучения) считали, что «неповоротливые» средневековые рыцари, якобы, физически не способны сражаться в пешем строю (по причине тяжести доспехов). Необходимо заметить, что это — очень старое заблуждение. Еще в XIII в. жертвой подобных ложных представлений пал князь («принцепс», получивший впоследствии титул «дукс», dux, то есть «герцог») Поморский (Померанский) Святополк (Свантеполк), бывший союзник Тевтонского ордена в борьбе с язычниками-пруссами, со временем изменивший ордену и даже возглавивший восставших против ордена пруссов (чтобы со временем предать и их и снова переметнуться на сторону «тевтонов»; брат Святополка, князь Ратибор, даже вступил в Тевтонский орден).

Недооценка боевой выучки и физических способностей «Божьих дворян» дорого обошлась поморскому князю. Орденский хронист брат Петр из Дусбурга так писал о битве, в которой «тевтоны» нанесли просчитавшемуся «дуксу» Святополку тяжелое поражение:

«Но Свантеполк, полагая, что братья (тевтонские рыцари — В.А.) не собираются бежать, повелел тысяче лучших бойцов своего войска спешиться, наставляя их, чтобы они с превеликим шумом и гамом напали на братьев и, встав под прикрытием щитов, своими копьями пронзили бы коней христиан, говоря: «На них тяжелые доспехи, и они не могут сражаться пешими».

Между тем, ход сражения показал, что Святополк жестоко просчитался. Его войско было наголову разгромлено «марианитами», даже лишившимися своих боевых коней.

В период пребывания Тевтонского ордена в Святой земле европейские боевые кони были редкостью. Братья ордена Приснодевы Марии вынуждены были пользоваться низкорослыми лошадями местных сирийских пород

(так называемыми «туркоманами»), а нередко даже сражаться в пешем строю. Большую помощь ордену оказали легкоконные отряды туркополов, вербовавшиеся первоначально из сирийских и палестинских христиан, а в впоследствии — из осевших в Святой земле «франков», перенявших у арабов, сирийцев, армян и турок их коней, вооружение и военную тактику.

Во владениях Тевтонского ордена (в том числе — в Пруссии) имелись превосходные по тем временам конные заводы. Боевые кони «тевтонов» являлись результатом тщательной селекции, направленной на соединение качеств лошадей арабских пород, с которыми «мариане» познакомились и ценить которых они научились еще в палестинский период существования ордена, и европейских тяжеловозов. Конь не должен был бояться противника, а наоборот, бросаться на него и бить неприятельских коней и воинов передними ногами, вставая на дыбы. Главный недостаток рыцарских коней заключался в их быстрой утомляемости. Они были не способны к быстрой скачке галопом, предпочитая двигаться медленным шагом или рысью. Непоправимый урон прусским конным заводам — залогу боевой мощи орденской кавалерии — был нанесен литовско-польским войском после поражения орденской армии при Танненберге летом 1410 г. Конные заводы подверглись разгрому и опустошению, множество чистокровных лошадей угнано в Литву и Польшу. Впрочем, пока что до этого было еще далеко...

Передвижение рысью, особенно мучительное для всадника, считалось у «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов» Тевтонского ордена суровым наказанием. Час движения рысью в полном боевом вооружении был для них настоящей мукой. Хорошо известно, однако, что они садились на боевых коней только в самый последний момент перед сражением, передвигаясь до этого на других, походных лошадях, обычно местной низкорослой прусской породы (так называемых «швейках» или «шейках»). Для перевозки оружия, имущества и припасов использовались еще менее ценные вьючные лошади.

«Братья» Тевтонского ордена Святой Девы Марии отличались высоким боевым духом и в плен обычно не сдавались (во всяком случае, врагам Христовой Веры; впрочем, те их обычно в плен и не брали, предпочитая сжигать живьем на кострах или, вспоров им животы, водить вокруг дерева, наматывая кишки Христовых воинов на древесный ствол, пока истязуемый не отдавал Богу душу). Среди них было распространено поверье, согласно которому каждый «тевтон», павший в бою за веру, причислялся к воинству небесному, т.е. становился ангелом (замещая одного из ангелов, совращенных в начале времен Сатанаилом-Сатаной, увлекшим треть небесного воинства на бунт против Бога, понесшим поражение от архистратига архангела Михаила и низвергнутого со своими приспешниками в ад кромешный, где они превратились в бесов). Поэтому воины Девы Марии шли в бой без особого страха (во всяком случае, в эпоху классиче-

ского религиозного сознания), зная, что в случае мученической смерти на поле брани пополнят собой число ангелов. Они придерживались строгой монашеской дисциплины и по пятницам обязательно бичевали себя сами или друг друга — в память крестных мук Спасителя.

Как мы уже упоминали выше, орденское облачение «марианитов» строго регламентировалось Уставом. Так, «братья-рыцари» (лат.: «фратрес милитес», fratres milites, нем.: «риттербрюдеры», Ritterbrueder) в мирное время носили длинный белый кафтан (котту или якку) в военное время — более короткое полукафтанье (сюрко) без рукавов, а поверх него — плащ (мантию), и то, и другое — белого цвета. В военном походе кафтан (полукафтанье) и плащ надевали поверх доспехов. На своей белой военной одежде и белых плащах тевтонские рыцари носили орденскую эмблему — прямой (позднее — лапчатый) черный «латинский» (с более длинным нижним лучом) крест, пришиваемый слева на плащ напротив сердца и на грудь кафтана (полукафтанья).

Поэтому не удивительно, что греческий путешественник из Восточной Римской империи (Византии) Ласкарис (Ласкарь) Канан, совершивший в начале XV в. самое дальнее путешествие в страны Западной Европы (включая даже Исландию, которую он, вслед за античным географом Клавдием Птолемеем, именовал «Фулой», или «Туле»), совершенное когда-либо византийцами, описывая Ливонию (где он посетил, в частности, города Ригу и Ревель), подчеркивал, что городами управляет архиепископ, а страной — «дукс (лат.: dux — полководец, воевода, отсюда титул вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини — «дуче», duce — В.А.) — великий магистр белых одеяний и черного креста».

Черный орденский крест украшал также белые орденские знамена, флажки-прапорцы на копьях, щиты, а в некоторых случаях — также шлемы и белые попоны боевых коней. Каждый «брат-рыцарь» обязан был иметь трех лошадей (для боя и для перевозки поклажи) и одного конного оруженосца — «брата-сarианта» (от французского слова «сержант» и латинского слова «сервиент», то есть «слуга»). В соответствии с требованиями орденского устава, каждый тевтонский «брат-рыцарь» был оснащен всем необходимым вооружением — прочным, удобным, но безо всяких узоров или украшений (на последнее обстоятельство обращал особое внимание еще Бернар Клервосский в своей «Похвале новому рыцарству», обращенной в первую очередь к тамплиерам, но служившей руководством и для других военно-монашеских орденов «Церкви воинствующей»). Обычный набор рыцарского вооружения включал длинное копье с древком из ясеня, граба, пихты или яблони, обоюдоострый меч, кинжал и булаву (а иногда еще и шестопер-пернач, боевой топор, или секиру).

Защитное вооружение «брата-рыцаря» Тевтонского ордена в период войн в Святой Земле, Трансильвании, Пруссии и Ливонии включало

клепаный шлем с наносником, защищавшим в бою лицо рыцаря от ранений, и кожаным подшлемником, стеганой суконной шапкой или кольчужным колпаком, амортизировавшим удары (вытесненный со временем, хотя и далеко не повсеместно, горшковидным шлемом с глухим забралом и прорезями для глаз), длинной кольчуги с рукавами, кольчужных чулок с металлическими наколенниками (нередко — с кольчужными башмаками), иногда — кольчужных или латных рукавиц, а также щита — в описываемую эпоху преимущественно треугольного или каплевидного (миндалевидного).

Шлем удерживался на голове прочными кожаными завязками. Щит, изготовленный из прочных досок, обтянутый толстой кожей и обитый металлическим ободом, был оснащен системой кожаных ремней, позволявших удерживать его либо на руке, либо на плече. Обычно щит был белого цвета с черным орденским крестом (форма которого не была единообразной в течение всего периода существования Тевтонского ордена, а периодически изменялась под влиянием моды и иных обстоятельств), но имели место и исключения из этого правила.

Так, например, дошедший до наших дней щит Гохмейстера «мариан» Карла Трирского (Карла фон Трира), имевший форму сужающегося книзу овала, был не белого, а красного цвета, с желтым ободом (украшенным выполненной черными литерами латинской надписью следующего содержания: «Щит и шлем магистра ордена тевтонских братьев»), с изображением увенчанного шлемом должностного герба Верховного магистра). Впрочем, существует представляющееся вполне обоснованным мнение, что этот богато украшенный щит был не боевым, а исключительно парадным (церемониальным).

Составляя со своим боевым конем единое целое, устремив вперед зажатое под мышкой копье, «братья-рыцари» и «братья-сарианты» ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской были способны, во славу Христовой Веры и своей Небесной Покровительницы, пробить самую прочную неприятельскую броню.

По Уставу Тевтонского ордена его членам (подобно тамплиерам и госпитальерам) строжайше воспрещалось носить какие-либо украшения. Тем не менее, со временем к этим запретам стали относиться более снисходительно, чем в первые, суровые века существования ордена Пресвятой Девы Марии. Так, при описании Танненбергской битвы 15 июля 1410 г. польский историк Ян Длугош упоминает, что рыцарь ордена Приснодевы Марии брат Дипппольд Кикериц фон Дибер (напавший на самого польского короля Владислава Ягелло), в белом тевтонском плаще, был с головы до ног облачен в богато украшенные доспехи и препоясан золотой перевязью. У самого Верховного магистра Тевтонского ордена брата Ульриха фон Юнгингена, павшего в этой битве, на груди поверх лат висел на золо-

той цепи золотой же ковчежец со святыми мощами, а по другой версии — даже с частицей Святого Истинного Креста (якобы делавший его неуязвимым для неприятельского оружия; по легенде, сразить его удалось только еще более священной реликвией — Голгофским копьем сотника Лонгина, которым тот некогда пронзил ребро распятого на кресте Богочеловека, каким-то таинственным образом доставленным на поле битвы из Кракова, где оно хранилось с того времени, как было подарено римско-германским императором Оттоном III из династии Салиев своему вассалу Болеславу Храброму, правителю Польши), и т.д.

Разумеется, со временем, по мере утяжеления и усложнения наступательного и оборонительного вооружения, западноевропейских армий, введения в них артиллерии и ручного огнестрельного оружия, соответствующие изменения происходили и в войсках Тевтонского ордена (как, впрочем, и в войсках других военно-монашеских орденов). А после утраты тяжелой рыцарской конницей с ее длинным копьем статуса основной ударной силы на полях сражений эту роль стала играть превосходная, по тем временам, артиллерия ордена Приснодевы Марии.

18. Комтуры

Особо важное место среди «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена занимали комтуры (коммендаторы, комментуры или командоры). Эти должностные лица ордена Пресвятой Девы Марии, избираемые из числа наиболее опытных и одаренных «братьев-рыцарей», управляли определенными территориями или областями «тевтонского» орденского государства, являясь одновременно комендантами замков-монастырей, представлявших собой церковные, военно-административные и хозяйственные центры означенных территорий.

Соответственно, на комтуров, подчиненных «ландмейстерам» (магистрам орденских провинций, или земским магистрам) возлагались орденским руководством церковные, административно-хозяйственные и военные функции. В военное время комтуры возглавляли отряды орденских «братьев-рыцарей», несших военную службу в подчиненных им округах-комтурствах (комтуриях) и составлявших конвент (совет) их комтурий (с которым комтуры, в случае необходимости, советовались по важным вопросам), и представляли собой своеобразный командный состав среднего звена. Положение и должность обязывали комтуров сражаться в первых рядах, поэтому потери среди них были особенно велики.

Так, например, один из «тевтонских» должностных лиц, брат Генрих Штанге (комтур Христбурга, исполнявший одновременно обязанности вице-магистра Пруссии), согласно некоторым источникам, был обязан своим прозвищем (словом «штанге», Stange, на средневерхненемецком языке именовалось рыцарское копье) виртуозному искусству, с которым он владел копьем, и вышел победителем из бесчисленного количества конных схваток на копьях (хотя его противники — язычники-пруссы, которых — к сожалению, не только в популярной литературе! — вопреки исторической правде, нередко изображают толпой пеших, косматых лесовиков с дубинами и топорами! — также прекрасно владели искусством конного боя на копьях). Комтур Генрих Штанге, вместе со своим братом Германом, пал

в бою с прусским племенем самбов при Гермау в 1253 г., прикрывая отход христианского войска в безопасное место. Как писал орденский летописец брат Петр из Дусбурга в своей «Хронике земли Прусской»: «Об этом брате Генрихе Штанге, комтуре Христбурга, достоверно повествуется, что, когда он в часовне, преклонив колена перед алтарем, молил Бога, чтобы Он явил ему какой-нибудь знак, если считает его достойным своей милости, то деревянная фигура Распятого, перед которой он молился, протянула руку свою и, осенив крестом, благословила его, и он, увидев этот знак, ушел довольный. Это видел и сообщил всем брат Гейндрик, священник этого же замка, который молился в то время в одном углу часовни».

Черные кресты на белом одеянии комтуров, обозначая их высокий ранг, были большего размера, чем у рядовых «братьев-рыцарей».

Заместителем комтура был «домовый комтур» (гаузкомтур, Hauskomtur), облеченный правом принятия решений в отсутствие (а также в случае тяжелого ранения, болезни или гибели) комтура.

Тевтонские воители шли в бой с песнью, созвучной пасхальной молитве: «Christ ist erstanden von der Marter alle...» (по-латыни: «Christus resurrexit de mortuis...», а по-русски: «Христос воскресе из мертвых смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»). Утверждение некоторых авторов, будто члены Тевтонского ордена при встрече приветствовали друг друга словами «С нами Бог!» (нем.: «Готт мит унс!», Gott mit uns!), хотя и представляется нам вполне соответствующим духу времени, не находит себе подтверждения в орденском Уставе рыцарей Девы Марии.

Девиз Тевтонского ордена звучал (и звучит по сей день) : «Исцелять-Защищать-Помогать» (нем.: Heilen-Wehren-Helfen).

19. «Братья-священники»

«Братья-рыцари» (нем.: «пристербрюдер», Priesterbrueder) и «братья-сарианты» («сариантсбрюдер», Sariantsbrueder) Тевтонского ордена, будучи монахами, несли военную службу, различаясь по сословным признакам. Но, наряду с «братьями-рыцарями» и «братьями-сариантами», в Тевтонский орден входили также «братья-священники» (а не «братья-монахи», как иногда неправильно утверждают — ибо монахами являлись все полноправные члены ордена Девы Марии). Для «братьев-священников» ордена Приснодевы Марии происхождение из того или иного сословия значения не имело. «Братом-священником» мог стать как дворянин, так и простолюдин. Численность «братьев-священников» (приносивших, в отличие от «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов», только три «классических» монашеских обета — нестяжания, безбрачия и послушания, но не приносивших обета поборать на язычников) довольно сильно колебалась в различные периоды истории ордена Девы Марии, но они на протяжении долгого времени уступали «братьям-рыцарям» как в числе, так и во влиянии.

В силу своего статуса «братья-священники» обычно не принимали участия в прямых боевых столкновениях с неверными. Тем не менее, их существование отнюдь не было тихим и безмятежным. В военных походах «братья-священники» неизменно сопровождали орденское войско, разделяя с воинами Христовыми все тяготы и трудности походной жизни, и в то же время неустанно вели миссионерскую деятельность на покоренных территориях, населенных язычниками. Мало того! Иные «братья-священники», по собственному почину, получив благословение Верховного магистра, отправлялись нести Слово Божие язычникам на еще не христианизированные территории, и нередко погибали от рук язычников. Многие из них приняли мученический венец за Христа и Христианство. Если язычникам удавалось разбить орденское войско, они обычно никого не оставляли в живых, предпочитая сжигать пленных заживо в жертву идолам. Но если у «брата-рыцаря» или «брата-сарианта», попавшего в руки нехристей, имелся хоть какой-то

шанс быть выкупленными или обмененными, то «брата-священника» во всех случаях ждала верная, мучительная смерть (обычно на костре).

В орденской хронике описан подвиг некоего «брата-священника», спасшего своих собратьев по ордену от верной смерти, дав им возможность скрытно бежать из осажденной язычниками крепости. Этот старый и больной «брат-священник», у которого отнялись ноги, так что он мог передвигаться лишь с невероятным трудом, каждый канонический час звонил в колокол, делая вид, что собирает орденский гарнизон на богослужение, тогда как «тевтоны» в действительности уже давно скрытно покинули обреченную крепость. В конце концов, язычники распознали его хитрость и замучили немощного старика, оправдавшего своим подвигом слова Священного Писания: «Нет любви больше той, как если кто положит душу свою за други своя».

Как уже говорилось выше, среди «братьев-священников» ордена Пресвятой Девы Марии были выходцы как из дворянского сословия, так и из простонародья. Согласно Уставу, они носили черную рясу, а поверх рясы (начиная с 1244 г.) — белую мантию с черным орденским крестом (так что часто встречающееся утверждение, будто «только «братья-рыцари» Тевтонского ордена были вправе носить белый плащ с черным крестом» на поверку также оказывается неверным!) и выстригали на макушке «гуменце»-тонзуру, как и все римско-католические священники того времени. Бороду «братья-священники» Тевтонского ордена, судя по сохранившимся иллюстрациям, стали носить лишь в конце XV в. (в то время, как тевтонским «братьям-рыцарям» носить ее с самого начала предписывалось Уставом, как и рыцарям ордена тамплиеров, поэтому поляки и литовцы именовали их «бородачами»; литовцы срезали убитым в бою «тевтонам» бороды вместе с кожей подбородка и с нижней губой — подобно тому, как индейцы сдирали скальпы с голов поверженных врагов — и украшали ими свои шатры и конскую сбрую). Никакого оружия (кроме «духовного меча, который есть Слово Божие») «братьям-священникам» по Уставу, разумеется, не полагалось.

20. «Услужающие братья»

Третью группу (сословие, или чин) членов Тевтонского ордена составляли уже упоминавшиеся нами «сарианты», или «услужающие братья», по-немецки: «диненде брюдер», dienende Brueder (именуемые по цвету их одежды «серыми плащами», по-немецки: «граументлер», Graumaentler) — «слуги (динеры) ордена» в самом широком смысле этого слова. «Услужающие братья» набирались из представителей незнатных сословий, но, тем не менее, являлись полноправными воинами. Впрочем, часть из них, так называемые «кнаппены» (Knappen), служившие «денщиками» (нем.: «лейббуршами», Leibburschen) и оруженосцами у «братьев-рыцарей», могли быть как незнатного, так и знатного рода. В последнем случае они почти всегда могли надеяться на то, что их, в свое время, также посвятят в рыцари Тевтонского ордена, в первом случае такая надежда была весьма слабой (хотя все-таки была). В бою «братья-сарианты» (лат.: «фратрес сервиентес», fratres servientes, fratres sarjandi или fratres sariandi, нем.: «сариантсбрюдер», Sariantsbrueder) могли исполнять функции младшего командного состава, возглавлять отряды ополчения принадлежавших ордену Девы Марии земель, причем сражались не только в пешем, но и в конном строю.

Так, например, именно «братья-сарианты» составляли основную часть орденского контингента в рядах «латинского» войска, разбитого Святым Благоверным князем Александром Невским в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. Согласно уставу, в мирное время «братья-сарианты» занимали низшие административные должности — ведали конюшнями, кузницами, сбруей, обмундированием, служили воинами, оруженосцами и т.д. и т.п.

По Уставу «услужающим братьям» разрешалось приносить не обязательно пожизненный, но и временный обет служения ордену. Это послабление облегчало обеспечение набора достаточного количества «услужающих братьев» в войско перед военными походами, тогда как в периоды затишья нужда в них порой отпадала. В соответствии с требованиями орденского Устава, «услужающие братья» носи-

ли кафтаны, полукафтанья и плащи не белого, а серого цвета. Существует глубоко укоренившееся и широко распространенное заблуждение (разделявшееся прежде и автором данных строк), согласно которому серые плащи, кафтаны, полукафтанья (и даже щиты!) «братьев-сариантов» Тевтонского ордена были якобы украшены «трехлучевым» черным крестом без верхнего конца (так называемым «донаторским», или «донатским», крестом», «Крестом Святого Антония», или «Тау-крестом», имевшим форму заглавной буквы «Т»; порой он именуется в геральдике просто «костыль»), и что, соответственно, попоны боевых коней у конных «братьев-сариантов» также были не белого (как у «братьев-рыцарей»), а серого цвета, с черным «Тау-крестом».

В действительности «братья-сарианты», являвшиеся совершенно полноправными членами Тевтонского ордена, носили на кафтанах, полукафтаньях, плащах и вооружении обычный «четырехлучевой» черный орденский крест (в отличие от «полубратьев» и «фамилиаров» ордена, действительно носивших «Тау-крест»; но о них пойдет речь далее).

Вооружение «братьев-сариантов» (меч, копье, кинжал, топор и булава) было добротным, удобным и качественным, почти ни в чем не уступая вооружению орденских «братьев-рыцарей». Однако их доспехи в большинстве случаев были легче рыцарских, вследствие чего «сарианты» обычно составляли среднюю конницу ордена Девы Марии Тевтонской.

21. «Полубратья» и «фамилиары»

Как уже упоминалось выше, существовала и еще одна категория членов Тевтонского ордена — так называемые «полубратья» (лат.: «димидии», dimidii, или «семифратрес», semifratres). В эту категорию зачислялись некоторые союзники «кавалеров Святой Девы Марии» и «благодетели» или «донаторы» (а говоря современным языком — «спонсоры» ордена). Главные задачи подавляющего большинства «полубратьев» (приносивших при вступлении в Тевтонский орден обеты целомудрия, послушания и бедности и вносившие в качестве вклада всю свою движимость и недвижимость) лежали в сфере хозяйственной деятельности в орденских имениях. «Димидиус» был лично свободным человеком. «Полубратья» занимались сельским хозяйством, уходом за скотом и тому подобными важными делами, снабжая орден всем необходимым, однако не будучи обязаны ему военной службой, к которой «полубратья» привлекались только в самых крайних случаях (при нападениях неприятеля на имение, в котором они трудились на благо ордена, в случае острой нехватки воинов после тяжелого поражения, связанного с большими людскими потерями, и т.д.). В отличие от «братьев-рыцарей», «полубратья» (подобно «братьям-сариантам» и «братьям-священникам») брили усы и бороду.

Ниже «полубратьев» в орденской иерархии «тевтонов» стояли так называемые «фамилиары» (афилиированные в Тевтонский орден миряне, то есть «члены орденской семьи», именуемые одно время — в XIX в. — «марианами» или «марианцами» — к тому времени этот термин уже перестал употребляться как синоним слова «член Тевтонского ордена»). «Фамилиары» не принимали монашеский постриг, вели обычную мирскую жизнь за пределами орденских «комменд» (уже упоминавшихся нами выше замков-монастырей), не выходя из своего сословия, но должны были выполнять определенные обязанности по отношению к ордену Девы Марии. В их число входили арендаторы орденских земель, обязанные являться по призыву орденских властей «людно, конно и оружно» в случае войны, управители орденских мельниц, странноприимных домов, постоялых дворов и пр.

В знак своей принадлежности к ордену Девы Марии «фамилиары», подобно вышеупомянутым «полубратьям» (но не «братьям-сариантам»!), носили черный «половинчатый (половинный) крест» в форме буквы «Т», или «Тау», («крест святого Антония»).

Если «димидиус», или «фамилиар», умирал, не оставив наследников, его имущество наследовал Тевтонский орден.

Кроме того, в «тевтонском» военно-монашеском братстве существовал институт «орденских сестер», то есть монахинь, приносивших орденские обеты и проживавших в монастырях, подчинявшихся Верховному магистру. Институт тевтонских «орденских сестер» угас в эпоху Реформации и был восстановлен лишь в XIX в. Для выполнения определенных работ (например, в госпиталях или орденских хозяйствах) разрешалось привлекать и особ женского пола, именовавшихся «полусестрами» (нем.: «гальбшвестерн», Halbschwestern) — по аналогии с «полубратьями» Тевтонского ордена.

22. О дальнейшей эволюции орденских «сословий»

Орден Пресвятой Девы Марии сохранял вышеописанную членскую структуру, с некоторыми изменениями, вплоть до 1923 г., когда во главе Тевтонского ордена был — впервые за всю его историю — поставлен в качестве Верховного магистра не «брат-рыцарь», а католический священник. Более того, сам институт «братьев-рыцарей» в рамках Тевтонского ордена был ликвидирован, в результате чего резко повысился статус института «фамилиаров». После Второй мировой войны Верховный магистр стал практиковать посвящение членов ордена из числа его «фамилиаров» в «почетные рыцари» («рыцари чести», нем. «эренриттер», Ehrenritter), но только за особо выдающиеся заслуги перед орденом Девы Марии.

Для справки: в настоящее время Тевтонский орден как таковой состоит только из «братьев-священников», «услужающих братьев», «орденских сестер» и «фамилиаров». «Братья-священники» (включая самого Верховного магистра, также являющегося священником, а не рыцарем) сохранили право на старинный орденский белый плащ с черным крестом. «Фамилиары» же носят в торжественных случаях не белые, а черные плащи с нашитым напротив сердца черным крестом на белом щите. Черные плащи «фамилиаров» ордена Пресвятой Девы Марии скреплены на груди белым, с черными полосками, шнуром «тевтонских» орденских цветов. Но об этом будет еще подробней рассказано далее.

Надо сказать, что структура членов Тевтонского ордена на протяжении его более чем восьмисотлетней истории была подвержена постоянным изменениям. Орден сам дал себе строгий Устав, регулирующий общежительство, богослужение, служение ближнему и внутреннюю иерархию. Еще в начальный период своего существования в качестве странноприимного братства в Акконе «слуги Божьи» учредили пять филиалов в нескольких городах Святой Земли — Газе, Яффе, Аскалоне, Раме и Замси. Затем Тевтонский орден основал целый ряд новых странноприимных домов

вдоль маршрутов крестоносцев и паломников, ведших со всех концов Европы в направлении Средиземноморья и Палестины, в том числе госпитали в Верхней и Нижней Италии, Австрии и Богемии (Чехии).

После своего окончательного превращения в духовно-рыцарское братство Тевтонский орден стал быстро обрастать новыми владениями. На протяжении XIII в. ежегодно создавались все новые орденские комменды. К 1300 г. в составе орденских владений «мариан» насчитывалось уже около трехсот комменд, разбросанных на огромном пространстве от Балтийского моря до Атлантического океана, от Швеции и до Сицилии. Так, например, в 1119 г. была основана комменда Зоннтаг в тогдашней Южной Штирии (находящаяся ныне на территории Словении), в 1200 г. — комменда Галле на реке Заале в Восточной Германии (по другой версии. Галльская комменда была основана в 1118 г.), в 1202 г. — комменда Боцен (Больцано) в Альто-Адидже (Южный Тироль), в 1204 г. — комменда Прага в Чехии, Вена и Троппау в Австрии, в 1209 г. — филиалы в Греции, в 1210 г. — в Баварии, в 1218 г. — в Голландии, в 1225 г. — в Швейцарии, в 1228 г. — во Франции, а затем — комменды в Пруссии, Померании и Ливонии (Лифляндии), давшие начало компактному орденскому государству.

23. Об орденской иерархии «тевтонов»

Структура владений Тевтонского ордена лишь в очень редких случаях совпадала с границами тогдашних феодальных государств. Каждое крупное орденское владение — провинция ордена — именовалось «бальяжем» или «баллеем» (по-немецки: Balley), а стоявший во главе управления этой провинцией старший по званию рыцарь ордена носил титул «земский (земельный) комтур» (ландкомтур). Для сравнения — у иоаннитов эта должность именовалась «бальи (байли, бейлиф)». В своей «Хронике Земли Прусской» упоминавшийся нами выше летописец «мариан» брат Петр из Дусбурга перечисляет семерых земских комтуров (прецепторов) орденских провинций Ливонии, Пруссии, Тевтонии (Германии), Австрии, Апулии (Италии), Романии (Греции) и Армении (Киликии и Кипра), именуя их «семью столпами Дома Пресвятой Марии Тевтонской». Как уже упоминалось выше, мелкие раздробленные владения Тевтонского ордена, вкрапленные в территории соседних государств, и составные части бальяжей назывались «комтуриями», а их начальники — «комтурами».

Начальники отдельных комменд именовались «коммендаторами» или «комментурами», являясь, по сути дела, «комендантами» орденских замков («орденсбургов»). Как уже упоминалось выше, в качестве совещательного органа при каждом «коммендаторе» имелся «конвент», то есть совет, состоявший из всех входивших в гарнизон данного замка «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена.

Каждый ландкомтур ежегодно совещался со своим ландкапитулом (советом вверенной ему орденской провинции). Если орденская территория была настолько крупной, что включала в себя несколько ландкомтурий (земских комтурств), то ее возглавлял упоминавшийся выше «земский магистр» (ландмейстер), управлявший этой крупной орденской провинцией, советуясь с соответствующим капитулом.

Сам Верховный магистр управлял всеми орденскими территориями, совещаясь с созываемым раз в год Вели-

ким, или Генеральным, капитулом, о котором уже шла речь выше, при описании выборов Верховного магистра. Наряду с Генеральным капитулом, при Верховном магистре имелся, однако и еще один, не столь многочисленный, но постоянно действующий совещательный орган — совет пяти «(гросс) гебитигеров» (высших должностных лиц ордена Девы Марии, так называемых «Повелителей», или «Великих Повелителей», именуемых в русскоязычной исторической литературе также Великими Советниками или Великими Лицами). В число этих «(гросс) гебитигеров» (а не «гроссбегутеров», как их неправильно именует современный белорусский популяризатор истории и беспардонный плагиатор Анатолий Ефимович Тарас, не постеснявшийся целыми главами, безо всяких ссылок и упоминания подлинного автора, скоммуниздить материалы из статей и книг Вольфганга Акунова, вставив их в изданную под собственным именем книжку-компиляцию под названием «Грюнвальд 15 июля 1410 г.») входили:

1) Великий комтур (гросскомтур, лат.: коммендатор магнус, commendator magnus) — управитель орденского имущества, интендант и эконом, замещавший Верховного магистра во время болезни или длительного отсутствия последнего,

2) Верховный маршал (часто именовавшийся просто «маршалом», лат.: марескалькус, marescalcus) — главный военачальник ордена,

3) Верховный госпитальер (Великий госпиталарий, по-немецки «шпиттлер», Spittler, или шпитальмейстер, Spitalmeister, т.е. магистр госпиталя или, впоследствии, магистр госпиталей, лат.: госпиталариус, hospitalarius) — руководитель больниц (лазаретов), странноприимных домов (госпиталей), богаделен (инфирмерий) и постоялых дворов ордена,

4) Верховный ризничий (Великий интендант, «трапьер», «траппье», «драпьер», Trappier, Drappier, или, по-нашему, квартирмейстер), отвечавший за приобретение, изготовление и распределение всей одежды и вооружения,

и, наконец,

5) «тресслер» (Tressler, скарбник, или Великий казначей, лат.: тезаурариус, thesaurarius), отвечавший за сохранность орденской казны («трессели», Tressel) и за все вопросы финансового управления.

Эти «(гросс) гебитигеры» вместе с ландмейстерами составляли Генеральный капитул, а подчиненные ландмейстерам комтуры — их ландкапитулы. Но, конечно, не следует полагать, что все эти перечисленные выше высокопоставленные «братья-рыцари» Тевтонского ордена являлись чем-то вроде «министров» в современном понимании, то есть, что, к примеру, маршал ордена был «военным министром», госпитальер — «министром здравоохранения», ризничий — «министром снабжения и оборонной промышленности», а казначей — «министром финансов». В действительности это было и так, и в то же время не совсем так.

Дело в том, что лишь в первоначальный период существования Тевтонского ордена, пока он действовал в основном в Сирии и в Палестине, названия всех вышеперечисленных должностных лиц действительно соответствовали их роду деятельности. В период пребывания Тевтонского ордена в Святой Земле «гебитигеры» действительно выполняли отраженные в их званиях функции в системе управления главным орденским замком. Но в эпоху выполнения орденом Девы Марии его крестоносной миссии в Пруссии ситуация в корне изменилась.

Так, например, должности госпитальера-«шпиттлера» и ризничего-«драпьера» со временем выродились в чисто почетные титулы.

Как правило, титул госпитальера Тевтонского ордена получал комтур города-крепости Эльбинг (польск.: Эльблонг), а ризничего — комтур Христбурга (Кристбурга).

Маршал всегда был одновременно комтуром Кенигсберга. И в этом наличествовала определенная логика, был определенный практический смысл. Ибо именно кенигсбергский комтур обычно отвечал за координацию боевых действий против литовских язычников, как наиболее серьезного противника. Будучи одновременно маршалом ордена, ему было проще выполнять задачи военного руководства. Великий комтур, как уже говорилось, являлся заместителем Верховного магистра. И только «тресслер» был единственным из «гебитигеров», у которого практическая деятельность соответствовала названию должности — он управлял важнейшими кассами орденского государства.

Все эти названия и титулы сохранились по сей день в тысячах старинных документов, надписях на памятниках и надгробных плитах, и свидетельствуют о широком распространении владений Тевтонского ордена. Бурный рост орденских владений побудил Верховного магистра, постоянно объезжавшего с инспекцией («визитацией») орденские земли и следившего за поддержанием повсюду надлежащего порядка, назначить себе в наиболее крупных орденских провинциях, например, в Ливонии или Германии, не простых ландкомтуров, а своих постоянных заместителей в ранге наместников — так называемых «ландмейстеров» (или «геермейстеров» — «войсковых магистров», нем.: Heermeister, лат.: magister militum).

Именно над примерно полутысячным войском одного из этих наместников — ливонского ландмейстера (magister Livoniae») Дитриха фон Грюнингена (Грёнингена) — правда, в его отсутствие, святой благоверный князь Александр Невский и одержал свою описанную нами выше знаменитую победу на (или при) Чудском озере зимой 1242 г.

Повторим, что никакого отдельного «Ливонского ордена», самостоятельного и отдельного от Тевтонского, ни в то время, ни позднее, короче — н и к о г д а не существовало, в отличие от упоминаемых в русских летописях «ливонских рыцарей», то есть рыцарей Тевтонского ордена

в Прибалтике. Укоренившееся в наших умах представление о существовании «Ливонского ордена», хотя и широко распространено у нас в России, да и не только в России, но совершенно ошибочно и не исторично.

Наместник Верховного магистра в Германии (Тевтонии) именовался «Тейчмейстер» (старонем.: Teutschmeister), «Дейчмейстер», или «Дойчмайстер» (Deutschmeister, то есть «Немецкий магистр», «Германский магистр», или «Магистр Германии»).

Подчиненный Магистру Германии конгломерат разбросанных по территории «Священной Римской империи германской нации» орденских владений — баллеев и комменд (комтурств, комтурий) — со временем стал обобщенно обозначаться собирательным термином «Дейчмейстертум» (Deutschmeistertun), т.е. «Магистрат Германии» или «Германский (Немецкий) Магистрат».

Следует заметить, что не все баллеи Тевтонского ордена, расположенные на территории Германии, подчинялись Дейчмейстеру. Так, Австрийский, Богемский (Чешский), Кобленцский и Эльзасский баллеи Тевтонского ордена (хотя и были расположены на территории «Священной Римской империи») подчинялись не Дейчмейстеру, а непосредственно Верховному Магистру ордена Девы Марии.

При папском престоле (римской курии) постоянно пребывал посол, или посланник, Тевтонского ордена, именовавшийся «Генеральным прокуратором».

Орденский замок (нем.: «орденсбург», Ordensburg), в котором размещалась резиденция комтура, именовался «орденским домом» (нем.: «орденсгауз», Ordenshaus) или «домом конвента» (нем.: «конвентсгауз», Konventshaus), поскольку в нем размещался упоминавшийся выше «конвент» (совет) «братьев-рыцарей» (в идеале состоявший из двенадцати человек, чтобы соответствовать числу апостолов Христовых). Комендантом «конвентсгауза» был сам комтур.

Прочие орденские замки (а их во владениях Тевтонского ордена были сотни — строились на расстоянии сорока миль друг от друга, чтобы орденский воинский контингент или отряд крестоносцев-«гостей» ордена, выступивший в поход, ни одну ночь не оставался под открытым небом) возглавлялись комендантами, именовавшимися «кастелланами» (каштелянами).

Со временем, когда, после завершения христианизации Пруссии и Ливонии, экономические аспекты (в первую очередь — торговля янтарем и хлебом) стали играть все более важную роль в жизни ордена Девы Марии, в его структуре появились соответствующие должности: «шefферы» (Schaeffer), руководившие торговыми операциями орденских комменд и подчинявшиеся «Великим шефферам» («Гроссшефферам», Grosschaeffer). Таких «Великих шефферов» было два — один в Кенигсберге, другой — в Мариенбурге.

О размахе торговли Тевтонского ордена, скажем, пушниной, говорит хотя бы следующий факт. В 1399–1402 гг. — на пике своего экономического развития — орден Девы Марии вывез только из Новгорода (с которым активно торговали и сами «орденские братья», и расположенные в орденских владениях ганзейские города) более трехсот тысяч беличьих шкурок. В иные годы тевтонский экспорт из Новгородской земли доходил до пятисот тысяч шкурок белки, десятков тысяч шкурок ласки, нескольких тысяч горностаевых и соболиных шкурок, от ста до ста пятидесяти тонн пчелиного воска, необходимого для производства восковых свечей (только в город Ревель — нынешний Таллинн — в 1368 г. было завезено из Новгорода восемнадцать тонн воска) и т.д. Впрочем, довольно об этом...

24. Новые Маккавеи

К середине XIII в. орден рыцарей черного креста Девы Марии достиг своего максимального территориального расширения. В хрониках тех лет упоминаются ландкомтуры Ливонии, Пруссии, Германии (Тевтонии), Австрии, Апулии (Южной Италии), Сицилии, Испании, Романии (Латинской Империи — эфемерного государства, основанного крестоносцами в Греции после взятия «латинянами» Константинополя в 1204 г.) и Армении (Сирии, Киликии и Кипра), в то время как Палестина находилась под управлением самого Верховного магистра.

Правивший на юге «Романии» (захваченных западными крестоносцами бывших земель православной Восточной Римской, или Византийской империи) князь Ахайи Готфрид (Годфруа) мог удерживать под своей властью покоренных «латинянами» греков только при помощи западных рыцарей. Он дал часть своих земель в лен тамплиерам, иоаннитам и «братьям Немецкого Дома».

Так Тевтонский орден в 1209 г. обосновался в Каламате на крайнем Юге полуострова Пелопоннес, затем в соседней Метоне (Модоне). Впоследствии «тевтонские» комменды были основаны в Мостенице, Виллафоре и Андравиде, где «кавалеры Пресвятой Девы Марии» возвели неприступную цитадель. В Виллафоре «тевтоны» постоянно содержали семерых капелланов, а в Андравиде — большой странноприимный дом (госпиталь, шпиталь, Spital) с двумя филиалами.

Госпитали (со временем взявшие на себя также функции лазаретов, т.е. больниц) были предназначены для мирян. Их не следует путать с больницами и богадельнями для членов Тевтонского ордена, именовавшимися «фирмариями» («инфирмериями»).

Крупнейшими крепостями тевтонских рыцарей в киликийской Армении (чей король, или царь, Левон даже вступил в Тевтонский орден в качестве собрата-«конфратера» и освободил «тевтонов» от уплаты всех сборов, налогов и податей), были Амуда и Гаруния.

Задача многочисленных земельных владений Тевтонского ордена, разбросанных по всей Европе, заключалась

в том, чтобы за счет излишков, полученных в ходе своей хозяйственной деятельности, обеспечивать выполнение главной задачи ордена, ради которой он, собственно, и был основан — борьбу с неверными, сперва в Сирии и Палестине, а позднее также в Северо-Восточной Европе, в Пруссии и Ливонии. Главным замком Тевтонского ордена в Святой Земле был Монфор (Штаркенберг), расположенный неподалеку от Аккона (и взятый египетскими мамелюками султана-половца Бейбарса после семидневной осады в 1271 г.).

Как это ни парадоксально, но, как уже упоминалось выше, главными противниками «мариан» в Земле Воплощения были не сарацины, а тамплиеры. В последние десятилетия существования Иерусалимского королевства именно храмовники систематически осаждали и штурмовали тевтонские замки и буквально силой вытеснили «марианитов» из Сирии и Палестины. Может быть, это зачлось им в 1307 г. и позднее...

«Мне отмщение, и Аз воздам», говорит Господь.

Наиболее древние комменды «тевтонов» были обязаны своим возникновением и существованием щедрости благочестивых крестоносцев, одаривавших орден денежными пожертвованиями, жаловавших ему земельные угодьям, привилегии, храмы, монастыри и здания под госпитали. Среди доброхотов и благодетелей ордена Приснодевы Марии Тевтонской насчитывалось немало римских пап, римско-германских императоров, епископов, светских владык, мелких дворян и состоятельных горожан.

На протяжении первых пятидесяти лет истории ордена Девы Марии большую роль в его динамичном развитии играли Верховные магистры. Один из них, упоминавшийся выше брат Герман фон Зальца (годы правления 1209–1239), принадлежал к числу ведущих дипломатов тогдашней Западной Европы, сыгравший ключевую роль в примирении между римско-германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном и папой римским Григорием IX.

Будучи единственным посредником между императором и папой, тевтонский магистр поддерживал с обоими контрагентами самые тесные дружеские отношения. Наглядным свидетельством тому являлись многочисленные дарения и привилегии, полученные при нем Тевтонским орденом как от императора, так и от папы. Именно при Гохмейстере Германе фон Зальца Тевтонский орден окончательно сравнялся по авторитету и влиянию с орденами тамплиеров и иоаннитов. Его деятельность одинаково высоко оценивалась и современниками, и потомками.

В «Хронике земли Прусской» брата Петра из Дусбурга о нем говорится: «Брат Герман фон Зальца, IV магистр... был красноречивый, приветливый, мудрый, прозорливый и прославленный во всех делах своих. Когда после избрания своего он увидел... непрочное состояние ордена, то поклялся в присутствии нескольких братьев, что глаз отдаст, только бы его орден

со временем вырос настолько, чтобы смог иметь, по крайней мере, *Десять* (курсив наш — В.А.) братьев-рыцарей. Но что содеял в этом случае Ты, о Всеблагий Иисусе...Ты дал ему больше того, что желало сердце его».

Ландграф Тюрингии Конрад (Верховный магистр «тевтонов» с 1239 по 1240 г.), даровавший ордену Пресвятой Девы Марии госпиталь в Марбурге, был избран германскими государями посредником в мирных переговорах между папой римским и немецкими князьями церкви. Генрих фон Гогенлоэ (Верховный магистр с 1244 по 1249 г.) получил для Тевтонского ордена в дар богатое владение Мергентгейм, центр орденских владений в Германии. Всего за несколько десятилетий Немецкий орден превратился в одно из важнейших действующих лиц большой европейской политики, имел повсюду в Европе образцовые для того времени хозяйства и госпитали, оказывал всемерную поддержку армиям крестоносцев. В Святой Земле «тевтоны» отвоевали у мусульман область вокруг Аккона.

Тевтонский орден реконструировал замок Монфор-Штаркенберг, превратив его в мощнейшую крепость (взятую, как уже упоминалось нами, только в 1271 г. войсками мамелюкского султана Египта Бейбарса после недельной осады). Как мы уже знаем, именно в окружении тевтонских рыцарей римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен торжественно въехал в 1229 г. в освобожденный — почти без единого взмаха меча, путем искусной дипломатии! — Святой град Иерусалим (за что был отлучен папой римским от церкви, ибо действовал по собственной инициативе!). Император Фридрих подарил Тевтонскому ордену расположенный в Иерусалиме древний Немецкий госпиталь, который, впрочем, пришлось покинуть уже в 1244 г., после повторного завоевания Иерусалима мусульманами.

В 1211 г. Тевтонский орден, как уже упоминалось выше, получил от венгерского короля Андраша (Андрея, Эндре) II в управление часть Седмиградья (Трансильвании). В первой четверти XIII века орден возвел там целую цепь оборонительных сооружений и замков против набегов куманских (половецких, или кипчакских) орд. Это было важно не только для обороны венгерской территории как таковой, но и для защиты разноплеменных армий крестоносцев, шедших сухим путем в Святую Землю через Венгрию). Однако вскоре у ордена Девы Марии возникли разногласия с венгерским королем (связанные с нарушением «тевтонами» королевского запрета на строительство в его владениях каменных городов и замков). Король Эндре снова взял управление Трансильванией в собственные руки и вынудил тевтонских рыцарей передать ему все крепости и замки.

25. Терра Мариана

1226 г. от Р.Х. ознаменовал собой начало одного из важнейших периодов в истории Тевтонского ордена. Правивший на севере Польши (фактически утратившей государственное единство и распавшейся, к описываемому времени, на ряд отдельных, ожесточенно враждующих между собою княжеств) князь (именовавшийся немцами «герцогом») Конрад I Мазовецкий (являвшийся, между прочим, подданным римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, о чем многие историки почему-то забывают), буквально изнемогавший в борьбе с язычниками-пруссами (успешно преодолевавшими воздвигнутые поляками в качестве защиты от их вторжений земляные валы), потерпев неудачу в нескольких организованных им против них Крестовых походах, обратился за помощью против пруссов (а заодно и против близких сородичей пруссов — литовцев, также коснеющих в язычестве и опустошавших земли своих соседей огнем и мечом) к Тевтонскому ордену.

Как уже упоминалось выше, пруссы (прусы, пруцци или прутени), это воинственное, находившееся в фазе повышенной «пассионарности» (используя терминологию Льва Гумилева) прибалтийское племя, именовавшееся в древности эстиями (айстиями), родственное литовцам, но смешанное с готами и норманнами, на протяжении нескольких десятилетий вели успешные войны против Польши, Померании и Мазовии, каждый год разрушая там церкви и монастыри, сжигая села, города и угоняя в плен множество мирных жителей. В 1217 г., после неудачи очередного Крестового похода, организованного поляками по призыву назначенного епископом Пруссии Христиана, монаха ордена цистерцианцев (под чьим патронажем в свое время был учрежден орден тамплиеров), прусские язычники в очередной раз огнем и мечом прошли всю Померанию и Северную Польшу.

От заключительного этапа истории пруссов (XII–XIV вв.) сохранилось немало погребений, позволяющих судить об уровне культуры — в том числе военной — прусских язычников эпохи их борьбы с Тевтонским орденом).

Особенно богатые находки были сделаны немецкими археологами, раскопавшими в конце XIX в. прусское погребение близ Штангенвальде (на Куршской косе). Пруссы хоронили своих покойников (во всяком случае, представителей родоплеменной знати) в деревянных гробах, облаченных в нарядные одежды с дорогими украшениями (в числе которях было и немало монет Тевтонского ордена). Мужчин погребали непременно с оружием — мечами, боевыми топорами и т.д. Не менее богатое прусское погребение было раскопано близ Гердауэна. Сделанные там археологические находки полностью подтверждают сообщение Ливонской Рифмованной хроники о погребении прусских воинов, павших в бою с тевтонскими рыцарями в 1257 г., согласно которому прусские ратники были превосходно вооружены:

Spere, schilde, brunes, pfert,
Helme, keyen unde swert,
Brante man durch ihr willen;
Damit solden sie stilen
Den tuefel in jener worlde dort.

Или, в переводе со староверхненемецкого на русский:

Копья, щиты, брони* лошадей,
Шлемы, палицы и мечи
Сожгли там по их воле;
Этим они должны были утешить**
Дьявола в мире ином.

В данном случае речь шла о другом принятом у прусских язычников способе погребения — путем кремации, то есть сожжения. Примечательно, что среди перечисляемого вооружения прусских «дикарей» упоминаются кольчуги, панцири, шлемы и даже такое дорогое оружие, как мечи. В погребениях находили многочисленные конские скелеты с удилами, стременами и сбруей, отделанной металлом (чаще всего — железом). Оружие (мечи, секиры, копья и т.д.), а также конская сбруя, стремена и шпоры пруссов часто инкрустировались серебром. Среди находок, сделанных в прусских погребениях, были особенно распространены подковообразные заколки-фибулы, а также бронзовые чаши, на которых были вырезаны фигуры ангелов и различные орнаменты (изделия христианских стран позднероманской эпохи).

Итак, «дикие» пруссы были хорошо вооруженными, опытными противниками, способными успешно противостоять тевтонским рыцарям не

---

* Кольчуги или панцири — В.А.

** Или насытить

только на суше, но и на воде. У них имелись достаточно большие боевые корабли. Так, например, при осаде пруссами орденского замка Кенигсберг «тевтоны» потопили несколько из пяти прусских кораблей, пустив при этом на дно пятьдесят прусских воинов.

Ведя боевые действия на суше, пруссы предпочитали тактику малой (партизанской) войны, часто используя засады, неожиданные нападения, стремительные набеги и т.д., однако не раз сходились с «тевтонами» и в больших полевых сражениях. Они нередко побеждали воинов Христовых, но, как правило, им не удавалось воспользоваться плодами одержанных побед. Обычно они довольствовались тем, что могли вернуться домой с добычей.

Простые пруссы обитали в деревянных избах, крытых камышом или соломой. Домашняя утварь ограничивалась самыми необходимыми предметами.

Их одежда, изготовленная чаще всего из шерстяных тканей, отличалась простым покроем и, судя по сохранившимся описаниям и изображениям, напоминала литовский народный костюм. В пище пруссы также были неприхотливы. В то же время они очень любили пиры с обильными возлияниями и обычно напивались допьяна. Те, кто был победнее, угощались на пирах хмельными медами, а те, кто побогаче, предпочитали алкогольный напиток покрепче, изготовленный из перебродившего кобыльего молока (короче говоря — кумыс), совсем как тюрки и монголы. Подобно латышам, литовцам, русским и финноугорским народностям, пруссы очень любили париться в бане.

Ремесла у пруссов имелись, но находились в зачаточном состоянии. Они изготовляли для себя сами только самые необходимые предметы, а более художественные изделия приобретали путем обмена от соседей, находившихся на более высоком уровне развития. Так, они могли сами перерабатывать лен и шерсть в ткани, но предпочитали обменивать добытые на охоте меха на готовую шерстяную одежду, и в том числе на столь любимые ими ткани с вплетенными в них мелкими бронзовыми колечками.

Сказанное естественно не относится к прусским военным вождям-кунингасам, их приближенным и дружинникам, жившим войной и грабежом и постоянно привозившим из своих набегов на менее воинственных и более слабых соседей богатую добычу.

Письменности пруссы не знали, поэтому изумлению их не было предела, когда христианские миссионеры показывали им, как при помощи букв можно передавать слова и мысли отсутствующих людей.

В эпоху, когда христианские народы, как чем-то само собой разумеющимся, пользовались так называемым «береговым правом» (о котором у нас еще пойдет речь далее), пруссы оказывали помощь морякам и купцам, потерпевшим кораблекрушение или преследуемым морскими разбой-

никами. Как писал в 1075 г. Адам Бременский: «Можно было бы сказать немало похвального об обычаях пруссов, если бы только они исповедовали христианскую веру». И действительно, религия пруссов была связана с жестокими, варварскими обычаями, включая сожжение пленников живьем на кострах (этим же, кстати, грешили и ближайшие родичи пруссов — литовцы — не постеснявшиеся как-то при всем честном народе сжечь на костре самого главу Русской православной церкви — митрополита Герасима). Их представления о браке также свидетельствовали о крайне низком уровне культуры. У пруссов процветало многоженство. Жен покупали и считали собственностью мужей, которые использовали их для домашних работ и любых других целей. По обычаю, якобы завещанному пруссам их первым верховным жрецом (криве-кривейте) Прутенем (Прутено или Брутено), мужьям разрешалось сжигать жен на костре, если они нарушали супружескую верность или заболевали, да и по целому ряду других причин. Если муж умирал, жены переходили в собственность его старшего сына. Бывало и так, что отец и сын, по экономическим соображениям, покупали себе одну общую жену на двоих. Учитывая все эти обстоятельства, не представляется удивительным, что отцы (обладавшие неограниченной властью над детьми и всеми членами семьи, включая и рабов)), предпочитали убивать своих дочерей, чтобы не обрекать их на столь печальную участь. В одной из своих булл, изданной в 1218 г., (анти) папа Гонорий III упоминает жестокий обычай пруссов оставлять в живых только одну из своих дочерей, ради продолжения рода.

Что касается внешности пруссов, то они описываются как рослые, пропорционально сложенные люди вполне нордического типа — с голубыми глазами, белым цветом кожи и мягкими, светло-русыми или рыжеватыми волосами. Обычно они доживали до глубокой старости, что говорит об их крепком телосложении и хорошей физической форме.

Язык пруссов был очень близок современному литовскому и латышскому (то есть был не славянским, а балтским; польский хронист Ян Длугош вообще считал его «латинским языком, сохранившимся у пруссов» — предполагаемых потомков древнеримских изгнанников — «почти что в неизменном виде»). Этот язык оставался разговорным в Пруссии еще в эпоху Реформации, и первый светский герцог Пруссии, бывший Гохмейстер Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах, повелел перевести лютеранский катехизис с немецкого языка на прусский. Однако уже в 1625 г. мало кто пользовался прусским языком.

Религия пруссов заключалась в поклонении силам природы. Как писали орденские хронисты, пруссы «в своих заблуждениях почитают всякое существо как бога: солнце, луну и звезды, птиц, четвероногих зверей и даже жабу». Правда, они поклонялись не животным как таковым, а как символам богов или потому, что те обитали рядом со святилищами.

Несмотря на нашедшие в эпоху Ренессанса распространение представления о том, что главными богами пруссов являлись Перкунас, Потримпас и Пиколлос, документально подтверждено их поклонение, в эпоху завоевания Пруссии Тевтонским орденом, только богу Курхе. В послании вармийского епископа папе римскому упоминаются также такие боги пруссов как Патоллус и Натримпе (Натримпас), наряду с другими «богохульными фантазмами», однако без указания их значения.

Поляки долго вели с пруссами пограничные войны, в которых успех склонялся то на одну, то на другую сторону. Наконец польский князь (а с 1025 г. — король) Болеслав Храбрый (Смелый), вассал римско-германского императора Оттона III, в конце X в. отвоевал у пруссов Хелминскую землю.

Именно при Болеславе отпрыск знатного и состоятельного чешского (богемского) рода Славников епископ Пражский Адальберт (по-чешски: Войтех, по-польски: Войцех) начал проповедовать среди пруссов христианство, что соответствовало интересам Польши (надеявшейся на то, что приняв христианскую веру, пруссы утратят хотя бы часть своей свирепой воинственности).

Адальберт начал свою проповедь среди пруссов словами: «Я — славянин и ваш апостол!». Узнав о цели его прихода, прусские язычники потребовали от него покинуть их страну. Тем не менее, миссионер проповедовал среди пруссов в течение пяти дней, после чего был убит.

Таким образом, содержащееся в известном всему свету сатирическом романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» утверждение, будто «разбойник (? — В.А.) Войтех, прозванный святым, истреблял (? — В.А.) прибалтийских славян (? — В.А.) с мечом в одной руке (? — В.А.) и крестом — в другой» является абсолютно неверных — как с фактологической (Адальберт-Войтех не был разбойником, мечом не пользовался и никого не истреблял), так и с этнографической (пруссы были хотя и прибалтами, но не славянами) точки зрения. Но это так, к слову...

Несмотря на мученическую смерть Адальберта, Болеслав Храбрый не отказался от мысли обратить пруссов в христианскую веру. По его просьбе миссию Адальберта продолжил немец Брун (Бруно или Брунон), отпрыск рода графов Кверфуртских (родственников императора Оттона III). Однако в скором времени миссионер и шестнадцать сопровождавших его «латинских» монахов были обезглавлены прусскими язычниками в Восточной Пруссии.

Только в Мазовии пруссы, в ходе набегов, сожгли двести пятьдесят церквей и тысячу деревень, убили около двадцати тысяч и угнали в полон пять тысяч жителей. Даже с учетом характерной для средневековых нарративов склонности к гиперболизации, не может быть сомнения в ра-

зорительности прусских набегов на польские земли. Раздробленное и слабое польское государство в целом, а уж тем более Конрад Мазовецкий, были совершенно не способны сопротивляться воинственным пруссам. Князь Конрад обещал вознаградить Тевтонский орден за военную помощь Кульмской (Хелминской) землей и всей территорией Пруссии (которую, правда, еще предстояло завоевать).

Гохмейстер «тевтонов» брат Герман фон Зальца долго вел переговоры и торговался с Конрадом Мазовецким, согласившимся, наконец, по Леслаускому договору 1230 г., передать ордену Девы Марии всю Хелминскую землю (нем,: «Кульмерланд») от Древенца до нижней Вислы. В Леслауском договоре не было оговорено главенство Польши над Тевтонским орденом на дарованных ему землях. Император Фридрих II Гогенштауфен и папа римский воспользовались этим, объявив эти владения ордена Святой Девы Марии собственностью римско-католической Церкви.

Папа римский санкционировал эту миссию, а римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен выданной в итальянском г. Римини специальной грамотой-буллой (так называемой «Золотой буллой Римини») даровал Верховному магистру «тевтонов» в Пруссии (которую, повторимся, еще предстояло завоевать) все права суверенного государя.

Таким образом, Тевтонский орден на своих прусских землях не являлся ленником, то есть вассалом, ни Конрада Мазовецкого, германского («римского») императора, получив полную автономию и избавившись от верховного владычества над собой «Священной Римской империи германской нации».

В результате многолетней войны собравшимся со всей Европы крестоносцам под предводительством Тевтонского ордена удалось, наконец, покорить Пруссию. Победы «тевтонам» обеспечивал именно постоянный приток крестоносцев со всей Европы. Особенно важную роль играли английские крестоносцы. В честь них основанный в 1230 г. «тевтонами» очередной замок был назван Георгсбургом («Замком святого Георгия» — небесного покровителя и заступника «веселой Англии»). При этом вовсе не произошло поголовного истребления прусского населения и замены его немецкими колонистами, как ошибочно полагают (а может быть — не столько полагают, сколько утверждают!) многие у нас и за рубежом (начиная с тов. Карла Маркса: «Рыцари...неистовствуют...» и т.д.).

Тевтонский орден совершенно не стремился к поголовному истреблению не только пруссов, но и других прибалтийских племен (и тем более — славян). В его задачу входило обращение язычников в Христианскую веру, и это являлось как бы единственным оправданием всех его завоеваний. Большинство пруссов, приняв (пусть и не всегда и не совсем добровольно) Святое Крещение и продолжало жить на старом месте, хотя и под новыми, христианскими, именами, в качестве арендаторов орденских земель или горожан, составляя вспомогательные дружины ордена Святой Девы

Марии в военное время — подобно «чуди» (эстам-эстонцам) в орденской Ливонии. Эти прусские слуги Тевтонского ордена (проживавшие частично в орденских замках, частично — в предоставленных им орденом на правах военного бенефиция (поместья) имениях, расположенных в сельской местности, именовались «витингами», «вейтингами» или «вайтингами».

Прусские простолюдины, добывавшие себе хлеб насущный в качестве сельскохозяйственных рабочих и арендовавшие небольшие участки земли у «витингов», именовались «гертнерами». Представители этой категории прусских подданных Тевтонского ордена в случае войны сопровождали своих помещиков-«витингов» в качестве пеших воинов, вооруженных достаточно просто (обычно — боевым топором и ножом) и имевших из защитного вооружения, в лучшем случае, щит и шлем (железный колпак).

Многие прусские военные вожди, отчаявшись в победе над «марианитами», но не желавшие им покориться, сжигали себя заживо либо бежали со своими дружинами в соседнюю Литву или в Новгород, где даже возникла целая «Прусская улица».

К 1253 г. восстание пруссов было подавлено «марианами» и пришедшими им на помощь крестоносцами. Не располагая осадной техникой, повстанцы оказались не в состоянии овладеть орденскими замками и вытеснить «тевтонов» из Пруссии, лишив их опорных баз.

В 1254 г. в Пруссию прибыло многочисленное крестоносное ополчение под командованием богемского короля Оттокара II Пшемысла, маркграфа Оттона Бранденбургского и графа Рудольфа Габсбургского (которому, по велению судьбы, было суждено впоследствии разгромить и убить Оттокара в борьбе за престол «Священной Римской империи»).

Крестоносцы замирили прусские племена севернее р. Прегеля (Преголи) и заложили на высоком холме («горе») близ реки крепость Кенигсберг, назвав ее «Королевской горой» в честь короля Оттокара.

В 1260 г. пруссы снова восстали и осадили Кенигсберг.

В январе 1292 г. на помощь осажденным пруссами в Кенигсберге «тевтонам» из Германии по морю прибыл отряд европейских рыцарей-крестоносцев, разбитых пруссами и вынужденных возвратиться.

13 июля 1263 г. пруссы разгромили отряд «тевтонов» и их союзников в битве при Лебау (Любаве). Сорок рыцарей полегло на поле боя.

В 1265 г. крупный отряд европейских крестоносцев под командованием герцога Брауншвейгского и ландграфа Тюрингского снял, наконец, осаду с Кенигсберга и способствовал переходу «мариан» в наступление.

К 1283 г. все уцелевшие к тому времени прусские вожди присягнули на верность Тевтонскому ордену Святой Девы Марии. Этот год считается годом окончательного замирения Пруссии. Первоначально «тевтоны» оставляли простым пруссам их свободу, а знатным — их привилегии (если пруссы принимали Крещение). У отказавшихся креститься конфисковали

имущество, а самих изгоняли. Во время и после восстаний пруссы были поставлены вне закона. Многих из них убивали, а тех, кто остался в живых, обращали в рабов — «дреллов» (нем.: Drellen) или расселяли по другим землям. Кроме того, орден Приснодевы Марии постоянно мобилизовал прусских мужчин в свое войско на время походов.

В то же время, очень многие вожди местных племен принимали Христианство совершенно добровольно и активно участвовали в военных походах Тевтонского ордена. Орден Девы Марии весьма ценил их за верную службу и старался по достоинству вознаградить. Как правило, в качестве награды отличившимся неофитам предоставлялись земельные наделы, освобождение от податей и т.д. Поэтому с течением времени даже те из пруссов, куршей, ливов, леттов, латгалов, земгалов (семигалов) и эстов, кто поначалу оказывал ордену активное сопротивление, постепенно смирялись с положением вещей и начинали ему служить. Немалую часть орденского войска составляли воины-прибалты, принявшие Христианство или склоняющиеся к его принятию.

В орденских хрониках историков Петра из Дусбурга, Иоганна (Иоганнеса, Иоанна) из Посильге (Посилие), кенигсбергского капеллана Николая (Николауса) из Ерошина и др. зафиксированы имена многих крещеных пруссов, верно служивших делу ордена и своей кровью, пролитой на поле брани, засвидетельствовавших свою верность Христу и Верховному магистру — Глаппо, Стовмел, Конрад-Дьявол, Мартин из Голина и многие другие прусские «витинги».

Правда, некоторые из окрещенных прусских «витингов» — например, известный своим участием в «Великом восстании пруссов» 1260 г. Генрих Монте (Геркус Мантас) изменяли ордену, но такие были скорее исключением из правила. Как правило, «тевтоны» расправлялись с изменниками не менее беспощадно, чем, скажем, Святой Благоверный князь Александр Невский. Генриха Монте, например, поймав его в лесу (возможно, почитавшемся жрецами прусских язычников священным), в котором он укрывался, привязали к дереву, сорвав с него рубаху, и пригвоздили мечом к древесному стволу. Был казнен и изменивший ордену вождь пруссов Гланде. Другой Гланде (вероятно, родственник казненного предводителя мятежников) бежал из Пруссии в Новгород. Возможно, именно он был тем самым знатным пруссом Гландой Камбилой, который, приняв Христианскую веру в ее православном варианте, под именем Андрея Кобылы, стал на Руси прародителем рода Романовых, взошедших в 1613 г. на царский престол.

В походах орденского войска «витинги» выступали под собственной хоругвью (баннером, или знаменем).

Прусские подданные ордена Девы Марии вели со своим «коллективным сюзереном переговоры через особого представителя их интересов — «ландкеммерера» (Landkaemmerer), которому помогали подчиненные ему

«пакморы» (Pakmore). Аналогичных представителей, именовавшихся «флодерами» или «влодерами» (Vloder) имело и вассальное по отношению к Тевтонскому ордену поморское (померанское) дворянство.

Аналогичные процессы происходили и в Ливонии, где «Воинству Христову» («братьям-рыцарям Христовым») — ордену меченосцев — оказывали активную поддержку, например, окрестившийся вождь (король) угрофинского племени ливов (по которому завоеванная крестоносцами-«латинянами» земля, собственно, и была названа Ливонией, хотя ливы (именуемые древнерусскими летописцами «ливь») отнюдь не являлись ее единственным туземным населением) Каупо и его сын, погибшие в бою с язычниками-эстами. От Каупо и его сына произошел известный прибалтийский род фон Ливен, многие представители которого сыграли выдающуюся роль в российской истории. Но это так, к слову.

На военную службу крещеные союзники «тевтонов» (именовавшиеся, как мы уже знаем, в русских летописях «чудью») являлись в своем исконном вооружении. Конные прусские воины-«витинги», или «великие (большие) свободные» (по «тевтонской» орденской терминологии) — в сфероконических шлемах с кольчужной бармицей, кольчугах или пластинчатых (ламеллярных) панцирях (по-немецки: «платтенгарниш», Plattenharnisch; поэтому военная служба прусской знати Тевтонскому ордену именовалась «платтендинст», Plattendienst), с большими круглыми или каплевидными щитами, копьями, мечами или длинными боевыми тесаками («дуссаками» или «дуссегами», о которых еще пойдет речь далее). Пешие («малые свободные») ратники — тоже в шлемах с бармицами, кольчужных рубахах, с круглыми щитами, копьями, сулицами (дротиками) и боевыми ножами (мечи стоили дорого и были далеко не всякому по карману). Необходимо заметить, что вспомогательные контингенты орденских войск оказали немалое влияние на тактику боевых действий и даже на состав вооружения «тевтонов» в Прибалтике.

Многие элементы прибалтийского вооружения — например, дротики-сулицы, или легкие круглые прусские щиты, равно как и литовские щиты-тарчи с вертикальным рельефным выступом посредине (так называемые «прусские павезы»), со временем заняли полноправное место в комплексе военного оснащения воинов Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в Пруссии и Прибалтике, придав ему неповторимый облик.

Так, в сражении при Танненберге (Грюнвальде) 15 июля 1410 г., если не решившем окончательно, то во многом предопределившем исход противоборства рыцарей Пресвятой Девы Марии с поляками и Литвой и судьбу Тевтонского ордена в Пруссии, даже многие рыцари отборного отряда орденского войска, атаковавшего польского короля Владислава, были, в отличие от противостоявших им поляков, вооружены не длинными тяжелыми копьями, а именно сулицами (вследствие чего поляки из состава

атакованной «тевтонами» Великой Королевской хоругви поначалу даже приняли их за литовцев).

Когда папа римский Григорий IX объявил очередной Крестовый поход против язычников в Пруссии, «тевтоны», собрав все наличные силы, прошли всю территорию от Немана до Вислы. В ходе Крестового похода Польша лишилась Добжинской (Добринской) земли и Поморья (Померании), Куявия же сделалась территорией постоянных набегов и войн. К 1237 г. орден Святой Девы Марии завладел восточным побережьем Балтийского моря и устьями рек Вислы, Дины и Немана.

На завоеванной многонациональными армиями крестоносцев во главе с «тевтонами» территории и сложилось упоминавшееся нами выше самостоятельное тевтонское орденское государство, просуществовавшее до начала XVI столетия.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что «братья» Тевтонского ордена составляли только отборные части и гарнизоны возводившихся на покоренных землях замков. Все крупные сражения были выиграны крестоносцами, съезжавшимися на помощь «тевтонам» сначала из Польши и Северной Германии, а впоследствии — со всей германской метрополии, из современных Бельгии и Голландии, Франции и Англии.

И не случайно английский «рыцарь без страха и упрека» Найджел Лоринг, владелец герба с алыми розами и главный герой исторических романов «Сэр Найджел» и «Белый отряд» любимого писателя нашего детства сэра Артура Конан Дойля, также участвовал в Крестовом походе в Землю Пресвятой Девы Марии:

«Во всех христианских землях снова царил мир, человечество пресытилось войнами, и удовлетворить свое страстное желание (совершить третий подвиг, который разрешил бы его от обета — В.А.) Найджел мог только в далекой Пруссии, где тевтонские рыцари вели нескончаемые сраженья с литовскими язычниками. Но чтобы отправиться в Крестовый поход на север, человеку мало было обзавестись деньгами и завоевать славу доблестного рыцаря, и прошло еще десять лет, прежде чем со стен Мариенбурга Найджел взглянул на воды Фришгафа (по-польски: Вислинского залива — В.А.), а потом выдержал пытку раскаленной плитой, когда отправлялся к священной скале Вотана (вероятно, все-таки не древнегерманского Вотана, а литовских богов Перкунса или Потримпаса — В.А.) в Мемеле...» (Артур Конан Дойл. «Сэр Найджел»).

Английский рыцарь Ричард Йоркский, пришедший на помощь ордену Святой Девы Марии, со славой пал в битве с польско-литовским воинством при Танненберге, и даже враги дивились проявленной им доблести.

Как уже говорилось, в знак уважения к английским рыцарям-добровольцам, оказавшим Тевтонскому ордену неоценимую военную помощь, один из

орденских замков был назван Георгсбургом (Георгенбургом) в честь святого Великомученика и Победоносца Георгия — покровителя не только всего христианского воинства и, в частности, рыцарства, но и Англии.

В последующие десятилетия в среде европейского дворянства вошло в обычай получать посвящение в рыцари в Пруссии, в ходе своеобразных, полных опасностей «сафари» против тамошних язычников. В 1253 г. упоминавшийся выше литовский князь-язычник Миндовг (Мендог, Миндове), продолжавший вести ожесточенную борьбу за власть с другими литовскими князьями, решил привлечь на свою сторону «тевтонов». При посредстве Тевтонского ордена Миндовг крестился по римско-католическому обряду (хотя в 1248 г. уже был крещен в Православную веру), получил от папы римского Иннокентия IV королевскую корону и назначил орденского священника Христиана католическим епископом всей Литвы. Миндовг позволил ордену Пресвятой Девы Марии основать комменду в своей резиденции, предоставил «тевтонам» полную свободу христианизации Жмуди (Самогитии, Самагиттии или Жемайте, то есть Нижней Литвы), а в 1260 г. завещал «Божьим дворянам» на случай, если останется бездетным, и Верхнюю Литву.

В этом же 1260 г., 13 июля, во время очередного набега литовских язычников на Ливонию, произошла битва при Дурбене (Дурбе), на территории современной Латвии. Выбрав подходящий момент, эстонские союзники ливонских «тевтонов» изменили им и разбежались, а другие союзники «мариан» — куроны (курши, корсь) — перешли на сторону литовцев. В результаты «воинство Христово» было разгромлено. Литовцы убили сто пятьдесят шесть рыцарей (как «орденских братьев», так и «гостей» ордена Девы Марии), в том числе ливонского ландмейстера брата Бурхарда фон Гернгаузена (Гернгузена или Горнгузена), тевтонского маршала брата Генриха фон Богеля и герцога Карла, предводителя сводного отряда датских и шведских крестоносцев.

Разгром при Дурбене послужил сигналом для очередного восстания пруссов против орденской власти. При этом пруссы старались не вступать в полевые сражения с главными силами «тевтонов», предпочитая тактику «малой (партизанской) войны». Пруссы совершали неожиданные набеги и осаждали орденские крепости. В ходе осады они нередко возводили против орденских замков собственные, временные деревянные крепости и брали «тевтонские» замки (бурги) измором, блокируя подвоз продовольствия. Пруссам удалось захватить большинство орденских замков, расположенных во внутренних областях страны, вдалеке от морского побережья и судоходных рек. Только Бартенштейн (Бартошице), Бальга и Кенигсберг выдержали многолетнюю осаду.

В январе 1261 г. «тевтоны» в союзе с польскими крестоносцами совершили набег (или, по-польски, наезд) на литовские земли, но были разбиты.

В папском Риме в описываемое время связывали с Тевтонским орденом большие надежды и далеко идущие планы. Ему было поручено ни много, ни мало — отвоевать Русь у татаро-монголов (вопреки инкриминируемой ордену Пресвятой Девы Марии некоторыми современными глубокомысленными виртуозами пера «нерушимой братской дружбе» с этими самыми татаро-монголами!). Впрочем, эти обширные планы были сорваны опустошительным вторжением татаро-монголов в Пруссию в 1259 г., поражением орденского войска в Жемайтии в 1260 г. и вспыхнувшим вслед за тем восстанием» пруссов, осложненным изменой ренегата Миндовга Тевтонскому ордену. Воспользовавшись тем, что основные силы «мариан» были заняты подавлением восстания пруссов, нечестивый Миндовг отрекся от христианства, отказался от дарованного ему папой римским королевского титула и совершил набег на орденскую Пруссию, разгромив в двух сражениях прусских «тевтонов» и опустошив большую часть страны. За вероотступничество и вероломство Бог покарал Миндовга, вскоре павшего от рук мятежного князя Довмонта, бежавшего после убийства повелителя Литвы на Русь, крестившегося там в 1266 г. по греческому (православному) обряду, ставшего псковским князем под именем Тимофея и, подобно Александру Невскому, причисленного к лику святых.

26. Князь Довмонт и «мариане»

Все свое псковское княжение Тимофей-Довмонт провел в походах и битвах — то с литовцами, то с ливонскими «тевтонами». В конце 1267 г. правивший Новгородом князь Переяславский Дмитрий Александрович (сын Александра Невского) и Тимофей-Довмонт возглавили поход огромного войска (тридцать тысяч дружинников и ратников городских ополчений) на земли подвластных ордену эстов. В состав новгородско-псковского войска, имевшего на вооружении стенобитные машины, входили также отряды из Владимира, Переяславля, Смоленска, Суздаля и Твери. Перед началом похода в Новгород прибыли послы из Риги, Феллина и Дерпта, заявившие о своем нейтралитете.

18 февраля 1268 г. на реке Кеголе (Кунде), в семи верстах (тринадцати километрах) восточнее города Раковора (Раквере), расположенного в эстляндских владениях датского короля, произошла знаменитая Раковорская битва (гораздо большая по масштабам, продолжительности и ожесточенности, чем Ледовое побоище 1242 г.). Объединенной русской рати противостояли объединенные силы вассалов датского короля, ополчения крещеных эстов и присоединившихся к ним (несмотря на обещание сохранять нейтралитет) войск дерптского епископа, а также ливонских «тевтонов». Войско ливонских «латинян» было, как обычно, построено «кабаньей головой» («великой свиньей») с рыцарями и тяжеловооруженными конными воинами-«рейзигами» в «челе». Основную часть его составляли пешие «кнехты» (главным образом из числа эстов, крещеных в «латинскую» веру).

И, с крестами на груди,
На тяжелых латах
Два ливонца впереди —
Два быка рогатых.
Два ливонца — первый ряд,
Во втором — четыре,
В третьем — четверо стоят,
С каждым рядом — шире.

По двенадцати в ряду,
А рядам гнет счета.
Меж рядов, не на виду,
Кроется пехота.
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Что касается уподобления тевтонских рыцарей «быкам рогатым», то любимая поэтесса нашего детства, несомненно, поддалась гипнозу фильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», в котором шлемы ливонских «тевтонов» украшены бычьими и буйволиными рогами, орлиными лапами, человеческими ладонями и прочими «клейнодами» (нашлемными украшениями) — а у «магистра» даже королевской короной, увенчанной крестом!. В действительности же рыцарям военно-монашеских орденов строжайше запрещалось носить какие бы то ни было украшения вообще (и в том числе — на шлемах). Кроме того, даже светские рыцари, в отличие от турниров (на которых разрешалось наносить удары в строго определенные турнирным кодексом места), на войне носили шлемы без каких бы то ни было украшений (последние неминуемо разлетелись бы при первом же ударе, нанесенном неприятелем по шлему). Но это так, к слову...

Псковско-новгородское войско было традиционно построено тремя «полками». На левом крыле князь Дмитрий Переяславский поставил сравнительно немногочисленную конную дружину своего союзника князя Михаила Тверского. Полк Правой руки (правый фланг) составляли отборные тяжеловооруженные конные полки — переяславские отряды самого Дмитрия Александровича и псковские войска Тимофея-Довмонта. Своей стойкостью в бою они оказали существенную поддержку центру русского войска — новгородскому Большому полку, на который пришелся главный удар тевтонской «кабаньей головы».

У ливонцев перевес —
«Клин кабаний» страшен.
Он идет наперерез
Пехотинцам нашим.
Вот вгрызается он к нам
В строй «кабаньей пастью»,
Чтоб разрезать пополам
Войско на две части.
И не сладить нипочем
С этой силой дикой:
Рыцарь бьет с коня мечом
И пронзает пикой...
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Чтобы помочь изнемогавшим новгородцам, с левого фланга нанесла удар по «тевтонам» конная дружина князя Михаила Тверского. Однако она была перехвачена резервными «тевтонскими» отрядами. В схватку на фланге втягивались все новые отряды «тевтонов». Кровопролитное сражение длилось свыше четырех часов. И тогда с другого фланга нанесла удар отборная русская тяжелая конница (переяславцы, владимирцы и псковичи Довмонта). К концу дня «тевтоны» и их союзники, не выдержав напряжения схватки, прекратили попытки расколоть своим железным клином новгородский строй и отступили в сторону Раковора. Русские конные дружины преследовали их, пока им не преградила путь новая рать «мариан». Пришлось остановить преследование и строиться для нового боя. Но «тевтоны» напасть не решились. Всю ночь две рати простояли друг против друга. Под утро «тевтоны» ушли. Русские прождали три дня «на костях», залечивая тяжкие раны. Хотя русские одержали тактическую победу (поле боя осталось за ними), в стратегическом плане победили ливонцы, поскольку им удалось сорвать планировавшуюся князьями Дмитрием и Довмонтом осаду Раковора.

Обе стороны понесли тяжелейшие потери. Под Раковором пали новгородский посадник Михаил Федорович, тысяцкий (предводитель городского ополчения) Кондрат, «порочный мастер» (военный инженер — специалист по изготовлению и применению осадных орудий-«пороков») Тогал, новгородские бояре Твердислав Чермный, Микифор Редитин, Твердислав Моисеевич, Михаил Кривцов, Ивач, Борис и Лазарь Ильдетиничи, Ратша (имевший, по некоторым данным, норвежское происхождение предок А.С. Пушкина, писавшего о нем: «Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил...»), Василий Воиборзов, Осип, Жирослав Дорогомилович, Парамон, Полюд, Радислав Болдыжевич, Данила Мозонич «и иные многие». Новгородцы были настолько ослаблены, что прекратили военные действия. Один только князь Тимофей во главе своей псковской дружины прошел с боями через Эстляндию вплоть до Балтийского побережья. Как говорится в «Повести о князе Довмонте», написанной анонимным псковским автором: «Князь Довмонт прошел горы непроходимые и вируян (жителей эстонской области Вирумяэ, или, по-немецки, Вирланд — В.А.) пленил до моря, и повоевал Поморье, и возвратился в Псков, наполнив свою землю множеством полона (пленных эстов — В.А.)».

Получив подкрепление за счет прибывших из Западной Европы крестоносцев, ливонские «тевтоны» двинулись на Новгород. Однако хан Золотой Орды прислал на помощь новгородцам пятьсот татарских конных лучников. Узнав о прибытии в Новгород татарского «ограниченного воинского контингента, ливонские «тевтоны запросили мира и поспешно отступили на свою территорию, «зело бо бояхуся имени татарского». Это — еще раз к вопросу о «сговоре», якобы существовавшем между татарами и «латин-

скими» крестоносцами вообще, рыцарями римско-католических военно-монашеских орденов — в частности и, в особенности, «тевтонами», только и знавшими, согласно утверждениям иных ревнителей православия» и вообще «патриотически» настроенных отечественных историков, литераторов и журналистов, что «натравливать татар на Русь».

В 1269 г. ливонское войско «тевтонов» совершило очередное вторжение в псковские владения («пришли немцы в силе великой под Псков»). Довмонт сумел отбить приступ, но у него не доставало сил отогнать «тевтонов» от Пскова. Осада города «слугами Божьими» продолжалась десять дней, пока на помощь Пскову не подоспела новгородская рать, шедшая частью в конном строю, частью в речных ладьях-«насадах».

Зимой 1270 г. епископ дерптский Герман фон Буксгевден (родной племянник известного нам своим участием в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. епископа дерптского Германа) сообщил своим сподвижникам о выступлении против христиан большого войска литовских язычников под предводительством их Великого князя (Кунигаса) Трейденя. (именовавшегося «латинянами» на римский манер «Трейдениусом»). В составе литовского войска были не только язычники, но и православные русские воины, ветераны войн с «тевтонами» и их ливонскими союзниками. Для отражения нашествия были спешно собраны войска епископа Дерптского, приглашены датские «королевские мужи» из северной Эстонии и отряд ливонских «тевтонов» под командованием ландмейстера Отто (на) фон Литтербурга. Литовское войско, опустошив территорию Латвии и пройдя по замерзшему Рижскому заливу, захватило остров Эзель. И снова, как двадцать восемь лет тому назад, две армии сошлись на льду — только на этот раз не озера, а замерзшего морского залива. Завидев неприятеля, литовцы огородились санями, связав их между собой. Ливонцы, как обычно, выстроились тремя отрядами («треффенами»). Первый «треффен» составила отборная конница ливонских «тевтонов», образовавшая центр боевого порядка воинства Христова. Епископ Герман со своими людьми выстроился на левом фланге, а датчане — на правом.

Каким образом осуществлялось взаимодействие между этими тремя частями войска ливонцев, не вполне ясно. Известно лишь, что тевтонские рыцари, находившиеся в центре, изменив своей обычной дисциплине, атаковали раньше своих союзников, а не совместно с ними. Их удар оказался слабее, чем ожидавшийся литовцами за баррикадой из саней совместный удар силами всех трех «треффенов». Прежде чем подоспели датчане, литовцы успели нанести рыцарям большой урон. Они калечили их лошадей, и рыцари, лишенные поддержки, не смогли этому помешать. Литовская конница начала окружать ливонскую пехоту и уцелевших рыцарей. Дело могло закончиться для «мариан» совсем плохо, как на Чудском озере в 1242 г. На помощь уцелевшим «тевтонам» едва подоспели кавалерия

епископа Германа и конница датчан. Бой шел до наступления сумерек. В битве пали ливонский ландмейстер Тевтонского ордена брат Отто (н) фон Литтербург и пятьдесят два члена ордена Девы Марии. Сам епископ Герман (надо думать, по примеру многих римско-католических князей Церкви, проломивший своим шестопером немало литовских черепов) был тяжело ранен в схватке.

В ливонской «Рифмованной хронике» Генриха Латвийского о «Ледовом побоище 1270 г.» сказано так:

Это было дикое убийство лошадей и резня с обеих сторон, христиан и язычников.

И кровь людей обоих войск лилась на лед.

Это была жестокая сеча, в которой было отсечено много человеческих голов.

Были убит в сражении лучший (магистр Оттон) и пятьдесят два добрых воина-монаха.

Согласно ливонским источникам, Христово воинство потеряло в этой битве в общей сложности шестьсот, а литовцы — тысячу шестьсот человек. «Поле битвы» (если так можно назвать поверхность замерзшего моря) осталось за крестоносцами, однако их потери были столь велики, что ощущение победы было, мягко говоря, неполным.

Несмотря на то, что литовцам на этот раз пришлось отступить, «Ледовое побоище 1270 г.» помогло им обрести, наконец, то национальное единство, которого так и не добились их ближайшие родственники — прусские племена.

В 1271 г. «латины» (по выражению псковского летописца) захватили несколько псковских сел, но были разбиты войском Довмонта 23 апреля на реке Мироповне недалеко от Пскова. При этом многие были убиты, другие потонули в реке. Часть «тевтонов» переправилась в насадах (или, по-немецки, «нассутах») на остров посреди реки, покрытый густыми зарослями. По приказу Довмонта сухие кустарники и трава были подожжены и сгорели вместе с теми, кто в них укрывался.

Летом 1272 г. новый поход на Псков возглавил сам ливонский ландмейстер Тевтонского ордена. «Тевтоны», выступившие в поход «в силе тяжце», продвигались частью в конном строю, частью — на лодках и кораблях — «совокупи много вои свои... прииде ко Пскову, ови на конех, инии в кораблях и в лодьях, и с пороки, хотя пленити (то есть со стенобитными орудиями, намереваясь овладеть городом — В.А.) ». «Божьи ритори» везли с собой осадную технику. Князь Довмонт послал за подмогой в Новгород. Но новгородцы мешкали. Тогда Довмонт, не дожидаясь подхода новгородцев, сам напал на «мариан», разбил их в сражении под стенами Пскова 8 (или 18) июня 1272 г., захватив стенобитные машины и «самого мастера (ландмейстера — В.А.) раниша по лицу» (совсем как князь Алек-

сандр — предводителя шведов, как бы того ни звали, в Невской битве! — В.А.), и преследовал даже на территории Ливонии.

Осенью того же 1272 г. ливонские «тевтоны» покорили и обложили данью латышское племя земгалов (семигалов, или, по-русски, земиголы).

В 1278 г. ливонские «мариане» предприняли вторжение в литовские земли. 9 марта в битве при Ашерадене (в Курляндии, по-латышски: Курземе), литовцы разгромили «тевтонов». В битве пал семьдесят один «орденский брат», в том числе очередной ландмейстер.

В 1279 г. недавно покоренные «тевтонами» земгалы восстали против власти ордена Девы Марии.

В 1287 г. ливонские «марианиты» предприняли поход против земгалов и 28 марта в битве при Грозе (в Курляндии) были земгалами разбиты. В сече пали тридцать четыре «орденских брата», в том числе ливонский ландмейстер. Тем не менее, в следующем году Земгалия была опустошена «тевтонами» и вновь приведена к покорности.

В ночь на 4 марта 1299 г. ливонские «тевтоны» во главе с ландмейстером, с осадной техникой, скрытно подойдя к Пскову, захватили псковский посад, а затем осадили псковский Кремль (Кром, или, по-новгородски, Детинец). Тимофей-Довмонт не стал отсиживаться за мощными каменными стенами Крома и вместе с псковским тысяцким Иваном Дорогомиловичем совершил удачную вылазку. «Тевтоны» были прижаты псковичами к берегу реки Великой и, понеся в схватке большие потери, были вынуждены искать спасения в бегстве.

Эта победа стала последней в жизни старого князя Довмонта, скончавшегося через несколько месяцев, 20 мая 1299 г. в псковском Троицком соборе. Над гробницей князя был повешен (или положен) его меч, овеянный славой многочисленных побед.

27. О некоторых особенностях войн «мариан» с литовцами

Нетрудно заметить, что прибалтийские языческие племена, постоянно враждовавшие между собой, никак не могли сплотиться против общего врага. Именно эта разобщенность стала основным фактором, который позволил Тевтонскому ордену, совместно с ополчениями европейских крестоносцев, покорять их одно за другим.

Но, достаточно было нескольким литовским племенам объединиться — и «марианам» не помогли ни лучшая дисциплина, ни лучшее вооружение. Литовцы, подобно своим сородичам-пруссам, отличавшиеся наибольшей воинственностью среди всех прибалтийских племен, не только сумели отразить все вторжения крестоносцев, но и сами неоднократно совершали походы в орденские земли (по большей части победоносные). При этом они не ставили себе целью захват чужих земель, совершая набеги ради захвата пленных (обращавшихся ими в рабов) и грабежа. Так, уже в 1203 г. литовцы совершили набег на только что построенный город Ригу, а на русские земли в период с 1200 по 1285 г. было совершено восемнадцать крупных и множество мелких набегов. О том, что основным противником Христова воинства в Прибалтике были именно литовцы, убедительно свидетельствует следующий факт: из семерых ландмейстеров «тевтонов», павших в бою при христианизации Ливонии в период с 1238 по 1296 г., шестеро были убиты литовцами — не говоря уже о последнем магистре ордена меченосцев Фольквине (Волквине, Вольковине или Фолькуине) фон Винтерштеттене, убитом теми же литовцами в битве при Сауле.

Литовцам не только нападали на своих соседей, но и постоянно от них оборонялись. С Запада на них наступали «тевтоны», с Востока — русские княжества. Особенно опустошительным был поход, совершенный русскими войсками в литовские земли в 1258 г. Тем не менее, литовцы упорно отстаивали свои земли и свое языческое «родноверие» (приняв Христианство только в 1367 г., последними в Европе). На протяжении всего этого времени литовцы жили в условиях традиционных патриархальных отноше-

ний, хотя, начиная с XIII в., по мере возрастания своей «пассионарности» (выражаясь языком Льва Николаевича Гумилева) начали усиленно вооружаться. Особенно возросло число литовских конных воинов, которые в мирное время жили земледелием и скотоводством, однако были достаточно состоятельными, чтобы иметь дорогое железное оружие. Нередко состоятельные литовцы обладали значительными земельными владениями, которые сдавали в аренду свободным крестьянам-общинникам, составлявшим в военную пору пехоту литовского войска.

В случае войны литовцы собирали племенное ополчение — «кариас» (karias), именовавшееся у пруссов «кариа» (karya). Согласно данным летописей, литовские конные воины использовали низкие седла, более удобные, чем громоздкие седла тяжелой кавалерии как Запада, так и Востока. Летом литовские военные формирования постоянно отправлялись в набеги за добычей, именовавшиеся, как у «тевтонов», «рейсами» (лит.: reyssa), захватывали скот, рабов и добывали себе воинскую славу.

Со своей стороны, «мариане» и их союзники-крестоносцы предпочитали для войны с литовцами зимнее время, когда замерзали болота и реки, а леса с опавшей листвой не давали укрытия для литовских «лесных братьев», постоянно ускользавших от воинов Христовых летом.

Однако литовцы, (подобно эстам, карелам и финнам), совершали свои набеги и зимой, на лыжах, пешими, что давало им немалые преимущества, особенно в том случае, если снег был глубоким. Во время таких набегов взрослых мужчин обычно убивали (было бы очень сложно гнать их, в качестве пленных, домой без лыж, а, встав на лыжи, пленники легко могли сбежать). Предпочитали угонять в полон женщин и детей, хотя из-за них приходилось идти домой медленно. Такая добыча была весьма кстати. Тех, кто не мог пригодиться в хозяйстве, продавали на сторону, соседним племенам или торговцам невольниками.

Что же касается военных приемов и вооружения, то тактика литовцев, странным образом, во многом напоминала тактику монголо-татар. Хотя литовские всадники больше пользовались метательным оружием в виде дротиков-сулиц, тогда как монголо-татары применяли преимущественно лук и стрелы. Литовцы также имели лучников, но, согласно хроникам, обычно не конных, а пеших. Лучники литовцев были хорошо обучены, превосходя частотой и меткостью стрельбы лучников из Германии и Скандинавии. Подобно монголо-татарам, литовцы предпочитали заранее подготовленному сражению стремительный, ошеломляющий набег, и быстро исчезали, прежде чем их жертвы приходили в себя для оказания отпора. Битвы, происходившие постоянно между небольшими отрядами самих литовских племен, чаще всего носили характер группового поединка, в котором обе стороны сражались пешими, а проигравшие отступали к лошадям и искали спасения в бегстве.

Основным оружием литовского всадника (кстати, своих покойников литовцы хоронили с оружием, по языческому обычаю) являлся меч (чаще всего немецкого производства), с рукоятью, изготовленной на свой, местный вкус. Некоторые рукоятки литовских мечей были изготовлены из железа и бронзы, нередко с серебряными украшениями и инкрустацией.

Наконечники копий и сулиц (нередко очень длинные) были частью привозные, скандинавские, частью — местного производства. Доспехи собственного изготовления у литовцев до XIV в. встречались достаточно редко. Тем не менее, в многочисленных войнах XIII в. литовцы, несомненно, захватили множество доспехов самого различного типа в боях с «тевтонами», поляками и русскими и носили их в боевой обстановке. Господствующим типом защитного вооружения в описываемое время, как и повсюду, у литовцев была кольчуга. Литовцы носили ее как поверх одежды, так и под ней (например, в зимнее время). Шлемы литовцы использовали преимущественно сфероконические, восточно-европейского образца. Кстати, такие шлемы достаточно часто носили рыцари, сарианты и кнехты Тевтонского ордена (не следует представлять их себе всех поголовно в широкополых шапелях-«эйзенгутах» и горшковидных шлемах-«топ (ф) гельмах»). Заметим кстати, что горшковидные (горшковые) шлемы называются так достаточно условно. В действительности эти шлемы могли иметь форму не только горшка, но также ведра или бочонка. Щиты были также традиционной, общеевропейской формы. А вот знаменитый «литовский тарч» («литовская павеза») пришла в Литву лишь в XIV., причем из северо-восточной Польши, где (судя по сохранившимся печатям) начала распространяться с середины XIII в.

Вернемся, однако, к нашим «тевтонам».

В 1309 г. резиденция Верховного магистра ордена Девы Марии (находившаяся первоначально в Акконе, потом в Монфоре-Штаркенберге, затем в Венеции и — очень короткое время — в гессенском городе Марбурге) была окончательно перенесена в прусский Замок Пресвятой Девы Марии (Мариенбург).

Завоевание Пруссии и части Померании (Поморья), перенос резиденции руководства Тевтонского ордена и столицы орденского государства в Мариенбург и осуществление прав светского государя явились зримыми свидетельствами окончательной трансформации ордена из странноприимного братства в государственное образование. Тевтонский орден по-прежнему вел вооруженную борьбу с язычниками, распространял христианскую веру, помогал больным и убогим, однако отныне руководствовался, наряду с этим, и чисто государственными интересами. На христианизированных землях основывались новые замки, поселения и торговые города, под защитой ордена достигшие со временем цветущего состояния.

Проживание иудеев в орденских владениях было запрещено. Вероятно, Гохмейстеры руководствовались теми же соображениями, что и рос-

сийская Императрица Елизавета Петровна, не желавшая «иметь от врагов Христовых интересной прибыли». Возможно, Верховным магистрам «мариан» пришлось об этом горько пожалеть, когда в XV в. на вверенный их попечению орден обрушился комбинированный удар врагов внешних и внутренних, «тевтоны» оказались в ситуации острого финансового кризиса, а денег было взять неоткуда. Но не будем забегать вперед и торопить ход нашего повествования.

С конца XIII, в особенности же в XIV, не говоря уже о XV в., средневековое рыцарство начало клониться к упадку. Не случайно именно в этот период распались или были распущены несколько духовно-рыцарских орденов. Два таких ордена влились в состав Тевтонского ордена еще в середине XIII века. Это были Добринский рыцарский орден и уже упоминавшийся нами выше ливонский орден гладиферов (братьев-меченосцев). На их истории, пожалуй, остановиться несколько подробнее.

28. Добринский орден

Добринский (Добрынский, Добжиньский или Добжинский) рыцарский орден, известный также под названием «ордена братьев-рыцарей Христовых», «воинства Христова» (milites Christi), «воинства Пруссии» (milites Prucie, milites Prussiae) или «Добринских братьев» (fratres de Dobrin), был учрежден в 1228 г., по благословению епископа Плоцкого, теснимым язычниками Конрадом I, князем Мазовии и Куявии (упоминавшимся нами выше), в связи с тем, что Герман фон Зальца, вероятно, памятуя о негативном трансильванском опыте, отнюдь не торопился прийти ему на помощь. Об учреждении Добринского ордена в «Хронике земли Прусской» брата Петра из Дусбурга сообщается в следующих выражениях: «Итак, когда вышеупомянутый князь (Конрад Мазовецкий — В.А.) увидел, что земля его пришла в такой достойный жалости упадок, и он не может ее никоим образом защитить, то по совету брата Христиана, епископа Прусского, и некоторых знатных людей, он учредил для защиты своей земли братию, именуемую рыцарями (воинами) Христовыми (лат.: militia Christi), с алым мечом и звездой на белом плаще, бывшую тогда в пределах Ливонии...и вышеупомянутый епископ посвятил в члены упомянутого ордена одного выдающегося мужа, по имени Бруно, а с ним — четырнадцать других. Потом сей князь воздвиг для сих братьев замок, называемый Добрин, от которого они позже стали называться братьями из Добрина...».

До учреждения Добринского ордена отражением прусских набегов на Мазовию некоторое время занимался местный филиал испанского военно-монашеского ордена Калатравы, но без особого успеха.

Первые четырнадцать «братьев-рыцарей» Добринского ордена перешли в него из ордена меченосцев, действовавшего в описываемое время в Ливонии и носившего сходное официальное название «Воинства (рыцарства) Христова в Ливонии». Брат Бруно (н), назначенный магистром Добринского ордена, также был в прошлом рыцарем-меченосцем. В учредительной грамоте Добринского ордена перед

ним ставилась задача «бороться против опустошителей Мазовии». В современных хрониках новый орден именовался по-разному, пока за ним, наконец, не утвердилось название, связанное с замком на Висле, являвшимся центром дарованных этому ордену владений, как это недвусмысленно явствует из приведенного выше фрагмента «Хроники земли Прусской». Этот замок назывался по-немецки Добрин, по-польски Добжин, а сами владения — Добжинской землей. По другим сведениям Великим магистром Добринского ордена стал сам князь Конрад Мазовецкий, а брат Бруно был лишь его заместителем.

Белое орденское одеяние добринских рыцарей было украшено эмблемой их ордена — перенятым у меченосцев, вместе с уставом, знаком меча красного цвета, к которому «добринские братья» добавили звезду. Согласно другим источникам, Добринские рыцари носили на белых плащах эмблему в виде не одного, а двух красных перекрещенных мечей остриями вниз, с красной (или желтой) восьмиконечной звездой над ними. Некоторые историки придерживаются версии, что желтую (или, изъясняясь геральдическим языком, «золотую») «Вифлеемскую» звезду над скрещенными красными мечами имели право носить только те «добринские братья», которым посчастливилось совершить паломничество в Святую землю. Но, учитывая малочисленность добринского орденского «контингента» на «прусско-померанском фронте», это представляется маловероятным. По некоторым данным, еще одним отличительным признаком добринских рыцарей являлись красные ножны мечей (что, впрочем, вряд ли строго соблюдалось в тех условиях).

Как уже было сказано, добринские рыцари переняли свой орденский устав у меченосцев (о которых еще пойдет речь ниже), чем и объясняется сходство орденских эмблем (из-за чего оба ордена нередко путают). Однако этот Добринский орден, неспособный, в силу своей малочисленности, организовать эффективную оборону Мазовии от прусских набегов, просуществовал очень недолго и, после неудачного для добринцев конфликта с западнорусским князем (а затем и королем, милостию римского папы) Даниилом Галицким из-за города Дрогичин, был поглощен Тевтонским орденом всего через несколько лет после своего основания, в 1235 г. Впрочем, в 1237 г. бывшие добринские братья перешли из Тевтонского ордена в орден Святого Иоанна Иерусалимского (на этот раз уже окончательно). Последние из них погибли в 1241 г. в упомянутой нами битве с татаромонголами при Вальштатте (Легнице), кровью и жизнью своей засвидетельствовав верность Вере Христовой.

Несмотря на эфемерность этого «Братства рыцарей Христовых», о нем все-таки стоило упомянуть, ибо его учреждение наглядно демонстрирует, насколько актуальным было в описываемое время использование рыцарских орденов в данном регионе и насколько мало последующее утвержде-

ние в нем Тевтонского ордена отличалось от тогдашней общепринятой практики. Кроме того, основание Добринского ордена является наглядным примером огромной заинтересованности восточноевропейских государей в получении помощи с Запада.

Наряду с привлечением местных крестьян, шляхтичей (мелких дворян) и горожан князю Конраду Мазовецкому удалось склонить ко вступлению в Добринский орден и многих немецких рыцарей, в основном из Мекленбурга, сопровождавших епископа Шверинского в его Крестовом походе в Кульмскую (Хелминскую) землю против пруссов. И, наконец, учреждение Добринского ордена проливает дополнительный свет на политику епископа Прусского Христиана, наряду с князем Мазовецким и епископом Плоцким стоявшим у колыбели нового ордена. Он надеялся приобрести в его лице политический инструмент, который позволил бы ему уравновесить влияние Тевтонского ордена. Время, однако, показало, что эти расчеты епископа не оправдались.

В 1405 г. Тевтонский орден в ходе очередного территориального размена, предшествовавшего Великой войне 1410–1411 гг., возвратил Добринскую (Добжиньскую) землю Польше.

29. Орден братьев-меченосцев

После убийства второго епископа Ливонского Бертольда восставшими леттами (латышами) в 1198 г., назначенный ему на смену папой римским Иннокентием III Альберт (Альбрехт) фон Буксгевден (Бугсгевден, Буксхёвден) начал свою деятельность с набора крестоносцев. Папа и римско-германский император Оттон IV приравняли Крестовый поход в Прибалтику к Крестовому походу в Палестину. Крестоносцам была обещана охрана имущества и отпускались грехи за один год службы в рядах воинов епископа в Прибалтике.

В 1200 г. епископ Альберт во главе отряда крестоносцев высадился на земле племени ливов в устье Западной Двины, где в следующем году заложил крепость Ригу.

Однако вскоре епископ счел помощь обычных крестоносцев недостаточной и, как уже упоминалось нами выше, основал для борьбы с ливонскими язычниками в 1202 г. «орден Меча», или «орден братьев-меченосцев», окончательно утвержденный папой римским Иннокентием III в 1204 г. Кстати, подлинное и полное название этого созданного по образцу тамплиеров духовно-рыцарского ордена звучало несколько иначе: «Братья рыцарства (воинства) Христова в Ливонии» (fratres Militiae Christi de Livonia).

Интересно, что, если верить русскому историку Николаю Александровичу Осокину, автору «Истории альбигойцев и их времени» (а почему бы нам ему не верить?), несколько ранее было учреждено, по папскому указу, и еще одно «Воинство Христово» (Militia Christi), действовавшее против еретиков-катаров (альбигойцев) в южнофранцузской области Лангедоке и также использовавшее в качестве эмблемы красный «мученический» крест. Что же касается ливонских «рыцарей Христовых», то «меченосцами» (Gladiferi, Ensiferi) их прозвали, поскольку на их напоминавших цистерцианских одеяниях, состоявших из белого кафтана (полукафтанья) и белого же плаща, под нашитым на груди кафтана (полукафтанья) и на левом плече плаща красным, как у храмовников, крестом

(позднее замененным на красную шестиконечную звезду) помещалось изображение первоначально красного меча острием вниз, а позднее — двух скрещенных мечей, тоже красного цвета. Эта же эмблема — красный меч и красный крест (звезда) над ним — помещались на щитах и конских попонах меченосцев.

Как писал орденский хронист Генрих Латвийский (Латышский) в своей «Хронике Ливонии»: «...брат Теодорих (или Дитрих, настоятель монастыря монашеского ордена цистерцианцев в Трейдене-Торейде-Турайде — В.А.). предвидя вероломство ливов и боясь, что иначе нельзя будет противостоять массе язычников, для увеличения числа верующих и сохранения Церкви среди неверных учредил некое братство рыцарей (воинов) Христовых, которому господин папа Иннокентий (Иннокентий III — В.А.) дал устав храмовников (тамплиеров — В.А.) и знак для ношения на одежде — меч и крест, велев быть в подчинении своему епископу (рижскому епископу Альберту фон Буксгевдену — В.А.) ».

Главное орденское знамя меченосцев украшал с одной стороны образ Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Иисусом на руках, с другой — образ Святого Маврикия со Святым копьем, опирающегося на щит.

Основанное в Прибалтике новое государство вошло в историю под названием «Ливония» (по-латыни) или «Лифляндия» (по-немецки). Оно не было единым, а состояло из двух экономические самостоятельных владений: Рижского епископства и ордена меченосцев. При этом номинальная власть принадлежала епископу. Названия основных областей — Эстляндии, Лифляндии и Курляндии — происходили от названий местных племен эстов, ливов и куронов (куршей).

Епископ Альберт фон Буксгевден каждые ва года ездил в Европу, (в основном, в германские области Вестфалию и Саксонию), где набирал очередной контингент крестоносцев. Получив новое подкрепление, меченосцы шли в поход и приводили к покорности христианизируемую область, стремясь разбить местные племена в полевом сражении. Затем, в стратегически важном месте, на господствующей высоте, они спешно возводили крепость (обычно деревянную), после чего уходили, оставив в крепости небольшой гарнизон. После ухода крестоносной рати местные племена часто нападали на крепость. В случае удачного штурма крепость сжигалась, а гарнизон вырезался до последнего человека или захватывался в плен. На следующий год крестоносцы приходили снова, и все повторялось.

Если же гарнизону крепости удавалось отразить штурм, то в дальнейшем основанная гладиферами крепость становилась опорным пунктом для последующих завоеваний.

Меченосцы находились в вассальной зависимости от епископа Ливонии и владели своими землями на правах лена. При первом магистре

гладиферов, именовавшемся по-немецки «геермейстером» («войсковым магистром», или «войсковым начальником» — от позднеримского военного звания «магистер милитум», «главнокомандующий войском») или «герренмейстером» («магистром господ») Венно (Винно, Вайнгольде) фон Рорбахе, епископ Риги в 1207 г. уступил меченосцам в полную собственность треть христианской Ливонии и еще не окрещенных прибалтийских земель.

Меченосцы занялись деятельным укреплением своих новых рубежей, поскольку Ливония считалась удельным владением двинских (русских) князей, а к тому же новые рубежи оказались границей с новгородскими и псковскими землями.

В 1210 г. папа римский утвердил раздел христианизированной части Ливонии, предоставив исключительное право на дальнейшие завоевания ордену меченосцев. В это время восстали латгалы, поддержанные частью племени (или, точнее, племенного союза) ливов. Подавив их восстание, меченосцы продолжили завоевание Эстляндии, организовав зимой того же года большой поход против язычников-эстов, в котором, кроме гладиферов, приняли участие ливы, летты и отряд русских воинов из Пскова.

В процессе христианизации Ливонии меченосцы вступили в войну с двинским князем Всеволодом. Как уже упоминалось выше, они в 1207 г. захватили стоявшую на Двине крепость Кукенойс (переименовав ее в Кокенгаузен).

Дело было так. Князь Кукенойса Вячеслав (Вячко) Борисович приехал в Ригу и предложил епископу Альберту половину своих владений в обмен на военную помощь в борьбе с наседавшими на него литовцами. Вскоре один из вассалов епископа ночью захватил Кукенойс и пленил самого князя Вячко. Узнав об этом, епископ Альберт приказал освободить Вячеслава Борисовича, вернуть ему имущество и владения, и пригласил его к себе в Ригу для окончательного примирения. Всячески обласкав князя Вячеслава, рижский епископ отпустил его домой, послав вместе с ним военную помощь в количестве двадцати тяжеловооруженных ратников. Сам же епископ собрался в очередной раз отплыть в Германию проповедовать Крестовый поход. Вернувшись в столицу своего княжества, Вячеслав (полагавший, что епископ с рыцарями уже уплыл из Риги), приказал перебить людей, присланных с ним Альбертом для укрепления обороны Кукенойса. Однако Альбрехт еще не успел отплыть... со всеми вытекающими из этого последствиями. Люди епископа и меченосцы сожгли Кукенойс (по альтернативной версии, его поджег сам князь Вячеслав Борисович, не надеявшийся удержать город, после чего бежал на Русь).

В 1209 г., вернувшись из Германии с очередным отрядом «вооруженных паломников», епископ Альберт решил взять под контроль владения

двинского князя Всеволода — Герцике (Герсику, Ерсику или Ерсике). Войско епископа и меченосцев осадило и взяло штурмом одноименную столицу княжества. Самому князю Всеволоду пришлось искать спасения в бегстве. Разграбив город Ерсику, меченосцы подожгли ее и ушли, захватив с собой многочисленных пленных. Разбитый меченосцами князь Всеволод обратился за помощью к новгородцам. Те были обеспокоены появлением на своих границах «латинян» и откликнулись на призыв Всеволода, чему немало способствовал правивший в описываемое время в Новгороде князь Мстислав Удатный. Мстислав организовал совместный поход новгородского и псковского войска в Ливонию, захватив много пленных и обложив эстов данью. Поход увенчался успехом, заставив меченосцев на некоторое время снизить темп колонизации.

Впоследствии князь Всеволод прибыл к епископу в Ригу для подписания мирного договора, по которому его заставили отказаться от военного союза с литовскими язычниками и «подарить» рижскому епископу и ордену Ливонию (признать себя вассалом Ливонии).

В 1212 г. новгородское войско под предводительством князя Мстислава Удатного дважды вторгалось в Эстляндию, «ополонившись челядью» (взяв множество пленных).

В скором времени меченосцы возобновили свое продвижение. На этот раз они занимались не только миссионерской деятельностью и обращением местных языческих племен в христианство «латинского» обряда. Им удалось посеять рознь иежду Псковом и Новгородом. Результатом их действий стало почти поголовное обращение прибалтийского (финноугорского) племени ливов в Христианство и дружба епископа Альберта с псковским князем Владимиром, который вскоре был за это изгнан (не псковичами, а Мстиславом Удатным — князем Новгорода Великого, «старшего брата» Пскова) и уехал к епископу Альберту в Ригу. Взамен изгнанного Владимира Мстислав Удатный посадил в Пскове на княжение своего вассала князя Давида (Давыда) Торопецкого. Изгнанный князь Владимир, в союзе с меченосцами, пошел войной на Псков, осадил город, но взять Псков не сумел и был вынужден, сняв осаду, возвратиться в Ливонию.

Неудача меченосцев под Псковом вызвала (при поддержке полоцкого князя Владимира) крупное восстание языческих племен против власти ордена, в ходе подавления которого меченосцы потерпели серьезное поражение на территории южной Эстонии в 1217 г.

Между тем Мстислав Удатный, по-прежнему княживший в Новгороде, вместе со своим вассалом Давидом Торопецким собирал силы для нападения на орденские земли. Поход новгородско-псковского войска, состоявшийся в 1214 г., увенчался успехом. Оно прошло огнем и мечом всю Ливонию до побережья Балтийского моря, разорив множество поселе-

ний и взяв дань с нескольких городов (взять которые ему, однако, так и не удалось). Меченосцам было крайне важно сохранить все наличные силы для обороны своих главных баз в Ливонии — Вендена и Риги, куда они и стянули все имевшиеся в распоряжении войска, отдав все остальное на «поток и разграбление». Русские не стали осаждать ни Венден, ни Ригу, и возвратились в Новгород и Псков с огромной добычей. Поскольку меченосцам удалось сохранить свои войска, они быстро оправились от последствий нашествия и возобновить продвижение на восток, тем более, что ситуация изменилась в пользу епископа и ордена. Началась междоусобная война между Мстиславом Удатным и владимиро-суздальскими князьями, вынудившая Мстислава покинуть Новгород, оставив там на княжении своего сына Всеволода. Распря затянулась, чем поспешили воспользоваться епископ и орден Меча.

В 1215 г. восставшие эсты осадили и попытались взять Ригу. Меченосцы отразили их приступ и перенесли боевые действия на неприятельскую территорию. В течение лета гладиферы, совместно с крещеными ливами и леттами, неоднократно вторгались на территорию эстов, предавая все огню и мечу.

Первым шагом гладиферов стал захват в 1217 г. одного из опорных пунктов на границе — крепости Оденпе (Отепя). Меченосцы постарались по возможности укрепить город, сильно пострадавший при штурме, до подхода псковско-новгородских дружин, выступивших на помощь осажденному гарнизону, но не успевших подоспеть своевременно. Однако укрепить его надлежащим образом гладиферы не успели. Псковичи и новгородцы осадили город, не способный выдержать длительную осаду. В Оденпе, страдавшем от нехватки припасов, начался голод. Однако епископу Альберту удалось, начав переговоры, уплатив солидный выкуп и передав русским в качестве заложника родного брата, сохранить за собой город. При наличии такого важного плацдарма, продвижение гладиферов продолжалось, невзирая на восстания эстов и леттов против власти ордена и рижского епископа. В ходе военных действий меченосцы опирались на поддержку своих крещеных союзников — латышей и латгалов (которые, правда, далеко не всегда оказывали им эффективную военную помощь). Так, в битве на реке Эмбах (Эмайыги, Омовжа) с русским войском князя Новгородского Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского) в 1234 (а по другим данным — в 1235) г. — там, где действительно произошло «Ледовое побоище»!, латышское ополчение обратилось в бегство, бросив погибать меченосцев, загнанных в итоге на лед Эмбаха, под который некоторые из них провалились и утонули.

Продолжающиеся трения с орденом меченосцев заставили рижского епископа Альберта обратиться за помощью к датскому королю Вальдемару II Победителю. В 1219 г. датчане высадились на севере Эстляндии,

разбили эстонских язычников и возвели на их землях крепость Ревель (по-русски: Колывань). По легенде, именно в критический момент битвы датских крестоносцев с эстонскими язычниками в 1219 г. с неба в руки одному из датских воинов упало красное знамя с белым крестом и помогло датчанам одержать победу. По сей день оно является государственным флагом Дании под названием «Данеброг». Правда, есть определенные основанмя усомниться в правдивости этой легенды. Дело в том, что боевой стяг (нем.: «штурмбаннер», Sturmbanner) «Священной Римской империи германской нации» также представлял собой красное полотнище с белым крестом. Этим стягом пользовались все вассалы римско-германского императора, подчиненные лично ему и не признававшие над собой никаких сеньоров, кроме императора (например, швейцарские конфедераты-эйдгеноссы). Датское же королевство долгое время признавало себя вассалом «Священной Римской империи», На это указывает само название Дании — «Данмарк», то есть «Датская марка» («марками» по старонемецки именовались пограничные области римско-германской империи — например, Восточная марка, то есть Австрия, Мейссенская марка, Бранденбургская марка, Датская марка и т.д.).

В том же 1219 г, новгородцы, в свою очередь, совершили новый набег на Эстляндию.

К 1220 г. меченосцы (с юга и с запада) и датские крестоносцы (с севера) завершили покорение и христианизацию Эстляндии.

Вскоре выяснилось, что король Вальдемар II Победитель рассматривал договор с епископом рижским Альбертом как согласие на подчинение датчанам всей Ливонии. Чтобы сломить сопротивление Альберта, крайне недовольного подобным истолкованием договора, Вальдемар договорился с меченосцами о признании их права на треть покоренных земель. Кроме того, датский король запретил подвластным Дании северогерманским портовым городам отправлять корабли с крестоносцами в Ливонию, что означало ее полную блокаду с моря. Жалобы епископа Альберта (анти) папе римскому Гонорию III и римско-германскому императору Фридриху II Гогенштауфену оказались безрезультатными. В 1221 г. Альберту пришлось уступить требованиям короля Вальдемара II. Епископу рижскому остались только права духовного сюзерена Ливонии, все же сеньориальные (владельческие) права достались меченосцам и датчанам.

В том же 1221 г. новгородское войско снова вторглось в Эстляндию, после чего вместе с псковским военным контингентом безуспешно осаждало резиденцию магистров ордена Меча — Венден.

Осенью 1221 г. псковичи еще раз вторглись в Эстляндию, летты разорили окрестности Пскова, а меченосцы, при поддержке ливов, опустошили окрестности Новгорода.

Во второй половине 1222 г. восстали эсты, перебившие гарнизоны крепостей Феллин и Оденпе, а также гарнизон датской крепости на острове Эзель. Эсты обратились за помощью в Новгород. Новгородцы живо откликнулись на призыв предков нынешних эстонцев, разместив свои гарнизоны в Оденпе, Феллине и Юрьеве (по-эстонски: Тарту).

Угроза со стороны восставших эстов заставила орден меченосцев пойти на уступки епископу Альберту. В начале 1223 г. орден заключил с ним договор, по которому епископ вновь получал треть территории Эстляндии. В этом же году новгородцы снова вторглись в Эстляндию, где в течение месяца безуспешно осаждали Ревель. Тем временем меченосцы разбили эстов в битве на реке Имере (Юмере) и вернули себе большую часть захваченных эстами ранее орденских крепостей. Патриотически настроенные эстонские литераторы в начале XX в. превратили (на страницах своих произведений) поражение эстов на реке Юмере в великую победу. Впрочем, такое уже не раз бывало в истории...

В августе 1224 г. меченосцы со своими крещеными союзниками-ливами осадили город Юрьев. Гарнизоном командовал Вячеслав Борисович, бывший князь Кукенойса. Ожидая помощи от Новгорода, князь Вячко отклонил предложения «латинян» о сдаче. Помощь опоздала. Меченосцы и ливы взяли Юрьев, перебив весь гарнизон и часть населения. Получив известие о приближении новгородского войска, гладиферы сожгли разграбленный город и отступили. Впоследствии, возвратившись на пепелище, они переименовали Юрьев в Дерпт (Дорпат), сделав его центром нового «латинского» государства — епископства Дерптского. Как следствие падения Юрьева, в том же году между епископом Альбертом и «Господином Великим Новгородом» был заключен мир.

В 1227 г. гладиферы захватили остров Эзель (оказавшись в результате этого завоевания на грани войны с претендовавшей на него Данией), а в 1230 г. покорили племя куршей.

Как мы видим, в период с 1221 по 1227 г. вооруженные столкновения между «латинянами» и «восточными схизматиками» в Ливонии продолжались, причем в большинстве случаев в выигрыше оказывались орден и епископ Рижский (упорно именовавший себя Ливонским) Альберт, которому удавалось постоянно ссорить Псков с Новгородом. К началу 1228 г. ливонский епископ сумел установить с псковичами тесный контакт и заключить с ними союз. Военные действия шли, в общем, успешно для меченосцев. Кроме захвата Юрьева, они вернули крепость Феллин и совершили ряд набегов на новгородские земли.

Упомянутый выше владимиро-суздальский князь Ярослав Всеволодович, правивший в описываемые годы Новгородом, стремился, по мере сил, препятствовать «латинской» экспансии, но это удавалось ему далеко не всегда. Причиной этого становились его постоянные разногласия как

с боярством (правящей верхушкой), так и вечем (народным собранием) «Господина Великого Новгорода».

В итоге новгородцы, не поддержавшие планов князя Ярослава идти войной на непокорный Псков и союзников псковичей — ливонского епископа, меченосцев, эстов-чудь и латышей, «указали ему путь от себя», как говорилось в тогдашних русских летописях.

Папский Рим внимательно следил за христианизацией Ливонии. (Анти) папа Гонорий III высоко ценил результаты деятельности епископа Альберта, не мешая тому именоваться «епископом Ливонии» (оставаясь формально всего лишь епископом Риги). В то же время папа делал попытки наладить отношения и с «восточными схизматиками». Так, в 1227 г. римский понтифик предложил свое покровительство Пскову и Новгороду, а также Галицко-Волынскому княжеству и другим русским княжествам, граничившим с католическими королевствами (Польшей и Венгрией).

Меченосцы и епископ Альберт также всячески подтверждали свои добрые намерения в отношении своих восточных соседей-«схизматиков». В неурожайном 1231 г. ливонские «латиняне» привезли в Новгород хлеб, устранив угрозу голода и связанных с голодом внутриполитических осложнений. Отношения между Новгородом, епископом Ливонским и орденом меченосцев постоянно улучшались, но тут псковичи в очередной раз проявили свое стремление к независимости от «старшего брата». Псковские князья желали править, не подчиняясь Новгороду. В своем стремлении к независимости они активно опирались на гладиферов, с которыми заключили союз еще в 1227 г. Орден меченосцев имел немало приверженцев и в Новгороде, однако там они не были настолько сильны и многочисленны, чтобы активно влиять на вече, господу (боярство) и князя.

Отделение Пскова от Новгорода сулило ордену меченосцев немалые выгоды уже тем, что в этом случае Псков попадал бы под власть гладиферов окончательно (и, главное, добровольно). Влияние же меченосцев на псковичей было уже таким сильным, что православные псковские рати ходили вместе с католиками-гладиферами в Крестовые походы против ливонских племен земгалов (семигалов, земиголы) и ливов (тех, что еще не были крещены). Кроме того, в 1224 г. был завоеван основанный еще князем Ярославом Мудрым Юрьев (Тарту, Дорпат, Дерпт), а в 1227 г. — остров Эзель (Сааремаа). Однако в 1236 г. очередной совместный поход меченосцев и псковичей на литовцев обернулся их сокрушительном поражением на реке Сауле (вследствие которого уцелевшие после бойни меченосцы были вынуждены обратиться к Тевтонскому ордену, проводившему христианизацию Восточной Пруссии, с просьбой принять их под свое крыло). Но об этом несколько позже.

Главной резиденцией меченосцев являлся замок Венден (по-латышски Цесис), бывший и местом погребения орденских магистров. Орден меченосцев, не обладавший большой военной силой, представлял собой небольшое братство рыцарей, прибывших по большей части из Вестфалии, предназначенных для обеспечения христианизации Ливонии (вообще же члены ордена, аналогично «тевтонам», иоаннитам, тамплиерам, добринцам и пр., подразделялись на «братьев-рыцарей», «братьев-священников» и «услужающих братьев»). Тем не менее, меченосцам, правда, в союзе с датскими крестоносцами и с епископом, удалось к 1229 г. окрестить всю Лифляндию (Ливонию) и Эстляндию (Эстонию), а также часть Курляндии (Куронии). Учредивший этот рыцарский орден рижский епископ пытался — подобно «латинскому» Патриарху Иерусалимскому в отношении орденов тамплиеров и иоаннитов — превратить его в свое собственное войско.

Но князю Церкви не удалось добиться желаемого. По прошествии всего нескольких лет орден братьев-меченосцев стал проводить самостоятельную политику, направленную на защиту его собственных властных интересов, и вступил в полосу затяжных конфликтов с епископом.

Со временем руководство ордена меченосцев пришло к выводу, что объединение с успешно покоряющим пруссов, значительно более крупным и занимающим более привилегированное положение Тевтонским орденом пойдет меченосцам только на пользу. Магистр меченосцев Фольквин (Фолькевин, Волквин, Вольковин или Фолькуин) фон Винтерштеттен повел переговоры об объединении с Тевтонским орденом.

«Великий Кунктатор», известный своей осмотрительностью и осторожностью в принятии решений, Гохмейстер «мариан» Герман фон Зальца медлил годами. Наконец он отправил своих посланцев в Ливонию ознакомиться с тамошним положением дел. При посещении владений братьев-меченосцев посланцы отнюдь не пришли в восторг, ибо «им не понравился образ жизни последних, которые намеревались жить по своей воле и не соблюдали правил собственного устава» (цитата из отчета об этой инспекционной поездке тевтонского «брата-рыцаря» Гартмана фон Гельдрунгена, позднее ставшего Верховным магистром ордена Пресвятой Девы Марии). Вероятно, ему не понравился не только более свободный образ жизни меченосцев, но и их стремление сохранить при объединении с «тевтонами» определенную самостоятельность и не допустить абсолютного поглощения своего ордена Тевтонским.

Однако 22 сентября 1236 г. войско меченосцев (имевшее в своем составе, наряду с крестоносцами из Германии, а также местными прибалтийскими — латгальскими, ливскими и эстонскими — контингентами, большой отряд православных конных русских лучников из Пскова, не меньше меченосцев обеспокоенного все возраставшей литовской

угрозой) было, вследствие измены своих вероломных союзников — крещеных латгалов и эстов, наголову разбито литовскими язычниками в упоминавшейся выше (в главе «Что произошло на Чудском озере») кровопролитной битве на реке Сауле. Как уже говорилось, из псковичей вернулся живым из побоища только каждый десятый. Литовцам удалось убить сорок восемь (или пятьдесят) «орденских братьев», включая магистра Фольквина фон Винтерштеттена. Многие покоренные племена восстали против власти меченосцев. Спасти их могло только срочное вмешательство Тевтонского ордена.

Известие о разгроме «братии Христовой» при Сауле пришло в папскую резиденцию Витербо под Римом в момент, когда послы меченосцев и Верховный магистр «тевтонов» ожидали аудиенции у папы. Папа римский Григорий IX, понимая, что после разгрома меченосцев Ливония осталась без защиты, 12 мая 1237 г. одним росчерком пера включил остатки братьев-меченосцев в состав Тевтонского ордена Приснодевы Марии. Орден меченосцев стал ландмейстерством (провинцией, филиалом) Тевтонского ордена, под названием «ордена Немецкого Дома в Ливонии». Гохмейстером объединенного ордена стал Верховный магистр «тевтонов», которому была дарована папой римским прерогатива утверждать в должности ландмейстера «тевтонов» в Ливонии.

В Ливонию был незамедлительно направлен ландмейстер Пруссии Герман Бальк (Балк, Бальке, Фальке, Вальке, или Валк) — между прочим, предок последнего петербургского градоначальника А.П. Балка — во главе шестидесяти (по другим сведениям — пятидесяти четырех) тевтонских рыцарей (разумеется, в сопровождении оруженосцев, «услужающих братьев», наемных стрелков и т.п.). Они очень скоро водворили спокойствие в стране и довершили христианизацию Курляндии. С той поры управляющий братьями-меченосцами ландмейстер, геермейстер или герренмейстер (magister provincialis) не избирался ими, а назначался Верховным магистром Тевтонского ордена в Пруссии, а столицей гладиферов стала Рига. Красные звезды и мечи на своих белых плащах, знаменах и щитах они заменили черным «тевтонским» крестом. После успешного завершения своей миссии брат Герман Балк был назначен первым провинциальным (земским) магистром (ландмейстером) Ливонии.

С момента присоединения остатков ливонского ордена меченосцев к Тевтонскому ордену и до окончательного раздела ливонских владений ордена Девы Марии между Швецией и Польско-Литовским государством (Речью Посполитой) во второй половине XVI в. в Ливонии сменилось девять ландмейстеров и десять ландмаршалов (исполнявших в лифляндских владениях Тевтонского ордена функцию заместителя магистра, или вице-магистра, выполнявшуюся в прусских владениях

ордена Девы Марии Великими комтурами). Кроме ландмаршала, у ливонского ландмейстера «тевтонов», имелся еще и «первый помощник» (лат.: коадъютор).

Ливонские ландмейстеры играли немаловажную роль в истории прибалтийского филиала ордена Девы Марии. так, в мае 1343 г., когда пятитысячное русское войско во главе с изборскими князьями Иоанном и Евстафием и псковским посадником Волошей вторглось в Ливонию, опустошив окрестности Оденпе (Медвежьей Головы), их 1 июня настигло под замком Нейгаузеном войско ливонского отделения Тевтонского ордена во главе с ландмейстером Буркхардом фон Дрейлебеном. Ожесточенный бой окончился безрезультатно, но вскоре псковско-изборское войско ушло из Ливонии. Провинциальный магистр Буркхард фон Дрейлебен вошел в анналы ордена также как усмиритель восстания эстов (так называемого восстания Юрьевой ночи), жертвой которого пало множество датских и немецких феодалов.

Ландмейстер ливонских «тевтонов» носил на шее, как знак своей должности, особую цепь, к которой был подвешен украшенный разноцветной эмалью золотой образ Покровительницы Тевтонского ордена — Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Иисусом на руках, причем основанием престола Пречистой Девы служил гербовый щит Тевтонского ордена с прямым черным крестом на белом поле, а звеньями «ландмейстерской цепи» — сдвоенные золотые мечи (в память о происхождении ливонского филиала Тевтонского ордена от ордена меченосцев).

Правда, сохранилось скульптурное изображение ливонского «ландмейстера» Иоганна Вильгельма фон Фюрстенберга (именуемого в русских летописях Фирстенбергом) с гербовым шейным крестом на цепи, подобным кресту Гохмейстера всего Тевтонского ордена. Возможно, Фюрстенберг стал носить этот не полагавшийся ему по должности «гохмейстерский» шейный крест после уклонение в лютеранскую ересь бывшего Гохмейстера Альбрехта фон Гогенцоллерна, превратившего орденские владения «тевтонов» на территории Пруссии в светское герцогство.

Ливонские «марианиты» представляли на утверждение Верховного магистра Тевтонского ордена две кандидатуры в ландмейстеры, одна из которых утверждалась Верховным магистром.

Здесь нам представляется уместным сделать одно немаловажное замечание. Хотя созданный архиепископом Рижским орден меченосцев и слился в 1237 г. с Тевтонским орденом, слияние это оказалось на поверку достаточно формальным. Оба духовно-рыцарских братства оставались фактически во многом самостоятельными государствами, проводившими независимую политику. И не случайно ливонский ландмейстер Конрад фон Фитингоф (ен) не оказал Верховному магистру прусских

«тевтонов» Ульриху фон Юнгингену, подвергшемуся в 1410 г. нашествию объединенных армий Польши и Литвы, никакой поддержки (ограничившись, согласно некоторым источникам, присылкой ему в помощь накануне решающего сражения под Танненбергом всего одной-единственной «хоругви»).

С другой стороны, и прусские «тевтоны», за исключением оказания эпизодической помощи ливонским «тевтонам», потерпевшим поражение от будущего Великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича под Дерптом в 1234 г., от его сына князя Александра Ярославича Невского при Чудском озере в 1242 г. и от вероломного литовского князя Миндовга при Дурбе (не) в 1260 г., никогда не вступали в открытое вооруженное противостояние с Северо-Восточной Русью (будущей Московией, а впоследствии — Россией). Мало того! Силою обстоятельств прусские «тевтоны», сдерживавшие на Западе силы Литвы и Польши, оказались естественными стратегическими партнерами великих князей Московских.

Столь восхваляемые нашими отечественными историками и публицистами смоленские полки («хоругви»), приведенные Великим князем Литовским Александром-Витовтом в 1410 г. под Танненберг и принявшие на себя основной удар тяжелой кавалерии прусских «тевтонов» и их союзников, сражались под хоругвями не русского, а литовского князя и состояли не из русских, а из литовских подданных. И после сокрушительного поражения, нанесенного Тевтонскому ордену при Танненберге, вся энергия объединившегося с Польским королевством Великого княжества Литовского обратилась против Московского княжества (будущей России). В ходе продолжавшейся долгие годы ожесточенной борьбы с этим общим для «тевтонов» и московитов противником, вызванной схожими интересами сохранения своей территориальной целостности, Тевтонский орден официально обратился за помощью к государям Московским. В 1519 г. в Москве был заключен двусторонний договор о союзе, подписанный с «тевтонской» стороны Гохмейстером маркграфом Альбрехтом фон Бранденбург-Ансбахом из рода Гогенцоллернов, а с русской — Великим князем Московским и Государем всея Руси Василием III. Однако победившая к тому времени в Германии и распространившаяся на Прибалтику антикатолическая Реформация привела к упразднению государства Тевтонского ордена в Восточной Пруссии и не дала окрепнуть двустороннему сотрудничеству, казавшемуся поначалу весьма перспективным.

После того, как ландмейстер Вольтер (а не «Вальтер», как часто неправильно пишут) фон Плеттенберг (1494–1535), успешно отразивший (главным образом, благодаря превосходству орденских войск в артиллерии и ручном огнестрельном оружии) наступление войск Великого

Князя Московского и Государя всея Руси Иоанна III, в 1513 г. предоставил Тевтонскому ордену крупную сумму денег, необходимую для войны с Польшей, тогдашний Верховный магистр, маркграф Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из рода Гогенцоллернов, в благодарность предоставил ливонским «орденским братьям» еще большую, чем прежде, независимость в рамках Тевтонского ордена и возвратил им старинное право самим выбирать себе «геермейстера» («гермейстера», «войскового магистра»).

С 1588 г. начались победоносные походы войск Царя Иоанна Васильевича Грозного в Ливонию. Избраннный в 1559 г. ливонским «геермейстером» Готгард фон Кеттлер, отчаявшись получить помощь от императора и германских князей, отдался в 1560 г. под покровительство Польши, в 1561 г. сложил с себя свой сан, снял орденское облачение, уступил Польше Ливонию и получил от польского короля Сигизмунда Августа в лен Курляндию и Земгалию, положив начало династии герцогов Курляндских (и Семигальских).

30. Тевтонские рыцари в борьбе за Аккон

Жители Аккона, последней твердыни западных крестоносцев («латинян» или «франков»), «Иерусалимское королевство» которых формально продолжало существовать даже после повторной утраты «франками» Святого Града Иерусалима, в Земле Воплощения — были специфическим народцем, пестрой смесью представителей самых разных наций и всех стран, участвовавших в Крестовых походах, перемешанных с остатками туземных народностей, как-то — сирийцев, армян, левантийских греков и арабов. Особой категорией жителей города были пулланы, как первоначально именовались потомки крестоносцев и женщин, переселившихся в Святую Землю из Апулии (Южной Италии) — позднее этим названием стали обозначать всех полукровок, происшедших от связей между жителями Запада и Востока. В число жителей Аккона входило и немалое число асоциальных и даже криминальных элементов из Западной Европы: людей, у которых на Родине по каким-либо причинам земля горела под ногами; людей, потерпевших экономический крах; преступников, которым было обещано прощение при условии их участия в Крестовых походах. Все они были людьми, в той или иной степени лишенными корней, попавшими в совершенно непривычные для них жизненные условия, что вызывало всеобщее одичание нравов.

Согласно многочисленным сообщениям вторящих друг другу хронистов-современников событий, степень их нравственного падения была чрезвычайно велика, и Иаков де Витри, епископ Аккона с 1216 г., один из лучших знатоков города и населявших его людей, писал в своей «Иерусалимской истории» (Historia Hierosolimitana) и в письмах, в частности, следующее:

«Здесь проживает великое множество христиан, не принадлежащих к римской церкви, как-то: иаковиты во главе с собственным архиепископом; сурийцы (айсоры — В.А.) со своим епископом, которые совершенно погрязли в нече-

стии, поскольку выросли среди сарацин, всемерно потакавших их дурным обычаям, а также несториане, грузины и армяне, не имеющие никакого духовного руководства. Но хуже всех пулланы, которые, собственно говоря, образуют паству нового пастыря. Они были воспитаны от юности своей без должной строгости и полностью преданы похотям плоти. Кроме того, я нашел здесь чужестранцев, которые в отчаянии бежали со своей родины вследствие совершенных ими преступлений, лишенные страха Божия и погубившие весь город своими позорными деяниями и безбожным примером. Да и кто мог бы перечислить все преступления этого второго Вавилона, в котором христиане отказывали сарацинам в Святом Крещении, ибо предпочитали обращать их в рабов и подвергать притеснениям!»

Эта глубокая моральная испорченность значительной части населения Аккона усугублялась постоянно вспыхивавшими в городе конфликтами и вооруженными схватками между ведущими политическими и церковными властными группами. При этом немалую роль играли итальянские морские республики и крупнейшие духовно-рыцарские ордены. Внутренние распри не прекращались до самого падения последнего оплота крестоносцев в Земле Воплощения.

Незадолго до нашествия египетских мамелюков фортификационные сооружения Аккона были дополнительно укреплены по настоянию короля Иерусалимского Генриха (Анри) II (1286–1291 гг.). Немецкий пилигрим Лудольф фон Сухем, посетивший Палестину примерно через сорок лет после изгнания оттуда христиан, писал об этом следующее: «Сей знаменитый град Аккон расположен у самого моря, сложен из громадных каменных глыб и окружен мощными высокими башнями, стоящими почти на расстоянии броска камня друг от друга; каждые из городских ворот располагались между двумя башнями, а стены были, и сейчас еще остаются, настолько широкими, что на них могут свободно разъехаться две едущие навстречу друг другу повозки. А с другой стороны, то есть со стороны материка, город был защищен отдельными стенами и чрезвычайно глубокими рвами и укреплен многочисленными бастионами и разнообразнейшими оборонительными сооружениями».

В Акконе насчитывалось от тридцати до сорока тысяч жителей, в том числе немало хорошо обученных воинов, из них около тысячи рыцарей и четырнадцати тысяч ратников. Христиане господствовали над подступами к морю. Во главе ордена иоаннитов, игравшего особо выдающуюся роль в обороне Аккона, в 1285–1293 г. стоял Великий магистр Жан де Вилье. Весть о его избрании Великим магистром застала Жана де Вилье во Франции, где он, начиная с 1280 г. исполнял должность приора Французской провинции ордена. Но до этого он уже бывал в Святой Земле, ибо в 1277 г. мы встречаем упоминание о нем как о командоре важнейшего орденского дома иоаннитов в Триполи.

Мамелюкский султан Египта, Малик аль Ашраф, сын грозного султана Калауна, отнявшего у «латинян» почти все их владения в Святой Земле, провел основательную подготовку к штурму Аккона. Как выяснилось, двойное кольцо стен вокруг города с многочисленными оборонительными башнями являлось почти непреодолимой преградой даже для многочисленной, хорошо вооруженной и обученной армии. Задача осложнялась присутствием в Акконе готовых на все защитников города, которые, хотя и враждовали между собой, теперь, когда речь шла о выживании всех и каждого, сражались упорно и самоотверженно. Султан стянул под Аккон воинов и осадную технику изо всех подчиненных ему областей. Громадные, сконструированные согласно новейшим открытиям в области баллистики, осадные орудия были костяком этой мамелюкской «артиллерии», отменно функционировавшей и без применения пороха. Осаждавшие связывали с ее действием большие надежды и давали своим осадным орудиям характерные прозвища, например, «Победоносное» или «Яростное». Согласно тщательно продуманному плану, эти чудовищные камнеметы были направлены на основные точки оборонительной линии, чтобы проложить дорогу мамелюкам, идущим на приступ.

Современные хроники приводят противоречивые данные о количестве войск осаждающих, собравшихся у стен последней твердыни крестоносцев в Святой Земле. Однако сарацинов было, несомненно, гораздо больше, чем обороняющихся. Для ослабления морального духа осажденных султан применял и психологические средства ведения войны. Каждый день мусульмане шли на приступ, испуская ужасные крики, лезли на стены под звуки оглушительной музыки, а перед последним, решающим приступом 18 мая, когда неприятельское войско с дикими криками пошло на штурм, сотни мамелюков с барабанами и литаврами подъехали к городу на верблюдах, дабы «вселить в сердца храбрецов страх, а в сердца трусов — ужас».

Борьба за Аккон, продолжавшаяся на протяжении сорока дней, велась с обеих сторон с величайшей жестокостью. Воины-монахи орденов Святого Иоанна, Храма и Святой Девы Марии, забыв перед лицом общего врага свои прежние, нередко кровавые, распри, дрались, как львы, плечом к плечу. Метательные машины мамелюков непрерывно осыпали стены и башни Аккона снарядами. Мусульманские минеры систематически подводили подкопы под важнейшие укрепленные пункты крепости, в первую очередь, естественно, под башни, как главные базы обороны. Султан использовал против каждой башни по тысяче саперов, чтобы подготовить несущие стены, фундаменты и находящиеся глубоко под землей основания башен к обрушению после заполнения подкопов бревнами, которые затем поджигались. Для ослабления кольца осады защитниками Аккона периодически предпринимались вылазки, главным образом ночью, причем в них принимали участие главным образом члены духовно-рыцарских орденов.

Так, «бедные рыцари Христа и Храма Соломонова» однажды попытались путем комбинированного нападения с суши и с моря нанести удар по войскам эмира Хамы, чей стан располагался напротив участка обороны стен Аккона, порученного заботам тамплиеров. Нападение с суши было совершено через ворота Святого Лазаря, расположенные неподалеку от моря. Со стороны моря в направлении берега поплыли небольшие суда с орденскими лучниками и арбалетчиками на борту, чтобы засыпать расположенные там войска эмира Хамы тучами стрел и болтов. Кроме того, тамплиерами была предпринята попытка при помощи «греческого огня» из метательной машины, установленной на борту корабля, поджечь сарацинские шатры вместе с теми, кто в них находился. Однако сильный ветер, разбросавший корабли храмовников в разные стороны, сорвал попытку нападения. Еще одна ночная вылазка, на этот раз с участием иоаннитов, также завершилась неудачей. После первого же соприкосновения с противником весь мусульманский лагерь оказался ярко озарен огнем подожженных шатров и палаток, и враги увидели, как малочисленны нападающие. Иоаннитам, понесшим в этой вылазке огромные потери, пришлось отказаться от своего замысла и возвратиться в крепость ни с чем.

Невзирая на все мужество крестоносцев и попытки прорвать кольцо осады, обороняющимся не суждено было добиться успеха. Во всех предприятиях их преследовали неудачи. К тому же сила сопротивления обороняющихся начала ослабевать вследствие дополнительных трудностей, связанных с необходимостью непрерывного несения караульной службы.

Мамелюки захватывали одну одна башню Аккона за другой. Первой пала передовая Башня короля Гугона. Осознав, что удерживать ее дальше невозможно, гарнизон поджег деревянные перекрытия башни, и она обрушилась вследствие пожара. Это произошло 8 мая. На следующей неделе мамелюкские минеры подкопали и обрушили Английскую башню, Башню графини Блуаской и совсем новую Башню короля Генриха II. Английская башня, известная также как Башня короля Эдуарда, целиком обрушилась в ров. Нападающие использовали ее обломки для того, чтобы засыпать ров и насыпать вал. Затем этот вал был надстроен с помощью мешков с песком и хвороста, образовав своего рода мост в город, шедший до второго оборонительного пояса. Таким образом, мусульмане смогли перенести боевые действия во внутреннюю линию обороны.

Особое внимание нападающих было обращено на сильнейший пункт этой укрепленной линии — так называемую Проклятую башню. Чтобы привести и эту башню к обрушению, султан бросил в бой все имевшиеся у него в наличие вспомогательные средства. Мамелюкские камнеметы вели непрерывный обстрел, под башню подводились подкопы, так что мамелюки вскоре смогли подобраться к этому христианскому бастиону, оттеснив оборонявших башню сирийских и кипрских рыцарей, а также

рыцарей ордена Святого Лазаря в восточном направлении, к воротам Святого Антония. На помощь изнемогавшим бойцам поспешили иоанниты и храмовники. При этом был смертельно ранен объезжавший верхом укрепления Великий магистр тамплиеров брат Гийом де Боже, которому стрела впилась под мышку, в место, не защищенное легкой кирасой, когда он занес руку с дротиком, чтобы метнуть его в осаждавших. Магистр ордена Храма умер вскоре после ранения. Был тяжело ранен и Великий магистр иоаннитов брат Жан де Вилье. Невзирая на протесты раненого магистра госпитальеров, он был отнесен своими рыцарями на один из стоявших в порту кораблей, отплывших на остров Кипр.

18 мая сарацины начали общий штурм Аккона. Мусульманское войско было разделено на сто пятьдесят отрядов по двести человек в каждом отряде, имея в тылу резервные подразделения, почти равные им по численности. И вот лавина нападающих хлынула в проломы на месте рухнувших башен Аккона и в бреши, пробитые в стенах, очень скоро проникнув внутрь города. Бои шли за каждую улицу. «Латиняне» героически защищались всеми имевшимися в их распоряжении средствами, однако сильно уменьшившиеся отряды оборонявшихся не могли устоять перед напором масс фанатичных мусульман. Те же попросту убивали всех мужчин, женщин и детей, невзирая на то, было ли у них оружие или нет. Лишь незначительной части населения Аккона удалось добежать до спасительной гавани и до стоявших там венецианских кораблей.

При этом разыгрывались неслыханные по своей жестокости сцены; каждый хотел во что бы то ни стало получить местечко на последнем отплывавшем корабле. Церкви и монастыри были осквернены, монахи и монашки пали жертвой мечей беспощадных победителей. О гибели доминиканцах сообщают трогательную легенду, что они принимали «мечное сечение», как мученики первых веков Христианства, с пением молитвы «Богородице, Дево, радуйся».

Но отдельные гнезда сопротивления, например, укрепленные орденские дома иоаннитов, Тевтонского ордена и тамплиеров, держались еще несколько дней. Расположенный в северо-западной оконечности города, окруженный с трех сторон морем, замок ордена Храма, в котором укрылись уцелевшие рыцари-тамплиеры и небольшое число горожан, стал последним очагом сопротивления крестоносцев. Замок тамплиеров невозможно было взять без правильной осады, и поэтому султан предложил гарнизону капитулировать. Он обещал защитникам замка предоставить им возможность беспрепятственного выхода со всем имуществом и корабли для их эвакуации на остров Кипр. Маршал ордена Храма брат Пьер де Севрей согласился на эти условия и договорился с султаном о том, чтобы эвакуация защитников громадного замка храмовников осуществлялась под надзором ста мамелюков во главе с эмиром.

Однако мамелюки, опьяненные радостью победы, начали силой забирать в полон женщин и детей. Возмущенные этим нарушением договора, рыцари Храма перебили всех мамелюков и выбросили их из замка на улицу, вместе с поднятым было над замком султанским знаменем, приняв твердое решение, драться не на жизнь, а на смерть. При попытке султана завязать новые переговоры мамелюкский парламентер был обезглавлен тамплиерами. И началась осада орденского дома. Под переднюю часть замка храмовников был подведен подкоп, она рухнула, и две тысячи охваченных слепой яростью мамелюков ворвались внутрь. Этого оказалось слишком много для здания, потерявшего устойчивость. Замок храмовников рухнул с ужасающим грохотом. Под его обломками оказались погребены как защитники, так и нападавшие.

Так окончилась эта священная война. Изо всех членов духовно-рыцарских орденов, пребывавших в Акконе, удалось спастись только семерым иоаннитам и десятерым тамплиерам. Из числа пятнадцати тевтонских рыцарей, оборонявших Аккон, уцелел только один — Верховный магистр ордена Девы Марии брат Бурхард фон Шванден. Рыцари ордена Святого Лазаря погибли все до единого. В руках сирийских «латинян» остались только окруженный тройными стенами Тир (вскоре сданный мамелюкам без боя) и находившийся во владении тамплиеров Сидон, состоявший из самого города и замка, выстроенного на скале посреди моря. Немногие уцелевшие тамплиеры отступили в этот замок и укрепились там. Когда же мамелюки начали строить со стороны материка дамбу, был сдан и замок. Бейрут (Берит) и Хайфу султан Египта занял без боя. Христианские монастыри и кельи отшельников на горе Кармил — колыбели монашеского ордена кармелитов — подверглись повторному разрушению, а все монахи были перебиты. В конце концов, в руках «латинян» остался лишь принадлежавший тамплиерам замок Руад, расположенный на острове в двух милях от сирийского побережья, напротив Тортозы. Этот замок тамплиеров так и остался непокоренным. Орден Храма отказался от него лишь в 1303 г., когда над ним стали собираться грозные тучи, положившие конец власти храмовников в Святой Земле.

Взятие Аккона мусульманами практически ознаменовало собой конец эпохи Крестовых походов. Правда, и после этого на протяжении столетий предпринимались попытки возродить к жизни идею Крестовых походов, организовывать новые крестоносные предприятия и собирать христианские армии, чтобы снова отвоевать Святую Землю у мусульман. Однако идея Крестовых походов уже утратила свою жизненность. Поэтому все аналогичные попытки, предпринимавшиеся как папами, так и светскими государями, были обречены на провал.

Нам, людям XXI в., бывает порой трудно понять, что же, собственно, двигало средневековыми крестоносцами. Наши вера и мировоззрения раз-

ительно отличаются от средневековых. Индивидуумы, общество и народы руководствуются в наше время уже не только религиозными мотивами — в отличие от тогдашних времен. В Средние Века лейтмотивом всех действий человека была почти исключительно религиозная вера. Только с точки зрения веры можно понять и странствия паломников в Святую Землю. Мотивом паломников было, прежде всего, простое желание быть как можно ближе к Богу и Его святыням, расположенным в земле, исхоженной стопами Божественного Учителя и Спасителя страждущего и погрязшего в грехах рода человеческого. Ради достижения этой высшей цели паломники отдавались на волю неведомой судьбы и были готовы переносить тяготы, труды и опасности, о которых мы, живущие в технократическую эпоху, просто не имеем никакого представления.

Не зря Бернар Клервосский в одном из своих писем заверял жен крестоносцев, что те — уже вдовы, хотя их мужья еще живы. Шансы на возвращение домой из Крестового похода были весьма невелики. Но паломники во имя своей веры брали все это на себя, ибо, будучи христианами, верили, что и без того находятся на пути в жизнь вечную. Нам бы этой веры — хотя б с горчичное зерно!

31. Твердыни рыцарей Христовых

Они по-прежнему высятся суровыми каменными часовыми, на Севере и на Юге, на Востоке и Западе, храня безмолвную память столетий. Их имена звучат ударами древних башенных колоколов, как давно где-то слышанные, но забытые в суете повседневности, заклинания: Маргат, Монфор, Сафед, Керак, Торн, Выборг, Венден, Феллин, Мариенбург, Нессау, Ревель, Крак де Шевалье. Свидетели древней, прошедшей, но вечной славы христианского оружия, христианской культуры, христианской цивилизации, Гения Христианства... У их подножия плещутся, шумят волны Балтийского и Средиземного морей, а над ними несут вечную стражу Предвечные Звезды...

Лет десять или более тому назад, в эпоху расцвета у нас в России «черного» видеобизнеса, когда уличные прилавки буквально ломились от «пиратских» кассет, я как-то купил по случаю несколько записанных на видео телевизионных фильмов БиБиСи на исторические темы, и, в том числе, серию под многообещающим названием «Крестовые походы». Однако не удосужился их сразу же просмотреть (как говорится, все «руки не доходили»), и сделал это лишь совсем недавно. Просмотрел — и был буквально поражен.

То, что увидел, а главное — услышал Ваш покорный слуга при просмотре этих видеокассет с телеэкрана, показалось мне поразительным, нет, мало того — непостижимым! Подобно абсолютному большинству моих современников и соотечественников, хотя и выросших и духовно сформировавшихся еще при «советской» власти, антинациональной по сути, или, во всяком случае, подобно большинству окружавших меня с детства русских людей (в самом широком смысле этого слова), я как бы с молоком матери впитал в себя сознание того, что существует связь времен, соединяющая нас непрерывной цепью поколений с нашими предками. Невзирая на все идеологические ухищрения жрецов государственного марксизма, вдалбливавших в наши головы заскорузлые красные догмы, мы всегда считали Историческую (то есть дореволюционную, «старую», существовавшую «раньше» Россию) той точкой опоры, на

которой строилось все наше миросозерцание. Мы привыкли сравнивать нашу, достаточно неприглядную, действительность эпохи «развитого социализма» с тем, что было в старой доброй Российской империи. И даже в пору «позднего Совдепа» это чувство духовной опоры на прошлое, на русскую историю, на славную пору Средневековья, всемерно культивировалось и развивалось.

А что же Ваш покорный слуга узрел в «документальном» сериале БиБиСи «Крестовые походы»? Причем не просто сериале, а сериале, предназначенном для «учебных» целей и «популяризации» истории (ведь именно с помощью подобных сериалов уже несколько десятилетий формируется сознание западных европейцев — а теперь вот они и до нас грешных дошли!).

Буквально с первых же кадров меня поразила, как видно, «задающая тон» всему повествованию фраза ведущего сериала — мистера Терри Джонса:

«Крестовые походы являлись, по сути, варварскими вторжениями и были явным проявлением нецивилизованности».

И это говорилось англичанином — человеком, чей национальный флаг — «хоругвь Святого Георгия» с красным крестом на белом поле — осенял в славные былые времена именно рати крестоносцев и, в частности, рыцарей ордена Христа и Храма Соломонова! — о Крестовых походах — самом легендарном и героическом периоде истории Западной Европы, благодаря которым сложились европейские нации и Европа осознала себя таковой! Да славный король-крестоносец Ричард Львиное Сердце не иначе как сто раз перевернулся в гробу, услышав эти слова! Впрочем, и ему в сериале «досталось» от благодарных потомков «по первое число»! Чего стоит жуткие кадры, изображающие восстающего из гроба Ричарда в виде какого-то чудовищного коронованного вурдалака, со вспоротым чревом, набитым человеческими останками! Впрочем, тема «людоедства» крестоносцев будет, как навязчивая идея, постоянно повторяться и варьироваться авторами фильма на все лады. Даже у нас, в России, в советское время, да и ныне, невзирая на критику католиков за ересь папизма, хотя и выходили антикрестоносные и даже прямо антихристианские фильмы Эйзенштейна (где также смаковалась тема «людоедства» крестоносцев — вспомните незабываемую сцену «мини-холокоста», устроенного, по воле автора — который, будучи старым рижанином и вдобавок дворянином с фамильным гербом, мог бы уж не столь беззастенчиво превращать историю своих предков в идеологический «ужастик»! — в Пскове ливонскими рыцарями — безжалостными биороботами, под пение псалмов швыряющими в «огнь поядающий» невинных младенцев!) и др., а также антикрестоносные книги Заборова и др., они ясно осознавались всеми мало-мальски мыслящими людьми как идеологический заказ враждебной

Христианству богоборческой власти, а мы еще детьми, как поется в известной песне Высоцкого, с восхищеньем, запоем читали любимые книжки сэра Вальтера Скотта, Роберта Луиса Стивенсона, Райдера Хаггарда, сэра Артура Конан-Дойля и многих других — о славных рыцарях, королях и героях, которые в тяжелейших условиях Средневековья отправлялись на край света сражаться с сарацинами за освобождение Гроба Господня, верно служили своим государям, защищали слабых и обиженных, честь прекрасной дамы и проч.

Даже в пропитанных когда — воинствующим, когда — подспудным атеизмом советских книжках по истории порой оплакивалась судьба захваченного крестоносцами в 1204 г. православного Константинополя-Царьграда (хотя неизменно восхвалялись победы над теми же православными византийцами киевских князей Олега, Святослава и Владимира, оставляя за скобками вопрос, что бы эти славные русские князья учинили в случае захвата ими Царьграда!), но никогда не издевались, а уж тем более — так откровенно не глумились над периодом Крестовых походов как таковым! Разумеется, мы далеки от мысли утверждать, что советская историография превозносила крестоносцев (или хотя бы воздавала должное их подвигам, их мужеству и их идеализму), но даже из советских школьных учебников истории и последующих книг мы выносили некую неуловимую атмосферу невольного восхищения идеей бескорыстного подвига рыцарей во славу какой-то идеи. Возможно, это и было причиной: советская историческая наука, отнюдь не поощряя в подсоветских людях религиозность, старалась в то же время — исходя из чисто прагматических целей политики безбожного государства, сводившего потребности своих подданных к минимуму, воспитать в них преклонение перед идеей бескорыстного подвига, служения идеальным целям — и потому не поднимала, в общем, руку на рыцарство и, в частности, на Крестовые походы (по крайней мере — в Святую Землю; в отношении прибалтийских крестоносцев, «тевтонов» и ливонских рыцарей, действовал иной «идеологический заказ», о котором речь пойдет несколько ниже).

Еще более наглядно означенная тенденция прослеживалась в художественной литературе и послевоенной кинематографии, в которой рыцарство откровенно воспевалось (вспомним хотя бы такие замечательные фильмы как «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго», «Стрелы Робин Гуда» — с чрезвычайно симпатичным образом бескорыстного рыцаря-крестоносца Алана-э-Дэйла!-, «Последняя реликвия», «Черная стрела», «Талисман», «Квентин Дорвард» и многие другие).

А вот в сериале БиБиСи «Крестовые походы» автору настоящей книги довелось «понюхать» совершенно иной «букет» и столкнуться с совсем иным, с позволения сказать, «взглядом на историю». Речь идет не просто об иронии, не просто о неприятии и даже не просто об отрицании

«всеми фибрами души»! Нет, мало того! Речь идет об откровенном глумлении, об омерзительном опошлении, сдобренном скабрезными шуточками сомнительного свойства (не делающими чести авторам, увидевшим свет в стране знаменитого тонкого английского юмора, славного традициями Свифта, стерновского сэра Тристрама Шенди, Шеридана, Теккерея и Диккенса!), высмеивающем все и вся карикатурном описании этого беспрецедентного по героизму и размаху исторического феномена! Именно такое, глумливо-ерническое отношение красной нитью проходит через все серии телефильма БиБиСи.

С самого начала сериала нам заявляют с телеэкрана (вот уж подлинно — «икона Сатаны»!), что вот-де, в Средние века в Европе сформировался слой «профессиональных убийц», которым не хватало «заказов» дома, так что папа римский решил сплавить как можно больше этих «безработных киллеров» куда-нибудь, как можно дальше от Европы! И этот термин — «убийцы» — вновь и вновь повторяется в сериале в самых различных комбинациях применительно ко всему рыцарству, как сословию, в целом! Причем авторы сочли необходимым специально разъяснить «невежественным» телезрителям, что само слово «рыцарь» означает «всего-то» навсего «воин на лошади». Это сказано как бы между прочим, но тем самым разом перечеркивается вся идеология рыцарской доблести, рыцарской чести, рыцарского служения и рыцарственности вообще. И ни слова о том, что рыцарство — первооснова европейской кавалерии — было учреждено для отражения нашествий с юга и востока — в противовес кочевым конным ордам арабов, аваров, мадьяр, печенегов и половцев, молниеносно совершавшим на своих быстрых конях опустошительные набеги на христианские земли Европы, чтобы снова исчезнуть с добычей и пленниками в бескрайних просторах степей породившей их Азии! Вместо этого нам, ничтоже сумняшеся, преподносится идея о том, что рыцарь — это не более чем профессиональный (и притом патологический) убийца, киллер, готовый убивать всегда, везде и любого, кто препятствует его обогащению. Таким образом, авторы сериала как бы уравнивают рыцарство с наемничеством — те же мотивы, те же традиции поведения, та же мораль, та же беспринципность, та же жажда крови и денег.

Но мало того! Через весь сериал красной нитью проходит, постоянно повторяясь, презрение к религиозному пылу и рвению, трактуемым, как тупой фанатизм. Как будто не сказано было в Евангелии: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих...Итак, будь ревностен и покайся» (Откр. 3, 15–16, 19). Эта мысль внедряется в умы телезрителей исподволь, малыми порциями, но постоянно. Фразы вроде: «Из лагеря изгнали всех женщин, но даже это не впечатлило их Бога» или: «Отрезанные от мира, они остались умирать наедине со своим Богом»,

постоянно вставляются в авторский текст за кадром в разных местах, имея своей целью внушить телезрителю следующую мысль:

1) никакого Бога на самом деле не существует;

2) даже если Бог есть, то это «их Бог», а не наш.

К тому же авторами сериала периодически и крайне иронически употребляется термин «посланцы Господа» и «слуги Божии», что, вероятно, с точки зрения авторов фильма, является чем-то очень смешным и несерьезным.

Постоянно и настойчиво проповедуется «мультикультуризм», то есть противопоставляются друг другу утонченные и высоко цивилизованные восточные народы — источник и хранитель всяческой культуры, чистоты, ума и благородства! — и тупые «западные варвары»! Вы не ослышались — именно этим уничижительным термином постоянно третируются крестоносцы. Для авторов фильма они — «варвары», и — мало того! — даже «людоеды»! В самом начале фильма на фоне зловещей фигуры мрачного «воина Христова», подозрительно напоминающего чудовищные карикатуры на тевтонских рыцарей из фильма Эйзенштейна, голос за кадром сообщает леденящую кровь историю о том, как осененная Крестным знаменем «армия людоедов» сожрала все население захваченного малоазиатского городка — кого в вареном, кого в жареном виде, с подробным описанием того, как взрослых разрубали на куски, прежде чем бросить в котлы, а детей насаживали на вертел, и проч. Кошмарность этой сцены затмевается разве что упомянутыми нами выше кадрами восстающего из гроба вурдалака «Мелек-Рика» с утробой, набитой человеческими останками! Сперва я, честно говоря, ушам своим не поверил. Потом вспомнил, что нечто, отдаленно напоминавшее этот кошмар, мне приходилось читать в «Алексиаде» византийской царевны Анны Комнины.

Но, во-первых, она передает только слухи, а не что-то, чему лично была свидетелям.

Во-вторых, переданные ею слухи даже отдаленно не напоминают изложенных авторами сериала душераздирающих подробностей.

И, наконец, в-третьих, не следует забывать, что византийцы, считавшие себя «ромеями», то есть «римлянами», по давней, вошедшей в их кровь и плоть, имперской привычке, свысока смотрели на все прочие народы (причем не только Запада, но и Востока — в отличие от авторов сериала!) не как на «людей, равных себе», а как на «варваров» и примитивных дикарей, в отношении которых можно было применять какое угодно вероломство, коварство и подлость, в том числе и в форме злонамеренной пропаганды. Такими «перлами» имперско-римской пропаганды было лживое обвинение доблестного древнегерманского племени вандалов в беспощадном разграблении Рима («ромейские» историки не погнушались обвинить вандалов в том, что те сняли с крыш римских дворцов и храмов медную

кровлю, поскольку якобы были столь тупы, что считали ее не медной, а золотой!), так что бессмысленное разрушение культурных ценностей до сих пор именуется «вандализмом»; между тем, в действительности, вандалы к моменту своего нападения на Рим давно уже были христианами и как раз христианские церкви оставили в полной неприкосновенности (как и их предшественники, готы, разграбившие Рим ранее, в 410 г. п. Р.Х.), или же обвинение всем нам известного карфагенского полководца Ганнибала в людоедстве.

Известно, что на военном совете, незадолго до перехода через Альпы, Ганнибал, в ответ на возражения своих соратников, указывавших на трудности снабжения армии съестными припасами в заснеженных горах, в запальчивости воскликнул: «Я пойду через Альпы, даже если мне придется жевать кожу сапог и есть человечину!». Как говорится — сказал, не подумал. Но «слово — не воробей, вылетит — не поймаешь»! Кто-то из присутствовавших на военном совете римских соглядатаев передал информацию «куда следует». И вот уже римские эмиссары начали стращать кельтские племена, через земли которых лежал путь Ганнибалу, что вот, мол, на них движется армия пожирателей живой человеческой плоти! Так римляне ввели в обиход существующий доныне термин «каннибализм» — производный от имени «Ганнибал» (в древнем латинском алфавите согласные звуки «г» и «к» обозначались одной и той же буквой — «С», поэтому, скажем, Цезаря именуют то «Каем Юлием», то «Гаем Юлием», и т.д.) и означающий по-русски «людоедство»!

Когда на Рим обрушился новый враг — гунны Аттилы — то Аммиан Марцеллин, Приск Панийский и другие римские историки также описывали их как зверолюдей, сыроядцев, кровопийц и людоедов. Так что Анна Комнина выступала всего лишь продолжательницей славной «отечественной» традиции римской «антиварварской» имперской пропаганды, направленной на то, чтобы представить всех врагов империи дикими зверями в человеческом образе.

Но авторам-то сериала БиБиСи к чему «придуриваться»? Это в XXI-то веке! Хотя, впрочем, и в XX в. враждебная пропаганда изображала русских казаков «пожирателями детей», немецких солдат — любителями отрубать руки бельгийским детям, привязывать католических кюре к колоколам их собственных церквей, варить мыло из человеческого жира (за что Англия после окончания войны была принуждена публично извиниться... чтобы через некоторое время возобновить обвинения в несколько видоизмененной форме) и проч. Порою кажется, что нет предела человеческой фантазии... и подлости. Авторы фильма как бы вскользь упоминают, что вот-де все мусульмане были очень чистоплотны, чего, мол, нельзя сказать о крестоносцах. Чего стоит хотя бы следующая фраза: «Арабские бани сохранились и сегодня, и по-прежнему исправно посещаются, в от-

личие от английских церквей...». Или утверждение, что мусульмане якобы всегда гарантировали христианам право на богослужение и всегда проявляли в отношении «назореев» всяческую терпимость. Получается, что совершенно никому не нужно было воевать за Веру Христову, так как, мол, в действительности на нее никто не посягал. А ведь ислам, в отличие от христианства, с самого начала распространялся исключительно при помощи меча — причем железного, а не духовного (хотя у сабли-зульфикара Мухаммеда, по легенде, был раздвоенный клинок, в знак того, что пророку ислама дан и железный, и духовный меч!).

Конечно, мусульмане при завоевании христианских земель не истребляли всех христиан поголовно. Не желавших обращения в ислам облагали дополнительным налогом, взимавшимся исключительно с «неверных» (джизья). Но и крестоносцы не истребляли всех мусульман поголовно и не обращали их насильно в Христианство. Мусульмане продолжали жить под властью крестоносцев, и при этом никаких дополнительных налогов не платили. Мало того — им даже дозволялось молиться в бывших мечетях, восстановленных крестоносцами в своем первоначальном качестве христианских церквей (см. об этом у Усамы ибн Мункыза в его «Книге назидания»).

Конечно, были у магометан более терпимые халифы — вроде Гаруна ар-Рашида из рода Аббасидов, вручившего Карлу Великому ключи от Гроба Господня. Но были и нетерпимые, вроде халифа Хакима, чуть было не истребившего всех своих подданных-христиан. И не зря христиане на Востоке замуровывали врата своих церквей, оставляя только маленькую дверку — чтобы в христианский храм не заезжали верхом конные сарацины! А сколько было мусульманских нападений на паломников в Святую Землю, шедших туда без оружия! А само название, применявшееся турками к своим христианским подданным — «райя», то есть «стадо», «скот», «быдло»! Вам это ничего, случайно, не напоминает? А как насчет «священной войны» — знаменитого «исламского джихада» («джихад филлахи», то есть буквально «сражения ради Бога») против всех «неверных» (то есть не магометан), заповеданной мусульманам в Коране? Об этой войне мусульманские улемы-богословы учат, что она есть «ключ неба и бездны», что «капля крови, пролитая на пути Аллаха в течение одной ночи, имеет большее значение в очах Аллаха, чем два месяца поста и молитвы». Когда крестоносец Рейнальд де Шатийон предпринял экспедицию против Медины, султан Саладин объявил, что решил очистить всю землю от этих людей (христиан) и будет убивать всякого христианина, который попадется к нему в руки. А потому многие пленные христиане были заманены в долину Мина, где мусульманские богомольцы-паломники (хаджи) зарезали их, вместо приносимых обычно в жертву (курбан) ягнят или баранов. Остальные христианские пленники были отправлены в Миср (Египет),

где магометанские аскеты-марабуты сочли похвальным делом собственными руками истребить этих «назорейских собак». А после битвы при Хиттине «рыцарственный», «благородный» Саладин велел следовавшим за его войском исламским фанатикам зверски замучить пленных рыцарей — храмовников и иоаннитов. Но в сериале речь идет лишь о том, как злой «Мелек Рик» — король Ричард — перебил после взятия Акры ее мусульманский гарнизон. А мусульмане выступают неизменно каким-то образцом кротости! Слышишь подобное с экрана — и сразу вспоминаешь: разгром ромейской армии сельджуками под Маназкертом, отчаянные просьбы восточно-римского василевса Алексия Комнина к западным братьям по вере о помощи против неверных агарян, освежеванные Саладином после битвы при Хиттине тамплиеры и иоанниты, устроенная магометанами бойня христиан в Акконе в 1291 г., истребление османами пленных крестоносцев под Никополем, турецкие бунчуки под стенами Царьграда и Вены, резня армян, болгар и сербов при Абдул-Гамиде, массовые изнасилования христианок курдами и турками — с перерезанием горла насилуемым в момент семяизвержения, зажаренные заживо башибузуками на глазах своих связанных матерей христианские младенцы (и это не в далеком «темном» XI в., а в 1877 г. — см. хотя бы в «Трех разговорах» у Владимира Соловьева!), отрезанные головы русских христианских священников и солдат в Чечне, отказавшихся снять с шеи Крест и принять обрезание! Не иначе, как подобную же «терпимость» к Христианской вере и ее носителям проявляли и мусульмане в Средние века!

Зато о зверствах крестоносцев упоминается буквально в каждой пятой фразе авторского текста. Как вам понравится такой пассаж: «Крестоносцев страшно возмутило, что при взятии турецкой столицы Никеи союзные византийские войска не стали пытать и грабить бедных турок», в результате чего крестоносцы отказались сотрудничать с византийцами? О крестоносцах постоянно и назойливо повторяются фразы-обвинения типа: «зверски разграбили город...», «свирепо вырезали население города...», «им не хотелось таскать за собой пленных, поэтому их всех зверски убили», «убили всех мужчин и женщин», «зверски пытали всех взрослых и детей». Или: «Все, кто спасался в мечети Аль-Акса («Храме Соломоновом» — В.А.), были зверски убиты. Они омыли святое место кровью человеческих жертв («святым» местом авторы сериала, естественно, считают мусульманскую святыню — мечеть Аль-Акса, в которую арабы-мусульмане при завоевании Палестины в VII в. п. Р.Х. превратили православную церковь, тем самым осквернив древнюю христианскую святыню!) ». «Всякому, кто считает Крестовые походы смелыми предприятиями, надо както оправдать эту жестокость. Ни одна из мусульманских армий никогда не проявляла к христианам такого варварства» — это прямая цитата из сериала. Каково? На кого все это рассчитано?

Естественно, мы далеки от стремления идеализировать средневековых рыцарей вообще, а крестоносцев — в частности. Нравы тогда (да и не только тогда!) были действительно довольно далеки от современных представлений о гуманизме (насколько эти современные представления претворяются сегодня в жизнь практически, мы лучше умолчим!). Но вот противопоставлять «перманентные зверства крестоносцев» «нежной мягкости, толерантности и политкорректности сарацин» — это действительно сильный ход! Столь явное искажение истории нечасто встретишь даже в наше время. Ведь именно мусульмане — в частности, турки, принесли в Европу с Востока самые зверские пытки и казни — например, сажание на кол, разрывание на части лошадьми, закапывание в землю живьем, вырезывание плода из материнской утробы, сдирание кожи с живого человека (помните, как говорится в «Песнях западных славян» Проспера Мериме в поэтическом переводе Александра Сергеевича Пушкина: «...тут неверные на него наскочили, атаганом ему кожу вспороли, стали драть ногтями и зубами...» и прочие неаппетитные подробности!) и многое другое в том же роде. Но, по мнению авторов сериала, зверствовать могли исключительно крестоносцы, а вот мусульмане и вообще азиаты всегда проявляли только ангельское терпение и сострадание к «ближним» (и «дальним») !

Кроме того, на протяжении всех серий назойливо проводится мысль и повторяется утверждение, что крестоносцы, якобы, убивали и грабили в основном христиан, а не магометан, потому что восточные христиане были, якобы, более беззащитны!? Неужели прикажете верить и этому вздору? Ведь крестоносцы Запада пришли на Восток на помощь своим восточным собратьям по вере и откликнувшись на их слезную мольбу! В союзе с ними выступали армянские христиане — жители Киликийского царства и Эдессы. В Крестовых походах в Святую Землю участвовали православные войска византийских василевсов Алексия I и Мануила I Комнинов, грузинского царя XII в. Давида Строителя, Галицкого князя Ярослава Осмомысла! А в походах немецких меченосцев на язычников Ливонии — полоцкие и псковские православные крестоносцы, многие из которых кровью своей засвидетельствовали верность Христовым заветам! Известно ли это авторам сериала? Навряд ли...

Везде и постоянно подчеркивается непроходимая тупость и глупость безграмотных «западных варваров»: «Умение планировать не было их сильной стороной»; «Петр Пустынник собрал ополчение численностью 60 000 человек и ехал впереди него на старом осле. Очевидцы говорят, что они были похожи друг на друга...»; «В Европе большинство замков было построено из дерева, поэтому крестоносцы не понимали, как следует штурмовать каменные стены...»; «Существуют два типа людей. Одни с мозгами и без религии, другие — с религией, но без мозгов»; «Крестоносцы осаждали крепость, в которой были только овцы, и очень удивлялись,

что им никто не сопротивляется. Это не единственный случай, когда крестоносцы показали свою глупость...».

Ей-Богу, даже непонятно, на кого рассчитана вся эта галиматья? Как видно, на людей, не читавших в жизни вообще ничего!

А вот еще одна бесподобная цитата, наглядно демонстрирующая уровень уже «военно-исторического мышления» авторов сериала, дающих свою собственную, «оригинальнейшую» версию причины победы крестоносцев над многократно превосходившим их войском сарацинских конных лучников в битве при Дорилее. На полном серьезе авторы сериала утверждают следующее:

«Рыцари ездили в основном на жеребцах, а турки — на кобылицах, которые все (!!!) находились в периоде течки. Поэтому жеребцы крестоносцев погнались за кобылицами турок, в результате чего турки бежали с поля боя, проиграв сражение, и укрылись высоко в горах». Оказывается, все предельно просто! Даже не знаешь, плакать тут или смеяться от таких военно-исторических (и одновременно — гиппологических!) «открытий».

Теперь коснемся специально темы Тевтонского ордена в Земле Пресвятой Богородицы.Уж тут-то мы влезаем в осиное гнездо! Достаточно процитировать книгу «Истоки истории» (Москва, «Русский язык», 1989), сочиненную упоминавшимся выше советским профессором Н.Н. Яковлевым в соавторстве с В.С. Прищепенко и предназначенную для ознакомления иностранцев с отечественной историей. Там мы найдем не меньше «перлов», чем в обильно цитировавшимся нами выше телесериале БиБиСи. Чего стоит одно только описание Ледового побоища, где, на с. 76, по воле авторов, на рать Святого Благоверного князя Александра Невского по льду Чудского озера «под унылые песнопения католических монахов» (надо думать, бегом бежавших, подобрав полы ряс, вровень с идущей на рысях рыцарской конницей, да еще и ухитрявшихся при этом распевать псалмы!) движется «колоссальная клинообразная железная «свинья», над которой развеваются знамена — «тевтонское черное с белым черепом и скрещенными костями (?! — В.А.), коричневый флаг меченосцев с черно-белым крестом (?! — В.А.) » и, в довершение ко всему — «черно-белое, похожее на шахматную доску, знамя храмовников» (по неисповедимой воле авторов также принявших участие в Ледовом побоище 5 апреля 1242 г.) ! Ну, как? И «что же сон сей означает»? Казалось бы, всякому советскому гражданину, посмотревшему хоть раз в жизни хотя бы блокбастер Эйзенштейна, должно было быть ясно, что знамя у тевтонских рыцарей (в отличие от — якобы! — «каппелевцев» в фильме «братьев» Васильевых «Чапаев») было не черное с белым черепом и костями, а белое с черным крестом (а первоначально — просто белое, безо всяких изображений) ! Что знамя меченосцев было белым с красным крестом (или с красным крестом над красным же мечом острием вниз). А знамя храмовников (при том, что они

«под Псковом и Нарвой» отродясь не бывали и в Ледовом побоище никогда не участвовали!) было, хотя и черно-белым, но не похожим на шахматную доску, а двухполосным (черный верх-белый низ). Легенда о «шахматной» расцветке тамплиерского знамени Босеан была сочинена в производивших себя от разгромленного папской курией и французской короной ордена рыцарей Храма масонских ложах, для объяснения расцветки полов в своих «храмах» в черно-белую клетку! Ляпсус на ляпсусе! Зато не забыта непременная цитата из «Хронологических выписок» изобретателя словечка «псы-рыцари» тов. Карла Маркса: «Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отброшены...» и т.д...

Только зря покойный тов. профессор Яковлев воображал, что ненавистник «псов-рыцарей» Карл Маркс был большим другом русского народа. Дело в действительности обстояло совсем наоборот, и любил он его не больше, чем его друг, «великий поэт-демократ» Генрих Гейне, в свою очередь, «высказавшийся» в своей «Романтической школе» о русском народе и, в частности, русском солдате (между прочим, обильно оросившем своей кровушкой немецкую землю, освобождая в 1813 г. Германию от наполеоновской тирании!) в том смысле, что вот, мол, он, Генрих Гейне считает своим долгом вступиться за честь и доброе имя русских солдат, проявивших действительно отменную храбрость. И «неправда, что только водка и палка принудили их к этому» (понимай — к проявлению «отменной храбрости» — В.А.). Просто «их офицеры сказали им, что тот из них (русских солдат, проявивших «отменную храбрость»! — В.А.), кто в этом году будет убит здесь (в Германии — В.А.) на будущий год вновь воскреснет там» (в далекой и дикой России — В.А.). Каково? Хорош «прогрессивный немецкий поэт»!

Впрочем, Генрих Гейне и о немцах отзывался, вообще-то, не лучше.

В действительности же языческие Пруссия, Ливония и Курляндия, населенные дикими племенами, действительно (в отличие от кошмарных инсинуаций авторов сериала БиБиСи в отношении крестоносцев!) постоянно приносившими человеческие жертвы (излюбленным способом человеческих жертвоприношений было сожжение не только пленников, но и своих собственных соплеменников в жертву бесам живьем на костре — правда, история умалчивает о том, поедалось ли потом «идоложертвенное мясо» участниками церемонии «поклонения родным богам»!) и совершавшим (как, например, конные орды пруссов или пиратские флотилии куршей) опустошительные набеги на своих польских, немецких и датских соседей, были незаживающей, все более нарывавшей год от года гнойной язвой на теле Северо-Восточной Европы, грозившей прорваться и залить потоками кровавого гноя все окрестные христианские земли! При этом сравнительная малочисленность язычников с лихвой компенсировалась

их повышенной агрессивностью (или, по Льву Николаевичу Гумилеву — «пассионарностью»). История знала немало примеров завоевания столь же малочисленными «пассионариями» (арабами, монголами, сельджуками, османами и др.) гигантских, густонаселенных территорий, стоявших на несравненно более высокой ступени культурного развития. Не зря в датских, норвежских и шведских церквях даже читалась специальная охранительная молитва, подобная читавшейся чуть ранее в Европе молитве о «спасении от ярости» других воинственных язычников — норманнов: «От куршей сохрани нас милостивый Господи Боже» (Fra kurerna bevare oss milde herre Gud).

Вот для чего, вот для защиты от кого крестоносцы строили замки в землях, просвещенных ими светом Святого Крещения!

Крупнейшие из этих замков, возведенные во владениях Тевтонского ордена — построенные согласно последнему слову тогдашней военной архитектуры фортификационные сооружения и твердыни этого форпоста христианства в языческих землях, по сей день достойны восхищения, как подлинные шедевры военно-инженерного искусства общеевропейского уровня. Между прочим, в своей структуре они служат великолепным отражением процесса возникновения и распространения огнестрельного оружия, являясь наглядным свидетельством быстрой, почти мгновенной реакции мастеров крепостного строительства на изменения, происходившие в военно-технической сфере. Так, например, план заложенного в ранний период деятельности ордена Пресвятой Девы Марии в Пруссии замка Торн (Торон, Торунь) и построенная около 1255 г. каменная замковая стена (сторожевая башня, или, по-немецки, «бергфрид», Bergfried, была построена позже, в первой половине XIV в.) наглядно демонстрируют, что строители замка находились еще всецело в плену традиций строительства средневековых оборонительных сооружений эпохи до появления огнестрельного оружия. Вся система оборонительных сооружений замка Торн была ориентирована на фронтальный бой. Башня-донжон служила, в первую очередь, наблюдательным постом и последним укрытием на случай взятия замка, но в то же время имела лишь вспомогательное значение для поддержки главной линии обороны.

При строительстве орденского замка Нейденбург (Ниджица) во второй половине XIV в. военные инженеры ордена, однако, уже полностью учитывали принцип и важность фланкирующего огня для обороны замка. Достигнутая к тому времени огневая мощь метательного оружия (как ранних видов пушек и ручных бомбард, так и упорно не желавших уступать «железным змеям» пальму первенства дальнобойных арбалетов) уже позволяла простреливать из бойниц двух выступающих перед фронтом крепостной стены угловых башен все подступы к замку.

Что же касается орденских замков, построенных в последующий период, они то предназначены, прежде всего, и по преимуществу, для приме-

нения огнестрельного оружия. Это в полной мере относится, например, к возведенному в конце XIV — начале XV вв. орденскому замку Бютов (Бытов). Четыре громадные угловые башни этого прямоугольного в периметре замка были изначально предназначены специально для обороны замка при помощи крепостной артиллерии. Нижние этажи башен снабжены бойницами для стрельбы из ручного, еще достаточно примитивного в описываемый период, огнестрельного оружия («гандбюксов» или «гакенбюксов», то есть аркебуз-гаковниц). Эти «крепостные ружья» (аналог древнерусских «затинных пищалей») имели спереди на стволе мощный крюк (нем.: «гакен» или «гак», отсюда «гакенбюксэ» (искаж. «аркебуза» — или «гаковница») чтобы цепляться им за выступ крепостной стены и гасить отдачу при выстреле. Подобная мгновенная, бескомпромиссная реакция крепостных дел мастеров тевтонского орденского государства на появление новых видов военной техники является наглядным подтверждением того, что рыцари Тевтонского ордена своевременно осознали решающее военное значение огнестрельного оружия и соответственно сориентировали стратегию своего крепостного строительства.

Однако, невзирая на форменную «гонку вооружений», проводившуюся в орденском государстве на протяжении всего XV в. и на введение все новых усовершенствований в военно-технической сфере, рыцарям ордена Святой Девы Марии не удалось предотвратить неизбежное. Социальный кризис, поразивший всю позднефеодальную Европу, не обошел стороной и прусское орденское государство. Прошло совсем немного времени — и орден, обессиленный внутренними неурядицами и спорами о вере, вынужден был склониться перед объединенной экономической мощью выросших под защитой ордена, но давно уже тяготившихся своей зависимостью от него богатых прусских городов и военно-политической мощью польско-литовской державы. Когда разразилась «Тринадцатилетняя война» (1454–1466), то ни пушки, ни превосходно вооруженные, неприступные замки не смогли спасти от поражения орденское государство тевтонских рыцарей в Пруссии, еще совсем недавно бывшее предметом восхищения, зависти и подражания для всей Европы.

Все это так. Но все-таки свою задачу крестоносцы выполнили — в Европе, в Африке, в Азии, на Севере и Юге, на Западе и на Востоке. Не зря и по сей день там высятся твердыни рыцарей Христовых! Они долгое время служили щитом Европы и всего Христианства от натиска лютых нехристей-басурман. И забывать об этом никогда не следует.

32. О войске Тевтонского ордена

а) Боевое построение

В полевых сражениях войско Тевтонского ордена обычно строилось в три линии, или эшелона (по-немецки: «треффен», Treffen). Третью линию составлял резерв. Каждый «треффен» состоял из нескольких боевых отрядов (по-немецки: «шлахтгауфенов», Schlachthaufen), представлявших собой тактические подразделения. В свою очередь, каждый «шлахтгауфен» состоял из нескольких «знамен», или «хоругвей» (по-немецки: «баннеров», Banner), а каждое «знамя» — из нескольких отрядов (по-немецки: «труппов», Truppen — просьба не путать с трупами).

Острие передового «шлахтгауфена» тевтонского орденского войска составляли рыцари в тяжелых доспехах, построенные клином (по-старонемецки: «ди шпиц», die Spitz). В зависимости от количества тяжеловооруженных конников, составлявших острие («чело») клина, сам клин мог быть больше или меньше. Были возможны варианты, когда в первом ряду стояло три рыцаря, во втором — пять, в третьем — семь, в четвертом — девять и т.д. Чаще всего «клин» состоял в общей сложности из пятидесяти-восьмидесяти рыцарей, в то время как основную часть «шлахтгауфена» составляло двигавшееся вслед за тяжеловоруженными рыцарями, построенное вытянутым четырехугольником, формирование конных рыцарей в облегченном вооружении и «услужающих братьев» («слуг», «сариантов»), как правило, представлявших, по сравнению с рыцарями, меньшую боевую ценность и обладавших меньшим боевым опытом.

За отрядом этой средней и легкой кавалерии в некоторых случаях выстраивалась орденская пехота.

Рыцарский «клин» мог состоять либо из одного большого «баннера», либо из нескольких более мелких. Когда нам приходится читать о «клине», состоящем из нескольких «баннеров», то остается не вполне ясным, где в таком случае располагались знамена и предводители этих мелких «баннеров», поскольку знамя первого «баннера» клина считался знаменем всех «баннеров», входивших в этот клин.

Прикрытие знаменосца составляли рыцари, вооруженные мечами, булавами и шестоперами («штрейткольбенами», Streitkolben). Иногда рыцари этой «знаменной группы» имели по два меча каждый. А вот копий им — повторим это еще раз! — не полагалось (чтобы они, захваченные общим наступательным порывом, не атаковали неприятеля «по-рыцарски», с копьем наперевес, забыв о порученной им охране знамени).

Тактическая цель атаки в клинообразном строю заключалась в прорыве неприятельского строя, чтобы потом повернуть и рассечь и без того распадающееся неприятельское формирование на несколько частей. Вероятно, за рыцарями следовали легковооруженные отряды, занимавшиеся уничтожением противника, утратившего боевой порядок. Клинообразное построение использовалось «тевтонами» задолго до битвы при Танненберге (15 июля 1410 г.), в частности, в Прибалтике. В орденских хрониках (в частности, у Генриха Латвийского), упоминается боевой порядок под названием «шикунге» (Schikunge), хотя ныне точно не известно, как он выглядел.

б) Походное построение

На марше в голове орденского войска следовал конный авангард (нем.: «фортраб», Vortrab, или «реннфане», Rennfahne, что по-русски иногда переводится как «Гончая хоругвь»), а замыкал колонну арьергард (нем.: «нахгут», Nachhut). Если войско передвигалось по неприятельской территории, оно шло в сомкнутом строю. При снятии с лагеря никто не должен был садиться на коня или надевать вооружение без приказа. Каждый должен был оставаться в своей группе или «ротте» (Rotte — не путать с «ротой»!), к которой он был приписан (Правила, 46). Без соответствующего приказа не разрешалось снимать доспехи, шлем, щит и оружие.

В пункте XXIII Законов Верховного магистра «тевтонов» брата Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341) сказано, что все братья должны оставаться и передвигаться под знаменем (в составе «знамени» — В.А.), за исключением тех случаев, если предводитель их «баннера» или его помощник пошлют их куда-либо с поручением. Пункт 5 закона V Верховного магистра брата Винриха фон Книпроде (1351–1382) говорит: «Брат, коий в походе (нем.: «рейсе», «рейзе» или «райзе», Reise) будет послан к знамени (зачислен в состав «знамени» — В.А.), не должен удаляться от оного без приказа». Слуги («кнехты») должны были в походе ехать вслед за «братьями-рыцарями», каждый за своим господином. Если рыцари соединялись в отдельный отряд (нем.: «шар», Schar), то «кнехты» должны были ехать перед ними или рядом с ними, держа в поводу боевых коней (в походе рыцари ехали не на боевых конях, а на походных лошадях).

В опасных («внушающих страх») местах орденским «братьям» не дозволялось без приказа разнуздывать лошадей. Когда «братья» садились на боевых коней, им не дозволялось поворачивать их без приказа. В пору Средневековья среди рыцарей часто возникали споры и даже конфликты из-за права непременно первым атаковать неприятеля (первым войти с боевое соприкосновение с противником считалось делом чести, ради этого рыцари нередко ломали строй, приводя тем самым свое войско к поражению).

Поэтому Правила Тевтонского ордена строжайшим образом регламентировали все действия каждого члена ордена на марше и в бою, с целью недопущения подобных конфликтов между «братьями-рыцарями» и самовольных действий. Если бы «братья» самовольно, «ища себе чести и славы» (как говорится о дружинниках-курянах в «Слове о полку Игореве»), вырывались вперед, это могло бы привести к катастрофическим последствиям для орденского войска. Поэтому за подобные проступки предусматривалась суровая кара. Никому из братьев не дозволялось атаковать без приказа или до того, как переходил в атаку предводитель «баннера» (нем.: «баннерфюрер», Bannerfuehrer). Братья, которым было поручено прикрывать знамя, обязаны были находиться в его непосредственной близости. Потеря знамени (или самовольная подача им каких-либо сигналов) каралась смертной казнью.

Перед отдачей маршалом или предводителем «баннера» приказа атаковать оруженосцы (нем.: «кнаппен», Knappen) собирались с вьючными лошадьми под знаменем, которое держал один из «братьев-сариантов» (сержантов), и молились за своих ушедших в бой хозяев, не принимая сами участия в сражении. Сами оруженосцы (возившие за «братьями-рыцарями», которым они служили, их щиты и копья), имели на вооружение только кинжалы для самообороны и в бою обычно участия не принимали (за исключением критических ситуаций).

В сомкнутом строю орденские бойцы оставались только до момента вхождения в боевое соприкосновение с противником. С началом схватки строй распадался на множество отдельных поединков. Тяжеловооруженные рыцари не могли атаковать с копьями наперевес в сомкнутом строю без интервалов, не имея свободы маневра и свободного пространства для разгона, необходимого для нанесения таранного удара (поэтому расхожие представления о том, что «тевтонская» железная «свинья» сомкнутым клином, как раскаленный утюг в сугроб, входила в плотный неприятельский строй, пробивая его насквозь, несомненно, нуждаются в серьезной корректировке). «Божьи дворяне» шли в атаку коротким или медленным галопом, почти что рысью. Обычно бой начинали конные арбалетчики, стоявшие на флангах и перед готовым к бою конным формированием ордена. Отстрелявшись, арбалетчики отступали в тыл конному формированию.

Тактическое боевое построение в соответствии с Уставом ордена тамплиеров, применявшееся войском Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в ранний период его существования (в Святой Земле), отличалось от описанного выше «классического». В Святой Земле вооруженные «кнехты», державшие копья рыцарей, стояли перед группой рыцарей, каждый перед своим господином. Невооруженные оруженосцы («кнаппен») с походными лошадьми находились в последней линии. Как правило, тяжеловооруженные рыцари образовывали первую линию, а «братья-сарианты», имевшие среднее вооружение — вторую. Легкая конница («туркопулы» или «туркополы», нем.: Turkopolier), набиравшиеся из палестинских, сирийских и армянских христиан (а впоследствии — из осевших в Святой Земле потомков крестоносцев-«франков», пулланов и даже из местных мусульман), стояла на флангах.

В Пруссии и Ливонии ситуация изменилась. Разделение орденского войска на отдельные отряды (крестоносцев изо всех градов и весей Европы, ополчений орденских комтурий, ополчений подчиненных ордену епископств и городов), выступавших каждый под собственным «баннером», делало фронт орденского войска более широким, за счет меньшей глубины построения.

Тактическое построение (в частности, в битве при Танненберге 15 июля 1410 г.) орденского войска состояло из большого числа конных арбалетчиков (спешивавшихся в бою) и меньшего числа тяжеловооруженных рыцарей (строившихся «клином»).

Пешие воины использовались, главным образом, в орденском флоте «мариан», при обороне замков, крепостей и городов, сопровождении транспортных колонн и при охране обоза, оставленного конным войском, ушедшим жечь и грабить достояние прусских (или литовских) язычников.

в) «Копье», или «глефа»

Самое мелкое подразделение тяжелой орденской конницы именовалось «копьем» (по-немецки: «глеве», «глефе», «глефа», «ланце» или «шпис»). «Глефа» (само это слово означает копьевидное оружие с длинным древком и плоским, клинкообразным наконечником) была не тактическим, а чисто организационным подразделением. В отличие от «копий» обычных, «мирских» («светских») рыцарских войск Западной Европы (за исключением армий королевств Иберийского полуострова — кроме Наварры!, в которых «копьем» именовался одиночный тяжело или легко вооруженный конный воин), насчитывавших в своем составе порой до нескольких десятков человек (в зависимости от богатства возглавлявшего «копье» рыцаря-феодала), тевтонская «глефа» состояла не из четырех

(как часто ошибочно пишут и думают), а из трех человек — тяжеловооруженного конника, его оруженосца («кнаппе») и конного арбалетчика. На этих троих воинов Пресвятой Девы Марии приходилось в общей сложности четыре лошади. Каждый из троих конников «глефы» имел свою собственную походную лошадь, а тяжеловооруженный конник — еще и тяжелого боевого коня, которого в походе вел в поводу его оруженосец.

Тяжеловооруженный конный латник именовался «шписфюрером» (нем.: Spiessfuehrer) или «глефнером» (нем.: Glefner, Glevner). На марше доспехи рыцаря были навьючены на его боевого коня, в то время как оруженосец вез щит и копье «глефнера». Лишь в непосредственной близости от неприятеля «глефнер» в подходящем месте облачался в доспехи. Всякий рыцарь, желавший иметь собственного оруженосца, должен был при вступлении в Тевтонский орден внести в качестве «вклада» не менее четырех лошадей (во всяком случае, в германских владениях Тевтонского ордена). «Человеком чести» (нем.: «эрбар», Ehrbar) считался лишь тот, кто, кроме оруженосца (не имевшего собственного вооружения), выставлял хотя бы одного стрелка.

Контракты, заключавшиеся Тевтонским орденом с предводителями наемников (нем.: «зёльднеров» — от слова «зольд», т.е. жалованье, происходящего от названия средневековой итальянской монеты «сольдо», или от названия позднеримской золотой монеты «солидус», или «солид»), предусматривали, что каждый «шпис» в составе наемного отряда также должен был включать в свой состав трех человек и четыре лошади (например: «Сорок хорошо вооруженных рыцарей и оруженосцев и сорок стрелков» или: «Сто глеф добрых рыцарей и кнехтов в полном вооружении... и к ним сто стрелков. Эти сто глеф должны иметь четыреста лошадей»).

Во время похода орденского войска Тевтонского ордена на остров Готланд, с целью очистить его от шаек морских разбойников-«витальеров» (1404), каждый вооруженный арбалетом «брат-рыцарь» получал, в качестве конюха, собственного «кнехта», а все прочие арбалетчики — лишь одного «кнехта-конюха» на двоих.

г) Во что были одеты «мариане»

(1) «Братья-рыцари»:

Как нам уже известно, «братья-рыцари» Тевтонского ордена именовались в просторечии «белыми плащами», поскольку носили поверх одежды длинный белый плащ-мантию, или «господский плащ» («герренмантель»)

без рукавов с черным орденским крестом (форма и размеры которого менялись с течением времени; размеры креста постепенно увеличивались) на левом плече («напротив сердца»). Под белым «господским» плащом «братья-рыцари» носили в мирное время длинный «конвентуальный» (монастырский) черный кафтан (нем.: «конвентсрок», Konventsrock), а в военное время — надевавшееся поверх доспехов укороченное (доходившее до колен в XII–XIV и до середины бедер в XV–XVI вв.) белое полукафтанье-налатник (нем.: «ваппенорок» или «ваффенрок», франц: «сюрко») с черным крестом на груди и спине (также принимавшим со временем все большие размеры). Это белое полукафтанье вошло в употребление в период пребывания тевтонских рыцарей в Святой Земле, чтобы жаркое палестинское солнце не так накаляло рыцарские кольчужные доспехи.

Кроме плаща, кафтана и полукафтанья, в комплект обмундирования тевтонского «брата-рыцаря» входили:

1) две белые полотняные рубахи с длинными рукавами;

2) две пары белых полотняных подштанников (состоявшие из двух штанин и гульфика каждая) ;

3) две пары черных «штанов» (по две черных штанины и по гульфику в каждой паре) ;

4) черная куртка-я (к) ка (нем.: «якке», Jacke) с длинными рукавами (надевавшаяся поверх исподней полотняной рубахи и носившаяся в военное время под доспехами) ;

5) белая дорожная (походная) ряса (лат.: «каппа», нем.: «рейземантель», Reisemantel) с черным крестом на груди и спине, длинными рукавами и капюшоном, именовавшаяся также «дождевиком» (старонем.: «рейнмантель», Reynmantel) ;

7) »зимнее» военное полукафтанье, подбитое черной овчиной или черным козьим мехом (старонем.: «курсит», Cursit) ;

8) утепленный («зимний») вариант белого «господского» плаща (также подбитый овчиной или козьим мехом).

Ношение «зимних» полукафтаньев и плащей было введено после переноса деятельности Тевтонского ордена из Святой Земли (где, впрочем, тоже бывает холодно) в суровые условия Прибалтики.

Тевтонские военные полукафтанья XII–XIV вв., доходившие до колен, в своей верхней части (до пояса) плотно прилегали к доспехам, расширяясь ниже пояса наподобие юбки.

Укороченные военные полукафтанья XV–XVI вв. тесно прилегали к нагрудникам (сменившим к тому времени кольчатую броню).

С введением цельнокованых («белых») лат, полукафтанья вышли из употребления, и орденский крест начали рисовать, а у Верховных магистров и высших должностных лиц ордена (упоминавшихся нами выше «гебитигеров» или «гроссгебитигеров») — чеканить прямо на нагрудниках.

Кожаные башмаки и поясные ремни «братьев» Тевтонского ордена были коричневого цвета. Таким образом, соблюдалось уставное требование ограничиваться употреблением только «церковных» цветов: белого, серого, черного и коричневого. Членам ордена запрещалось иметь какие-либо украшения на одежде, обуви, поясах, ножнах, древках копий, колчанах и шпорах. Запрещалось также украшать конскую сбрую. В то же время не сохранилось никаких упоминаний о наличии на копьях «братьев» Тевтонского ордена столь любимых авторами исторических романов и фильмов белых флажков-флюгеров (прапорцев) с черными орденскими крестами (в то время как сохранились, к примеру, изображения рыцарей-тамплиеров с подобными копейными флажками).

В качестве головного убора тевтонские рыцари носили круглую шапочку-скуфью белого цвета с плоским верхом (в Уставе им особо запрещалось ношение остроконечных головных уборов).

На основании сохранившихся изображений можно предположить, что в начальный период истории Тевтонского ордена его «братья-рыцари» носили «конвентуальные» кафтаны и шапочки серого цвета. Такие же серые круглые шапочки носили тевтонские «услужающие братья» («сарианты») и «полубратья», о которых пойдет речь чуть ниже.

(2) «Братья-сарианты»:

Неоднократно упоминавшиеся выше «братья-сарианты» («услужающие братья», лат.: «фратрес сервиентес» или «фратрес сарианди», нем.: «сариантсбрюдер», «диненде брюдер» или просто «динер» — буквально: «слуги») именовались в просторечии «серыми плащами» (нем.: «граументлер»), поскольку вместо белого «господского» плаща «братьев-рыцарей» («герренмантеля») носили поверх одежды длинный плащ без рукавов серого цвета (нем.: «сариантсмантель»).

Под серым плащом «сарианты» носили в мирное время длинный серый «конвентуальный» кафтан (нем.: «конвентсрок»), а в военное время — серое полукафтанье-«ваффенрок» (становившееся, с течением времени, все короче, как и белое полукафтанье тевтонских «братьев-рыцарей»), надевавшееся поверх доспехов. Комплект обмундирования «братьев-сариантов» был аналогичен упомянутому выше рыцарскому (вплоть до утепленных «зимних» вариантов одежды, подбитых овчиной или козьим мехом).

Летом утепленные «зимние» плащи и полукафтанья сдавались на хранение ризничему («драпьеру» или «трапьеру», нем.: Drappier, Trappier) ордена; взамен них выдавались «летние» варианты тех же элементов орденского облачения.

Говоря об орденском облачении «братьев-сариантов», нам представляется необходимым еще раз подчеркнуть следующее обстоятельство (уже подчеркивавшееся нами выше).

Существует широко распространенное (как за рубежом, так и у нас в России) и глубоко укоренившееся (но от того не менее ошибочное) представление, будто бы «братья-сарианты» Тевтонского ордена носили на своих серых плащах и военных полукафтаньях (а согласно представлениям иных историков и особенно художников — даже на щитах, шлемах и конских попонах!) не «полный» (четырехконечный) черный орденский крест, а «половинный», «половинчатый» или «Антониев» крест в форме буквы «Т» (по-гречески эта буква именуется «Тау», в связи с чем и означенный «полукрест» порой именуется «Тау-крестом»). Автор настоящей книги должен покаяться перед уважаемыми читателями в том, что и сам долгое время разделял это ошибочное мнение.

В действительности тевтонские «братья-сарианты», подобно «братьям-рыцарям» и «братьям-священникам», вступавшие в орден Пресвятой Девы Марии вместе со всем своим движимым и недвижимым имуществом, приносившим те же три монашеских обета нестяжания (бедности), послушания и целомудрия (безбрачия), являлись полноправными членами ордена (хотя и не благородного происхождения — в отличие большинства — но не всех! — тевтонских «братьев рыцарей») и потому с полным на то правом носили на своих серых плащах и военных полукафтаньях (а также щитах, выкрашенных не в серый, а в тот же самый белый цвет, что и у «братьев-рыцарей») отнюдь не «полукрест», а «полный» черный орденский крест. «Тау-крест» носили на одежде не «сарианты», а «полубратья» (лат.: «семифратеры», нем.: «гальббрюдер») Тевтонского ордена, представлявшие собой совершенно иную категорию.

(3) «Полубратья»:

«Полубратьями» («гальббрюдерами», «семифратерами»), как мы уже знаем, именовались лица, вступавшие в орден Девы Марии вместе со всем своим имуществом и приносившие три вышеупомянутых монашеских обета, но не обязанные ордену военной службой, а посвящавшие себя хозяйственной деятельностью в орденских имениях и факториях (земледелию, скотоводству, торговле — например, янтарем, рыбой, зерном или скотом в прусских владениях ордена, и т.д.). Эти тевтонские «хозяйственники» носили одежду такого же серого цвета, что и «братья-сарианты», но иного покроя — кафтаны, более короткие, чем у «сариантов», и укороченные (до колен) серые плащи с рукавами и «половинным» черным «Тау-крестом» на левом плече. «Полубратья» призывались орденом к оружию лишь в самых крайних случаях — например, при внезапном нападении неприятеля на орденские владения, в которых трудились эти «полубратья», или в случае острой нехватки живой силы (например,

после серьезного поражения орденского войска, понесшего тяжелые потери). В обычное же время «полубратья» были освобождены от военной службы и формально в орденском войске не числились.

д) Горны, трубы и герольды

Кроме сигналов, подаваемых знаменами-«баннерами», в орденском войске тевтонов подавались также звуковые (акустические) сигналы. Хронисты ордена Девы Марии упоминают подачу сигналов трубными (роговыми) звуками, например, к снятию лагеря, к выступлению в поход и т.д. По состоянию на 1422 г. в инвентарной описи Малой оружейной палаты Кенигсбергской комтурии Тевтонского ордена числился один боевой (или войсковой) горн, или рог (нем.: «геергорне», Heerhorne). Фанфары в описываемое время не упоминаются. В орденском войске имелись и «глашатаи» (или, по-русски: «бирючи»). В Правилах (54) о должности «глашатая» («аусруфера») сказано, что в военном стане он должен располагаться рядом с маршалом ордена, и выкрикивать («оглашать») приказы последнего, обязательные для всех. В Правилах также неоднократно упоминаются «возгласы» глашатаев, поднимающих орденское войско «тевтонов» по тревоге при приближении неприятеля.

В орденских расходных книгах нередко встречаются записи вроде:

«Итого за 12 марок куплено 3 «швейка» («швейками» назывались лошади низкорослой прусской породы — В.А.) для 3 трубачей, сопровождавших нашего Верховного магистра в рейсе (походе — В.А.) нашего Верховного магистра» (нем.: Item XII m. vor III sweyken den III pfyfern gekouft dy mit unserm homeyster in dy reise zoegen).

Музыканты играли особенно важную роль в поддержании боевого духа воинов ордена на марше и в лагере. Каждому орденскому воинскому контингенту было придано определенное число музыкантов. Трубачи (нем.: peiper, pypir, pyper, pipir, pfyfer, spillute) сопровождали также отряды военного ополчения подчиненных ордену городов (судя, например, по «Военной книге» города Эльбинга за 1383–1409 гг.).

Контингенты съезжавшихся на подмогу ордену Девы Марии европейских крестоносцев также имели в своем составе трубачей, а в некоторых случаях — также литаврщиков. Трубач приехавшего в Пруссию для участия в Крестовом походе француза Жана де Блуа был даже облачен своим богатым сеньором в рыцарские латы. Необходимо заметить, что нам точно не известно, на каких именно инструментах играли упоминающиеся в орденских хрониках «трубачи».

Под «трубачами» («пейперами», «пипирами», «пфифирами», «пфейферами», «шпиллейтами») могли подразумеваться не только горнисты, но

даже флейтисты или волынщики. В тевтонских «рейсах» знатные европейские крестоносцы участвовали в сопровождении своих герольдов и декламаторов (в качестве важных свидетелей, всегда готовых подтвердить и воспеть подвиги своих сеньоров). По некоторым данным, при дворе Гохмейстера Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в городах Мариенбурге-на-Ногате и Кенигсберге имелся особый орденский герольд. Точных доказательств на этот счет не существует. Однако совершенно точно доказано существование, по крайней мере, в 1388 г., герольда Верховного магистра «мариан». Звали этого герольда Варфоломей (Бартоломеус) Лютенберг.

33. О холодном оружии воинов Тевтонского ордена

В статье 2 раздела IV «Законов» Верховного магистра Тевтонского ордена брата Винриха фон Книпроде (1351–1382) говорится: «Братьям надлежит всегда носить с собой меч».

а) Меч

Главным оружием всякого «брата-рыцаря» («белого плаща») и всякого «брата-сарианта» («серого плаща») Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии был меч (нем.: «шверт», Schwert). Всякий «брат» ордена должен был по возможности оставаться препоясанным мечом (даже в мирное время и даже если он не носил на себе иного вооружения, доспехов и шлема) — например, во время конных прогулок. В то же время все посетители «орденского дома», не принадлежавшие к Тевтонскому ордену, должны были, перед тем, как войти в дом, снимать свои мечи (как и при проезде через ворота городов, расположенных во владениях Тевтонского ордена).

Мечи не перечисляются в инвентарных описях орденских арсеналах именно потому, что как бы являлись неотъемлемым элементом облачения каждого члена ордена, который он постоянно имел при себе. Какого-то общего, или единообразного типа меча члена Тевтонского ордена исторически не существовало.

Обычно рыцари, принимаемые в Тевтонский орден (да и в другие военно-монашеские ордены — например, в орден госпитальеров Святого Иоанна или в орден Храма), вступали в него вместе со своими мечами, поэтому различные варианты мечей, распространенных в тогдашней Германии (а если быть точнее — в тогдашней «Священной Римской империи», включавшей в себя, как мы знаем, наряду с Германией, также нынешние Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Австрию, Швейцарию, Богемию-Чехию и т.д.), были представлены и в войске Тевтонского ордена. Во всяком случае, светские рыцари — вассалы ордена Приснодевы

Марии (служившие ему и участвовавшие в орденских походах-«рейсах» за предоставленный земельный надел), судя по многочисленным находкам, широко употребляли мечи, выкованные в орденских оружейных мастерских или в собственных кузницах по достаточно устаревшим образцам (так, один из найденных на поле битвы под Танненбергом подобных мечей, датируемый примерно 1395 г., повторяет по форме меч образца 1300 г.).

С течением времени длина орденских мечей постепенно увеличивалась. Если клинок меча, датируемого концом XII в., чаще всего достигал в длину восьмидесяти сантиметров, то клинок меча второй половины XIV в. — уже одного метра.

Мечи ковались из стали и железа и полировались до зеркального блеска. Они имели обоюдоострый клинок. По Уставу Тевтонского ордена мечи, как и другие виды оружия было запрещено чем-либо украшать. Правда, в реальности совсем без украшений дело все-таки не обходилось, но украшались обычно только навершия рукояток мечей, имевшие различную, не регламентированную, форму. Навершия украшались маленькими изображениями орденского креста, порой фигурками или даже фамильным гербом владельца (изображать который на щите, одежде, шлеме или конской попоне членам Тевтонского ордена в «классическую эпоху» его существования было строжайше запрещено). В очень редких случаях эфес или крестовина меча покрывались бронзой, еще реже верхняя часть клинка украшалась девизом или каким-либо узором. И буквально в считанных случаях клинок орденского меча частично воронился, украшался латунной проволокой, словами молитв или благочестивыми изречениями.

Тяжелый эфес меча служил противовесом клинку, уравновешивая меч в руке бойца. С целью облегчения веса меча (а отнюдь не для того, чтобы с него «легче стекала кровь», как иногда пишут и думают!) клинок имел долы. Меч с долами на клинке весил в среднем около трех килограммов. Большинство мечей (не «принятых» в орден вместе со своими владельцами) ведомство маршала рыцарей Пресвятой Девы Марии Тевтонской получало от местных городских оружейников или же из лучших оружейных мастерских городов, расположенных в других государствах Европы (например, из Вены). Меч вкладывался в кожаные ножны, усиленные внутри деревянными вкладками.

О мечах «братьев-рыцарей» основанного герцогом (князем) Конрадом Мазовецким польско-немецкого Добринского (Добжиньского) военно-монашеского ордена, упоминавшегося нами выше и действовавшего против прусских язычников до прихода в Пруссию «тевтонов», сообщается, что их ножны были, якобы, красного цвета. О ножнах мечей тевтонских рыцарей подобных сведений у нас не имеется.

В очень редких случаях на поясах, на которых рыцари Тевтонского ордена носили мечи, встречались декоративные металлические бляхи или

иные украшения, хотя это было строго запрещено статьей XIX «Закона» Верховного магистра ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской брата Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341), недвусмысленно гласившей:

«Такожде и поясам для ношения мечей надлежит быть скромными ремнями безо всяких блях» (нем.: «ouch suln sin die swertfessele slecht gryme ane spangen»).

Со второй половины XIV в., судя по сохранившимся надгробиям, вошли в употребление предохранительные цепочки, один конец которых прикреплялся к рукояткам мечей и кинжалов (а также к шлемам), другой же — сначала к поясу, а позднее — к латам на груди (служившие своеобразной страховкой от потери меча, кинжала или шлема в рукопашной схватке).

б) Дюзак (дуссака)

«Дюзаком» («дюзакой» или «дуссакой» — искаженное славянское слово «тесак») назывался слегка изогнутый, дешевый в изготовлении меч с одним лезвием (то есть заточенный только с одной стороны) и металлической дугообразной гардой, защищавшей пальцы державшей его руки, состоявший на вооружении «неблагородных» воинов Тевтонского ордена в период с XIII по XV в. Этим «тесаком» (изогнутый клинок которого достигал в длину в среднем семидесяти сантиметров) пользовались также члены бюргерских ополчений подчиненных Тевтонскому ордену городов или отрядов немецких, польских и прусских крестьян, выступавших в поход по призыву Верховного магистра под началом своего господина — светского или духовного вассала Тевтонского ордена. «Дюзаки» (именовавшиеся в романских странах «фальшионами») были также излюбленным оружием богемских (чешских) наемников ордена Пресвятой Девы Марии и матросов орденского флота.

в) Кинжал

(нем.: «туллих», «дуллих», «дольх», Tullich, Dullich, Dolch), или «милость Божья» (нем.: «гнадготт», Gnadgott, лат.: «мизерикордия», misericordia).

«Братья-рыцари» и «братья-сарианты» Тевтонского ордена носили справа на поясе кинжалы. Эти «кинжалы милосердия» были предназначены, прежде всего, для закалывания поверженного противника через щели в доспехах (в подобных случаях, вероятно, предполагалось, что всякий благочестивый «брат» ордена Пресвятой Девы Марии, прежде чем покончить с лежащим на земле неприятелем — во всяком случае, католиком-поляком или еще каким-либо «братом во Христе», скажет или шепнет ему на ухо: «Да пребудет с тобой милость Божья!», или, по-немецки: «Гнад дир Готт!», Gnad dir Gott!).

Впрочем, поляки, в свою очередь, в долгу не оставались. Вспомним хотя бы знаменитую сцену завершения Грюнвальдской битвы в романе лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича «Крестоносцы» («Крыжаки») : «Мацько дважды вонзил мизерикордию в горло врагу. Куно страшно захрипел, выкатил глаза, изо рта у него хлынула кровавая пена и т.д. (цитирую по памяти — В.А.) »

Впрочем, кто его знает... Хотя откуда-то ведь должно было взяться такое название!

В качестве средства самообороны кинжалы состояли и на вооружении оруженосцев-«кнаппенов» орденских «братьев-рыцарей», возивших за своим господином щит и копье и не имевших собственного вооружения. Да и вообще, никакому воину не возбранялось их иметь.

Кроме кинжала (на случай, если придется «завалить» сарацина, половца, прусса, литвина или поляка), на поясе обычно носили еще и нож (чтобы «колбаски или сальца нарезать», или еще там чего)...

г) Булава, шестопер, чекан, боевой топор

Наряду с клинковым, на вооружении войск Тевтонского ордена состояло и оружие ударное. Булавы, шестоперы (перначи), и чеканы (боевые молоты) были излюбленным оружием конных воинов.

Военные предводители особенно охотно пользовались булавами, или шестоперами (напоминавшими по форме скипетр), служившими им не только ударным оружием, но и символом власти. Очень любили пользоваться булавой или шестопером епископы, выступавшие на войну во главе своих воинских контингентов по призыву своего сюзерена — Верховного магистра Тевтонского ордена — ведь им, как князьям церкви и лицам духовного звания было строжайше запрещено проливать кровь мечом.

Чеканы, или боевые молоты (нем.: «рабеншнабели», Rabenschnabel, то есть «вороньи клювы») использовались конными воинами для проламывания вражеских шлемов и пластинчатых лат.

Боевые топоры (секиры) входили в комплект вооружения пеших воинов (кнехтов) и экипажей кораблей орденского флота.

д) Древковое оружие:

Древковое оружие различных размеров, снабженное наконечниками различных форм, было главным оружием как пехоты, так и конницы ордена Приснодевы Марии. При раскопках средневекового имения Клеменсбург,

принадлежавшего светскому рыцарю-вассалу Тевтонского ордена, были обнаружены металлические наконечники различных видов древкового оружия длиной от пятнадцати до пятидесяти восьми сантиметров и различной ширины.

(1) Пики

Пехотные пики (нем.: «шписсы», Spiesse) имели длинные и широкие наконечники в форме клинка или шила (для протыкания неприятельских кольчуг).

(2) Копья

Задняя часть древка рыцарское копья (нем.: «ланце», «штоссланце», Lanze, Stosslanze), имевшего (в отличие от пик и копий, состоявших на вооружении орденской пехоты) сравнительно компактный, небольшой и короткий наконечник, достигавшего в длину пяти метров и весившего до шести килограммов, во время атаки зажималась рыцарем под мышкой правой руки. Для нанесения мощного таранного удара копьем, взятым наперевес, рыцарь вытягивал ноги вперед и плотно упирался нижней частью спины (скажем так) в заднюю луку высокого рыцарского седла.

Древко рыцарского копья чаще всего было абсолютно прямым и имело одинаковый диаметр по всей своей длине.

По Правилу XXII Устава Тевтонского ордена его членам запрещалось пользоваться древковым оружием, раскрашенным в яркие «светские» цвета. Из цветов для окраски древка допускались только «церковные» («монашеские») — черный, серый или коричневый — «в тон» цветам облачения различных «сословий» (классов, или категорий) членов Тевтонского ордена.

Странным образом, в Уставе и хрониках Тевтонского ордена совершенно отсутствуют какие бы то ни было упоминании о флажках-«прапорцах» на копьях «братьев» Тевтонского ордена (столь любимых иллюстраторами).

(3) «Гуфдорны» (нем.: Hufdorne) — рогульки,

«помётные (подмётные) каракули», триболы, триволы (или, по-русски: «железный чеснок»

Этот вспомогательный вид оружия, широко использовавшийся не только в эпоху Средневековья, представлял собой небольшие по размеру железные конструкции из четырех железных шипов или гвоздей, торчащих

остриями в разные стороны и разбрасывавшихся на предполагаемом пути неприятельской конницы. Так, например, при описании набега русского князя Владимира Полоцкого на Ригу хронист сообщает, что немцы сделали все дороги, ведшие к Риге, непроходимыми для полоцкой конницы, разбросав повсюду «железный чеснок».

Если «железный чеснок» разбрасывался в больших количествах (как это обычно и бывало), он мог создать серьезные проблемы для продвижения не только конницы, но и пехоты неприятеля.

34. Об арбалетах и арбалетчиках Тевтонского ордена

В указе Верховного магистра Тевтонского ордена брата Конрада фон Юнгингена о направлении в 1404 г. орденского экспедиционного корпуса на остров Готланд с целью очистить его от морских разбойников-«виталььеров», в частности, говорилось.

«Всякий свободный и слуга должен иметь доспех, два копья, щит и один седельный топор. Всякий стрелок из арбалета один шог стрел».

Выражение «шог (шок) стрел» означало «шестьдесят стрел». Не только в «оружейных палатах» орденских замков «тевтонов», но и в имениях землевладельцев-ленников, обязанных Тевтонскому ордену военной службой (как немецких рыцарей-вассалов, так и прусских «витингов») и даже в орденских хозяйствах-«экономиях» хранились изрядные запасы всевозможного оружия, выдававшегося в случае начала (а точнее — возобновления) военных действий против «врагов Креста и Христианской Веры». Имелись в больших количествах и собственные оружейные мастерские.

Ниже мы коснемся несколько подробнее одного из наиболее эффективных видов вооружения воинов Тевтонского ордена — арбалета.

Арбалет (по-латыни: «арбалиста», «аркубалиста» или просто «баллиста», по-немецки: «армбруст», Armbrust, по-русски: «самострел», по-польски: «куша») — короткий мощный лук, снабженный деревянной ложей с желобом для стрел или свинцовых пуль — принадлежал к числу видов метательного оружия, наиболее широко распространенных в армии государства Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии как в Пруссии, так и в Лифляндии (Ливонии). За изготовление, складирование, текущий ремонт арбалетов и их поддержание в надлежащем состоянии отвечали мастера так называемых «оружейных палат» (нем.: «рюсткаммер», Ruestkammer) орденских замков.

Арбалет — оружие весьма древнее — не был изобретением Запада. Считается, что первые, еще достаточно при-

митивные, самострелы были изобретены в Древнем Китае. Это изобретение позволило китайским пехотинцам вести более-менее «на равных» перестрелку с конными лучниками нападавших на «Срединное Государство» кочевых племен Великой Степи. Используя самострелы, китайцы сумели одолеть гарнизоны нескольких парфянских крепостей в Турфане, состоявшие из римских легионеров Марка Лициния Красса (знаменитого победителя вождя восставших против власти Рима гладиаторов и рабов фракийца Спартака), взятых парфянскими конными латниками-«катафрактариями» в плен в битве при Каррах (стоившей Крассу головы в буквальном смысле этого слова) и поселенных на парфянско-китайской границе в качестве военных колонистов, о чем сохранились любопытные свидетельства в древних китайских хрониках.

Впоследствии кочевники Великой Степи сами взяли на вооружение арбалеты, сослужившие столь добрую службу их извечным врагам-китайцам. В древнерусских летописях, повествующих о войнах Великого Князя Киевского Владимира Мономаха с кипчаками-половцами, сообщается о наличии в половецком войске громадных, передвигавшихся «на возу великом», самострелов, и о каких-то неизвестных метательных орудиях («шереширах»), стрелявших «живым (возможно, «греческим») огнем». Иные историки склонны понимать под этими «шереширами» также нечто вроде арбалетов.

Византийские легковооруженные воины-«псилы», кроме луков со стрелами, пращей и дротиков, имели на вооружение так называемые «соленарии» (деревянные метательные механизмы типа самострелов), ведшие свое происхождение, однако, не от китайских арбалетов, а от античных самострелов-«гастрофетов», известных в Средиземноморье еще в эпоху эллинизма.

В то же время более мощные арбалеты западного образца, широко распространенные среди «латинских» крестоносцев, пришедших с Запада (по-гречески: «цангры»), воспринимались византийскими греками — «ромеями» — как новинка.

В своем известном историческом труде «Алексиада», посвященном правлению ее венценосного отца, василевса Алексея I, ромейская царевна Анна Комнина описывала «цангры» в следующих, проникнутых своеобразной смесью страха с восхищением, выражениях:

«Натягивающий это оружие, грозное и дальнометное, должен откинуться чуть ли не навзничь, упереться обеими ногами в изгиб лука, а руками изо всех сил оттягивать тетиву. К середине тетивы прикреплен желоб полуцилиндрической формы, длиной с большую стрелу; пересекая тетиву, он доходит до самой середины лука; из него-то и посылаются стрелы. Стрелы, которые в него вкладываются, очень коротки, но толсты и имеют тяжелые железные наконечники. Пущенная с огромной

силой стрела, куда бы она ни попала, никогда не отскакивает назад, а насквозь пробивает и щит, и толстый панцирь и летит дальше. Вот насколько силен и неудержим полет этих стрел. Случалось, что такая стрела пробивала даже медную статую; а если она ударяется в стену большого города, то либо ее острие выходит по другую сторону, либо она целиком вонзается в толщу стены и там остается. Таким образом, кажется, что из этого лука (арбалета — В.А.) стреляет сам дьявол. Тот, кто поражен его ударом, погибает несчастный, ничего не почувствовав и не успев понять, кто его поразил».

Надо сказать, что и мусульмане-«сарацины» также активно применяли арбалет в войне с «латинянами». Именно мамелюкские арбалетчики изрешетили в злополучной для западных христиан битве при Крессоне, послужившей мрачной прелюдией к разгрому крестоносцев при Хиттине в 1187 г., Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского фра Роже де Мулэна (Рюдигера фон ден Мюлена) арбалетными «болтами» (якобы «приняв его за святого Георгия» — выходит, сарацины-мусульмане верили в христианского святого) !

Если в период пребывания Тевтонского ордена Приснодевы Марии в Святой земле, где главными противниками рыцарей Креста выступали мусульманские наездники-сарацины, и в Трансильвании (Седмиградье), где тевтонским рыцарям пришлось иметь дело с куманской (половецкой, или кипчакской) конницей, от чьих набегов «марианам», приглашенным в Седмиградье венгерским королем Андреем II, надлежало охранять границы Венгрии, основную ударную силу ордена составляла тяжело вооруженная рыцарская конница, то в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация в значительной степени изменилась. Такая возможность была, между прочим, предусмотрена статьей XXII «О том, что относится к рыцарству». В указанной статье, в частности, говорилось:

«Воистину, поелику известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов Креста и Веры, то, в зависимости от разнообразия земель и обычаев... нападения врагов надлежит биться разным оружием и разными способами...»

Местность в Пруссии и Лифляндии, изобиловавшая дремучими лесами, реками и болотами, не слишком подходила для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от Святой Земли (и Европы), где рыцари привыкли выступать в своем «классическом амплуа» тяжелой конницы, в Земле Пресвятой Девы Марии (Пруссии и Ливонии) тевтонским «братьям-рыцарям» сплошь и рядом приходилось вести бой пешими и биться оружием, не типичным для людей рыцарского звания — и в том числе стрелять из арбалета (хотя в орденском войске имелись и наемные отряды превосходных арбалетчиков и лучников, в том числе генуэзских и английских, состоявшие из людей «неблагородного» происхождения).

Уже в 1336 г. в инвентарных списках орденских арсеналов «тевтонов» встречаются упоминания различных видов арбалетов — «випармбрустов», «винденармбрустов», «зигерейф-армбрустов» и «рукармбрустов». Тетива «випармбруста» натягивалась при помощи деревянного рычага (нем.: «виппе», Wippe), а тетива более мощного «зигерейф-армбруста» (Sigereif-Armbrust) — при помощи специального крюка-«гюртельгакена» (нем.: Guertelhaken, «поясной крюк»), который арбалетчик носил на поясе вместе с обитым мехом колчаном с арбалетными стрелами-«болтами» (нем.: «больцен», Bolzen). Иногда этих «гюртельгакенов» было два. Арбалетчики, наклонившись, зацепляли тетиву поставленных ими боевой частью на землю арбалетов поясными крюками и, выпрямляясь, натягивали тетиву.

Спереди к деревянной ложе арбалета была прикреплена металлическая скоба (так называемое «стремя», по-немецки: «штейгбюгель», Steigbuegel, или «штейгрейфен», Steigreifen). Арбалетчику, вставившему в это «стремя» ногу, было легче натягивать тетиву.

«Рук-армбруст» (нем.: Ruck-Armbrust) и «зигерейф-армбруст» (нем.: Sigereif-Armbrust) именовались также «компаньонскими арбалетами» (нем.: «гезеллен-армбруст», Gesellen-Armbrust) или «стрелковыми арбалетами» (нем.: «шютцен-армбруст», Schuetzen-Armbrust). «Компаньонами» («компанами», Kompane, «кумпанами», Kumpane, или «гезеллен», Gesellen, буквально: «подмастерьями») именовались оруженосцы («кнаппен», Knappen) «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена.

Арбалетные «болты» представляли собой стрелы с железными наконечниками различной формы, насаженными на короткое толстое древко с хвостовым оперением из кожи, гусиных перьев или даже пергаментных страниц использованных не по назначению книг (в то бурное время бывало и такое). Хвостовая часть «болта» была оперена этими стабилизаторами только с трех сторон (четвертая сторона, которая должна была плотно прилегать к поверхности желоба на деревянной ложе арбалета, оставалась не оперенной). Существовали особые, укороченные болты, именовавшиеся «оводами» или «слепнями» (нем.: «бремзен», Bremsen).

Тетива разработанного позднее тяжелого «винденармбруста» (нем.: Windenarmbrust, «арбалета с воротом»), боевое применение которого (вследствие большой длины и, соответственно, солидного веса этого вида стрелкового оружия) ограничивалось сферой обороны орденских замков и крепостей, натягивалась при помощи специального поворотного механизма — ворота — с ударением на первом слоге (нем.: «винде», Winde), прикрепленного к заднему концу ложи арбалета.

Луки для арбалетов (по крайней мере, в Европе) изготавливались из дерева (обычно из тиса), китового уса или рога. Воины Тевтонского ордена использовали при осадах крепостей и в военных походах-«рейсах»

преимущественно арбалеты с роговыми луками (хотя последние со временем стали во все большей степени вытесняться более мощными стальными). Толстая тетива арбалета изготавливалась из скрученных овечьих кишок (в то время как тетивы простых луков делались обычно из скрученных конопляных или льняных волокон). Считавшиеся в Западной Европе давно устаревшими варианты арбалетов все еще фигурировали в инвентарных списках орденских арсеналов даже в начале XV в.

Значительная часть орденского войска «тевтонов» состояла из конных арбалетчиков. В больших количествах арбалеты хранились в «оружейных палатах» зависимых от Тевтонского ордена городов и сельских рыцарей (нем.: «ландриттеров», Landritter) — вассалов Тевтонского ордена (служивших ему за земельные пожалования, не вступая в орден и не принося обетов).

Прусские, ливские, леттские, земгальские и куршские язычники первоначально не были знакомы с арбалетом, и при появлении тевтонских рыцарей в Прибалтике это дальнобойное оружие обеспечивало христианам немало преимуществ при вооруженных столкновениях с туземцами, вплоть до самого «Великого восстания» пруссов (1260 г.), поставившего под вопрос само дальнейшее существование государства Тевтонского ордена в Пруссии. К этому времени языческие племена не только перестали бояться марианских арбалетов (невзирая на их дальнобойность и пробивную силу), но и сами обзавелись большим количеством арбалетов — как ручных, так и станковых, наряду с другими осадными машинами, метавшими в неприятеля стрелы, зажигательные снаряды и каменные ядра.

Прибалтийские язычники с полным основанием считали орденских стрелков грозными противниками. Орденский летописец брат Петр из Дусбурга неоднократно упоминал в своей «Хронике Земли Прусской» тевтонских «братьев-рыцарей», прославившихся в боях с туземцами своей необычайно меткой стрельбой из арбалета на большие расстояния (например, уже знакомого нам «брата» Генриха фон Таупаделя, ухитрившегося стрелой из арбалета пригвоздить руку одного из литовских язычников к деревянному ложу метательной машины при штурме тевтонским войском неприятельского замка Вилов) :

«Генрих фон Таупадель...ставший братом Дома Тевтонского, муж доблестный и в совершенстве овладевший искусством баллистариев (арбалетчиков — В.А.)...выстрелом из баллисты (арбалета — В.А.) пронзил стрелой и убил...вождя литвинов, и с другой стороны выстрелил в одного мастера, который, чтобы починить камнемет, поднялся на верх его, и стрелой пригвоздил ему руку к камнемету».

При планировании крупномасштабных военных экспедиций в орденских арсеналах могло храниться до четырех тысяч арбалетов одновремен-

но. В развалинах орденского замка Шлухов (Члухов), разрушенного поляками, при раскопках было найдено семьсот восемьдесят пять железных наконечников для арбалетных «болтов». В качестве примера того, какое количество арбалетов хранилось в арсеналах некоторых орденских замков, можно привести следующие цифры из «Должностной книги» (нем.: «Эмтербух», Aemterbuch) Тевтонского ордена.

Так, например, по состоянию на 1400 г. в орденском замке города Кенигсберга (тогдашней резиденции маршала ордена Приснодевы Марии) хранился семьсот шестьдесят один арбалет; в замке Христбурга — пятьсот девяносто пять; Данцига (Гданьска) — двести пятьдесят пять; Слохау (Шлохау) — сто девяносто девять; Эльбинга (Эльблонга) — двести девяносто три; Раг (а) нита — двести сорок восемь.

По состоянию на 1416 г. в замке орденского комтура города Эльбинга хранилось в общей сложности тысяча двести шестьдесят пять «шогов» (по-польски и чешски — «коп») арбалетных стрел-«болтов» (то есть семьдесят пять тысяч болтов; исходя из того, что один «шог» насчитывал шестьдесят болтов). В инвентарных списках орденских арсеналов «тевтонов» отдельно учитывались зажигательные стрелы, также хранившиеся в «оружейных палатах» в немалых количествах.

Так, например, в описи вооружений «Должностной книги» орденской Кенигсбергской комтурии содержалась следующая запись за 1414 г.:

«Один арбалет кнехта (вооруженного слуги — В.А.) компаньона (оруженосца одного из «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена — В.А.) Ганса, один арбалет Рихенбаха, один арбалет Фредриха (Фридриха — В.А.), один арбалет Сотодта (судя по имени, не природного немца, а крещеного прусса — В.А.) ».

(нем.: Hans des Kompans knecht eyn armbrost, Rychenbach eyn armbrost, Fredrych eyn armbrost, Sotodt eyn armbrost)...

Обычно именно арбалетчики, стоявшие на флангах и перед фронтом готового к атаке конного орденского войска, первыми вступали в сражение, являясь «застрельщиками» в буквальном смысле этого слова. Отстрелявшись, арбалетчики отходили назад через проходы в строю стоявших за ними конных рыцарей. Для рукопашного боя каждый арбалетчик был вооружен мечом и кинжалом. В комплект его защитного вооружения в «классическую эпоху» войн с язычниками в Пруссии и Ливонии, как у всех «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов» («услужающих братьев») Тевтонского ордена (к числу которых и принадлежали конные арбалетчики), входили шлем, кольчатая броня с капюшоном, длинными рукавами и кольчужными чулками, и щит.

Тактический боевой порядок орденского войска (в том числе и в сражении при Танненберге 15 июля 1410 г.) состоял из многочисленных конных арбалетчиков, спешивавшихся перед началом стрельбы, и меньшего числа

тяжеловооруженных рыцарей (последние сражались, выстроившись клином).

Дальность стрельбы из арбалета достигала в описываемое время четырехсот метров а дальность прицельной стрельбы — более ста метров. На расстоянии трехсот метров арбалетный болт пробивал кольчатую броню. Умелые арбалетчики Тевтонского ордена умудрялись выпускать по неприятелю две стрелы-«болта» в минуту.

Арбалеты орденских стрелков-«баллистариев» (передвигавшихся в конном строю) имели ложу из твердых пород дерева и составное луковище. Тетивы были сплетены обычно из конопляных волокон или скрученных кишок и натягивались при помощи специального поясного крюка (или нескольких крюков). Перед тем, как натянуть тетиву, арбалет ставили на землю вертикально, луком вниз. Затем стрелок упирался ногой в специальное «стремя» — скобу, укрепленную на торце ложа арбалета, и, нагнувшись, цеплял крюки за тетиву «баллисты». Когда арбалетчик разгибался, крюки, поднимаясь вместе с ним, тянули за собой тетиву арбалета до тех пор, пока она не заскакивала за фиксирующие зубцы. Существовали и более мощные, тяжелые и дальнобойные арбалеты, тетива которых натягивалась при помощи специального ворота. В Тевтонском ордене в качестве арбалетчиков выступали не только воины «низкого звания» — «полубратья» (лат.: semifratres, нем.: Halbbrueder) и наемники, но и «братья-рыцари»ю.

Для стрельбы из арбалета применялись специальные укороченные стрелы-«болты» (нем.: Bolzen) с массивными, прочными наконечниками. Общий вес арбалетного болта мог достигать ста пятидесяти граммов, поэтому он без труда пробивал самый прочный кольчужный, а иногда и кованый пластинчатый доспех. К тому же из арбалета было проще, чем из лука, вести прицельную стрельбу.

35. О провиантской службе Тевтонского ордена

Повествуя в своей «Ливонской хронике» о войнах «тевтонов» с воинами Великого князя Московского, Бальтазар Рюссов писал: «Русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей; если у него есть вода, мука, соль и водка, то он может долго прожить ими, а немец не может». Данная констатация в гораздо более сжатой форме содержится и в известной русской пословице: «Что русскому здорово, то немцу смерть».

Не зря немецким воинам испокон веку приписывают поговорку: «Война войной, обед — обедом». В том, насколько большое внимание они во все времена придавали соблюдению правильного режима питания, можно убедиться на примере армии Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии.

Давно прошли те времена, когда пища и питье отцов-основателей госпиталя Пресвятой Марии Иерусалимского Тевтонского дома, по утверждению орденского хрониста брата Петра из Дусбурга, «были настолько скудны, что цвет и запах хлеба или бобов был едва различим человеческим зрением и обонянием», когда «братья» ордена «с умерщвленной душой и радостным лицом» отказывались принимать в пищу мясо «даже в положенное время». Как говорили древние римляне: «Tempora mutantur et nos mutamus in illis» («Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними») ...

В мирное время «гебитигер» (начальник) «орденского дома» (в этом случае «гебитигером» был комтур) или крепости-«орденсбурга» (в этом случае «гебитигером» был кастеллан, или каштелян) и орденские «братья» вкушали пищу за одним столом в трапезной (лат.: «рефекториум», Refectorium, нем.: «ремтер», Remter), храня во время еды полное молчание. Иногда назначался чтец (обычно из числа орденских «братьев-священников» — как правило, они были единственными грамотными среди членов Тевтонского ордена), читавший вслух вкушавшим пищу в молчании

«братьям» священные или нравоучительные тексты. После того, как «братья-священники» и «братья-рыцари», завершив трапезу, вставали из-за стола и, прочитав благодарственную молитву («Благодарим Тебя, Христе Боже наш, еже насытил нас земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия!»), удалялись, за стол садились «услужающие братья» («сарианты»), а вслед за «услужающими братьями» — слуги («кнехты»).

Пища «братьев» и слуг не отличалась большим разнообразием. В ежедневный рацион членов Тевтонского ордена непременно входили хлеб и каша (овсяная, пшенная или гречневая), а также серый и белый горох. В закромах орденских замков постоянно хранились большие запасы овса, проса, пшеницы и ржи. Поскольку орденские «братья» являлись не только монахами, но и воинами, им необходимо было высоко калорийное питание, в том числе масло, сыр, творог и, разумеется, мясо. Чаще всего они ели говядину и телятину, но не брезговали также и свининой. Подобно обычным католическим монахам описываемой (и не только описываемой) эпохи, тевтонские воины-монахи пили не только чистую воду, но и пиво, мед, плодово-ягодные вина, молоко, а со временем (по мере развития виноградарства) перешли и на местное виноградное вино. В постные дни вместо мяса вкушали рыбу, сыр и яйца.

В походе («рейсе», «рейзе» или «райзе») основными продуктами питания были хлеб и пиво. При этом проводилось четкое различие между «господским хлебом» (нем.: «герренброт», Herrenbrot), который пекли для командного состава, «братьев-рыцарей» и «гостей» ордена (знатных крестоносцев), с одной, и «хлебом для слуг» (нем.: «кнехтброт», Knechtbrot), которым должны были довольствоваться воины «низкого звания». В походе «господа» пили, главным образом, вино, а слуги довольствовались пивом.

Провиант, который брали с собой в поход крестоносцы и воины Тевтонского Ордена, должен был не портиться на протяжении нескольких недель (столько обычно длились орденские «рейсы» в земли язычников), и потому состоял, главным образом, из сухарей, соленой, копченой, сушеной и вяленой рыбы, сала, копченого мяса, колбас, ветчины и солонины. По возможности брали с собой муку, чтобы печь из нее хлеб в походе.

Естественно, при захвате языческих селений все найденные там припасы и вся живность съедались подчистую.

В рацион участников военных «рейсов» Тевтонского ордена в Пруссии непременно входила и так называемая «круда» — смесь различных сладких сухофруктов, сдобренная пряностями, кориандром и анисом. Существовала даже специальная профессия «круденера» («крюденера», «криденера») — кондитера, специализировавшегося на изготовлении «круды» и одновременно торговавшего этим высококалорийным лакомством. Особенно славился кулинарными талантами своих «круденеров» подчинен-

ный Тевтонскому ордену портовый город Данциг (по-польски: Гданьск). В 1405 г. для снабжения участников «рейса» в Литву свежим хлебом был зафрахтован целый корабль, превращенный в плавучую пекарню (нем.: «бакшифф», Backschiff). Кроме того, участники орденских «рейсов», если представлялась такая возможность, брали с собой в поход живой скот (обычно быков) и домашнюю птицу в клетках, чтобы иметь возможность питаться свежим мясом хотя бы на начальном этапе военной экспедиции.

Провиант, предназначенный для транспортировки на вьючных лошадях, телегах или санях (в зимнее время), упаковывался преимущественно в бочки или в мешки. Шедшая в голове походной колонны «тевтонов» провиантская команда доставляла на место очередного ночлега необходимую провизию («виктуалии») для воинов, а также овес и сено для лошадей еще до подхода основных сил орденского войска. Воины ополчений, направленных в состав орденского войска подчиненными Тевтонскому ордену городами и сельскими общинами, а также светскими рыцарями — вассалами ордена, обычно сами заботились о пропитании, транспортировке провианта и снаряжения. Участвовавшие в тевтонских «рейсах» знатные крестоносцы (в отличие от приученных к воздержанию в пище и питье воинов-монахов Тевтонского ордена) старались ни в чем себе не отказывать даже в суровых условиях прусского театра военных действий. Так, в 1363 г. для принимавшего участие в «рейсе» против литовских язычников знатного французского сеньора Жана Блуаского (де Блуа) был нанят специальный повар, «искусный в печении пирогов с разнообразной начинкой и в приготовлении изысканных паштетов», а также зафрахтован отдельный корабль, на борту которого в садках со свежей водой везли живую рыбу.

Судя по этому описанию, французы, в отличие от неприхотливых в пище и питье «братьев» Тевтонского ордена (не говоря уже о русских воинах, довольствовавшихся, если верить западноевропейским путешественникам, в день горстью толокна, то есть овсяной муки, которую ели, разведя ее водой, в виде болтушки), уже в XIV в. были не только героями, но и сибаритами.

Приведем для наглядности цены на некоторые продовольственные и непродовольственные товары в прусских владениях Тевтонского ордена в период наивысшего расцвета тамошнего орденского государства (1340–1411) :

Хорошая молочная корова: 18 скотов.

Поросенок: 1 скот.

Откормленная свинья: 24 скота.

Баран: 3 скота.

Бочка топленого масла: 60 скотов.

Фунт (500 г) свиного сала: 0,16 скотов.

Бочка с 300 головами сыра: 72 скота.

Очень хороший боевой конь: 360–432 скота.

Хороший боевой конь: 288–360 скотов.

«Швейка» (лошадь местной прусской породы) : 72–192 скота.

Боевое знамя («баннер») : 144 скота.

Хороший арбалет: 24 скота.

Железная шляпа (шлем-шапель, или, по-немецки, «эйзенгут», Eisenhut) : 14 скотов.

Железная каска: 10 скотов.

Бочка с 300 головками сыра: 72 скота.

1000 кирпичей: 14 скотов.

Плуг с железным лемехом: 14 скотов.

1 локоть серого платьевого сукна для слуг: 1,5 скота.

1 локоть цветного платьевого сукна для слуг: 4 скота.

1 локоть сукна для «господской» одежды: 9–12 скотов.

Железный топор: 4,1 скота.

Фунт (500 г) пчелиного воска: 1,2 скота.

Основной денежной единицей в прусских владениях Тевтонского ордена в описываемое время была (кульмская) марка. В одной (кульмской) марке содержалось двадцать четыре скота.

Период военно-политического и, соответственно, экономического процветания прусского орденского государства «тевтонов» (вторая половина XIV-первая половина XV в.) характеризовался достаточно высоким уровнем оплаты труда. Наемный работник в орденских землях в среднем получал поденную плату, эквивалентную стоимости от двадцати шести до тридцати четырех килограммов ржи. Цены на дрова, мясо и молоко оставались достаточно низкими, а цены на импортные товары — наоборот, очень высокими (что объяснялось сознательно проводившейся протекционистской экономической политикой ордена Девы Марии). Священнослужители и воины, нанимавшиеся на службу к Тевтонскому ордену, получали очень высокое жалование (в отличие от членов ордена Пресвятой Девы Марии, получавших бесплатно еду, питье, крышу над головой и одежду — в обмен на свое переданное ордену движимое и недвижимое имущество).

36. О санитарной службе Тевтонского ордена

При изучении скелетов 1200 рыцарей и воинов, павших в битве армии Тевтонского ордена Святой Девы Марии с морскими разбойниками-«витальерами» при Висби на острове Готланд в 1361 г. (о чем подробнее пойдет речь далее) археологи смогли лишний раз убедиться в необычайной эффективности средневекового холодного оружия. Нанесенные с огромной силой удары мечом и топором пробивали шлемы и кольчуги, отделяли от тел руки, ноги и головы. Наконечники копий и пик, арбалетные стрелы и болты пробивали даже ламеллярные доспехи. Наибольшее число ранений приходилось на ноги ниже колен, поскольку в пешем бою одна нога выставлялась вперед, а щит прикрывал, главным образом, пах, торс и голову. Смерть каждого десятого бойца, павшего в битве при Висби, была вызвана попаданием в голову арбалетной стрелы. Средневековые миниатюры — в частности, батальные миниатюры знаменитой «Библии Мацейовского», с необычайной живостью и наглядностью передают ожесточенный характер рукопашных схваток тех времен.

В первых городах, основанных Тевтонским орденом в Пруссии — Кульме и Эльбинге — уже в 1242 г. имелись госпитали, Эльбингский госпиталь был крупнейшим в Пруссии. Правда, врачи в этих госпиталях не являлись членами Тевтонского ордена. «Тевтоны», в случае необходимости, привлекали к лечению своих больных и раненых независимых врачей на гонорарной основе. Деятельность «орденских братьев» ограничивалась только уходом за больными и ранеными. Мало того! Начиная с XII в., «братьям» Тевтонского ордена специальным папским указом было запрещено заниматься врачебной практикой, в т.ч. хирургией, поскольку членам ордена считалось неподобающим лицезрение срамных частей. Это может показаться странным — ведь таких ограничений в отношении других военно-монашеских орденов — иоаннитов или лазаритов — никогда не было, но...факт остается фактом...

От XIII в. не сохранилось никаких свидетельств о врачах, находившихся на службе Тевтонского ордена. В орденском войске раненые и больные получали усиленное питание. Раненые «братья», нуждавшиеся в длительном лечении, перевозились в баллеи Тевтонского ордена, расположенные на территории Германии (если их состояние позволяло перенести тяготы долгого пути), поскольку там условия лечения и содержания больных были гораздо лучше, чем в «прифронтовых» Ливонии и Пруссии. Принимать в Тевтонский орден женщин было запрещено. Однако, с дозволения ландкомтуров (правителей крупных орденских областей), женщины с безупречной репутацией могли, в качестве «полусестер», привлекаться к определенным работам в госпиталях. Уже в первой половине XIV в. орден Девы Марии имел в Пруссии полноценную санитарную службу со штатными врачами (в т.ч. хирургами), труд которых оплачивался на постоянной основе. Врачи приравнивались к «братьям-священникам» и, подобно им, не носили оружия. Около 1350 г. подчиненный ордену торговый город Данциг содержал военного врача, лечившего раненых не только из числа членов ордена Девы Марии, но и из числа его союзников и вспомогательных войск. В ходе похода орденской армии на остров Готланд в 1404 г. на 110 бойцов приходился один военный врач. Труд хирургов оплачивался частично орденом, частично — подчиненными ордену городами (также обязанными выставить на определенное количество воинов определенное число врачей). Так, город Эльбинг направил в Готландский поход Тевтонского ордена на витальеров вместо одного из тяжеловооруженных воинов («веппнеров»), которого был обязан выставить в составе городского ополчения, военного врача с ассистентом.

В 1402–1403 гг. военный хирург по имени Ваксмут сопровождал орденского казначея (тресслера) в зимнем «рейсе» на литовцев, получив за свои услуги немалую по тем временам сумму в две марки серебром. В 1409 г. тот же самый врач сопровождал орденское войско в летнем походе. В период 1401–1409 г.г. он, по поручению ордена, лечил в Мариенбурге больных и раненых членов ордена Девы Марии и слуг, после чего поселился и открыл частную практику в Эльбинге. В 1409 г. медик с университетским образованием доктор Бартоломеус (Варфоломей) Борушау (1360–1426) сопровождал в военном походе Верховного магистра Тевтонского ордена. В свое время, в 1398 г., он был священником в Эльбинге, а с 1404 г. — деканом Эрмландского (Вармийского) соборного капитула. Одновременно доктор Борушау был личным врачом (лейб-медиком) Верховного магистра, оказывавшим, в случае необходимости, медицинскую помощь и главным советникам Гохмейстера — «Великим Повелителям» («Гроссгебитигерам»), т.е. Великому комтуру, Верховному маршалу, Верховному казначею, Верховному ризничему и Великому госпитальеру Тев-

тонского ордена. Последние годы своей жизни Борушау провел в городе Фрауэнбурге.

Вообще же все «орденские дома» пользовались и услугами врачей и лекарей тех городов, в которых (или по соседству с которыми) они находились. Если это позволяли их ранения или заболевания, то члены ордена, нуждавшиеся в медицинской помощи, сами отправлялись к городским врачам или хирургам. Ради посещения врачей-специалистов нередко приходилось преодолевать немалые расстояния. Так, в 1409 г. некий «брат» Тевтонского ордена приехал на врачебную консультацию к городскому хирургу и медику Эльбинга магистру (мейстеру) Геркену...с литовской стрелой в голове! Разовый гонорар хорошего врача в то время нередко многократно превышал стоимость молочной коровы. Если ранение или болезнь члена ордена Девы Марии не позволяли перевозить его и приходилось лечить его прямо на месте, в орденском замке, то орден предоставлял в распоряжение врача верховую лошадь или повозку с возницей. Среди повозок в резиденции Верховного магистра имелась специальная повозка для врача.

Нередкими в описываемое (да и не только в описываемое!) время были случаи вскрытия в бою брюшины ударом копья или меча, с последующим выпадением внутренностей. Выпавшие из брюшины фрагменты кишечника вскоре отмирали, начинали разлагаться и выделять токсины (ядовитые вещества), что не оставляло раненому надежды на спасение. Попытки вытащить стрелы из ран или удалить их иным способом (из-за невозможности вытащить стрелу), вызывали обильное кровотечение, тоже чреватые смертельной угрозой для раненого (в особенности, если кровь изливалась в брюшину). Нередко даже в легкие раны, казавшиеся безобидными, проникали возбудители столбняка, приводившие к неминуемой смерти. Обычно использовались такие способы лечения, как кровопускание, выжигание ран раскаленным железом, перевязки, пластыри и мази. На период своего участия в одном из прусских «рейсов» Тевтонского ордена знатный крестоносец граф Голландии и Геннегау (Эно) нанял «мастера-хирурга», обязавшегося, в случае необходимости, «делать перевязки и ставить пластыри» как самому графу, так и его спутникам.

«Брат-рыцарь» Тевтонского ордена Пфальцпайнт, состоявший в середине XV в. в Мариенбургском конвенте, внес значительные улучшения в дело лечения раненых. Его пример лишний раз доказывает, что отнюдь не все рыцари Тевтонского ордена были малограмотными (или вообще безграмотными) рубаками, чуждыми наукам. Пфальцпайнт, изучивший хирургическое искусство еще до своего вступления в Тевтонский орден, в 1460 г. написал трактат по хирургии, в котором обобщил свой многолетний опыт. Он спас множество раненых со вскрытой брюшиной, смазывая прямо на поле боя вывалившиеся из раны внутренности особым,

подогретым маслом, рецепт которого был составлен им самим, после чего с помощью самого раненого или ассистента заправлял кишки обратно в брюшную полость и сразу же зашивал еще свежую рану.

Он умел проводить даже операции под наркозом, но к раненым в живот наркоз не применял за недостатком времени. Вонзившиеся стрелы Пфальцпайнт не пытался сразу же извлечь из раны. Он удалял только древко стрелы, торчавшее из раны, после чего поил раненого целебным зельем. По прошествии десяти дней, в течение которых происходило нагноение раны, можно было без особых усилий вытащить железный наконечник стрелы из мягких тканей.

Пфальцпайнт разработал специальные инструменты для удаления наконечников стрел, застрявших в костях. Однако в борьбе с возбудителями столбняка, буквально косившего раненых, был бессилен даже этот выдающийся средневековый хирург Тевтонского ордена Святой Девы Марии.

37. О флоте Тевтонского ордена

После постройки в 1237 г. замка Эльбинг (по-польски: Эльблонг) — Данциг (по-польски: Гданьск) был присоединен к владениям Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии (став его важнейшим портовым городом) только в 1309 г. — тевтонские рыцари получили прямой выход к Балтийскому (Янтарному) морю. Одновременно Эльбинг (быстро разросшийся до размеров города) был и речным портом — в его акватории сходилось сразу несколько важных речных путей. У Тевтонского ордена не было необходимости постоянно содержать свой собственный военно-морской флот.

Правда, в ходе двух военно-морских экспедиций на остров Готланд (первая из которых, состоявшаяся в 1398 г., была направлена против засевших на острове морских разбойников-«витальеров», а вторая, проведенная в 1403 г. — против захвативших Готланд датчан) Тевтонский орден использовал для перевозки своих десантных войск в качестве транспортных средств корабли, пригодные для плавания в открытом море. Однако эти корабли, ходившие по морю под белым орденским флагом с черным крестом, (как и их команды) принадлежали не самому ордену, а торговым товариществам (кумпанствам) купцов расположенного в орденских владениях города Данцига, у которого орден Пресвятой Девы Марии арендовал как суда («когги»), так и матросов-«веппнеров».

Во время первого Готландского морского похода Тевтонского ордена (в 1398 г.) против пиратов-«витальеров», засевших на острове Готланд, из данцигского порта вышли восемьдесят четыре зафрахтованных орденом Девы Марии корабля, имевшие на борту более четырех тысяч «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и ратников-«кнехтов» Тевтонского ордена, а также четыреста боевых коней, походных (ездовых) и вьючных лошадей.

Христианизация земель прибалтийских язычников осуществлялась, в первую очередь, по суше (в том числе по рекам) и (частично) вдоль побережья Балтийского моря. В летнее время важнейшим судоходным транспортным

водным путем, необходимым для обеспечения коммуникаций орденского войска, подвоза подкреплений и грузов, являлась река Висла.

Первые два крупных речных корабля, принявшие участие в военных экспедициях Тевтонского ордена в Пруссии, назывались «Фридланд» и «Пильгрим» («Пильгерим», то есть «Пилигрим», «Паломник»). Оба одномачтовых корабля были построены в 1236 г. по приказу и на средства знатного участника Крестового похода в земли прусских язычников маркграфа (маркиза) Генриха Мейссенского из владетельного дома Веттинов (прародителя будущей династии курфюрстов и королей Саксонских). Первоначально маркграф воспользовался этими плоскодонными речными судами для перевозки собственного военного отряда, а после окончания Крестового похода, перед самым возвращением в Германию, подарил оба корабля Тевтонскому ордену.

Этими двумя кораблями, вместе с военным контингентом крестоносцев, были доставлены по рекам Висле и Ногате из Мариенвердера в бухту Драузе, где было запланировано строительство замка Эльбинг, также воины Тевтонского ордена и нанятые орденом мастеровые.

Судя по сохранившимся описаниям аналогичных кораблей того времени и сделанной на их основе реконструкции Гергарда Залемке, плоскодонные суда «Фридланд» и «Пильгрим», построенные в Пруссии эльбскими корабелами, привезенными с собой маркграфом Мейссенским, имели в длину около 23 м, в ширину около 6 м, высоту бортов 1,30 м и осадку не более 0,75 м. Обладая большой маневренностью, суда могли без особого труда следовать всем извивам реки. Каждое из них имело одну большую мачту с «вороньим гнездом» и четырехугольным парусом, но при отсутствии ветра могло идти и на веслах.

Белый парус, если верить реконструкции Залемке, был украшен гербом саксонского рода Веттинов, из которого происходил маркграф Генрих Мейссенский — двумя лазурными столпами (вертикальными полосами). Щиты, прикрепленные к бортам кораблей для защиты гребцов от неприятельских метательных снарядов, были украшены попеременно гербом Тевтонского ордена (прямым «латинским» черным крестом на белом поле), лазурными столпами дома Веттинов на белом (серебряном) поле и личным гербом Генриха Мейссенского — черным львом на желтом (золотом) поле.

На носу «Фридланда» и «Пильгрима» развевался белый флаг Тевтонского ордена с прямым черным крестом, над кормовой надстройкой («ахтеркастелем») — желтое знамя-«баннер» Генриха Мейссенского с изображением черного льва, а на мачте — белый стяг крестоносцев с лапчатым черным крестом. Корабли имели по пять пар весел и по одному большому рулевому веслу (именовавшемуся «стир», «стюр», «штир» или «штюр», а по-русски: «кормило»).

При помощи этих двух кораблей, перевозивших мастеров, охрану и строительные материалы, был построен также орденский замок Бальга. «Фридланд» и «Пильгрим» приняли активное участие в изгнании прусских язычников с побережья залива Фришес Гафф. В 1242 г. войско Тевтонского ордена, высадив десант с кораблей, захватило расположенный на берегу Вислы замок Сартовице (Сартовиц), принадлежавший герцогу Помереллии (Малой, или Восточной, Померании). На Висле и в дальнейшем неоднократно происходили бои орденских кораблей с военными флотилиями прусских и литовских язычников. В тевтонских хрониках сохранились факты оснащения орденских кораблей метательными машинами, активно применявшимися против неприятельских флотилий.

Один из этих двух кораблей (а возможно, и другой) был потоплен прусскими язычниками в период «Великого восстания» пруссов на Драузенском озере близ Вёклице. Расположенные там три прусских земляных укрепления несколько раз переходили из рук в руки, и бои за них носили особо ожесточенный характер.

38. Типы тевтонских кораблей

Все расположенные на берегу рек и других водоемов орденские замки имели речные корабли различных типов. В 1404 г. тевтонский замок Христбург имел двадцать три речных корабля, Эльбинг — более девятнадцати, Мемель (Клайпеда) — более двенадцати, прусская столица Тевтонского ордена Мариенбург-на-Ногате — более восьми. В большинстве своем эти суда были плоскодонными, но некоторые имели киль.

Удобными для боевого применения кораблями были «когги» («кокки», «коги», «коггены», «гатты», «бусы», «нефы», «кочи»), имевшие на корме уже упоминавшиеся выше «ахтеркастели» — надстройки в форме небольших крепостей, использовавшиеся в качестве боевых платформ. К концу XIII в. «когги» получили еще одну боевую надстройку, расположенную в передней части корабля и называвшуюся «форкастелем».

Варианты кораблей с меньшей осадкой очень часто применялись в устье рек, впадавших в Балтийское море. «Когги» доставляли отряды крестоносцев по Балтийскому морю в Ригу, где «вооруженные паломники» пересаживались на речные суда, перевозившие их в глубь Ливонии, где важнейшей водной транспортной артерией была река Дина (Дюна, Западная Двина, Даугава).

Для перевозки грузов использовалось судно под названием «гольк» (нем.: Holk) — прямой предшественник «когга», с более плоским дном и более низкими боевыми надстройками на носу и корме. Хронисты ордена Пресвятой Девы Марии упоминают в числе орденских кораблей также гребные «прамы», приводившиеся в движение семнадцатью, пятнадцатью, четырнадцатью или двенадцатью гребцами, именовавшимися «подмастерьями» (нем.: «гезеллен», Gesellen), и «нассуты» — небольшие плоскодонные суда с шестнадцатью или восемнадцатью гребцами, имевшие также мачту с четырехугольным парусом. Русские именовали «нассуты» по-своему — «насадами». В русских летописях чато упоминаются нападения ливонских «тевтонов», передвигавшихся по реке в «насадах» (в частности, на Псков).

При помощи канатов можно было, идя по берегу реки, волочь «прамы» и «нассуты» вверх по течению. В составе орденского флота числились также «рейсеканы» («рейзеканы») — буквально: «рейсовые (походные) лодки», имевшие высокие борта, округлые формы и напоминавшие тогдашние морские корабли. Орден Приснодевы Марии использовал «рейсеканы» (чаще всего имевшие на борту по двадцать человек) для военных экспедиций (как мы уже знаем, такие вооруженные экспедиции именовались «рейсами» или «рейзами», а их участники — «рейзигами»; последнее слово в дальнейшем стало обозначать всякого тяжеловооруженного, преимущественно конного, воина вообще). Малые лодки, которые обычно изготавливались прямо в походе и могли перевозиться на телегах, как правило, были рассчитаны на шестерых человек каждая. Некоторые из орденских кораблей, ходивших по Висле, были оборудованы в качестве плавучей военно-полевой пекарни (нем.: «бакшифф» или «багшифф»).

При строительстве тевтонского замка Христмемель на берегу реки Мемель выше замка Рагниты при Верховном магистре «тевтонов» брате Конраде Трирском (фон Трире) в 1313 г. воины ордена Пресвятой Девы Марии построили через довольно широкую в этом месте реку понтонный мост из кораблей.

Снабжение строителей замка провиантом и строительными материалами осуществлялось морским путем. На море бушевали штормы, вследствие чего погибло много кораблей, а также четыре «брата-рыцаря» и четыреста «кнехтов» и слуг. В ходе неудачного штурма литовской крепости Бизены летом 1313 г. через реку Мемель был построен понтонный мост из орденских кораблей, по которому прибывшее по реке орденское войско подвозило к замку осадные машины.

Впоследствии тевтонский комтур (командор) Раг (а) ниты (Рагнеты) распорядился построить, наряду с большим числом обычных речных судов, специальный военный корабль с надстройками в виде крепостных стен и башен, при помощи которого намеревался взять литовский замок Юнигеду. Однако литовским язычникам удалось, при помощи многочисленных судов, окружить этот большой корабль ордена на реке Мемель и уничтожить его.

Согласно орденской «Хронике земли Прусской» брата Петра из Дусбурга, литовцы в 1315 г. осадили тевтонский замок Христмемель, и орден Девы Марии перебросил на помощь осажденному гарнизону на кораблях шеститысячное войско. Замок удалось деблокировать, литовцы сняли осаду и ушли восвояси.

Во второй половине XIV в. Тевтонский орден, при помощи выписанных из Голландии за большие деньги мастеров, построил на реке Мемель шлюзы, обеспечив свободное судоходство от Лабиау (на литовской

границе) до центра орденских владений в Пруссии и далее — до городов Мариенбурга и Данцига.

Когда в 1403 г. датские войска захватили остров Готланд, Тевтонский орден направил туда корабли с небольшим войском на борту, установившие морскую блокаду Готланда и уничтожившие датский флот в морском сражении при Кальмаре.

39. Об экипажах кораблей Тевтонского ордена

Расположенные вдоль речных путей на орденской территории города были обязаны, наряду с пешим и конным ополчением, предоставлять в распоряжение Тевтонского ордена также лодки, корабли и матросов, а расположенные вдоль речных путей деревни — гребцов. В «Военной книге» города Эльбинга за 1383–1409 гг. в этой связи упоминаются:

в 1387 г. — два корабля с тридцатью одним матросом и пятнадцатью гребцами

в 1397 г. — три корабля и пятьдесят матросов.

Во время морской экспедиции Тевтонского ордена на остров Готланд, о которой подробнее будет рассказано ниже, несколько комтурств предоставили гребные команды по двадцать гребцов на корабль. Каждый из этих гребцов был оснащен заступом, топором, гребным веслом и вооружен копьем. Гребцы должны были явиться безоружными, однако каждый должен был иметь лопату. Многие «нассуты» имели гребные команды, состоявшие из восемнадцати гребцов (пруссов и немцев) каждая, во главе с кормчим (рулевым). Наряду с капитаном корабля («шиффером»), требовались также рулевые («штюрманы», «стюрманы») и «маты» (старшие матросы), наймом которых орденский комтур нередко занимался лично.

В отличие от гребцов, орденские матросы были вооружены. Они именовались «детьми корабля» (нем.: «шиффскиндер», Schiffskinder), получали большое жалованье и хорошее питание и питье дважды в день. Особенно широкую известность снискали себе данцигские «дети кораблей», виртуозно владевшие боевыми топорами и сыгравшие важную роль в обороне столицы Тевтонского ордена — города-крепости Мариенбурга-на-Ногате — от польско-литовского войска после сокрушительного поражения армии «тевтонов» при Танненберге (Грюнвальде) в 1410 г. Кроме «абордажных» топоров, пик, арбалетов и луков со стрелами, орденские матросы были вооружены упоминавшимися

выше «дюссаками» (дюсаками, дуссаками, дузегами), весьма популярными среди чехов (в том числе и чешских наемных воинов, служивших Тевтонскому ордену). Дюссака (это слово, как мы уже знаем, происходит от славянского слова «тесак») представляла собой разновидность сабли с коротким и широким клинком, хвостовик которой загибался к лезвию, образуя рукоять в форме петли.

Служившие на борту торговых морских «коггов» («коггенов») Тевтонского ордена вооруженные матросы (нем.: «веппнеры», Waeppner) получали бесплатное питание и 12 скотов жалованья в неделю. В 1404 г. матрос речного корабля «тевтонов» получал в день, кроме двухразового питания и питья, 0,66 скотов. В 1411 г. жалованье военного матроса орденского флота составляло 1,2 скота в день.

40. Тевтонский флот и «братья-витальеры»

Хорошо известно, что многие духовно-рыцарские ордены Средневековья (да и более поздних эпох) — например, Тосканский орден Святого Стефана или орден Святого Иоанна Иерусалимского — сражались с неверными не только на суше, но и на море. Особенно широко известны морские подвиги иоаннитов, регулярно выходивших в морские походы — «корсо» или «караваны» — против «берберийских» (алжирских, египетских и тунисских) корсаров Средиземноморья.

Пожалуй, ни к кому корсары не относились с таким своеобразным, смешанным со страхом и ненавистью, уважением, как к иоаннитам, рыцарям Мальтийского ордена — древнейшего из всех духовно-рыцарских орденов (хотя эту честь оспаривал у него итальянский военно-монашеский орден Альтопашо). Основан он был в Святом Граде Иерусалиме, где еще задолго до начала Крестовых походов (примерно с 1048 г.) уже существовал госпиталь (странноприимный дом) Святого Иоанна. Именно поэтому членов ордена именовали госпитальерами (странноприимцами) или иоаннитами. После утраты западными христианами Святой Земли иоанниты перебрались на остров Кипр, а впоследствии — на остров Родос. В 1523 г. турецкий падишах Сулейман Великолепный после долгой осады изгнал иоаннитов из их крепостей на острове Родос.

В 1530 г. император «Священной Римской империи» (являвшийся одновременно королем Испании) Карл V Габсбург передал бывшим «родосским рыцарям» скудные, выжженные солнцем скалистые острова Мальту (давшую ордену новое название), Гоццо и Комино. Иоанниты пользовались заслуженной славой искусных строителей крепостей и вскоре превратили остров Мальту (античную Мелитту) в поистине неприступный бастион Христианской Европы против натиска воинственных мусульманских пиратов.

В тени ее высоких каменных стен и мощных бастионов стояли на якоре черные, маневренные галеры мальтийских

рыцарей, которых «берберийские» («варварийские») корсары-«барбарески» боялись пуще самого шайтана (сатаны). Стоило где-то появиться мальтийской галере под красным флагом с белым крестом, как фелюги исламских корсаров обращались в паническое бегство. Однако скрыться от рыцарей в красных полукафтаньях с белым крестом поверх стальных доспехов было не так-то легко. С корсарами «рыцари Белого Креста» расправлялись беспощадно. Никому точно не известно, сколько пиратских кораблей «барбаресков» отправили на дно боевые галеры Мальтийского ордена — сотни, а, может быть, тысячи.

В почти непрерывной борьбе с корсарами на Средиземном море мальтийским рыцарям оказывал деятельную поддержку итальянский орден рыцарей Святого Стефана (Сан-Стефано) из Тосканы, основанный в 1561 г. великим герцогом Тосканским Козимо Медичи специально для борьбы с исламскими пиратами. Орден Святого Стефана, подобно Мальтийскому ордену, следовал уставу монахов-бенедиктинцев («братии черного облачения»). Патроном и магистром ордена считался, однако, не рыцарь-монах, а мирянин — Великий герцог Тосканский. «Братья» ордена Святого Стефана подразделялись на четыре класса («сословия») : рыцарей (отпрысков благородных родов), священников (каноников), «услужающих братьев» («сервиентов») и «орденских сестер» (канонисс). Штаб-квартира ордена Сан-Стефано (включавшая укрепленный монастырь и церковь) находилась в городе Пизе.

Галеры ордена Святого Стефана в тесном взаимодействии с галерами мальтийских рыцарей святого Иоанна регулярно патрулировали в Средиземном море. Двенадцать галер ордена Сан-Стефано участвовали в сражении с турецким флотом при Лепанто (Навпактосе) в 1571 г., в котором флот христианской Священной Лиги одержал решающую победу над турками-османами.

«Братья-рыцари» тосканского ордена Святого Стефана носили белые плащи с красной подкладкой с нашитым слева на груди («напротив сердца») красным восьмиугольным мальтийским крестом с золотой каймой (очень напоминавшие орденское облачение рыцарей-тамплиеров).

«Услужающие братья» ордена Сан-Стефано носили белые плащи поверх белых туник с прямым красным крестом.

«Братья-священники» — белые рясы и плащи, на которые был нашит красный крест с желтой каймой.

Все эти факты достаточно хорошо известны.

Между тем, Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии также вписал немало славных страниц в историю борьбы с морскими разбойниками, только не в Средиземном море, а на Северном и Балтийском морях.

Пиратство в Балтийском и Северном морях началось с так называемого «берегового права» (нем.: «Штрандрехт», Strandrecht), которым из-

давна пользовалось население морских побережий. Согласно этому неписаному, но узаконенному обычаем «праву» всякий человек, нашедший предметы, выброшенные морем на берег, автоматически становился их владельцем.

«Береговое право» распространялось и на потерпевшие крушение или выброшенные на берег корабли. Не удивительно, что многие береговые жители легко поддавались искушению слегка «помочь» Провидению — например, немного сместить буй или погасить сигнальный огонь, чтобы гонимый ветром корабль легче наскочил на риф или сел на мель. Так прибрежные жители превращались в разбойников, грабителей и убийц. Потерпевших кораблекрушение не только не спасали от верной смерти, но совсем наоборот — убивали без всякой пощады (если несчастным удавалось доплыть до спасительного берега), чтобы затем обобрать их трупы (ведь по «береговому праву» человек мог считать вещь, найденную на берегу, своей собственностью лишь в случае, если после кораблекрушения никто не уцелел). Как говорится, «концы в воду», а «мертвые не кусаются». Нет человека — нет проблемы, как говорил впоследствии товарищ Сталин...

От разбоя берегового до разбоя морского оставался всего один шаг, который и был сделан в пору раннего Средневековья, когда начался стремительный рост морской торговли. Около середины XII в. крупнейшие торговые и портовые города Северного и Балтийского морей во главе с Любеком и Бременом (выходцы из которых стояли у истоков основания Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии и с тех пор пользовались в ордене особыми привилегиями) объединились в торгово-военно-политический союз — Ганзу (это древнегерманское слово, собственно, и означает «союз», поэтому употребление в русскоязычной литературе устойчивого словосочетания «Ганзейский союз», по сути дела, тавтологично). С тех пор на виду у береговых пиратов стало проплывать все больше крутобоких ганзейских парусных судов-«коггов» с высокими бортами, нагруженных дорогими товарами. И начались нападения на ганзейские корабли, становившиеся все более частыми и дерзкими. Ганзейский союз был в отчаянии, прекрасно понимая, что местные власти не только терпят, но и поощряют морской разбой (ведь пираты щедро делились с ними добычей).

Самой дурной славой среди морских разбойников Северного и Балтийского морей пользовались так называемые «братья-витальеры», они же — «виталийские братья». Первоначально так именовались наемные моряки-каперы (от латинского глагола «капере», то есть «брать»), участвовавшие в многолетней войне между королем Швеции Альбрехтом Мекленбургским и датской королевой Маргаретой (1353–1412). В 1389 г. Маргарета (Маргарита) пленила Альбрехта и бросила его в темницу. В том же году датчане осадили последний оплот шведов, сохранивших верность своему

королю — город Стокгольм. «Видя беду неминучую», отец томившегося в узилище короля Альбрехта, герцог Мекленбургский, призвал на помощь своих соотечественников и всех, кто пожелает служить ему за щедрую плату. На его призыв откликнулось множество искателей приключений.

В бессильной ярости датчане наблюдали, как это наемное войско (названное первоначально «морскими братьями») появилось на собственных кораблях у Стокгольма, наладив снабжение осажденных шведов оружием, но, в первую очередь — продуктами питания (или, по-датски: «виктуальер», то есть «провизия», «продовольствие», «съестные припасы»). Благодаря помощи «морских братьев», вскоре переименованных в «виктуальных братьев» или «братьев-виктуалиев» (а затем, для простоты — «братьев-виталиев», «виталийских братьев» или «братьев-витальеров», по-немецки: «виталиенбрюдер», Vitalienbrueder), Стокгольм смог выдержать датскую осаду в течение трех лет (с 1389 по 1393 г.).

От имени своего томившегося в датском плену короля Альбрехта шведские должностные лица выдавали витальерам каперские свидетельства. Тем самым многие капитаны «виталийских братьев» получили долгожданный повод для возобновления морского разбоя, теперь уже «на законных основаниях», в качестве шведских «королевских пиратов». Большинство капитанов-каперов стали нападать и на корабли Ганзейского союза, хотя и состояли у него на службе. Согласно хронике Дитмара (Детмара) : «...они наводили страх на все море... Они грабили и своих, и чужих, от чего сельдь сильно подорожала».

В 1394 г. «виталийские братья» под командованием стокгольмского бургомистра совершили морскую экспедицию против острова Готланд, принадлежавшего датской короне, и взяли штурмом его столицу Висби — один из наиболее хорошо укрепленных городов Северной Европы описываемого времени. «Витальеры» превратили Висби в настоящее пиратское гнездо, в центр морского разбоя, нанесшего датчанам гораздо больший урон, чем война со шведами.

После взятия датчанами Стокгольма и заключения мира между Данией и Швецией «виталийские братья» продолжали свои нападения на ганзейские торговые корабли, оперируя с острова Готланд, превращенного ими в мощную по тем временам военно-морскую базу. Ганзейцам пришлось держать на каждом торговом корабле вооруженную охрану, состоявшую из наемных солдат, услуги которых стоили немалых денег. Кроме того, ганзейским городам пришлось вооружать свои парусные суда корабельными пушками, также стоившими немало (особенно по тем временам).

Однако вооруженные до зубов и опытные в деле морского разбоя «витальеры» никак не унимались. Их высокобортные корабли превосходили по скорости и маневренности более низкие ганзейские «когги». Тех, кто отказывался сдаться и не погибал при абордаже, безжалостно выбрасыва-

ли за борт. Но и купцы-мореходы также не церемонились с «виталийскими братьями», попавшими к ним в плен. Пленных «витальеров» заковывали в цепи или заталкивали в сельдяные бочки, чтобы привезти на берег, судить и казнить. Морской разбой крайне отрицательно сказывался на хозяйстве всех прибалтийских государств.

Ганзейским городам не всегда удавалось сплотиться для оказания пиратам эффективного отпора. Однако на их стороне выступила самая мощная военная сила тогдашней Центральной и Северной Европы — орден Пресвятой Девы Марии.

Верховный магистр Тевтонского ордена брат Конрад фон Юнгинген созвал представителей подчиненных ордену прусских городов в орденской столице «мариан» — Мариенбурге-на-Ногате, где им был предложен секретный план: внезапным нападением двух тысяч рыцарей и тяжеловооруженных воинов положить конец «пиратской республике» зарвавшихся «витальеров» на острове Готланд. План Гохмейстера Юнгингена был одобрен всеми участниками высокого собрания.

Задуманная военно-морская операция завершилась блестящим успехом. 22 февраля 1398 г. в гаванях Мариенбурга стояли наготове десять больших кораблей и тридцать кораблей поменьше. На них грузили осадные орудия, провиант и лошадей, готовились к отплытию рыцари и пехота. 17 марта тевтонский флот (до открытия навигации) вышел в открытое море, еще не полностью освободившееся ото льда. Через четыре дня орденский флот тевтонов под белыми флагами с черным крестом, усиленный ганзейскими и датскими кораблями с пятью тысячами отборных рыцарей и воинов под командованием самого Верховного магистра брата Конрада фон Юнгингена, равно сведущего в морском и ратном деле, бросил якоря южнее города Висби. Тевтонское войско высадилось на острове Готланд вблизи пиратской крепости Висби, в которой засел двухтысячный гарнизон «витальеров» во главе со шведским аристократом Свеном Стуре.

Сухопутная операция была проведена в столь же стремительном темпе, как и морская. Несмотря на все еще лежавший глубокий снег, тевтонское войско, подобно урагану, пронеслось по пиратскому острову. Гарнизоны пиратских крепостей Вестергарн, Слите и Варвсгольм-Ландескроне, парализованные смертельным ужасом, сложили оружие почти без сопротивления, открыли ворота и впустили победителей.

Затем флот Тевтонского ордена с боем ворвался в гавань Висби. Одновременно сухопутные войска «тевтонов» и их союзников пошли на штурм городских стен с суши. Положение окруженного со всех сторон гарнизона «витальеров» казалось совершенно безнадежным. Однако ни закованные в латы «братья-рыцари» и «сарианты», ни наемные солдаты, ни осадные машины, ни измена готландцев «витальерам» не помогли «тевтонам». После длительной осады Верховный магистр «мариан» брат

Конрад фон Юнгинген был вынужден заключить со Свеном Стуре перемирие. По условиям этого перемирия остров Готланд на вечные времена становился владением Тевтонского ордена, а Свен Стуре и две тысячи уцелевших «виталийских братьев» получили право отбыть на своих кораблях, куда пожелают.

Свен Стуре и некоторые вожди «витальеров» из аристократов примирились с королевой Маргаретой, став добрыми подданными датской короны.

5 апреля 1398 г. город Висби раскрыл ворота перед победителями.

Повинуясь приказу Верховного магистра «мариан» все уцелевшие «виталийские братья» немедленно, под страхом смерти, покинули остров Готланд. Эта блестящая победа, одержанная флотом и войском Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии, стала началом конца морского разбоя на Балтике.

После взятия главного пиратского гнезда — Висби — флотом и войском Тевтонского ордена братство «витальеров» распалось. Часть «виталийских братьев» бежала на своих парусных кораблях в Северную Швецию (Нурланд), захватила крепость Факсегольм и удерживала ее, пока не дождалась помилования.

Две другие группы «витальеров», скрывшись в море, продолжали заниматься морским разбоем. Они возвратились в юго-западную Данию, обосновавшись на острове Эртгольм, близ большого острова Борнгольм.

Но главные силы «виталийских братьев» ушли на северо-запад, прошли пролив Каттегат, обогнули северную оконечность Дании и нашли себе новое убежище на Восточных Фризских островах в Северном море.

Предводителями этой группы «витальеров» были овеянные легендами еще при жизни Клаус Штёртебекер и Гёдеке Михаэль, которые и в прежние годы частенько охотились на купцов в тех же местах — в Немецкой бухте и у берегов Голландии, захватывая торговые корабли разных стран. Теперь беглецы с Готланда вновь принялись за свое старое ремесло. «Витальеров» Штёртебекера и Михаэля именовали «равнодольными», или «ликеделерами» (от нижненемецких слов «лике деель», liike deel, то есть «равные доли», на которые пираты, якобы, делили всю захваченную у «купцов» добычу). По некоторым сведениям, база «равнодольных» первоначально располагалась на острове Рюген (древний поморский остров Руян — «остров Буян» древнерусских былин и сказаний) в Балтийском море, откуда они были вытеснены ганзейцами.

После изгнания с Балтики «ликеделеры» переместили свои основные базы на Восточно-Фризские острова. Чаще всего они базировались в порту Мариенгафе, где даже начали строить «от щедрот своих» церковь с высокой колокольней, но достроить ее не успели. Ведущий к церкви канал получил название «Штёртебекерштиф». Согласно древней легенде, Штёр-

тебекер пришвартовывал свои корабли канатами к большим железным кольцам, прикрепленным к стене церковного двора и сохранившимся по сей день.

Иногда Штёртебекер и его «равнодольные» проявляли милосердие, сострадание и даже щедрость к бедным людям. Так, по одной из легенд, предводитель «ликеделеров» увидел в рыбацкой деревушке на острове Рюген старика, сидящего на пороге своего домишка и проливавшего горькие слезы. Оказалось, подходил срок уплаты аренды за жилье, а улов оказался хуже, чем ожидалось, и несчастному было нечем платить. Ему грозило выселение. Клаус Штёртебекер смилостивился над ним, дав ему столько денег, что рыбаку хватило не только на уплату аренды, но и на выкуп дома в собственность. В другой рыбацкой деревушке пиратский вожак увидел старую рыбачку, сидевшую перед своим домиком на солнышке и занятую починкой старых, ветхих штанов своего муженька. Проходя мимо, Штёртебекер бросил ей кусок сукна на заплатку. Развернув его, рыбачка обомлела при виде прилепленных к ткани изнутри нескольких золотых монет, которых ей хватило очень надолго.

На расстоянии одного часа езды от гамбургского пригорода Гарбурга в направлении Букстехуде расположен большой песчаный холм под названием Фалькенберг (нем.: «Соколиная гора»), на котором Штёртебекер, по легенде, выстроил замок, откуда он железными цепями перегораживал Эльбу, останавливая купеческие корабли, которые грабил и жег (или иногда отпускал, взяв с них щедрую дань). Автор этих строк был на Соколиной горе и убедился, что от замка Штёртебекера остались одни воспоминания.

«Ликеделеры» наводили ужас на моря отнюдь не под синими или голубыми флагами (приписываемыми «морским братьям» Балтики автором любимой книги нашего детства «Кольцо Великого магистра», заставившим одного из них — корноухого капитана пиратов прусского происхождения — при всем честном народе на пиру в Мариенбургском замке Верховного магистра «тевтонов» поклясться привести весь флот Тевтонского ордена к ножкам датской королевы Маргареты, скорее всего, по идеологическим соображениям), а под «революционным» красным знаменем, означавшим их твердое намерение не давать своим пленникам никакой пощады и немедленно проливать их кровь.

Право проливать кровь виновных издавна (по крайней мере, со времен Древнего Рима) принадлежало королям и другим законным «властям предержащим», что символизировалось красным (пурпурным) цветом их знамен. Присвоив себе красное знамя, пираты тем самым зримо выражали свою претензию на власть (в том числе над жизнью и смертью людей), не принадлежавшую им по праву. Именно по этой причине не только пираты (название флага которых, известного как «Веселый Роджер», в действительности является искажением французских слов

«Жоли Руж», то есть «красивый красный»), но и все прочие бунтовщики против законной власти издавна использовали красные флаги. Но это так, к слову...

Бесчинства «ликеделеров» приняли столь угрожающие масштабы, что, в конце концов, на экстренном съезде представителей всех городов Ганзейского союза в городе Любеке было решено нанять три тысячи воинов, чтобы раз и навсегда положить конец морскому разбою.

Первый удар ганзейцы нанесли по пиратским базам на Восточно-Фризских островах. В 1400 г. они были атакованы любекскими и гамбургскими кораблями, высадившими на островах десант и тщательно обшарившими каждую пядь побережья. При этом было убито восемьдесят «ликеделеров».

Перепуганные быстротой кровавой расправы местные жители сами схватили и доставили под меч ганзейского палача еще двадцать пять «равнодольных», которые были обезглавлены на рыночной площади города Эмдена на глазах своих недавних защитников и укрывателей. В ходе казни выяснилась сенсационная подробность — один из схваченных, осужденных на смерть и обезглавленных морских разбойников оказался... сыном знатного феодала графа Конрада II Ольденбургского (правда, внебрачным, но все-таки сыном), оказывавшего «ликеделерам» тайную, но весьма эффективную поддержку!

Ганзейский союз нанес «ликеделерам» тяжелейшее поражение, но еще не одержал окончательной победы, поскольку на Восточных Фризских островах продолжали укрываться около пятисот «виталийских братьев». Война еще не кончилась.

Зимой 1410 г. вольный ганзейский город Гамбург приготовился нанести «ликеделерам» окончательный, смертельный удар. Ранней весной из устья Эльбы вышла замаскированная под торговый караван флотилия, имевшая в своем составе два только что сошедших со стапелей, новейших по тем временам военных корабля, в том числе когг «Бунте Ку» (нем.: Bunte Kuh, то есть «Пестрая корова»), назначенный флагманом, под командованием опытного морехода Симона из Утрехта. Ганзейская флотилия двинулась в сторону острова Гельголанд, в южной гавани которого стояли на якоре пиратские корабли «ликеделеров».

Все произошло в соответствии с планом гамбургских мореходов. «Ликеделеры» Штёртебекера, обнаружив «беззащитных купцов», погнались за теми на своих быстроходных кораблях под красными флагами, надеясь поживиться богатой добычей. Когда морские разбойники приблизились к ганзейской флотилии, «Пёстрая корова» легла в дрейф и встретила «ликеделеров» губительным огнем своих корабельных орудий. В разыгравшемся морском бою у «равнодольных» не было никаких шансов на победу, хотя дрались они отчаянно. Сорок «ликеделеров» было убито в бою,

семьдесят три (в том числе главарь пиратов Клаус Штёртебекер и его подручный Вейхман Вихельт) взято в плен ганзейцами.

В Гамбурге схваченные морские разбойники предстали перед судом. Следствие и процесс заняли долгое время, и лишь к середине октября 1401 г. все подсудимые были приговорены к смертной казни через отсечение головы. 20 октября все осужденные на смерть пираты были доставлены на остров Малый Грасброок (Грасбрук), где палач отсек им головы двуручным мечом.

Отрубленные головы казненных «ликеделеров» были насажены на колья, вбитые на берегу — как предупреждение всем морским разбойникам на будущее (автору данных строк пришлось видеть пару пострадавших от беспощадного времени пиратских черепов, сохранившихся до наших дней, прибитых толстыми железными гвоздями к деревянным кольям, в Музее истории Вольного и Ганзейского города Гамбурга). На этом месте, расположенном ныне на территории сильно разросшегося с тех пор гамбургского порта ныне стоит двухметровая бронзовая статуя Штёртебекера перед казнью. Не забыли благодарные гамбуржцы и победителя пиратов — Симона из Утрехта (в честь него была названа одна из гамбургских улиц — Симон-фон-Утрехт-Штрассе).

О Клаусе Штёртебекере, родом из окрестностей Барта в Померании (женатом, кстати, на фризской аристократке, дочери знатного феодала Кено Тен Брогка, покровителя «ликеделеров»), еще при жизни было сложено не меньше легенд, чем о Стеньке Разине в Поволжье или о Робин Гуде — в «доброй веселой Англии». Само прозвище предводителя северных пиратов — «Штёртебекер», означающее в переводе с нижненемецкого диалекта на русский язык «Опрокинь стакан», объясняли тем, что он принимал в свое братство только тех, кто мог залпом осушить «стакан» (а точнее, кубок) вина или пива «размером с ведро».

Нечто подобное новгородские «былинники речистые», кстати, рассказывали о предводителе своих собственных пиратов-«ушкуйников» Василии Буслаевиче, принимавшего в свою «дружинушку удалую» только молодцов, способных единым махом осушить «добру чашу зелена вина в полтора ведра». Можно, конечно, спорить о том, чей кубок был больше (все зависит также от размера соответствующих ведер). В кубок Штёртебекера, по воспоминаниям современников, входило «четыре бутылки». В цеховом доме гамбургских корабельщиков несколько столетий хранился громадный кубок, о котором говорили, будто он принадлежал Штёртебекеру. Справедливости ради следует, однако, заметить, что другой «кубок Штёртебекера» хранился в древнейшем ганзейском городе Любеке, а третий — в Гронингене. В Бремене до сих пор пользуется большой популярностью темное «штёртебекоровское пиво» (нем. «Штёртебекербир», Stoertebeckerbier). И я там был, и это пиво пил! По усам не

текло (поскольку автор этих строк вот уже тридцать с лишним лет усов не носит), так что в рот, естественно, попало! Но это так, к слову...

Все награбленное пиратами золото Клаус Штёртебекер, якобы, хранил внутри грот-мачты своего флагманского корабля (что явно противоречит другой легенде, согласно которой вся добыча делилась «ликеделерами» поровну; к тому же грот-мачта, снизу доверху набитая золотом, неминуемо заставила бы пиратский корабль перевернуться под своей тяжестью) ! Гамбуржцы, якобы, смогли пленить главаря «равнодольных» только хитростью: подойдя в сильный туман к берегам острова Гельголанд, они тайно проникли на корабль Штёртебекера «Зеетигер» (нем.: Seetiger, то есть «Морской тигр»), набросили на него сеть и перетащили без лишнего шума на свой корабль. По одной из версий хитрый гамбургский соглядатай, заблаговременно проникнув на корабль легендарного пирата, расплавленным свинцом сделал неподвижным руль пиратского судна.

Доставленный в Гамбург, Клаус Штёртебекер, якобы, разорвал свои цепи (так он был силен) и обещал, в обмен на жизнь и свободу, покрыть чистым золотом крышу гамбургского храма Святого Петра (Санкт Петри), а по другой версии — изготовить из награбленного им золота цепь такой длины, что ей можно будет опоясать по периметру гамбургскую городскую стену (наверняка именно эта легенда натолкнула Александра Грина написать свой знаменитый роман «Золотая цепь») ! Однако ганзейские судьи оказались неумолимы. Спрошенный перед казнью о своем последнем желании, Штёртебекер, якобы, попросил пощадить тех из его товарищей (выстроенных палачами в ряд в ожидании экзекуции), мимо которых он пробежит после того, как ему отрубят голову.

Уже обезглавленный, предводитель «ликеделеров», якобы, пробежал мимо одиннадцати (по другой версии — мимо девяти, по третьей — мимо четверых) из них, но, когда он пробегал мимо двенадцатого (по другой версии — мимо десятого, по третьей — мимо пятого), кто-то из стражников подставил ему ногу (по другой версии — бросил ему под ноги чурбан или доску), вследствие чего безголовый пират упал и уже не поднялся. А когда палача, казнившего одного за другим всех «ликеделеров», спросили, не устал ли он рубить головы, тот, якобы ответил, что у него вполне хватило бы сил обезглавить еще и всех присутствовавших на казни членов суда и гамбургского городского магистрата (за что и был приговорен к бичеванию), и т.д.

Не меньшим количеством легенд были овеяны и образы других «ликеделеров» — Мольтке и Мантейфеля (судя по именам, отпрыскам знатных датско-германских родов), Вигбольдена (имевшего даже ученую степень магистра наук), Вихмана и других.

Летом того же года в устье реки Везер были схвачены ганзейцами Гёдеке Михаэль и его помощник Вигбольден, предводители уцелевших «ли-

кеделеров». Они и их сообщники (числом восемьдесят человек) были казнены на острове Грасбрук так же, как Клаус Штёртебекер «со товарищи».

Тем не менее, «ликеделеры», даже лишившись своих предводителей, оказались попросту «непотопляемыми». В 1407 г. они, на фризской службе, участвовали в морской войне против голландцев, в 1426 г. служили голштинскому дворянству, в 1428 г. на службе у Ганзейского союза (!), забыв недавние взаимные обиды, воевали на море против датчан, а в 1438 г. — опять же на службе у Ганзы — против голландцев и зеландцев. Тех «ликеделеров», которые отказывались служить Ганзе, ловили и казнили, в то время как пираты, более склонные к сотрудничеству, превращались из морских разбойников в каперов. После гибели последнего вожака «ликеделеров» Ганса Энгельбрехта центр пиратства в Северной Европе раз и навсегда переместился на Британские острова.

В 1403 г. неугомонные датчане, из которых еще не выветрился дух их предков-викингов, высадили на Готланде морской десант и быстро завладели островом. В ответ Тевтонский орден организовал так называемый Второй морской поход на Готланд, завершившийся изгнанием датчан и возвращением острова в состав орденских владений, а также сокрушительным разгромом датского флота военными кораблями Тевтонского ордена в морской битве при Кальмаре.

И лишь в 1407 г. Тевтонский орден, в ходе очередного территориального размена, передал остров Готланд во владение королю Эрику Шведскому.

41. Война и мифы

Параллельно с постепенным упадком рыцарства в XV в. стал неудержимо нарастать и кризис в римско-католической церковной среде, приведший к Реформации и расколу Западной Европы по религиозному признаку. Тевтонский орден в Пруссии, несмотря на свою формальную подчиненность папе римскому, фактически превратился в самостоятельное государство и одновременно укрепил свои позиции почти во всех европейских государствах, хотя размеры отдельных орденских провинций постоянно менялись.

Орденское государство «тевтонов» играло важную роль в жизни не только Прибалтики, но и всей Восточной и Северной Европы, превратившись с течением времени (и не в последнюю очередь — благодаря прочному альянсу с союзом Ганзейских торговых городов) в крупную военно-морскую державу на Балтике.

Как мы уже знаем, при Верховном магистре Конраде фон Юнгингене флот Тевтонского ордена в союзе с Ганзой разгромил упоминавшихся выше пиратов-«витальеров», долгие годы разбойничавших в Балтийском и Северном море и захватил их главную базу — город Висби на острове Готланд. При брате и преемнике Конрада — Гохмейстере Ульрихе фон Юнгингене — флот тевтонских рыцарей совершил так называемый Северный морской поход — полярную морскую экспедицию в поисках таинственной земли Гипербореи (Туле, Фулы), расположенной, по старинным легендам на крайнем Севере (возможно, даже за Полярным кругом). Согласно характерным для Средневековья магическим воззрениям, за крайним арктическим барьером лежат неведомые страны, в которых жизненные процессы развиваются гораздо энергичней, нежели в нашей «земной глуши». Этот Северный морской поход тевтонских рыцарей впоследствии нашел свое отражение в драме немецкого романтика Цахариаса (Захариаса) Вернера «Гиперборея». В драме Вернера Верховный магистр Ульрих фон Юнгинген произносит слова, позднее ставшие крылатыми:

Наш путь во льдах! Полночное светило
Нам озарит цветущий материк.

О том, чем завершилась Северная экспедиция «тевтонов», достоверных сведений не сохранилось. Скорее всего, рыцарственные мореплаватели погибли в арктических льдах, так и не открыв Гипербореи. Хотя — кто знает?

Чайки кружились у них за кормой —
Чайки вернулись домой.
Но не вернулись домой корабли —
Те, что на Север ушли...

Так, кажется, сказал поэт? Но это так, к слову...

Важность положения, занимавшегося Верховным магистром, была связана не только с его должностью главы всего ордена Святой Девы Марии, но и с обширностью находившихся в его непосредственном подчинении территорий. Все государства, в том числе и европейские, постоянно воевали друг с другом. Было бы странно, если бы войны обошли стороной государство Тевтонского ордена.

Окрепшие и объединившие свои силы Польша и Литва (после крещения последней у ордена Пресвятой Девы Марии исчез повод призывать крестоносцев со всей Европы воевать с язычниками) после ряда ведшихся с переменным успехом войн разгромили двенадцатитысячное (эта цифра представляется наиболее близкой к действительности, хотя оценки численности тевтонской армии колеблется, у разных летописцев, от тридцати до восьмидесяти тысяч — впрочем, всех средневековых хронистов перещеголял классик польской литературы, нобелевский лауреат Генрик Сенкевич, ничтоже сумняшеся, писавший в своем известном романе «Огнем и мечом»: «А если на то пошло, то разве же Хмельницкий величайший враг Речи Посполитой? Ведь неоднократно обрушивались на нее куда более страшные напасти, ведь, когда двести тысяч железных немцев шли под Грюнвальдом на полки Ягелловы, когда под Хотином пол-Азии вышло на побоище, гибель куда более неминучей казалась, а где они, эти губительные полчища?») войско Тевтонского ордена под Танненбергом в 1410 г. С легкой руки польских летописцев это сражение у нас почему-то называют «битвой при Грюнвальде». Однако никакого «Грюнвальда» там не было и нет. Битва происходила между селениями Грюнфельде и Танненберг. Но это не единственный миф о Великой войне 1410–1411 г. Впрочем, будем говорить обо всем по порядку.

42. Политическая ситуация в Прусском государстве Тевтонского ордена к 1400 г. и причины Великой войны с Литвой и Польшей

К концу XIV — началу XV в. Тевтонский орден, благодаря своей строгой организации, централизованному управлению и огромным доходам находился в апогее своего могущества. За прошедшие сто пятьдесят лет он создал на завоеванных и христианизированных, с огромными усилиями и жертвами, языческих землях орденское государство, которое, благодаря притоку колонистов, достигло завидного (для соседей) экономического процветания.

Немецкие колонисты, прибывавшие в орденские владения изо всех областей средневековой Германии — прежде всего, из Нижней Саксонии, Бранденбурга, Силезии и и со средней Эльбы, постепенно слились с исконным населением — балтами-пруссами — в один народ (впоследствии вошедший в историю Германии, Европы и мира под названием пруссаков). В то время, разумеется, еще рано было говорить о «национальном самосознании» в современном смысле этого слова (хотя в настоящее время мы, к сожалению, являемся свидетелями все большей эрозии этого чувства под влиянием идеологии «глобализма»), однако, всех этих людей объединяло чувство родства и своеобразного «государственного самосознания». Образ жизни «братьев-рыцарей» претерпел немалые изменения. Теперь их целью было уже не обращение в истинную веру и покорение язычников. Тевтонский орден постепенно превращался в организацию, обеспечивающую достаточно безбедную жизнь в этом, посюстороннем, мире своим членам, становившимся все более властолюбивыми и высокомерными. Новые рыцари, принимавшиеся в орден, по прежнему были родом из Германии, местных рыцарей — светских вассалов ордена Девы Марии, получавших от него поместья на условиях военной службы — в орденские «братья-рыцари» не принимали (вне зависимости от того, являлись ли они по-

томками обращенных в христианство прусских «кунингасов» или же крестоносцев-«интернационалистов», прибывших когда-то из Германии или других стран христианской Европы на подмогу «тевтонам» для покорения Пруссии).

Местное население орденской Пруссии рассматривало рыцарей-монахов Тевтонского ордена, не имевших в Пруссии ни корней, ни родни, как чужаков. По Уставу «орденским братьям», как монахам, запрещалось не только жениться (вообще, а на местных девушках и женщинах — в частности), но и водить хлеб-соль и дружбу с местными мирянами. К описываемому времени в Тевтонский орден вступали уже не только «пламенные идеалисты». Теперь все большее число «братьев-рыцарей» ожидало от вступления в орден Девы Марии, прежде всего жизни, обеспеченной в материальном отношении. Другим, преисполненным доброй воли, в связи с их происхождением и воспитанием, полученным в далекой Германии, требовалось немало времени для того, чтобы ознакомиться с условиями и особенностями жизни в орденской Пруссии. Все это постепенно привело к окостенению традиционной, заданной орденом системы.

Сложившуюся ситуацию не смогли преодолеть даже такие выдающиеся Верховные магистры как Винрих фон Книпроде или Конрад фон Юнгинген (1394–1407). В лучшем случае им удавалось только отодвинуть во времени наступление неизбежной катастрофы. Тевтонский орден основывал легитимацию (законность) своей власти на том несомненном факте, что именно он заложил основы благосостояния и экономического процветания христианской Пруссии. Однако этот несомненный факт не мешал постепенному, но неуклонному упадку дисциплины и добродетелей Тевтонского ордена. Эти противоречия и рост напряженности постоянно нарастали по всей орденской Пруссии.

Крупные и богатые прусские города выражали все большее недовольство налогами, пошлинами и сборами (постоянно возраставшими после крещения Литвы, в результате которого уменьшилось число «крестоносцев-интернационалистов» — «военных гостей» ордена —, охотно поднимавших меч на литовцев-язычников, но не литовцев-христиан; в результате уменьшения притока «гостей» ордену пришлось прибегнуть к вербовке наемников, стоивших немалых денег, что, в свою очередь, потребовало повышения введения новых и повышения прежних налогов и пошлин). Кроме того, орден по-прежнему сохранял за собой монополию на особо прибыльный экспорт хлеба и янтаря (через свои торговые пункты в Мариенбурге и Кёнигсберге). Крестьянам во многих случаях приходилось выходить на бесплатную барщину. Епископы зависели от ордена в административном отношении и находились под его строгим контролем.

Упомянутые выше светские вассалы Тевтонского ордена — потомки переселившихся в Пруссию европейских рыцарей и принявшей

христианство онемеченной прусской родовой знати — хотя и получали от ордена Девы Марии поместья (на условиях несения военной службы), находились в глухой оппозиции, поскольку «братья», требуя от своих светских вассалов строгого подчинения, дисциплины и неукоснительного несения военной службы, не допускали их к участию в управлении Пруссией. В Кульмской земле эти «земские рыцари» (нем.: «ландриттеры», Landritter) во главе с Николаем (Никкелем или Нитце) фон Рен (н) исом (Никшем) основали для защиты собственных сословных (или, как бы мы сказали сегодня, корпоративных) интересов «Союз (Общество) Ящериц (ы) » (нем.: «Эйдексенбунд», Eidechsenbund), рассматривая его как орудие претворения в жизнь своих заговорщицких планов (мечтая о таких же шляхетских вольностях, которыми пользовались польские рыцари в слабо централизованном Польском королевстве, уже достаточно уверенно шедшем по пути превращения в дворянскую республику). Именно царившей в орденской Пруссии внутренней нестабильностью объясняется тот факт, почему после разгрома армии Тевтонского ордена и его союзников при Танненберге польско-литовским войском вся Пруссия почти без сопротивления покорилась победителям.

Не самым лучшим образом складывалась для ордена и внешнеполитическая обстановка. В 1386 г. литовский Великий князь Ягайло (Ягайла, Йогайла, Ягелло) женился на рано осиротевшей наследнице польского королевского престола Ядвиге (Гедвиге), дочери короля Польши и Венгрии Людовика Анжуйского, буквально отбив ее у жениха — маркграфа Бранденбургского Сигизмунда фон Люксембурга (будущего короля Венгрии и владыки «Священной Римской империи», с тех пор затаившего на Ягайло лютую злобу). Этот брачный союз представлял собой смертельную угрозу для Тевтонского ордена. Благодаря браку Ягайло и Ядвиги фактически сложился союз Польши и Литвы (окрещенной в одночасье по приказу Ягайло, как уже упоминалось выше). Формально факт крещения Литвы (ничуть не помешавший литовцам ни соблюдать по-прежнему, во всяком случае, «в глубинке», прежние языческие обычаи, ни сжечь публично на костре в Смоленске православного митрополита всея Руси владыку Герасима) лишал легитимации существование Тевтонского ордена, учрежденного с целью борьбы за обращение язычников в веру Христову. Отказ ордена признать Литву, еще вчера откровенно языческую, истинно христианским государством, поскольку подлинного обращения литовцев в христианство не произошло, хотя и был, вероятно, не вполне необоснованным, не нашел поддержки у папы римского (откровенно радовавшегося распространению сферы влияния римско-католической церкви на огромную территорию Литвы), и не смог воспрепятствовать сокращению числа «военных гостей» (нем.: «кригсгесте», Kriegsgaeste) упоминавшихся выше «крестоносцев-интернационалистов», прибывавших в Пруссию

(и — в меньшем числе — в орденскую Ливонию) для поддержки вооруженной борьбы «тевтонов» с литовцами.

Став польским королем, свежеиспеченный католик Владислав-Ягайло первым делом запретил своим подданным католического вероисповедания вступать в брак с русскими. Православным же подданным Ягайло было дозволено вступать в брак с «латынянами» лишь на условии принятия римско-католической веры, но не наоборот. Во внешнеполитическом плане Ягайло поставил себе целью завладеть богатой Добринской (по-польски — Добжинской) землей. Эту область силезский князь Владислав Опольский, вместе с рядом других польских областей получил в 1372–79 гг. в лен от тогдашнего короля Польши и Венгрии Людовика (Лайоша) Анжуйского (отца упомянутой выше Ядвиги). В 1396 г. Ягайло начал против Владислава Опольского войну с целью отобрать у него Добринскую землю. Не будучи в состоянии успешно обороняться от войск Ягайлы, князь Владислав Опольский предпочел уступить Добринскую землю ордену Девы Марии. Однако поляки отказывались признавать законность этого акта и продолжали упорно считать спорную территорию своей — со всеми вытекающими из этого последствиями.

Орден Девы Марии пытался играть на противоречиях между Ягайлой, именовавшим себя после принятия крещения по римско-католическому обряду (хотя при рождении он был окрещен по православному обряду и наречен Яковом, а с течением времени впал в язычество) королем польским Владиславом II (1386–1434) и его вероломным, коварным двоюродным братом Витовтом, или, по-польски, Витольдом (1392–1430), принявшим после святого крещения (по римско-католическому обряду) имя Александр (под это же именем Витовт, кстати, был еще раньше крещен в Православную Веру, но затем опять впал в язычество, или, выражаясь тогдашним языком, «опоганился»). Двуличный Витовт, предатель и перебежчик по натуре, неоднократно переходил с одной стороны на другую. В 1382–1384 гг. он сражался на стороне Тевтонского ордена против Ягайло, в 1384–1389 гг. — на стороне Ягайлы против ордена, в 1389–1391 г.г. — на стороне ордена против Ягайло, в 1392–1398 гг. — на стороне Ягайлы против ордена, в 1398–1401 гг. — на стороне ордена против Ягайло, и лишь в 1401 г. окончательно перешел на сторону Ягайло. Тевтонский орден строго соблюдал условия договоров и соглашений. А король польский и Витовт (которому Ягайло уступил титул и власть Великого князя Литовского — правда, лишь пожизненно) действовали лицемерными и коварными методами, несовместимыми с рыцарственным поведением и рыцарским кодексом чести «братьев» Тевтонского ордена. Согласно заключенному с «тевтонами» Саллинвердерскому миру (1398) Великий князь Литовский уступил Тевтонскому ордену языческую область Жемайте (по-латыни: Самогитию или Самагиттию,

по-польски: Жмудь). В обмен на эту территориальную уступку Витовт получил от ордена военную помощь, необходимую ему для экспансии в восточном направлении и борьбы с Золотой ордой. Уступка Жемайте, казалось, означала осуществление давней мечты «тевтонов» о получении «коридора», соединяющего орденские владения в Пруссии и Ливонии. Самогития была включена в состав орденских владений на правах фогтства (наместничества) под управлением фогта (наместника) Генриха фон Швельборна. Однако в 1399 г. литовское войско Витовта (в составе которого, наряду с молдавскими, польскими и венгерскими крестоносцами, сражался и воинский контингент Тевтонского ордена) было наголову разбито татарами хана Едигея (вассала грозного среднеазиатского завоевателя Тимура, или Тамерлана) на реке Ворскле. Путь Витовту на Восток оказался закрытым. И Великий князь Литовский вновь обратил свой взор на Запад, что привело его к очередному конфликту с Тевтонским орденом. В 1401 г. Витовт инспирировал восстание жемайтов против власти ордена, оказав повстанцам вооруженную помощь. Военные действия велись с переменным успехом. Наконец Витовт в 1401 г. заключил с орденом Ковенский договор, по которому подтвердил права «тевтонов» на Жемайте. Новым орденским фогтом Самогитии был назначен Генрих Кюхмейстер фон Штернберг.

Заручившись, в очередной раз, военной поддержкой Тевтонского ордена, Витовт снова обратил свои взоры на Восток, задумав нанести удар по собственному зятю, Великому князю Московскому Василию Дмитриевичу, сыну Дмитрия Донского, успевшего, к счастью для Москвы, разгромить золотоордынские полчища Мамая на Куликовом поле в 1380 г. до подхода спешивших на помощь Мамаю литовских войск князя Ягайло. Однако история повторилась. Военные походы Витовта в 1406 и 1408 гг. на Москву не увенчались успехом. Решающее значение для Великого князя Литовского приобрело восстановление его власти над Жемайте. Весьма характерным в данной связи представляется факт многократной перемены веры Витовтом, то принимавшим крещение (причем как в греко-православной, так и в римско-католической форме), то вновь впадавшим в язычество. Однако все это, в конечном счете, не имело значения в глазах папы римского, однозначно признавшего Литву обращенной в христианство и запретившего Тевтонскому ордену в 1404 г. организовывать дальнейшие Крестовые походы на литовцев. В начале XV в. политическая конфронтация между Тевтонским орденом и польско-литовской коалицией стала неизбежной. Орден оказался перед лицом врага, власть которого распространялась на собственно Литву, ряд присоединенных к Литве западнорусских княжеств и на Польшу. Эту коалицию, территория которой окружала орденские владения с трех сторон, возглавлял беззастенчивый, расчетливый и преисполненный нена-

висти к Тевтонскому ордену литовец на польском королевском престоле. Ягайло получил от польских магнатов («можновладцев») военно-политический мандат на пресечение властных амбиций Тевтонского ордена. Постоянные трения возникали по вопросам прав владения Помереллией, приобретения орденом в 1402 г. области Неймарк (Новая Марка), а также по поводу области вокруг замка Дризен (Дрезденко) и Добринской земли.

Постоянно упоминаемые в этой связи экспансионистские устремления Тевтонского ордена, якобы являвшиеся причиной предстоявшей Великой войны польско-литовской коалиции с «тевтонами», при ближайшем рассмотрении оказываются очередным мифом, поскольку покупка орденом Новой Марки была осуществлена лишь после заявления прежнего владельца этой области, немецкого маркграфа Бранденбургского, согласно которому он, в случае отказа «тевтонов» купить у него Новую Марку, продаст ее Польше. А покупка Новой Марки Польшей означала бы, что кольцо окружения вокруг орденских земель замкнулось бы окончательно, отрезав владения «тевтонов» от Германии, являвшейся жизненно необходимой для ордена базой снабжения. В Жемайте шла непрерывная «малая война». Орден нисколько не заблуждался насчет активной помощи, оказываемой жмудинским повстанцам Великим князем Литовским, в свою очередь, поддерживаемым польским королем. Все попытки «тевтонов» вбить военно-политический клин между Литвой и Польшей (или натравить их друг на друга) оказались, в конечном итоге, безуспешными. Тем не менее, государство Тевтонского ордена, территория которого (общей площадью более 170 000 квадратных километров) простиралась от реки Одера (по-польски: Одры) на западе до Финского залива на востоке, с пятьюдесятью девятью городами и сорока восемью замками, достигшее пика своего размера и могущества, оставалось «твердым орешком» для всех, желавших попробовать его «на зубок».

30 марта 1407 г. приложился к роду отцов своих Верховный магистр «тевтонов» Конрад фон Юнгинген. К числу его несомненных заслуг относилось не только повышение благосостояния вверенных ему Богом земель, но и осуществление искусной политики, в ходе которой он умело защищал интересы ордена преимущественно дипломатическими средствами. Невзирая на требования многих «орденских братьев» начать превентивную войну против литовско-польской коалиции, не дожидаясь, пока она станет слишком сильной, мудрый Гохмейстер предпочитал «худой мир доброй ссоре». В таких случаях старый магистр, поседелый под шлемом и израненный в бесчисленных боях, говаривал: «Войну легко начать, но трудно закончить» (нем.: «Krieg ist bald angefangen, aber schwer beendet»). Перед своей кончиной он призвал «братьев» ни в коем случае не избирать

новым Верховным магистром своего родного брата Ульриха. Тем не менее, 26 июля 1407 г. Генеральный Капитул — в первый и единственный раз за всю историю ордена Девы Марии — единогласно избрал, после смерти прежнего Верховного магистра, его родного брата.

Новый Гохмейстер «тевтонов» Ульрих фон Юнгинген, рожденный в 1360 г., подобно своему умершему брату и предшественнику, был отпрыском знатного швабского рода, владения которого располагались в районе Боденского озера. В 1387–1392 гг. брат Ульрих был «кумпаном» или, в другом написании, «компаном» («компаньоном», т.е. буквально «оруженосцем», в действительности же — адъютантом или помощником) тогдашнего Верховного маршала «тевтонов» Конрада фон Валленроде (Валленрода), неоднократно принимая в этом качестве участие в походах на Литву. Дальнейшая карьера Ульриха выглядела следующим образом. В 1393–1396 гг. он был фогтом Замланда (Самбии), в 1396–1404 гг, — комтуром Бальги, а в 1404 г. был назначен Верховным маршалом, командующим всеми войсками ордена (подчиненным лишь Верховному магистру). В этой должности Ульрих в 1404 г. участвовал в экспедиции «тевтонов» на остров Готланд, в ходе которой были разгромлены разбойничьи гнезда пиратов-«витальеров» и взят их главный оплот — город Висби.

Ульриху фон Юнгингену явно не хватало хладнокровия и выдержки, свойственных его покойному старшему брату. Его явная склонность решать спорные вопросы преимущественно военными средствами, судя по всему, отвечала настроениям, господствовавшим к описываемому времени среди «орденских братьев», и, вероятно, явилась главной причиной его единогласного избрания Гохмейстером. Высшее руководство ордена не сомневалось в неизбежности вооруженного конфликта с польско-литовской коалицией, и потому ему представлялось в высшей степени логичным избрать Верховным магистром именно воинственного брата Ульриха. Отвага и деятельная натура нового Гохмейстера заставляла Капитул надеяться на победу ордена, под его предводительством, в грядущем вооруженном конфликте. Сразу же после своего избрания Верховный магистр назначил комтура Меве (Гнева) Фридриха фон Валленроде (Валленрода) новым Верховным маршалом. Вскоре произошли новые назначения и в других сферах орденского руководства. Несмотря на свою воинственность, Верховным магистр попытался избежать конфронтации с польско-литовской коалицией дипломатическими средствами. 6 января 1408 г. Ульрих фон Юнгинген лично встретился с польским королем в тогдашней столице Польши — Кракове. Однако краковская «встреча на высшем уровне» оказалась безрезультатной. Ни по одному из спорных вопросов «консенсуса» достичь не удалось. Обе стороны начали активно вооружаться, стремясь как лучше подготовиться к теперь уже неизбежной войне.

С начала 1409 г. эскалация военных действий в Самогитии стала нарастать. Все больше литовских военных отрядов спешило на помощь повстанцам-жмудинам. Орден направил ко двору Витовта посольство, потребовавшее от князя четкого заявления, как восстановить в Самогитии спокойствие и порядок. Витовт не удостоил «братьев» ордена ответа.

Тем не менее, Ульрих фон Юнгинген решил предпринять последнюю попытку к примирению.

Накануне праздника святого Иоанна Крестителя к королю Владиславу II Ягелло в великопольский город Оборники явились, в качестве послов Верховного магистра, комтуры Торна (по-польски: Торуня) и Старгарда (по-польски: Старограда). Послы пожаловались на то, что Витовт отнял у «тевтонов» Самогитию, хотя ранее открытой грамотой записал ее в вечный дар ордену Девы Марии и отказался от всякого рода прав и притязаний на нее, а орденских наместников перебил или пленил. Ввиду безуспешности неоднократных попыток путем переговоров побудить Витовта вернуть «тевтонам» захваченные у них земли и пленников, орден Девы Марии вознамерился добиться восстановления своих попранных прав силой оружия, о чем и известил короля Польши. Изложив все это, послы попросили польского короля объявить, намерен ли он помогать Витовту или же способствовать восстановлению попранной справедливости.

Владислав Ягелло дал уклончивый ответ, что соберет общий сейм (съезд) вельмож своего королевства и, посовещавшись с ним, даст магистру и ордену Девы Марии ответ через послов. Недовольные этим ответом, «тевтонские» послы заявили, что их Верховный магистр и орден готовы свято соблюдать договор о вечном мире с Польшей, заключенный между королем польским Казимиром и магистром Тевтонского ордена, но, поскольку король польский Владислав не желает покинуть Витовта и намерен помогать ему в несправедливом деле, «то пусть рыцари и вельможи королевства Польского не гневаются на магистра и орден, если, оскорбленный глубокой несправедливостью, он начнет войну против Польского королевства».

Информаторы при дворе Витовта сообщили Ульриху фон Юнгингену, что Великий князь литовский похвалялся, «как только созреет хлеб на полях, пойти во главе жемайтов на Кёнигсберг», изгнать «проклятых крыжаков» (крестоносцев) «отовсюду огнем и мечом», и неустанно преследовать их, «пока они не добегут до моря и сами в нем не утопятся». Получив эту информацию, Гохмейстер направил польскому королю послание с просьбой дать разъяснение сложившейся ситуации. По прошествии долгого времени польский архиепископ Гнезненский Миколай (Николай) Куровский, привез магистру письменный ответ следующего содержания:

«Наш король и Великий князь Литовский — кровные родичи. Последний получил свою землю в дар от польской короны, поэтому наш король

его не оставит, и окажет ему поддержку всеми своими силами, не только в этой войне, но и в любой другой беде».

Согласно польскому хронисту Яну Длугошу (1415–1480), автору латинской «Истории Польши» (Historia Polonica), послы короля Владислава Ягелло, явившись в Мариенбург к Верховному магистру, дали ему на словах более развернутый ответ:

«Король польский Владислав полагает, что тебе и ордену твоему небезызвестно, что Александр-Витовт, великий князь литовский, на которого ты принес жалобу по поводу отобрания Самагитской земли и прочих обид, хотя и знатнейший государь и связан с королем почти братскими кровными узами, однако является подданным Польского королевства и короля, и землю Литовскую и княжество получил только в силу королевского пожалования и лишь пожизненно. Поэтому не подобает королю и в настоящей войне, которую вы будете вести против князя Александра и земли литовской, и в любой другой беде покидать его, но, напротив, следует помогать ему всеми силами и средствами».

В ответ на угрозу Верховного магистра напасть на Литву архиепископ Гнезненский заявил, что в этом случае польский король нападет на Пруссию. Уяснив из ответа епископа, кто является главным врагом ордена Девы Марии, Ульрих фон Юнгинген в гневе пригрозил «пойти войной на христианскую страну»: «Лучше я нападу на голову, чем на члены, лучше на населенную землю, чем на покинутую, и лучше на города и села, чем на леса, обратив оружие, назначенное против Литвы, на Польское королевство. Ведь больше пользы мне и моему ордену поразить голову, чем ноги, больше пользы пойти на возделанные земли, а не на поля, леса и чащи... Теперь мы видим, что этот ущерб в Жемайтской земле мы терпим из-за короля Польши и его козней, и более не из-за кого».

6 августа 1409 г. Верховный магистр Тевтонского ордена Ульрих фон Юнгинген направил польскому королю посланцев с формальным объявлением «фейды» (нем.: Fehde — феодальной войны), по-немецки: «Фейдебриф» (Fehdebrief), чтобы военными средствами предотвратить нависшую над вверенными ему Богом орденом и орденским государством смертельную угрозу.

43. Начало Великой войны и перемирие

Гохмейстер Ульрих фон Юнгинген незамедлительно приказал укрепить пограничные замки и объявил сбор всех вооруженных сил ордена Девы Марии. Для него не являлось секретом то обстоятельство, что собравшиеся в Литве под знамена Витовта многочисленные силы, в том числе татары, только и ждали приказа Витовта, чтобы начать вторжение в орденское государство. Поэтому ранней весной 1409 г. орденские курьеры, загоняя коней, разъезжали по владениям «тевтонов», спешно разнося по градам и весям следующую весть:

«Да будет ведомо всему честному люду, что, как нам стало известно, Витольд (Витовт — В.А.) с великим войском намеревается сегодня или завтра вторгнуться в (нашу — В.А.) страну. Поэтому мы настоятельно просим, чтобы каждый пребывал в готовности поспешить туда, куда ему прикажут, когда придет известие (о вторжении неприятеля — В.А.) ».

Или, на тогдашнем немецком языке, именуемом филологами «средневерхненемецким»:

(«Wissentlich sei allen ehrbaren Leuten, wie wir Kunde haben, dass Witold mit einem grossen Heere in das Land will sprengen heute oder morgen. Hierum bitten wir fleisslich, dass jeglicher sich halte zuzujagen, wo man ihn befiehlt, wenn die Nachricht erfolgt»).

Это был приказ о мобилизации, адресованный следующим категориям подданных Тевтонского ордена:

1) землевладельцам немецкого и прусского происхождения, обязанным ордену военной службой, в зависимости от размеров своего поместья, в качестве тяжелых или легких кавалеристов;

2) стрелкам-ополченцам (немецкого и прусского происхождения) городов, расположенных во владениях ордена;

3) поселянам немецкого и прусского происхождения, обязанным предоставлять для обоза орденского войска лошадей, телеги и возниц.

К середине августа 1409 г. мобилизация орденских войск была завершена. Фогт Новой Марки Арнольд

фон Баден и Верховный маршал ордена Фридрих фон Валленроде ожидали в Кульмской земле приказа Верховного магистра перейти границу и вторгнуться в Польшу. 15 августа Ульрих фон Юнгинген взял на себя верховное командование и вступил с войском в Добринскую землю. Маршал ордена и комтур Бальги быстро овладели замком Добрин (бывшим центром Добринского ордена, учрежденного князем Конрадом Мазовецким с целью защиты от прусских язычников еще до призвания «тевтонов» и впоследствии слившегося с Тевтонским орденом) и разрушили его. Города Рыпин и Липно почти без сопротивления сдались «тевтонам», осадившим сильно укрепленный Беберн (Бобровники). После пятидневной осады и интенсивного артиллерийского обстрела польский гарнизон Беберна сдался на милость победителей.

В стан Верховного магистра под Беберном явилось очередное польское посольство во главе с архиепископом Гнезненским, прибывшее с намерением начать мирные переговоры. В качестве предварительного условия Гохмейстер потребовал передать ордену замок Зольторию (по-польски: Злоторыю). Однако польское посольство на имело полномочий на выполнение подобного условия и потому покинуло лагерь магистра. Осада Злоторыи длилась восемь дней, после чего замок был взят штурмом и разрушен, а его гарнизон взят в плен. Боевые действия в других пограничных районах также развивались успешно для ордена. В течение восьми дней комтуры Шлохау (по-польски: Члухова) и Тухеля (по-польски: Тухоли) опустошили Крайнскую (по-польски: Крайенскую) землю, разрушив замки Цемпельбург (по-польски: Семпольно) и Камин (по-польски: Камень Крайенский). Войска комтуров дошли до реки Нетце, взяли штурмом Бромберг (Быдгощь) и оставили там «тевтонский» гарнизон. Комтуры Остероде (Остроды, Оструды) и Бранденбурга (Покармина) вторглись со своими войсками во владения князя (герцога) Ян (уш) а Мазовецкого. В наказание за союз князя с Польшей его земли были преданы огню и мечу. В ходе всех этих военных предприятий сопротивление, оказанное «тевтонам» польскими войсками, было достаточно слабым.

Менее успешным для ордена Девы Марии был ход военных действий в Самогитии. Когда выяснилось, что Верховный магистр бросил главные силы «тевтонов» на Польшу, Великий князь Литовский Витовт собрал свои войска в районе Ковно (Каунаса) и повел их в Жемайте. Перед лицом подавляющего численного превосходства литовцев войска «тевтонского» комтура Самогитии были вынуждены оставить замки Фридбург, Дубиссу (по-польски: Дубешу) и Рагнит (по-польски: Рагнету или Рагниту). Литовцы быстро завоевали всю Самогитию. Вслед за тем Витовт бросил свои рати на орденскую область Надравию, предавая все огню и мечу. Он осадил замок Мемель, но овладеть им не смог. Оценив сложившуюся ситуацию, Верховный магистр решил обратить меч против Витовта. Взяв на

себя оборону Кульмской земли, магистр приказал маршалу с войсками комтуров Бальги и Бранденбурга ударить по литовцам. Однако вспыхнувшие в орденском войске болезни и проливные дожди помешали успешному проведению этой операции. Маршал, отказавшись от наступления, принял решение, усилив свои войска контингентами комтуров Эльбинга и Христбурга (Кристбурга, по-польски: Дзежгони), оборонять район Гогенштейна (по-польски: Ольштынека), Алленштейна (по-польски: Ольштына) и Гильгенбурга (по-польски: Домбровно) в Мазурской области орденского государства.

Король польский Владислав Ягелло, ошеломленный тем, что орден объявил ему войну, на этом первом этапе войны собирал силы в Польше. Его воеводы на границах были связаны приказом не вступать в широкомасштабные военные столкновения с орденским войском в отсутствие короля. В конце сентября 1409 г. Ягелло со своим войском подступил к Бромбергу. Ульрих фон Юнгинген во главе своей армии подошел к Швецу (по-польски: Свеце). Обе армии разделяли теперь всего две мили. Однако каждый из противников, не ощущая себя достаточно сильным, ожидал подхода подкреплений, и потому до битвы дело не дошло. Наоборот, 8 сентября 1409 г., при посредстве польского союзника Тевтонского ордена, князя (герцога) Конрада IV Старого Олесницкого, было заключено перемирие сроком на девять месяцев.

Урегулирование территориального спора между орденом и Польшей было передано на рассмотрение Венцелю (Венцеславу или Вацлаву) Люксембургскому (фон Люксембургу), королю Чехии (1363–1419), которому очень скоро (в 1411 г.) предстояло быть повторно возведенным на трон «Священной Римской империи». До 1400 г. он уже был римско-германским императором и потому пользовался в глазах венценосцев и общественности Запада авторитетом высшего арбитра в такого рода делах (являясь — теоретически! — верховным светским сюзереном всей католической Европы, а в идеале, в соответствии с представлениями средневекового Запада — правителем всего мира — по крайне мере, христианского). До вынесения королевского вердикта должен был сохраняться «статус кво». Действие заключенного перемирия распространялось и на Мазовию, но не на земли, подвластные Великому князю Литовскому Витовту.

Таким образом, Тевтонскому ордену была предоставлена возможность направить свои главные силы против Витовта, вернуть себе Самогитию, разгромив (в идеальном варианте) своего главного противника — Великого князя Литовского — до истечения перемирия с Польшей и Мазовией, и избежать тем самым войны на два фронта. Однако орденское руководство упустило этот шанс (возможно, надеясь на ослабление Витовта в борьбе с внутриполитической оппозицией в самой Литве). В ожидании решения чешского короля обе стороны принимали

всевозможные дипломатические меры, чтобы склонить в свою сторону «общественное мнение» христианской Европы. Обе стороны отправляли в Германию и в Западную Европу одно посольство за другим, надеясь получить в свое распоряжение как можно больше союзников в предстоящей войне. Король Польши и Верховный магистр ордена Девы Марии были — каждый со своей стороны — твердо убеждены в том, что заключенное перемирие не приведет к прочному и долгосрочному миру. В этот период дипломатической подготовки к новому витку военных действий Верховный маршал Валленроде совершил вторжение в Литву с намерением захватить в плен самого Витовта с его супругой. Те, однако, успели спастись бегством в последний момент, едва избежав пленения. Опустошив неприятельские земли, захватив множество пленных и богатую добычу («грабь награбленное»!), маршал беспрепятственно вернулся в орденские земли. После этого набега (или, как предпочитали говорить поляки и литовцы, «наезда») обе стороны стали еще более лихорадочно вооружаться.

15 февраля 1410 г. король Чехии Венцель Люксембургский огласил перед послами ордена Девы Марии и Польши свой вердикт. Согласно его приговору, Самогития возвращалась Тевтонскому ордену, а Добринская земля отходила к Польше. Однако, вплоть до выяснения всех прочих, более мелких, спорных вопросов, управление Самогитией и Добринской землей поручалось представителю чешского короля. Польское посольство от имени своего короля объявило о несогласии с решением Венцеля, покинуло его столицу Прагу и не явилось на продолжение переговоров в столицу Силезии (верховным сюзереном которой являлся король Венцель) город Бреслау (по-русски: Бреславль, по-польски: Вроцлав), 4 июня того же года, нарушив предварительную договоренность.

По истечении срока перемирия летом 1410 г. стало окончательно ясно, что новой войны не избежать. Гохмейстер, не покладая рук, старался наилучшим образом подготовиться к войне с численно превосходящим противником. Он особенно торопился потому, что давно уже страдал катарактой и боялся окончательно ослепнуть до начала военных действий. Численному превосходству неприятеля Ульрих фон Юнгинген пытался противопоставить военно-технические инновации — в частности, увеличение численности крепостных, полевых и ручных бомбард (или, по-немецки, «бюксов»). В столице прусского государства ордена — Мариенбурге-на-Ногате — пушкари круглые сутки лили артиллерийские орудия. Пороховой завод работал также день и ночь.

В канун Пасхи, 30 марта 1410 г., Верховный магистр произвел новые назначения чиновников, комтуров и «гебитигеров», чтобы иметь под рукой людей, способных и готовых бестрепетно встретить врага лицом к лицу, как подобает христианским рыцарям. Им были, в частности, назначены

новые комтуры Христбурга, Торна, Бальги, Остероде, Шлохау и Новой Марки. В дипломатической сфере также делалось все, чтобы в очередной раз заручиться поддержкой государей, традиционно симпатизировавших ордену.

31 марта 1410 г. Тевтонский орден заключил оборонительно наступательный союз с венгерским королем-крестоносцем Сигизмундом (Жигмундом) Люксембургским (1387–1437), братом короля чешского Венцеля, бывшим и будущим императором «Священной Римской империи (германской нации)» (затаившим злобу на Ягелло с тех пор, как тот женился на его невесте Ядвиге). Сигизмунд обязался, в обмен на уплату ему «тевтонами» трехсот тысяч дукатов (золотых монет), начать войну с польским королем Владиславом Ягелло в случае, если тот привлечет к войне с орденом Девы Марии литовцев и татар (как явных врагов христианской веры). В случае общей победы Сигизмунда и ордена над Ягелло и Витовтом, «тевтоны» должны были получить в вечное владение Самогитию, Куявию и Добринскую землю, а Венгрия, в награду за оказанную ордену военную помощь, — Бессарабию и Валахию. Кроме того, король Сигизмунд попытался привлечь Великого князя Витовта на свою сторону, предложив ему титул и корону короля Литвы, при условии расторжения Витовтом союза с Польшей. Однако переговоры на этот счет завершились безрезультатно.

Польские князья (герцоги) Щецинский и Олесницкий, потомки древних королей Польши из династии Пястов, приняли в конфликте сторону Тевтонского ордена. Западнопоморским герцогам (князьям) Слупскому (Столпенскому) и Бригскому было направлено послание с просьбой предоставить в распоряжение ордена рыцарей и кнехтов (пеших воинов), которым «тевтоны» обязались выплачивать жалованье.

Верховный магистр «тевтонов» потребовал от ландмейстера Ливонии Конрада фон Фитингоф (ен) а (Витингофа), или, иначе, Фитингофена (1401–1413), расторгнуть заключенный между Ливонией и Литвой мирный договор, связать на «ливонском фронте» как можно больше литовских войск и направить рыцарей и воинов, не нужных для обороны Ливонии, в Пруссию, в распоряжение Верховного магистра. Однако Фитингоф ослушался Верховного магистра, и в дальнейшем в битве при Танненберге войска ливонских «тевтонов», вопреки мнению ряда историков (и в первую очередь — польского хрониста Яна Длугоша) участия не принимали (возможно, за исключением одного единственного «знамени», или «хоругви»). В пользу их отсутствия под Танненбергом говорит, между прочим, тот факт, что среди павших в этой битве «гебитигеров» ордена Девы Марии не было ни одного ливонского, и среди захваченных польско-литовским войском «тевтонских» знамен (хоругвей) ни одно не могло быть идентифицировано, как принадлежащее ливонскому филиалу

Тевтонского ордена (сорок седьмая «тевтонская» хоругвь, ошибочно атрибутированная хронистом Яном Длугошем в «Истории Польши» как «хоругвь ливонских рыцарей» Тевтонского ордена, была в действительности знаменем рейнландцев, или рейнцев, то есть рыцарей-крестоносцев, прибывших на помощь ордену Девы Марии из Рейнской области Германии).

Верховный магистр Ульрих обратился за военной помощью не только к ливонскому ландмейстеру своего собственного ордена, но также к епископам Ливонскому (Рижскому), Курляндскому (по-латышски: Курземскому), Ревельскому (по-эстонски: Таллиннскому), Дорпатскому (Дерптскому, по-русски: Юрьевскому, по-эстонски: Тартусскому) и Эзельскому (по-эстонски: Сааремаасскому или Сааремскому). Епископы также не прислали в помощь ему ни единого человека.

Руководством ордена Девы Марии, и в первую очередь — самим Верховным магистром — владело твердое убеждение, что орден сможет держать неприятеля под контролем. В пользу этого убеждения говорил общеизвестный факт глубокого взаимного недоверия между королем Владиславом Ягелло и Великим князем Витовтом. Задним числом Гохмейстера Ульриха упрекали в том, что он отдал стратегическую инициативу врагу, предпочитая пассивно ожидать его наступления. Однако избранная Верховным магистром тактика пассивной обороны была вынужденной, поскольку вести наступательные действия ордену Девы Марии представлялось невозможным, с учетом громадной территории польско-литовской коалиции. Опираясь на опыт кампании 1409 г., орденские стратеги ожидали серии сравнительно небольших, изолированных нападений неприятеля на орденские владения. Гохмейстер Ульрих надеялся отразить их по отдельности, опираясь на многочисленные, хорошо укрепленные орденские замки в тылу своей армии, сочетая оборонительные действия с наступательными, используя преимущества орденского войска в области организации и вооружения.

Оборону от литовцев северо-восточной части Пруссии в районе Мемель-Тильзит Гохмейстер поручил воинским контингентам комтура Рагнита Эбергарда фон Валленфельза, комтура Биргелау (по-польски: Бежглово) Пауля фон Дадемберга, комтура Рейна (по-польски: Рейно, или Рина) и комтура Мемеля (по-литовски: Тройпеды или Клайпеды) Ульриха Ценгера. В результате все эти комтуры и их контингенты не смогли принять участия в решающей битве при Танненберге — обстоятельство, сделавшее соотношение сил в день битвы еще более невыгодным для ордена Девы Марии.

Верховный магистр Ульрих фон Юнгинген принял решение собрать свои основные силы под стенами Швеца, являвшегося также сборным пунктом для прибывавших со всей Европы наемников и «военных гостей»

Тевтонского ордена (такие все-таки нашлись, невзирая на широко распропагандированное папским престолом, Ягелло и Витовтом крещение Литвы по римско-католическому обряду).

На польско-литовской стороне фронта еще в декабре 1409 г. состоялось военное совещание Ягелло и Витовта в Бресте-Литовском. Они договорились летом 1410 г. объединить свои силы и нанести совместный удар в самое сердце орденских владений — на Мариенбург. Главная цель Ягелло заключалась в захвате Помереллии, с целью дать Польше выход к Балтийскому морю. Главная цель Витовта заключалась в завоевании Жемайтии и окончательном присоединении ее к Литве. Чтобы держать орден как можно дольше в неведении о направлении главного удара Ягелло и Витовт договорились о нанесении по «тевтонским» владениям сразу нескольких отвлекающих ударов. В районе сосредоточения сил были приведены в порядок дороги и мосты и организована крупномасштабная охота для пополнения запасов мяса, необходимого войску в походе. Ягелло и Витовту удалось склонить к союзу с польско-литовской коалицией князей (герцогов) Ян (уш) а и Земовита Мазовецких (Мазовия, хотя и считалась леном польского короля, по-прежнему не входила в состав Польского королевства).

Всем польским рыцарям, находившимся на службе иноземных государей (а некоторые из них сражались даже против мавров-мусульман в далекой Испании), было приказано присоединиться к войску короля Владислава II Ягелло. Чтобы воспрепятствовать возможной агрессии со стороны Венгрии, в пограничном районе Сандеца был дислоцирован воинский контингент под командованием Иоанна (Яна) из Щекоцин. Вследствие этого обстоятельства большинство рыцарей в войске Ягелло под Танненбергом составляли выходцы из северных областей его королевства. Польский король навербовал немало иноземных наемников, в основном из Чехии и Моравии (согласно ряду источников, среди них был и молодой рыцарь Ян Жижка из Трокнова — будущий вождь еретиков-таборитов), но также из других стран (если верить польским хроникам, то даже из Швейцарии — таким образом, чехи, моравяне и швейцарцы, как, впрочем, и венгры, сражались под Танненбергом в рядах обеих противостоящих друг-другу армий). Вопреки ожиданиям и надеждам орденского руководства, литвин Ягайло, крестившись и сочетавшись законным браком с польской королевой Ядвигой, получил признание в Польше. Правда, Ядвига умерла в Кракове еще в 1399 г., но успела родить недавнему язычнику Ягелло дочь — наследницу престола, что полностью узаконило его положение как польского короля.

Войско Александра-Витовта состояло, кроме собственно литовцев, также из жмудинов (жемайтов), русинов (русских, или, с точки зрения некоторых современных белорусских и украинских историков — белорусов и украинцев), бессарабов, валахов, татар, армян и караимов

(иудеев-неталмудистов, составлявших гвардию Великого князя Литовского). Наличие в союзном войске жмудинов-язычников, татар-мусульман и неталмудических иудеев-караимов (крестоносцы привычно именовали их «сарацинами», а предводителя литовских татар хана Джелал-эд-Дина — по старой памяти, «Саладином»), казалось, подтверждало заявления «тевтонов» о том, что Ягелло и Витовт не гнушаются нанимать нехристей для войны с христианами.

Поляков и литовцев на протяжении многих лет готовили к неизбежному военному столкновению с Тевтонским орденом, рассматриваемом ими в качестве главного врага. Подготовка к войне велась в обстановке строжайшей секретности, и руководство ордена далеко не представляло себе ее размаха. Военного конфликта подобных масштабов не случалось на протяжении предыдущих семидесяти лет. В ходе многочисленных походов на Литву дело обычно ограничивалось сравнительно небольшими стычками (хотя общее число жертв и разрушений в них было весьма впечатляющим). «Великий поход» объединенных сил польско-литовской коалиции был по своим масштабом необычным для описываемого периода, и оказался необычайно эффективным. Орден оказался захваченным врасплох, так что инициатива с самого начала оказалась на стороне его противников. Орденское руководство было вынуждено только реагировать на действия польско-литовских войск.

44. В преддверии решающей битвы

24 июня 1410 г., по истечения срока перемирия, военные действия возобновились. Комтуры Шлохау и Тухеля совершили набеги на соседнее польское приграничье. В ответ польские отряды разграбили район Торна. Ягелло принял в Вольбоже венгерских послов графа Николая (Миклоша) де Гара (Гарая) и Стибора (Сцибория) из Стибориц (Сцибожиц), предложивших ему, в надежде на возможность прочного мира, заключить новое, десятидневное, перемирие сроком до вечера 4 июля. Ничего лучшего польский король и пожелать не мог. Перемирие предоставило ему возможность спокойно стянуть в кулак все свои силы, не опасаясь орденских войск.

И польско-литовская армия была стянута им в кулак — причем с планомерностью, далеко превосходившей сравнимые достижения других военачальников Средневековья. Король Владислав Ягелло выступил 26 июня из Вольбожа, 28 июня прибыл в Самице, 29 июня — в Козлов. На следующий день он расположился со своей штаб-квартирой в Червенском (Червиньском) монастыре. С юга на помощь королю подошли войска из Малой Польши, объединившиеся еще ранее с пришедшими им на подмогу отрядами из Подолья (Подолии), Валахии и Бессарабии. С запада подошли войска из Великой Польши, форсировавшие Вислу по понтонным мостам, построенным из связанных вместе речных судов. С востока, продвигаясь вдоль реки Нарев, подошли литовцы, жмудины, татары Витовта и Джелал-эд-Дина, а также русские отряды из Киева и Смоленска. 29 июня они переправились через Нарев. На севере мазовецкие войска только и ждали приказа соединиться с главными силами.

При оценке этих событий следует учитывать специфические условия Средневековья. Тогдашние военачальники действовали порой импульсивно и эмоционально, но зачастую вполне логично и обдуманно. Гохмейстер получал противоречивые известия. Согласно одним донесениям, литовцы собирали свои силы на востоке, а поляки — на западе. 27 июня прибыл гонец из Кенигсберга, сообщивший, что сильные литовские отряды вторглись в район

Мемеля, подвергая его опустошению. Аналогичное известие пришло из Рагнита. Польско-литовский план сбить Гохмейстера с толку отвлекающими маневрами увенчался успехом. Значительные орденские силы были оставлены на востоке Пруссии, чтобы отразить ожидавшиеся новые неприятельские набеги. В этой связи Великому князю Витовту удалось заключить с ливонским ландмейстером новое соглашение, согласно которому Литва и Ливония обязывались не расторгать заключенный между ними ранее мирный договор в течение трех месяцев. Заключение этого соглашения объясняется вовлеченностью ливонского филиала Тевтонского ордена в конфликт со Псковом и Новгородом. В этих условиях ландмейстер Ливонии предпочел нейтрализовать литовцев, чтобы избежать войны на два фронта. Тем не менее, перед судом истории виновность Конрада фон Фитингофа не подлежит сомнению — он открыто нарушил приказ своего высшего начальника, Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена, сделав тем самым возможной беспрепятственную концентрацию польско-литовских войск перед началом наступления на орденскую Пруссию.

2 июля 1410 г. основные силы Ягелло и Витовта соединились, и союзной польско-литовское войско выступило в поход на север. За армией польско-литовской коалиции следовал громадный обоз, поскольку награбленных в Пруссии съестных припасов для снабжения огромного войска не хватало. Поэтому пришлось везти с собой на многочисленных телегах провиант. Большой обоз затруднял и замедлял продвижение войска. С наступлением вечера марш прекращался и армия разбивала лагерь, окруженный укреплением из обозных телег (табора, или, по-немецки, «вагенбурга») для защиты лагеря от ночного нападения неприятеля. Будучи опытным и осмотрительным полководцем, Ягелло старался свести угрожавшие его войску опасности к минимуму. Ввиду лучшего знания «тевтонами» прусского театра военных действий («дома даже стены помогают»), польский король постоянно опасался засад. Что же касается Ульриха фон Юнгингена, то Гохмейстер был опытным воином, отвага которого перед лицом неприятеля была общеизвестна. Однако, с учетом его импульсивности, судьба кампании во многом зависела от способности Верховного магистра, не поддаваясь на провокационные методы ведения войны противником, не принимать поспешных, необдуманных решений.

Оба военачальника несли полную ответственность за свои армии, равных которым по силе и многочисленности история войн ордена, Польши и Литвы еще не знала. Ситуация осложнялась проблемами обеспечения связи в тогдашних условиях и, как мы сказали бы сегодня, «логистики». Судя по свидетельствам современников, воины обеих армий были уверены в том, что непременно одержат, с Божьей помощью, победу в своей справедливой борьбе.

Многие «братья» Тевтонского ордена обладали богатым боевым опытом участия в малой войне с литовцами, набегах, наездах, мелких стычках и осадах неприятельских замков и крепостей. Однако опыта участия в больших полевых сражениях им (в отличие от большинства «военных гостей» ордена Девы Марии), как правило, не хватало. Сказанное, кстати, в значительной степени относится и к воинам противоположной стороны. Впрочем, успешные походы в Самогитию и разгром пиратов-«витальеров» на острове Готланд в 1409 г. прибавили «орденским братьям» боевого опыта и значительно повысили их боевой дух и уверенность в превосходстве над любым противником.

Ведение боевых действий в значительной степени затруднялось сложными условиями местности — непроходимыми, дремучими лесами, знаменитыми Мазурскими болотами и многочисленными реками. Продвижение польско-литовского войска вдоль весьма немногочисленных (в описываемое время) дорог, судя по всему, приводило к немалым проблемам в плане организации, логистики и снабжения. Население немногочисленных деревень при приближении неприятельской армии вторжения бежало в леса, угоняя с собой скот и забирая по возможности съестные припасы и все более-менее ценное.

А тех, кто не успел бежать, как обычно в подобных случаях, ничего хорошего не ожидало. Медленно продвигавшиеся на север поляки и литовцы грабили и жгли деревни, убивали мужчин, насиловали женщин, а уцелевших угоняли в качестве пленников. Указания хронистов на многочисленные случаи грабежей, поджогов и осквернения храмов Божиих встречаются столь часто, что, вероятно, число данных эксцессов превосходили даже «нормальный уровень средневекового зверства» (по выражению братьев Аркадия и Бориса Натановичей Стругацких в «Трудно быть богом»). Даже польские рыцари пожаловались своему королю на немыслимые зверства и святотатства, творимые литовцами и татарами Витовта. Два литвина, укравшие из разгромленного храма церковную утварь и осквернившие Святые Дары, были повешены на виду у всего войска (а по другим данным, Витовт вынудил святотатцев повеситься самим, причем осужденные в процессе самоповешения еще и торопили друг-друга). Однако, никакого приказа об изменении способа ведения войны на более мягкий от Ягелло не последовало, на основании чего можно сделать вывод, что творимые зверства совершались вполне сознательно, с целью выманить орденское войско в поле, спровоцировав его на преждевременное нанесение контрудара.

5 июля 1410 г. в стан короля Владислава Ягелло явились венгерские послы с поручением возобновить мирные переговоры. В качестве условия заключения мира король и Великий князь выдвинули требование безоговорочной передачи Добринской земли Владиславу Ягелло, а Самогитии — Витовту. Послы возвратились в штаб-квартиру Гохмейстера «тевтонов».

До их отъезда Великий князь Витовт в присутствии послов и короля Ягелло провел парад своих войск, несомненно, с целью произвести устрашающее впечатление на венгров. 6 июля все войска были приведены в порядок и организованы. Каждому отряду («хоругви») было приказано следовать за своим предводителем и защищать его знамя (также именовавшееся хоругвью, как и отряд, выступавший под этим знаменем).

Владислав II Ягелло приказал бойцам победнее (и, соответственно, вооруженным похуже) сражаться в середине своей «хоругви». На следующий день была объявлена ложная тревога с последующим смотром войск, с целью проверки боеготовности армии. 9 июля войска польско-литовской коалиции, в ходе дальнейшего продвижения, взяли штурмом, разграбили и сожгли прусский город Лаутенбург (по-польски: Лидзбарк). В тот же день Ягелло назначил мечника (гладифера) Краковского Зындрама (Зиндрама) из Машковиц Верховным главнокомандующим союзной армии.

9 июля, с целью упорядочить и обеспечить командование весьма разношерстным войском коалиции, при польском короле Владиславе II Ягелло был также образован Военный совет (Военная рада) в составе восьми человек. В совет вошли:

1) Великий князь Литовский Александр (Витовт) :

2) каштелян краковский Кристин (Крыштин) из Острова,

3) капитан (воевода) краковский Ян из Тарнова,

4) капитан (воевода) познанский Сендзивой (Свендивой) из Остророга,

5) капитан (воевода) сандомирский (сандомежский) Миколай (Николай) из Михалова;

6) коронный подканцлер Миколай (Николай) Тромба;

7) маршалок королевства Польского Збигнев из Бжезя,

8) камергер (подкоморий) Краковский Петр Шафранец из Песковой Скалы.

К 10 июля 1410 г. у Верховного магистра не осталось больше никаких сомнений в том, что объединенная армия его противников перешла в прямому совместному удару в направлении Мариенбурга. Последним естественным препятствием на пути к столице ордена была река Древенц (по-польски: Дрвенца, по-русски: Древенца). Защиту ее верховьев Гохмейстер поручил Верховному маршалу ордена Фридриху фон Валленроде во главе орденских войск из Остероде, Страсбурга, Диршау (Тчева), Брат (т) иана (Барцян) и Замланда. Эти силы представлялись Ульриху фон Юнгингену достаточными для отражения нападения неприятеля. 8 июля поляки и литовцы взяли штурмом и сожгли прусские города Сольдау (Зольдау, по-польски: Дзядлово) и Нейденбург (по-польски: Нидзицу). Польско-литовское командование планировало форсировать Древенц в среднем течении, используя Брод у Кауэрника (по-польски: Куржетни-

ка). Своевременно распознав их планы, Гохмейстер оставил в Швеце две тысячи «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов-кнехтов под командованием комтура Генриха Рейсса фон Плауэна (эти войска ох как пригодились бы Верховному магистру в битве под Танненбергом, с учетом численного превосходства неприятеля!), а сам с главными силами двинулся к Кауэрнику. Туда же подтянулся маршал Валленроде со своими войсками. Берег реки был укреплен палисадами (частоколами) и пушками, спешно доставленными на Древенц из Мариенбурга.

12 июля в лагерь польского короля вновь явились венгерские послы, передавшие Владиславу Ягайло, что король Венгрии Сигизмунд Люксембургский разрывает с Польшей мирные отношения и объявляет ей войну, поскольку польская армия вторглась в союзную Венгрии орденскую Пруссию. Подобное поведение короля вытекало из его обязательств по заключенному с Ульрихом фон Юнгингеном договору об оборонительно-наступательном союзе. Ягайло из предосторожности приказал держать объявление Венгрией войны Польше в строжайшем секрете, опасаясь деморализации своих войск в результате обнародования известия о перспективе войны с еще одним серьезным противником.

Получив данные об оборонительной позиции орденского войска, Военный совет союзников отказался от своего первоначального плана форсировать Древенц. Вместо этого было решено обойти укрепленную позицию «тевтонов» с востока. Отход был проведен в полной тишине, с соблюдением строжайших мер секретности. Поначалу Гохмейстер думал, что союзники решили отступить, и последовал за ними параллельно вдоль другого берега реки. Однако 13 июля поляки и литовцы повернули на север, в направлении прусского города Гильгенбурга. Несмотря на храброе сопротивление гарнизона, город был взят литовцами и татарами и отдан им Витовтом на поток и разграбление. Взятие города сопровождался неслыханными зверствами, убийством всех горожан, изнасилованием женщин и девушек в церквях, пожарами и разрушениями. Нобелевский лауреат Генрик Сенкевич почему-то ни единым словом не обмолвился в своем романе «Крестоносцы» об этих злодеяниях (хотя они были подробно — и с однозначным осуждением! — описаны ПОЛЬСКИМ хронистом Яном Длугошем в «Истории Польши»).

В тот же день 13 июля Гохмейстер принял решение изменить направление своего продвижения и занять позицию севернее расположения войска союзников. 14 июля орденское войско получило известие о злодеяниях, совершенных литовцами и татарами Витовта в Гильгенбурге. Эти известия вызвали у «тевтонов» и их союзников неудержимое желание отомстить «безбожным сарацинам». Они потребовали, чтобы Гохмейстер немедленно вел их на немилосердного врага, разорявшего страну и не дававшего пощады ни старым, ни малым. В ночь с 14 на 15 июля Ульрих

фон Юнгинген повел свое войско на восток, чтобы вынудить польско-литовскую армию принять бой.

Данные разных источников о численности противоборствующих армий сильно расходятся. Минимальные цифры, приводимые историками, составляют одиннадцать тысяч на стороне Тевтонского ордена и семнадцать тысяч на стороне его противников. Так, любимый всеми нами с детства Е.А. Разин в томе II своей «Истории военного искусства» пишет, что орденская армия насчитывала одиннадцать тысяч человек, в том числе две тысячи рыцарей, три тысячи оруженосцев (так он, подобно многим историкам до и после него, называет «братьев-сариантов») и около четырех тысяч арбалетчиков, в то время как армия союзников — от шестнадцати до семнадцати тысяч человек, в т.ч. три тысячи человек «малонадежной» (? — В.А.) татарской конницы. Максимальные цифры, приводимые историками, достигают восьмидесяти трех тысяч человек (в том числе пятьдесят тысяч прусских бойцов всех категорий и тридцать три тысячи «военных гостей» и наемников из Германии и других стран Центральной, Западной и Южной Европы), из них двадцати трех тысяч всадников, на стороне Тевтонского ордена против ста шестидесяти трех тысяч (в том числе сорока четырех тысяч литовцев, сорока тысяч татар и двадцати одной тысячи наемников из Чехии и других стран Европы), из них шестьдесят шесть тысяч всадников — на стороне Ягелло и Витовта.

Разумеется, приведенные выше максимальные цифры представляются совершенно неправдоподобными. Фантастически огромные цифры, которыми оперировали средневековые хронисты при описании численности противоборствующих армий (впрочем, даже в изданном во второй половине просвещенного XIX в. романе «Огнем и мечом» Генрик Сенкевич, глазом не моргнув, живописал, как «двести тысяч железных немцев шли под Грюнвальдом на хоругви Ягелловы»!), служили не для достоверного отображения фактов, являясь стилистическим средством подчеркнуть важность событий и опасности, которые приходилось преодолевать их участникам. Разумеется, было совершенно невозможно (тем более — в условиях Средневековья) снабжать провизией и фуражом четверть миллиона воинов и боевых коней, управлять столь гигантскими массами в бою, да и вообще — разместить их на поле боя протяженностью менее трех километров. Однако, несмотря на многократное преувеличение средневековыми летописцами численности армий противников, они однозначно свидетельствуют, что поляки и литовцы обладали значительным численным превосходством над «проклятыми крыжаками».

45. Войско Тевтонского ордена при Танненберге

На стороне Тевтонского ордена сражалось, по «усредненным» подсчетам, около четырнадцати тысяч конных и около шести тысяч пеших воинов. Доля «братьев-рыцарей» (носивших белые одеяния с черным крестом) и «братьев-сариантов» (носивших серые одеяния с таким же черным четырехконечным — а не «половинчатым», как часто думают и пишут! — крестом) Тевтонского ордена в этом войске была сравнительно небольшой (так что упоминаемые в романе «Крестоносцы» Генрика Сенкевича «тысячи монахов-рыцарей», якобы обрушившиеся под Танненбергом на поляков, являются плодом фантазии польского романиста).

В битве приняло участие не более трехсот «братьев-рыцарей» ордена Девы Марии — причем свои знаменитые белые плащи они в битве, скорее всего, не носили, поскольку те стесняли их движения.

Известное изображение Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена в развевающемся белом плаще поверх доспехов на широко известном батальном полотне польского художника Яна Матейко «Битва под Грюнвальдом» (оказавшем решающее влияние на всех последующих художников, книжных иллюстраторов и кинорежиссеров, хотя запечатленная на нем картина событий далека от реальной — так, на полотне Матейко в качестве участника битвы при Танненберге изображен не участвовавший в ней Генрих фон Плауэн, и т.д.) датируется второй половиной XIX в. и основано на парадных портретах «тевтонских» Гохмейстеров (самые ранние из которых датируются XVI в. и представляют их, хотя и в длинном белом плаще с черным крестом на левом плече поверх лат, но отнюдь не в боевой обстановке).

Известно, что длинные, до пят, украшенные черным крестом напротив сердца, белые плащи «братьев-рыцарей», т.н. «герренмантели», Herrenmantel, то есть «господские плащи» (как и серые плащи «братьев-сариантов», т.н. «сариантсмантели», Sariantsmantel) Тевтонского ордена носились

«орденскими братьями» в мирное время (поверх длинного «конвентуального» кафтана, именовавшегося по-немецки «конвентсрок», Konventsrock, Conventsrock). В бою же они носили поверх доспехов т.н. налатник (франц.: «сюрко», нем.: «ваппенрок» или «ваффенрок», то есть буквально «военный кафтан», белый у рыцарей, серый у «сариантов», с одинаковым черным крестом на груди, причем размер креста со временем увеличивался), с течением времени все более укорачивавшийся, а в начале XV в. среди них вошел в употребление весьма практичный «ленднер» — надевавшаяся поверх кольчуги толстая,стеганая суконная или кожаная, куртка, подбитая изнутри металлическими пластинами (которая у тевтонских «братьев-рыцарей» была белой, с черным крестом, причем поперечная перекладина креста в описываемое время проходила не на уровне груди, а на уровне пояса рыцаря).

На голое тело всякий член Тевтонского ордена (а не только рыцарь) надевал льняную нижнюю рубаху и подштанники-«брухи» (Bruchen — от этого средневекового немецкого слова происходит наше современное слово «брюки»). Поверх нательной рубахи и подштанников надевались короткий, чуть выше колен, кафтан из плотной материи (нем.: «йоппе», Joppe) и штаны (точнее — две штанины, обычно из шерстяной материи, часто переходившие в чулки, и такая важная часть средневекового костюма, как гульфик, воспетый Франсуа Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле»). На голову надевалась матерчатая шапочка с завязками (напоминающая современный чепчик для грудных младенцев), поверх которой в мирное время носили капюшон-«гугель» (закрывавший также плечи и верхнюю часть груди), шапку, шляпу или берет, а в военное время — суконный или кожаный подшлемник. Поверх подшлемника надевали кольчужный капюшон-«гальсбергу» (нем.: Halsberge), также закрывавший голову, шею, плечи и верхнюю часть груди (оставляя открытым лицо, а иногда — только глаза).

В мирное время члены ордена Девы Марии, находясь в дороге, могли носить длинный плащ без рукавов (в «орденском доме» его ношение было обязательным). На случай дождя или снегопада полагался плащ-дождевик с капюшоном (средневерхненем.: «рейнмантель», Reynmantel). Зимние плащи и кафтаны имели подбивку из черной овчины.

Кафтан опоясывался кожаным поясом, на котором носили подвешенные на ремешках кошель-мошну, нож в деревянных, обтянутых кожей, или просто кожаных ножнах (этим ножом пользовались во время еды, употребляя его также для других бытовых нужд), длинный кинжал в ножнах и четки.

В военное время (а нередко — и в пути) поверх кафтана надевали кольчугу-«обергу» (нем.: «гауберге», Hauberge), именовавшуюся также «рингельпанцер» (нем.: Ringelpanzer, то есть «кольчатый панцирь»), а поверх кольчуги — либо:

1) кованый нагрудник-кирасу, (нем.: «брустплатте», Brustplatte, то есть буквально: »нагрудная пластина», «эйзенбруст», Eisenbrust, или «эйзерне бруст», eiserne Brust, то есть буквально: «железная грудь»), закреплявшийся на ремнях, застегнутых пряжками (а иногда — также кованый наспинник), либо:

2) стеганый гамбезон, или, по-немецки, «польстервамз» (Polsterwams) — толстую, в несколько слоев сукна или холста, куртку на вате или конском волосе, либо:

3) упомянутый выше «ленднер», именовавшийся по-немецки также «платтенрок» (Plattenrock, то есть буквально: «кафтан с пластинами).

При описании одного из эпизодов Танненбергской битвы польский хронист Ян Длугош указывает, что напавший на польского короля Владислава Ягелло тевтонский рыцарь Дипольд Кикериц (Кёкериц) фон Дибер был одет в «белый тевтонский плащ» (так это место обычно переводят на русский язык). Но сам же Длугош указывает, что поляки называют этот плащ «якка» (Jakka, от нем.: Jacke). Между тем, слово «якке» (Jacke), сохранившееся в немецком языке по сей день, всегда означало и означает «жакет» (нем.: Jackett, от фр.: jacquet) — куртку (часто — с длинными или короткими рукавами), то есть не «плащ» («мантель», нем.: Mantel), и даже не налатник, а именно стеганный гамбезон или ленднер!

К чести Генрика Сенкевича, в его романе «Крестоносцы» злополучный рыцарь Дипольд выведен, в соответствии с исторической правдой, не в «белом плаще» (как Нобелевский лауреат почему-то вывел комтура Гамрата и самого магистра Ульриха фон Юнгингена), а «в белом кафтане поверх доспехов, опоясанном золотым поясом» (последнее вообще-то запрещалось орденским братьям их уставом, как всякая роскошь, на, как говорится, «жить, как хочешь, легко, а вот попробуй жить по уставу») ! Впрочем, довольно об этом...

В пору наивысшего расцвета ордена Девы Марии (около 1379 г.) в нем насчитывалось всего восемьсот двадцать четыре «брата-рыцаря» (считая Пруссию, Ливонию, Германию, Италию, Испанию и т.д.). В 1400 г. в Пруссии насчитывалось около шестисот, а в Ливонии — не более трехсот «братьев-рыцарей». Обычно в военное время в поход выступало не более половины «братьев-рыцарей», другая половина оставалась в составе гарнизонов орденских городов, крепостей, замков и усадеб («дворов»).

Кроме того, в замках и крепостях оставались больные, раненые и не способные по каким-либо причинам нести службу с оружием в руках «орденские братья». Принято считать, что на одного «брата-рыцаря» приходилось до десяти других конных воинов ордена Девы Марии («братьев-сариантов», призывавшихся на военную службу только в самом крайнем случае фамилиаров-полукрестников и пр.).

Две тысячи «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов из состава постоянного войска Тевтонского ордена были разбросаны по Пруссии, чтобы быть готовыми к отражению нападения неприятеля на других направлениях.

«Военные гости» Тевтонского ордена со своей челядью были родом главным образом из немецких областей Вестфалии, Швабии, Саксонии, Мейссена, Гессена и Тюрингии.

Участие в Крестовом походе считалось паломничеством (хотя и вооруженным), то есть благочестивым делом, важным для спасения души всякого искренне верующего христианина. Паломники верили, что получают от Бога «великое прощение» за все предыдущие грехи. Однако в «рейсах» рыцарей Девы Марии охотно участвовали и не столь религиозные (а может быть, и не столь обремененные нуждавшимися в искуплении грехами) люди. Как уже упоминалось выше, среди представителей знатных немецких (да и не только немецких) родов традиционно считалось особой честью «заслужить себе шпоры», сражаясь под знаменами Тевтонского ордена в качестве его «гостей». Для имиджа рода было важно прославиться в боях с «неверными» и «язычниками». Хронисты повествуют об участии в битве при Танненберге, в качестве «военных гостей» Тевтонского ордена Девы Марии, представителей германских родов фон Адельсбах, фон Бонин, фон Борзниц, фон Ведель, фон Гаммерштейн, фон Гаугвиц, фон Герсдорф, фон Дона, фон Зейдлиц, фон Калькрейт, фон Клингенштейн, фон Мальтиц, фон Ностиц, фон Паннвиц, фон Эйленбург и фон Цоллерн (представители которых впоследствии сыграли видную роль в истории — в первую очередь военной! — Пруссии и Германской империи под скипетром Гогенцоллернов).

Вооруженные силы самого ордена Девы Марии были организованы по комтуриям (комтурствам). Они представляли собой постоянное войско, с которым даже в мирное время постоянно проводились тактические занятия с целью поддержания и повышения боеспособности. Все орденское войско подразделялось на шестьдесят пять отрядов («знамен», «баннеров» или «хоругвей). Каждый из этих отрядов выступал под собственным знаменем, также именовавшимся баннером, нем.: Banner, (по-немецки также: «фане», Fahne), или хоругвью, с гербом соответствующего комтурства. После битвы в руки поляков попало пятьдесят одно орденское знамя (из чего иногда делается неправильный вывод, что и орденских отрядов было столько же).

Охрану каждого из главных баннеров орденской армии — знамен Верховного магистра, Верховного маршала (его баннер являлся одновременно главным знаменем всего орденского войска) и Великого казначея — составляли двенадцать отборных, сильнейших, обладавших высочайшей боевой выучкой и наиболее дисциплинированных, «братьев-рыцарей»

(не считая самого знаменосца). Орденский устав запрещал вооружать их в битве копьями, чтобы они, увлекшись общим порывом, не кинулись в «истинно рыцарский», копейный бой, оставив свой баннер без прикрытия. Соблюдалось ли это положение устава в битве при Танненберге, нам, однако, не известно.

Самой распространенной формой боевого порядка был так называемый «клин» (лат.: cuneus, нем.: Keil), «острие» (нем.: «шпиц», Spitz),«свинья» или «кабанья голова», острие которого составляли наиболее опытные рыцари, обладавшие самым лучшим вооружением, за которыми следовали всадники-«рейсиги» (нем.: Reisige, обычно — орденские «братья-сарианты») в тяжелом и среднем вооружении, оруженосцы (нем.: «кнаппен», Knappen), вооруженные копьями и мечами конные воины-кнехты, а также конные лучники и арбалетчики.

Кстати, по Длугошу, в битве при Танненберге литовское войско тоже было выстроено «клиньями» и «турмами» (конными отрядами). Но это так, к слову...

«Баннером» в описываемую эпоху именовалось обычно главное знамя крупного военного отряда, состоявшего из нескольких более мелких подразделений, каждое из которых выступало под своим собственным, меньшего размера, знаменем (именовавшимся по-французски: «пеннон», pennon,а по-немецки: «фенлейн», Faehnlein, то есть буквально: «маленькое знамя», «флажок», «фаньон», по-русски: «прапор»). Каждое из мелких подразделений, выступавших под этим «фенлейном»-«прапором», также именовалось по-немецки «фенлейн». Предводитель такого небольшого отряда-«прапора именовался «прапорщиком». Изображения на полотнищах малых знамен-«фаньонов»-«прапоров»-«фенлейнов» не имели геральдического значения (например, на хоругви-фаньоне орденских лучников были изображены две скрещенные красные стрелы на белом поле). Геральдические фигуры, изображенные на полотнище баннера, были расположены вертикально, параллельно древку. Командир отряда, выступавшего под баннером, именовался по-французски «баннеретом», banneret, а по-немецки «баннерфюрером», Bannerfuehrer (у поляков ему соответствовал хорунжий, то есть хоругвеносец).

Более старинной формой знамени, чем баннер, был т.н. гонфанон, чаще всего игравший роль главного знамени по отношению к баннерам. В отличие от изображений на баннере, расположенных параллельно древку знамени, геральдические фигуры или эмблемы на полотнище гонфанона располагались перпендикулярно древку.

В битве при Танненберге знамена-хоругви Верховного магистра (Большое и Малое — последнее именовалось также «Гончей хоругвью», по-немецки: «Реннфане», Rennfahne, или «Лейферфане», Laeuferfahne), Большое знамя ордена (оно же — знамя Верховного маршала), хоругвь Верховного

казначея ордена Девы Марии и знамя-хоругвь Святого Георгия («военных гостей» ордена) были гонфанонами, а, скажем, знамена-хоругви Великого комтура и Верховного ризничего (Великого интенданта) — баннерами.

Для сравнения: в союзном польско-литовском войске гонфанонами были Большая Краковская хоругвь (главное знамя всего польского войска), знамя-хоругвь польского короля Владислава Ягелло, хоругвь Мазовецкой земли и хоругвь святого Георгия.

В своем описании битвы при Грюнвальде (Танненберге) польский хронист Ян Длугош, автор латинской «Истории Польши» (основанной на латинской «Хронике конфликта», лат.: Chronica Conflictus, написанной через несколько месяцев после окончания Великой войны польским вице-канцлером Николаем Тромбой), перечисляя орденские знамена-хоругви, не упоминает главное знамя Тевтонского ордена — стяг с образом его Небесной Заступницы и Покровительницы — Пречистой Девы Марии с Богомладенцем Иисусом на руках и орденским гербовым щитом с черным крестом на белом поле. Из этого можно сделать вывод, что полякам и литовцам не удалось овладеть орденским стягом с образом Пречистой Девы (поскольку Длугош описывает только те прусские хоругви, которые, в качестве трофеев, висели в его время в церкви краковского королевского замка Вавель).

Следует заметить, что никаких достоверных данных об использовании орденской конницей столь распространенных в кинофильмах и на книжных иллюстрациях белых конских попон, да еще с черными крестами до нас не дошло (как и достоверных данных о наличии на копьях «тевтонов» белых, с черными крестами, копейных флажков-прапорцев, именовавшихся впоследствии «флюгерами», не говоря уже о прапорцах с иными эмблемами, вроде флажка с серебряным ключом на красном поле, представляющего собой уменьшенную копию знамени, под которым выступала в битве при Танненберге «хоругвь»-«баннер» Верховного казначея Тевтонского ордена). По-немецки копейный флажок (имевший обычно, хотя и не всегда, треугольную форму) именовался «вимпель» (Wimpel), то есть буквально «вымпел» (светские рыцари обычно украшали свои копейные флажки родовыми гербами).

Отсутствуют и относящиеся к описываемой эпохе сведения о ношении братьями-рыцарями Тевтонского ордена на шлемах султанов или плюмажей (вроде описанных Генриком Сенкевичем в романе «Крестоносцы» павлиньих или страусовых «чубов», которые благородный польский рыцарь Збышко из Богданца так мечтал поскорее сорвать со шлемов «тевтонских псов» и преподнести в дар своей возлюбленной Дануське, замученной впоследствии коварным сатанистом Зигфридом де Лёве). Дошедшие до нас изображения «тевтонов» в оперенных шлемах, как правило, датируются не ранее чем серединой XVI в. Точно так же

нет достоверных свидетельств сочетания на щитах «орденских братьев» (в отличие от светских вассалов, «военных гостей» и наемников ордена Девы Марии) орденского герба с иными эмблемами. Скорее всего, щиты (во всяком случае, боевые) всех членов ордена Девы Марии, вплоть до представителей его высшей иерархии, были украшены в описываемое время исключительно гербом ордена — прямым черным крестом на белом поле.

Пехотинцы орденского войска (их также именовали по-немецки «ордендинерами», Ordensdiener, то есть буквально «слугами ордена», или просто «динерами», Diener, т.е.«слугами») были вооружены длинными пиками, более короткими копьями, мечами, тесаками (уже упоминавшимися дюссаками, иначе: фальшионами), боевыми топорами, а также арбалетами (которым «тевтоны» отдавали предпочтение перед луками). К 1410 г. в арсеналах Тевтонского ордена насчитывалось четыре тысячи пятьсот арбалетов и примерно миллион арбалетных стрел («болтов»).

Следует заметить, что «тевтонские» луки и арбалеты, по свидетельствам современников, уступали сложносоставным (композитным) лукам, состоявшим на вооружении татар из войска Витовта, не только в скорострельности и в дальности стрельбы, но и в пробивной силе. Длинные татарские стрелы с большими и длинными наконечниками, выпущенные из татарских луков, летели если и не на километр (во что трудно поверить, все-таки лук, какой бы он ни был, не катапульта и не баллиста!), то, во всяком случае, метров на пятьсот, если не больше, а на расстоянии ста метров пробивали человека насквозь, нанося чудовищные, рваные раны. Особые бронебойные стрелы с гранеными узкими (или долотовидными) наконечниками не были, конечно, способны пробить рыцарские латы «готического» типа (который, впрочем, мог себе позволить далеко не всякий христианский рыцарь), однако пробивали широко-распространившийся к описываемому времени более легкий пластинчато-нашивной доспех (упоминавшуюся выше бригандину, по-немецки: «платтенрок», Plattenrock, или «ленднер», Lendner) не слишком большой толщины и легко пронизывали кольчугу.

Защитное вооружение «динеров» состояло из железных наголовий с полями («железных шляп», или, иначе, шлемов-шапелей), надевавшихся обычно поверх кожаных или кольчужных подшлемников, кольчужных рубах с рукавами (а часто — также с кольчужными чулками), порой — также металлических нагрудников-кирас, наплечников, наручей, наголенников, наколенников и облегченных щитов (литовских павез, о которых подробнее пойдет речь далее).

«Железные шляпы», вместо шлемов с забралом, нередко носили и «братья-сарианты» Тевтонского ордена, чье защитное вооружение в остальном почти не отличалось от рыцарского.

46. Войско польско-литовской коалиции при Танненберге

Чрезвычайно пестрое в этническом отношении союзное войско Ягелло и Витовта состояло (по «усредненным» подсчетам) из двадцати двух тысяч конных и восьми тысяч пеших воинов. Оно подразделялось на девяносто «хоругвей» («баннеров», или «знамен»). Польская часть армии состояла из пятидесяти шести отрядов (в том числе западнорусских — львовского, галицкого, перемышльского и др.). Считается, что «хоругви» литовского войска были более многочисленными, чем у поляков (доходя в некоторых случаях, якобы, до нескольких тысяч бойцов). Тем не менее, наиболее боеспособное ядро союзной армии составлял (вопреки бредовым измышлениям современного белорусского популяризатора истории, компилятора и плагиатора А.Е. Тараса, отрицающего в изданный под его именем компиляции «Грюнвальд 15 июля 1410» вклад в победу над «тевтонами» под Танненбергом кого бы то ни было, кроме «белорусов», в каковые зачисляет всех русских и литовских участников битвы) польский контингент (хотя в Польше и не было постоянной армии; в случае войны собиралось всеобщее ополчение,или, по-польски: «посполитое рушение»). Для польской части союзной армии были характерны значительные различия в вооружении и боевой выучке. Тем не менее, большинство польских рыцарей ни в чем не уступало «братьям» Тевтонского ордена.

В комплект защитного вооружения состоятельного польского рыцаря входили:

1) стальной шлем с подъемным забралом, стоимость которого соответствовала в описываемое время поденной плате плотника за сто дней или стоимости пяти молочных коров (стоимость шлема с забралом была вдвое выше стоимости аналогичного шлема без забрала) ; под шлем надевался кольчужный колпак-капюшон, а под него, в свою очередь — матерчатая или кожаная шапочка-подшлемник, амортизировавшая удары;

2) кольчуга (надевавшаяся поверх кожаной или стеганой суконной куртки) ;

3) надевавшаяся поверх кольчуги бригандина-«платтенрок» (или кованая кираса) ;

4) стальные наплечники;

5) стальные налокотники;

6) стальные наручи;

7) стальные (латные) перчатки;

8) стальные набедренники;

10) стальные наколенники;

11) стальные наголенники;

12) стальные (латные) башмаки со шпорами (надевавшиеся поверх кожаных башмаков и обычно оставлявшие ступни открытыми).

Аналогичное защитное вооружение имели «братья-рыцари» Тевтонского ордена, светские прусские рыцари — вассалы ордена, «военные гости» ордена Девы Марии, чешские, моравские и венгерские рыцари Владислава Ягелло и, возможно, наиболее богатые и знатные литовские князья и бояре.

Поскольку, в отличие от немногочисленных орденских братьев, выделявшихся из общей массы рыцарей и воинов своими белыми плащами и щитами с черными крестами, светские вассалы-ландесриттеры, гости и наемники ордена, а также ополченцы прусских городов были одеты весьма пестро, не отличаясь по внешнему виду от бойцов польско-литовской армии, Владислав Ягелло приказал своим рыцарям и воинам в качестве отличительного знака прикрепить к доспехам пук соломы (по Длугошу) или надеть соломенные повязки (если верить Е.А. Разину).

Непременным атрибутом богатого рыцаря были золотые шпоры и рыцарский пояс из тяжелых золотых (или позолоченных) пластин.

Наряду с главным оружием — тяжелым рыцарским копьем (длиной до пяти метров), они часто применяли в бою облегченные литовские копья-сулицы (бывшие примерно вдвое короче). В отличие от «тевтонских» и вообще немецких рыцарей, польские рыцари чаще применяли в ближнем бою не рыцарский меч, а булаву, пернач (шестопер), чекан (боевой молот, клевец) и боевой топор. Кинжалом обычно добивали раненых, за которых не надеялись или не желали получить выкуп. Деревянные щиты, обтянутые выделанной кожей и расписанные яркими красками, имели овальную или четырехугольную форму, нередко с вырезом в верхней части для вкладывания в него копья.

В отличие от немецкого и вообще западноевропейского дворянства, в Польше несколько дворянских (шляхетских) родов выступали под одним общим гербом (образуя так называемые «гербовые братства»). Чаще всего польские гербы представляли собой символы, эмблемы или геральдические фигуры белого цвета на красном поле.

Стрелки из арбалетов и ручных бомбард-фистул (при Танненберге обе армии применяли огнестрельное оружие самого разного калибра, включая

ручное) союзного войска (как и орденской армии) использовали, в качестве защитного вооружения, т.н. стоячий (станковый) щит (по-немецки: «зетцшильд», Setzschild), известный, между прочим, и татарам (под названием «чаппар»), с прорезью-бойницей для стрельбы, украшенный геральдическими эмблемами (у орденских стрелков — черным крестом на белом поле).

Многие представители польского мелкого дворянства — шляхты (от немецкого слова «гешлехт», то есть «род», «семейство») — не обладали ни необходимым боевым опытом, ни необходимой боевой выучкой, ни надлежащим вооружением. Поэтому польский король пытался вооружить их на свои собственные средства. Кроме того, он повелел богатым князьям (магнатам) своего королевства помочь ему вооружить менее состоятельную шляхту. Судя по всему, многие простые шляхтичи не имели пластинчатых доспехов, которые покрывали бы их с головы до ног. Они были вынуждены обходиться кольчугой в сочетании с простым металлическим нагрудником, или же кожаной курткой, обшитой металлическими пластинками. Только состоятельные польские рыцари имели шлемы с забралом. Те, кто был победнее, довольствовались упоминавшимися выше простыми, недорогими и практичными «железными шляпами» (по-немецки: «эйзенгут», Eisenhut по-французски: «шапель», chapel) — наголовьями с невысоким округлым или приостренным куполом и с широкими, слегка опущенными вниз полями, или сфероконическими шлемами восточно-европейского типа, оставлявшими лицо открытым.

Вооружение и доспехи большинства литовских воинов были типично восточно-европейскими. Только богатые и могущественные бояре могли позволить себе тяжелые доспехи. Широко распространены были железные или стальные шлемы-шишаки конической формы и кожаные панцири, а также типичные литовские щиты-павезы (в виде выпуклого прямоугольника или трапеции, с выпуклым вертикальным желобом по оси), деревянные, обтянутые кожей и полотном и расписанные яркими узорами или гербами (польские шляхетские роды породнились с литовскими знатными родами, зачислив представителей этих родов, принявших крещение по римско-католическому обряду, в свои «гербовые братства» — на православных подданных князя Витовта эта привилегия не распространялась, ибо «правоверные католики-поляки не считали православных «схизматиков» равными себе).

Что же касается жмудинов, то они, судя по данным современных летописцев, были одеты в звериные шкуры и вооружены в основном метательными копьями (сулицами-дротиками) и составными (композитными) луками — оружием, превосходно зарекомендовавшим себя в дебрях Самогитии (а по утверждению вышеупомянутого плагиатора А.Е. Тараса. — даже «каменными топорами» — впрочем, оставляем последнее утверждение на его «совести»).

Татарские конники Витовта (кроме контингента хана Джелал-эд-Дина, у Великого князя Литовского имелись и собственные, служилые, татары, переселившиеся в Литву еще раньше и сражавшиеся в составе литовских отрядов) были вооружены в соответствии с золотоордынскими традициями, восходившими к традициям Чингисхана и Батыя (Батухана). Почему-то принято считать, что хан Джелал-эд-Дин привел под знамена Витовта только конных лучников. Лучники в татарском войске, несомненно, имелись, составляя легкую конницу. Их маленькие, верткие лошадки были мало пригодны в ближнем бою, но очень полезны при завязке боя и преследовании бегущего противника, бегстве и всевозможным иррегулярных боевых действиях.

Сложносоставные (композитные) луки, служившие основным видом оружия у татар, были двух типов:

1) китайского — большие луки, до 1,4 м длиной, с четко выделенными и отогнутыми друг от друга плечами, и длинными, почти прямыми рогами;

2) ближне- (средне-) восточного — небольшие (не более 90 см), сегментовидные луки, с едва выделенной рукоятью и маленькими изогнутыми рогами.

Татарские луки обоих типов (как, кстати, и русские луки) были исключительно мощными (силой натяжения до восьмидесяти килограммов и более). О пробивной силе выпущенных из этих луков стрел мы уже упоминали выше. Стрелы татары хранили в узких колчанах из бересты (остриями вверх) или же в кожаных сумках (оперением вверх).

Легкая татарская (и литовская) конница компенсировала почти полное отсутствие этого рода войск в войске польского короля.

Однако нет никаких оснований исключать из состава татарского контингента Джелал-эд-Дина (которого Витовту, в конце концов, хотя и ненадолго, удалось возвести в 1411 г. на утраченный его отцом ханом Тохтамышем золотоордынский престол) тяжеловооруженных конных копейщиков.

Выпустив в противника свой запас стрел (благодаря убойной силе стрел и большой меткости стрелков от татарских стрел всегда было много убитых и раненых), ордынские лучники предоставляли возможность довершить разгром противника тяжело и средне вооруженным конным копейщикам. До атаки копья висели у этих татарских «рыцарей» за правым плечом, закрепленные кожаными петлями у плеча и ступни. Копья имели либо узкие граненые, либо более широкие, уплощенные наконечники, иногда с расположенным под клинком крючком (чтобы стаскивать неприятельских всадников с коня). Под наконечником копья были украшены бунчуками из конских волос и узким флажком с треугольными косицами. По одной из версий, Верховный магистр Ульрих фон Юнгинген был убит в конном поединке татарским царевичем Багардином, сыном хана Джелал-эд-Дина и внуком хана Тохтамыша. Такое было возможно лишь в случае, если знатный татарин не уступал Гохмейстеру в вооружении.

Оружием ближнего боя татарам служили не только сабли (отнюдь не серповидные, а достаточно слабо изогнутые), но и мечи, а также булавы, шестоперы, боевые топорики и боевые ножи (которыми добивали раненых).

Если легкие татарские конники имели, в качестве защитного вооружения, главным образом, длинные, скроенные наподобие халатов, стеганые панцири-тегелеи (нередко с подбоем из металлических пластин, наподобие западной бригандины), то тяжелая татарская конница была защищена ламеллярными доспехами-куяками (нередко надевавшимися поверх кольчуги) и кольчато-пластинчатой стальной броней с металлическими наручами и поножами, щитами с металлическими умбонами и шлемами различных типов, с кольчужными, бармицами, наносницами и забралам (часто в форме личины, т.е. стилизованного человеческого лица, зловеще улыбавшегося противнику). Нередко татарские конные копейщики были вооружены еще и луком со стрелами. Кроме того, их кони также были часто защищены не только стальными налобниками, но и полными кольчужно-пластинчатыми доспехами (а вот в том, что конские доспехи имелись в орденском войске — по крайней мере, при Танненберге! — существуют вполне обоснованные сомнения).

Как уже упоминалось выше, в составе союзной польско-литовской армии под Танненбергом насчитывалось сорок три (западно) русские «хоругви» (семь из них в составе польской и тридцать шесть — в составе литовской части союзного войска), не считая отряда русских наемных воинов из Великого Новгорода, навербованных литовским князем Симеоном (в язычестве — Лингвеном, Лугвеном или Лугвением), являвшимся, по совместительству, князем новгородским. Для сравнения: чисто польскими (по национальному составу) в войске союзников были только сорок две «хоругви».

Русские воины союзной армии были вооружены по-русски. Под Танненберг подчиненные Витовту (и Владиславу Ягелло) западнорусские князья привели свои дружины, состоявшие из тяжеловооруженной конницы. Дружинники были вооружены мечами, саблями, боевыми топорами, копьями, дротиками-сулицами (имевшимися, кстати, и у татар, и у бойцов орденского войска), луком со стрелами, булавами, шестоперами и кистенями (боевыми гирями, подвешенными к рукоятке на цепи или ремне). Мечи были западноевропейского типа (как у бойцов орденского войска, польских рыцарей, литовских бояр и дружинников); сабли — татарского типа. Имелись на вооружении также кинжалы, в том числе длинные кончары с граненым клинком. Копья имели в основном неширокое граненоуплощеннное острие.

В комплект русского защитного вооружения входили шлем (конический или сфероконический, обычно увенчанный шариком, с кольчужной, войлочной или кожаной бармицей), броня и щит. Под броней понимался

достаточно широкий спектр доспехов различного типа — кольчужных, ламеллярных (из стальных пластинок, соединенных ремешками или шнурками), пластинчато-нашивных (из металлических пластинок, нашитых на тканую или кожаную основу). Кольчуги в описываемое время делались в основном из широких плоских колец (т.н. байданы). Воины победнее ограничивались кольчугой, воины побогаче надевали поверх кольчуги доспехи других типов. Грудь богатого воина часто защищалось еще и т.н. зерцалом — стальным диском, крепившимся к нагрудной части панциря. Для защиты ног в описываемое время служили кольчужные чулки и наголенники. Щиты западнорусских воинов под Танненбергом были различной формы — треугольные, круглые, каплевидные (наследие домонгольской эпохи) и литовские павезы.

Приводим ниже боевое построение союзной армии при Танненберге.

47. Боевой порядок польско-литовского войска:

1) Левое крыло и часть центра:

Предводитель: Зындрам из Машковиц

Численность: десять тысяч польских рыцарей с челядью, польских, русских и венгерских конных воинов.

Происхождение: Краков, Люблин, Велунь, Серадзь, Львов, Галич, Перемышлль, Мазовия и др.

2) Центр:

Предводитель: чешский воевода Ясько Сокол

Численность: пятьсот конных чешских и моравских наемников.

3) Центр:

Предводитель: литовский боярин Монивид (Монвид, Моновид), а по другим данным — воевода Виленский Петр Гаштольд

Численность: тысяча конных бессарабов и валахов.

4) Правая часть центра:

Предводитель: Симеон-Лингвен (Лугвен, Лонгвиний, Логвиний, Лугвений — служилый князь-опекальник Великого Новгорода, а позднее — князь мстиславльский), брат Владислава Ягелло (а по версии Длугоша — некий «князь Георгий», являвшийся, по разным версиям, сыном Симеона-Лингвена князем Юрием, именуемым в томе II нашей любимой «Истории военного искусства» Е.А. Разина «Юрием Мстиславским»; князем пинским Юрием Владимировичем или же князем Юрием Михайловичем — двоюродным племянником Владислава Ягелло и Витовта; неко-

торые источники упоминают в качестве предводителя русских «хоругвей» литовского войска «из Смоленска и Киева» некоего «князя Василия»; в общем, «темна вода во облацех...»).

Численность: две тысячи русских конных воинов.

Происхождение: Киев, Смоленск, Орша, Мстиславль и др.

5) Правое крыло:

Предводитель: Великий князь Витовт.

Численность: две тысячи конных литовцев (летувисов).

Происхождение: Аукштайтия, Жмудь (Самогития) и др.

6) Правое крыло:

Предводитель: хан Джелал-эд-Дин (сын золотоордынского хана Тохтамыша, спалившего в 1382 г. Москву, вырезавшего двадцать четыре тысячи жителей стольного града Московского княжества, согнанного впоследствии с трона Золотой Орды Тимуром и нашедшего с сорока тысячами своих сторонников убежище у Витовта).

Численность: три тысячи татарских конных лучников и копейщиков.

7) Пехота:

Предводитель: каштелян Сандецкий

Численность: шесть тысяч человек.

Контингенты польско-литовско-татарского войска:

(1) Рыцари и шляхтичи с челядью из Великой и Малой Польши.

(2) Наемная чешская, моравская и венгерская конница.

(3) Конные воины из Бессарабии и Валахии.

(4) Русские конные воины из Львова, Смоленска, Киева и др.

(5) Конные бояре с челядью и дружинниками из Литвы.

(6) Татарская конница.

(7) Польская, литовская, армянская, швейцарская и караимская пехота.

48. Что день грядущий нам готовит?

14 июля 1419 г. союзному войску был дан отдых, с намерением, утром 15 июля двинуться на северо-восток. В эту ночь с 14 на 15 июля разразилась сильнейшая гроза. Страшная буря, ливень с градом, гром и молния весьма осложнили ночной марш орденского войска к полю предстоящей битвы. Наконец утром 15 июля «тевтонский» авангард под командованием комтура Остероде, Гамрата фон Пинценау (у Длугоша: Печенгайна), увидел польско-литовское войско (большая часть которого расположилось бивуаком в лесу).

Польский король Владислав Ягелло узнал о приближении орденского войска по дороге к утренней мессе и сразу же распорядился известить своего «возлюбленного брата» — Великого князя Литовского — о надвигающейся угрозе.

Известие о появлении авангарда «тевтонов» застало союзников врасплох, поскольку в польско-литовском стане не имелось никакой информации о спешном ночном марше орденского войска. Король Владислав некоторое время пребывал в неуверенности, не мог принять окончательного решения и продолжал молиться, пока, по настоянию Витовта, не прекратил мессу. Внезапное нападение на не изготовившихся к бою литвинов и поляков, к которому призывал Гохмейстера ряд его подчиненных, по его мнению, не могло быть успешным, с учетом трудности продвижения тяжеловооруженной орденской конницы через пересеченную местность со сложным рельефом, поросшую местами лесом и кустарником. Правда, Гохмейстер обладал таким преимуществом, как моментом внезапности, однако, в силу сложившихся обстоятельств, не усматривал возможности воспользоваться им.

Во-первых, значительная часть неприятельских войск располагалась в лесу или же могла без труда укрыться в лесу от его удара. Во-вторых, войско ордена еще находилось на марше и должно было перестроиться из походной колонны в боевой порядок, что потребовало бы продолжительного времени. Таким образом, сыграли свою роль про-

блема мобильности, равно как и то обстоятельство, что кульмская конница была еще только на подходе и у «тевтонов» не было времени даже установить на артиллерийской позиции все их орудия (прикрыв те, что они все-таки успели установить, арбалетчиками), так что часть бомбард пришлось оставить для защиты орденского лагеря.

Поле предстоящей битвы, располагавшееся в треугольнике между селениями Грюнфельде (по-польски: Грунвальд, по-литовски: Жальгирис — и то, и другое название значит: «Зеленый Лес», тогда как немецкое название Грюнфельде — «Зеленое Поле»), Танненберг (буквально: «Еловая Гора», по-польски: Стенборк) и Людвигсдорф (по-польски: Людвигово или Людвиково), характеризовалось сочетанием пустошей с болотами и лесными массивами. В XV в. на поле имелось гораздо больше болот и озер, чем в настоящее время.

Согласно большинству исторических хроник, войско Тевтонского ордена построилось в ДВЕ линии ТРЕМЯ большими соединениями, именовавшимися по-немецки «треффенами» (Treffen), причем одно из них, под командованием самого Верховного магистра, представляло собой резерв и образовывало вторую линию. Левым крылом первой линии командовал Верховный маршал Фридрих фон Валленроде, правым — Великий комтур Куно (Конрад) фон Лихтенштейн.

Описания битвы при Танненберге, в общем и целом, достаточно немногочисленные, весьма обобщенные и крайне политизированные (с обеих сторон), повествуют о том, что литовцы напали на левое крыло орденского войска и после ожесточенной схватки были обращены им в бегство. Левое крыло «тевтонов» увлеклось преследованием бегущих литовцев и оторвалось от главных сил своей армии. В результате правому крылу, под командованием Лихтенштейна, пришлось взять на себя главную тяжесть схватки с польской частью союзного войска. Затем в битву вмешался «тевтонский» резерв под командованием Гохмейстера (то ли для того, чтобы помочь изнемогавшему в бою с поляками «треффену» фон Лихтенштейна, то ли для того, чтобы развить достигнутый Лихтенштейном успех — свидетельством чему служил кратковременный захват рыцарями Лихтенштейна главного знамени польского войска — и довершить разгром поляков). Однако удар «тевтонского» резерва не достиг поставленной цели, потому что часть бежавших с поля боя под натиском сил маршала Валленроде литовцев возвратилась и снова вступила в бой, решив тем самым исход сражения в пользу Владислава Ягелло и Витовта и подписав смертный приговор орденскому войску.

Однако более вероятным представляется боевое построение орденского войска перед началом сражения тремя «треффенами» (примерно одинаковой численности), расположенными НЕ В ДВЕ, А В ОДНУ линию, общей длиной примерно полтора километра (а не два километра сто метров —

как указано, например, у Е.А. Разина). В пользу этого предположения (разумеется, отличающегося от наших традиционных представлений, изложенных в любимых всеми нами с детства книгах, начиная с «Историй военного искусства» Евгения Андреевича Разина и Александра Александровича Строкова), говорит то обстоятельство, что поляки и литовцы обладали значительным численным превосходством над «тевтонами», что орденское войско было крайне утомлено ночным маршем к полю битвы (от которого не успело отдохнуть), что решение должно было быть принято его командованием как можно скорее.

Кроме того, совершенно невозможно представить себе, что Гохмейстер поручил всего лишь одной трети своего войска («треффену» Лихтенштейна) противостоять всей польской части войска союзников! К тому же летописцы (например, автор орденской «Хроники Посильге») сообщают о троекратном (!) прорыве отрядом Гохмейстера польского боевого порядка. Когда и какими силами Гохмейстер мог его совершить, если, согласно Длугошу и другим, последняя атака орденского резерва под его командованием оказалась безуспешной? Это было бы совершенно невероятным (несмотря на измену ордену Девы Марии кульмских рыцарей из «Союза Ящериц»), если бы эту атаку совершил еще не использованный в бою, отборный ударный отряд орденской армии. Ниже мы приводим вероятное боевое построение армии Тевтонского ордена.

49. Боевой порядок войска Тевтонского ордена, его вассалов, «военных гостей» и союзников (приводим, из осторожности, «усредненную» численность)

1) Левое крыло

Предводитель — Верховный маршал ордена Фридрих фон Валленроде.

Численность: четыре тысячи всадников.

Состав: постоянные войска ордена, ополчения прусских городов, «военные гости» ордена.

Происхождение: Кёнигсберг, Бр (а) унсберг, Данциг, Эльбинг и др.

2) Центр («чело»)

Предводители: Гохмейстер ордена Ульрих фон Юнгинген и Верховный ризничий (траппьер, интендант) ордена Альбрехт фон Шварцбург.

Численность: четыре тысячи всадников.

Состав: «братья-рыцари» и «братья-сарианты» ордена Девы Марии, челядь, ополчения прусских епископств.

Происхождение: Эрмланд, Остероде, Энгельсбург (у Длугоша ошибочно: «Энгельсберг»), Роггенгаузен (Рогозьно), Леске, Алленштейн, Замланд и др.

3) Правое крыло

Предводитель: Великий комтур (гросскомтур) ордена Куно (Конрад) фон Лихтенштейн.

Численность: четыре тысячи всадников.

Состав: «братья-рыцари» и «братья-сарианты» ордена Девы Марии, «военные гости» и союзники ордена, наемники.

Происхождение: Эльбинг, Диршау, Щецин (Штеттин), Олесница и др.

4) Резерв

Предводитель: Верховный казначей (тресслер) ордена Томас фон Мергейм.

Численность: две тысячи всадников.

Состав: рыцарское ополчение Кульмской земли (светские вассалы ордена Девы Марии), «военные гости» ордена.

Происхождение: Торн, Грауденц (Грудзензь), Кульм и др.

5) Лагерь

Предводитель: Верховный госпитальер (шпитальмейстер) ордена Вернер фон Теттинген.

Численность: шесть тысяч пехотинцев.

Контингенты орденского войска

(1) Постоянное войско Тевтонского ордена;

(2) Светские рыцари — вассалы ордена и сельские ополченцы из Пруссии.

(3) Конные наемники из Силезии, Франконии, Тюрингии и Рейнской области.

(4) «Военные гости» ордена с челядью из Германии и из других стран Европы.

(5) Конные воины из четырех прусских епископств.

(6) Конные воины из крупных прусских городов — Данцига, Эльбинга, Кенигсберга, Бр (а) унсберга и др.

(7) Ополчения мелких прусских городов.

(8) Конные рыцари и воины Кульмской земли и «Союза (Общества) Ящериц (ы) ».

(9) Конные рыцари и воины князя Щецинского.

(10) Конные рыцари и воины князя Олесницкого.

(11) Конные рыцари и воины венгерского посольства (один из венгерских рыцарей — Георгий Керцдорф, был знаменосцем-«баннерфюрером» Хоругви Святого Георгия орденского войска, в рядах которой сражались пришедшие на помощь «тевтонам» крестоносцы-«интернационалисты»).

50. Вероятное боевое построение двух противоборствующих армий при Танненберге

Перед боевой линией орденского войска «тевтонскими» артиллеристами было установлено около сотни средневековых артиллерийских орудий — пушек и «бомбард» (по-немецки: «бюксов» или «буксов») разного калибра, стрелявших прямой наводкой ядрами размером от «кулака» до «головы взрослого человека» (возможно, что в это число входили и ручные «бомбарды»). Гонфаноны «гебитигеров» ордена играли роль командных флагов. Не известно, имели ли древки этих знамен (хоругвей, баннеров) поперечную перекладину, к которой были прикреплены полотнища (чтобы их можно было различить — и тем самым определить место нахождения того или иного предводителя — не только при ветре, но и при тихой погоде).

Считается, что в состав каждого «баннера» («знамени», «хоругви»), в зависимости от его численности, входило от двадцати до ста «пеннонов» или, иначе,«вымпелов» (копейных флажков-прапорцев) отдельных рыцарей (если такие флажки действительно существовали, поскольку, как уже указывалось нами выше, на фресках и иллюстрациях изображений «орденских братьев» Тевтонского ордена с флажками-«пеннонами» на копьях не сохранилось), свидетельствовавших об их участии в битве. В начале битвы резерв был еще на подходе, стан орденского войска располагался в районе села Фрогенау.

По другую сторону фронта польскому военачальнику Зындраму из Машковиц и Великому князю Литовскому Витовту с трудом и немалыми усилиями удалось построить литовцев на правом фланге в районе озера Лаубензее, а поляков — на правом фланге в районе Людвигсдорфа. Часть войск и обоза союзной армии находились еще на подходе, на Гильгенбургской дороге. Вероятное построение польско-литовско-русского войска мы привели выше. При этом следует учитывать, что боевой порядок союзного войска состоял в глубину из трех линий («гуфов», или,

по Е.А. Разину, «хуфцов») — в отличие от уступавшего союзникам в численности орденского войска, выстроившегося в две линии, чтобы удлинить таким образом свой фронт и избежать возможного обхода с флангов.

Оба войска противостояли друг другу по оси Северо-Запад — Юго-Восток. По легенде, на поле между фронтами двух армий, росло шесть огромных дубов, с раскидистых крон которых любопытные местные жители якобы наблюдали за ходом сражения.

Облачившись в боевые доспехи, польский король Владислав Ягелло расположился на холме в тылу своего войска. Боевой клич поляков был «Краков» (столица Польши), литовцев — «Вильна» (ныне: Вильнюс, столица Литвы).

На случай поражения предусмотрительный Ягелло распорядился держать наготове на дороге в Польшу сменных лошадей, чтобы спастись бегством. Всем невооруженным (обозной прислуге и т.д.) было приказано уйти с «линии огня» в район селение Фаулен.

Перед началом битвы польский король, с целью повышения боевого духа своей армии, посвятил в рыцари тысячу молодых польских шляхтичей. С учетом обстановки, посвящение было проведено по «сокращенному сценарию» (без бдения кандидатов над мечом, обычно занимавшего всю ночь перед инвеститурой, и ряда других церемоний).

Вряд ли у командования орденской армии оставалось время для устройства перед своим фронтом «волчьих ям», в которые, якобы, проваливались при атаке польские рыцари и литовские конники (хотя об этих «волчьих ямах» упоминается в польских летописях).

Из-за своих тяжелых доспехов, раскалявшихся при долгом ожидании на открытой местности (в отличие от укрытого от солнечных лучей лесом противника) под лучами жаркого июльского солнца, усталости от тяжелого ночного марша, «тевтоны» находились в менее выгодном положении, чем отдохнувшие и выспавшиеся польские и литовские воины. Тем не менее, Гохмейстер, отдавший приказ совершить тяжелый ночной переход в условиях грозы и ливня с градом крайне неохотно и лишь под давлением своего окружения, с учетом крайне жестоких методов ведения войны литовцами и поляками, не видел иного выхода защитить мирное население вверенной ему Богом и Пресвятой Девой Марией Пруссии, кроме попытки решить судьбу войны в одном единственном сражении. К тому же Гохмейстер, страдавший тяжелым глазным заболеванием (катарактой), боялся окончательно ослепнуть в самый неподходящий момент.

Чтобы положить конец бездействию и связанному с ним все нараставшему психическому напряжению, маршал ордена (а по другим данным — сам Верховный магистр) направил к польскому королю герольда князя Щецинского (с красным грифоном на белом поле, изображенным, по одним данным, на щите, а по другим — на налатнике) и герольда кня-

зя Олесницкого (с черным орлом на желтом поле, изображенным также то ли на щите, то ли на налатнике). Согласно «Истории Польши» Яна Длугоша, вторым был не герольд князя Олесницкого, а герольд короля венгерского Сигизмунда Люксембургского, и у него на щите был изображен, соответственно черный «цесарский» орел на золотом (желтом) поле; «цесарем» или «кесарем» в то время именовали императора «Священной Римской империи (германской нации) ». Однако Длугош, писавший свою историю более чем через полвека после битвы, не учел, что в описываемое время король венгерский Сигизмунд еще не был избран (повторно) императором «Священной Римской империи (германской нации) ». Поэтому более правдоподобной нам представляется версия, согласно которой второй герольд был все-таки герольдом князя Олесницкого (имевшего аналогичный герб — черный орел на золотом поле; единственное отличие заключалось в том, что черный орел Олесницкого, был, в отличие от черного «цесарского» орла, обременен узким серебряным полумесяцем).

Герольды передали Ягелло (а по другой версии — Ягелло и Витовту) два обнаженных меча и вызов на бой, заявив (согласно Яну Длугошу) :

«Светлейший король! Великий магистр (так в переводе «Истории» Длугоша на русский язык переводится титул Верховного магистра — В.А.) Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату (они опустили как имя Александра, так и звание князя) через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сраженье и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии, Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, насколько ты хочешь, от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы».

Согласно Длугошу, в момент произнесения герольдами этих слов, «дерзких», «заносчивых» и «не подобающих набожности крестоносцев», войско ордена действительно отступило на значительное расстояние, как бы требуя боя.

Польский король, приняв мечи, якобы дал неприятельским герольдам следующий, проникнутый глубочайшим христианским смирением, ответ:

«Хотя у меня и моего войска достаточно мечей и я не нуждаюсь во вражеском оружии, однако ради большей поддержки, охраны и защиты моего правого дела и эти посланные моими врагами, жаждущими моей и моих народов крови и истребления два меча, доставленные вами, я принимаю во имя Бога и прибегну к Нему, как к справедливейшему карателю нестерпимой гордыни...»

Описания, согласно которым один из переданных Ягелло (или Ягелло и Витовту) мечей был окровавленным (в знак войны), а другой — с незапятнанным клинком (в знак мира) — мол, выбирай (те), мир или война!, представляются нам легендарными. Упоминание о том, что польскому королю уже позднее, в перерыве между схватками, были переданы два меча, окрашенные кровью литовцев, представляется не менее легендарным. Польские историки традиционно рассматривают историю с передачей двух мечей как свидетельство высокомерия, гордыни, воинственности «тевтонов» и якобы свойственной им «неутолимой жажды крови». В действительности же речь шла о широко распространенном в эпоху Средневековья рыцарском обычае. С учетом описанных выше бесчеловечных методов ведения войны союзниками истолкование эпизода с двумя мечами в духе «ненасытной тевтонской кровожадности» не выдерживает никакой критики.

Существует также точка зрения, что герольды с мечами были присланы предводителям польско-литовского войска по инициативе поморских князей (без ведома Верховного магистра, хотя и от его имени). Кто знает...

После возвращения герольдов в орденское войско настало время битвы.

51. Кровавый бранный пир

Во второй половине дня стоявшие на левом крыле союзной армии литовцы и татары Витовта начали сражение. Их легкая конница на быстрых конях атаковала строй «тевтонов», стоявших, подобно железной стене. Атака была столь стремительной, что орденские пушкари и стрелки из ручных бомбард-«фистул», скорее всего, успели сделать только по одному выстрелу (а не по два, как утверждают некоторые источники). Однако вслед за пушечными ядрами и пулями в атакующих литовцев и татар полетел град болтов орденских арбалетчиков, прикрывавших бомбарды, и седла многих литовских коней опустели. Литвины и татары, в свою очередь, обстреливали орденских бойцов из своих сложносоставных луков, однако их стрелы причинили «тевтонам» сравнительно мало вреда, отскакивая от щитов и прочных доспехов воинов Девы Марии. Для рыцарей и конных воинов Тевтонского ордена начало битвы, после трудного ночного перехода и многочасового ожидания в раскалившихся от жары доспехах, стало своеобразным избавлением от мук. Четыре тысячи всадников маршала Валленроде, с копьями наперевес, контратаковали с такой «фурией», что даже растоптали часть собственных пушкарей и стрелков из арбалета.

Первое столкновение противников произошло на равнине между двумя холмами. Как будто два стальных дракона налетели друг на друга и сцепились в неистовой кровопролитной схватке. Хронисты повествуют о переломленных копьях, расколотых щитах, сверкающих под лучами солнца мечах, лязге доспехов под ударами и о далеко разносившемся шуме сражения. Вскоре земля покрылась убитыми и ранеными воинами и конями. Сражение распалось на множество поединков. Воины обеих армий сражались с невероятным упорством и отвагой. В первых рядах войска Витовта стояли воины, обладавшие самым лучшим вооружением и доспехами — бояре и дружинники. Но в скором времени они были уничтожены бронированной конницей ордена. Татары пытались вклиниться в бреши в рядах неприятельского строя или же ранить

вражеских коней в ноги, чтобы те упали вместе с всадниками (из чего явствует, что, по крайней мере, часть коней «тевтонов» и их союзников имела защитные доспехи). Однако сила удара «тевтонов» была столь сокрушительной, что первая линия войска Витовта буквально разлетелась в пух и прах. Удар приняла на себя вторая линия литовского войска, также начавшая прогибаться и приходить во все больший беспорядок под бешеным вражеским натиском, тем самым furor teutonicus, от которого во время оно, если верить Цезарю и Тациту, в ужасе содрогались даже бесстрашные сердца испытанных в боях ветеранов легионов Древнего Рима (любопытно, что Ян Длугош считал литовцев потомками...древних римлян, переселившихся некогда на берега Янтарного моря). В ближнем бою полностью сказалось преимущество «тевтонов» в защитном вооружении. После жаркого двухчасового боя литовские войска стали отступать. Напрасно их предводители пытались восстановить боевой порядок, чтобы сдержать неистовый напор «проклятых крыжаков». Началась паника, вся литовская часть союзной армии обратилась в бегство. Сражавшийся в первых рядах Великий князь Витовт тщетно пытался сдержать бегущие войска силой своего авторитета. Орденский контингент маршала Валленроде преследовал обратившихся в бегство литовцев. Часть беглецов была загнана в болота и реку Маранзе и перетоплена. Другая часть литовцев добежала до моста близ села Зеевальде, но мост обрушился под тяжестью беглецов, утонувших или передавивших друг друга. Часть беглецов через село Фаулен (по-польски: Ульново) добралась до дороги на Нейденбург и бежала, согласно «Истории» Длугоша, не останавливаясь, до самой Литвы, распространяя по дороге весть о великой победе Тевтонского ордена...

В это паническое бегство были вовлечены также чешские наемники Ягелло, однако польскому епископу Галича удалось их перехватить и остановить. Поток бегущих захватил и бившийся рядом польский отряд. Честь литовского войска, однако, спасли три русские хоругви, обычно именуемые «смоленскими» (на самом деле — Смоленская, Оршанская и Мстиславльская). Сохранив свой боевой порядок под натиском шести орденских «баннеров», русские витязи пробились к польской части войска и соединились с ним. Правда, за этот успешный прорыв им пришлось дорого заплатить — один из русских полков был поголовно истреблен «тевтонами» Валленроде.

Литовские историки, а с некоторых пор также идущий по их стопам уже упоминавшийся нами выше плагиатор А.Е. Тарас — странным образом, утверждающий во втором, исправленном (!) издании своей также уже упоминавшейся нами выше компиляции «Грюнвальд 15 июля 1410 года» о Вашем покорном слуге, что аз многогрешный, оказывается, «РОССИЙСКИЙ АВТОР, УКРЫВШИЙСЯ ПОД ПСЕВДОНИМОМ ВОЛЬ-

ФГАНГ АКУНОВ (ДУМАЮ, ЧТО НЕМЕЦКИЙ ПСЕВДОНИМ ОН ИЗБРАЛ ДАЛЕКО НЕ СЛУЧАЙНО)» — что нисколько не помешало пану Тарасу самым что ни на есть беспардонным образом воровать из давно уже изданных статей и книг этого самого «несуществующего» Вольфганга Акунова и помещать в собственную компилятивную книжку целые абзацы и главы, безо всяких ссылок и упоминания подлинного автора! — придерживаются мнения, что бегство войска Витовта было в действительности притворным и являлось военной хитростью (вроде казачьего «вентеря»), с целью заманить преследователей в ловушку и нанести им сокрушительный контрудар. Надо сказать, что эта военная хитрость не раз осуществлялась в период «тевтонских» набегов на Литву и ответных набегов литовцев на орденские владения. Особенно искусными в подобных притворных отступлениях с целью заманить противника в ловушку были татары (например, именно таким способом они разгромили русско-половецкое войско в битве на Калке в 1223 г., венгерское войско в битве на реке Сайо в 1241 г., объединенное польско-немецко-силезско-«тевтонско»-тамплиерско-иоаннитское войско в битве при Вальштатте в том же 1241 г. и войско князя Витовта на Ворскле в 1399 г.).

За несколько дней до битвы под Танненбергом польский староста Быдгоща, Януш из Бжозогловы, в районе Швеца успешно провел аналогичный маневр с ложным отступлением и контрударом из засады, взяв в результате в плен пятерых «братьев» Тевтонского ордена. Данный факт дает основание предполагать, что эта военная хитрость была известна не только татарам и литовцам, но и полякам. Однако представляется сомнительным, чтобы подобная тактика могла быть реально применена в условиях крупномасштабного полевого сражения со многими тысячами участников (да к тому же принадлежащих к разным народностям), с учетом всех связанных с этим элементов риска.

Не ясно, зачем Витовту было сперва позволять врагу в течение двух часов буквально перемалывать лучшие литовские отряды и лишь потом прибегнуть к военной хитрости. К тому же, если это действительно была военная хитрость, то почему упомянутые нами выше три русские («смоленские») хоругви не присоединились к (якобы заранее запланированному) общему ложному отступлению литовского войска, а остались на месте, чтобы потом, ценой потери трети своей живой силы в жестоком бою, пробиться на соединение с польским крылом союзного войска? Может, их забыли предупредить? Или сознательно отдали на заклание, «чтобы поглубже заманить тевтонских рыцарей и их союзников в ловушку»? К тому же весьма странным, в свете версии о преднамеренном бегстве ратей Витовта с целью заманить «тевтонов» в западню, представляется следующее обстоятельство. В бегство обратились как соседи трех русских хоругвей справа — литовцы и татары, так и их соседи слева — молдавские,

валашские и бессарабские конники Моновида (да и стоявшая еще левее наемная чешско-моравская конница). А русские (или, по А.Е. Тарасу, «белорусские») дружинники, наоборот, остались на месте, сдерживая напор «тевтонов» и тем самым мешая последним дать литовцам заманить себя в «вентерь» притворным отступлением, что ставило под вопрос не только успех, но и смысл всей задуманной — якобы! — Витовтом хитроумной стратагемы! Во все это верится с трудом, если не сказать — вообще не верится! А факт безостановочного бегства большей части литовского войска (разносившей на бегу весть о полном поражении союзников) до самой Литвы убедительно свидетельствует в пользу того, что бегство литовцев было не «ложным».

Другое дело, что «тевтоны» Валленроде допустили серьезную стратегическую ошибку, увлекшись преследованием бегущих литовцев (причем более легкое вооружение и, соответственно, большая быстрота литовцев и их союзников позволяли им убегать от тяжеловооруженных «проклятых крыжаков» гораздо быстрее, чем тем — преследовать «поганых язычников») хотя, как говорилось выше, среди воинов Витовта имелись и вооруженные не менее тяжело, чем отборные конники «проклятых крыжаков», число таких «кованых ратников» литовского князя было относительно невелико, и большинство их уже сложило головы в сече. Почему «тевтоны» — вопреки требованиям устава ордена! — позволили себе настолько увлечься преследованием литовцев, что фактически удалились с поля боя? Может быть, все дело в колоссальном психическом давлении, испытывавшемся «орденскими братьями» перед битвой и в ее начальной фазе, и в наступившей при виде бегущих литовцев «разрядке», заставившей «крыжаков» забыть все и вся, включая знаменитую орденскую дисциплину? А может быть, дело в гибели Верховного маршала фон Валленроде в ходе преследования литовцев (или еще в ходе предшествовавшего рукопашного боя — точный момент его гибели остался неизвестным) ? Потеряв в кровавой сече предводителя, «тевтоны» левого крыла орденской армии расстроили свой боевой порядок и прекратили преследования только тогда, когда перед ними не осталось больше ни одного бегущего литовца...

Тем временем Гохмейстеру Ульриху фон Юнгингену (в центре) и Великому комтуру Куно фон Лихтенштейну (на правом крыле) пришлось иметь дело со значительно превосходящей их силы в численном отношении польской частью союзного войска.

Поляки спели свою старинную боевую песню «Богородица» (как на грех, в честь покровительницы Тевтонского ордена Девы Марии!) и двинулись в бой. Первая боевая линия («чельный гуф») польского войска состоял из королевских войск, а также краковских и малопольских отрядов. Ульрих фон Юнгинген противопоставил польскому натиску правое крыло

орденского войска под командованием Великого комтура. Отражавшие польское наступление орденские рыцари из Эльбинга и Диршау, а также наемные конные лучники под командованием Кристофа фон Герсдорфа спешились и дрались с конными поляками в пешем строю (как англичане бились с французскими рыцарями в битвах при Креси, Пуатье и Азенкуре). Пока войска Лихтенштейна сдерживали польский натиск, сам Гохмейстер, во главе Мариенбургского конвента, возглавил контратаку центра орденского войска, выстроенного «клином».

«Нас было мало, слишком мало.
От толп врагов темнела даль.
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь!»,

как писал казачий поэт Николай Туроверов (правда, в иное время и по иному поводу).

Четыре тысячи закованных в сталь рыцарей и рейзигов на мощных боевых конях обрушились на «чельный гуф» поляков вниз по склону холма. Земля задрожала под копытами. Острия копий, обнаженные мечи, шлемы и латы сверкали на солнце. Столкновение «тевтонов» с поляками было ужасным. Опять полетели осколки бесчисленных сломанных копий, опять залязгали мечи о латы, закричали от боли раненые и умирающие. Все это слилось в невообразимую какофонию (или наоборот — оглушительную музыку боя), слышную далеко окрест. Гохмейстер прорвал первую боевую линию польского войска, развернулся в тылу у поляков и атаковал их повторно, на этот раз — с тыла. Он снова прорвал польский строй, оставив за собой кровавый след, однако поляки второй линии («вального гуфа») своевременно заполнили бреши, пробитые магистром в первой польской линии. Магистр снова развернулся и — вот уже в третий раз! — прорвал неприятельские боевые порядки. Этот третий по счету (за три часа жаркой сечи!) прорыв, казалось, должен был окончательно закрепить успех предводителя войска Тевтонского ордена. В этот момент пало главное знамя польского войска — «Большая Краковская хоругвь» с белым орлом в золотой короне на красном поле (которую Длугош неточно именует «большим знаменем польского короля Владислава»; в действительности это главное войсковое знамя всей польской армии отличалось от знамени короля Владислава Ягелло, находившегося при особе короля, пребывавшего вне боя, в глубоком тылу своей сражающейся армии, несколько большими размерами и наличием трех косиц вместо двух, которыми оканчивалось королевское знамя). Вероятно, комтуру шлохаускому, Арнольду фон Бадену, удалось захватить эту хоругвь, сразив возившего ее в бою польского рыцаря Марцина (Мартина) из Вроцимовиц и разметав охрану

знамени — цвет Краковской «хоругви» польского войска. Вот имена восьмерых краковских рыцарей, охранявших главное знамя польского войска:

1) Флориан из Корытниц герба («гербового братства») Елита;
2) Завиша Чарный из Гарбова герба Сулима («Сулимчик») ;
3) Ясько из Тарговиска герба Лис;
4) Станислав из Чарбиновиц герба Сулима;
5) Скарбек из Горы герба Габданк (Абданк) ;
6) Злодзей из Бискупиц герба Несоба;
7) Ян Варщовский герба Наленч;
8) Домрат из Кобылян герба Гжимала.

В своем романе «Крестоносцы» Генрик Сенкевич, в силу известных только ему причин, пишет, что Большая Краковская хоругвь пала из-за того, что какой-то «тевтон», вышибленный из седла, ухитрился подползти под коня польского хоругвеносца и распороть коню брюхо ножом. Этот эпизод с коварным и подлым, исподтишка, ударом ножом в брюхо лошади знаменосца (перекочевавший из романа Сенкевича даже в исторические исследования и учебники) является целиком и полностью вымыслом польского романиста, ибо ни Ян Длугош, ни другие хронисты о нем не упоминают. Наоборот, в «Истории» Длугоша написано черным по белому: «Между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом, которое нес Марцин из Вроцимовиц, хорунжий краковский, рыцарь герба Полукозы, под вражеским натиском рушится на землю».

То, что «тевтонским» бойцам удалось — пусть и ненадолго — завладеть столь хорошо охраняемым главным знаменем польского войска, является лишним свидетельством крайне ожесточенного характера сражения. После падения главного польского знамени в рядах орденского войска раздались ликующие крики. «Тевтоны» грянули победную песнь своего ордена «Христос воскресе!». Польские ряды пришли в замешательство. Ведь Большая Краковская хоругвь по внешнему виду не отличалась от знамени короля Владислава Ягелло (отличаясь от королевского знамени лишь несколько большими размерами). Поэтому падение Большой Краковской хоругви было воспринято многими поляками (и «тевтонами») как падение королевского знамени (а это могло означать и гибель короля Владислава от рук «проклятых крыжаков»). По полю боя стали разноситься слухи, что король Польши убит.

Однако предводитель польского войска Зындрам из Машковиц мгновенно среагировал на случившееся. Для стабилизации заколебавшихся рядов польского «чельного гуфа» он осмотрительно использовал резервы из второй линии королевского войска. Великий князь Витовт

умолил короля Владислава Ягелло, по-прежнему пребывавшего в глубоком тылу, показаться наконец своему изнемогавшему под натиском «крыжаков» войску. Поддавшись на уговоры Витовта, король Владислав, окруженный сильным отрядом телохранителей под командованием князя Александра Плоцкого, расположился на вершине холма — все еще в тылу польской армии, но на виду у своих воинов. Удостоившись, наконец, лицезреть своего короля, польские витязи снова воспрянули духом, и битва разгорелась с новой силой. Братья ордена, едва успев захватить главное знамя польского войска, вынуждены были бросить его, чтобы отразить возобновившиеся польские атаки.

Вслед за тем по приказу короля Владислава Ягелло в бой на обеих флангах польского войска были введены резервы, взятые из третьей линии («отвального гуфа»). Напряжение битвы все нарастало. На центр орденского войска обрушилась гигантская масса, под натиском которой «тевтонам» было все труднее удерживать фронт. Вокруг правого крыла «тевтонов», как рои быстро жалящих «ос, жала которых — стальные, и не ломаются в ране», неустанно кружились отряды татарских конных лучников на маленьких, увертливых лошадках. Многочасовой непрерывный бой означал огромную физическую нагрузку. Поскольку орденское войско уступало неприятельскому в численности, Верховный магистр не имел возможности хотя бы на время выводить часть своих войск из боя, заменяя ее свежими, отдохнувшими отрядами. Постепенно союзники все дальше оттесняли орденское войско, вынужденное вложить почти всю свою силу в первый удар, на обоих флангах. Голодные, усталые и вымотанные ночным маршем, «тевтонские» войска, одержав победу над первым польским «гуфом», наткнулись на свежие и сытые польские резервы, вступившими в бой с утомленными «тевтонами», которым палящее солнце светило прямо в лицо. Превосходящим польским силам удалось оттеснить слабый орденский отряд, дислоцированный севернее деревни Танненберг, и захватить саму деревню. Другое крыло орденского войска, дислоцированное на берегу реки Земниц, также шаг за шагом оттеснялось поляками. Воины обеих армий дрались геройски, однако становилось все яснее, что союзники, обойдя орденское войско — теперь уже с трех сторон! — все туже сжимают вокруг него кольцо окружения.

К вечеру на поле сражения возвратились утратившие боевой порядок, нагруженные трофеями (они успели, между делом, разграбить «вагенбург» литовского войска), войска погибшего при преследовании литовцев маршала Валленроде. Уверенные в полной победе армии ордена над войском Ягелло и Витовта, они слишком поздно прекратили преследовать бегущих литовцев и, лишенные энергичного руководства, были на обратном пути частично перехвачены польскими войсками. Те же бойцы левого крыла

«тевтонской» армии, которые благополучно возвратились на поле боя, снова вступили в бой. Однако их усилий оказалось недостаточно для того, чтобы переломить ход сражения.

Военное счастье отвернулось от Тевтонского ордена. Боевой порядок его войска был окончательно расстроен. Тысячи лучших рыцарей и воинов пали в многочасовом сражении. Некоторые «хоругви» продолжали биться без предводителей. Армия пришла в полный беспорядок. В сложившейся ситуации некоторые комтуры стали уговаривать Верховного магистра бежать с поля боя (или, по крайней мере, возглавить отвод войск). На это Ульрих фон Юнгинген возразил:

«Das soll, so Gott will, nicht geschehen, denn wo so mancher braver Ritter neben mir gefallen ist, will ich nicht aus dem Felde reiten»

(«Этого, по воле Божией, не произойдет, ибо я не ускачу с поля, на котором рядом со мной пало так много бравых рыцарей»).

Согласно другой версии, Гохмейстер сказал: «Не дай Бог мне бежать с этого поля, на котором пало так много храбрых мужей, не дай Бог!».

Решение Верховного магистра лично возглавить последнюю атаку, возможно, было наилучшим в сложившейся ситуации, в которой у поляков, как казалось магистру, больше не оставалось резервов. Решение начать отступать через лесистую местность, будучи преследуемым численно превосходящим неприятелем, на усталых конях, могло привести к полному хаосу и окончательной катастрофе. Противники ордена были также предельно истощены многочасовым сражением. Поэтому Гохмейстер вполне мог рассматривать последнюю, отчаянную атаку, в качестве оптимального варианта добиться успеха в последние минуты битвы.

Правда, существует и еще одно объяснение. Гохмейстер, которому грозила слепота, предпочел погибнуть в бою, подобно бывшему королю Чехии и императору «Священной Римской империи (германской нации) » Иоанну (Яну) Люксембургскому (отцу упоминавшихся выше королей Венцеля Чешского и Сигизмунда Венгерского), который, ослепнув, погиб в битве при Креси в 1346 году, сражаясь в ней простым рыцарем, во главе небольшого «копья», в рядах французов против англичан. Однако это предположение представляется нам чересчур «романтическим».

Магистр призвал к себе последний резерв войска Тевтонского ордена — 2000 рыцарей и конных воинов Кульмской земли, ожидавших вступления в бой в районе деревни Грюнфельде. Вокруг этого «ядра» были собраны все отряды, еще сохранившие боеспособность. Гохмейстер, лично возглавив этот «последний батальон», обогнул поле боя, заполненное яростно рубящимися бойцами обеих армий и провел свою штурмовую колонну слева мимо деревни Танненберг. Вероятно, он намеревался, совершив этот обходный маневр, добраться до ставки польского

короля и таким образом добиться победы. Вероятно, так оно и было — иначе Ягелло не приказал бы своему знаменосцу спешно спустить королевское знамя. Кроме того, можно предположить, что Ульрих фон Юнгинген надеялся собрать в этой части поля боя остатки возвращавшихся войск маршала Валленроде и усилить ими свой ударный отряд. Удар колонны Гохмейстера ошеломил польские отряды. Они поначалу подумали, что литовские беглецы вернулись и снова вступили в бой. Именно этим, вероятно, объясняются крики поляков (введенных в заблуждение еще и тем, что многие «тевтоны» были вооружены не тяжелыми рыцарскими копьями и традиционными западноевропейскими щитами, а легкими литовскими сулицами и упоминавшимися выше литовскими павезами, то есть заимствованными у пруссов и литовцев облегченными щитами характерной формы с выступающим продольным ребром) : «Литва возвращается!». На самом деле «Литва» отнюдь не «возвращалась», а продолжала улепетывать к родным пенатам. Однако в самый разгар этой последней атаки знаменосец-«баннерфюрер» светских рыцарей — вассалов ордена — из Кульмской земли, Николаус (Никель, Нитце) фон Реннис (являвшийся «по совместительству» главой «Союза Ящериц»), совершил акт измены, опустив знамя своей «хоругви» и подав тем самым сигнал к отступлению. Сам он, вместе с частью кульмских рыцарей, оруженосцев и воинов, не вступив в бой с врагом, трусливо (а вероятнее всего — даже не трусливо, а предательски) бежал с поля сражения. Прочие рыцари и воины, увидев сигнал к отступлению, смешались и также обратились в бегство.

По каким-то причинам, об этом прискорбном для ордена Девы Марии и позорным для его кульмских вассалов эпизоде не пишут ни Ян Длугош, ни Генрик Сенкевич, ни Е.А. Разин, ни А.А. Строков, ни многие другие.

Невзирая на всеобщее смятение, Гохмейстер попытался придать последней атаке «тевтонов», обреченной на неудачу, новый импульс, вступив в единоборство с польским рыцарем Добеславом (Добко) Олесницким (от копья которого и пал — правда, по одной из наименее распространенных версий). По Длугошу, Добко побоялся напасть на магистра, увидев на груди у того поверх лат золотой ковчежец со святыми мощами (или с частицей Животворящего Креста Господня), и отступил, после того, как магистр ранил копьем его коня (эту версию в несколько измененном варианте повторяет и Сенкевич в «Крестоносцах»). Какое-то время казалось, что последний удар рыцарей Девы Марии увенчается успехом. Увидев в ходе боя польского короля, тевтонский рыцарь Дибольд фон Кёкериц (у Длугоша и Сенкевича — Дипольд Кикериц фон Дибер) бросился на Владислава Ягелло с копьем наперевес. Однако этот храбрый рыцарь (являвшийся по происхождению то ли мейссенским немцем, то ли лужицким сорбом, то есть славянином — Длугош приводит обе версии) был сбит

с коня королевским писцом Збигневом Олесницким (напавшим на него сбоку) и добит королевскими телохранителями (в романе Сенкевича «Крестоносцы» Дибольд фон Кикериц был сражен ударом копья в лоб, нанесенным ему собственноручно королем Владиславом Ягелло).

Почти одновременно с этим происшествием на поле боя и впрямь снова появились литовские войска. Великому князю Витовту и его воеводам с неимоверными усилиями удалось-таки собрать какую-то часть разбежавшихся литовцев и повторно бросить их в бой. Они обрушились на «тевтонов» из болот и лесных чащоб. Маленький отряд, сомкнувший щиты вокруг Гохмейстера, был окружен и, в конце концов, истреблен до последнего человека. Разгоревшийся вокруг Гохмейстера последний бой, бой не на жизнь, а на смерть, был поистине страшен. Копья были сломаны, в ход пошли мечи, топоры, клевцы-чеканы, перначи-шестоперы, кинжалы и ножи. Ульрих фон Юнгинген, бросившийся в самую гущу боя, был поражен двумя метательными снарядами (по Яну Длугошу — в грудь и в лоб, по Генрику Сенкевичу — сулицей в рот, по Е.А Разину — рогатиной в шею — в любом случае, с него был предварительно сбит шлем, как это изображено и на картине Яна Матейко «Битва при Грюнвальде»), сброшен с коня и убит, как и все его соратники, заплатившие жизнью за верность своему господину и предводителю.

На предполагаемом месте гибели Ульриха фон Юнгингена, с большим опозданием (в 1901 г.) прусским правительством был установлен памятник в виде неотесанной каменной глыбы. Высеченная на символическом надгробном камне надпись прославляла Гохмейстера, павшего смертью героя. В 1945 г. польские власти распорядились перевернуть надгробный камень надписью книзу. В этом положении лежит он на Грюнвальдском поле до сих пор, через шестьсот лет после битвы...

> «Но Пречистая, конечно, заступилась за него
> И впустила в царство вечно паладина своего»,

как писал, правда в другое время и по другому поводу, в своей балладе Александр Сергеевич Пушкин.

На знаменитом батальном полотне кисти Яна Матейко некий литовский (?) воин в красном капюшоне заносит над Гохмейстером «тевтонов» топор палача, а другой наносит Верховному магистру ордена Девы Марии смертельный удар Святым копьем (которым, по преданию, римский сотник Лонгин пронзил на Голгофе ребро распятого Иисуса). Копия этого копья была подарена римско-германским императором Оттоном III своему вассалу, упоминавшемуся в начале нашей миниатюры польскому князю, а впоследствии — королю Польши Болеславу Храброму, и с тех пор хранилась в Краковском королевском замке, пока, якобы, неким чудесным образом не попала в руки одному из польских или литовских воинов в битве при

Танненберге — только этим Святым копьем он смог сразить Гохмейстера «тевтонов», неуязвимого для всякого иного оружия благодаря ковчежцу со святыми мощами (или частицей Голгофского Креста), который тот носил поверх доспехов. Так, во всяком случае, гласит легенда...

После гибели Верховного магистра (согласно еще одной версии, Гохмейстера то ли убил, то ли добил татарин Багардин, или Баха-эд-Дин — то ли сын хана Джелал-эд-Дина, то ли предводитель литовских служилых татар) организованное сопротивление «тевтонов» и их союзников фактически прекратилось. Венгерский рыцарь Дьёрдь (Георгий) Керцдорф, который в орденском войске нес хоругвь Святого Георгия, предпочтя «лучше честно сдаться в плен, чем постыдно бежать» (Длугош), вместе с сорока уцелевшими в битве соратниками, сдался плен и сдал хоругвь полякам. Мало того! Знамя Гохмейстера было брошено знаменосцем на землю еще до того, как к нему пробился противник. Некоторые отряды «тевтонов» бежали с поля боя. Другие части орденского войска с боем отступили через район Грюнфельде до деревни Фрогенау (по-польски: Фрагново), укрывшись в собственном лагере. Комтур Бальги граф Фридрих фон Цоллерн приказал спешно окружить лагерь укреплением из повозок («вагенбургом» или «табором») и дать союзникам последний бой. Однако численное превосходство последних было подавляющим. Они обошли защитников лагеря. Бой длился до позднего вечера, пока последние бойцы Тевтонского ордена (и в их числе — сам Фридрих фон Цоллерн) не были вынуждены с наступлением темноты искать спасения в бегстве.

52. Торжество победителей

Поляки и литовцы, утомленные и истощенные многочасовым сражением не меньше своих противников, не слишком долго преследовали остатки разгромленного орденского войска. «Тевтонский» лагерь был захвачен, сотни повозок с провиантом, напитками и множеством всякого добра попали в руки победителей. Ягелло, следовавший за своими войсками, сошел с коня в захваченном вражеском стане, преклонил колена и вознес Богу хвалу за победу. Правда, польский король приказал разбить найденные в неприятельском стане винные бочки, вылив их содержимое на землю, однако выполнить его приказ в полной мере не удалось. Победоносные поляки, литовцы и их союзники грабили и шумно праздновали одержанную победу у разведенных ими многочисленных костров, черпая, по Длугошу, вино из бочек чем угодно — шлемами, перчатками и даже сапогами. Убедившись в тщетности попыток помешать «банкету», Ягелло и Витовт приказали доставить из своих лагерей съестные припасы, раздав их своим победоносным войскам. Как говорится, «раз пошла такая пьянка, режь последний огурец...»

Сам Ягелло, ошеломленный великой победой, в достижении которой он почти не принимал участия, предоставил Витовту и другим полководцам заниматься военными вопросами, всецело посвятив себя благодарственным молитвам. В его походной часовне на поле боя была отслужена торжественная месса. После мессы король повелел отыскать среди груд мертвых тел труп Верховного магистра. Согласно неоднократно упоминавшемуся и цитировавшемуся нами польскому хронисту Яну Длугошу, некий Юрга, слуга рыцаря Мщуя из Скшинна, нашел тело Ульриха фон Юнгингена. Подобно телам других «гебитигеров» и полководцев ордена Девы Марии, оно было принесено к шатру короля Польши и выставлено там в качестве трофея на обозрение победителей. Перед лицом вельмож и войска Ягелло возблагодарил Господа за то, что Тот покарал его рукой гордыню и высокомерие Тевтонского ордена. Но, невзирая ни на что, он решил воздать почет павшим героям и доставить тела павших «гроссгебитигеров» в орденскую

столицу Мариенбург. Тем не менее, мертвые тела до наступления ночи оставались выставленными на всеобщее обозрение. На праздничный пир по случаю великой победы Ягелло явился в полном вооружении, в окружении польских князей, литовских бояр и предводителей союзников. Перед ним торжественно пронесли захваченные хоругви и прапорцы отрядов Тевтонского ордена, вассалов и союзников «тевтонов».

Документально подтвержден захват союзниками: Большого и Малого знамени (баннера, хоругви) Верховного магистра; баннеров Великого комтура, Верховного маршала, Верховного казначея и Верховного ризничего; баннеров комтурий Бальги, Грауденца, Кульма, Шёнзее, Альтгауза (Старограда Хелминского), Тухеля, Нессау (Нешавы), Эльбинга, Энгельсбурга (у Длугоша ошибочно: Энгельсберга), Страсбурга, Шлохау, Остероде, Рагнита, Бранденбурга, Данцига (Гданьска) ; знамен фогтств (орденских наместничеств, меньших по размеру, чем комтурства-комтурии) Роггенгаузен (Рогозьно), Брат (т) иан (Брацян), Леске, Диршау; знамен городов Кульма, Кёнигсберга, Эльбинга, Бр (а) унсберга, Бартенштейна, Алленштейна, Данцига, Гейлигенбейля (Свенты Секирки), Гейльсберга, Торна; хоругви (баннера) Святого Георгия военных гостей ордена; знамени епископа Помезании (западной Померании) ; баннеров князей Щецинского и Олесницкого. Большинство из этих, по выражению Длугоша, прусских хоругвей (лат.: Banderia Prutenorum) было не захвачено в бою и не вручено побежденными победителям, а найдено на поле битвы рядом с телами знаменосцев, подобрано и торжественно пронесено перед польским королем и его вельможами.

Главным орденским знаменем, украшенным образом Пречистой Девы Марии с Богомладенцем Иисусом на руках и гербом тевтонского братства, победителям, как уже говорилось выше, завладеть не удалось...

Король Владислав II Ягелло повелел отправить баннер епископа Помезании, украшенный изображением евангелиста Иоанна (в образе орла), как символ одержанной победы в краковский королевский замок. Прочие хоругви он приказал водрузить вокруг своей походной часовни, а впоследствии — также доставить их в Краков на вечное хранение в часовне Святого Станислава, небесного патрона Польши.

Великий князь Литовский Александр-Витовт был против, ибо хотел получить часть трофейных знамен в знак признания своего решающего вклада в общую победу над орденом. Окончательное решение судьбы трофейных орденских хоругвей и места их хранения в будущем было отложено на неопределенный срок. Согласно предварительной договоренности, их решили выставить на всеобщее обозрение во всех крупных городах польско-литовской унии.

Весной и летом 1411 г. Ягелло и Витовт совместно объехали свою союзную державу, повсюду демонстрируя трофейные баннеры. 25 ноября

1411 г. прусские баннеры (или, по-латыни, бандеры, banderia) украсили собой стены часовни Святого Станислава — храме королевского замка Вавель в Кракове. Там они провисели, по крайней мере, до 1603 г., что засвидетельствовано многочисленными очевидцами. Вероятнее всего, трофейные знамена были похищены в 1655 г. солдатами шведского короля, взявшими и разграбившими Краков в ходе одной из польско-шведских войн (описанной в эпическом романе Генрика Сенкевича «Потоп»).

Впоследствии поляки, однако, изготовили копии пропавших орденских хоругвей и хранили их в Кракове. В 1939 г., после разгрома Польши гитлеровской Германией, нацистские власти распорядились торжественно перенести шестнадцать уцелевших копий «прусских бандер» из Кракова в Мариенбург. В честь этого события было даже произведено спецгашение почтовых конвертов. Штемпель представлял собой изображение тевтонского рыцаря в сфероконическом шлеме с бармицей на фоне щита с орденским крестом и надписи «Возврат хоругвей Тевтонского рыцарского ордена» (хотя в Средние века орден Девы Марии «рыцарским» официально не назывался; это прилагательное было добавлено к названию ордена только в эпоху Габсбургов). В 1945 г. копии орденских знамен исчезли теперь уже из Мариенбургского замка. Пришлось полякам изготовить очередные копии, с тех пор хранящиеся в краковском Вавеле.

Еще при жизни Яна Длугоша польский хронист заказал художнику Станиславу Дуринку каталог захваченных поляками под Танненбергом (и в некоторых последующих битвах с войсками ордена Девы Марии) знамен, изображенных Дуринком в цвете. Этот каталог, под названием «Прусские хоругви» (Banderia Prutenorum), сохранился до наших дней. Следует заметить, что цветные изображения некоторых прусских баннеров, содержащиеся в нем, не соответствуют их словесному описанию Длугошем в «Истории Польши». В число торжественно демонстрируемых победителями трофеев входили также длинные бороды павших братьев Тевтонского ордена (которые они были обязаны носить по уставу), срезанные с подбородков убитых вместе с кожей и нижней губой.

Мимо польского короля было проведено несколько тысяч пленных (по Длугошу, в плен было взято сорок тысяч воинов, «гостей», союзников и наемников ордена, что, конечно, является непомерным преувеличением).

Согласно Длугошу, король Польши предварительно велел разделить пленников на отряды по признаку происхождения: отдельно — членов Тевтонского ордена (рыцарей-монахов и воинов-монахов), отдельно — светских кульмских рыцарей, отдельно — светских прусских рыцарей,отдельно — ополченцев прусских городов, отдельно — крестоносцев из германских земель (австрийцев, баварцев, вестфальцев, мейссенцев, рейнландцев, швабов, тюрингенцев, саксонцев, фризов, франконцев, швейцарцев), отдельно — славянских союзников ордена Девы

Марии — чехов, силезцев, сорбов-лужичан (сражавшихся и на той, и на другой стороне), щецинцев, поморян (померанцев), кашубов и т.д.

Большинство пленников — разумеется, простых, незнатных рыцарей и воинов, за которых нельзя было получить большого выкупа, отпустили на свободу, после принесения ими торжественной клятвы добровольно возвратиться в плен в День Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии (11 ноября), если война с Тевтонским орденом к тому времени еще не закончится.

Это благодеяние Ягелло было продиктовано не только его безмерным христианским милосердием и благочестием, но и трезвым политическим расчетом. Ведь отпущенные на свободу пленники непременно разнесли бы повсюду весть о поражении ордена Девы Марии. Польские князья Казимир Шецинский и Конрад Олесницкий (захваченный в плен, если верить Сенкевичу, самим Яном Жижкой из Троцнова — хотя Длугош ничего об этом не сообщает!), предводитель рыцарей — военных гостей ордена — венгр Дьёрдь (Георг) Керцдорф, предводители наемников Кристоф (Христофор) фон Герсдорф, Николаус (Никкель) фон Коттвиц и чех Вацлав Дунин (Венцель фон Дона), другие знатные рыцари и немногочисленные пленные орденские братья отпущены на свободу не были. Они остались в плену в ожидании внесения за них немалого выкупа.

Только за освобождение своих польских союзников — князей Казимира Щецинского и Конрада Олесницкого — Тевтонскому ордену пришлось заплатить победителям выкуп в размере трех миллионов имперских марок золотом, в ценах тридцатых гг. XX в. (в сегодняшних ценах сумма выкупа выглядела бы еще более впечатляющей). Трех взятых в плен «братьев-рыцарей» ордена Девы Марии победители предали казни. Один из казненных — комтур Бранденбурга Марквард фон Зальцбах (эксперт ордена по литовским вопросам) и бывший близкий друг Великого князя Литовского Витовта (в период военно-политического союза последнего с орденом Девы Марии) принял участие в последней атаке Верховного магистра Ульриха фон Юнгингена, был ранен в схватке и найден без сознания на поле боя польским рыцарем Иоанном (Яном) Длугошем (отцом и тезкой неоднократно упоминавшегося и цитировавшегося нами польского хрониста). Приведенный к Витовту, Марквард заявил тому, что Великий князь заплатил Тевтонскому ордену за оказанные благодеяния черной неблагодарностью и изменой. За эти дерзкие слова он заплатил головой. По приказу Витовта, татары увели безоружного пленного комтура в поле спелой ржи и обезглавили без долгих разговоров. Согласно Яну Длугошу (младшему), Марквард заслужил свою тяжкую участь своими невыносимыми высокомерием и дерзостью.

Генрик Сенкевич намекает в «Крестоносцах», что Марквард поплатился за то, что был якобы причастен к отравлению (или удушению) «щенков»

(детей) Витовта (не уточняя, где и когда было совершено столь тяжкое преступление), хотя на тех же самых страницах своего средневекового триллера обвиняет в этом злодеянии другого комтура ордена Девы Марии — Шомберга (у Длугоша — Шумберга), также казненного по приказу Витовта после битвы при Танненберге.

Число «братьев» Тевтонского ордена, включая «гроссгебитигеров», павших в битве при Танненберге, составляет максимум двести двадцать человек (при этом историки до сих пор спорят, следует ли понимать под «братьями ордена» только «братьев-рыцарей», или также «братьев-сариантов», или сержантов, также являвшихся полноправными членами ордена, хотя и не рыцарского звания). Кроме того, в кровавом сражении пали около четырехсот светских рыцарей (вассалов ордена, его «военных гостей» и наемников), а также до восьми тысяч воинов не рыцарского звания (Длугош, со свойственной не только ему, но и всем средневековым хронистам склонностью к преувеличениям, оценивает потери ордена в пятьдесят тысяч человек).

Потери союзного польско-литовского войска убитыми составили в общей сложности двенадцать воевод рыцарского звания (у Длугоша: знатных рыцарей) и пять тысяч рыцарей и воинов. Павшие рыцари обеих армий были удостоены христианского погребения. Католические священники союзной армии отпели и погребли их вместе, так, как они лежали на поле брани, в общей братской могиле. Павших православных (например, русских князей и их дружинников), надо думать, отпели по православному обряду имевшиеся в их отрядах православные священники (но правоверный католик Длугош ничего об этом не сообщает). Безымянные незнатные воины всех племен и народов, павшие при Танненберге, были захоронены много позднее, уже после ухода победоносного союзного войска, местными жителями, опасавшимися возникновения эпидемии, как говорится, без креста и молитвы. Перед захоронением мертвецы были, как водится, ограблены мародерами, причем наверняка тех, кто еще был «скорее жив, чем мертв», или «скорее мертв, чем жив», добили, чтоб не мучились...

Так завершилась одна из величайших и кровопролитнейших битв жестокого Средневековья. Сокрушительное военное поражение Тевтонского ордена объяснялось целым рядом причин. Верховному магистру не удалось собрать все военные силы вверенного ему Богом и Пресвятой Девой Марией ордена в единый сокрушительный кулак. Пять тысяч «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов (кнехтов), выделенных, все-таки, в конце концов, ливонским филиалом ордена в помощь «старшему брату», находились все еще в пути и не поспели к месту битвы. От двух до трех тысяч «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов были разбросаны по приграничным областям Пруссии в ожидании вторжений литовцев

с востока. Семь тысяч навербованных в Германии и в других странах наемников также опоздали к началу битвы. Две тысячи «братьев-рыцарей», «братьев-сариантов» и воинов под командованием комтура Генриха Рейс(с)а фон Плауэна (будущего Верховного магистра и спасителя Мариенбурга), по приказу Ульриха фон Юнгингена, пребывали в бездействии в районе Швеца, хотя их тамошней позиции в действительности ничто не угрожало. Если бы Гохмейстеру фон Юнгингену удалось вывести в поле под Танненбергом все наличные военные силы ордена, он вполне мог бы одержать победу над Ягелло и Витовтом. Однако решение Верховного магистра принять бой, несмотря на недостаточность своих сил и превосходство противника, можно понять, с учетом бесчеловечного и провокационного способа ведения войны поляками и литовцами. Разумеется, решение Ульриха фон Юнгингена вступить в сражение, несмотря на крайнюю усталость своих войск после тяжелого ночного перехода, противоречит не только всем азам военного искусства, но и и всем правилам элементарной логики. Понять его можно, лишь приняв во внимание трагедию Гильгенбурга. В Писании сказано: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Впрочем, несмотря на все эти слабые места, у Гохмейстера, после того, как маршал Валленроде обратил литовцев в бегство, еще имелся реальный шанс на победу, если бы только... Если бы только войска маршала своевременно прекратили преследование литовских беглецов, обратились вспять, и «тевтоны» всеми силами обрушились на польское крыло союзного войска. Но войска Валленроде увлеклись преследованием, и все большая физическая нагрузка, испытываемая орденскими войсками под напором превосходящими их численно на 30% польско-литовских войск, не могла не привести «тевтонов» к неминуемому поражению.

Тевтонскому ордену и ранее приходилось нести тяжелые поражения, однако до 1410 г. ему всякий раз удавалось оправиться от них, восстановить и даже приумножить свои силы. Но битва при Танненберге воистину ознаменовала собой начало конца господства Тевтонского ордена в Пруссии. Вполне возможно, что «тевтоны» потеряли бы Пруссию уже в 1410 г., если бы не их последний герой — комтур Швеца Генрих Рейсс фон Плауэн, которому удалось спасти Мариенбург-на-Ногате и, став новым Гохмейстером, заключить с Ягелло и Витовтом гораздо более выгодный для ордена мир, чем можно было бы ожидать. Впрочем, это уже другая история...

Список «гебитигеров», комтуров, фогтов (наместников) и гаузкомтуров Тевтонского ордена Девы Марии, павших в битве при Танненберге, казненных в плену и уцелевших как в битве, так и после битвы:

А. Пали в битве:

1) Верховный магистр Ульрих фон Юнгинген (1407–1410)

2) Великий комтур Куно фон Лихтенштейн (1404–1410)

3) Маршал и комтур Кёнигсберга Фридрих фон Валленроде (1407–1410)

4) Казначей Томас фон Мергейм (1407–1410)

5) Ризничий и комтур Христбурга граф Альбрехт фон Шварцбург (1404–1410)

6) Комтур Грауденца Вильгельм фон Гельфенштейн (1404–1410)

7) Комтур Шёнзее Николай (Николаус) фон Вильц (1399–1410)

8) Комтур Альтгауза Эбергард фон Иппенбург (1409–1410)

9) Комтур Тухеля Генрих фон Швельборн (1404–1410)

10) Комтур Нессау Готтфрид фон Гатцфельд (1407–1410)

11) Комтур Энгельсбурга Буркхард фон Вобеке (1403–1410)

12) Комтур Страсбурга Балдуин Шталь (1409–1410)

13) Комтур Шлохау Арнольд фон Баден (1404–1410)

14) Комтур Торна граф Иоганнес (Иоанн) фон Зайн (1404–1410)

15) Комтур Мёве Сегемунт фон Рамунген (1497–1410)

16) Комтур Остероде Гамрат фон Пинценау (1407–1410)

17) Фогт Роггенгаузена Фридрих фон Венден (1497–1410)

18) Фогт Брат (т) иана Иоганнес (Иоанн) Редерн (1407–1410)

19) Фогт Леске Конрад фон Кунзек (1407–1410)

20) Фогт Диршау Матиас (Матвей) фон Беберн (1402–1410)

21) Гаузкомтур Кёнигсберга Ганнус фон Гейдек (?-1410)

22) Гаузкомтур Эльбинга Ульрих фон Штоффельн (?-1410)

23) Гаузкомтур Торна Иоганнес (Иоанн) фон Мерсе (?-1410)

Б. Были казнены в плену:

1) Комтур Бранденбурга Марквард фон Зальцбах (1402–1410)

2) Фогт Самогитии (Жемайте, Жмуди) Генрих Шёнбург, известный также как Шомберг и Шаумбург (1402–1410)

3) Компан (кумпан, компаньон, т.е. буквально «подмастерье», «товарищ», но в данном случае — адъютант, помощник) Гохмейстера Юрге (н) Маршалк (1402–1410)

В. Уцелели в битве и после битвы:

1) Великий госпитальер и комтур Эльбинга Вернер фон Теттинген (1404–1410)

2) Комтур Бальги граф Фридрих фон Цоллерн (1410–1412)

3) Комтур Данцига Иоганнес (Иоанн) фон Шёнфельд (1407–1410).

53. Мариенбургская страда

Итак, 15 июля 1410 г. объединенное войско польского короля Владислава II Ягелло и его двоюродного брата, Великого Князя Литовского Александра-Витовта, наголову разгромило армию военно-монашеского Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в битве при Танненберге. В сражении пали почти все высшие должностные лица ордена, включая самого главу этого духовно-рыцарского братства — Гохмейстера Ульриха фон Юнгингена. На предполагаемом месте его гибели с большим опозданием (в 1901 г.) прусским правительством был установлен памятник в виде необтесанной каменной глыбы. Высеченная на камне надпись прославляла Гохмейстера, павшего смертью героя. В 1945 г. польские власти распорядились перевернуть надгробный камень надписью книзу. В этом положении он лежит на Грюнвальдском поле до сих пор, через 600 лет после битвы...

Однако битва при Танненберге еще не означала окончания Великой войны Польши и Литвы с орденом Приснодевы Марии.

Сокрушительный разгром армии Тевтонского ордена и его союзников при Танненберге произвел ошеломляющее впечатление на весь христианский мир. Известие о поражении «тевтонов» вызвало в прусском государстве ордена, Германии и всей Европе страх и ужас. Ему долго отказывались верить. Польский король Владислав II Ягелло и его двоюродный брат, Великий князь Литовский Александр-Витовт в полной мере наслаждались своим неслыханным триумфом, о котором вряд ли могли даже мечтать. Казалось, ничто не мешало им не только ликвидировать Тевтонский орден, но и присоединить к своим владениям всю Пруссию.

Опьяненный неожиданным успехом, король Владислав приказал отыскать на поле битвы тело павшего в ней Верховного магистра «тевтонов» Ульриха фон Юнгингена. Тело было найдено и выставлено на всеобщее обозрение перед королевским шатром. Затем король, однако, передал его «тевтонскому» гарнизону орденского замка Остероде

(по-польски: Остроды или Оструды), откуда его 16 июля 1410 г. перевезли в столицу ордена — Мариенбург-на-Ногате. Там Ульрих фон Юнгинген, оплакиваемый своими собратьями по ордену, был 17 июля похоронен в часовне святой Анны Мариенбургского замка. В Мариенбург были также доставлены для христианского погребения тела павших в битве при Танненберге соратников Гохмейстера из числа «Великих повелителей» — Великого комтура (Гросскомтура) Куно (Конрада) фон Лихтенштейна, маршала Фридриха фон Валленроде, ризничего Альбрехта фон Шварцбурга и тресслера Томаса фон Мергейма.

Мариенбург — крупнейшая кирпичная крепость Европы — представлял (и все еще представляет) собой возведенный на берегу реки Ногат (по-польски: Ногата), состоявший из трех частей замковый комплекс, выстроенный из красного кирпича. Комплекс состоял из форшлосса (то есть Передового Замка, или «Подзамка»), миттельшлосса (Среднего Замка) и гохшлосса (Высокого, или Верхнего, Замка). Построенный около 1300 г. Верхний Замок, окруженный глубоким рвом и мощной стеной, имел четыре крыла (флигеля, от нем.: «флюгель», Fluegel, то есть «крыло»), окружавших со всех сторон замковый двор (нем.: бурггоф, Burghof). Там были расположены служебные и жилые помещения «гроссгебитигеров» (иногда именовавшихся просто «гебитигерами», то есть «повелителями»), орденский монастырь (в котором жили рыцари-монахи), зал собраний Капитула (Верховного Совета ордена Девы Марии) и замковая церковь. Над зубцами стен гохшлосса (в котором также хранилась орденская казна) возвышалась колокольня, увенчанная остроконечным шпилем, видным издалека. Сообщение между Верхним Замком и Средним Замком (строительство которого завершилось к 1350 г.) обеспечивалось посредством подъемного моста. В трех флигелях Среднего Замка располагались амбары, мастерские, складские помещения, гостевые помещения и оборонительные сооружения. Северный флигель Среднего Замка, к которому снаружи примыкал дворец Гохмейстера, соединялся (опять-таки посредством подъемного моста, перекинутого через глубокий ров с водой) с громадным Передовым Замком (или «Подзамком»), в котором располагались помещения для слуг, конюшни, оружейные палаты и хозяйственные помещения. Весь замковый комплекс (форшлосс, миттельшлосс и гохшлосс — каждый из этих замков был полностью приспособлен к обороне — даже в случае захвата неприятелем двух других частей фортификационного комплекса) был окружен еще одной, наружной, стеной с башнями, рвом с водой и подъемными мостами.

В башнях и стенах были проделаны многочисленные бойницы. Обычно к каждой бойнице было приставлено по два стрелка (как правило, арбалетчика), чтобы во врага из каждой бойницы как можно чаще летели болты (стрелы). Пока один арбалетчик стрелял, другой заряжал свою «ручную

баллисту». На вооружении гарнизона имелись также луки и ручные бомбарды («фистулы» или, по-немецки, «гандбюксы», Handbuechsen). Интересно, что среди орденских стрелков из арбалетов и ручных бомбард были и «братья-рыцари» (в отличие от светских рыцарей отнюдь не считавшие эти виды оружия «недостойными дворянина»).

Находившийся под впечатлением своего величайшего триумфа, король Владислав Ягелло дал войскам два дня на отдых, грабеж, погребение павших и на сбор многочисленных отрядов, отделившихся от войска после победы в поисках поживы. Опьянены победой были не только мало дисциплинированные воины Витовта — литовцы и татары, но, в немалой степени, и отличавшиеся более высокой дисциплиной поляки и чехи из войска Ягелло. Разделившись на множество мелких отрядов, они рассеялись по округе, грабя окрестные поселения и уходя все дальше от лагеря союзного войска. А поживиться им в орденской Пруссии было чем. Вопреки утверждениям классика польской литературы, лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича в его известном романе «Крестоносцы», подданные Тевтонского ордена отнюдь не вынуждены были питаться вместо печеного хлеба немолотой рожью (поскольку, якобы, не могли себе позволить молоть зерно на орденских мельницах, а молоть его дома на ручных мельницах им-де строго запрещалось). В действительности дело обстояло «с точностью до наоборот». Съестных припасов в брошенных домах и «схованх» прусских крестьян (несмотря на «жесточайшую эксплуатацию» их «проклятыми крыжаками!») польско-литовскими «экспроприаторами» было найдено столько, что непрошеные гости, обжираясь ими денно и нощно, вскоре стали жестоко страдать «поносной болезнью» (особенно литовцы, если верить Яну Длугошу). Уровень жизни в Пруссии уже тогда был значительно выше, чем в Польше и Литве (не говоря уже о том общеизвестном факте, что благосостояние населения церковных земель вообще превышало в эпоху Средневековье благосостояние подданных светских владык). Это в немалой степени объяснялось образцовой орденской системой управления, о которой могли только мечтать соседние светские государства. Именно благосостояние населения прусского государства Тевтонского ордена привлекало к себе алчные взоры литовских и польских грабителей Витовт со своими воеводами был всецело занят сбором своих ратей — как разбежавшихся под натиском «тевтонов» в начальной фазе Танненбергской битвы (многие из них, по уверению польского хрониста Яна Длугоша, бежали без оглядки «до самой Литвы»!), так и увлекшихся грабежом после ее окончания. Польскому полководцу Зындраму из Машковиц удалось собрать свои войска гораздо быстрее, чем литовскому князю. Теоретически поляки могли совершить быстрый бросок на Мариенбург хотя бы силами наиболее подвижной части своей армии. Однако польский король, не сомневавшийся в окончательной победе над орденом

Девы Марии, решил не начинать наступления на Мариенбург до сбора всей армии. Только 17 июля войско победителей двинулось на север. Отныне главной целью похода стал захват Мариенбурга — Главного Дома (Гауптгауза, т.е. столицы) Тевтонского ордена.

По самым осторожным оценкам, войско польско-литовских захватчиков (потерявшее в битве при Танненберге около 5000 человек убитыми), состояло из примерно 15 000 поляков и 11 000 литовцев (включая вспомогательные контингенты западнорусских княжеств, чехов, сорбов, силезцев, моравов, татар, бессарабов, валахов, армян, караимов и др.). Король Ягелло сомневался в обороноспособности Мариенбурга. Тем не менее, он продвигался со своим войском крайне осторожно и осмотрительно, со скоростью не более девяти миль в день (на ночь войско разбивало лагерь с усиленной охраной), хотя и не встречал нигде в Пруссии серьезного сопротивления. 17 июля без особых усилий был взят орденский замок Гогенштейн (по-польски: Ольштынек). Казалось, вся Пруссия готова без сопротивления подчиниться победителям, и все плоды более чем 150-летнего господства Тевтонского ордена пошли прахом. Король Ягелло был занят в основном принятием под свою высокую руку замков, городов и областей. Епископы Эрмланда (Вармии), Кульма (Хелмно), Помезании и Замланда (Самбии) принесли ему вассальную присягу. Спешили выразить покорность и «земские рыцари» — светские вассалы Тевтонского ордена, пожалованные им поместьями за военную службу — фон Цоллерны, фон Глазены, фон Штанге, фон Ауэрсвальды, фон Гётцены, фон Байзены, фон Кольбицы, фон Фрейгольды, фон Барчи, фон Кройцены, фон фон Каницы, фон Бутшельды, фон дер Брукке, фон Коттвицы, фон Дона, фон Гасселихты, фон Дрангвицы, фон дер Гольцы, фон Гакке, фом Клементы, фон Форгауэры, фон Эйленбурги и другие. 19 июля полякам сдался орденский замок Морунген (по-польски: Моранг). Многие «орденские братья» бежали без сопротивления или сдавались на милость победителя. 20 июля был без боя сдан своим гарнизоном «тевтонский» замок Прейссиш-Марк

Продвижению союзного войска предшествовали (выражаясь языком Гомера в «Илиаде») быстрокрылые сыны бога войны Ареса — Фобос и Деймос, или, в переводе с древнегреческого, Страх и Ужас, с быстротой лесного пожара распространявшиеся среди местного населения. Темп наступления был столь медленным еще и потому, что незваные гости отвлекались на грабежи, убийства, изнасилования, поджоги, погромы, «ополонение челядью» (захват пленных) и т.д. 22 июля был взят Христбург (по-польски: Дзежгонь). 23 июля победоносное польско-литовское войско отдыхало от трудов своих. Вся Пруссия представлялась торжествующим завоевателям прямо-таки истомившейся в ожидании поскорее сдаться победителю, предав без зазрения совести своего сюзерена — Тевтонский орден, думая лишь о собственной выгоде и стремясь выторговать себе

у нового господина как можно больше привилегий. Из прусских замков в руках орденских войск оставались только Бранденбург (по-польски: Покармин), Кёнигсберг (по-польски: Крулевец или Кролевец), Рагнит (по-польски: Рагнета), Шлохау (по-польски: Члухов), Кониц (по-польски: Коннице), Реден (по-польски: Радзын) и Мариенбург (по-польски: Мальборг или Мальборк).

В этой представлявшейся совершенно безвыходной (для «тевтонов») ситуации на подмостках истории появился комтур орденского города Швеца (по-польски: Свеце) Генрих Рейс (с) фон Плауэн — «доблестный муж с железной волей», воистину ставший спасителем ордена Девы Марии в годину тяжких бедствий. В преддверии битвы при Танненберге фон Плауэн получил от Гохмейстера Ульриха фон Юнгингена две тысячи воинов и приказ охранять от неприятельского вторжения орденскую провинцию Помереллию, собирать отряды наемников и крестоносцев-«интернационалистов» («военных гостей» Тевтонского ордена), а также ополченцев из подчиненных ордену Девы Марии областей и городов, не успевшие присоединиться к главному орденскому войску, спешившему на грозный Суд Божий под Танненбергом.

В Швеце комтур фон Плауэн получил известие о сокрушительном разгроме армии своего Гохмейстера, распространившееся по орденским градам и весям с молниеносной быстротой, повсеместно лишая «тевтонов» (вкупе с их «гостями» и вассалами) всякой надежды и парализуя их волю к сопротивлению.

Граф Генрих Рейс фон Плауэн (1370 г.р.) был (в отличие от большинства тевтонских рыцарей, принадлежавших, в описываемое время, к мелкому дворянству и даже бюргерству) отпрыском знатного рода из области Фогтланд, расположенной между германскими землями Тюрингией и Саксонией. С самого начала христианизации Тевтонским орденом Пруссии (тогда еще языческой) фогты (наместники) из рода фон Плауэн активно участвовали в организуемых орденом Крестовых походах на прусских язычников. Сохранились многочисленные свидетельства принадлежности представителей семейства фон Плауэнов в XIII–XIV вв. к Тевтонскому ордену. Мало того! В 1410 г. в ордене Девы Марии состояли одновременно три «брата-рыцаря», носившие одинаковые имя и фамилию — Генрих фон Плауэн. Вероятно, имя Генрих было столь распространено среди Плауэнов вследствие старинного пророчества, согласно которому человеку по имени Генрих фон Плауэн было предназначено стать императором средневековой Германии — «Священной Римской империи (германской нации)». Впрочем, довольно об этом.

Интересующий нас в данном случае Генрих фон Плауэн (тевтонский «брат-рыцарь» и комтур Швеца) прибыл в орденскую Пруссию в качестве крестоносца-«интернационалиста» («военного гостя» Тевтонского

ордена) и вскоре, принеся три монашеских обета нестяжания (бедности), целомудрия (безбрачия) и послушания, был принят в орден Девы Марии. В 1397 г. он уже числился в орденских списках «компаном» комтура Данцига (по-польски: Гданьска), в 1398–1399 г.г. — гаузкомтуром в Данциге (то есть комендантом расположенного в Данциге орденского замка, подчиненным комтуру всего Данцига — города с прилегающей областью), в 1402–1407 гг. — комтуром Нессау (по-польски: Нешавы), а с 1407 г. — комтуром Швеца.

Получив известие о танненбергской «конфузии», Генрих фон Плауэн приказал своему отряду (численность которого, за счет постоянно подходивших подкреплений, возросла до 3000 бойцов), незамедлительно идти в Мариенбург. По пути он включал в ряды отряда всех способных носить оружие. Энергичный и осмотрительный Плауэн, хотя и не имел полной картины сложившейся после танненбергского разгрома ситуации, понимал, что все теперь зависит только от него, и что, если и возможно спасти то, что еще могло быть спасено, то для этого необходимо любой ценой удержать Мариенбург — последний оплот Тевтонского ордена в Пруссии. Ничто в предшествующей служебной карьере Генриха фон Плауэна не указывало на какие-то особые военно-административные таланты или хотя бы способности — не говоря уже о призвании играть столь важную и, мало того, решающую руководящую роль в спасении ордена, которому он так верно служил. От всякого члена Тевтонского ордена требовалось, прежде всего, абсолютная верность, беспрекословное послушание и точное выполнение приказов данных ему Богом и Верховным магистром начальников, но уж никак не способность к принятию самостоятельных и независимых решений. Возможно, именно поэтому так безропотно сдавались оставшиеся без высшего начальства, павшего при Танненберге, гарнизоны городов и замков прусского государства Тевтонского ордена.

Однако в данном плане комтур Швеца оказался воистину счастливым исключением из правил. 18 июля он вступил во главе своего небольшого, но спаянного железной дисциплиной, среди всеобщего «разброда и шатания», войска в «Главный Дом ордена Девы Марии» в Пруссии — и ужаснулся увиденному там, поняв, каких колоссальных усилий потребует от него и от вверенных ему Богом и Девой Марией людей удержание Мариенбурга. Несмотря на свои мощные укрепления (производящие внушительное впечатление на всякого посетителя по сей день), Мариенбург имел крайне слабый гарнизон — настолько слабый (если верить Длугошу — всего пятьдесят человек, способных носить оружие, включая послов венгерского короля — барона Миклоша Гарая и трансильванского палатина Сцибория из Сцибожиц, а также перешедшего на сторону ордена польского рыцаря Петра Свинку, хорунжего добжинского, которого «мариане» именовали, на свой манер, «Петер Свинка фон Рыпин»!), что он даже собирался сдать

крепость надвигавшимся полякам и литовцам без боя (отряд фон Плауэна подоспел как раз вовремя, не дав свершиться очередной изменнической сдаче). Большинство крепостных пушек было по приказу ныне покойного Ульриха фон Юнгингена отправлено в помощь ему под Танненберг и попало там в руки противника (успев сделать, согласно одним источникам, всего по одному, а согласно другим — всего по два выстрела). Однако комтур Швеца не растерялся. Под его энергичным командованием обороноспособность Мариенбурга была в кратчайшие сроки восстановлена. Со всей округи (до которой еще не добрались польско-литовские грабители) в крепость были доставлены в изобилии оружие, снаряжение, пиво, вино, провиант, фураж, пригнаны скот и птица. В результате подступившим к Мариенбургу полякам и литовцам ничего не досталось, и им пришлось доставлять все необходимое издалека, что весьма осложняло ведение ими осады. Гарнизон трудился день и ночь, не покладая рук. Генрих фон Плауэн стал душой сопротивления Мариенбурга и единственной надеждой осажденных (кроме, естественно, Господа Бога и Пречистой Его Матери Приснодевы Марии), его слово стало законом для всех. Ему подчинялись беспрекословно (хотя он все еще числился скромным комтуром Швеца). Его так неожиданно проявившаяся, поистине гениальная способность к импровизации и его воля к победе, удачно сочетавшиеся с неутолимой жаждой реванша, явились решающим критерием, жизненно важным для удержания Мариенбурга.

Тяжелее всего далось швецскому комтуру решение предать огню прилегающий к замковому комплексу город Мариенбург. Однако сделать это было абсолютно необходимо, чтобы не дать осаждающим возможность закрепиться там и подступить вплотную к замковому комплексу. И «тевтоны», с тяжелым сердцем, сами предали огню город Мариенбург (пощадив, правда, городской собор и ратушу). Горожане, оставшиеся без крова, укрылись в замковом комплексе, прихватив с собой свое самое ценное имущество. Все мужчины, способные носить оружие, пополнили ряды гарнизона, получившего в эти дни подкрепление в лице тысячи четырехсот двадцати семи бойцов войска Ульриха фон Юнгингена, уцелевших после танненбергской бойни и успевших добраться до Мариенбурга перед приходом польско-литовских войск. Среди них было немало крестоносцев-«интернационалистов», а также светских вассалов ордена Девы Марии (в том числе испытанных в боях рыцарей родов фон Борзниц, фон Гаугвиц, фон Гоккенборн, фон Дона, фон Зейдлиц, фон Клингенштейн, фон Логау, фон Паннвиц, фон Погерель и других лихих рубак). «Отцы» подчиненного ордену славного ганзейского города Данцига, еще не утратившие к описываемому времени верности, чести и совести (которые они утратили чуть позже!), прислали на помощь защитникам Мариенбурга двести (по другим источникам — четыреста) матросов (т.н. «детей кораблей»,

по-немецки: «шиффскиндер», Schiffskinder) — мастеров рубиться боевыми топорами. С подкреплениями численность «тевтонского» гарнизона постепенно достигла пяти тысяч человек (главным образом — силезцев и чехов, если верить Яну Длугошу). До подхода неприятеля было сделано все для максимального укрепления обороноспособности. В окрестностях Мариенбурга не осталось ровным счетом ничего, что могло бы как-то послужить или пойти на пользу осаждающим и удовлетворить их жизненные потребности. Единственным недостатком, который Генриху фон Плауэну не удалось исправить за отпущенный ему короткий срок, была явная нехватка крепостной артиллерии. «Тевтоны» успели в последний момент уничтожить мост через реку Ногат и предмостное укрепление (вследствие немногочисленности гарнизона его все равно не удалось бы удержать).

И только тогда «тевтоны» спохватились, что командует-то ими всего-навсего скромный комтур Швеца. Немногие «братья» ордена Девы Марии, засевшие за стенами Мариенбургского замка, собрались на конвент и избрали Генриха фон Плауэна штатгальтером (наместником) Верховного магистра Тевтонского ордена. Это явное нарушение устава ордена (не предусматривавшего даже такой должности) было, однако, не только оправдано, но и настоятельно диктовалось крайней остротой сложившейся обстановки.

После своего избрания штатгальтер фон Плауэн, помолясь усердно Богу и Пречистой Деве, срочно разослал по всем орденским владениям в Пруссии, Ливонии (Лифляндии) и Германии гонцов с сообщением о том, что орден проиграл битву под Танненбергом, но не войну. Он потребовал от гарнизонов орденских замков, которым угрожали литовцы и поляки, под страхом суровейших кар не капитулировать, а держаться до последнего. Кроме того, штатгальтер потребовал военной помощи в борьбе с «сарацинами» от магистра владений Тевтонского ордена в Германии (Тейчмейстера или Дейчмейстера) Конрада фон Эглоффштейна (1396–1416) и от провинциального магистра (ландмейстера) «тевтонских» владений в Ливонии Конрада фон Фитингофа. Благодаря своей неуемной энергии Генриху фон Плауэну удалось, несмотря на все препоны, подготовить Мариенбургскую крепость к осаде. Две тысячи бойцов были направлены на защиту Верхнего Замка, а другие две тысячи — на защиту Среднего Замка. Двоюродному брату, тезке и однофамильцу штатгальтера «тевтонов» — Генриху фон Плауэну Младшему (опоздавшему, во главе своего отряда, к Танненбергской битве) было поручено защищать Передовой Замок (в его распоряжении имелась тысяча бойцов).

25 июля 1410 г., через десять дней после битвы при Танненберге, передовые отряды польско-литовской армии подошли к Мариенбургу. Король Владислав Ягелло расположился станом в районе селения Грюнгаген. Союзники постарались окружить Мариенбургский замковый комплекс со

всех сторон. Польские войска направили свои усилия на осаду Верхнего Замка, литовцы — на осаду Среднего Замка, татары же, форсировав вплавь реку Ногат близ Лезевица (ниже Мариенбурга), взяли под контроль район Передового Замка. С учетом опыта прошедших дней, когда «тевтонские» замки и города сдавались польскому королю почти без сопротивления, Ягелло рассчитывал на непродолжительную осаду и скорую капитуляцию Главного Орденского Дома в Пруссии. Чтобы деморализовать мариенбургский гарнизон, король приказал в ночь 26 июля начать с четырех сторон артобстрел замкового комплекса. Самые тяжелые польские орудия были установлены в уцелевшем от огня и разрушения соборе города Мариенбурга. Трезво оценив мощь мариенбургских укреплений, осторожный Ягелло решил, что взять их штурмом навряд ли удастся, и предпочел начать правильную осаду.

Тем временем ситуация в Пруссии продолжала складываться все более негативно для ордена Девы Марии. Вся Кульмская (по-польски: Хелминская) земля подчинилась польскому королю, вслед за четырьмя прусскими епископами. Этому примеру последовали четыре крупнейших города орденской Пруссии: Эльбинг, Торн, Данциг, Бр (а) унсберг, а затем — почти все остальные прусские города. 19 августа 1410 г. представители вышеназванных четырех городов, явившись в польский стан, исходатайствовали себе у короля Владислава целый ряд привилегий. Король даровал им свободу торговли, право чеканить собственную монету и невозбранно владеть устьем Вислы. Убежденные в том, что власти ордена Девы Марии над ними пришел конец, бюргеры (граждане) Эльбинга захватили расположенный в черте их города одноименный орденский замок, изгнав из него тамошнего комтура — единственного уцелевшего в битве при Танненберге «гроссгебитигера» (а не «гроссбегутера», как пишет плагиатор А.Е. Тарас, не умеющий, как видно, даже правильно списывать у тех, чью интеллектуальную собственность бесстыдно присваивает!) — Великого госпитальера (шпиттлера) Вернера фон Теттингена и разоружив слабый «тевтонский» гарнизон. Но это были еще «цветочки». А вот в Данциге созрели и «ягодки». Там местные «ревнители городской демократии» не побоялись пролить кровь своих повелителей — раненые «тевтоны», уцелевшие в битве при Танненберге и надеявшиеся найти в Данциге убежище, были перебиты разъяренной толпой горожан прямо на улице. Перечень этих злодеяний можно было бы продолжать еще долго, но уж слишком это противно.

Польский король великодушно передавал прусские замки, которыми овладел, своим союзникам и польским вельможам или же оставлял их во владении присягнувших ему земских рыцарей («ландесриттеров») — бывших светских вассалов Тевтонского ордена. Великому Князю Литовскому Витовту король Владислав пожаловал орденские владения, расположенные

в прусских Нижних Землях, а также в районе Бальги и Бранденбурга. Князья Мазовецкие получили Остероде, Нейденбург (по-польски: Нидзицу) и Зольдау (Сольдау, по-польски: Дзядово). Князь (герцог) Стольпенский (Слупский), не принимавший (несмотря на свое польское происхождение) до сих пор участия в войне ни на той, ни на другой стороне, получил от Ягелло часть орденской Померелии (восточной Померании), в обмен на обязательство нести военную службу польской короне.

Уведомленный об этих событиях, штатгальтер Генрих фон Плауэн, заручившись от польского короля гарантией личной безопасности, в сопровождении нескольких орденских, чешских и силезских рыцарей явился в польский стан, дабы испросить у Ягелло мира и пощады уже порядком разоренной жадными до добычи победителями Пруссии. Кроме того, фон Плауэн согласился отказаться от всех территориальных притязаний ордена Девы Марии к Польше и Литве. Однако ответ Ягелло не оставил ему ни малейших сомнений в том, что тот твердо решил покончить если не с Тевтонским орденом как таковым, то с его прусским государством. В качестве непременного условия начала каких бы то ни было мирных переговоров польский король выдвинул немедленную и безоговорочную капитуляцию Мариенбургского замка. Это требование было, однако, абсолютно неприемлемо для Генриха фон Плауэна. Ему пришлось прервать переговоры и возвратиться в осажденный неприятелем, страдавший от артиллерийского огня Мариенбург.

Польские артиллеристы обстреливали замковый комплекс все интенсивнее, в чем им немало способствовала превосходная, по тем временам, орденская артиллерия, захваченная под Танненбергом. Особенно многочисленные и тяжелые разрушения достались на долю Передового и Среднего Замков. Что же касается Верхнего Замка, защищенного рекой Ногатом и прикрытого руинами города Мариенбурга, то он находился в значительно меньшей досягаемости для артиллерии осаждающих, чьи ядра долетали до его стен гораздо реже, уже не имея большой пробивной силы.

Многочисленные попытки осаждающих взять Мариенбург приступом с успехом отражались марианским гарнизоном, сделавшим, в свою очередь, несколько удачных вылазок из крепости в неприятельский стан, повысивших боевой дух осажденных. В ходе вылазок приходилось следить за тем, чтобы «дети кораблей», увлекшись «рубкой боевыми топорами по-данцигски», не слишком углублялись в неприятельские ряды. Несколько раз другим частям мариенбургского гарнизона приходилось с боем выводить забравшихся в самое пекло («раззудись плечо, размахнись рука»!) данцигских моряков (чей боевой дух нисколько не был подорван известием о подчинении их родного города королю Польши) из окружения.

Несмотря на все старания Ягелло, его воинам так и не удалось целиком отрезать Мариенбург от окружающего мира. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство. Один из «братьев-священников» Тевтонского ордена ухитрился, по поручению Генриха фон Плауэна, незаметно для осаждающих выбраться из осажденного Мариенбурга и благополучно добраться до Данцига...с векселем на тридцать тысяч дукатов (золотых монет) и письмами штатгальтера, адресованным комтурам владений Тевтонского ордена в Германии (если верить Длугошу, священник выехал из Мариенбурга в свите ливонского ландмаршала, пропущенного Витовтом на несколько дней в Мариенбург для переговоров с Генрихом фон Плауэном, о чем еще пойдет речь далее)! Деньги были предназначены для вербовки наемных воинов. Чем продолжительнее становилась осада, тем чаще осаждающих (особенно литовцев) тянуло подальше от изрыгающих смертоносные ядра, пули, стрелы и арбалетные болты кирпичных стен Мариенбурга, в прусскую «глубинку», в поисках еще не разграбленных сел, городов, имений, замков и полей. От этих «походов за зипунами» (как любили выражаться казаки Стеньки Разина), сопровождавшихся жесточайшими пытками и зверскими убийствами местного населения, грабежей и погромов страдала всю Пруссия до самой Вислы. Если в начальный период осады Мариенбурга осаждающие часто бессмысленно уничтожали запасы продовольствия, вытаптывали конскими копытами и жгли хлеб на полях, сжигали скот в хлевах и коровниках и т.д., питаясь так обильно и «так хорошо, как многие не питались и у себя дома» (Длугош) то теперь перед литовцами и поляками замаячил грозный признак голода. В многонациональной армии становилось все труднее поддерживать дисциплину. То и дело вспыхивали межнациональные, или этнические, конфликты (выражаясь современным языком). Кроме того, Ягелло становилось все более ясно, что имеющихся в его распоряжении войск не достаточно для одновременного ведения эффективной осады Мариенбурга и обеспечения своего господства в покорившихся ему прусских владениях ордена. Чем дольше главные силы войска Ягелло стояли под Мариенбургом (неся при этом ощутимые потери), тем больше времени имел орден Девы Марии для реорганизации обороны прусских областей, оставшихся под контролем «тевтонов». Шапкозакидательские настроения, господствовавшие в польско-литовском стане после Танненбергской победы, стали сменяться все большим разочарованием.

Вероятно, в этот момент кому-то в лагере осаждающих (возможно, Ягелло или Витовту, многократно менявшим веру), пришло в голову сломить дух осажденного «тевтонского» гарнизона, разрушив артиллерийским огнем украшавшее снаружи стену расположенной в Верхнем Замке часовни Святой Анны восьмиметровое изваяние Небесной Заступницы Тевтонского ордена — святой Девы Марии с Богомладенцем Иисусом Христом на руках. Однако, если верить хронистам, ствол заряженной

каменным ядром и наведенной на образ Пречистой бомбарды разорвало при выстреле, ослепив орудийную прислугу.

Пресвятая Богородице, спаси нас!

Это чудо произвело удручающее впечатление на всех осаждающих (как христиан, так и нехристей).

Однако враги ордена «мариан» не унимались. Узнав, что Генрих фон Плауэн намерен собрать своих рыцарей на военный совет в «зоммерремтере» (Sommerremter, то есть летнем зале для собраний), свод которого поддерживала одна-единственная колонна, имевшиеся среди мариенбургского гарнизона изменники сообщили осаждающим место и время проведения совета. Согласно одной из легенд, литовцы решили разрушить каменным ядром одного из своих осадных орудий единственную колонну «зоммерремтера», вызвав тем самым обрушение свода и гибель штатгальтера со всем конвентом под его обломками. Однако литовский пушкарь промахнулся. Ядро, не задев колонну, ударило в стену «зоммерремтера» и осталось торчать в ней «на веки вечные». После снятия осады его решили оставить в стене зала на память. Так ли это было или не так, но уже в XIX в. никакого ядра в стене «зоммерремтера» не торчало. Впрочем, это так, к слову…

День ото дня вылазки мариенбургского гарнизона становились все более дерзкими и чувствительными для осаждающих. Говорят, король Ягелло даже публично задал вопрос, кто кого держит в осаде. В ходе одной из вылазок осажденные пленили и увели в крепость начальника артиллерии осаждающих. Тайно пробравшийся в Мариенбург посланец венгерского короля Сигизмунда фон Люксембурга передал Генриху фон Плауэну письмо, в котором король Венгрии и будущий римско-германский император призывал его держаться до последнего и крепость ни в коем случае не сдавать, ибо он, король, скоро вторгнется в Польшу с юга во главе многочисленной венгерской армии. Эта радостная весть была сообщена всему гарнизону, чтобы усилить его волю к сопротивлению.

Тем временем в стане осаждающих вспыхнула эпидемия (пресловутая «поносная болезнь») от обжорства и пьянства, сопровождавшаяся «моровым поветрием» от множества зловонных мух — разносчиц всяческой заразы, слетавшихся на лужи мочи и блевотины, кучи экскрементов, конские трупы, кишки съеденных животных, горы недоглоданных костей и т.д. Число умерших от болезней воинов (а также павших лошадей, волов и быков) скоро значительно превысило потери польско-литовской армии в битве при Танненберге.

В ливонской провинции Тевтонского ордена, после долгих споров, победила точка зрения «орденских братьев», сохранивших верность долгу и желавших сохранить единство двуединого (прусско-ливонского) орденского государства. Было решено оказать «братьям» в Пруссии военную помощь.

Ливонский «земский маршал», или ландмаршал (являвшийся заместителем ливонского ландмейстера — в отличие от Пруссии, где заместителем Гохмейстера, являвшегося одновременно прусским ландмейстером, был не маршал, а Великий комтур) Бернд фон Гевельман, вооружив и оснастив всем необходимым пятитысячное войско, прибыл с ним в прусский Кенигсберг. Там он соединился с комтуром Бальги графом Фридрихом фон Цоллерном — одним из немногих орденских военачальников, уцелевших в сражении при Танненберге, — и с комтуром Рагнита Эбергардом фон Валленфельзом.

На западе Пруссии польские войска, не встретив серьезного сопротивления, захватили Диршау (по-польски: Тчев), Тухель (по-польски: Тухолю), Бютов (по-польски: Бытов) и Кониц (Коннице).

Фогт орденской области Неймарк (Новая Марка) Генрих Кюхмейстер фон Штернберг, собрав в единый кулак прибывшие из Германии отряды наемников, отбросил противостоявшие ему польские рати и начал отвоевывать утраченные позиции. В ходе этих боев «тевтонам» удалось пленить знаменитого польского рыцаря Ярослава Потулицкого, с большим успехом представлявшего интересы польской короны при дворах многих владетельных государей тогдашней Европы. Встревоженные польские вельможи попытались скрыть этот факт от короля Владислава, но тот, удивленный долгим отсутствием рыцаря, все-таки доискался до правды. Ягелло усилил свои войска под Наккелем (Накло), Бромбергом (Быдгощем) и Кроне (Вальжем), но не сумел помешать «тевтонским» войскам вернуть ордену Тухель. Сообразив, что чаша весов начала склоняться в пользу рыцарей Девы Марии, польский король направил под стены Мариенбурга своего герольда, чтобы объявить о своем согласии заключить с орденом мир на условиях, в свое время предложенных ему штатгальтером фон Плауэном и отвергнутых тогда, как неприемлемые. На этот раз все произошло «с точностью до наоборот», и теперь уже Генрих фон Плауэн отказался заключить мир с Польшей на предложенных им же ранее условиях.

Узнав о приближении ливонского контингента «тевтонов», польский король решил упредить ландмаршала Гевельмана, двинув ему на перехват литовские войска князя Витовта. Последний в ходе осады Мариенбурга вел себя крайне пассивно и никаких военных подвигов не совершил. Вероятно, Витовт не был заинтересован в полном разгроме Тевтонского ордена, опасаясь неизбежного, в этом случае, чрезмерного, в ущерб ему, Витовту, усиления могущества Ягелло (в свое время распорядившегося удавить в тюрьме отца Витовта и своего собственного дядюшку Кейстута, а впоследствии лишь нехотя, да и то лишь пожизненно, уступившего в свое время Витовту, власть над Литвой). В результате Великий князь Литовский, ранее неоднократно враждовавший

с братцем Ягайлой (бросившим в тюрьму и чуть не укокошившим его — Витовту удалось бежать из узилища, переодевшись в женское платье; обменявшуюся с ним одеждой служанку сожгли на костре, но князя это не волновало!) и вступавший с орденом в военно-политический союз, а затем, с завидным постоянством, изменявший «тевтонам», после личного свидания с ландмаршалом Ливонии и сопровождавшими последнего комтурами Бальги и Гольдингена (8 сентября 1410 г.), пропустил этих «тевтонских» сановников (в сопровождении внушительного эскорта из пятидесяти всадников) в осажденный Мариенбург на совещание со штатгальтером Плауэном (продолжавшееся несколько дней). Таким образом, Витовт вновь стал проводить своекорыстную политику, нацеленную на обеспечение исключительно литовских (но уж никак не польских) интересов. Не уведомив Ягелло, Великий князь Витовт самостоятельно заключил с Тевтонским орденом перемирие сроком на четырнадцать дней (не распространявшееся лишь на район осажденного Мариенбурга — но и там литовцы действовали крайне вяло, причем с самого начала осады). Заключив перемирие, Витовт со своим войском вернулся под Мариенбург, так и не скрестив оружия с войсками маршала фон Гевельмана.

Перед Ягелло Витовт достаточно неловко пытался оправдать свое бездействие тем, что его войско сильно ослаблено предыдущими боями, «поносной болезнью» (дизентерией), вследствие слишком обильной изысканной пищи, непривычной для литовских желудков (если верить Длугошу, опровергающему тем самым более поздние, уже упоминавшиеся нами выше, инсинуации Нобелевского лауреата Генрика Сенкевича, которые, однако, не мешает еще раз повторить, дабы уважаемые читатели, как говорится, почувствовали разницу: маститый автор, ничтоже сумняшеся, утверждал в своем «культовом» романе «Крестоносцы», что орденские подданные были, якобы, вынуждены питаться вместо печеного хлеба немолотой рожью, ибо им нечем было заплатить орденским мельникам за помол, а держать в домах ручные мельницы жестокие «тевтоны» им, якобы, запрещали!), и другими болезнями, потребовав от польского короля дозволения своим дизентерийным ратям возвратиться в Литву. Ягелло все еще надеялся вынудить Мариенбург к сдаче, тщетно пытаясь убедить строптивого кузена остаться (справедливости ради, следует заметить, что и осажденные, действительно вынужденные питаться немолотым, хотя и чуть поджаренным, зерном — у них-то в самом деле не было ни печеного хлеба, ни мельниц!, страдали поносом, но видимо, недостаток этой нездоровой пищи заставлял их страдать меньше, чем обожравшихся донельзя осаждающих). Тем не менее, литовские войска 16 сентября снялись с лагеря под Мариенбургом и отправились домой в Литву через Мазовию. На следующий день из-под Мариенбурга, вслед за Витовтом, ушли и другие важные союзники Ягелло — князья Ян (уш) и Земовит Мазовецкие. Уход

их многочисленных войск из-под Мариенбурга сильно ослабил армию осаждающих.

Представители прусских «сословий» (городов, епископов и «земских рыцарей»), покорившихся не так давно польскому королю, тщетно упрашивали его не снимать осаду (поскольку имели все основания опасаться быть призванными орденом к ответу за измену). Однако король был не в силах продолжать осаду силами одного только польского войска (также понесшего тяжелые потери). У осаждающих подошли к концу боеприпасы, расход которых, вследствие необычайной интенсивности обстрела, превзошел все ожидания. Наемники давно уже требовали уплаты им жалованья, вся округа была опустошена, а последствия венгерской интервенции представлялись непредсказуемыми. Кроме того, со дня на день под Мариенбург грозило подойти войско ливонских «тевтонов». И 18 сентября 1410 г. польский король, предав огню собственный лагерь, снял осаду, продолжавшуюся восемь недель. Мариенбург, Главный Дом Тевтонского ордена в Пруссии, был спасен — главным образом, благодаря железной воле и энергии Генриха фон Плауэна.

Мариенбург стал резиденцией Гохмейстера Тевтонского ордена Святой Девы Марии после переезда последнего из Венеции в Пруссию в 1309 г. и оставался таковой до 1457 г. В 1466 г. крепость и город Мариенбург перешли под власть Польши. Благодаря своим мощным, «многослойным» фортификационным сооружениям, удачно сочетавшимся с рельефом местности, мариенбургский замковый комплекс был крупнейшей крепостью в государстве Тевтонского ордена и одной из крупнейших средневековых крепостей всего христианского мира. Период трехсотлетнего польского правления, и в особенности — годы опустошительных для Пруссии войн Польши со Швецией — привел Мариенбург в плачевное состояние. Когда Мариенбург, после Первого раздела Польши (между Россией, Австрией и Пруссией) в 1772 г. отошел к Прусскому королевству Гогенцоллернов (потомков последнего прусского Гохмейстера Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, превратившего прусское орденское государство в светское герцогство Пруссию), замок неоднократно перестраивался (причем далеко не всегда удачно). Впрочем, поначалу его вообще планировалось сравнять с землей, как наследие «варварского Средневековья», дабы использовать кирпичи для других, «более современных», построек (как нам это знакомо, не правда ли?), однако прусский «король-философ» Фридрих II Великий, по трезвом размышлении, распорядился замок все-таки не сносить.

И только в 1804 г. король Пруссии Фридрих-Вильгельм III распорядился прекратить «перестройку» Мариенбурга и начать его реконструкцию в первозданном виде (к которой, однако, удалось приступить только после окончания периода Освободительных войн 1813–1815 гг. против наполеоновской тирании). В 1817–1856 гг. прошла первая фаза реставрационных

работ. В 1882 г., под руководством архитектора Конрада фон Штейнбрехта, началась вторая фаза реставрации Мариенбурга с целью максимально аутентичного восстановления архитектурного облика замкового комплекса начала XV в. После сильнейших разрушений периода Второй мировой войны и очередного перехода Мариенбурга под власть Польши началась третья фаза реставрационных работ, осуществляемая теперь уже польскими архитекторами. С 1997 г. Мариенбург считается памятником мирового культурного наследия.

Тевтонскому ордену, сумевшему отстоять свою главную крепость Мариенбург, но лишившемуся части своих владений, пришлось платить победителям огромную контрибуцию. Денег взять было негде — в частности, вследствие запрета иудеям проживать на орденских землях, в то время, как главный противник ордена Пресвятой Девы Марии — чрезвычайно гостеприимное к иудеям польско-литовское государство — «asylium judaeorum» — пользовалось у иудейских ростовщиков широчайшим кредитом. Между прочим, по старинному сказанию, первым польским королем был избран иудей Аврам Парховник (Порховник), вскоре, впрочем, уступивший корону крестьянину Пясту — основателю древнейшей польской королевской династии! Но это так, к слову...

54. Первый Торуньский мир

16 сентября 1410 г. войско польского короля Владислава II Ягелло, безуспешно осаждавшее на протяжении восьми недель столицу прусского государства Тевтонского ордена Святой Девы Марии — Мариенбург-на-Ногате, было вынуждено снять осаду (союзное полякам литовское войско князя Александра-Витовта сняло осаду еще раньше). Поляки отступили от Мариенбурга в город Штум. Король сменил гарнизон города, состоявший из присягнувших ему прусских «земских» рыцарей (бывших светских вассалов Тевтонского ордена, наделившего их поместьями за военную службу), новым гарнизоном, состоявшим из отборных польских войск. Прусским светским рыцарям (предавшим вчера орден, а сегодня способным предать и его самого) коварный литвин больше не доверял. Ягелло распорядился в изобилии снабдить город всевозможными припасами, намереваясь превратить Штум в нечто вроде «польского Мариенбурга» — оплот собственной власти в сердце завоеванной им орденской Пруссии. Затем Ягелло двинулся, через Мариенвердер (Квидзин), к замку Реден (Радзин), который был захвачен им в ходе короткого, хотя и кровавого, боя. При этом в плен полякам попали, после ожесточенного сопротивления, пятнадцать престарелых «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена. Отпавшая от ордена Кульмская (Хелминская) земля все еще признавала над собой власть польского короля, надеясь на скорое возвращение польского войска. Между тем войска ордена следовали за поляками по пятам, хотя и осторожно и не ввязываясь в бой. 8 октября они потребовали, чтобы город Торн (Торунь), отложившийся от ордена и присягнувший на верность королю Ягелло, добровольно возвратился под власть Тевтонского ордена.

Крайне стесненный в средствах, временный (до избрания нового Гохмейстера, или Верховного магистра) глава Тевтонского ордена — штатгальтер Генрих Рейсс фон Плауэн, только что с величайшим трудом отстоявший от поляков и литовцев Мариенбург продал чешскому королю Венцеславу (Венцелю, Вацлаву) фон Люксембургу

за сто пятнадцать тысяч золотых флоринов наличными расположенное в Богемии (Чехии) Комутауское (Хомутовское) комтурство Тевтонского ордена (приносившее ежегодно четыре тысячи флоринов дохода), чтобы нанять на вырученные деньги рыцарей и конных воинов.

Объединенные вооруженные силы «мариан» из орденской провинции Ливонии (Лифляндии), комтурий (или комтурств, то есть орденских областей) Бальги и Эльбинга (Эльблонга) быстро завладевали отпавшими от ордена территориями. Комтур Рагнита (Рагнеты) со своим конным войском в ходе молниеносного рейда по Эрмланду (Вармии) очистил всю эту область от войск польских интервентов. На западе Пруссии фогт (наместник фогтства, то есть орденской области, меньшей по размерам, чем комтурия) Неймарка (Новой Марки) Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг продолжал развивать свое успешно начатое наступление.

10 октября 1410 г. трехтысячное войско Михаэля Кюхмейстера (включавшее в свой состав немало чешских, силезских и венгерских рыцарей), выступавшее, согласно польскому хронисту Яну Длугошу, под одной единственной хоругвью (выражаясь геральдическим языком, «рассеченной наискось в червлень и серебро», согласно «Истории» Длугоша орденское знамя «имело белое и красное поля, соприкасающиеся из угла в угол»; это знамя соответствовало по расцветке описанному Длугошем в его «Истории Польши» и изображенному в его же «Прусских хоругвях» знамени Великого ризничего Тевтонского ордена, захваченному поляками после битвы при Танненберге) было внезапно атаковано польским войском (тоже выступавшим под одной хоругвью — с пурпурным двойным, или «патриаршим», крестом на белом поле) и разгромлено в битве под городом Кроне (именуемой в польской исторической традицией битвой при Коронове, или Вальже). Сам Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг попал в плен, и орденское знамя-хоругвь было захвачено поляками в качестве трофея. Тем не менее, это сражение (совершенно безосновательно прославляемое польскими хронистами и историками, начиная со знаменитого Ян Длугоша, как «второй Грюнвальд», или даже как «битва, еще более славная, чем битва при Грюнвальде»!), не оказало заметного влияния на ход войны, нисколько не ухудшив положение Тевтонского ордена.

В руках поляков в Пруссии оставались только «тевтонские» замки Нессау (Нешава), Торн, Реден, Страсбург (Бродница) и Штум. Бои за Штум, превращенный польским королем в главный оплот своего владычества в Пруссии, продолжались три недели. Не надеясь более на помощь своего короля, польский гарнизон сдал крепость и был отпущен «тевтонами» с миром. На протяжении октября месяца ситуация все больше изменялась в пользу ордена, под власть которого стали быстро возвращаться отпавшие от него после поражения ордена в битве при Танненберге 15 июля 1410 г. прусские города и «земские рыцари». У Генриха фон Плауэ-

на — штатгальтера-наместника Верховного магистра Тевтонского ордена (новый Гохмейстер после гибели прежнего, Ульриха фон Юнгингена, под Танненбергом, избран пока что не был) — хватило ума и выдержки не карать лукавых и неверных подданных ордена за измену. Правда, Плауэн лишил их привилегий, дарованных им летом 1410 г. королем Владиславом Ягелло в награду за их подчинение власти Польши.

Между тем, польский король, избрав самый короткий путь — через Голлуб (Голуб) — возвратился в свое королевство. За возвращающимся польским войском следовал огромный обоз с награбленной в Пруссии богатой добычей.

В результате войны Пруссия была ограблена до нитки. Множество подданных Тевтонского ордена было убито или угнано в полон, поля и нивы опустошены, урожай уничтожен, города отданы на поток и разграбление. Самой главной проблемой, с которой столкнулся орден, была, однако, нехватка финансовых средств. Военные расходы опустошили столь богатую еще не так давно орденскую казну. Отовсюду — в том числе от орденских комтуров Данцига, Диршау (Тчева), Шлохау (Члухова), Тухеля (Тухоли), Меве (Гнева), Брат (т) иана (Брацян), Швеца (Свеце) — к нему нескончаемым потоком шли письма с просьбой о присылке подкреплений и денег, необходимых для продолжения войны и восстановления разрушенных замков и городов. В то же время его извещали о том, что польский король Владислав и его союзник, Великий Князь Литовский Витовт, опять собирают войска для возобновления военных действий.

Чтобы как-то компенсировать тяжелый урон, понесенный орденской армией в битве при Танненберге, «тевтоны» были вынуждены неоднократно прибегать к помощи дорогостоящих наемников. К осени 1410 г. число этих наемных воинов ордена в Пруссии составляло семь тысяч пятьсот человек. Но наемники были готовы нести военную службу только за соответствующую плату. Необходимо было восстановить разрушенную войной административную систему и, прежде всего, избрать законного главу Тевтонского ордена — Верховного магистра (Гохмейстера), способного одновременно решить две главные задачи — успешно защищать орденское государство от внешних врагов и восстановить разрушенное войной хозяйство. К 9 ноября 1410 г. в Мариенбург прибыли высшие должностные лица Тевтонского ордена, необходимые для избрания орденского правительства — нового Гохмейстера и его ближайшего окружения — «гроссгебитигеров», в том числе ландмейстер Ливонии, магистр орденских владений в Германии (Дейчмейстер), а также земские комтуры (ландкомтуры) Австрии, Богемии (Чехии) и области ан дер Этч (Южного Тироля). Они-то и составили Избирательный Капитул (Совет), собравшийся 9 ноября 1410 г. и единогласно избравший Генриха Рейсса фон Плауэна (иной кандидатуры и быть не могло) очередным, двадцать

седьмым, Верховным магистром Тевтонского ордена. Был избран и новый Совет Великих Повелителей, в составе:

1) Великого комтура Германа Ганса;

2) Маршала Михаэля Кюхмейстера фон Штернберга (на момент избрания все еще томившегося в польском плену в крепости Щецины северо-восточнее Кракова, откуда он был освобожден за богатый выкуп только в конце февраля 1411 г.) ;

3) Траппьера Альбрехта фон Тонны и

4) Тресслера Боэмунда Бренделя.

Должность пятого «гроссгебитигера» — Великого госпитальера — осталась за престарелым Вернером фон Теттингеном (единственным «Великим Повелителем», уцелевшим в битве при Танненберге).

Фогтом Новой Марки был назначен Альбрехт фон дер Дубе, бывший ландкомтур Богемии. Новые кадры были назначены и на другие ответственные должности.

Необходимо отметить, что лишь немногие комтуры — например, Эбергард фон Валленфельз (комтур Торна), Ульрих Ценгер (комтур Бранденбурга), Гельферих фон Драге (комтур Рагнита) или граф Фридрих фон Цоллерн (комтур Бальги) — обладали необходимым военно-административным опытом. Им посчастливилось не принимать участие или (как граф Фридрих фон Цоллерн) уцелеть в битве при Танненберге, унесшей жизни всех других обладателей этого поистине бесценного опыта. Все прочие комтуры, получившие назначение в Пруссию, были в ней новичками и плохо разбирались в местной специфике. Комтуром в Данциг был назначен младший брат нового Гохмейстера, которого также звали Генрих фон Плауэн. Комтуром Швеца (Свеце) был назначен Фридрих фон Конштеттен, комтуром Остероде (Остроды) — Конрад фон Зефельн, комтуром Грауденца (Грудзендза) — Иоганн фон Бихау.

Сразу же после своего избрания, новый Верховный магистр, снедаемый жаждой мщения за поражение при Танненберге, начал лихорадочно вооружаться. Он буквально засыпал посланиями владетельных государей тогдашней Германии («Священной Римской империи») и других стран Европы, прося у них поддержки в борьбе с «язычниками и слугами дьявола». Его вооруженные силы получали все больше подкреплений в лице прибывавших из Германии «военных гостей» (крестоносцев-добровольцев) и наемников. Гохмейстера сопровождали епископы Риги (Ливонии), Вюрцбурга и Помезании, граф Геннебергский, Дейчмейстер и многие другие знатные вельможи и должностные лица Тевтонского ордена. Во главе внушительного войска он вступил в Кульмскую землю, чтобы выбить немногие остававшиеся там польские гарнизоны из все еще удерживаемых теми орденских замков.

Войско польского короля стояло в Куявиии. Ягелло с трудом удавалось держать под контролем своих ратников, отнюдь не горевших же-

ланием вновь идти в бой. Король пытался в грамотах, рассылаемых им знатным «военным гостям» Тевтонского ордена, убедить их в справедливости польских политических и территориальных требований и всячески демонстрировал свое миролюбие. Усталость от войны чувствовалась в обоих противоборствующих лагерях. Генриха фон Плауэна стали со всех сторон склонять к началу мирных переговоров, «наступив на горло собственной песне». Осознав всю серьезность и безвыходность сложившейся ситуации (в памяти еще были свежи удручающие картины всеобщей измены, трусости и обмана) Гохмейстер, вопреки собственным убеждениям, был вынужден отказаться от осуществления своих далеко идущих военных планов.

9 ноября 1410 г. им было заключено первое перемирие с разорителями Пруссии. Важнейшим условием перемирия было признание «статус кво». Это означало, что орденские замки Страсбург, Реден, Нессау, Бютов и Торн пока что оставались в польских руках. Состоявшаяся 11 декабря личная встреча Гохмейстера, в сопровождении орденских, чешских и силезских рыцарей, с польским королем (на эту встречу Генрих фон Плауэн согласился крайне неохотно) не привела к согласию относительно условий предстоящего мира. И только вмешательство Великого князя Литовского Витовта в переговоры позволило завершить их успешно. Перемирие несколько раз продлевалось, пока 1 февраля 1411 г. не произошел обмен грамотами о заключении Торуньского мира (впоследствии названного историками Первым). Договор оставлял за Тевтонским орденом большинство его довоенных владений. Иначе обстояло дело с Самогитией (по-литовски: Жемайте, по-польски: Жмудью) — областью, соединявшей прусскую часть орденского государства «мариан» с его ливонской частью. В свое время Самогития была уступлена ордену Литвой, но с тех пор постоянно служила яблоком раздора между литовцами и орденом. Согласно договору признавалась принадлежность Самогитиии к орденскому государству, однако орден уступал эту область Литве до момента смерти короля Ягелло и князя Витовта. После их перехода в лучший мир Самогития должна была вернуться под власть Тевтонского ордена. Эти условия мира, крайне выгодные для ордена Девы Марии, выходившего из войны почти без территориальных потерь, были результатом не поражения «тевтонов» под Танненбергом, а их победы под Мариенбургом.

Однако в дополнительном договоре Гохмейстер обязался выплатить неприятелям контрибуцию в сумме сто тысяч шоков (коп) пражских грошей (в одном шоке содержалось 69 грошей) Официально эта сумма предназначалась для выкупа пленных, томившихся в польских узилищах. Таким образом, польский король надеялся добиться того, чего он не смог добиться силой оружия — разорить «проклятых крыжаков» (так поляки именовали крестоносцев). В тяжелейшей финансовой ситуации, в которой оказался

орден Девы Марии, уплата столь гигантской суммы наверняка означала бы его полный финансовый крах.

Денег у магистра не было, и взять их было неоткуда. На землях ордена запрещалось проживать иудеям, обычно ссужавшим светских и духовных государей Европы немалыми суммами в обмен на привилегии всякого рода. В этом отношении положение польских королей было гораздо более выгодным. Иудейские торгово-ростовщические общины в их владениях процветали, пользуясь полной национально-религиозно-культурной автономией, самоуправлением, множеством привилегий и прав. Не зря, по упоминавшейся выше легенде, иудей Аврам Парховник (Порховник) был даже избран первым польским королем (впрочем, очень скоро уступив корону Пясту — основателю первой польской королевской династии).

Как писал товарищ Карл Маркс:

«Торговые народы древности существовали, как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной, или, вернее, как евреи в порах польского общества». (К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 342).

Вероятно, не случайно в Средневековье о Польше была сложена следующая стихотворная поговорка (могущая, нам, просвещенным людям XXI века, показаться в чем-то юдофобской, но, как говорится, «из песни слова не выкинешь») :

«Clarum regnum Polonorum
Est caelum Nobiliorum,
Paradisum Judaeorum
Et infernum Rusticorum»

или, в переводе на русский язык:

«Светлейшее королевство Польское
Есть царство небесное для знати,
Рай для иудеев
И ад для крестьян (поселян)».

На землях же Тевтонского ордена крестьянам (вопреки Генрику Сенкевичу), напротив, жилось сытно и привольно (естественно, по средневековым меркам). Впрочем, это так, к слову...

55. Судьба Генриха Рейсса фон Плауэна

Как и предчувствовал Верховный магистр Тевтонского ордена Святой Девы Марии граф Генрих Рейсс фон Плауэн, заключенный в 1 февраля 1411 г. в орденском городе Торне «вечный мир» с Польшей и Литвой оказался на поверку типичным «гнилым компромиссом». По этому мирному договору (названному впоследствии Первым Торуньским) Добринская (Добжинская) земля (уступленная в 1396 г. силезским князем Владиславом Опольским Тевтонскому ордену и с тех пор являвшаяся постоянным объектом польских претензий) передавалась Польше, а вся Померания (Поморье) и Кульмская земля закреплялась за орденом Девы Марии. Вопрос о спорных замках Санток и Дрезденко, с прилегающими областями, передавался на рассмотрение комиссии из двенадцати человек, назначаемых польским королем и Гохмейстером Тевтонского ордена (под верховным арбитражем папы римского).

Однако враждебность Польши и Литвы к ордену Святой Девы Марии нисколько не ослабевала, а наоборот, только усиливалась. В обоих государствах царило откровенное разочарование весьма скромными результатами блестящей победы, одержанной объединенным польско-литовским войском над армией Тевтонского ордена в 1410 г. в битве при Танненберге. Ведь не была достигнута даже формальная цель Польши в войне — захват у ордена восточной Померании — Помереллии (не говоря уже о казавшемся, после победы при Танненберге, столь возможным и близким уничтожении прусского государства Тевтонского ордена)! Сходным образом обстояло дело и с Литвой, чей Великий князь Александр-Витовт предъявлял к ордену притязания на территории, никогда не входившие в состав литовской области Самогитии-Жемайте-Жмуди, на возврат которой, на период до смерти Витовта, орден согласился по мирному договору (например, замок и область Мемель, по-литовски: Тройпеду или Клайпеду).

Понесенные орденом Девы Марии в войне с польско-литовской коалицией потери в живой силе (в особенности, что касается «братьев-рыцарей»), были невосполнимы

(ни в количественном, ни в качественном отношении). Тяжелый урон был нанесен и конскому составу — поляки и литовцы разгромили знаменитые прусские конные заводы ордена, угнав множество породистых лошадей и племенных жеребцов. В сложившейся после войны ситуации, перед лицом подавляющего военного, численного и материального превосходства неприятелей, отсутствовали стимулы, способные побудить молодых рыцарей вступать в Тевтонский орден, будущее которого представлялось крайне мрачным (или, во всяком случае, неясным). Генрих фон Плауэн неустанно искал возможности поставить силы и потенциал прусских сословий на службу возглавляемому им ордену. Он потребовал от прусских городов, светских рыцарей, городов, духовенства и ордена Девы Марии участвовать в выплате военной контрибуции Литве и Польше. С этой целью был введен всеобщий денежный налог. Против его введения активно протестовали находившиеся под верховным сюзеренитетом Тевтонского ордена прусские города, причем главным образом — самые крупные и богатые из них (в первую очередь — Данциг). В Данциге дело зашло так далеко, что горожане окружили наскоро возведенной стеной расположенный в черте города орденский замок. Отношения между Данцигом и орденом обострялись день ото дня, пока, наконец, 6 апреля 1411 г. орденский комтур Данцига Генрих фон Плауэн (младший брат и тезка Гохмейстера) не приказал арестовать данцигских бургомистров Лецкау и Гехта, а также члена городского совета Данцига Гросса. В ночь на 7 апреля арестованные были казнены по приказу комтура.

Заговоры и волнения происходили повсеместно, и потому Гохмейстер, ради поддержания авторитета государственной власти, одобрил действия своего брата (хотя тот и не согласовал их с ним). Георг фон Визберг, орденский комтур Редена, сговорившись с предводителем «Союза ящериц (ы)» Никкелем фон Ренисом (чей изменнический уход с поля битвы при Танненберге во главе ополчения рыцарей Кульмской земли — светских вассалов Тевтонского ордена — 15 июля 1410 г. явился одной из причин поражения орденской армии при Танненберге), составил заговор с целью убить Верховного магистра. Заговор был раскрыт и вероломный комтур приговорен к пожизненному заключению. Однако Генриху фон Плауэну стало очевидно, что далеко не все его братья по ордену готовы идти по избранному им тернистому пути великих трудов и лишений. Наоборот, враждебность к Гохмейстеру в собственных рядах все нарастала и, как показал случай с комтуром Редена, гнездилась даже в среде орденского руководства.

Предводители мятежного Кульмского рыцарства, во главе с Никкелем фон Ренисом, были схвачены и сложили головы на плахе в Грауденце (Грудзендзе).

В 1412 г. в Эльбинге был сформирован Ландесрат (Земский Совет) в составе двадцати знатнейших представителей знатнейших родов светских

рыцарей — вассалов ордена Девы Марии — и двадцати семи горожан, представителей крупных и мелких городов. Его целью было поставить все силы Пруссии на службу ордену. Для Генриха фон Плауэна интересы прусского государства Тевтонского ордена стали важнее интересов ордена как такового. Этот гордый, несгибаемый муж не обладал даром прощать виновных перед ним и орденом. Гохмейстер распорядился вернуть в Пруссию всех беглецов, укрывшихся на территории «Священной Римской империи». Рыцари, не выполнившие свой воинский долг в битве при Танненберге или же вступившие в соглашение и союз с поляками (как и некоторые прусские епископы) были обвинены в государственной измене и лишены своих должностей. От «орденских братьев» Плауэн требовал беспрекословного подчинения и слепого повиновения в духе основателей Тевтонского ордена. Он не всегда находил общий язык с подчиненными. Между Верховным магистром и вверенным ему орденом росло отчуждение. Генрих фон Плауэн все больше опирался на своего брата, родственников и друзей его могущественного семейства. Не доверяя больше никому и постоянно опасаясь за собственную жизнь, он, к концу своего правления, был даже вынужден окружить себя телохранителями, чего до него не делал ни один Верховный магистр

Все его мысли и дела были направлены лишь на спасение Пруссии. Уже к осени 1411 г. стало совершенно ясно, что выплата требуемой военной контрибуции литовцам и полякам не только разорит орденское государство, но и всецело подчинит его польскому влиянию. К 10 марта 1411 г. был выплачен первый, а к 24 июня — второй транш подлежащей уплате суммы контрибуции. Однако поляки не освободили пленных, и потому Гохмейстер отказался выплатить третий транш (подлежавший выплате к 11 ноября того же года). В ответ на польские угрозы Плауэн запланировал 25 июля 1412 г. в союзе с Венгрией напасть на Польшу. Однако по рекомендации маршала вместо этого в венгерском городе Офене (Буде) состоялись, при посредничестве короля Венгрии Сигизмунда Люксембургского, мирные переговоры, не приведшие к удовлетворительным для ордена результатам. Мало того! Ордену Девы Марии были предъявлены новые финансовые требования. На этот раз их предъявил его недавний союзник — король венгерский Сигизмунд фон Люксембург, потребовавший денежной компенсации за свое посредничество. Оправдались худшие опасения Гохмейстера, не ожидавшего от мирных переговоров ничего хорошего и прозорливо предупреждавшего маршала: «Вы ведь хорошо знаете поляков, и хорошо знаете, что верить им нельзя».

В этой ситуации Генрих фон Плауэн, не видя иного выхода, кроме войны, принял решение описать сложившееся положение и тем самым обосновать избранный им образ действий, в оправдательном послании, адресованном светскому рыцарству и городам Пруссии, а также владетельным

государям «Священной Римской империи». Гохмейстер приказал усилить укрепления Мариенбурга (при этом были, в частности, возведены новые бастионы для «огненного боя» на восточной стороне замкового комплекса). Одновременно фон Плауэн старался усилить артиллерийское вооружение всех орденских замков.

Кроме того, Гохмейстер навербовал большое число наемников (в основном чехов и силезцев). Свои вооруженные силы Генрих фон Плауэн разделил на три отряда. Командовать первым отрядом он назначил Великого комтура графа Фридриха фон Цоллерна — одного из своих немногих верных друзей и участника битвы при Танненберге, никогда не забывавшего этот трагический день. Фридрих фон Цоллерн был, в описываемое время, одним из немногих «гебитигеров», много лет верно служивших ордену Девы Марии. В 1389 г. граф фон Цоллерн стал компаном (адъютантом) комтура Бранденбурга, а впоследствии — компаном маршала ордена. В 1402 г. он стал фогтом (наместником) Диршау, затем — комтуром Рагнита (Рагнеты, Раганиты), а в 1410 г. — комтуром Бальги.

Во главе второго отряда орденского войска Гохмейстер Плауэн поставил своего брата Генриха фон Плауэна (упоминавшегося выше комтура Данцига).

Во главе третьего — своего двоюродного брата и соратника по обороне Мариенбурга, которого тоже звали Генрих фон Плауэн!

Момент для нападения был выбран очень удачно. Именно в описываемое время польский король Владислав Ягелло и его двоюродный брат Великий князь Литовский Витовт праздновали в Городле на реке Буг заключение польско-литовской Городельской унии. Гохмейстер не мог лично возглавить орденское войско, выступившее в поход. Внезапный приступ болезни приковал его к постели в орденской столице Мариенбурге. Цель начавшегося осенью 1413 г. похода заключалась в опустошении польского и мазовецкого приграничья. «Тевтоны» попытались взять приступом несколько укрепленных городов, но овладеть ими не смогли. На одиннадцатый день похода его верховный предводитель, маршал ордена Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг, самочинно приказал орденскому войску отступить. Он действовал как глава одной из партий, на которые раскололся Тевтонский орден — партии, находившейся в оппозиции к Гохмейстеру фон Плауэну, партии сторонников мира любой ценой. Гохмейстер, несмотря на болезнь, назначил на 14 октября в Мариенбурге заседание Капитула (Верховного Совета ордена), на котором собирался призвать маршала к ответу. Но и маршал не дремал. В качестве контрмеры он, при содействии Дейчмейстера (магистра всех владений Тевтонского ордена в Германии) и ливонского ландмейстера (магистра владений Тевтонского ордена в Ливонии), строил планы отрешения Верховного магистра от должности. Заговорщики предварительно заручились поддержкой семидеся-

ти трех «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена. Они объявили Генриха фон Плауэна (по прежнему прикованного к одру болезни) отрешенным от должности, отняв у него знаки гохмейстерской власти (включая знаменитое кольцо Верховного магистра с рубином и двумя алмазами). Генриха фон Плауэна обвинили в разжигании войны, в нарушении духа и буквы устава Тевтонского ордена и в разорении орденского государства непомерными налогами и поборами. Большинство этих обвинений было высосано из пальца и могло быть легко опровергнуто, но этого никто не сделал. В действительности дело было в том, что попытки реформ, предпринятые Генрихом фон Плауэном, ущемляли сиюминутные «шкурные» интересы эгоистичных, недальновидных, живших только сегодняшним днем «орденских братьев».

После низложения, бывшего Гохмейстера на какое-то время, по его собственному желанию, назначили комтуром Энгельсбурга. Однако 7 января 1414 г. Генриха фон Плауэна заставили публично заявить о своем — якобы добровольном! — отказе от должности Верховного магистра. Когда 9 января Верховным магистром был избран вероломный заговорщик Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг, Генрих фон Плауэн был принужден присягнуть изменнику и кознодею в верности. Генриха фон Плауэна Младшего (брата низложенного Гохмейстера) сместили с поста комтура Данцига и назначили на малозначительный пост смотрителя орденского странноприимного дома в Лохштедте. В Лохштедте тот попытался собрать вокруг себя сторонников низложенного Гохмейстера и восстановить его в должности, при помощи иноземных государей (в том числе даже при поддержке польского короля, которому очередная смута в стане «проклятых крыжаков» была только на руку). Однако среди заговорщиков нашелся изменник. Заговор был раскрыт, многие из его участников арестованы. Самому Генриху фон Плауэну Младшему, обвиненному в измене и заочно приговоренному к смерти, удалось бежать в Польшу, где он, в белом орденском плаще с черным «тевтонским» крестом, был с почетом принят, в присутствии всех можновладцев (магнатов) королевства, самим королем польским, не оказавшим, однако, беглецу из Лохштедта никакой реальной помощи. Дальнейшая судьба Генриха фон Плауэна Младшего покрыта мраком неизвестности.

Хотя бывший Гохмейстер Генрих фон Плауэн не был лично причастен к заговору, организованному Плауэном Младшим, он был схвачен по обвинению в измене Верховному магистру и ордену и брошен за решетку. Мариенбургскому герою пришлось просидеть семь лет в данцигской, а затем — еще три года в бранденбургской тюрьме,

С момента отрешения Гохмейстера фон Плауэна от должности Верховного магистра вся военно-политическая история Тевтонского ордена в Пруссии пошла под уклон. Прежняя орденская структура уже давно

не отвечала духу времени и, как выяснилось, не имела в Пруссии прочных корней. Только этим можно объяснить крах всех орденских структур после сражения при Танненберге. Попытка Генриха фон Плауэна повести орден и подчиненную ордену Пруссию путем реформ, ведя одновременно вооруженную борьбу за независимость, была единственной возможной альтернативой...

Низложение Верховного магистра было чем-то дотоле неслыханным в истории Тевтонского ордена Святой Девы Марии. Это событие продемонстрировало всему миру (и в первую очередь — польскому королю), что рушатся прежние основы могущества ордена — дисциплина, послушание, порядок. Надежды «гроссгебитигеров» успокоить поляков и удержать их от враждебных действий низложением Гохмейстера фон Плауэна, железная воля и несгибаемый характер которого спасли Тевтонский орден от неминуемой гибели после поражения при Танненберге, оказались тщетными. В 1414 г. король Ягелло начал против ордена Девы Марии очередную войну.

Новый Верховный магистр Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг не осмелился выйти в поле на бой с Ягелло. Войска «мариан» остались за стенами укрепленных орденских замков.

Оттуда они, особенно в ясную погоду, могли наблюдать за тем, как польские интервенты в очередной раз жгут города и села, пытают, убивают и гонят в полон население. Поляки разрушили Алленштейн, Гейльсберг, Ландсберг, Крейцбург, Христбург и Мариенвердер, отстроенные незадолго перед этим с таким трудом. Мало того! Часовня, возведенная по приказу Генриха фон Плауэна в 1411 г. на поле Танненбергской битвы «ради спасения души и упокоения в мире всех восемнадцати тысяч павших на этом поле христиан (т.е. не только «тевтонов», но и их противников!)», была сначала разграблена, а затем разрушена польскими ратниками. При этом стал жертвой огня «Образ Пресвятой Девы Марии неописуемой красоты».

При ТАКОМ руководстве Тевтонскому ордену не оставалось ничего другого, кроме подписания унизительного мира, чреватого для него ощутимыми территориальными потерями. 10 марта 1422 г. Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг отказался от должности Верховного магистра. Его преемник на этом посту, Пауль фон Русдорф (1422–1441) приказал 28 мая 1429 г. освободить тяжело больного Генриха фон Плауэна из заключения. Ровно через семь месяцев, 28 декабря 1429 г., герой Мариенбурга перешел в лучший мир. И — странное дело — мертвому герою Тевтонский орден оказал те почести, в которых отказывал ему при жизни. Его бренные останки, накрытые белым гохмейстерским плащом, были погребены в мариенбургской часовне Святой Анны — усыпальнице Верховных магистров — рядом с прахом героя Танненберга Ульриха фон Юнгингена...

Однако упокоиться в Мариенбурге навечно его защитнику все-таки не пришлось. В 2007 г., судя по сообщениям в польской и немецкой прессе, польские археологи обнаружили в крипте собора г. Квидзина (древнего Мариенвердера) прах нескольких сановников Тевтонского ордена, судя по сохранившимся на скелетах остаткам дорогих шелковых тканей и аксессуарам (застежкам и т.д) из драгоценных металлов. В результате антропологических анализов и анализа ДНК археологи пришли к мнению, что три скелета из числа найденных в крипте принадлежали Верховным магистрам ордена Девы Марии — Вернеру фон Орзельну (1324–1330), Лудольфу Кёнигу (1342–1345) и...Генриху Рейссу фон Плауэну (1410–1413)...

Впоследствии спасителю Мариенбурга, да и всего Тевтонского ордена после танненбергского разгрома был воздвигнут памятник в его родном городе Плауэне, расположенном в настоящее время в германской федеральной земле Тюрингия.

В 1430 г. окончил свою бурную земную жизнь Великий князь Литовский Витовт. В 1434 г. за Витовтом последовал в мир иной его двоюродный брат — польский король Владислав Ягелло (король, правление которого оказалось самым продолжительным в истории польской монархии). Ни один, ни другой не дожили до окончательного крушения власти ордена Девы Марии над Пруссией, но оба ясно сознавали, что своей победой над орденским войском при Танненберге создали для этого главную предпосылку.

Вследствие всех перечисленных выше военно-политических и финансовых проблем, орден Приснодевы Марии оказался настолько ослаблен, что против него взбунтовались его же собственные подданные немецкого происхождения! — горожане и — самое главное! — рыцари-вассалы ордена Девы Марии (еще до танненбергского разгрома основавшие упоминавшийся выше тайный «Союз Ящериц (ы)», стремившийся к свержению орденской власти), объединившиеся с другими сословиями орденского государства, в том числе с мятежным бюргерским «Союзом городов», в так называемый «Прусский союз», захватившие изменой большинство орденских замков и призвавшие на помощь польского короля.

Неверные вассалы Тевтонского ордена, во главе которых встал рыцарь Ганс фон Байзен, стремились заменить для себя твердую орденскую власть польско-литовский «шляхетной вольностью». Горожане, недовольные возросшими поборами, необходимыми для выплаты Польше и Литве контрибуции, и недопущением их к управлению государственными делами, восстали против власти ордена (после того, как Гохмейстер Генрих Рейсс фон Плауэн, попытавшийся удовлетворить их требования и привлечь бюргеров к управлению государством, столкнулся с «непримиримой оппозицией» в лице орденских рыцарей, был отрешен от власти и заключен в узилище).

Следует заметить, что и «братья-рыцари» Тевтонского ордена стали к описываемому времени уже не те, что прежде. Со временем они стали предъявлять к орденскому руководству все большие требования касательно уровня жизни (хотя при вступлении в орден, по старой памяти, приносили обет нестяжания, т.е. клялись перед Богом и Девой Марией жить в бедности, как то приличествует монахам). Дело дошло до того, что Верховному магистру Конраду фон Эллърихсгаузену (именуемому во многих источниках Эрлихсгаузеном) даже пришлось ввести в орденский устав отдельный пункт, дозволявший должностным лицам ордена держать охотничьих соколов, а простым «братьям-рыцарям» — собак. Мало того! Пришлось также издать официальный запрет «братьям-рыцарям» брать собак с собой в церковь! Если «братья-рыцари» не получали достойного, по их мнению, содержания, приличного их дворянскому статусу, они могли теперь обращаться к своим влиятельным родственникам, нередко оказывавшим соответствующее давление на Дейчмейстера, ландмейстера Ливонии и даже на самого Гохмейстера ордена Девы Марии!

Для борьбы с восставшими, составлявшими до сих пор основную военную силу Тевтонского ордена, Верховный магистр уже не мог призвать на помощь иноземных крестоносцев, готовых обнажить меч только против язычников, но уж никак не против своих собратьев по Вере, да еще и вчерашних орденских вассалов! Пришлось прибегнуть к помощи наемников, которые стоили немалых денег. В результате орденская казна была окончательно опустошена.

Уже недалек был тот день 1454 г., в который чешские и силезские наемники, защищавшие Мариенбург от поляков и давно не получавшие причитавшееся им жалованье, взбунтовались и продали замковый комплекс полякам (тем более, что он был заложен им Гохмейстером в счет будущего жалованья). Гохмейстер Людвиг фон Эрлихсгаузен (Элльрихсгаузен), обобранный наемниками до нитки, был вынужден спасаться бегством из Мариенбурга, служившего на протяжении ста сорока восьми лет резиденцией семнадцати Верховным магистрам Тевтонского ордена. Город Мариенбург был сдан взбунтовавшимися горожанами войскам «Прусского союза». Мариенбургский бургомистр Варфоломей (Бартоломеус) Блуме, сохранивший верность ордену, был четвертован, его соратники по городскому совету — также четвертованы или обезглавлены. Отныне резиденцией Гохмейстеров стал Кенигсберг (по-польски: Кинсберг, или Крулевец). Впоследствии, по условиям подписанного в 1466 г. Второго Торуньского мирного договора, ордену Девы Марии пришлось уступить Польше всю Восточную Пруссию.

Пока же этот черный для Тевтонского ордена день еще не наступил. Но войны с взбунтовавшимися подданными и Польско-Литовским государством осложнялись вторжениями на орденские земли войск еретиков-гуситов — «страха и ужаса» всей тогдашней Центральной и Западной Европы.

56. «Железные змеи» тевтонов

Когда Тевтонский орден стал одолевать, бунтовщики обратились за помощью к польскому королю Казимиру IV из рода Ягеллонов и навели на Пруссию поляков. Вспыхнувшая война с заметно укрепившимся после танненбергского разгрома «мариан» Польским королевством способствовала дальнейшему развитию охватившего орденское государство в Пруссии острейшего социального кризиса. Началась так называемая Тринадцатилетняя война (1454–1466).

Ее начало было ознаменовано неожиданно — прежде всего для поляков! — блестящей победой орденской армии. 18 сентября 1454 г. знамена Тевтонского ордена Девы Марии стали свидетелями сокрушительного разгрома войск польского короля Казимира IV Ягеллончика (1447–1492) объединенной армией Тевтонского ордена под командованием очередного...Генриха фон Плауэна (!) в битве при Конице. Этот Генрих фон Плауэн был тезкой, однофамильцем и родным племянником усопшего в 1413 г. Гохмейстера (и сам впоследствии, в 1467–1470 гг., являлся Верховным магистром Тевтонского ордена). В битве при Конице поляки потеряли только убитыми три тысячи человек, в том числе королевских маршалка и канцлера, десятки капитанов (воевод), рыцарей и шляхтичей. В руки «тевтонов» попало знамя Польского королевства (которое полякам на этот раз не удалось отбить обратно — в отличие от битвы при Танненберге) ! Самому королю Казимиру пришлось искать спасения в бегстве. В руки орденских войск попала вся польская артиллерия и весь польский обоз — четыре тысячи возов с провиантом, казной, вооружением и снаряжением всякого рода...

Если бы тевтонским рыцарям удалось нанести полякам столь тяжелое поражение сорока годами ранее, оно уравновесило, а может, даже перевесило бы по своему значению поражение ордена под Танненбергом. Но...история не знает сослагательного наклонения. Время было безвозвратно упущено, и победа при Конице осталась всего лишь отдельным (хотя и героическим) эпизодом в истории

войны ордена Девы Марии не столько с внешним, сколько с внутренним врагом (своими собственными неверными вассалами)...

Конец Тринадцатилетней войне был положен заключением Второго Торнского (Торуньского) мира (1466), закрепившего окончательную утрату Тевтонским орденом господства над львиной долей своих владений, расположенной в Пруссии, сведение численности орденского войска к минимуму и превращение союзных Польши и Литвы в доминирующий военно-политический фактор во всем Прибалтийском регионе.

Тем не менее, победоносным соседям побежденного ордена Пресвятой Девы Марии по-прежнему было чему у него поучиться. Так, к числу несомненных заслуг тевтонской администрации, следует отнести, к примеру, доведенную до подлинного совершенства организацию управления орденским государством, нашедшую свое отражение, в частности, в инвентарных списках военного имущества, тщательно регистрировавшегося во всех орденских комтурствах (командорствах), а, начиная с 1400 г., сводившихся воедино и обобщавшихся в «Большой должностной книге» (нем.: «Дас Гроссе Эмтербух», das Grosse Aemterbuch) — первоначально в орденской столице Мариенбурге, а после сдачи Мариенбурга полякам и мятежникам из «Прусского союза» наемными чешскими и силезскими воинами Тевтонского ордена, взбунтовавшимися из-за задержки выплаты причитавшегося им жалованья, — в Кенигсберге.

И вообще, военная бухгалтерия Тевтонского ордена по сей день является поистине неоценимым источником сведений по военной истории. Немалый интерес представляют также сведения, которые можно почерпнуть из журналов ведомства верховного Казначея — скарбника, или «тресслера» ордена (от старонемецкого слова Tressel, означавшего орденскую казну), ведшихся в Мариенбурге-на-Ногате, начиная с 1399 г. В журналах орденского Казначея регистрировались все расходы на вооружение и оснащение орденских замков и крепостей, в том числе огнестрельным оружием.

Они содержат, в частности, немало ценной информации о составе пороха, использовавшегося при стрельбе из крепостной и полевой артиллерии ордена, а также ручного огнестрельного оружия, о металлах для сплавов, применявшихся при литье орденских пушек и ручниц, о технологических методах, применявшихся при изготовлении других видов вооружения орденских войск, и т.п.

Далеко не случайно польский поэт Адам Мицкевич писал в своей героической поэме «Гражина» о воинах комтура ордена Девы Марии Дитриха фон Книпроде, прибывших в замок литовского князя: «У каждого из них — железный змей». Это, конечно, поэтическое преувеличение, однако уровень оснащения ратников-«мариан» огнестрельным оружием был действительно достаточно высоким (во всяком случае, по средневековым меркам).

а) Оснащенность огнестрельным оружием

Наличие огнестрельного оружия, состоявшего на вооружении войск Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии, было впервые засвидетельствовано на территории орденского государства в Пруссии в замке Лейпе (по-польски: Липинек), оснащенного пушками (неточно именуемыми иногда «бомбардами»; почему неточно, мы скоро узнаем!) уже в 1374 г. В течение последующих пятнадцати лет пушками были оснащены еще семь орденских замков, также расположенных в Пруссии. С учетом того, что на протяжении следующих пятидесяти лет пушками были оснащены пятьдесят восемь замков Немецкого ордена в Пруссии, можно считать, что первоначально огнестрельное оружие (Eisenschlangen, или «железные змеи», как их тогда называли, по аналогии с изрыгающими дым и пламя змеями-драконами из германских героических сказаний) распространялось не слишком-то быстро.

А если вспомнить, что на территории собственно Германии литье бронзовых пушечных стволов, существование мастеров-пушкарей («бюксенмейстеров») и достаточно широкое применение огнестрельного оружия были засвидетельствованы уже не позднее середины XIV в., это сравнительно позднее введение огнестрельного оружия как раз в предельно военизированном орденском государстве «тевтонов» может показаться достаточно странным. Возможно, данный феномен объясняется нетипичным по своей большой продолжительности мирным периодом в истории Тевтонского ордена, наступившим после Крестового похода на Литву в 1345 г. и успешного отражения вооруженными силами ордена литовских контрударов, направленных против Кенигсберга. Тем не менее, к концу XIV в. уже все укрепления в прусских владениях ордена были оснащены огнестрельным оружием (ибо наличие там многочисленной артиллерии неоднократно засвидетельствовано как в орденских, так и в польских хрониках и документах).

Здесь нам представляется необходимым сделать следующую оговорку. Говоря о «пушках» или «бомбардах», состоявших на вооружении войск Тевтонского ордена, мы пользуемся достаточно неточным переводом средне-верхненемецкого термина «боксе» (bochse) или «бюксэ» (buechse), что в переводе означает буквально «банка». Об этих орудиях точно известно, что, в отличие от первых западноевропейских бомбард, стволы которых изготавливались первоначально из продольно сваренных железных полос, скреплявшихся, наподобие бочек, набивавшимися на ствол металлическими обручами, тевтонские «бюксы» с самого начала имели кованые или литые стволы. Судя по всему, и, в том числе, по сохранившимся средневековым миниатюрам описываемого периода, речь шла о примитивных огнестрельных орудиях с весьма коротким стволом, действительно напоминавшим по конфигурации банку. Кстати, от этого же слова происходит и название всем нам хорошее известного «аркебуза» (или «аркебузы»), которое звучит

по-немецки как «гакенбюксэ» (Hakenbuechse), то есть буквально: «банка (пушка) с крюком», что соответствует древнерусскому и малороссийскому термину «гаковница» (от слова «гак» — «крюк»).

Известно также, что в войне с Польшей и Литвой в 1409–1410 г., в том числе в судьбоносной для ордена битве под Танненбергом, орденские войска имели артиллерию, которая, однако, не оказала заметного влияния на исход всей войны вообще и решающей битвы — в частности. Тевтонские пушкари успели дать только один залп по атакующей татарско-литовской коннице ханов Багардина и Джелал-эд-Дина. Артиллерия имелась и на вооружении противников ордена, но и те использовали ее в весьма ограниченных масштабах, да и то лишь в качестве «завершающего аккорда» сражения. Битва при Танненберге (вопреки широко распространенным представлениям, основанным не столько на исторических документах, сколько на, безусловно, талантливом, но оттого не перестающим быть крайне тенденциозным литературным произведением, романе нобелевского лауреата Генрика Сенкевича «Крестоносцы», и на экранизации этого романа Александром Фордом) представляла собой исключительно конное сражение. И лишь после разгрома тевтонской конницы польский главнокомандующий Зындрам из Машковиц заявил, что «рыцари свое дело сделали, а теперь настал черед показать себя и пехоте». Речь шла о необходимости взять штурмом тевтонский укрепленный лагерь из повозок («вагенбург»), в котором засела пехота ордена, его вассалов и союзников. Штурму предшествовала артиллерийская подготовка. Польско-литовские пушкари выпалили по «вагенбургу» в упор изо всех стволов, после чего пехоте победителей осталось добить уцелевших «крыжаков» холодным оружием. Именно в бою за «вагенбург» (а не в предшествовавших ему конных схватках) полегло больше всего участников сражения.

Почти сразу же после поражения армии орденских рыцарей, их вассалов и союзников в битве под Танненбергом в 1410 г., при энергичном Верховном магистре Генрихе фон Плауэне, в области вооружения тевтонов произошли значительные изменения. В то время, как количество огнестрельного оружия в орденских арсеналах в течение десяти лет до роковой для ордена битвы возросло всего лишь на шестьдесят два процента, после поражения началась поистине лихорадочная «гонка вооружений» (конечно, в средневековых масштабах, достаточно ограниченных по сравнению с современной!), приведшая к тому, что запасы огнестрельного оружия орденской армии всего за пять лет возросли в четыре с половиной раза!

б) «Лотбюксы»

Большую часть огнестрельного оружия в тевтонском орденском государстве составляли так называемые «лотбюксы» или «лотбоксы» (нем.:

Lotbuechsen, Lotbochsen). В зависимости от калибра, они фигурируют в документах и летописях либо под названием «малые лотбюксы» (kleine Lotbuechsen) — и в этом случае, по-видимому, речь идет о ручном огнестрельном оружии («ручницах» или «ручных бомбардах») — либо же под названием «большие лотбюксы» (нем.: grosse Lotbuechsen). Для стрельбы из последних требовался «лот» (нем.: Lot). Это средневековое немецкое слово соответствует современному немецкому же слову «ладе» (Lade), означающему буквально «полка» (ср. также с родственным русским словом «лоток» — «маленький лот»). Этим словом обозначалось выдолбленное бревно, служившее в качестве ложа (о лафете в данном случае говорить было бы еще слишком рано) для закрепления на нем металлического орудийного ствола (кстати, от слова «ладе» происходят современные немецкое слово «laden» и английское слово «load», означающие «заряжать», равно как и немецкое слово «Ladung», означающее «заряд»).

Таким образом, «большие лотбюксы» можно смело отнести к категории мелкокалиберных артиллерийских орудий. «Лот», или «ложа», в свою очередь, закреплялся для ведения стрельбы на поперечном брусе, скамье или просто бревне (в случае полевого сражения) или в промежутке между зубцами крепостной стены, в бойнице и т.п. (при отражении неприятельской осады). Стрельба из «больших лотбюксов» велась главным образом свинцовыми ядрами, стрельба из «малых (ручных) лотбюксов» — соответственно, свинцовыми пулями. Впрочем, точно определить разницу в калибре ныне представляется достаточно сложным. Обычно упоминаются свинцовые ядра диаметром до пятидесяти пяти миллиметров; однако в некоторых источниках идет речь и о действительно крупнокалиберных «лотбюксах», так называемых «величайших бюксах» (нем.: groesste buechsen), калибр которых в некоторых случаях достигал ста миллиметров.

Так, на основании одной из записей, содержащейся в «Большой должностной книге», можно сделать вывод, что в 1432 г. орденский замок Нессау (по-польски: Нешава), расположенный близ Торна, был вооружен восемнадцатью лотбюксами, из которых девять были медными, а другие девять — железными (achtzehn lotbuechsen daronder sien neun copperne, neun iseren). Вообще же число железных пушек и ручниц в орденской Пруссии, судя по всему, превышало число медных (и бронзовых). Следует заметить, что уже в 1420 г. было засвидетельствовано наличие в составе орденской артиллерии нового типа орудий, заряжавшихся с казенной части (так называемых «каммербюкс» — или, по-русски, каморных пушек) — орудий со сменными пороховыми каморами, при помощи клина плотно прижимавшимися сзади к собственно стволу, орудий на примитивных колесных лафетах (так называемых «шарфметц», буквально: «злых девок») и т.д.

в) «Штейнбюксы»

Термин «штейнбюксы» (нем.: Steinbuechsen, что можно перевести, с одной стороны, как «камнеметы» или «орудия для стрельбы камнями», а с другой — как «орудия для разрушения каменных укреплений», то есть «стенобитные орудия»), впервые засвидетельствованный на территории тевтонского орденского государства в Пруссии не позднее 1385 г., использовался в качестве собирательного понятия для обозначения артиллерийских орудий самого различного калибра, со стволами, изготовленными из самых различных металлов и сплавов (железа, меди или бронзы).

Эта исключительно осадная артиллерии, предназначенная для разрушения каменных стен и составлявшая примерно четверть от общего числа огнестрельных орудий, имевшихся в орденских арсеналах, являлась наиболее эффективным, но в то же время и самым дорогостоящим видом тевтонской артиллерии. Поскольку в орденских расходных книгах регистрировались исключительно затраты на приобретение материалов для изготовления соответствующих видов вооружений, и лишь изредка указывались габариты орудий, сегодня очень сложно соотнести упоминаемые в инвентарных описаниях «малые бюксы», «средние бюксы» или «большие бюксы» с конкретными калибрами.

На основании регистрационных записей вроде: «две пушки, кои стреляют камнем размером с голову» (нем.: zwey bochsen dy schisen eynen steyn als eyn houpt gros), невозможно точно определить калибр этих орудий. Начиная с 1409 г. встречаются упоминания о новой военной разработке — так называемой «длинной бюксе (длинной пушке)», или «лангбюксе» (нем.: lange boechse, lange buechse). Значительно возросшая масса ствола этого орудия делала его более тяжелым и, соответственно, менее транспортабельным, зато, благодаря более длинному стволу орудия, возрастала эффективность используемого для стрельбы порохового заряда, что обеспечивало за «длинными пушками» такие технические преимущества, как гораздо большая пробивная сила снаряда, большая дальность стрельбы и более высокая точность попадания. Со временем этот тип орудия эволюционировал в так называемую «серпентину» (по-немецки: «фельдшланге», что означает буквально «полевая змея» или «полевой змей»).

г) Каменные ядра

Сохранившиеся до наших дней каменные ядра, которыми в орденском государстве «тевтонов» при осадах крепостей и городов стреляли из «стенобитных» (и в то же время «камнеметных») орудий-«штейнбюксов», состоят из твердых пород гранита. Для обтесывания этих каменных ядер орденские

пушкари использовали стальные инструменты, обозначаемые в расходных книгах орденских бухгалтеров термином «биккены» (нем.: Bicken). В книги прилежно заносились также все расходы на заточку и закаливание этих инструментов. Соответствие размера каменных ядер установленным габаритам (важный показатель качества, проверка которого была абсолютно необходима для предупреждения застревания ядра в канале ствола и разрыва ствола орудия при выстреле) контролировалось при помощи специальных железных обручей и колец либо деревянных шаблонов, посредством которых осуществлялась выбраковка «некондиционных» ядер.

д) Компоненты сплавов для орудийных стволов

В бухгалтерских книгах Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии содержится немало точных сведений о компонентах бронзовых сплавов, применявшихся при литье стволов орденских пушек. Первоначально для литья стволов использовалась чистая, беспримесная медь, отличавшаяся большой твердостью, но быстро изнашивавшаяся и требовавшая, вследствие своей малой прочности, соответствующего изменения габаритов в сторону укорачивания ствола и уменьшения калибра. Доля олова, добавлявшегося в пушечную медь, колебалась в пределах пяти-двадцати двух процентов.

Особенно много олова добавлялось в стволы крупнокалиберных орудий, с целью придания им максимального запаса прочности. Однако высокое содержание олова в орудийных стволах имело и свою слабую сторону. Олово — металл достаточно хрупкий, и потому повышение его содержания в бронзовых стволах приводило к их более частым разрывам в процессе стрельбы. Засвидетельствовано, что в среднем около трех процентов от общего числа отлитых пушек Тевтонского ордена разрывались при стрельбе.

е) Боеприпасы

В 1409 г., всего за год до Танненбергской битвы, орден Пресвятой Девы Марии в очередной раз выступил в поход против Польско-Литовского государства. Обеспечение успеха этого крупномасштабного военного предприятия потребовало от Тевтонского ордена немалых усилий в области вооружения, вербовки наемников (после крещения Литвы — хотя и во многом формального! — резко уменьшилось число крестоносцев-добровольцев из Центральной и Западной Европы, до этого ежегодно тысячами стекавшихся под знамена ордена для участия в вооруженных паломничествах-«рейсах» в земли литовских язычников) и закупок новых видов оружия.

В мариенбургской приходно-расходной книге орденского Казначея за 1409 г. содержится запись о закупке Тевтонским орденом в этом году 23 779 фунтов селитры и десяти тонн липового древесного угля для изготовления пороха. С учетом тогдашнего обычного содержания этих компонентов в порохе (четыре части селитры на одну часть серы и одну часть угля), можно заключить, что закупленных в 1409 г. военным ведомством Тевтонского ордена материалов было достаточно для изготовления примерно семнадцати тонн первосортного для того времени пороха. В пересчете на имевшиеся на тот момент в орденских замках запасы пороха и зарегистрированное количество орудийных снарядов, и исходя из того, что на произведение одного выстрела в среднем расходовалось от трех с половиной до четырех килограммов пороха, можно, на основании имеющейся информации о закупках компонентов, сделать вывод о том, что орденская артиллерия произвела в 1409 г. не менее пяти тысяч выстрелов.

ж) Арбалеты и луки

Однако действительно адекватное представление о богатстве арсеналов и «огневой мощи» артиллерийского парка орденского государства «тевтонов» можно составить себе лишь с учетом столь важного по тем временам вида оружия, как арбалеты (самострелы, ручные баллисты или, по-польски, «кущи»).

В начальный период введения огнестрельного оружия в «Должностных книгах» Тевтонского ордена было зарегистрировано наличие в арсеналах около пяти тысяч баллист (арбалетов), что вполне соответствует общему числу воинов ордена в Пруссии (без учета орденских контингентов в Ливонии и на территории «Священной Римской империи»), несших службу с оружием в руках в 1379 г.: восемьсот двадцать четыре «брата-рыцаря» (составлявших тяжелую конницу), а также около шести тысяч конных и пеших «братьев-сариантов» и прочих воинов (кнехтов), частично также конных.

Кстати, в войске Тевтонского ордена служили также превосходные лучники. На вооружении орденских лучников состояли так называемые «длинные луки», изготовлявшиеся из тиса (кстати, тисовые палки для луков знаменитых английских лучников доставлялись в Англию именно из прусских владений Тевтонского ордена!), клена, ореха или ясеня. Тетивы для них плелись из льняных или конопляных волокон.

Стрела, выпущенная из «длинного лука», пролетала около шестисот-семисот метров, а на расстоянии двухсот метров меткий лучник мог вывести из строя противника, не защищенного доспехами (пробивную способность стрелы из лука не следует преувеличивать — во всяком случае, она не могла на расстоянии двухсот метров «пробить стальной шлем» или «насквозь

пронзить стальные латы», как бы этого ни хотелось историческим романистам или «популяризаторам истории»!). Тем не менее, орденские лучники и арбалетчики представляли собой грозную силу, ибо хорошо управляемый, сосредоточенный «огонь» многочисленных стрелков, каждый из которых был способен выпустить до десяти стрел в минуту, мог рассеять большое неприятельское войско.

Кроме того, арбалетчики и лучники приносили ощутимую пользу при осадах и штурмах замков, крепостей и осажденных городов. Под градом выпущенных ими болтов и стрел осажденные были вынуждены прятаться за зубцами крепостных стен и башен, не имея возможности оказать штурмующим достойного сопротивления.

Были среди орденских арбалетчиков и подлинные «снайперы» (вроде неоднократно упоминавшегося нами баллистария Генриха фон Таупаделя).

Необходимо отметить, что и после повсеместного распространения огнестрельного оружия и его лихорадочно-активного внедрения в орденской армии, в качестве реакции на проигрыш «тевтонами» битвы при Танненберге (согласно польским сведениям, Тевтонский орден вывел в поле при Танненберге двадцать одну тысячу конных и около девяти тысяч пеших воинов, которым противостояло объединенное польско-литовское войско, имевшее в своем составе двадцать девять тысяч рыцарей и конных воинов и две тысячи пятьсот пехотинцев; по немецким сведениям, войско Тевтонского ордена состояло из десяти-двенадцати тысяч, а войско противостоявшей ему польско-литовской коалиции — из двадцати тысяч воинов, конных и пеших; вероятно, истина, как всегда, лежит где-то посредине), арбалет еще долго конкурировал с «лотбюксами», по-прежнему сохраняя свое военное значение.

Так, в период войн ордена Приснодевы Марии с поляками и прусскими мятежниками в 30-е годы XV в., в тевтонских арсеналах, наряду с восемьюстами тридцатью единицами огнестрельного оружия, все еще насчитывалось около четырех тысяч трехсот восьмидесяти легких ручных и тяжелых станковых арбалетов (аркубалист). И лишь в конце XV в., по мере исчезновения с полей сражения тяжелой рыцарской конницы с ее длинными копьями, в качестве основной ударной силы орденского войска, пальма первенства окончательно перешла к огнестрельному оружию. Именно искусное владение орденской артиллерией разных калибров, аркебузами и мушкетами помогло прусским «тевтонам» и их ливонским собратьям по ордену выстоять до самой Ливонской войны.

57. Война тевтонских рыцарей с гуситами

а) Зачин

«...военные орудия, коими пользуется рыцарь, суть копье, кинжал, арбалет, лук, моргенштерн, бациллард, метательный топор, а также нож, палица и фаустбрюгель...». В этом перечислении, в которое он включил, кроме вышеперечисленных, и такой типично рыцарский предмет вооружения, как меч, известный чешский религиозный реформатор и профессор Пражского университета Ян Гус, сожженный в 1415 г. по постановлению Констанцского собора римско-католической церкви за ересь, что положило начало первой волне антикатолической реформации — так называемым Гуситским войнам, в ходе которых проявилась яркая пассионарность чешского народа, описал достаточно широкий спектр вооружения, использовавшегося в Западной Европе в начале XV в.

До наших дней дошло немало современных Яну Гусу книжных миниатюр, гравюр, а также немало молитвенников и изданий христианского Священного Писания с изображениями всех перечисленных выше видов оружия, в порыве благочестивого невежества перенесенных средневековыми живописцами и граверами в библейские времена. И хотя на средневековых иллюстрациях к историческим хроникам, в особенности изображающих сцены сражений, почти не заметно различий между вооружением католических феодальных армий и вооружением сражавшихся против них антикатолических гуситских войск, не подлежит сомнению, что основная масса гуситской пехоты, составлявшая большую часть армий антикатолических повстанцев (хотя не следует забывать, что у гуситов имелась также вооруженная по последнему слову тогдашней военной техники, сильная тяжелая, средняя и легкая конница), не имела защитного вооружения — по крайней мере, на начальном этапе гуситского движения, до первых побед над крестоносцами-феодалами, в результате которых арсеналы гуси-

тов пополнились большими запасами трофейных доспехов, среди которых было немало высококачественных, дорогих панцирей, шлемов, нагрудников и пр. работы лучших оружейных мастеров Европы.

Гуситский ополченец — обычно вчерашний городской плебей (а то и пролетарий) или безземельный крестьянин — просто не имел средств, необходимых для приобретения дорогостоящих доспехов.

б) «Фаустбрюгель», моргенштерн и боевой цеп

Оружием, перечисленным Яном Гусом, были оснащены как католические феодальные армии крестоносцев, так и противостоявшие им гуситские военные отряды. Особенной популярностью у гуситов (как и вообще у чехов — в том числе у чешских наемников на службе Тевтонского ордена) пользовалась упоминавшаяся нами выше при описании военных действий Тевтонского ордена в Пруссии короткая сабля с широким лезвием под названием «дюссака» или «дуссега» (искаженное на немецкий лад слово «тесак»). Но в то же время для гуситов были наиболее характерны различные типы ударного оружия, которыми гуситские воины владели с поистине непревзойденным мастерством, чему они и были обязаны своей легендарной воинской славой. В качестве примера можно привести упомянутые выше Яном Гусом «фаустбрюгель» и моргенштерн. И тем, и другим термином в землях средневековой «Священной Римской империи (германской нации)», неотъемлемую часть которой издавна составляла и Богемия-Чехия (чьи короли входили в число так называемых «курфюрстов», или «князей-электоров», избиравших римско-германского императора), обозначалось древковое оружие ударного типа.

Но если ударная боевая часть «фаустбрюгеля», представлявшего собой вид боевого молота (чекана) или булавы с шарообразным утолщением на конце древка (сродни которой был и бациллард), всегда была жестко закреплена на древке, на которое она была плотно насажена, то моргенштерны были двух видов. У простого моргенштерна тяжелая, также главным образом шарообразная, боевая часть также была плотно насажена на древко, порою достигавшее значительной длины. Но наряду с этим были широко распространены и так называемые «кеттенморгенштерны» («цепные моргенштерны», или «моргенштерны с цепью»), у которых шарообразная ударная часть была подвешена к древку на цепи или ремне, наподобие кистеня.

Ударная часть моргенштерна, изготовленная чаще всего из твердых пород дерева, обивалась железом и, с целью увеличения своей убойной силы, снабжалась острыми зубцами, шипами, гвоздями или колючками, пробивавшими неприятельские доспехи. Именно этим зубцам и шипам,

расходившимся во все стороны, наподобие лучей у звезды, моргенштерн и был обязан своим названием (нем.: Morgenstern= «Утренняя звезда»).

Что же касается гуситского боевого цепа, он происходит от обычного крестьянского молотильного цепа. Вероятнее всего, гуситы первоначально пользовались в бою именно этим орудием крестьянского труда, без всяких переделок. Но очень скоро эффект от применения цепа был усилен путем обивки его деревянной молотильной части железом и забивания в головку цепа длинных железных гвоздей. Судя по сообщениям хронистов времен Гуситских войн, удары утыканных гвоздями и окованных железом боевых цепов сокрушали самые прочные шлемы и панцири.

Именно родство перечисленных выше видов ударного оружия гуситов с орудиями труда и инструментами, каждодневно использовавшимися крестьянами и ремесленниками, объясняет виртуозное владение гуситами этими привычными для них орудиями, что, в свою очередь, служит объяснением, паническому страху, испытывавшемуся неприятелем, совершенно неожиданно для себя столкнувшимся с использованием видов оружия, столь непривычных в военной практике того времени.

в) «Вагенбург» против тяжелой конницы

В период войн эпохи феодализма пехота в полевых сражениях на открытой местности находилась в невыгодном положении по сравнению с конницей, которая чаще всего в ходе первой же атаки разрушала боевые порядки неприятельской пехоты и рассеивала ее, после чего принималась рубить, колоть и топтать конями бегущих пехотинцев. Весьма эффективным средством зашиты пехоты и противодействия неприятельской коннице служили «вагенбурги» (именуемые на славянских языках обычно «товарами» или «таборами») — мобильные полевые укрепления из повозок. Хотя использование вагенбургов засвидетельствовано многократно в разных странах и в разные времена (начиная с эпохи поздней Античности), в период Гуситских войн (1419–1437) они играли совершенно особую по важности роль и применялись для решения самостоятельных и совершенно новых в тактическом плане задач.

Благодаря хорошо продуманной расстановке боевых повозок, сковываемых между собой железными цепями таким образом, что каждое правое заднее колесо одной повозки соединялась с левым передним колесом соседней повозки, в распоряжении гуситов оказывалось подвижное оборонительное сооружение, полностью оправдывавшее название «вагенбург», означающее по-немецки: «замок (крепость) из повозок». Между отдельными группами соединенных цепями повозок гуситы устанавливали артиллерийские орудия. Расцепив повозки, они имели возможность органи-

зовывать вылазки и обеспечить быстрый переход гарнизона «вагенбурга» от обороны к нападению. Каждая боевая повозка имела свой постоянный «экипаж», действовавший в бою четко и слаженно, что достигалось в ходе тщательной боевой подготовки.

«Экипаж» каждой гуситской боевой повозки состоял из:

1) шестерых арбалетчиков;

2) четырех ратников, вооруженных боевыми цепами;

3) четырех ратников, вооруженных алебардами;

4) двух стрелков, вооруженных огнестрельным оружием;

5) нескольких человек вспомогательного персонала (погонщиков, конюхов и т.п.).

Ручное огнестрельное оружие гуситов, именовавшееся по-чешски «пиштала» (что являлось первоначально названием пастушеской свирели, или дудочки), в несколько видоизмененном виде дало название русской пищали и западноевропейской пистоли, а затем и пистолету (хотя в отношении происхождения названия последнего существуют и иные версии). При стрельбе из «пиштала» гуситские стрелки пользовались так называемым «стоячим (станковым) щитом» (по-немецки — «зетцшильд», по-французски — «большая павеза»; последнее слово происходит от названия итальянского города Павии, где, якобы, были изобретены, или производились в большом количестве, подобные щиты). Особой формой «большой павезы» являлся так называемый «штурмовой щит» (по-немецки: «штурмшильд» или «шильдванд» — буквально: «щит-стена»), служивший прикрытием сразу нескольким воинам.

Ощетинившаяся частоколом древкового оружия пехота за фронтом из подобных штурмовых щитов оказывалась практически неуязвимой для атак неприятельской кавалерии. В нижней части «стоячего щита», изготавливавшегося обычно из дерева и обтягивавшегося кожей, имелось острие, втыкавшееся в землю, а в верхней — отверстие (или боковой вырез), служившее в качестве опоры для арбалета или ствола ручного огнестрельного оружия. «Стоячие щиты», служившие, судя по своему широко засвидетельствованному современными хронистами и иллюстраторами, применению, надежной защитой стрелкам, обычно украшались геральдическими эмблемами (например, у пехоты Тевтонского ордена «большие павезы» были белого цвета с прямыми или лапчатыми черными орденскими крестами). На знаменах и «больших павезах» гуситов изображался обычно главный символ их движения — потир, то есть церковная чаша для причастия.

Одно из их основных требований, восходивших еще к Яну Гусу и его английскому единомышленнику Джону Уиклифу (основателю ереси лоллардов), заключалось в причащении не только священнослужителей, но и мирян под «обоими видами» (лат.: sub utraque specie) — то есть,

и хлебом, и вином — или, точнее, Плотью и Кровью Христовой (в то время, как римско-католическая церковь, начиная с эпохи раннего Средневековья, рассматривает причащение как хлебом, так и вином в качестве привилегии духовенства, отказывая в нем мирянам, как якобы, «менее достойным» по сравнению с «ангельским чином»).

Часть гуситов, составлявшая их более «умеренное» крыло, так и именовала себя «чашниками» (каликстинцами, от латинского слова «каликс»=«чаша»), или «утраквистами» — от латинских слова utraque («утра кве»), то есть «как (хлебом), так и (вином)». Наряду с чашей, гуситы часто изображали на своих знаменах и щитах гуся, поскольку название этой птицы по-чешски (Hus) звучит и пишется одинаково с именем их духовного вождя и учителя Яна Гуса (Jan Hus). А наиболее «оголтелые» гуситы — табориты («братия горы Фаворской»), оребиты («братия горы Хорив») и др., шли еще дальше, изображая на щитах и чашу, и гуся, а порой, доходя до прямого кощунства, малевали на своих павезах гуся, как бы причащавшегося из чаши!

Модернизация «вагенбурга» позволила гуситам создать новые, выгодные для себя условия ведения военных действий, позволявшие им отражать неприятельские конные атаки, действуя из-за надежного укрытия, эффективно разрушать боевые порядки противника и тем самым создавать, в конечном итоге, надежные предпосылки для победы.

г) Пассионарный дух гуситов

Многие поколения военных историков пытались найти ответ на вопрос, в чем же была причина многочисленных побед, одержанных войсками гуситов над хорошо вооруженными, порой значительно превосходившими гуситов по численности войсками феодальных властителей многих стран Европы, воодушевленных к тому же идеями Крестовых походов. Разумеется, данные о численности противоборствующих сторон, приводимые в хрониках и описаниях сражений, значительно отличаются друг от друга, но, тем не менее, все хронисты (в том числе и симпатизирующие не гуситам, а крестоносцам) сходятся в одном: войска крестоносцев почти всегда обладали численным превосходством над гуситами. Тем не менее, необходимо учитывать следующие факторы.

Упадок рыцарских армий и рост военного значения пехоты наметились уже в начале XIV в., на полях сражений во Фландрии и Швейцарии. Этот процесс продолжался и в ходе Гуситских войн — в особенности благодаря поистине гениальной способности одаренных военных предводителей гуситов — таких, как Ян Жижка из Трокнова, Прокоп Великий или Прокоп Малый — осуществлять и обеспечивать взаимодействие

в бою пехоты, конницы и артиллерии. К тому же при оценке причин боеспособности гуситских войск не следует забывать о пассионарном духе гуситов, убежденных в том, что они творят Божье дело, что они — новый избранный народ Божий, призванный Богом судить грешный мир огнем и мечом. Не случайно наиболее радикальные из гуситов (табориты) были обязаны своим названием тому, что избрали своим центром Табор, то есть Фавор — прообраз библейской горы Фаворской, на которой произошло Преображение Господне. Так и себя они считали новым, преображенным родом, призванным преобразить и весь остальной мир, погрязший в грехах.

С другой стороны, не стоит недооценивать и мощную материальную поддержку гуситского движения бюргерством богатых чешских городов, начавших со временем обеспечивать их первоклассным современным, в первую очередь, огнестрельным, вооружением.

д) Применение гуситами мобильной артиллерии

Хотя огнестрельное оружие находило все более широкое применение еще в XIV в., и уже тогда начали все более успешно решаться технические проблемы, возникавшие при изготовлении артиллерийских орудий-бомбард и стрельбе из них, применение артиллерии долгое время ограничивалось исключительно рамками осадной войны — пока не появились гуситы. Одной из заслуг гуситов в области военного дела стало мобильное использование артиллерии. Именно гуситы первыми начали массированно применять легкие пушки в ходе полевых сражений, хотя применение артиллерии в отдельных полевых сражениях было засвидетельствовано и ранее — например, войсками Тевтонского ордена в битве при Танненберге в 1410 г.

Гуситские «гуфницы», или «гафуницы» (в определенном смысле — предшественницы гаубиц) — полевые орудия калибром от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти миллиметров, стрелявшие главным образом каменными ядрами — транспортировались на двухколесных лафетах. У первых полевых орудий стволы были еще сборными (они сваривались из расположенных кольцеобразно железных полос, на которые затем, как на бочки, набивались толстые металлические обручи, скреплявшие сварные стволы, придававшие им стабильную форму и ослаблявшие давление на ствол, возникавшее при возгорании порохового заряда). Как писал в 1890 г. Венделин Богейм, хранитель оружейной коллекции императоров Австрийских, принадлежавший к числу крупнейших знатоков средневековой военной техники, гуситское войско могло по праву гордиться наличием в своих рядах искуснейших артиллеристов тогдашней Европы.

е) Осада замка Карлов Тын

Возможности и в то же время ограниченность военного искусства и, в частности, осадной техники позднего Средневековья, а также боевых возможностей тогдашней артиллерии, были наглядно продемонстрированы в ходе длившейся долгих шесть месяцев осады гуситским войском принадлежавшего римско-германскому императору замка Карлштейн (по-чешски: Карлов Тын), в котором со времен чешского короля и одновременно — владыки «Священной Римской империи (германской нации)» Карла (по-чешски: Карела) IV Люксембурга хранилась одна из ценнейших реликвий всего Христианского мира — так называемое Святое копье. Этим копьем, по преданию, выкованным для древнееврейского священника Финееса, римский центурион (сотник) Лонгин пронзил на Голгофе ребро распятого на кресте Спасителя. Позднее Святым копьем владели святой мученик Маврикий и многие другие деятели Античности и Средневековья («последний римлянин» Аэций, восточно-римский император Юстиниан I, Карл Великий, Оттон I, Фридрих I Барбаросса, Фридрих II Гогенштауфен и др.) пока, наконец, Карл IV Люксембург, снабдив сломавшийся со временем наконечник Святого копья новой, золотой манжеткой, наложенной поверх прежней, серебряной, удостоверявшей принадлежность реликвии в свое время Святому Маврикию, поместил его на хранении в замке Карлштейн в Богемии. Естественно, гуситы, считавшие себя, по словам ветхозаветного пророка, «у Бога народом священников, народом святым», стремились овладеть этой одной из важнейших святынь Христианского мира.

Осада замка Карлов Тын гуситами началась 28 мая 1422 г. Осаждающие заняли четыре высоты, окружавшие замок, расположенный на высоте трехсот девятнадцати метров над уровнем моря. Согласно свидетельствам средневековых хронистов, метательные машины гуситов, функционировавшие по принципу рычага (так называемые «блиды»), за время осады обрушили на замок Карлштейн в общей сложности около десяти тысяч снарядов (каменных ядер). Одно из крупнейших каменных ядер, попавших в замок, и поныне доступно обозрению туристами на первом этаже жилой башни замка. Обстрел замка производился гуситами ежедневно, хотя и с различной интенсивностью в разные периоды осады Карлштейна. Современные военные историки ныне сходятся во мнении, что в сутки каждая «блида» метала в замок от восемнадцати до двадцати снарядов. Подобная частота стрельбы представляется поистине поразительно высокой, на фоне сведений о частоте стрельбы средневековых метательных машин вообще.

Что касается частоты и эффективности обстрела замка из огнестрельных орудий, то в этом вопросе данные различных источников значительно расходятся. В настоящее время трудно однозначно ответить на вопрос, со-

ответствуют ли истине утверждения одних хронистов, согласно которым из крупных бомбард производился лишь один выстрел в сутки, или же утверждения других, согласно которым из крупных осадных пушек в сутки производилось до шести выстрелов. Упоминание о том, что бомбарды «Рохлице» и «Снель» обладали гораздо большей скорострельностью, чем другие орудия (согласно утверждениям разных хронистов, скорострельность обеих бомбард колебалась от двенадцати до тридцати выстрелов в сутки), позволяет предположить, что оба стенобитных орудия относились к числу так называемых «каморных» (камерных) пушек («каммербюксов»).

Эти пушки заряжались не с дула, а с казенной части, причем имели в задней части ствола зарядную камору, которая извлекалась из орудия, заряжалась и потом вставлялась обратно. Наличие сразу нескольких зарядных камор, предназначенных для одного орудия, позволяло обеспечить его высокую скорострельность. В то время, как снаряженная зарядная камера вставлялась в ствол орудия, другая камера снаряжалась ядром и точно отмеренным пороховым зарядом. Когда читаешь описания осады замка Карлштейн гуситами, бросается в глаза, что стволы некоторых тяжелых бомбард осадного парка разрывались после производства всего нескольких выстрелов. Причем в первую очередь разорвало стволы у двух самых крупных бомбард, установленных с северной стороны и стрелявших на самое дальнее расстояние. Данное обстоятельство можно истолковать следующим образом: пушкари, стремившиеся к тому, чтобы ядра их пушек долетали до цели, применяли пороховые заряды повышенной мощности, превосходившей прочность орудийных стволов.

В своей написанной в 1697 г. хронике Венцель (Вацлав) Хайяк (или Гаек) сообщает, что гарнизон Карлштейна, состоявший из четырехсот человек, потешался со стен над неэффективностью осадной артиллерии гуситов, объясняя неуязвимость императорского замка присутствию в его стенах Святого копья. И в самом деле — гуситам, невзирая на применение немалого, по тем временам количества, метательных машин и артиллерийских орудий, на протяжении ста шестидесяти трех дней обстрела Карлштейна не удалось не только пробить ни единой бреши в стенах, но и вообще нанести осажденному замку никаких серьезных повреждений. Правда, они — вероятно, в силу отсутствия соответствующего опыта, не пытались концентрировать огонь максимального количества орудий на одном участке замковой стены, а напротив, стремились держать стены Карлштейна под обстрелом одновременно с разных сторон, а также накрывать его навесным огнем.

Как бы то ни было, но, невзирая на неудачу под Карлштейном, боевое применение артиллерии и ручного огнестрельного оружия по-прежнему составляло основу военной доктрины и боевого искусства гуситов.

На заключительном этапе Гуситских войн, в частности — в период так называемого Пятого Крестового похода против гуситов (зимой 1429–1430 гг.), гуситские войска, объединившиеся с пражским городским ополчением, выступили против стотысячной (как всегда, к сообщениям средневековых хронистов следует подходить с осторожностью!) армии крестоносцев, имея на вооружении более трехсот полевых артиллерийских орудий, более шестидесяти тяжелых крупнокалиберных бомбард и не менее трех тысяч «пищтал» (наиболее распространенное название ручного огнестрельного оружия эпохи Гуситских войн). Крестоносцы значительно уступали им в степени оснащенности огнестрельным оружием, что видно и на миниатюрах, иллюстрирующих описываемые события эпохи Гуситских войн.

Блестящие победы гуситов при Судомере, Малешове, Усти над Лабем и на Витковой горе ознаменовали пик их успехов. После смерти их признанного военного предводителя — Яна Жижки из Трокнова — ветерана битвы с «тевтонами» под Танненбергом (взявшего в конце этой битвы в плен знатнейшего польского союзника Тевтонского ордена — князя Конрада IV Старшего Олесницкого), отразившего три Крестовых похода, потерявшего в боях оба глаза и завещавшего после смерти содрать с себя кожу и натянуть ее на барабан, под грохот которого (обращавший в паническое бегство всех, кто его слышал) шли в бой на врага ощетинившиеся полумесяцами боевых кос и колючими созвездиями моргенштернов таборитские рати, между различными группировками гуситов начались распри, ослабившие их внутреннюю спайку, а в результате — и военную мощь.

Впрочем, еще при жизни Яна Жижки, в 1421 г., его табориты схлестнулись в смертельной схватке с еще более радикальными гуситами — адамитами одержимого «пророка» Борека Клатковского, зашедшими, в присущем всем гуситам стремлении «к возрождению раннего христианства», и в поисках обретения пути «к первоначальному (до грехопадения Адама) состоянию райской невинности», до совсем уже неприкрытого распутства и непотребства. В кровавом сражении таборитов с адамитами нагие мужчины и женщины, вооруженные камнями и ножами, как псы, кидались на осатанелых таборитов, вонзая зубы им в глотки, пока не были перебиты, как бешеные собаки; последних сорок уцелевших в схватке адамитов по приказу Яна Жижки живьем сожгли на костре — нельзя не подивиться тому, как быстро борцы с римо-католической инквизицией, неустанно проклинавшие ее за сожжение своих учителей Яна Гуса и Иеронима Пражского, усвоили себе инквизиционные методы расправы с инакомыслием! Затем табориты сцепились с чашниками-утраквистами, разбившими их при Липанах... Но, углубляясь в перипетии внутрипартийной борьбы между гуситами за право «единственно верного толкования учения магистра Яна Гуса», стоившего самим чехам, да и окружающим Чехию народам

неисчислимых жертв, мы рискуем слишком отклониться от темы нашей книги. Поэтому в заключение хотелось бы подчеркнуть только одно.

Тактическое взаимодействие пехоты с другими родами оружия, широкое применение полевой артиллерии, ручного огнестрельного оружия и вагенбургов в полевых сражениях оказались залогом их побед, сделав боевое искусство гуситов образцом для всех армий Европы вплоть до середины XVI в. Поляки, заключившие (несмотря на свою всегдашнюю, поистине «хрестоматийную» преданность Римскому Апостольскому Престолу!) с гуситами военный союз, переняли у них использование «вагенбургов», что немало способствовало их дальнейшим успехам в войнах с Тевтонским орденом.

ж) «К последнему морю»

Как это ни странно, но «благочестивейший» польский король-католик Владислав Ягайло заключил с многократно проклятыми римскими папами еретиками-гуситами союз и пропустил через свои земли их отряды, в июле 1430 г. огнем и мечом опустошившие, при поддержке польских войск, орденские владения Неймарк (Новую Марку) и Помереллию, взяв штурмом города Фридеберг, Вольденберг, Ландсберг, Сольдин, Кониц, Тухель, Диршау. Взбунтовавшиеся подданные Тевтонского ордена из «Союза городов» и «Прусского союза» также не гнушались нанимать на службу еретиков-гуситов.

Хронический денежный голод не позволял Верховному магистру Тевтонского ордена не только навербовать необходимое число наемников, но и выплатить жалованье тем шести тысячам наемных воинов, которые доверились его честному рыцарскому слову и теперь во весь голос требовали причитавшихся им денег.

Приведенный в отчаяние их все более настоятельными требованиями, Гохмейстер брат Пауль фон Русдорф столкнулся с отказом многих городов и замков, формально сохранивших ему верность, выставить отряды ополченцев и предоставить средства, необходимые для продолжения войны. Данцигские «отцы города» согласились вывести в поле ополчение лишь в том случае, если его возглавит сам Гохмейстер. Между тем, гуситы и поляки не заставили себя долго ждать и осадили Данциг. Город им, однако, взять не удалось. Спалив дотла Оливский монастырь, они опустошили орденские владения огнем и мечом до самого устья Вислы и вышли на берег Балтийского моря. Там главарь гуситов Чапко поздравил своих ратников с тем, что привел их, наконец, «на край земли». В память об этом знаменательном событии более двухсот знатных поляков и чехов были прямо под открытым небом посвящены на Балтийском побережье в рыцари.

Мало того — в рыцари был посвящен и сам предводитель еретиков, отлученный папой римским от Церкви гусит Чапко! После чего гуситы, испустив победный клич, наполнили свои походные фляжки водой из Балтийского моря, чтобы доставить домой сей зримый знак победоносного завершения своего Великого похода. Все это весьма напоминает историю о Чингисхане и Батые, тоже мечтавших привести свои орды к «последнему морю». Несколько странным выглядит лишь не в меру активное участие «христианского рыцарства» польского короля-католика, верного сына римской Церкви, и недавно «окрещенной» Литвы в «Великом походе» отлученных от Церкви гуситов, чьи ересиархи Ян Гус и Иероним Пражский были осуждены и сожжены по постановлению Констанцского собора римско-католической Церкви (соответственно, в 1415 и в 1416 г.).

58. Эпоха «троеверия»

В результате долгой, изнурительной и кровопролитной гражданской войны, прусское государство Тевтонского ордена было разделено, его западная часть со столичным городом Мариенбургом попала под власть Польши, Верховный магистр перебрался в Кенигсберг. Насколько мало тогдашние войны между польско-литовской феодальной коалицией и Немецким орденом походили на межнациональные конфликты Нового времени, явствует из следующего обстоятельства. Одно из главных условий, поставленных поляками перед «тевтонами» при заключении Второго Торнского (Торуньского) мира в 1466 г., заключалось в предоставлении польским магнатам (крупным феодалам-вельможам) и шляхте (мелкому дворянству) права вступать в Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии — права, которого они давно упорно добивались!

Вскоре после переноса резиденции Гохмейстера «тевтонов» в город Кенигсберг произошла упоминавшаяся выше секуляризации прусских владений Немецкого ордена последним Верховным магистром Альбрехтом Бранденбург-Ансбахским в 1525 г. В то время во всей Пруссии насчитывалось всего-навсего пятьдесят пять «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена. Большинство из них поддержало изменнический акт Альбрехта Гогенцоллерна, приняло лютеранскую веру, вышло из состава ордена и вступило в брак по протестантскому обряду. В результате секуляризации и уклонения бывшего Гохмейстера Альбрехта Бранденбург-Ансбахского в лютеранскую ересь пост руководителя ордена Пресвятой Девы Марии оказался вакантным. Руководство взял на себя «Дейчмейстер», или «магистр Германии» («Магистр Тевтонии») брат Вальтер фон Кронберг. Он перенес резиденцию ордена в город Мергентгейм (Мергентхайм) и принял титул «Администратора (исполняющего обязанности) должности Верховного магистра в Пруссии и Магистра в германских и романских землях», а позднее — титул «Гох-унд-Дейчмейстер» (Верховный и Германский магистр).

XVI в. принес ордену Пресвятой Девы Марии новые ощутимые потери. Кроме утраты орденских земель

в Пруссии, «тевтонам» пришлось уйти и из многих других провинций. В Богемии (Чехии) владения Тевтонского ордена были по большей части опустошены еще в ходе гуситских войн XV в. и большинство членов ордена перебито (как и большинство членов ордена иоаннитов). Орденские владения «тевтонов» в Греции были завоеваны турками. В результате Тевтонский орден смог сохранить только свои владения на территории «Священной Римской империи германской нации». В эпоху Реформации многие орденские владения попали под власть князей-протестантов. Некоторые рыцари и даже магистры ордена Пресвятой Девы Марии приняли новую веру, вскоре появилось уже немало членов ордена лютеранского и даже кальвинистского вероисповедания.

Принцип Аугсбургского вероисповедания «Чья власть, того и вера» не пощадил и Тевтонский орден. Однако вследствие сохранившегося высокого авторитета ордена как института, многие переменившие веру «братья-рыцари» и «братья-священники» пожелали остаться членами ордена Приснодевы Марии, не рассматривали свою новую веру как препятствие к этому. Сложилась уникальная в своей парадоксальности ситуация, когда под руководством католического Верховного и Германского магистра продолжали нести служение «братья-рыцари» и «братья-священники» (число «братьев-сариантов» к описываемому времени резко сократилось и сошло почти на нет) трех различных вероисповеданий (римско-католического, евангельски-лютеранского и кальвинистско-реформатского), одни из которых хранили, а другие, напротив, нарушали обет целомудрия, то есть безбрачия (сходные процессы происходили, кстати, и в среде рыцарей другого — иоаннитского — ордена на территории «Священной Римской империи»). В германских землях Саксонии, Тюрингии и Гессене члены Тевтонского ордена поголовно перешли в лютеранство, и, тем не менее, некоторые тамошние комтурии по-прежнему возглавлялись комтурами-католиками, по-прежнему назначаемыми Верховным магистром. Эта фаза в истории Тевтонского ордена вошла в его анналы как эпоха «троеверия» или «триконфессионализма»).

59. Золотой закат

Для тевтонских «Божьих дворян» XVI и XVII вв. были отмечены двумя событиями, имевшими тяжелейшие последствия для всей, но в особенности для Центральной Европы — нашествием турок-османов и вызванной Реформацией волной религиозных войн, кульминацией которых явилась Тридцатилетняя война. К 1600 г. из более чем двадцати баллеев Тевтонского ордена на территории «Священной Римской империи германской нации» верность римско-католической вере сохранили только семь: Бизен, Кобленц, Лотарингия, Эльзас, Франкония, Австрия и Андер-Этч (Альто-Адидже в Южном Тироле).

Энергичному Верховному магистру «тевтонов» эрцгерцогу Максимилиану Австрийскому удалось полностью реорганизовать эти семь баллеев крайне ослабленного Тевтонского ордена. Был переработан устав, отныне гораздо большее внимание, чем прежде стало уделяться духовному окормлению паствы в орденских церковных приходах и всесторонней подготовке и обучению членов ордена. «Братья-рыцари» решали разнообразные задачи в ходе религиозных войн, а позднее — в ходе войн с турками. Правда, они все реже надевали орденское облачение, отличаясь от своих сослуживцев чаще всего лишь единственным знаком своей принадлежности к ордену — «тевтонским» лапчатым крестом на шее или крестообразной орденской звездой на груди. Комменды были реконструированы и превращены в мощные оборонительные комплексы, защищавшиеся рыцарями ордена Пресвятой Девы Марии.

В соответствии с переработанным уставом Тевтонского ордена 1606 г., каждому «брату-рыцарю» ордена Девы Марии вменялось в обязанность не менее трех лет нести пограничную службу в орденских замках.

Охрану замка Тевтонского ордена в городе Мергентгейме (традиционной резиденции Дейчмейстера) традиционно несла так называемая «Орденская рота» (старонем.: Ordens Compagnie). Иногда дополнительные воинские контингенты Тевтонского ордена, по воле Магистра Германии,

выделялись и для охраны двадцати одной башни и четырех главных ворот крепостных стен самого города Мергентгейма.

В 1695–1696 гг. в Мергентгейме был сформирован орденский полк «Тейчмейстер» («Тойчмайстер», старонем.: Teutschmeister), командиром и шефом которого стал лично мергентгеймский Дейчмейстер (Тейчмейстер) Тевтонского ордена. Но охрану Мертентгеймского замка «тевтонов» продолжала нести «Орденская рота». Согласно сохранившимся инструкциям, в ежедневном вахтпараде на главной рыночной площади Мергентгейма участвовало сорок восемь человек, пять унтер-офицеров, четыре ефрейтора, один барабанщик и двадцать восемь рядовых, один капрал и шесть человек драгун. Чины полка и роты тевтонского Магистра Германии носили бело-черную форму орденских цветов (замененную впоследствии на бело-синюю). Мергентгеймский полк «Тейчмейстер» не следует путать или смешивать с другим, австрийским Императорским и Королевским полком, имевшим похожее название, о котором пойдет речь ниже.

На протяжении всего XVII и XVIII вв. значительная часть сил и средств Тевтонского ордена уходила на борьбу с турками, в составе войск империи Габсбургов. Основные сражения с турками разворачивались на территории Венгрии, а впоследствии — Балканского полуострова. Тевтонский орден ежегодно выставлял против турок военные контингенты, численность которых колебалась от пятисот до тысячи конных и пеших бойцов.

В составе современной австрийской армии (Федеральных вооруженных сил, или Бундесгеер, нем.: Bundesheer) поныне существует 1-й Венский егерский батальон «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем.: Jaegerbataillon Wien 1 Hoch-und-Deutschmeister), бывший 1-й Венский батальон милиции (Milizbataillon Wien) — воинская часть, являющаяся прямой преемницей основанного в 1696 г. венского пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем.: Regiment Hoch-und-Deutschmeister), или просто «Дейчмейстер» (Regiment Deutschmeister), до самого падения монархии Габсбургов в 1918 г. возглавлявшегося австрийскими принцами, носившими титул «Верховного и Германского магистра» — Гох-унд Дейчмейстера — Тевтонского ордена. Офицерский состав этого полка столетиями комплектовался почти исключительно из тевтонских рыцарей. Даже полковая форма «дейчмейстеров» долгое время была традиционных цветов Тевтонского ордена — белого с черным (пока не стала белой с синим, подобно форме упомянутых выше мергентгеймских «тейчмейстеров», и не была, наконец, заменена во второй половине XIX в. небесно-голубыми с желтым мундирами и темно-серыми брюками-«панталонами»).

60. Краткий очерк истории австрийских «дейчмейстеров»

В 1696 г. между Леопольдом Австрийским (императором «Священной Римской империи германской нации») и курфюрстом (одним из князей-электоров, избиравших римско-германского императора) Людвигом Пфальц-Нейбургским (тогдашним Верховным магистром и Магистром Германии Тевтонского ордена) был заключен договор, по которому Тевтонский орден обязался сформировать и предоставить в распоряжение Императорского Дома пехотный полк.

В том же 1696 г. император Леопольд назначил Гохмейстера Тевтонского ордена курфюрста Людвига командиром (1-м полковником, нем.: I. Obrist) и шефом нового полка, получившего название «полк Пфальц-Нейбург Тейчмейстер» (нем.: Regiment Pfalz-Neuburg Teutschmeister). Полк, сформированный в городе Донаувёрте, был переброшен по Дунаю на Балканы, где поступил в распоряжение полководца имперской армии принца Евгения Савойского, воевавшего с турками-османами. Отличившись в победоносной для австрийцев (или, как тогда говорили в России, «цесарцев») битве с турками при Зенте (Центе) в 1697 г., полк «Тейчмейстер» был переименован в «Императорский (и) Королевский пехотный полк «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем.: Kaiserliches (und) Koenigliches Infanterie Regiment Hoch-und-Deutschmeister).

18 июня 1757 г. полк «Гох-унд-Дейчмейстер» покрыл себя неувядаемой славой в битве с прусской армией «короля-философа» Фридриха II Великого (прямого потомка вероломного Альбрехта фон Гогенцоллерн-Ансбаха — последнего Гохмейстера Тевтонского ордена в Пруссии, изменившего римско-католической вере, присвоившего себе прусские владения преданного им ордена Девы Марии и тем положившего начало светскому Прусскому государству!) под Колином (одном из самых кровопролитных сражений в истории Семилетней войны). Исход этой битвы в пользу австрияков был решен отчаянной штыковой

атакой «дейчмейстеров» во главе с обристом-вахмистром (майором) Иоганном графом фон Зоро, рыцарем Тевтонского ордена, потерявшим в бою правую ногу до колена (но не оставившим службу в рядах «цесарской» армии даже после этого тяжелого ранения).

С 1757 по 1914 г. день 18 июня отмечался австрийскими «дейчмейстерами» как полковой праздник (в 1967 г. эта традиция была возобновлена в воинских частях австрийской республиканской армии, считающихся преемницами ратной славы и традиций императорских «дейчмейстеров»).

Во время Австро-прусской войны 1866 г. (которую в немецкой традиции принято называть «Германо-германской») полк «Гох-унд-Дейчмейстер» понес тяжелейшие потери в битве с пруссаками и их северогерманскими союзниками при Садовой (Кёниггреце или Градце-Кралове), потеряв убитыми и ранеными четыреста двадцать шесть солдат и офицеров.

У 4-го Императорского (и) Королевского пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» армии Габсбургов была своя особая речевка:

«Мы из Императорского и Королевского пехотного полка / «Гох-унд Дейчмейстер» номер четыре».
или, по-немецки:

«Mir san (Wir sind) vom k. (kaiserlichen — В.А.) u. (und — В.А.) k. (koeniglichen — В.А.) Infant (e) rieregiment / Hoch-und Deutschmeister Nummero Vier».

Маршируя на парадах, «дейчмейстеры» особенно сильно «печатали» («чеканили») каждый четвертый шаг, намекая на номер своего полка.

18 июня (в тот же день, на который в 1757 г. пришлась битва с пруссаками под Колином!) 1915 г. «дейчмейстеры» были почти поголовно истреблены победоносными войсками Российской императорской армии под Соколом.

После свержения монархии Габсбургов в 1918 г. полк не был расформирован, войдя в состав армии (Федеральных вооруженных сил) Первой Австрийской республики под названием 5-го пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем.: Infanterieregiment Hoch-und-Deutschmeister Nr. 5).

В 1956 г. в составе воссоздаваемой после окончания Второй Мировой войны австрийской Федеральной армии (Бундесгеера) был сформирован 5-й фельдъегерский батальон (Feldjaegerbataillon Nr. 5), переименованный в 1963 году в 4-й Егерский батальон (нем.: Jaegerbataillon Nr. 4). Номера этих новых частей австрийской республиканской армии должны были напоминать об их предшественниках — «дейчмейстерах» времен Габсбургской монархии (1896–1918) и Первой Австрийской республики (1916–1938).

С 1974 г. 4-й Егерский батальон начал выполнять международные операции в составе Международных Миротворческих Сил (Войск) ООН («голубых касок») и потому был переименован в 4-й Егерский батальон (ООН), нем.: Jaegerbataillon 4 (UN).

До 30 июня 2007 г. в составе австрийских территориальных войск (Ландвера) существовал 21-й кадровый полк Ландвера «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем.: Landwehrstammregiment 21 Hoch-und-Deutschmeister). После его расформирования в 2007 г. исторические знамена I и II батальонов полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (с изображением имперского двуглавого орла Габсбургов на одной и образа Приснодевы Марии — на другой стороне белого знамени I батальона и с изображением имперского двуглавого орла на обеих сторонах желтого знамени II батальона) были переданы на вечное хранение 1-му Венскому батальону милиции (ополчения), или, по-немецки: Milizbataillon Wien 1, переименованному по этому случаю в 1-й Венский егерский батальон «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем.: Jaegerbataillon Wien 1 Hoch-und Deutschmeister).

Эти старинные знамена I и II батальонов полка Верховного и Германского магистра Тевтонского ордена до сих пор выносят на церемонию приведения к присяге новобранцев Федеральных вооруженных сил Второй (современной) Австрийской республики. При этом батальонным знаменем 1-го Венского егерского батальона «Гох-унд-Дейчмейстер» официально считается белое знамя I батальона габсбургских «дейчмейстеров», в то время как желтое знамя II батальона «дейчмейстеров» (как отягощенное «неполиткорректной» памятью о 134-м гренадерском полке «Гох-унд Дейчмейстер» и об Имперской гренадерской дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер» гитлеровского вермахта, о которых пойдет речь чуть ниже) выносится — нередко в присутствии Верховного магистра современного чисто клерикального (то есть монашеского) Тевтонского ордена — только на отдельных торжественных церемониях (празднике части, церемонии приведения новобранцев к присяге и т.д.). Впрочем, это уже другая история...

Любопытный факт: после присоединения Австрии к гитлеровскому «Третьему рейху» в 1938 г. и включения бывшей австрийской армии в состав германского вермахта именно в полку «Гох-унд-Дейчмейстер» произошел бунт, вследствие чего он был расформирован и под его названием создан новый (бывший 134-й пехотный полк германского вермахта, сформированный из австрийцев). Этот новый полк «Гох-унд Дейчмейстер» разросся до размеров дивизии (44-й пехотной дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер»).

В 1939 году 44-я дивизия под командованием генерал-лейтенанта Альбрехта Шуберта в составе германской группы армий «Юг (Зюд)» генерала Герда фон Рундштедта отличилась в ходе Польской кампании, а в 1940 году — в ходе победоносной для армий Третьего рейха кампании на Западе. Весной 1941 года она была переброшена на Восток, а в июне 1941 года — включена в состав I танковой группы III моторизованного армейского корпуса. К описываемому времени командиром 44-й дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер» был генерал-лейтенант Фридрих Зиберт

(принявший на себя командование вскоре после окончания Польской компании, 1 октября 1939 года).

В мае 1942 года дивизия «дейчмейстеров» под командованием генерал-лейтенанта Генриха-Адама Дебоя приняла участие в битве за Кавказ. В середине ноября 1942 года в состав 44-й пехотной дивизии были включены остатки 534-го, 535-го и 536-го гренадерских (бывших пехотных) полков из состава разбитой Красной Армией 384-й пехотной дивизии вермахта. В декабре 1942 года 44-я пехотная дивизия в составе 6-й армии генерала Фридриха Паулюса была окружена Советской армией под Сталинградом. К январю 1943 года попавшая в окружение 44-я дивизия была почти поголовно истреблена в Сталинградском «котле»; немногие уцелевшие сдались в плен Красной армии; избежать гибели и плена удалось буквально считанным солдатам и офицерам дивизии.

После Сталинградской катастрофы в составе германского вермахта была сформирована новая дивизия под командованием генерал-лейтенанта доктора Франца Бейера, которой в июне 1943 года было присвоено пышное название Имперской гренадерской дивизии «Гох-унд Дейчмейстер» (нем.: Reichs-Grenadier-Division Hoch-und-Deutschmeister).

Тактический (опознавательный) знак дивизии представлял собой гербовый щит, закругленный снизу (шит такой формы именуется в геральдике «испанским») с 3 горизонтальными полосами (что в цвете соответствовало трехполосному красно-бело-красному гербу Австрии).

Новая дивизия «дейчмейстеров» была направлена в Италию, где храбро сражалась с англо-американскими войсками, начиная с декабря 1943 года (прославившись, в частности, своей доблестью при знаменитой обороне монастыря Монте-Кассино, под командованием генерал-лейтенанта Бруно Ортнера). В феврале 1945 года она, под командованием генерал-лейтенанта Ганса-Гюнтера фон Роста, была переброшена в Венгрию. Последним командиром дивизии был полковник Ганс-Альберт Гофман.

Погоны солдат, унтер-офицерского состава и офицеров «тевтонской» дивизии, возрожденной под названием Имперской Гренадерской дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем.: Reichs-Grenadier-Division Hoch-und-Deutschmeister), в составе которой числился воссозданный после уничтожения под Сталинградом 134-й пехотный полк (вскоре переименованный в «гренадерский полк «Гох-унд-Дейчмейстер», нем.: Grenadier-Regiment Hoch-und Deutschmeister), украшала специальная эмблема в форме креста Верховного магистра Тевтонского ордена (а не «рыцарского ордена Дейчмейстеров XII в.», как, к сожалению, ошибочно указано в фундаментальной, добротной и весьма содержательной книге Олега Павловича Курылева «Вооруженные силы Германии 1933–1945. Полный атлас. Организация. Униформа. Знаки различия». М., 2007, стр. 44) в сочетании с наложенным на крест «вермахтовским вариантом» орла «Третьего Рей-

ха» (с распростертыми крыльями). Этот знак именовался также «Сталинградским крестом».

Чины гренадерского полка «Гох-унд-Дейчмейстер» (а впоследствии — и других частей Имперской гренадерской дивизии «Гох-унд-Дейчмейстер») носили над обшлагом правого рукава мундира черную манжетную ленту с белой каймой и надписью белыми готическими литерами «Гох-унд-Дейчмейстер» (нем..: Hoch-und Deutschmeister).

У них был свой девиз:

«Я служу Рейху (Империи), мой город называется Вена»
(нем.: Dem Reich ich dien', mein' Stadt heisst Wien).

Кроме того, 134-й гренадерский полк «Гох-унд Дейчмейстер» получил особую привилегию иметь одновременно два знамени. Одним из них было знамя образца, принятого во всех пехотных полках германского вермахта, другим — старинное желтое знамя III батальона 4-го пехотного полка «Гох-унд-Дейчмейстер» бывшей австрийской армии.

С этим знаменем была, в свою очередь, связана особая история. В 1868 г. в австрийской армии была введена новая инструкция, согласно которой в пехотных полках знамена оставлялись только I-м и II-м батальонам. Знамена I-х батальонов были белого цвета, с изображением двуглавого имперского орла Габсбургов на аверсе и образом Приснодевы Марии — Покровительницы Тевтонского ордена — на реверсе; знамена II-х батальонов — желтого цвета, с изображением имперского двуглавого орла на обеих сторонах. II-му батальону 4-го пехотного Императорского (и) Королевского пехотного полка «Гох-унд Дейчмейстер», в качестве исключительной привилегии, было вручено бывшее знамя III-го батальона полка, прославившегося своей доблестью в Австро-прусской войне 1866 г.

В 1889 г. были упразднены все знамена всех II-х батальонов полков австрийской армии; знамена остались лишь в I-х батальонах. Однако 4-й Императорский (и) Королевский пехотный полк «Гох-унд Дейчмейстер», подав соответствующее прошение на имя императора Франца-Иосифа I, получил привилегию сохранить в качестве единственного знамени знамя не I-го, а III-го батальона. Знамя I батальона осталось в полку на вечное хранение.

В период Габсбургской монархии к древкам знамен «дейчмейстеров» были прикреплены памятные ленты небесно-голубого цвета с золотой каймой и вышитыми золотой нитью местами и датами крупнейших сражений с турками-османами, пруссаками Фридриха II Великого, французами Наполеона I Бонапарта, итальянской армией Сардинского королевства (Пьемонта) и войсками возглавляемого Пруссией Северогерманского союза, в которых отличились австрийские «тевтоны»: «ЗЕНТА 1699», «КОЛИН 1757», «БЕЛГРАД 1789», «НОВИ 1799», «МАРИАЦЕЛЛЬ 1805», «АСПЕРН 1809», «НОВАРА 1849», «РОЗЕНБЕРГ 1866». В период гитлеровского «Третьего рейха»

эти памятные ленты не употреблялись (вероятно, чтобы не напоминать об участии «дейчмейстеров» в сражениях против пруссаков при Колине в 1757 и при Розенберге в 1866 г.).

Знаменосцы «дейчмейстеров», в отличие от прочих знаменосцев германского вермахта, не носили металлических знаков-горжетов и нарукавных щитков с изображением двух перекрещенных знамен соответствующего рода войск (не принятых в австрийской армии).

Все войска германского вермахта, сражавшиеся весной 1945 г. в Курляндском «котле» (и в том числе Имперская гренадерская дивизия «Гохунд-Дейчмейстер»), получили в качестве знаков отличия, напоминавших о славном прошлом тевтонских рыцарей в прибалтийском Уделе Пресвятой Богородицы, белые нарукавные ленты с черной каймой, черной надписью «Kurland» («Курляндия»), гербом столицы Курляндии города Митавы (по-немецки: Митау, по-латышски: Елгавы) — белой головой лося на черном поле — и гербовым щитом Верховного магистра Тевтонского ордена с прямым черно-белым крестом на белом поле.

Кроме того, в составе 11-й мотопехотной (панцер-гренадерской) дивизии СС «Нордланд» на фронтах Второй мировой войны сражался состоявший из венгерских этнических немцев танковый батальон «Герман фон Зальца», названный в честь нашего старого знакомого — четвертого Гохмейстера ордена Девы Марии (при котором тевтонские рыцари, создав мощный заслон на границе между венгерской областью Бурца и половецкими кочевьями, дали возможность немецким переселенцам колонизовать Трансильванию). Чины этого «тевтонского» танкового батальона носили на левом рукаве черную манжетную ленту с серебряной надписью «Герман фон Зальца» (нем.: Hermann von Salza).

Благодаря подобным фактам атрибутика подлинных тевтонских рыцарей — безо всякой вины с их стороны! — стала ассоциироваться у недостаточно информированной публики с германским национал-социализмом и, в частности, с «Черным орденом» СС.

61. Затишье перед новой бурей

С окончанием войн Габсбургов и их союзников против турок-османов во второй половине XVIII в. все большее значение в деятельности сохранившихся к тому времени рыцарских орденов стало играть решение чисто мирских задач. В Тевтонском ордене главный акцент также был перенесен на рачительное управление орденскими владениями, строительство новых замков, а по сути дела — пышных дворцов в стиле «барокко», отвечавших вкусам той блестящей эпохи сравнительно недолгого затишья перед новой бурей.

Комтурии превратились в находившиеся под образцовым управлениям имения или, если позволено будет употребить выражение более поздней эпохи — «культурные хозяйства». «Братья-священники» духовно окормляли свою паству и рачительно управляли орденскими храмами и приходами. А вот с когда-то образцовой орденской дисциплиной дело обстояло все хуже — начиная с середины XVIII в. участились случаи немыслимого прежде одновременного членства в Тевтонском ордене Пресвятой Девы Марии и Мальтийском ордене госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского (и даже в масонских ложах, хотя членство в последних многократно запрещалось папским престолам правоверным католикам под угрозой отлучения от Церкви).

С конца XVI столетия и до 1804 г. австрийские Габсбурги являлись суверенами и наследственными владетелями многочисленных территорий и одновременно выборными императорами «Священной Римской империи германской нации». 14 августа 1804 г. император «Священной Римской империи германской нации» Франц II Габсбург-Лотарингский (фон Габсбург-Лотринген) объединил большую часть своих наследственных владений («коронных земель») в Австрийскую империю и короновался императором Австрии под именем Франца I (сохранив за собой, в то же время, корону и титул императора «Священной Римской империи германской нации»). В результате поражения армий коалиции Австрийской и Российской империй в 1805 г. в войне

с императором французов Наполеоном I Бонапартом, Франц II был вынужден 6 августа 1806 г. сложить с себя корону императора «Священной Римской империи германской нации». Эта «тысячелетняя империя» прекратила свое существование. Встречая в исторической и популярной литературе термины «Первая империя» («Первый рейх»), «Вторая империя» («Второй рейх») и «Третья империя» («Третий рейх»), нам следует иметь в виду, что они относятся, соответственно, к «Священной Римской империи германской нации», основанной королем германского племени франков Карлом Великим в 800 г. п. Р.Х. и обновленной германским (а точнее — восточно-франкским) королем Оттоном I Великим в 962 г., к Германской империи под скипетром прусских королей из династии Гогенцоллернов — потомков последнего Верховного магистра Тевтонского ордена в Пруссии Альбрехта фон Бранденбург-Ансбаха (1871–1918 гг.) и к гитлеровской Германии (1935–1945 гг.).

Начиная с 1806 г. Франц II Габсбург и его наследники правили только Австрийской империей. Правда, с 1815 по 1866 г. Австрийская империя входила в Германский (Немецкий Союз (нем.: Дейчер Бунд, Deutscher Bund) — весьма рыхлую конфедерацию государств, входивших до 1806 г. в состав «Священной Римской империи германской нации». Долгое время Австрия пыталась играть роль гегемона в рамках Германского Союза, однако постоянно сталкивалась с сопротивлением Пруссии, мешавшей Австрии выполнять эту роль. При этом ряд германских государств (преимущественно протестантских и расположенных в северной части Союза) поддерживал Пруссию, а другая группа германских государств (преимущественно католических и расположенных на юге Союза) — Австрию. Постоянные противоречия между этими двумя группировками привели, наконец, к так называемой Австро-прусской войне (которую в немецкой историографии принято называть Германо-германской, что, в-общем-то правильно, поскольку речь шла не о поединке Австрии с Пруссией). Австрию в войне поддерживали германские государства Саксония, Баден, Ганновер, Бавария, короче говоря — почти весь Германский союз, а Пруссию — богатые северогерманские ганзейские города Гамбург, Бремен и Любек, откуда происходили, как мы знаем, отцы-основатели Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии. Потерпев в 1866 г. поражение в войне с возглавляемой Прусским королевством северогерманской коалицией, Австрийская империя была изгнана из Германского союза (превратившегося в 1871 г., после победы над французской Второй империей Наполеона III Бонапарта, в Германскую империю Гогенцоллернов, или, говоря иначе, «Второй рейх»). Австрия более не могла претендовать на роль гегемона германских государств. Чтобы унять недовольство внутри Австрийской империи и не дать повториться революционным событиям 1848–1849 гг., австрийский император Франц-Иосиф I пошел на переустройство своего

государства. 20 марта 1867 г. Австрийская империя Габсбургов была разделена на два формально независимых государства, превратившись в союз двух монархий — Австрийской империи и Венгерского королевства (объединенных под властью одного суверена, являвшегося императором Австрии и королем Венгрии в одном лице). Впрочем, довольно об этом.

Эпоха наполеоновских войн привела к почти полному уничтожению Тевтонского ордена. Завоевав пол-Европы и ликвидировав, после победы над объединенной австро-русской армией при Аустерлице в 1805 г., «Священную Римскую империю германской нации», император французов Наполеон I Бонапарт повсюду запретил духовно-рыцарские ордены, в том числе и Тевтонский орден, и передал конфискованные орденские владения под управление своих марионеток. С одной стороны это было концом существования Тевтонского ордена в его прежней форме. Эпоха его государственного суверенитета завершилась раз и навсегда.

Тевтонский орден сохранился, в виде мелких раздробленных владений, лишь на территории сильно урезанной монархии Габсбургов — Австрийской империи. Но в то же время французский завоеватель положил конец «эпохе троеверия» в истории Тевтонского ордена, силою вещей снова превратившегося в чисто католическую организацию (единственным исключением оказался маленький кальвинистский Утрехтский бальяж на территории Голландии, но и он не подчинялся уже не Гохмейстеру-католику, а голландскому королю-протестанту).

62. Под эгидой монархии Габсбургов

На протяжении нескольких десятилетий Немецкий орден почти не пользовался влиянием и, самое главное, существовала большая неопределенность в отношении его правового статуса. Но самое главное — орденское братство сохранилось. После смерти правившего, начиная с 1804 г., Верховного магистра эрцгерцога Австрийского Антона Виктора в 1835 г. не только был избран Гохмейстером его преемник, эрцгерцог Максимилиан Иосиф, но и произошла очередная реорганизация ордена, главной идейной «движущей силой» которого стал «обновитель Тевтонского ордена» — католический священник брат Петер Риглер.

С 1809 г. (и по сей день) резиденция ордена Приснодевы Марии находится в столице Австрии — Вене. В 1836 г. Тевтонский орден насчитывал в своих рядах всего лишь шесть «братьев-рыцарей» и пятнадцать «братьев-священников». Наконец, в 1839 г. император Австрии Франц II и его знаменитый государственный канцлер князь Клеменс фон Меттерних создали для ордена новую правовую основу. Орден Девы Марии принял новый устав и в течение последующих девяноста лет официально именовался «Тевтонский (Немецкий) Рыцарский орден (нем.: «Дейчер Риттерорден», Deutscher Ritterorden)», хотя сокращенно его нередко попрежнему называли просто «Тевтонским орденом» — справедливости ради, следует, впрочем, заметить, что и ранее, уже в начале XVII в., по отношению к нему применялось название, содержащее в себе эпитет «рыцарский — «Марианский Тевтонский рыцарский орден» (нем.: «Марианиш-Тейчер Риттер-Орден», Marianisch-Teutscher Ritter-Orden). Бывшее военно-монашеское братство превратилось, по сути дела, в династический орден Габсбургов. Согласно новому уставу, орденские братья обязались избирать Верховными магистрами только принцев Габсбургского Дома.

И действительно, с тех пор и до 1923 г. Тевтонский рыцарский орден возглавляли эрцгерцоги Австрийские (принцы правящего Габсбургского Императорского Дома). С 1840 по 1894 гг. они носили титул «Гроссмейстеров» (Великих магистров) — единственный короткий период за всю

более чем 800-летнюю историю ордена Девы Марии, в который его глава носил этот титул, а с 1894 по 1923 гг. — снова титул «Гох-унд-Дейчмейстеров» (Верховных и Германских магистров).

Для рыцарей Тевтонского рыцарского ордена под эгидой династии Габсбургов была введена особая орденская форма, напоминавшая военную. Она состояла из белого мундира с глухим черным воротником и черными обшлагами; надевавшегося поверх мундира белого супервеста с нашитым на груди черным лапчатым орденским крестом с серебряной каймой; белых брюк, заправленных в высокие черные лакированные сапоги с раструбами и с золотыми шпорами; надевавшегося поверх мундира белого плаща-пелерины с черным, окаймленным серебром, лапчатым орденским крестом на левом плече, скреплявшегося на груди золотой цепочкой; черной фетровой шляпы с черно-белой лентой и черно-белым плюмажем из страусовых перьев. На прошитом серебряной нитью черном поясе с серебряной пряжкой, украшенной «тевтонским» лапчатым крестом, висел меч с узким клинком, в черных кожаных ножнах, с черно-серебряным эфесом. Поверх мундира на черной шелковой ленте висел знак ордена — золотой, покрытый черной эмалью и окаймленный по краям серебром латинский лапчатый крест, увенчанный синим шлемом с золотой решеткой на забрале и пятью страусовыми перьями — тремя черными и двумя белыми. Звезда Тевтонского ордена, носившаяся слева на груди, представляла собой черный лапчатый «латинский» крест с серебряной каймой.

Гох-унд-Дейчмейстер Тевтонского рыцарского ордена носил форму, аналогичную рыцарской, но с геральдическим крестом, соответствующим его сану, на плаще, груди и шейной ленте. После Второй мировой войны ношение этой «тевтонской» орденской униформы (которую и без того после 1923 г. носили все реже) окончательно вышло из употребления.

В период многочисленных реорганизаций под эгидой членов императорской семьи в составе Немецкого ордена была постепенно учреждена особая, так называемая «марианская линия» (названная так по упоминавшемуся и употреблявшемуся нами выше одному из древних названий рыцарей Тевтонского ордена Девы Марии), задачей которой, как у мальтийцев и иоаннитов в данный период, стала организация добровольной санитарной службы (полевых лазаретов, санитарных колонн и госпитальных поездов).

Учрежденный Габсбургами в 1881 г. особый «Марианский крест Тевтонского (Немецкого) ордена», почти ничем не отличаясь от обычного — черного с белой окантовкой и расширяющимися концами «тевтонского», имел в середине круглый белый медальон с красным крестом, окаймленный латинской надписью «ORDO TEUT. HUMANITATI» («ОРДЕН ТЕВТОНСКОГО ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ»). Еще одно отличие заключалось в том, что «марианский» тевтонский крест носился не на черной, а на белой

с черными полосками шелковой ленте. В отличие от самого Тевтонского рыцарского ордена Габсбургов, остававшегося по своему составу строго римско-католическим и не допускавшего в свои ряды «инославных», в «марианскую линию» был открыт доступ и протестантам.

В нее был принят, в качестве почетного комтура, даже германский император Вильгельм II Гогенцоллерн (невзирая на то, что являлся прямым потомком «узурпатора» власти Тевтонского ордена над Пруссией — вероломного Гохмейстера Альбрехта фон Гогенцоллерн-Ансбаха!). Надо сказать, что кайзер Вильгельм II весьма гордился своей принадлежностью к Тевтонскому ордену. Будучи одновременно Державным протектором (покровителем) протестантской ветви другого — иоаннитского (Мальтийского) ордена (так называемого «Бранденбургского баллея рыцарского ордена госпиталя Святого Иоанна, что в Иерусалиме»), Вильгельм II носил на шее совершенно уникальный, комбинированный знак своей принадлежности к обоим орденам — большой белый восьмиугнольный иоаннитский (мальтийский) крест с золотыми коронованными одноглавыми прусскими орлами между лучами и с наложенным на него лапчатым черным, с серебряной каймой и красным крестом в круглом белом центральном медальоне, комтурским крестом «марианской линии» Тевтонского ордена на белой, с черными полосками, «Марианской» ленте.

При Верховном магистре австрийских «тевтонов» эрцгерцоге Максимилиане Габсбурге, главным образом благодаря усилиям реформатора ордена Петера Риглера, «брата-священника» и профессора богословия, орден Святой Девы Марии был — в очередной раз — подвергнут коренной трансформации. Так, в его рамках был воссоздан институт «орденских сестер». Орден по-прежнему принимал в ряды своих «братьев-рыцарей» представителей благородных родов, но в него также вступало все больше студентов богословия, «услужающих братьев» и так называемых «сестер-аспиранток (соискательниц)».

Всего за несколько лет при ордене Святой Девы Марии образовалась весьма современная и динамичная для того времени сестринская конгрегация. К 1900 г. на территории Австро-Венгерской или, как тогда говорили, Дунайской, монархии Габсбургов насчитывалось более тысячи «сестер» Тевтонского ордена, несших свое служение в семидесяти орденских госпиталях, больницах, приютах, школах, детских садах и приходах, а кроме того — более тысячи рыцарей, фамилиаров и священников Тевтонского ордена, подобно иоаннитам, занятым главным образом санитарной (госпитальной) службой в условиях как войны, так и мира.

Последним рыцарем Тевтонского рыцарского ордена (вступившим в него в 1914 г.) был австрийский аристократ из старинного силезского рода Георг барон (фрейгерр) Скрбенский фон Грциште.

В результате падения двуединой Австро-Венгерской (Дунайской) монархии в 1918 г. земельные владения Тевтонского ордена оказались на территории шести государств. Все они (за исключением Италии) поспешили их присвоить. Последний Гохмейстер эрцгерцог Ойген (Евгений) фон Габсбург (Дейчмейстером он себя уже не называл, в связи с неясностью вопроса, является ли Австрия частью Германии, или нет) полностью осознавал всю трудность ситуации, в которой оказался подчиненный ему орден после низложения династии Габсбургов. Республиканцы Австрии и других государств, возникших на обломках Дунайской монархии, требовали конфискации всего имущества Тевтонского рыцарского ордена, как «частного владения» Габсбургского Дома. Чтобы избежать национализации, Гохмейстер эрцгерцог Ойген (эмигрировавший после падения империи в Швейцарию) решил подать в отставку (предварительно уведомив об этом папу римского). Последний австрийский император Карл I Габсбург (он же — король Венгрии Карл IV, он же — король Чехии Карл III), Державный Протектор Тевтонского рыцарского ордена, уполномочил эрцгерцога расширить состав Генерального Капитула. В 1921 г. Гохмейстер включил в состав Генерального Капитула четырех «братьев-священников». В результате Капитул оказался состоящим из равного числа рыцарей и священников.

Последним «братом-священником», вступившим в Тевтонский рыцарский орден при Гохмейстере эрцгерцоге Евгении Австрийском (25 января 1921 г. в Ланском конвенте), был австриец Антон Таммерле (1900–2001), скончавшийся в возрасте 101 года (!).

В 1922 г. тевтонский орденский Капитул, собравшийся в швейцарском г. Базеле, принял новый (неофициальный) Устав (известный впоследствии в истории ордена под названием «Базельских статутов» или «Базельского устава»), разрывавший прежнюю связь между орденом Девы Марии и Императорским Домом Габсбургов. В «тевтонских» орденских архивах Сохранилось письмо Гохмейстера эрцгерцога Ойгена, написанное в Базеле, датированное 22 апреля 1923 г. и содержащее текст его «отречения». В своем письме эрцгерцог подчеркивал:

«Дабы не создавать достижениям долгой борьбы за справедливость угрозы в лице Гох-унд-Дойчмейстера (здесь автор письма, видимо, не смог отказать себе в удовольствии в последний раз назвать себя полным титулом главы Тевтонского ордена Габсбургов! — В.А.), я объявил Папскому Престолу о моем намерении принести мою личность в жертву высшим интересам ордена».

Данным письмом Гохмейстер Ойген фактически подвел заключительную черту под реорганизацию ордена Девы Марии, главными инициаторами которой являлись «братья-священники», обеспокоенные, прежде всего, деятельностью чешских депутатов, метавших с трибун пражского

парламента громы и молнии против «габсбургской угрозы» в лице Тевтонского ордена.

Вслед за тем эрцгерцог Ойген, заручившись согласием папы римского, созвал Генеральный Капитул для выборов коадъютора (заместителя) Верховного магистра. В ходе выборов голоса членов капитула разделились. Равное число голосов было подано за кандидата из числа «братьев-рыцарей» и за другого — из числа «братьев-священников». Тогда эрцгерцог Ойген подал свой голос (оказавшийся решающим) за кандидата из числа священников — доктора Норберта Клейна, который и был избран коадъютором Гохмейстера, а в 1923 г., после того, как эрцгерцог Ойген сложил с себя сан Гохмейстера — новым Верховным магистром Тевтонского ордена (из названия которого было исключено слово «рыцарский»). Гохмейстер Норберт Клейн преобразовал Тевтонский рыцарский орден в чисто духовный, или клерикальный (монашеский). Так ему удалось помешать намерению австрийских республиканских властей конфисковать имущество ордена Девы Марии как «часть имущества» свергнутой династии Габсбургов. Институт «братьев-рыцарей» был ликвидирован, единственными членами Тевтонского ордена не священнического звания остались «фамилиары», из числа которых Верховный магистр после Второй мировой войны изредка назначает «почетных рыцарей» («рыцарей чести»).

В ноябре 1929 г. «Базельские статуты» были, под давлением правительства Чехословацкой республики (ЧСР), обнародованы в Праге. Тем самым была подведена официальная база под необходимость коренной переработки Устава Тевтонского ордена. В том же 1929 г. Ватикан назначил монаха ордена капуцинов доктора Илариона Фельдера папским визитатором (инспектором) Тевтонского ордена. К концу 1929 г. Генеральный Капитул последнего принял «Правила для братьев» («Брюдеррегельн», нем.: Bruederregeln) и «Конституции для сестер» («Швестернконституцьонен», нем.: Schwesternkonstitutionen), вскоре после этого утвержденные Римом. «Правила для братьев» вступили в силу на Пасху, а «Конституции для сестер» — на Троицу следующего, 1930 г.

Так был проложен водораздел между военно-рыцарским прошлым и клерикально-монашеским будущим Тевтонского ордена.

Принятие новых «Правил» и «Конституций» стало не менее важным событием орденской истории «тевтонов», чем преобразование акконского Тевтонского госпиталя в военный (рыцарский) орден в 1198 г.

63. Тевтонский орден в эпоху диктаторов

После «аншлюса» (включения Австрии в состав национал-социалистической Великогерманской империи) в 1938 г., Тевтонский орден (в отличие, например, от ордена госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского) был запрещен, его имущество конфисковано.

В феврале 1938 г. та же судьба постигла орденскую провинцию в Чехословакии, позднее — в Словении. Тевтонский орден сохранился до конца войны только на территории итальянского Южного Тироля, хотя и там подвергался притеснениям со стороны фашистских властей, но уже по соображениям националистического, а не идеологического порядка. В новой «Римской империи» Муссолини все должно было быть романским, итальянским, и на этом фоне немецкий Тевтонский (пусть даже строго католический, верно преданный римскому папскому престолу) орден воспринимался как явный диссонанс. Тем не менее, дуче итальянского фашизма из уважения к папе римскому, с которым фашистская Италия заключила конкордат, оставил небольшие владения Тевтонского ордена в Южном Тироле (аннексированном Италией у Австрии после Первой мировой войны) в неприкосновенности.

Любопытно, что параллельно с притеснениями современного им Тевтонского ордена германские национал-социалисты неустанно воспевали славные деяния средневековых тевтонских рыцарей в Пруссии. Реальный Тевтонский орден был ликвидирован, его священники и монахини лишены средств существования, рыцари занесены в «черные списки». Но усердное идеологическое «каждение» нацистов отцам-основателям преследуемого ими в реальной жизни Тевтонского ордена бросила на последний такую тень, что немало критических стрел и по сей день летит в него как в — якобы! — предтечу национал-социализма. Все объясняется довольно просто.

Во-первых, «властям предержащим» гитлеровского «Третьего рейха» не нравилась тесная связь католического Тевтонского ордена с папским престолом — ведь еще немецкие «народники»-националисты (нем.: «фелькише»,

Voelkische), в частности, генерал Эрих Людендорф, весьма отрицательно относились к «интернациональным» (то есть, по их убеждению, антинациональным) силам — католицизму (в первую очередь — иезуитам, но не только!), франкмасонству, марксизму и международному еврейству.

Во-вторых, Тевтонский орден к описываемому времени полностью утратил свой прежний боевой дух, превратившись в чисто бутафорскую организацию — нечто вроде нашего современного «Союза Хоругвеносцев» (только не православного, а римско-католического).

В-третьих, у германского национал-социалистического руководства существовал план учредить свой собственный «Орден за заслуги перед нацией» под названием «Дейчер Орден» (нем.: Deutscher Orden), то есть «Немецкий (Тевтонский) орден» по форме весьма напоминавший тевтонский лапчатый крест, но с добавлением круглого центрального медальона в виде партийного значка НСДАП со свастикой, скрещенных мечей, дубовых листьев и одноглавого гитлеровского орла с распростертыми крыльями.

Таким образом, речь шла об откровенной спекуляции национал-социалистов на истории средневековой прусской ветви Тевтонского ордена, трактовавшейся нацистскими идеологами (особенно Альфредом Розенбергом) как история «бастиона арийского христианства против натиска международного скопища недочеловеков».

С учетом этого плана совершенно понятным становится стремление национал-социалистического режима ликвидировать организацию, именующуюся Немецким (Тевтонским) орденом п о п р а в у. Плохую службу «кавалерам Пресвятой Девы Марии» сослужило и еще одно обстоятельство. В период Веймарской республики (1918–1933) в Германии существовали следующие три организации, которые путали (и нередко продолжают путать по сей день!) с «историческим» (или «головным») Тевтонским (Немецким) орденом из-за сходных названий и сходной символики:

1) основанный еще до Первой мировой войны тайный союз «Германен-Орден» (Германский орден), в который входило, между прочим, ариософское «Общество Туле», из недр которого, по утверждениям некоторых современных «конспирологов», якобы вышла НСДАП (что, впрочем, представляется весьма сомнительным) ;

2) Союз бойцов белых добровольческих корпусов, боровшихся против германских большевиков в 1918–1923 гг., под названием «Немецкий (Тевтонский) орден» («Дейчер Орден», по-немецки: «Deutscher Orden»), не имевший с «историческим» римско-католическим Тевтонским (Немецким) орденом ничего общего, кроме названия и эмблемы — белого щита с прямым черным крестом;

3) основанная офицером-фронтовиком, ветераном белого добровольческого корпуса и «консервативным революционером» Артуром Ма-

рауном в 1919 г. правая националистическая организация «Младотевтонский (Младонемецкий) орден», по-немецки: «Юнгдейчер Орден» (Jungdeutscher Orden), сокращенно: «Юнгдо» (Jungdo).

В русскоязычной литературе эта организация часто неправильно именуется «Младогерманским орденом» — подобно тому, как Немецкий (Тевтонский) рыцарский орден порой неправильно именуется «Германским рыцарским орденом».

«Орденские братья» марауновского «Юнгдо» носили значки в форме белого щитка с черным крестом (но не «классической» тевтонской, а мальтийской формы, с «ласточкиными хвостами» на концах), а «орденские сестры» — такие же значки (но с трехлучевыми крестами). Знамя «Юнгдо» представляло собой белое полотнище с черным мальтийским крестом. Возведя сам себя в сан Верховного магистра учрежденного им «Младотевтонского ордена», Артур Мараун пользовался внутри ордена непререкаемым авторитетом, опираясь на свои собственные капитул, бальяжи и комтуров, скопированных со «старого» («головного») Тевтонского ордена. Правой рукой Гохмейстера Марауна был канцлер «Младотевтонского ордена» Борнеман. Земельные организации «Юнгдо» именовались «комтурствами» («комтуриями»), низовые организации — орденскими округами. Особенно многочисленными были земельные организации «Младотевтонского ордена» в Тюрингии и Саксонии, а его мелкие филиалы имелись на всей территории Германии.

«Юнгдо» издавал собственную газету «Младотевтон» (нем.: «Дер Юнгдейче», Der Jungdeutsche) под девизом участников Первого Крестового похода (и рыцарей ордена Святого Гроба Господня) «Так хочет Бог!» (нем.: «Готт вилль эс!», Gott will es!, лат.: «Деус вульт», Deus vult).

Первоначально орден Марауна/Борнемана являлся главным конкурентом право-консервативного союза фронтовиков — ветеранов мировой войны «Стальной шлем» (нем.: «Дер Штальгельм», Der Stahlhelm). Подобно «Штальгельму», «Юнгдо» преследовал цели военного характера, собирал и тайно хранил вооружение германской армии, подлежавшее сдаче комиссии Антанты по разоружению Германии. В 1923 г. «Младотевтонский орден», как и «Стальной шлем», боролся за осуществление планов главнокомандующего вооруженными силами послевоенной Германии (рейхсвера) генерала Ганса фон Секта, намеревавшегося организовать вооруженное сопротивление французским и бельгийским войскам, оккупировавшим промышленную Рурскую область Германии. В 1925 г. орден Марауна поддержал кандидатуру фон Секта на пост президента Германии. Своими основными задачами «Юнгдо» провозгласил борьбу против красного террора внутри страны, освобождение Отечества в сфере внешней политики и возвращение германских колоний. С 1924 г. разгорелось соперничество между «Младотнвтонским орденом» и «Стальным шлемом»,

главную роль в котором играли связи обеих организаций в министерстве рейхсвера, а также сугубо местнические интересы. Как говорил в рейхстаге в 1923 г. министр рейхсвера Гесслер, между офицерами рейхсвера разгорелся спор о том, какой из двух союзов лучше служит Отечеству. В конце 1925 г. имперский комиссар по охране общественного порядка передал министерству рейхсвера данные об установлении контактов между «Младотевтонским орденом» и союзом «Рейхсбаннер» («Имперский стяг») — полувоенной организацией, созданной Социал-Демократической партией Германии (СДПГ). Конфликт «Юнгдо» со «Стальным шлемом» и контакты Марауна с «Рейхсбаннером» стали причиной разрыва между министерством рейхсвера и «Младотевтонским орденом». Во второй половине 20-х гг. орден Марауна-Борнемана в значительной степени утратил свое прежнее влияние, число его членов и сторонников резко уменьшилось.

Поскольку радикальные политические организации, преследующие сходные цели, наиболее яростно борются не с главным, идеологическим врагом, а друг с другом (как это происходило до недавних пор и в нашем многострадальном Отечестве), гитлеровская партия НСДАП и «Младотевтонский орден» друг друга на дух не выносили, но, тем не менее, сходство между ними было во многом разительным, как, впрочем, и сходство с коммунистами. Не зря ведь товарищ Сталин говорил о своей, Коммунистической, партии, как об «ордене меченосцев», а рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер — о своей «черной гвардии», как об «ордене нордических мужей» (с его легкой руки СС и стали называть «Черным орденом»). После прихода Гитлера к власти «Младотевтонский орден» был распущен, а сам Артур Мараун арестован и заключен в концентрационный лагерь, откуда вышел на вою одноглазым и занялся, вместо политики, менее опасным делом — книжной торговлей.

Между тем, высшие партийные школы НСДАП (но не юнкерские училища СС!) размещались в «орденских замках» («орденсбургах», Ordensburgen). Для вскармливания новой элиты в «Третьем рейхе» были созданы «орденские замки» Крессинзее, Зонтгофен и Фогельзанг (Фогельзангом, кстати, назывался первый замок средневекового Тевтонского ордена, построенный в свое время «марианами» в Кульмской земле). Национал-социалистические функционеры, прошедшие обучение в «орденских замках», получали почетное право носить над обшлагом правого рукава своего коричневого партийного мундира манжетную ленту (нем.: «эрмельштрейфен», Aermelstreifen) с названием замка, в котором они обучались, выполненным готическими литерами.

В своей речи, произнесенной в 1936 г. в «орденском замке» нацистов Зонтгофен, Адольф Гитлер провозгласил свою партию — НСДАП — «политическим орденом». Он подчеркнул, что «партия должна представлять собой орден, который должен гарантировать стабильность формирования

немецкой воли и потому обеспечивать стабильность политического руководства».

А в другой своей речи, произнесенной в документальном фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», фюрер «Третьего рейха» заявил: «В будущем партия займется отбором руководящих кадров для народа. В своем учении она будет постоянной, в своей организации — твердой, как сталь, в своей тактике — гибкой и эластичной. В целом она будет подобна ордену».

В бывшей резиденции Гохмейстеров Тевтонского ордена — замке Мариенбург-на-Ногате — при Гитлере происходил торжественный прием немецких школьников в члены «Гитлерюгенда» (организации «Гитлеровской молодежи», Hitlerjugend, сокращенно: ГЮ, HJ). Но вины подлинных, «исторических», тевтонских рыцарей во всем этом нет.

Они повинны в этом не больше, чем, скажем, строитель Московского Кремля Аристотель Фиоравенти, зодчие Покровского собора Посник и Барма и создатель возведенного на Красной площади памятника гражданину Минину и князю Пожарскому скульптор Иван Мартос — в том, что на фоне этих дорогих всякому русскому сердцу святынь «юные пионеры-ленинцы» десятилетиями беззаветно клялись «быть всегда готовыми к борьбе за дело Коммунистической партии» перед мавзолеем «доброго дедушки Ленина».

Тем не менее, немногие уцелевшие в Богемии и Моравии, Словении и Хорватии члены исторического Тевтонского ордена, не избежали репрессий коммунистических властей, видевших в них «предшественников и идейных вдохновителей германского нацизма». Так, от безбожных властей пострадал Гохмейстер «тевтонов» брат Роберт Шельцкий, брошенный чехословацкими властями в тюрьму, выпущенный оттуда в 1946 г. и скончавшийся в Вене в 1948 г., претерпев, подобно первым христианам, мучения за Христа и Его Пречистую Матерь.

64. Фаза тенебрации

После окончания Второй мировой войны началось постепенное возрождение Тевтонского ордена — сначала в Австрии (уже в 1945 г.), и одновременно — после стосорокапятилетнего перерыва — в Германии, а после «бархатных революций» в Восточной Европе — также в Чехии, Словакии, Хорватии и Словении. В настоящее время он носит официальное название «Братья Немецкого (Тевтонского) Странноприимного Дома Святой Марии что в Иерусалиме» (Fratres domus hospitalis Sanctae Mariae Teutonicorum in Jerusalem), сокращенно «Немецкий (Тевтонский) орден» (Ordo Teutonicorum или просто ОТ).

Резиденция Верховного магистра находится в Вене по адресу: Штернгассе, д. 7. Сегодня бывшее духовно-рыцарское братство представляет собой чисто клерикальный (духовный) орден, костяк которого составляют клирики, или священники. В эту мужскую ветвь инкорпорирована конгрегация «сестер Тевтонского ордена», полное название которой — «Сестры Немецкого (Тевтонского) Дома Святой Марии что в Иерусалиме». Высшими руководителями (их уже не называют «гебитигерами»!) обеих ветвей ордена являются одни и те же лица. В Тевтонский орден афилиирован и упоминавшийся нами выше, состоящий из мирян институт «фамилиаров».

Как уже говорилось выше, в современном Тевтонском ордене больше не существует института «братьев-рыцарей». Гохмейстер в редких случаях посвящает отдельных «фамилиаров», за особые заслуги перед орденом, в «почетные рыцари», или «рыцари чести» («эренриттеры», Ehrenritter). Таким «почетным рыцарем» ордена Девы Марии был, к примеру, доктор Отто фон Габсбург, наследник австрийского императорского и венгерского королевского престолов. А 10 марта 1958 г. в «рыцари чести» Тевтонского ордена в базилике святого Андрея г. Кельна был посвящен первый федеральный канцлер Федеративной Республики Германии доктор Конрад Аденауэр. Аденауэр стал двенадцатым по счету «рыцарем чести» ордена Девы Марии. К слову сказать, федеральный канцлер ФРГ был одновременно также рыцарем ордена Святого Гроба Господ-

ня и магистральным рыцарем Суверенного рыцарского ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты (Мальтийского ордена).

Тевтонские рыцари чести носят такой же белый плащ, как и братья-священники ордена, но не с черным лапчатым крестом (как священник), а с белым щитом, обрамленным узкой черной каймой, и украшенным прямым черным крестом (на левой стороне, «напротив сердца»).

После VI Ватиканского собора папа римский Павел VI даровал Верховному магистру Тевтонского ордена право носить в особо торжественных случаях епископскую митру и посох, уравняв его «по чести» с кардиналами-архиепископами римско-католической Церкви. На торжественных процессиях перед Гохмейстером несут церемониальный (выносной) крест, увенчанный навершием в форме черного, окаймленного серебром, лапчатого орденского креста и украшенный девизом «В кресте — спасение» (лат.: «Ин круце салюс», In cruce salus), а также гербами Тевтонского ордена, правящего Верховного магистра, «фамилиарского» баллея Германии и комтурии Верхнего Рейна (нем.: Ам Оберрейн, Am Oberrhein). Этот церемониальный крест был изготовлен в 1994 г. златокузнецами Лихтентальского аббатства Цистерцианского ордена (Баден-Баден) совместно с ювелиром Петером Бюккеном из Герцогенрат-Кольшейда.

В обычное время Верховный магистр современных «тевтонов» носит черную сутану с металлическим «тевтонским» гохмейстерским крестом напротив сердца, поверх которой в дни двунадесятых церковных праздников и на различных официальных мероприятиях (например, при освящении орденских больниц, госпиталей, учебных и благотворительных заведений и т.д.) Гохмейстер надевает белый орденский плащ со своим должностным гербовым крестом на левом плече. Совсем недавно, в 2008 г., был обретен считавшийся утраченным с 1938 г. парадный шейный крест Гохмейстера Тевтонского рыцарского ордена, украшенный бриллиантами и жемчугами — подарок австрийского императора Франца-Иосифа I.

Организационная структура современного монашеского (духовного, клерикального) Тевтонского ордена («Братьев Немецкого Дома Святой Марии, что в Иерусалиме», нем.: Brueder vom Deutschen Haus St. Marien in Jerusalem) выглядит следующим образом.

Во главе ордена Святой Девы Марии стоит Верховный магистр (Гохмейстер) монашеского звания.

Совещательным органом при Верховном магистре является Генеральный совет (нем.: Генеральрат, Generalrat).

Кроме Верховного магистра-Гохмейстера, постоянными членами Генерального совета Тевтонского ордена являются:

1) Генеральный прокуратор:
2) четыре Генеральных советника;
3) Генеральный секретарь:

4) Генеральный эконом:
5) Генеральная ассистентка;
6) ассистентка;
7) эксперт от института «фамилиаров» Тевтонского ордена.

Генеральный прокуратор постоянно пребывает в Риме в качестве посла Тевтонского ордена при римском апостольском (папском) престоле.

Генеральный секретарь является административным уполномоченным Верховного магистра по текущей управленческой работе и заместителем Гохмейстера в случае болезни последнего.

Генеральный эконом отвечает за финансовые вопросы и вопросы логистики.

Генеральная ассистентка и ассистентка представляют в Генеральном совете интересы «сестринской службы» Тевтонского ордена.

Генеральные советники представляют интересы орденских провинций.

Эксперт от института «фамилиаров» представляет интересы «фамилиаров» Тевтонского ордена.

Наряду с Генеральным советом, в орденской структуре существуют Литургическая комиссия (Комиссия по литургике) и Комиссия собственного (корпоративного) права Тевтонского ордена.

В настоящее время существуют пять «тевтонских» орденских провинций:

1) Италия (двадцать пять священников, два клирика, один кандидат и девять услужающих братьев)

2) Германия (восемь священников, четыре клирика, три послушника, два кандидата и один услужающий брат)

3) Австрия (шесть священников, два клирика и один услужающий брат)

4) Словения (шесть священников)

5) Чехословакия (три кандидата), несмотря на разделение бывшей ЧССР на два государства — Чехию и Словакию.

Таким образом, в Тевтонском ордене в настоящее время состоят всего семьдесят два «орденских брата» (не считая «почетных рыцарей» и «фамилиаров»). «Орденские сестры» также распределены по всем пяти провинциям:

1) Германия (сто двадцать восемь),
2) Италия (восемьдесят семь),
3) Австрия (сорок одна),
4) Словения (двадцать девять),
5) Чехословакия (двадцать три) —

всего триста восемь «орденских сестер».

«Фамилиары» Тевтонского ордена распределены по трем баллеям — Германия, Австрия и Южный Тироль, а также по двум комтуриям (комтурствам) — Рим и Альтенбизен (Бельгия). В Германии существует восемь комтурств, в Австрии — два. Всего в мире насчитывается девятьсот пятьдесят четыре «фамилиара» и семь «рыцарей чести» Тевтонского ордена.

В свое время «фамилиаром» Тевтонского ордена был, например, такой известный германский политический и общественный деятель, как член «Бильдербергского клуба», министр обороны ФРГ, лидер «Христианско-Социального Союза» (ХСС, баварского филиала общегерманской партии «Христианско-Демократический Союз», ХДС) и многократный премьер-министр Баварии Франц-Йозеф Штраус. Сохранилось немало фотографий Ф.-Й. Штрауса в черном плаще «фамилиара» Тевтонского ордена, украшенном белым щитком с прямым черным крестом напротив сердца. В этом плане Штраус, кстати, отнюдь не являлся «белой вороной» среди западногерманских политиков — как уже упоминалось выше, первый федеральный канцлер послевоенной Германии Конрад Аденауэр был не только «рыцарем чести» Тевтонского ордена, но и рыцарем ордена Святого Гроба Господня, а также магистральным рыцарем Суверенного рыцарского ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты (Мальтийского ордена) ; федеральный президент ФРГ Генрих Любке был рыцарем папского Верховного ордена Христа и т.д..

«Фамилиары» Тевтонского ордена в Германии, по юридически-экономическим соображениям, учредили и зарегистрировали как самостоятельную общественную организацию «Союз немецких (тевтонских) господ — друзей и спонсоров Немецкого (Тевтонского) ордена» (нем.: Deutschherrenbund der Freunde und Foerderer des Deutschen Ordens).

В Германии «фамилиары» при приеме в «орденское семейство» одновременно принимаются и в эту общественную организацию. Но друзья Тевтонского ордена могут вступить в нее, даже не являясь «фамилиарами».

«Фамилиары» Тевтонского ордена носят не белые, а черные плащи, скрепленные на груди шнурами в черно-белую полоску и украшенные напротив сердца тем же старинным орденским гербом, что и почетные рыцари (белый щит с прямым черным крестом), поверх черного костюма с белой рубашкой и черной бабочкой (или галстуком в диагональную черно-белую полоску), а также черные шляпы с черно-белым витым шнуром про тулье, белым плюмажем и аграфом в форме орденского гербового щитка с черным крестом на белом поле.

В Нидерландском королевстве существует отдельный Утрехтский баллей (Ballei Utrecht) Тевтонского ордена (члены которого еще в 1582 г. перешли из католической веры в протестантскую и с тех пор не подчиняются Верховному магистру ордена).

Кроме того, на итальянском острове Сицилия существует отдельная автономная коммменда Тевтонского ордена, не входящая в орденскую провинцию Италия, под названием «Автономная комменда Святой Марии Немецкой» (итал.: Commenda Autonoma di Santa Maria degli Allemani).

Субкомменды Тевтонского ордена существуют в Австралии, Бельгии, Венесуэле, Италии, Канаде, Колумбии, Намибии, Южной Африке и США.

Недавно Тевтонский орден странноприимного Дома Святой Марии что в Иерусалиме, в целях интернационализации своей деятельности, разработал программу «Международное членство» (International Membership program of the Teutonic Order-Deutscher Orden), в рамках которой проводит кампанию по привлечению в свои ряды в индивидуальном порядке заинтересованных во вступлении в него лиц обоего пола из следующих стран: Испании, Португалии, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландов, Дании, Норвегии, Великобритании, Ирландии, Швеции, Швейцарии, Монако, Кипра, Греции, Южной Африки, Финляндии, Хорватии, Канады, США, Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили, Мальты, Австралии и Новой Зеландии, приглашая их вступать в ряды новых комтурств (командорств), учрежденных орденом в перечисленных выше странах, во главе с комтурами (командорами). По мере увеличения числа комтурств в перечисленных выше странах, они должны объединяться в баллеи (бальяжи) во главе с бальи ордена. Однако заявку на приема в орден вправе подавать и граждане стран, не перечисленных выше (включая Россию, Армению, Венгрию, Болгарию, Румынию, Литву, Латвию, Польщу, Эстонию, Пуэрто-Рико), а также германской области Франкония, «Восточной Пруссии и Кёнигсберга», Сардинии и Иерусалима.

Тевтонским госпитальерским братством регулярно издается цветной иллюстрированный журнал «Дейчер Орден» (Deutscher Orden). Оно имеет свой сайт в Интернете,фигурирует в Фейсбуке.

1 мая 2002 г. германский аристократ принц Карл-Фридрих Саксен-Альтенбургский (объявив себя германским императором «де-юре» под именем «Его Императорского и Королевского (?) Величества Карла-Фридриха Германского (фон Дейчланд)», провозгласил себя шестидесятым Верховным магистром Тевтонского ордена, восстановив рыцарский (кавалерский) характер последнего. Его Тевтонский орден, гербом которого служит двуглавый орел «Священной Римской империи», увенчанный габсбургской короной императоров Австрии над черным, с серебряной каймой, лапчатым «тевтонским» крестом, официально именуется «Имперским Тевтонским орденом» (англ.: The Imperial Teutonic Order). В качестве должностного герба этот Гохмейстер использует средневековый герб Гохмейстеров Тевтонского ордена (единственное отличие заключается в том, что черный орел на золотом сердцевом щитке гохмейстерского креста «вооружен» красным клювом и лапами, как орел на гербе современной ФРГ). Папский престол пока что этот орден не признал, современный монашеский Тевтонский орден также не поддерживает с рыцарским братством «Карла-Фридриха Германского» никаких отношений (по крайней мере, официально)...

Здесь конец и Богу нашему слава!

Список глав (ректоров, приоров и верховных магистров-гохмейстеров) Немецкого (Тевтонского) ордена

1. Братство немецких странноприимцев

Резиденция — Аккон (Акра, Сен Жан д'Акр, Птолемаида) в Палестине (до 1230 г.) :

Сибранд (Сигибрант, Зибранд, Зигебрант) 1190
Герард 1192
Генрих, приор 1193–94
Ульрих 1195
Генрих, прецептор 1196

2. Рыцарский (военный) орден

Генрих (Герман) Вальпот (Вальпото, Вальпоте, Вальботе) 1198–1200
Отто фон Керпен 1200–1208
Генрих (Герман, Герберт) фон Тунна по прозвищу Барт 1208–1209

Герман фон Зальца 1209–1239

Резиденция — замок Монфор/Штаркенберг в Палестине (1230–1271) :
Конрад Тюринг (ен) ский 1239–1240
Герхард фон Мальберг (смещен рыцарями) 1240–1244
Генрих фон Гогенлоэ (Годефридус Гоэлох) 1244–1249
Гунтер фон Вюллерслебен 1249–1252
Поппо фон Остерн (а) 1252–1256
Анно фон Зангерсгаузен 1256–1273
Резиденция — Аккон (Акра, Акка, Сен Жан д'Акр, Птолемаида) (1271–1291) :
Гартман фон Гельдрунген 1273–1282
Бурхард фон Швенден (Бургардус де Сванден) 1282–1290

Резиденция — Венеция (1291–1309) :
Конрад фон Фейхтванген 1291–1296
Готфрид фон Гогенлоэ 1297–1303
Зигфрид фон Фейхтванген (Сифридус де Фугкванген) 1303–1311
Резиденция — Мариенбург в Пруссии (1309–1457) :
Карл фон Трир (Каролус де Тревери) 1311–1324
Вернер фон Орзельн (убит братом-рыцарем) 1324–1330
Лютер (Лутер, Лудер) фон Брауншвейг 1331–1335
Дитрих фон Альтенбург (Теодорикус де Альтенбурк) 1335–1341
Лудольф Кениг 1342–1345
Генрих Дуземер 1345–1351
Винрих фон Книпроде 1352–1382
Конрад Цельнер фон Ротенштейн 1382–1390
Конрад фон Валленроде 1391–1393
Конрад фон Юнгинген 1393–1407
Ульрих фон Юнгинген (убит при Танненберге) 1407–1410
Генрих Рейсс фон Плауэн (смещен рыцарями) 1410–1413
Михаэль Кюхмейстер 1414–1422
Пауль фон Русдорф 1422–1441
Конрад фон Элльрихсгаузен (Эрлихсгаузен) 1441–1449
Резиденция — Кенигсберг в Восточной Пруссии (1457–1525 гг.) :
Людвиг фон Элльрихсгаузен (Эрлихсгаузен) 1450–1467
Генрих Рейс фон Плауэн 1469–1470
Генрих Реффле фон Рихтенберг 1470–1477
Мартин Трухзес фон Ветцгаузен 1477–1489
Иоганн фон Тифен 1489–1497
Фридрих Саксонский (фон Заксен) 1498–1510
Альбрехт Гогенцоллерн фон Бранденбург-Ансбах 1511–1525
Резиденция — Мергентгейм во Франконии (1525–1809) :
Вальтер фон Кронберг 1527–1543
Вольфганг Шуцбар по прозвищу Мильхлинг 1543–1566
Георг Гунд фон Венкгейм 1566–1572
Генрих фон Бобенгаузен 1572–590/95
Максимилиан Австрийский 1590/95–1618
Карл Австрийский 1619–1624
Иоганн Евстахий (Ойстах) фон Вестернах 1625–1627
Иоганн Каспар фон Стадион (Штадион) 1627–1641
Леопольд Вильгельм Австрийский 1641–1662
Карл Иосиф Австрийский 1662–1664
Иоганн Каспар фон Ампринген 1664–1684
Людвиг Антон фон Пфальц-Нейбург 1684–1694
Франц Людвиг фон Пфальц-Нейбург 1694–1732

Клеменс Август Баварский (фон Байерн) 1732–1761
Карл Александр Лотарингский (фон Лотринген) 1761–1780
Максимилиан Франц Австрийский 1780–1801
Карл Людвиг Австрийский 1801–1804
Резиденция — Вена в Австрии (начиная с 1809 г. и по сей день) :
Антон Виктор Австрийский 1804–1835
Максимилиан Иосиф Австрийский д'Эсте,

Верховный и Германский Магистр

(Гох-унд Дейчмейстер) 1835–1840

Он же, с титулом Великого магистра

(Гроссмейстера) 1840–1863
Вильгельм Австрийский, Великий магистр 1863–1894

Евгений (Ойген) Австрийский, последний

Верховный и Германский магистр (Гох-унд Дейчмейстер) 1894–1923

3. Духовный (клерикальный, монашеский) орден

Доктор Норберт Клейн 1923–1933
Пауль Гейдер 1933–1936
Роберт Шельцкий 1936–1948
Доктор Мариан Тумлер 1948–1970
Ильдефонс Паулер 1970–1988
Аббат доктор Арнольд Отмар Виланд 1988–2002
Аббат доктор Бруно Платтер 2002–2018
Генеральный аббат Франк Байярд: 2018 — по н. вр.

Маршалы Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии

1208: Генрих
1208–1215: ?
1215: Людвиг фон Горфлегове
1215–1228: ?
1228–1230: Гунтер фон Вюллерслебен
1230–1239: ?
1239–1240: Гергард фон Мальберг
1240–1242: Вернер фон Меренберг
1242–1243: Берлевин фон Фрейберг
1244: Альмерих фон Вюрцбург
1244–1260: Генрих Ботель
1260–1273: ?
1273–1285: Конрад фон Тирберг
1285–1288: ?
1288: Конрад фон Тирберг (повторно)
1288–1312: ?
1312–1320: Генрих фон Плё (т) цке
1320–1331: ?
1331–1335: Дитрих фон Альтенбург
1335–1339: Генрих Дуземер
1339–1342: Гако
1342–1346: Винрих фон Книпроде
1347–1359: Отто фон Данфельд
1359–1370: Геннинг Шиндекопф
1370–1374: Рюдигер фон Эйнер
1374–1379: Готфрид фон Линден
1379–1382: Куно фон Гаттенштейн
1382–1387: Конрад фон Валленрод (Валленроде, Вальроде)
1387–1392: Энгельгард Рабе
1392–1404: Вернер фон Теттинген
1404–1407: Ульрих фон Юнгинген
1407–15 июля 1410: Фридрих фон Валленрод (Валленроде, Вальроде)
1410–1411: должность маршала Ордена оставалась вакантной
Август 1411–8 января 1414: Михаэль Кюхмейстер фон Штернберг

Январь 1414-май 1415: Эбергард фон Валленфельз
Июнь 1415–10 января 1422: Мартин фон дер Кемнате
18 ноября 1422–15 мая 1422: Николаус фон Гёрлиц
15 марта 1422–18 ноября 1422: Ульрих Ценгер
18 ноября 1422–25 октября 1424: Людвиг фон Ландзее
25 октября 1424-ноябрь 1428: Вальрабе фон Гунсбах
1428–11 июля 1431: Генрих Гольд (Хольд)
11 июля 1431–6 апреля 1434: Йост фон Струпперг (Штрупперг)
6 апреля 1434–17 октября 1436: Конрад фон Эрлигсгаузен (Элльрихсгаухен)
17 октября 1436–3 марта 1438: Винцент фон Вирсберг
3 марта 1438–1 марта 1440: Генрих фон Рабенштейн
1 марта 1440–12 апреля 1441: Конрад фон Эрлигсгаузен (Элльрихсгаухен)
22 июня 1441-февраль 1454: Килиан фон Эксдорф

Боевая песня братьев ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской

Оригинальный немецкий текст этой тевтонской орденской песни-псалма, сочиненной в XIII в., мы даем в том виде, в каком она вошла в так называемый «Глогауский песенник» (нем.: «Глогауэр Лидербух», Glogauer Liederbuch), датируемый 1480 г.:

Christ ist erstanden
Von der Marter alle.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein.
Kyrieleis.
Waer er nicht erstanden,
So waer die Welt vergangen,
Seit dass er erstanden ist,
So lobn wir den Vater Jesu Christ.
Kyrieleis.
Halleluja,
Halleluja,
Halleluja.
Des solln wir alle froh sein,
Christ will unser Trost sein —
Kyrieleis.

Перевод на русский язык:

Христос воскресе
После всех мучений.
Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением.
Кирие элейсон (греч.: Господи, помилуй) !
Если бы Он не воскрес,
То мир бы перестал существовать.
С тех пор, как Он воскрес,
Мы хвалим Отца Иисуса Христа.
Кирие элейсон!
Аллилуия (Хвалите Бога),
Аллилуия,
Аллилуия!
Мы все должны возрадоваться этому,
Христос станет нашим утешением!
Кирие элейсон!

Опыт блазонирования гербовых хоругвей рыцарей Тевтонского ордена, их вассалов, «гостей» и союзников, захваченных поляками в битве под Танненбергом 15 июля 1410 г.

1.Великая (Большая) хоругвь Верховного магистра (Гохмейстера) Тевтонского ордена с тремя косицами (золотой, с черной каймой, костыльный «иерусалимский» крест с должностным гохмейстерским гербом, изображавшим одноглавого черного орла на золотом поле — символ достоинства князя «Священной Римской империи», неразрывно связанного с должностью Гохмейстера со времен императора Фридриха II Гогенштауфена — украшал не только Большую и Малую хоругви, но и белое полукафтанье Верховного магистра ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской). На некоторых миниатюрах и гравюрах изображение на Большой хоругви Гохмейстера повернуто «на девяносто градусов».

2.Малая Хоругвь Верховного магистра (аналог. 1, но хоругвь без косиц).

3.Хоругвь Тевтонского ордена («гербовое» — белое, с прямым черным крестом, знамя ордена; первоначально это знамя было просто белым, безо всяких эмблем; имеются упоминания и о другом, Главном знамени ордена с изображением Пресвятой Девы с Богомладенцем Иисусом на руках, но присутствие его на поле битвы под Танненбергом не засвидетельствовано хронистами).

4.Хоругвь князя Конрада IV Старшего («Белого») Олесницкого (одноглавый черный орел, обремененный серебряным полумесяцем, в золотом поле).

5.Хоругвь померанского (поморского) князя Казимира V Щецинского (знамя-гонфанон с изображением червленого грифона в серебряном поле — старинного герба поморских князей со времен Святополка).

6.Хоругвь Святого Георгия (знамя-гонфанон; его необычная расцветка — прямой серебряный крест на красном

поле, вместо традиционного для «знамени Святого Георгия» красного креста на серебряном поле, объясняется тем, что в польско-литовском войске также имелась состоявшая из «гостей» хоругвь Святого Георгия, имевшая «георгиевское» знамя традиционной расцветки). В то же время известно, что военное знамя (баннер) императоров средневековой «Священной Римской империи» было также красным, с прямым серебряным крестом (поэтому их вассалы — например, датские короли, швейцарские конфедераты и др. — также использовали в качестве знамен и флагов серебряный крест на красном поле).

7.Хоругвь епископа и епископства Помезанского (золотой одноглавый орел в нимбе — символ Св. Евангелиста Иоанна — с серебряным свитком в лапах и с двумя золотыми епископскими посохами по бокам, в червленом поле).

8,45.Хоругви комтурства Раг (а) нитского и городка Раг (а) нита (три красных колпака в столб, на серебряном поле).

9.Хоругвь епископа и епископства Самбийского (скрещенные красные меч острием вниз и епископский посох в серебряном поле).

10.Хоругвь епископа и епископства Эрмландского (Вармийского) — знамя-гонфанон с изображением серебряного агнца с обращенной назад головой в нимбе, с крестным знаменем, изливающего из кровоточащей язвы на груди кровь в серебряную чашу, в красном поле, на серебряной траве.

31.Хоругвь комтурства Шлохауского и городка Шлохау (Члухов) — аналог. 10.

11.Хоругвь Великого комтура Тевтонского ордена Конрада (Куно) фон Лихтенштейна (дважды пересеченная в червлень и серебро; ее красно-бело-красная расцветка аналогична расцветке австрийского флага, что объясняется двумя причинами: австрийским происхождением самого Великого комтура и тем, что в составе данной хоругви сражались его земляки — «гости» Тевтонского ордена из австрийских земель).

12.Хоругвь г. Кульм (Хелмно) — знамя-гонфанон с черной главой и опрокинутым черным латинским крестом в верхней части, дважды пересеченное волнообразными перевязями в серебро и червлень.

13.Хоругвь Великого казначея (скарбника) Тевтонского ордена (должностной герб орденского казначея — серебряный ключ вправо бородкой вверх в красном поле).

14.Хоругвь комтурства Грауденцского и городка Грауденц (обращенная прямо черная бычья голова с золотыми бровями и ноздрями, серебряными рогами и серебряным же кольцом в ноздрях, на белом поле).

15.Хоругвь комтурства Бальгского и городка Бальга (червленый стоящий волк с высунутым языком на серебряном поле, с правым черным боковиком).

16.Хоругвь комтурства Шензееского и городка Шензее (две красные рыбы в кольцо на серебряном поле).

17.Хоругвь г. Кенигсберга (знамя-гонфанон с изображением восстающего серебряного богемского, или чешского, льва в золотой короне на красном поле — в память об основателе города — чешском короле Оттокаре (Отакаре) II Пшемысле; гербовое знамя Тевтонского ордена — прямой черный крест на серебряном поле — в главе хоругви).

18.Хоругвь комтурства Альтгаузского (четвертованная в чернь и серебро — цвета Тевтонского ордена).

19.Хоругвь комтурства Тухельского и городка Тухель (Тухоль) — четырежды рассеченная в серебро и червлень.

20.Хоругвь комтурства Нессауского и городка Нессау (Нешава) — дважды рассеченная в чернь и серебро.

21.Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» ордена) из Вестфалии (две красные скрещенные оперенные стрелы остриями вверх на серебряном поле).

22.Хоругвь баллея (бальяжа) Роттенгаузенского и городка Роттенгаузен (три серебряные геральдические розы с золотой сердцевиной, в красную перевязь справа, на серебряном поле).

24.Хоругвь комтурства Энгельсбергского и городка Энгельсберг (серебряный ангел с черными волосами и лицом телесного цвета, в красном поле; типичный пример «говорящего герба» — название комтурства и городка означает, в переводе с немецкого, «ангельская гора», по имевшему там место видению ангела, явившегося орденским братьям-основателям; правда, упоминается и иное, чем у Яна Длугоша, название — Энгельсбург, то есть Ангельский Замок).

23.Хоругвь комтурства Данцигского и г. Данцига (два серебряных лапчатых креста в столб на красном поле — герб города Данцига).

25.Хоругви комтурства Страсбургского и городка Страсбург (Бродницы) — красный бегущий олень в серебряном поле.

26.Хоругвь замка Братиан и городка Неймаркт (три коричневых оленьих рога в трикветру в серебряном поле).

27.Хоругвь г. Бр (а) унсберг (пересеченная в серебро и чернь, с черным лапчатым крестом в серебряном и с серебряным лапчатым крестом — в черном поле).

28.Хоругвь немецких рыцарей-крестоносцев («гостей» Тевтонского ордена) из Франконии — скрещенные красные стрела и арбалетный болт оперением вниз, в серебряном поле.

29.Хоругвь швейцарских рыцарей-крестоносцев («гостей» Тевтонского ордена) — серебряный стоящий волк с высунутым языком, в червленом поле.

30.Хоругвь комтурства Лескенского и городка Лескен (дважды пересеченная в червлень, серебро и чернь; данный факт, кстати, опровергает

широко распространенное заблуждение, будто «все средневековые флаги были двуцветными и положение изменилось лишь после Нидерландской революции, когда был впервые введен трехполосный трехцветный флаг»!).

32.Хоругвь городка Бартенштейн (знамя-гонфанон с изображением серебряного лезвия топора вправо в черном поле с серебряной главой).

33.Хоругвь комтурства Остеродского и городка Остероде (четвертованная в червлень и серебро).

34.Хоругвь прусских рыцарей-вассалов ордена из Кульмской земли (Кульмерланда) — аналог. 12, но с черным прямым латинским крестом в верхней части и с тремя красными столбами в левом верхнем углу; именно этой хоругвью кульмский рыцарь-изменник Никкель фон Ренис (Никш) подал своим соратникам ложный сигнал к отступлению, вызвавший замешательство, а затем — сумятицу и хаос во всем орденском войске.

35,42,43.Хоругви комтурства Эльбингского и города Эльбинг (Эльблонг) — пересеченные в серебро и червлень, с прямым красным крестом в серебряном и с прямым же серебряным крестом — в красном поле).

36, 38.Хоругви немецких рыцарей («гостей» ордена) из Северной Германии (знамена-гонфаноны, серебряные, с черной перевязью справа).

37.Хоругвь комтурства Торнского и городка Торн (Торунь) — знамя-гонфанон с изображением красного замка с тремя башенками с окнами черного цвета, с раскрытыми черными воротами с поднятой серебряной решеткой и растворенными золотыми створками, в серебряном поле.

39.Хоругвь городка Меве (скрещенные серебряные стрела и арбалетный болт оперением вниз в красном поле).

40.Хоругвь городка Гейлигенбейль (аналог. 32, но лезвие топора несколько уже).

41.Хоругвь комтурства Бр (а) унсбергского (у хрониста Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью комтурства Брауншвейгского»!) — красный, с серебряными полосами, восстающий лев с золотой короной, в лазурном поле — герб Тюрингии, в память об основателе Брунсберга — ландграфе Конраде Тюрингском, Гохмейстере Тевтонского ордена в 1239–1240 гг.

44.Хоругвь городка Ортельсберг (Щитно) — скошенная справа в червлень и серебро.

46.Хоругвь города Книпгоф (Кнейпгоф, Книпава), со временем слившегося с Кенигсбергом (золотая чешская королевская корона в серебряном поле и прямой серебряный крест в красном поле — что в сочетании опять-таки дает геральдические цвета Богемии-Чехии — напоминание об основателе города — чешском короле-крестоносце Оттокаре II Пшемысле).

47.Хоругвь рыцарей-крестоносцев — «гостей» ордена — из Рейнской области Германии (дважды пересеченная в золото, серебро и червлень; у Яна Длугоша ошибочно названа «хоругвью ливонских рыцарей», хотя «братья-рыцари» Тевтонского ордена из Ливонии в битве при Танненберге

не участвовали, поскольку их глава — ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии Конрад фон Фитингоф (ен) — заключил сепаратный мир с Витовтом; к тому на хоругви ливонских рыцарей были изображены, с одной стороны — Небесная покровительница ордена — Пресвятая Богородица с младенцем Иисусом на руках, а с другой — Святой мученик Маврикий с орденским щитом и копьем святого Лонгина).

48.Хоругвь баллея (бальяжа) Ди (р) шауского и городка Ди (р) шау — четырехкратно рассеченная в чернь и серебро.

49.Хоругвь г. Альт-Алленштейн (Старый Ольштын) — дважды пересеченная в чернь, серебро и червлень, цветов рода фон Панвиц.

50.Хоругвь рыцарей-крестоносцев («гостей» ордена) из Мейссена (четвертованная в лазурь и червлень — геральдические цвета маркграфства Мейссенского).

51.Хоругвь комтурства Бранденбургского и городка Бранденбург (одноглавый червленый бранденбургский орел в серебряном поле — в память об основании маркграфом Бранденбурга одноименного замка на землях Тевтонского ордена в ходе Крестового похода).

Приложение

Вольфганг Акунов

«Тевтоны» в Ливонии и «Псы-рыцари» царя Иоанна

Царь Иоанн искал успокоенья
В подобии монашеских трудов.
Его дворец, любимцев гордых полный,
Монастыря вид новый принимал.
Кромешники, в тафьях и власяницах,
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь — игумном богомольным.
Александр Сергеевич Пушкин.
Борис Годунов.

1.Необходимое вступление

Бывшие рыцари ливонского филиала Тевтонского военно-монашеского ордена Пресвятой Девы Марии, Иоганн Таубе и Элерт Крузе («псы-рыцари», по терминологии тов. Карла Маркса), попали в московский плен во время Ливонской войны. Эта война положила конец существованию тевтонского орденского государства в Прибалтике-Готискандзе-Рейдготланде — на территории, с которой готы, переселившиеся туда в древности из Скандзы (Скандинавии), начали свою вооруженную миграцию по Европейскому материку. Но одновременно Ливонская война за готское наследие послужила питательной средой для возникновения в Московском государстве другого, православного, духовно-рыцарского ордена, возглавляемого самим Благоверным Царем и Государем всея Руси Иоанном Васильевичем Грозным. В этот-то православный военно-монашеский орден и поступили на службу ливонцы Таубе и Крузе (известный также как Краузе).

В качестве царских опричников они с 1564 по 1571 г. находились при Священной Особе Государя Московского,

считавшего себя, как известно, «немцем», или, во всяком случае, «германцем» (об этом сообщал английский посол Джильс Флетчер, а по-английски оба этнонима звучат одинаково — «German»; приемлемым представляется как один, так и другой вариант) ! В числе прочего, им довелось пребывать (с 1570 г.) в качестве советников, при датском принце Магнусе, назначенном Иоанном Грозным марионеточным королем Ливонии (сообщая Царю о действиях его ливонского вассала), а также исполнять некоторые дипломатические поручения, направленные на признание власти Царя над завоеванной им Ливонией императором «Священной Римской империи» Максимилианом II Габсбургом и другими коронованными главами великих держав Западной Европы. Когда же Грозный Царь в 1571 г., в силу одному ему ведомых причин (ведь не зря сказано, что «сердце Царево в руце Божией»), принялся за уничтожение созданного им же самим опричного ордена, оба ливонских опричника, не без основания опасаясь, что им, подобно другим главам опричнины, также не удастся избежать топора палача, ухитрились бежать из Московии в Жечь (Речь) Посполиту (объединенное в форме персональной унии польско-литовское государство, являвшееся главным военно-политическим противником Грозного Царя на протяжении почти всей Ливонской войны, а до этого — главным противником ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской), где подробно описали свою службу Иоанну, а заодно — историю, Устав и практику основанного, а затем — упраздненного им опричного ордена. Кстати, именно эти ливонцы, еще совсем недавно состоявшие в одном из древнейших духовно-рыцарских орденов Западной Европы, именовали в своем описании опричнину именно «орденом». Таубе и Крузе писали об «опричном братстве» Иоанна буквально следующее:

«Опричники (или избранные) должны во время езды на коне иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище (в действительности, по воспоминаниям современников, опричники, в том числе иногда и сам царь, носили собачью голову на груди лошади, а метлу — у седла — В.А.). Это означает, что они сперва кусают, как псы, а затем выметают все лишнее из страны («грызут царских врагов, словно псы, и выметают измену из Русской земли» — В.А.). Все пехотинцы («кнехты» — В.А.) должны ходить в грубых... монашеских одеяниях (подбитых овчиной — В.А.)... но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху... Великий Князь (то есть Царь Иоанн Грозный, которому римско-германский император, польский король и другие западные государи упорно отказывали в признании царского титула, как равного «цесарскому» или «кесарскому», то есть императорскому — В.А.) образовал из них над всеми...свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей... Этот орден (sic!) предназначался для совершения особенных злодеяний.

Прежде всего монастырь, или место, где это братство было основано, был в Александровской слободе (ныне — город Александров Владимирской области — В.А.)... Сам он (Царь Иоанн — В.А.) был игуменом (настоятелем монастыря, именовавшимся на Западе «аббатом» или «приором» — В.В.) князь Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов (правильно: Скурлатов — В.А.) пономарем, и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он (Царь — В.А.) сам, вместе с обоими сыновьями (царевичами Иоанном и Феодором Иоанновичами; «кроткий», «незлобивый» и «богомольный» Царь Феодор Иоаннович, именуемый современниками «ангелом во плоти», в юности состоял в «опричном ордене» своего грозного батюшки! — В.А.) и пономарем. Рано утром в четыре часа должны все братья быть в церкви; все не явившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости,не щадятся, все равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к восьми дням епитимьи.

В этом собрании поет он (Царь — В.А.) сам со своей братией и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас же туда явиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье...и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим...Когда трапеза закончена, идет сам игумен к столу. После того, как он оканчивает трапезу, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок... И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую, или трапезную, на вечернюю молитву, продолжающуюся до десяти часов...Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви...Все братья и он (Царь — В.А.), прежде всего, должны носить длинные черные монашеские (sic!) посохи с острыми наконечниками, а также... длинные ножи под верхней одеждой... для того, чтобы, когда вздумается убить кого-либо, не нужно было посылать за палачами и мечами, но иметь все приготовленным...»

Сведения ливонских дипломатов-опричников Таубе и Крузе подтверждает и их соплеменник Альберт Шлихтинг, также находившийся при Опричном дворе, с 1564 г., и являвшийся свидетелем возникновения, становления и развития «кромешного» ордена «псов-рыцарей» Грозного Царя.

«Живя в упомянутом Александровском дворце... он (Царь — В.А.) обычно надевает куколь (лат.: cucullа — В.А.), черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья ордена базилиан (орден базилиан, или василиан, был создан в Речи Посполитой с целью обращения православных

в униатскую, то есть греко-католическую, веру, адепты которой, при внешнем сохранении форм православной обрядности, признавали верховный примат, то есть духовное главенство, римского папы — В.А.), но оно все же отличается от монашеского кукуля тем, что подбито козьим (по другим сведениям — овечьим — В.А.) мехом (как тут не вспомнить Гроссмейстера тамплиеров Луку Бомануара из любимого романа нашей юности «Айвенго», грубый суконный орденский кафтан которого был, из уважения к его высокому сану, подбит тончайшей овчиной! — В.А.).

По примеру тирана, также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами (sic!) и выступать в куколях... И так Великий Князь встает каждый день к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все остальные... Всех их они называют братией, также и они называют Великого Князя не иным именем, как брат. Между тем, он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами (sic!). Заняв место игумена, он ест один кушанье из блюда, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи он удаляется в келью... Равным образом каждый из остальных входит в свою, взяв с собой блюдо, нож и фонарь, не уносить с собой всего этого считается грехом...»

Перед нами, уважаемый читатель, типичное описание военно-монашеского ордена, что усугубляется присутствием в его рядах многочисленных ливонских «псов-рыцарей», совсем недавно состоявших в другом, Тевтонском, немецком, но также духовно-рыцарском братстве. Что же представлял собой ливонские рыцари и почему именно на них решил опереться Грозный Царь Иоанн Васильевич при учреждении своего собственного, опричного, орденского братства, также объединившего в своих рядах «псов-рыцарей», но только православных?

Чтобы попытаться дать вразумительный ответ на этот крайне сложный и запутанный вопрос, нам представляется необходимым сделать краткий экскурс в историю христианизации Ливонии, на протяжении столетий служившей яблоком раздора между греко-православной Русью и римско-католическим Западом.

2.«Земля Пресвятой Девы Марии»

Для начала процитируем «Курс русской истории» маститого отечественного историка Василия Осиповича Ключевского: «Вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что скрывается во мраке доисторических времен. При всей скудости сведений наших не раз мы видим в отдаленной древности признак давления немецкого

племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племен: немцы порабощали их, теснили к востоку и сами двигались за ними, порабощая их вновь. Пространный прибалтийский край, некогда населенный многочисленными славянскими (оставим это утверждение на совести историка! — В.А.) племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность. За прибалтийскими славянами к востоку жили литовские и чудские племена, отделявшие первых от их русских соплеменников.

К этим племенам в конце XII и начале XIII вв. проникли немцы в образе воинственной общины под знаменем религии, и, таким образом, стремление немцев к порабощению чужих племен соединилось с распространением христианской веры между язычниками и с подчинением их папскому престолу. Эта воинственная община был рыцарский орден крестоносцев, разделявшийся на две ветви: орден тевтонский, или Св. Марии, и позже его основанный, в 1202 году, орден меченосцев, предназначенный для поселения в чудских и леттских краях, соседних с русью. Оба эти ордена впоследствии соединились для совокупных действий».

При всем уважении к памяти Василия Осиповича Ключевского, осмелимся «замахнуться на авторитет». Процитированный труд нашего знаменитого историка носит на себе неизгладимый отпечаток своего времени — эпохи «русификаторства» Прибалтики в конце XIX-начале XX вв., серьезно испортившей отношения Российской империи с «балтами», или «остзейскими немцами» — прибалтийским дворянством, купечеством и бюргерством, преимущественно немецкого (но также датского, шведского, шотландского, польского. литовского и пр.) происхождения. Ни к чему хорошему эта политика, как известно, для России не привела — в этом мы могли убедиться на собственном двукратном кровавом опыте. Но дело ведь не только в этом.

Само утверждение о славянах, как якобы «исконном» населении Прибалтики, представляется, с точки зрения современной исторической науки, абсолютно несостоятельным. Прибалтийские племена — в частности, летты (латыши), никогда славянами не были. К тому же в Прибалтике, где, по мнению Ключевского, якобы искони жили славяне, античные историки и географы единодушно помещают фенов (финнов) и айстиев (эстов), соответствующих «чуди» позднейших русских летописей, а начиная с IV в. по Р.Х. — упомянутые выше восточногерманские племена готов (готонов, гутонов), переправившихся в Прибалтику из Скандинавии — с «острова Скандза» и вандалов (венделов, венделиков, винделиков), которых свеи-шведы (народ однозначно германский) и по сей день считают своими прямыми предками — в Швеции есть остров Готланд («земля готов»), провинции Эстерготланд («земля

восточных готов», или «вестготов») и Вестерготланд («земля западных готов», или «вестготов») и т.д.

Что же касается стремления к порабощению чужих племен, якобы свойственного только немцам, то Ключевский сам опровергает себя, утверждая: «Полоцкий князь Владимир по своей простоте (? — В.А.) и недальновидности сам уступил пришельцам Ливонию (нынешние прибалтийские губернии (Российской империи — В.А.) и этим поступком навел на Северную Русь продолжительную войну с исконными (? — В.А.) врагами славянского племени». Известно, что полоцкие (да и другие древнерусские) князья отнюдь не «искони владели» Прибалтикой, а взимали дань с тамошних племен, принуждая их к этому путем регулярных ВОЕННЫХ ПОХОДОВ (выделено нами — В.А.).

Об этом говорит и обращенная к одному из этих князей, сохраненная древнерусским летописцам присказка: «Романе, Романе, худыми живеши, Литвою ореши», что в переводе на современный русский язык означает: «Роман, Роман, живешь за счет бедняков, пашешь на литовцах (то есть «впрягаешь литовцев в плуг» — в значении «налагаешь ярмо на литовцев»)». Словом, князь Владимир Полоцкий «уступил» немцам Ливонию, которая ему не принадлежала (в лучшем случае, он взимал с Ливонии дань, опираясь на мечи своей дружины). Не обходилось дело и без христианизации прибалтийских туземцев — единственное различие заключалось лишь в том, что их обращали в православный вариант христианской веры, а не в католический, как делали несколько позднее немецкие колонисты. И, если православные христианизаторы Новгорода, направленные туда Святым Равноапостольным князем Владимиром Святославичем, по выражению летописца, крестили Новгород «Добрыня огнем, а Путята — мечом», то вряд ли обращение русскими князьями в православную веру прибалтов проходило совершенно добровольно, «без сучка, без задоринки»!

Неверно изложил Ключевский также историю возникновения и взаимоотношений католических духовно-рыцарских орденов в Прибалтике, утверждая, что изначально якобы существовал какой-то единый «орден крестоносцев», «разделившийся» затем на «две ветви». Как обстояло дело в действительности, читатель скоро узнает.

Начало активной христианизации закосневших в язычестве балтийских и финно-угорских племен, населявших Восточную Прибалтику, — приобщения нехристей к Вере Христовой, осуществлявшейся под эгидой католического Рима, приходится на 80–90-е гг. XII в. Первые католические миссионеры — августинец Мейнгард (проповедовавший в 1186–1196 гг.) и цистерцианец Бертольд (подвизавшийся на ниве спасения языческих душ для вечной жизни 1196–1198 гг.) только положили ей начало.

Значительный след в истории обращения туземного населения Восточно-Прибалтийского региона к Христу оставил только третий епископ —

Альберт (Альбрехт) фон Буксгевден, или Бугсгевден (нем.: Buxhoevden, Buxhoevede). Он начал с того, что в 1201 г. перенес епископскую резиденцию из Икскуля (или Икскюля; по-латышски: Икшкиле) в низовье реки Дины (или Дюны; по-русски: Западной Двины; по-латышски: Даугавы), а именно — к рукаву Дины — небольшой речке Рига (по-латышски: Ридзене). В 1202 г. туда прибыли первые колонисты. Так было положено основание городу Риге, будущему административному центру будущей Ливонии (или Лифляндии), названной так по имени дружественного встретившего германских миссионеров местного племени ливов (имевших, кстати, не балтийское, как летты-латыши, курши-куроны (корсь), земгалы-семигалы (земигола) и латгалы (латгола, летгола), а финно-угорское — как эсты — происхождение).

Ливский вождь («король») Каупо (Иаков), окрестившись со всей своей дружиной (согласно мнению ряда историков, сам Каупо был крещен еще при рождении, поскольку его имя — не что иное, как ливская форма христианского имени Иаков) и приведя затем к крестильной купели все свое племя, стал верным союзником «рыцарей Меча», сопровождал их во всех военных походах на нехристей, и погиб в сражении с язычниками-эстами. По легенде, именно от этого ливского короля-крестоносца («Ливе», то есть лива) пошел лифляндский знатный род фон Ливен, вписавший немало славных страниц в историю, в том числе и в историю Российской империи. Убедившись, на примере своих предшественников, в невозможности успешно проповедовать язычникам Благую весть без наличия постоянной и сильной военной поддержки, епископ Альберт приступил в 1202 г. к учреждению собственного военно-монашеского ордена, по типу уже существовавших в то время в Святой Земле и на Иберийском полуострове духовно-рыцарских братств. Необходимо заметить, что и предшественники Альберта фон Буксгевдена — Мейнгард и Бертольд — также опирались на военные отряды.

Однако, большинство пилигримов (то есть «странников» или «паломников» — от латинского слова «перегринус», peregrinus, «странник», как именовали себя сами крестоносцы), прибывавших по обету в эти края, названные «Уделом Пресвятой Богородицы» или «Землей Пресвятой Девы Марии» (лат. Terra Mariana), по аналогии с Палестиной, считавшейся «Уделом самого Господа Иисуса Христа» и потому именовавшейся «Святой Землей», задерживались в Прибалтике (в соответствии с тем же обетом), как правило, не больше, чем на год, так что планировать численность военных отрядов, необходимых для охраны христианизированных территорий от язычников, было попросту невозможно (в аналогичном положении, кстати, находились и основанные крестоносцами государства в Сирии и Палестине).

По поручению епископа Альберта, монах цистерцианского ордена (под патронажем которого в Иерусалиме уже был учрежден к тому времени

военно-монашеский орден рыцарей-тамплиеров, носивших белые плащи с красным крестом), Теодорих (Тидрек, Дитрих) Трейденский отправился в Рим, где в 1203 г. был принят папой римским Иннокентием III. Выслушав Дитриха, папа (снисходя к просьбе епископа Альберта фон Буксгевдена) официально утвердил учрежденное для охраны христианских владений в Ливонии «Братство воинства Христова» (по-латыни.: Fratres Militiae Christi) и дал ему Устав ордена тамплиеров — кстати, официально также именовавшегося «орденом бедных рыцарей Христа (и Храма Соломонова)».

Как внешним отличием тамплиеров служил белый плащ с нашитым слева на груди красным крестом (что символизировало чистоту христианской веры и готовность своей кровью засвидетельствовать верность Христу), так и рыцари новоучрежденного в Ливонии Воинства Христова носили белый плащ с красным крестом, но с дополнительным, нашитым под крестом, изображением красного меча острием вниз, отчего они и получили вскоре неофициальное прозвище «меченосцев» (гладиферов, лат.: Gladiferi, или энсиферов, Ensiferi) или «братьев Меча» (нем.: «швертбрюдер», Schwertbrueder), а их братство — название «орден Меча» (нем.: Швертбрюдерорден, Schwertbruederorden).

Что касается орденского креста меченосцев-гладиферов, то он (вероятно, по аналогии с тамплиерским и тевтонским крестом) чаще всего именуется в соответствующей литературе «немецким», или «лапчатым» крестом (по-немецки: «татценкрейц», Tatzenkreuz). Между тем, со строго геральдической точки зрения, правильнее было бы именовать его «уширенным» крестом (нем.: «герадеармигес татценкрейц», geradearmiges Tatzenkreuz). Речь в данном случае идет о геральдической фигуре, образованной четырьмя равнобедренными треугольниками, сходящимися своими вершинами в одной точке (в то время, как у лапчатого креста внешние стороны лучей несколько вогнуты).

Необходимо также заметить, что ученый конца XVII в. Г. Элиот в своем фундаментальном труде «Подробная история всех духовных и светских монастырских и рыцарских орденов» (Helyot H., Ausfuehrliche Geschichte aller geistlichen und weltlichen Kloster- und Ritter-Orden, Bd.3, Leipzig, 1754, SS.180–181,Fig. 49), описывая историю монашеских, духовно-рыцарских и рыцарских орденов, впервые привел в ней рисунок, представлявший ливонского рыцаря-меченосца с изображением, в качестве орденской эмблемы, на белом плаще и щите, не одного, а двух мечей, рукоятями вверх, перекрещенных наподобие «косого» Андреевского креста. Согласно описанию автора, оба этих меча были красного цвета.

Однако, на всех сохранившихся печатях гладиферов, имеющих миндалевидную форму и идущую по краю латинскую надпись: «S (igillum) Magistri et Fratr (es) Militiae Chri (sti) de Livonia», то есть «П (ечать) Ма-

гистра и Брат (ии) Воинства Христ (а) в Ливонии», имеется только изображение уширенного креста и расположенного под ним меча острием вниз. Поэтому, скорее всего, на плащах и щитах ливонских меченосцев также изображались не два, а один меч, а над ним — крест. Причем меч, в данном случае, скорее всего, олицетворял отнюдь не воинственность гладиферов или оружие для завоевания нового края, что явно не подобало «по чину» рыцарям-монахам. По выражению цистерцианца Бернара Клервосского, автора «Похвалы новому рыцарству» и «духовного отца» иерусалимских тамплиеров-храмовников — «старших братьев» ливонских «воинов Христовых» — всякий крестоносец носит «праведный меч Божий».

Тот же Бернар Клервосский писал: «Нет такого закона, который запрещал бы христианину поднимать меч. Евангелие... лишь запрещает несправедливую войну, особенно между христианами».

Эта абсолютно новая для предшествующей эпохи христианских воззрений, да и для эпохи самого Бернара Клервосского, мысль о слиянии воедино «праведного» (духовного) и «железного» (военного) меча (мысль, на первый взгляд, находящаяся в прямом противоречии с евангельскими словами Иисуса Христа, обращенными им к апостолу Петру, который, желая защитить Господа (или, говоря по-готски — Фрауйю) своего, «извлек меч свой»: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут», Мф., 26, 51–52) очень скоро стала настолько популярной, что, к примеру, даже на печатях епископов Вюрцбургских начали изображать церковных иерархов, держащих в левой руке епископский «пастырский» посох (что вполне соответствовало их духовному сану) — чтобы было чем «пасти» духовно окормляемую ими «паству», а в правой — поднятый острием вверх обнаженный меч — чтобы было чем защищать эту паству от «лютых волков» — еретиков, неверных и язычников.

Именно поэтому меч, вошедший в символику ливонских «бедных рыцарей Христовых», должен был, по замыслу епископа Альберта, быть направлен против язычников Ливонии, с целью их скорейшего обращения в истинную веру.

Однако наиболее существенным отличием лифляндских меченосцев от «классических» тамплиеров (как, впрочем, и от других крупных духовно-рыцарских орденов) была непосредственная подчиненность первых не римскому папе, а рижскому епископу (по чьей инициативе, собственно говоря, и возник орден Меча, хотя и утвержденный официально папой в Риме).

Но, невзирая на эту изначальную подчиненность епископу Риги, ливонское «воинство Христово» с самого начала пыталось действовать по возможности самостоятельно, причем на этой почве между рижским епископом и братьями-меченосцами возникали серьезные конфликты, в особенности при дележе вновь присоединенных земель. Вероятно, этому

способствовало и следующее обстоятельство. Обычно при организации очередного Крестового похода (например, в Святую Землю, или Землю Воплощения) папа римский издавал соответствующую буллу, в которой призывал рыцарей и простолюдинов на Святое дело (то есть к конкретному «паломничеству»), а также назначал участникам предстоящего похода конкретного духовного наставника-руководителя из числа католических епископов.

Однако в отношении Прибалтийского края, как «Удела Пресвятой Девы Марии», Апостольским престолом было сделано исключение. В 1204 г. папа римский Иннокентий III дозволил проводить для христианизации Ливонии регулярные наборы ополчений крестоносцев, сделав, таким образом, Крестовый поход в Ливонию «перманентным» (то есть непрерывным или постоянным). Кстати, всего через сорок лет, в 1244 г., такую же привилегию — вести «непрерывный» Крестовый поход против язычников — получил от папы и Тевтонский (Немецкий) военно-монашеский орден Пресвятой Девы Марии (Марианский Тевтонский орден) в отношении другой нуждавшейся в христианизации области — Пруссии.

Согласно папскому постановлению 1204 г., упоминавшийся нами выше рижский епископ Альберт фон Буксгевден получал право и самолично призывать со всей Европы крестоносцев для поддержки своей миссионерской деятельности, и самостоятельно определять направления движения войск «пилигримов». Так что в данной ситуации назначения дополнительно еще и специального духовного наставника для крестоносцев, в отличие от походов в Святую Землю, уже не требовалось. Видимо, магистр или «геермейстер» (нем.: Heermeister, буквально: «войсковой начальник») ордена меченосцев (имевший все основания считать себя более сведущим в военном деле, чем рижский епископ), в свою очередь, сделал и для себя следующее исключение, и начал планировать и осуществлять походы «Воинства Христова» на язычников самостоятельно, уже без привлечения и благословения епископа Риги. С точки зрения геермейстера ордена гладиферов, подобное поведение было тем более естественным, что самостоятельность действий орденов тамплиеров-храмовников и госпитальеров-иоаннитов в Святой Земле на тот период была общеизвестна.

После длительного выяснения отношений между епископом Риги и «братством Христовым», сторонам удалось прийти к следующей договоренности: две трети новоокрещенных ливонских земель получал рижский епископ, а одну треть — орден меченосцев. Таким образом, уже к началу XIII в. в еще не покоренной окончательно Ливонии фактически сложилось двоевластие. Как рижский епископ, так и гладиферское «Воинство Христово» имели собственные печати, которыми скрепляли свои документы. На епископской печати 1224–1225 гг. была изображена фигура сидящего епископа, левой рукой державшего пастырский посох, а правой благослов-

ляющего свою паству; причем в надписи на печати епископ именовался не «Рижским», а «Ливонским» (!).

На печати ордена меченосцев 1221—1232 гг. на фоне так называемой «дамасцировки» (характерного преимущественно для германской геральдики арабесковидного узора), были изображены крест, а под ним — меч острием вниз. Иногда встречается и другой вариант эмблемы ордена меченосцев: на треугольном щите (характерной для ранней немецкой геральдики формы) изображен меч острием вниз, а над ним — не прямой, а «косой» Андреевский крест, перекладины которого с геральдическими «листками клевера» на концах, пересекаются на рукояти меча. Необходимо подчеркнуть, что, невзирая на все попытки ордена Меча сравняться с рижским епископом в правах, печатью «владыки Ливонии» на тот период считалась именно епископская печать, ибо именно епископ Альберт фон Буксгевден получил Ливонию в лен от папы римского Иннокентия III и от императора «Священной Римской империи» (начиная с 1207 г. сан и должность епископа Риги были неразрывно связаны с титулом «князя Римской империи»), в то время, как ливонский орден Христа официально продолжал считаться подчиненным рижскому епископу.

Однако меченосцы не отличались большой дисциплинированностью. Согласно терминологии академика Льва Николаевича Гумилева, они были типичными «пассионариями», или «людьми длинной воли» — со всеми вытекающими из этого последствиями. Ливонский орден Меча конфликтовал не только с рижским епископом, но и с присланным папой римским легатом. Постоянно шли раздоры и внутри самого ордена.

Так, например, первый магистр гладиферов — Венно (Вино, Вингольд или Фьюнольд) фон Рорбах, был убит рыцарем своего же ордена Викбертом, мстившим ему за отстранение от должности, вследствие дурного исполнения возложенных на него обязанностей.

Против второго по счету магистра ордена Меча — Фольквина (Волквина, Фолькевина или Фолькуина) фон Винтерштеттена, собственные орденские «братья», подозревавшие его в излишних симпатиях к рижскому епископу, составили заговор — и магистру даже пришлось посидеть некоторое время в орденской тюрьме, пока он не был освобожден из узилища, в том числе и благодаря предстательству... того же епископа Риги. Разногласия, раздиравшие орден Меча, приводили к постоянному оттоку «братьев-рыцарей» из его рядов.

Так, в 1228 г. пятнадцать недовольных своим магистром «братьев Меча», во главе с рыцарем Бруно, вышли из ордена и, по приглашению польского князя (герцога) Конрада I Мазовецкого и первого епископа Пруссии — Христиана, переселились в пограничную с прусскими язычниками Добринскую (Добрынскую или Добжиньскую) землю, где, под покровительством князя Конрада, учредили собственную орденскую организацию — Добринский

орден (Добринское или Добжиньское братство; лат.: «фратрес де Добрин», Fratres de Dobrin), с целью защиты польской области Мазовии (Мазовше) от кровавых набегов язычников-пруссов.

До добринских рыцарей аналогичную задачу пытался выполнять польский филиал испанского духовно-рыцарского ордена Калатравы, члены которого носили белые облачения с красным лилиевидным крестом. Однако перебравшимся в Польшу рыцарям Калатравы (подчиненным Оливскому монастырю монашеского цистерцианского ордена, расположенному близ Данцига-Гданьска) не удалось организовать эффективную оборону Мазовии от нападений прусских язычников, так что учреждение Добринского ордена оказалось весьма кстати.

Официально новый орден, подобно тамплиерам и меченосцам, именовался орденом Христа (или Польским орденом Христа) — по крайней мере, в двух буллах папы римского Григория IX от 28 октября 1228 г. Одна из этих булл — об утверждении папой нового ордена — была направлена первому епископу Прусскому Христиану, а другая — «Магистру (без имени) и братству ордена Христа», с призывом бороться с пруссами (которых Апостольская курия, ничтоже сумняшеся, считала и именовала «сарацинами»!) в Мазовии.

Однако новое Добринское братство стремилось унаследовать от ливонских меченосцев не только их официальное «тамплиерское» название (орден Христа), но даже их символику. Эмблема Добринского ордена была очень похожа на печать ливонских меченосцев — вот только у добринских рыцарей вместо уширенного гладиферского креста над мечом изображалась красная восьмиконечная звезда (хотя на некоторых дошедших до нас изображениях добринских рыцарей звезда заменяет не крест, а меч — как у пражских «рыцарей-крестоносцев со звездой»). По мнению упоминавшегося нами выше историка Элиота, эта эмблема украшала и левую сторону белого плаща добринских рыцарей. Однако в отличие от печати Добринского ордена, на которой меч изображен острием вниз, на рисунке Элиота меч представлен острием вверх, а звезда имеет не восемь, а пять лучей; по его описанию, «добринские» меч и звезда были красного цвета (Helyot, Bd.3, Fig. 48 u. S. 173).

В то же время, часто приходится читать и видеть в иных книгах, что эмблема добринских рыцарей представляет собой красную шестиконечную звезду над мечом (из чего иные, не знакомые с историей и принципами геральдики, публицисты «охранительного направления» делают «далеко идущие» выводы о том, что-де «за железными шеренгами германских псов-рыцарей» якобы «скрывался иудейский ростовщический капитал»!).

С другой стороны, приходится читать и утверждения, что, якобы, те из «добринских братьев», которым довелось предварительно побывать в Святой Земле и, в частности, в Вифлееме, получали право на включение

в свою эмблему не красной, а золотой восьмиконечной («Вифлеемской») звезды; а те из ливонских братьев-меченосцев, которые также сподобились совершить паломничество в Палестину, якобы, также получали право ввести в свою эмблему (вместо креста!) золотую звезду (но только не восьмиконечную, как у добринских рыцарей, а шестиконечную). В общем, «темна вода во облацех»...

Во всяком случае, Добринское братство оказалось не только весьма немногочисленным (всего-навсего пятнадцать «братьев-рыцарей» и не более ста пятидесяти «полубратьев»-«семифратеров»), но и весьма недолговечным, влившись в 1235 г. в состав Тевтонского (Немецкого) ордена. Но и в его составе бывшие «добринцы» задержались недолго. Не прошло и двух лет, как они перешли в орден госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского. Попытка же князя Конрада I Мазовецкого (правившего, наряду с Мазовией, еще и другой польской областью — Куявией) возродить свой орден братьев рыцарей Христовых из Добрина в 1237 г. на новом месте — в город Дрогичин (в Побужье) не увенчалась успехом. Добрынские рыцари были разбиты и изгнаны оттуда западнорусским князем (а впоследствии — даже «королем Руси», по милости римского папы!) Даниилом Галицким, судя по всему, не отличавшим их от «настоящих» храмовников-тамплиеров (если верить его донесенным до нас летописцем словам: «Не лепо есть держати наше отчины крижевником, Тепличем, рекомым Соломоничем...»).

Братство меченосцев также просуществовало в Ливонии сравнительно недолго (хотя успело настолько прочно «войти в анналы», что даже сам тов. Сталин, по воспоминаниям современников, через семьсот лет мечтал превратить свою большевицкую партию в новый «орден меченосцев»!) Находясь в состоянии непрестанной кровавой борьбы с языческими племенами, упорно не желавшими креститься, постоянно конфликтуя с епископом рижским и между собой, «Христово воинство» неуклонно теряло силы.

Упоминавшийся нами выше второй (и одновременно — последний) войсковой магистр ордена Меча Фольквин, отчаявшись исправить положение собственными силами, вступил в переговоры с Тевтонским орденом Пресвятой Девы Марии с целью объединения обоих рыцарских братств. Он думал об их слиянии на полностью равноправной основе, однако не нашел сочувствия ни у прусских «тевтонов», ни у собственных орденских «братьев». Меченосцы опасались, в случае объединения с гораздо более мощным и жившим строго «по Уставу» Тевтонским орденом, безвозвратно утратить «вольность», которой они дотоле пользовались в ливонском «пограничье».

Что до тевтонских рыцарей (или, как их еще называли, «мариан» либо «марианитов»), то, во-первых, у них хватало забот с покорением и христианизацией упорно сопротивлявшихся прусских язычников.

Во-вторых, же Тевтонскому ордену, не успевшему еще закрепиться, как следует, в Пруссии, ни к чему было ссориться с Данией — весьма сильным в то время североевропейским королевством, с которым меченосцы постоянно конфликтовали из-за Эстляндии (Эстонии), на которую, наряду с гладиферами, претендовали и датские крестоносцы.

В-третьих, сама перспектива принять в свои ряды склонную к анархии ливонскую вольницу «Христова воинства», казалась малопривлекательной «тевтонам», приученным к строгой орденской дисциплины. И только после страшного поражения в битве на реке Сауле в 1236 г. (по мнению большинства историков — близ нынешнего Шяуляя), нанесенного меченосцам литовцами и ударившими гладиферам в спину их же собственным вспомогательным земгальским (семигальским) контингентом (в битве на Сауле пали сам геермейстер ливонского «Христова воинства» Фольквин и с ним пятьдесят «братьев-рыцарей», не говоря уже о кнехтах и оруженосцах, то есть. практически все, что орден Меча имел в наличии!), Верховный магистр (нем.: Гохмейстер, Homeyster, Hochmeister) Тевтонского ордена Герман фон Зальца согласился на включение жалких остатков ордена Христа в ряды рыцарей Пресвятой Девы Марии, но уже безо всяких условий со стороны меченосцев, впавших в полнейшее ничтожество.

Акт слияния обоих орденов был узаконен буллой папы римского Григория IX, подписанной в его резиденции Витербо 13 мая 1237 г. Характерно, что папская булла была адресована не «магистру», а «прецептору («порученцу» — то есть лицу более низкого ранга, чем магистр!) и братьям ордена Христа в Ливонии». Из еще не покоренной окончательно «марианами» Пруссии в Ливонию были направлены шестьдесят тевтонских рыцарей и «сариантов» во главе с Германом Балком (встречается также написание «Балке» или «Бальке»). Герман Балк, являвшийся с 1230 г. первым прусским ландмейстером (провинциальным магистром, то есть наместником) Тевтонского ордена Девы Марии в Пруссии, начиная с 1237 г. одновременно являлся и первым лифляндским, или ливонским магистром (лат.: magister Livoniae) того же самого ордена.

С этого момента орден меченосцев официально прекратил свое существование, а вместе с ним прекратилось и использование немецкими рыцарями его эмблематики, будь то мечи, кресты или звезды красного цвета. Отныне место братства гладиферов в Ливонии занял ливонский филиал Тевтонского ордена, официально именовавшийся Домом Святой Марии Тевтонской в Ливонии (лат.: Domus Sanctae Mariae Theutonicorum in Livonia), но отнюдь не «Ливонским орденом» (!), как его почему-то порой именуют. Так что, в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. святой благоверный князь Александр Невский разгромил отнюдь не «меченосцев» и не рыцарей «Ливонского ордена»! Несмотря на смену названия (с «ордена Христа» на «орден Девы Марии»), никакой церковно-догматиче-

ской «переориентации» братства ливонских рыцарей-монахов не произошло, да ничего подобного и не имелось в виду.

Пресвятая Дева Мария была не только Небесной Заступницей и Покровительницей Тевтонского ордена; культ Божьей Матери процветал в Восточной Прибалтике с самого начала ее христианизации (с конца XII в.), то есть еще до появления тевтонских рыцарей в «Остзейском крае». С самого начала Рижский епископат утверждал, что ливонские земли являются Ее «вдовьей частью наследства», по аналогии с «отцовской долей наследства Христа» в Святой Земле. Именно в этом заключался смысл понятия «Удел Пресвятой Богородицы» (так же, кстати, по-церковному именовалась и Православная Русь).

3. О «старшем брате» ливонских рыцарей

Тевтонский орден был сформирован в конце XII в. Кружку благочестивых немецких паломников, образовавшемуся около 1128 г. в Святом Граде Иерусалиме для оказания госпитальерской (странноприимной) помощи пилигримам из Германии и именовавшемуся «Иерусалимским Немецким Госпиталем Святой Марии» (нем.: Deutsches Hospital Sankt Marien zu Jerusalem), в 1190 г. при осаде Аккона, в ходе Третьего Крестового похода, был, по примеру иоаннитов, придан, наряду с госпитальерским, еще и военный характер. В связи с расширением орденских функций в прежний устав «тевтонов», скопированный с устава госпитальеров-иоаннитов, были добавлены военные статьи «ордена бедных рыцарей (спутников) Христа и Храма Соломонова» (тамплиеров), созданного, в отличие от иоаннитов и «тевтонов», с исключительно военными целями, а в качестве орденского облачения рыцарям-«тевтонам» было дозволено папской курией носить белый тамплиерский плащ.

В 1191 г. папа римский Климент III утвердил тевтонскую организацию (по утверждениям официальных историков ордена госпитальеров-иоаннитов — в качестве отделения ордена госпитальеров, хотя официальные историки Тевтонского ордена оспаривают данное утверждение, подчеркивая, что их орден был с самого начала совершенно самостоятельным, не подчиняясь даже Патриарху Иерусалимскому, а только папскому престолу!). Как бы то ни было, съезд германских князей в 1198 г. в Акконе постановил считать Тевтонский (Немецкий) орден самостоятельной организацией, что и было окончательно санкционировано папой Иннокентием III в 1199 г. С этого момента полное название Тевтонского ордена звучало следующим образом: «Братство Госпиталя Святой Марии Тевтонской (что) в Иерусалиме».

Во главе Тевтонского ордена стоял, в отличие от большинства других военно-монашеских орденов, не «Великий», а «Верховный» магистр

(«Гохмейстер», по-немецки: Hochmeister), избиравшийся (теоретически) пожизненно. Верховному магистру подчинялся (но одновременно и контролировал его) Орденский Капитул (Совет), состоявший из пяти высших орденских сановников — так называемых «(Великих) Повелителей» («гебитигеров» или «гроссгебитигеров»).

Вторым по значению должностным лицом после Верховного магистра в орденской иерархии был являвшийся членом этого капитула Великий комтур, ведавший, в частности, всеми финансовыми вопросами ордена (позднее его сменил в этом качестве Великий казначей). Тевтонский орден владел обширными земельными угодьями (завоеванными или дарованными ему) в различных регионах христианского мира, подразделявшимися на «комтурии» или «комтурства» (командорства).

Руководители этих орденских «филиалов» («управители земель») именовались «земельными (земскими) магистрами», или «ландмейстерами» (Landmeister), если находившиеся под их управлением орденские владения были расположены в Германии — в средневековом понимании этого слова, то есть в «Священной Римской империи германской нации», охватывавшей, наряду с собственно германскими землями, также территорию современных Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Богемии, Австрии, Хорватии, Словении, Каринтии, Бургундии, Геннегау (Эно), Северной Италии и т.д.!, Пруссии, а позже и в Ливонии.

Если же владения Тевтонского ордена были расположены за пределами «Германии», в менее значительных провинциях — Апулии (Южной Италии), Сицилии, Ахайе (Греции), Армении (Сирии) и пр., — то управлявшие ими орденские чиновники именовались не «ландмейстерами», а «земскими (или земельными) комтурами» — «ландкомтурами» (Landkomtur), в отличие от «рядовых» комтуров (комендантов орденских замков или крепостей, являвшихся одновременно и монастырями). На печатях и в буллах (посланиях) ландмейстеры Тевтонского ордена (кроме ландмейстера Ливонии) именовались «прецепторами» (по-латыни praeceptor означает «порученец», то есть лицо, которое по поручению орденского руководства управляет данным владением ордена). Все комтуры орденских провинций (кроме комтуров немецких отделений ордена Девы Марии, а позднее — и прусских комтуров) были обязаны отсылать треть доходов, полученных со своих владений, в резиденцию центрального орденского руководства, где эти средства поступали в распоряжение Великого комтура (пока не была введена должность орденского казначея).

В каждой комтурии (независимо от ее размеров и значения) имелся свой Капитул (именовавшийся в Ливонии «Конвентом»). Члены Конвента носили особые облачения — белую мантию и коричневый капюшон. Особое место среди ландмейстеров Тевтонского ордена занимал ландмейстер Германии, или «Дейчмейстер» (Deutschmeister), облеченный правом в опреде-

ленных случаях контролировать самого Верховного магистра, пребывавшего первоначально в Святой Земле, а затем, последовательно, в Венеции, Мариенбурге (Пруссия) и Кенигсберге (с 1456 г.). Кроме права контролировать Верховного магистра, «Дейчмейстер» был вправе в чрезвычайных обстоятельствах созывать Генеральный Капитул всего Тевтонского ордена.

Право Дейчмейстера контролировать Верховного магистра и созывать Генеральный Капитул было связано с тем, что Тевтонский орден получал основные духовные и рыцарские кадры, да и основную материальную и финансовую помощь именно из своих немецких владений (особенно на протяжении первых ста лет существования ордена). Среди рыцарей Тевтонского ордена, подвизавшихся в Пруссии, преобладали выходцы из германской области Франконии, а в Ливонии — в основном выходцы из Вестфалии. Впоследствии тевтонские Дейчмейстеры нередко становились в оппозицию Верховным магистрам и вообще высшему орденскому руководству.

Организованный, как и его старшие предшественники — госпитальеры, тамплиеры, лазариты и др., — для защиты интересов христиан (в особенности, немецкого происхождения) в Иерусалиме и возрожденный в Акконе, Тевтонский орден, тем не менее, не приобрел такого же влияния в Святой Земле, как вышеперечисленные ордены. В постоянной упорной и кровавой борьбе, шедшей между тамплиерами и рыцарями Святого Иоанна, Тевтонский орден поддерживал последних (видимо, в память того, что когда-то считался, а может быть, и являлся, отделением ордена госпитальеров). Так, по свидетельству хрониста Мэтью (Матвея) Парижского, тамплиеры в 1241 г. подвергли длительной осаде приорство госпитальеров в Акконе, а «тевтонов» силой изгнали из этого города. Верховный магистр Тевтонского ордена был вынужден перенести свою резиденцию из Аккона в крепость Монфор (Штаркенберг), возведенную в период Крестового похода римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена (1228–1229 гг.), отлученного римским папой от церкви, но поддержанного тевтонскими рыцарями.

В 1271 г. тамплиеры выбили «тевтонов» и из Штаркенберга (который им, впрочем, всего через полгода пришлось сдать султану Египта половцу Бейбарсу). С тех пор у Тевтонского ордена практически не осталось никаких опорных пунктов в Палестине. Сознавая всю шаткость положения ордена Девы Марии в Земле Воплощения, тевтонский магистр Герман фон Зальца, еще с начала XIII в. пытался обосноваться в Европе. Первая попытка «тевтонов» такого рода — закрепиться в Седмиградье (Трансильвании) по приглашению венгерского короля Андраша, или Эндре (Андрея) II, нуждавшегося в вооруженной силе для охраны своих границ от половецких набегов, была предпринята в 1211 г., но оказалась неудачной, т.к. сам же король Андраш, после замирения половцев, и изгнал «тевтонов» в 20-х гг., из пределов своей державы.

В 1228–1229 гг. Герман фон Зальца, заручившись поддержкой папы и императора, по приглашению польского князя Конрада Мазовецкого, чьи земли страдали от прусских набегов, начал утверждать владычество Тевтонского ордена в языческой Пруссии. Соответственно, и резиденция Верховного магистра, находившаяся первоначально в Акконе, а затем — в Штаркенберге, а после завоевания всей Палестины сарацинами — в Венеции (с 1291 г.), была в 1309 г. перенесена в построенную в Пруссии, на реке Ногате, крепость Мариенбург.

Ко времени включения остатков ливонского ордена меченосцев в состав Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии, резиденция тевтонского Верховного магистра находилась все еще в Святой Земле, в портовом палестинском городе Акконе (захваченном мусульманами позже, лишь в 1291 г.). Поэтому на протяжении всего XIII в. как прусский, так и ливонский филиал Тевтонского ордена в равной степени считались орденскими провинциями («комтуриями» или «комтурствами»). Ситуация коренным образом изменилась лишь в 1324 г., когда Пруссией начал управлять непосредственно Верховный магистр Тевтонского ордена, переехавший из Венеции в прусский Мариенбург.

Внешним отличием рыцарей Тевтонского ордена являлись черное (позднее — белое) полукафтанье-туника (налатник, котта, ваппенрок), поверх которого они носили белый (изначально «тамплиерский») плащ с черным (изначально прямым) крестом. В этом смысле они как бы подражали своим предшественникам — тамплиерам, носившим белый плащ с красным крестом, и госпитальерам, носившим черный плащ с белым крестом (поверх красной туники с прямым белым крестом — в качестве военной эмблемы ордена Святого Иоанна Иерусалимского).

Рыцари Тевтонского ордена в Ливонии (как и все тевтонские «орденские братья-рыцари») носили общеорденскую униформу (habitus) — белые плащи и белые налатники с черным крестом (а «братья-сарианты» — серые плащи и серые налатники с таким же крестом).

И вот здесь нам представляется необходимым исправить следующее недоразумение. Из-за наличия на орденских облачениях крестов «тевтонов» и членов других духовно-рыцарских орденов в популярной литературе часто именуют «крестоносцами» или «рыцарями-крестоносцами». Но это в принципе неверно. Дело в том, что понятием «крестоносец» обозначался добровольный участник Крестового похода — мирянин, «получивший крест» из рук священнослужителя в знак принятия этим мирянином на себя обета борьбы с неверными (с мусульманами — за освобождение Гроба Господня, с язычниками и нехристями вообще).

Крестоносцы принадлежали к самым различным социальным группам средневекового общества. Поэтому знатные «паломники» рыцарского звания (императоры, короли, принцы, князья, владетельные герцоги и графы

и др.) получали традиционный крест, а затем — посох и суму паломника из рук самого римского папы (хотя чаще всего — из рук своего духовника). При организации первых двух Крестовых походов между вручением им креста и посоха с сумой, носившим характер торжественной церемонии, проходило определенное время. Впоследствии обе церемонии проводились одновременно.

Французским королям (наиболее активным организаторам и участникам крестоносного движения), кроме креста, сумы и посоха, вручалась еще и орифламма (лат.: aurea flamma, то есть «золотое пламя» — так именовалось освященное в аббатстве Святого Дионисия — Сен-Дени — пурпурное знамя, расшитое золотыми языками пламени).

Но большинство участников вооруженных «паломничеств» (незнатных рыцарей, горожан, крестьян) получало от священника или иеромонаха матерчатый крест и нашивало его на одежду (на рукав или напротив сердца). Иногда вместо самого креста будущий «пилигрим» получал от церковнослужителя разрешение носить крест во время паломничества — но после возвращения из Крестового похода его участник был обязан снять с одежды крест и более его не носить.

При этом типы и цвета «паломнических» крестов отличались большим разнообразием. Так, участники Первого Крестового похода, как правило, носили прямые кресты красного цвета (в подражание полоскам ткани от разрезанной на ленты багряницы папы римского Урбана II, розданной им будущим «пилигримам» на Клермонском соборе; счастливцы, получившие полоски этой багряницы из папских рук, нашили их крестообразно на одежду; те, кому не досталось «папских» крестов, вынуждены были довольствоваться самодельными, но такого же или похожего цвета). Именно такие красные прямые кресты, преимущественно на белом поле, украшали и знамена первых крестоносцев (от которых ведет свое происхождение, между прочим, и английский флаг — «Хоругвь Святого Георгия»).

В дальнейшем разнообразие форм и расцветок паломнических крестов неудержимо возрастало. Так, крестоносцы, воевавшие против вендов (косневших в язычестве полабских, или эльбских, славян) в конце 1140-х гг., носили эмблему в виде креста, вписанного в круг. При планировании Третьего Крестового похода было особо оговорено, что французское ополчение будет носить красные кресты, английское — белые, итальянское — лазоревые (синие), а фландрское — зеленые. Зеленого цвета (на черном с белой каймой облачении) был и крест рыцарей ордена Святого Лазаря Иерусалимского (лазаритов). Причем еще по предложению папы Урбана II, вдохновителя Первого Крестового похода, во время похода «паломник» должен был носить крест на груди, а во время возвращения из похода (то есть после исполнения паломником взятого на себя обета) — на спине, между лопатками.

Что же касается формы креста, то конкретные его модификации были закреплены за членами различных духовно-рыцарских орденов, скорее всего, значительно позднее. Так, говоря о «восьмиконечном кресте иоаннитов-госпитальеров», обычно подразумевают крест, имеющий на расширяющихся концах глубокие вырезы в форме «ласточкиных хвостов».

Между тем, в первые века существования ордена Святого Иоанна Иерусалимского его члены пользовались прямым крестом, а позднее — крестом, вырезы на концах которого были не так уж глубоки. Во всяком случае, на миниатюрах в целом ряде рукописей — например, «Большой хроники Испании» (исп.: Grant Cronica de Espanya) или «Книги индульгенций» (лат.: Liber Indulgentiae) — рыцари-иоанниты представлены в одеяниях, украшенных крестами, хотя и восьмиконечными, но с весьма неглубокими вырезами на концах крестов (напоминающих скорее кресты «костыльного» или «выступного» типа). В то же время «восьмиконечными» считались и восьмиугольные равноконечные кресты со слегка расширяющимися на концах лучами (именуемые в средневековой геральдике также «мантуанскими», «лапчатыми» или «германскими»). Но носили такие кресты на своих облачениях в ту пору вовсе не тевтонские рыцари, а их вечные соперники-тамплиеры, получившие эти «иерихонские трубы» на концы своего красного орденского креста в качестве знака отличия от папы римского Евгения III в апреле 1147 г.

Такой крест можно видеть, например, на рисунке в «Истории рыцарского ордена храмовников» Дюпюи (Du Puis P. Histoire de l'Ordre militaire des Templiers. Bruxelles, 1751), где, в частности, крест на навершии посоха тамплиера заключен в правильный восьмиугольник (видимо, именно этот рисунок послужил сэру Вальтеру Скотту образцом для создания образа магистра храмовников Луки Бомануара в «Айвенго»). Примерно такой же крест, но только с менее подчеркнутым расширением лучей на концах креста, изображен на щите и копейном флажке-«прапорце» рыцаря-тамплиера в известной настенной росписи французской церкви в Крессак-дю-Шарент. Вместе с тем, равноконечный крест со значительно расширяющимися на концах лучами чеканился и на монетах Иерусалимского королевства, начиная с 60-х гг. XII в., а также соседних крестоносных государств — княжества Антиохии, графства Триполи, Эдессы и т.п.).

Тевтонский же орденский крест был в описываемый период более вытянутым в высоту (то есть его поперечная перекладина была значительно короче вертикальной), но не лапчатым, а прямым (иногда концы тевтонского креста оформлялись в форме буквы «Т», но с весьма небольшой поперечиной — в отличие от, например, костыльного креста рыцарей ордена Святого Гроба Господня, то есть «сепульхриеров»).

Крест именно такой формы можно видеть на скульптурном изображении Верховного магистра «тевтонов» — ландграфа Конрада Тюринг

(ен) ского (1239–1240). Под изображением ландграфа Конрада видны два щита с гербами, один из них — с орденским гербом (прямым черным крестом на белом поле). Позднее, действительно, концы орденского креста «тевтонов» начали понемногу расширяться, но даже в XVI в. (в пору существования тевтонского орденского государства в Пруссии и его филиала в Ливонии) форма его была еще очень далека от «лапчатого» или «германского» (ассоциирующегося в представлении современных людей преимущественно с прусским или общегерманским Железным Крестом). Вместе с тем, именно такие кресты, то есть с небольшим расширением или Т-образным завершением на концах лучей, нередко встречаются на миниатюрах итальянских рукописей, начиная с XII в.

4. Были ли тевтонские рыцари «крестоносцами»?

Но, несмотря на все это, орденские рыцари не могли считаться крестоносцами «по определению». Дело в том, что, в соответствии с папскими постановлениями, можно было «принять (взять) крест», то есть стать крестоносцем, только по благословению священнослужителя (в противном случае участие в Крестовом походе не считалось богоугодным делом — как, например, Крестовый поход императора Фридриха II Гогенштауфена, не заручившегося благословением папы и потому — «в награду» за свое «крестоносное рвение»! — отлученного римским первосвященником от Церкви!) и только на определенный промежуток времени (для осуществления конкретного Крестового похода). А в военно-монашеские ордены вступали не на время (по крайней мере, теоретически; хотя Устав тамплиеров предусматривал возможность временного служения ордену, причем не только для сержантов, но и для рыцарей, это являлось скорее исключением, чем правилом!), а навсегда, и окончательно согласовывали этот важнейший в жизни кандидата шаг не со священником, а с руководством ордена.

Мало того! «Орденским братьям» прямо запрещалось «принимать крест», так как участие в каком-либо «постороннем», или «чужом» Крестовом походе означало бы их нерегулируемые «отлучки» (а в случае гибели в ходе «паломничества» — и безвозвратное «выбытие»!) из «своего собственного» ордена, что неизбежно приводило бы к ослаблению военной мощи последнего. Именно вследствие вышеизложенных обстоятельств орденские рыцари «по сути» не могли быть крестоносцами (как парадоксально это ни звучит!), хотя в борьбе с неверными и язычниками они, естественно, сражались с добровольцами-крестоносцами бок о бок, составляя костяк христианских ополчений в «священной войне». Но именно костяк, а не основу — даже в решившей судьбы Тевтонского ордена битве при

Танненберге в 1410 г. полноправных членов ордена Девы Марии — «братьев-рыцарей», по праву носивших белые плащи с черным крестом, на все многотысячное орденское войско приходилось всего двести пятьдесят человек (из них двести три, а согласно другим источникам — двести пять — пали на поле брани).

А если говорить о христианизации «тевтонами» Прибалтийского края, то именно разноплеменное войско крестоносцев, съехавшихся со всей Европы, под предводительством чешского короля Оттокара II Пшемысла, помогло Тевтонскому ордену завоевать в 1255 г. территорию, на которой «орденскими братьями» был, опять-таки, при щедрой финансовой поддержке этого чешского короля-крестоносца! — основана будущая столица прусского орденского государства Кенигсберг (названный в честь этого храброго и щедрого монарха-славянина).

Именно участию в очередном Крестовом походе большого военного отряда крестоносцев был обязан орден меченосцев своей победой над зависимым от русского Полоцка княжеством Герцике (Ерсика) в 1209 г. Вместе с тем, даже большие силы крестоносцев, съехавшиеся на помощь ордену гладиферов в Ливонию в 1236 г., не спасли братьев-меченосцев от сокрушительного разгрома литовцами и перешедшими на сторону литовцев неверными союзниками меченосцев — семигалами (земгалами) — разгрома, после которого орден Меча, как мы знаем, фактически перестал существовать. Что касается внешнего оформления одеяний, то все участники Крестовых походов носили кресты.

Чаще всего эти кресты носили посредине груди, но у крестоносцев «по обету» (паломников-добровольцев) дополнительный крест на плаще нашивался на правое плечо, в то время, как орденские рыцари обычно носили крест на плащах с левой стороны груди. Во всяком случае, для иоаннитов-госпитальеров это было установлено первым Великим магистром их ордена фра Раймондом дю Пюи в 20-х гг. XIII столетия в «Правилах ордена Святого Иоанна Иерусалимского». У тамплиеров, первоначально облаченных просто в белые плащи, красные кресты на них появились после 1147 г., и также — слева на груди. Что же касается рыцарей Тевтонского ордена, то практически во всех описаниях указано, что им следует носить орденский крест слева на груди; хотя на некоторых иллюстрациях они изображаются с крестом на правой стороне плаща.

В отличие от меченосцев, подчиненных изначально рижскому епископу, «псы-рыцари» Тевтонского ордена подчинялись непосредственно папе римскому (хотя эта подчиненность, как известно, и не помешала «тевтонам» поддерживать императора Фридриха II в борьбе с римским понтификом!). По договору между Тевтонским орденом и папой 1/3 христианизированных земель передавалась подчиненным папе епископам, а 2/3 оставались во владении ордена Святой Девы Марии. Так обстояло дело

в покоренной «тевтонами» Пруссии. В Ливонии же епископы (а затем и архиепископы) протестовали против подобной практики, ссылаясь на предшествующий исторический прецедент с орденом меченосцев, который получал в Лифляндии не две трети, а всего лишь треть завоеванных земель.

Протест князей церкви был удовлетворен римской курией. Папа заставил «Дом Святой Марии Тевтонской в Ливонии» признать, по примеру прежних меченосцев, свою ленную зависимость от рижского архиепископа. Более того! В соответствии с установившейся со времен меченосцев традицией, рижский архиепископ отныне получал две трети, а орден Девы Марии лишь треть покоренных земель — впрочем, это касалось лишь завоеваний в собственно Ливонии (территории, населенной племенами ливов, а также латгалов и леттов — предков современных латышей) и Земгалии (Семигалии). В Курляндии (населенной языческим племенем куронов, или куршей) епископ имел право претендовать на треть, а Тевтонский орден — на две трети завоеванных земель (как в Пруссии).

Взаимные претензии между церковными и орденскими властями в этом и других вопросах послужили основной причиной длительных и многочисленных конфликтов между христианами в Прибалтийском крае, вылившихся, в конце концов, в форменную «войну всех против всех» и полное отсутствие внутриполитической стабильности в данном регионе, что ослабляло его перед лицом внешней угрозы. В ходе христианизации и освоения прибалтийских земель к XVI в. на территории будущих Эстляндской, Курляндской и Лифляндской губерний Российской империи сложился целый ряд вполне самостоятельных духовных княжеств:

1) архиепископство Рижское,
2) епископство Дерптское (Дерпт=Юрьев=Тарту),
3) епископство Эзель-Викское (Эзель=остров Сааремаа),
4) епископство Курляндско-Пильтенское,

которым фактические противостоял Дом Святой Марии Тевтонской в Ливонии. Каждое из этих феодальных мини-государств имело свои знамена, печати и эмблемы. Самым обширным из государственных образований в Ливонии (как обычно обобщенно именовалась вся Восточная Прибалтика) был местный филиал Тевтонского орденского государства, пользовавшийся наибольшей самостоятельностью и наибольшим влиянием во всем Балтийском крае.

Если во времена ордена меченосцев носителем высшей власти на христианизированных прибалтийских землях считался Рижский епископ, то после включения остатков этого ордена в состав тевтонского орденского государства положение кардинальным образом изменилось. В 1226 году тевтонский Верховный магистр Герман фон Зальца получил от римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена грамоту на владение

Пруссией (еще не завоеванной) и «всех других земель, которые ордену удастся, с Божьей помощью, завоевать». А в 1234 г. папа римский Григорий IX официально взял все владения Тевтонского ордена под защиту папского престола. Вероятно, имелись в виду орденские владения «тевтонов» в Пруссии.

Но после распространения власти Тевтонского ордена на бывшие владения меченосцев в Ливонии, Верховные магистры «тевтонов» стали истолковывать содержание папской грамоты «расширительно», утверждая, что и орденские земли в Ливонии также попадают под юрисдикцию папских грамот. Рижская епископская кафедра, разумеется, никак не могла согласиться с подобным «расширительным» толкованием и вступила с орденом в ожесточенную борьбу, бомбардируя Рим непрерывными жалобами на дерзость, наглость и самоуправство тевтонских рыцарей. В этой борьбе папский престол старался лавировать, не принимая однозначно сторону ни того, ни другого жалобщика.

В 1245 г. рижский (упорно именовавший себя на печатях и в документах «ливонским»!) архиепископ был возведен папой в сан «Архиепископа Ливонского, Эстонского и Прусского» (а в 1255 г. дополнительно утвержден папой в сане Архиепископа Рижского). Но это «повышение» нисколько не снизило накала борьбы за лидерство в регионе. В 1347 г. Дом Святой Марии Тевтонской в Ливонии был — папской буллой! — освобожден от всякой ленной зависимости от рижского архиепископа. А с конца XIV в. он — параллельно с общим усилением Тевтонского ордена, достигшего пика своего могущества в Пруссии и Прибалтике — стал фактически хозяином и вершителем судеб всего Прибалтийского края (хотя рижская кафедра, по старой памяти, еще долго оказывала сопротивление непомерно возраставшему могуществу «тевтонов»). Со временем руководство ордена Девы Марии в Ливонии добилось положения, при котором даже епископы в соседние (не орденские!) епархии назначались только из числа тевтонских «братьев-священников» (это называлось «инкорпорацией»).

В соответствии с Уставом Тевтонского ордена, «братьям-рыцарям» запрещались всякая личная переписка и использование личных (родовых) печатей. Однако должностные печати в ордене существовали. Они являлись символом полноты власти члена Тевтонского ордена, вступившего в должность. При получении подобной печати орденский рыцарь наделялся полномочиями в полном объеме, безо всяких ограничений. Если же комтур, фогт или иное орденский чиновник не получало соответствующей печати (как знака отличия его должности), это означало, что он был ограничен в своих правах должностного лица (например, не мог самочинно продавать или отдавать в залог орденскую собственность, и т.п.).

Символика орденских печатей вообще не была связана с наиболее распространенным орденским символом (за исключением, пожалуй, печатей

меченосцев). Причем подобная ситуация наблюдалась и в других европейских военно-монашеских орденах. Так, печати тамплиеров были односторонними с изображениями двух типов, представлявшими либо Храм Соломонов того или иного вида, или двух рыцарей верхом на одной лошади. Печати обоих типов использовались практически одновременно. Первая печать тамплиеров, датируемая, как и появление красного креста на их белых плащах, примерно 1147 г., представляла (в соответствии с полным названием ордена) — тамплиеры (храмовники, рыцари Храма) — Храм Господень=Храм Соломона. Печать такого вида использовалась до середины XIII в. На печатях второго типа, введенных с 1167 г., были изображены два рыцаря, едущие на одной лошади в левую сторону, что являлось символом не бедности (каждый рыцарь-тамплиер был обязан по Уставу иметь трех лошадей!), а христианского смирения.

Как писал апологет тамплиеров, епископ Акконский Жак (Иаков) де Витри: «Два гордеца не поскачут в одном седле». На многих тамплиерских печатях этого типа оба храмовника прикрыты одним щитом, но у каждого свое копье. Печати госпитальеров-иоаннитов были двусторонними. На лицевой стороне их печатей одного типа, начиная с XII в., изображался коленопреклоненный человек (магистр ордена Святого Иоанна) перед так называемым «патриаршим» крестом (шестиконечным крестом с двумя поперечными перекладинами, из которых верхняя короче нижней — в память изначальной подчиненности странноприимцев Святого Иоанна православному Патриарху Иерусалима), а под ним — греческие буквы «А» и «О» («Альфа» и «Омега», то есть «Начало» и «Конец» всего; в «Апокалипсисе» Христос говорит о Себе святому Иоанну Богослову: «Аз есмь Альфа и Омега, Первый и Последний...» Откр., 1, 10).

В первой трети XIII в. у ордена Святого Иоанна появилась печать другого типа, на лицевой стороне которой была изображена фигура (магистра ордена), расположенная анфас, с крестом на левой стороне груди. На оборотной стороне иоаннитских печатей обоих типов на фоне здания Госпиталя (странноприимного дома) был изображен перебинтованный больной человек с удлиненным крестом в изголовье. Печати с подобным изображением на обороте использовались рыцарями Святого Иоанна вплоть до изгнания их французами с острова Мальты в 1798 г. Но вернемся к печатям рыцарей ордена Пресвятой Девы Марии.

Хотя вышеуказанный отличительный знак — черный крест на белом плаще — был усвоен тевтонскими рыцарями практически сразу же после окончательного оформления их ордена, на печатях Верховного магистра и орденского Капитула (высшего Совета ордена) изображалась Богородица с Младенцем Иисусом, держащая в другой руке скипетр (иногда с навершием в виде лилии). Это изображение, вполне отражавшее полное название ордена, как братства во имя Пресвятой Богородицы (Девы Марии),

хотя и с незначительными изменениями, сохранилось до конца XV в. Одновременно с этой т.н. Большой орденской печатью, с 30-х-40-х гг. XIV в. вошла в обиход так называемая Малая магистерская печать, именовавшаяся также «секретной печатью» (Secretsiegel), с изображением должностного герба тевтонского Верховного магистра, представлявшего собой белый щит с прямым черным крестом и наложенным на этот черный крест более узким золотым крестом с утолщенными Т-образными концами, замененными в конце XV в. лилиями (впрочем, нередко геральдические лилии просто увенчивали собой Т-образные концы золотого креста). На пересечении перекладин креста был расположен щиток с черным одноглавым «распластанным» некоронованным орлом, смотрящим влево от зрителя — эмблема, указывающая на принадлежность Верховного магистра Тевтонского ордена, «по должности», к числу князей «Священной Римской империи германской нации».

По орденскому преданию, не кто иной, как римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен (1220–1250), внук Фридриха I Барбароссы, даровал тевтонским Верховным магистрам право ввести черного императорского орла в состав магистерской эмблемы, а французский король Людовик Святой дозволил им использовать французские королевские лилии на концах креста — в знак доблести, проявленной «тевтонами» в борьбе с врагами Христианства. Магистры провинций Тевтонского ордена (ландмейстеры) имели собственные должностные печати. На печатях немецких ландмейстеров (дейчмейстеров) изображение было такое же, как и на печати Верховных магистров; различались они только надписями (в надписи на своей печати немецкий ландмейстер — «Дейчмейстер» — именовался не «магистром», а «прецептором»).

Прусские ландмейстеры также именовались в надписях на своих печатях «прецепторами» (лат.: praeceptor). Но на их печатях, начиная с вышеупомянутого Германа Балка, был изображен известный евангельский сюжет, связанный с земным Житием покровительницы ордена — Пресвятой Девы Марии — бегство Святого Семейства из Вифлеема в Египет (Святой Иосиф Обручник ведет за собой под уздцы мула с Богородицей и Божественным Младенцем в правую от зрителя сторону). Став, наряду с прусским, «по совместительству», еще и ливонским ландмейстером, Герман Балк сохранил на своей должностной печати прежнее изображение бегства Святого Семейства в Египет, но добавил к прежней надписи слова: «...и ливонский». Преемники Балка в должности ливонского «земского магистра» до середины XV в. использовали так называемые печати «Пуэрпериум» (Puerperium, от латинского слова «puer» — «мальчик»), с изображением Рождества Богомладенца Иисуса Христа.

Официально печать «Пуэрпериум» именовалась «Личной (внутренней) печатью Ливонии (Лифляндии)», по-немецки: Inesiegel von Livland, и тор-

жественно вручалась тевтонским Верховным магистром вновь избранному ландмейстеру Ливонии вместе с другими регалиями, в том числе золотым перстнем, украшенным сапфиром, и облачением члена высшего Конвента ордена. В XIII–XIV в.в. при выборе ландмейстера ливонский орденский конвент избирал двух кандидатов на должность магистра Лифляндии и представлял их на окончательное утверждение Верховному магистру всего Тевтонского ордена, который утверждал одного из представленных на его рассмотрение кандидатур. Что же касается комтуров (командоров или коммендаторов) и фогтов в пределах Ливонии, то их рыцари лифляндского филиала Тевтонского ордена выбирали и назначали самостоятельно, не связываясь по этому вопросу с ведомством Верховного магистра в Пруссии.

На печати ливонского ландмейстера были изображены возлежащая Богоматерь и стоящая у Ее ног фигура с посохом (символизировавшая пришедших поклониться Христу пастухов), а в верхней части печати — колыбель с Богомладенцем и склонившиеся над ним головы вола и мула. В круговой латинской надписи по краю печати указывался ее обладатель: «S (igillum) Comendatoris Dom (i) Theuton (icorum) in Livonia», то есть: «П (ечать) Коммендатора Тевтонского Дома в Ливонии», — следовательно, должность руководителя ливонского филиала Тевтонского ордена в описываемое нами беспокойное время приравнивалась к орденской должности комтура (командора=коменданта=коммендатора).

Именно так именовались тогда и комтуры (коменданты) отдельных крепостей Тевтонского ордена, например: «коммендатор» Гольдингена, «коммендатор» Митавы и т.д. Из этого явствует, что в описываемый период ранг ливонского «земского магистра» в тевтонской внутриорденской иерархии был ниже, чем у «земских магистров» Пруссии или Германии, поскольку как прусский ландмейстер, так и Дейчмейстер именовались на печатях не «коммендаторами», а «прецепторами». Печать «Пуэрпериум» с изображением Рождества Христова использовалась ливонскими ландмейстерами до 1468 г., с небольшими вариациями: в XIII в. головы Богоматери и Богомладенца были обращены в правую от зрителя сторону, а с начала XIV в. — в левую. В середине XV в. стала использоваться одновременно с нею, а затем и заменила ее «Большая («маестатная») печать» ливонского ландмейстера (по-немецки: Majestaetssiegel) с изображением бегства Святого Семейства в Египет (Св. Иосиф Обручник шествует за мулом, справа от зрителя; вся композиция развернута вправо).

Похожее изображение ранее использовалась на печати прусского ландмейстера Тевтонского ордена, но должность прусского ландмейстера (а вместе с ней — и соответствующая печать) была упразднена в 1324 г., поскольку с этого года Пруссией начал управлять непосредственно сам Верховный магистр Тевтонского ордена. Дело в том, что Верховный магистр,

обеспокоенный разгромом ордена тамплиеров, решил в 1309 г. перебраться подальше от римского папы и перенес свою резиденцию из Венеции в первоклассную крепость Тевтонского ордена Мариенбург в Западной Пруссии. С тех пор интересы Тевтонского ордена оказались сосредоточены в первую рчередь на Прибалтийском регионе.

Однако подлинно «революционным» изменением явилась не смена на ливонской ландмейстерской печати одного религиозного сюжета на другой, а появление на ней родового герба ливонского ландмейстера. Этот шаг был прямым вызовом Уставу Тевтонского ордена и самому Верховному магистру в Мариенбурге, на чьих печатях (как на большой, так и на малой) личный (родовой) герб отсутствовал до конца XV в. Впервые родовой герб Верховного магистра Тевтонского ордена на орденской печати появился только при Гохмейстере Фридрихе (сыне герцога Саксонского), стоявшего во главе Немецкого ордена в 1497–1510 гг. Вплоть до его избрания Верховный магистр избирался из числа «орденских братьев». Но к концу XV в. положение тевтонского орденского государства в Пруссии крайне осложнилось.

После поражения, нанесенного ордену Приснодевы Марии объединенным польско-литовским войском в 1410 г. при Танненберге, Польское королевство значительно урезало территорию орденского государства. Внутриорденские противоречия доходили до военных столкновений. Против Тевтонского ордена восстали его же собственные вассалы и подданные, объединившиеся в «Союз Ящериц (ы)» («Эйдексенбунд», по-немецки: Eidechsenbund), а затем — «Прусский союз» («Прейссишер Бунд», по-немецки: Preussischer Bund), и призвавшие на помощь польского короля. Вследствие христианизации Литвы приток новых рыцарей в орден и добровольцев-крестоносцев резко сократился. Необходимость выплаты огромной контрибуции полякам и жалованья наемникам, которыми приходилось пополнять недостаток собственных воинов, ухудшили финансовое положение ордена и вынудили его повысить налоги с подчиненных ему городов (Данцига, Кульма и др.), что, в свою очередь, вызвало их недовольство, вылившееся в нескончаемую цепь мятежей и вооруженных восстаний.

В столь тяжелой ситуации высшие орденские чины решили, в нарушение традиции, избрать в Верховные магистры не своего «брата-рыцаря», а, так сказать, «варяга» — знатного князя «Священной Римской (а по сути дела — Германской) империи» Фридриха Саксонского (в надежде получить военную и материальную помощь от последней, по принципу «Европа нам поможет»). Никакой действенной помощи Тевтонский орден от империи не получил, но прецедент введения родовых гербов в состав должностной печати состоялся.

Избранный Гохмейстером «тевтонов» после Фридриха Саксонского, Верховный магистр Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах (также до своего избрания в ордене не состоявший и приглашенный тевтонами

«со стороны») поддержал эту традицию и, подобно своему саксонскому предшественнику, ввел в гохмейстерскую печать свои родовые эмблемы. Ослаблением центральной орденской власти, кстати, не преминули воспользоваться и магистры Германии (дейчмейстеры), хотя родовой герб появился на их печатях позднее, при Дейчмейстере брате Ульрихе фон Лентерсгейме, в 1464 г. (но, в отличие от печатей ливонских ландмейстеров, на печатях дейчмейстеров чеканилась не только должность, но и имя немецкого магистра, чего в Ливонии не практиковалась до самой ликвидации тамошнего отделения Тевтонского ордена).

Как уже неоднократно говорилось выше, отношения между «ливонской провинцией» и «метрополией» Тевтонского ордена были далеко не ровными. В XIII в., когда новый тевтонский филиал в Ливонии только делал первые шаги, нуждаясь в постоянной помощи и подпитке из Пруссии, ливонский ландмейстер безоговорочно подчинялся Верховному магистру и беспрекословно выполнял все его указания. Нередко «земский (земельный) магистр» из Ливонии переводился на такую же должность в Пруссию и наоборот, как это было с братом Дитрихом фон Гренингеном (Грюнингеном) или с братом Конрадом фон Фейхтвангеном. Известны даже случаи избрания ливонского ландмейстера Верховным магистром (брат Анно фон Зангерсгаузен в 1256 или тот же брат Конрад фон Фейхтванген в 1291 г.).

Мало того — в 80-е гг. XIII в. была даже предпринята попытка объединить в одних руках управление прусской и ливонской провинциями Тевтонского ордена — тогда, в частности, прусский ландмейстер Ман (е) гольд одновременно исполнял обязанности ливонского вице-магистра, но она оказалась неудачной. Специфика задач, стоявших перед различными отделениями Тевтонского ордена, да и географическая изолированность этих двух отделений друг от друга — между владениями прусского и ливонского ландмейстеров лежала литовская область Самогития (по-польски: Жмудь, по-литовски: Жемайте), которую «тевтонам» так и не удалось своевременно окрестить! — оказались на поверку негативными геополитическими факторами непреодолимой силы. В описываемое время Тевтонский орден мог выставить десятитысячное, а его ливонский филиал — семитысячное войско.

В XIV в. в рамках самого ливонского отделения Тевтонского ордена разгорелась неприкрытая борьба между сторонниками так называемой «рейнландской» партии (ориентировавшимися на Верховного магистра в Пруссии и его «франконцев») и «вестфальской» партией, стремившейся к проведению ливонским филиалом ордена «мариан» независимой или, по крайней мере, самостоятельной политики, в духе традиций гладиферов. Поначалу влияние орденской «метрополии» было преобладающим, и Верховному магистру удавалось держать ливонский филиал своего ордена (кстати, значительно превышавший свою «метрополию» по территории) под контролем.

Это выражалось, в частности, в следующем: до конца XIV в. все ключевые орденские должности в Ливонии занимали преимущественно представители партии «рейнландцев». Однако в начале следующего столетия партия «вестфальцев» перешла в контрнаступление и стала вытеснять «рейнландцев» с важнейших постов. Особенно заметным этот процесс стал после разгрома войска Тевтонского ордена поляками и литовцами в вышеупомянутой битве под Танненбергом (по-польски: Грунвальдом, по-русски: Грюнвальдом, по-литовски: Жальгирисом) 15 июля 1410 г. Интересно, что ливонский филиал Тевтонского ордена в этой битве не участвовал, поскольку имел с литовским князем Витовтом двусторонний договор о ненападении (!).

И это при том, что на стороне Тевтонского ордена при Танненберге сражались, кроме прусских вассалов ордена и рыцарей-добровольцев из Австрии, Баварии, Вестфалии, Фризии и Швабии, французские крестоносцы — в частности, нормандский рыцарь Жан де Ферьер, сын сеньора де Вьевиль и сеньор Дюбуа д'Аннекэн из Пикардии, крестоносцы из Чехии и Венгрии (в том числе палатин Миклош Гарай), трансильванский воевода Стибор, или Сциборий (как и Гарай, прославившийся в битве войска крестоносцев короля Сигизмунда Венгерского с турками-османами под Никополем в 1396 г.) и даже два польских князя — Казимир Щециньский и Конрад Олесницкий! Лишь в конце сентября 1410 г. орденское войско из Ливонии пришло на помощь своим прусским «старшим братьям», оказав им содействие в снятии польско-литовской осады с орденской столицы Мариенбурга и постепенном, путем непрямых действий, вытеснении польско-литовских войск из Пруссии! Кстати, и до злополучного 1410 г. ливонские контингенты «мариан», если и участвовали в общеорденских военных кампаниях, всегда выступали отдельными отрядами и под своим собственным знаменем.

Весь XV в. был ознаменован закатом могущества Тевтонского ордена, вызванным как военными поражениями, так и вышеупомянутыми внутренними конфликтами. Диктат прусской «метрополии» над орденской Ливонией поневоле становился все слабее. «Дом Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии» чувствовал себя все более самостоятельным и все менее зависимым от Верховных магистров. Первый шаг к полной независимости был сделан ливонскими «братьями-рыцарями» в 1438 г., когда они впервые сами избрали себе магистра (хотя избранные в Ливонии земские магистры по-прежнему должны были ездить в Пруссию «на поклон» к Верховному магистру, который утверждал их в должности). К середине XV в. уже около шести процентов орденских рыцарей в Ливонии являлись выходцами из Вестфалии и только тридцать процентов — выходцами из Рейнской области. Следующим шагом Ливонской провинции Тевтонского ордена к независимости стала смена ландмейстерской печати.

В 1451 г. в ливонском филиале ордена «мариан» была введена новая «Большая печать». В ее верхней части было по-прежнему изображено бегство Святого Семейства в Египет, а в нижней два щита — один щит с «тевтонским» крестом, а другой — с родовым гербом ландмейстера Иоганна фон Менгеде, предка известного лифляндского рода фон Менгден (две красные полосы на серебряном поле). Произошли изменения и в наименовании должности владельца печати. Отныне ни именовался уже не «коммендатором», как раньше, а «магистром Ливонии» (Sigillum Magistri Livonie=Печать магистра Ливонии), хотя его конкретное имя по-прежнему не было указано (в отличие от печатей дейчмейстеров).

С тех пор на «Больших печатях» ливонских ландмейстеров изображались родовые гербы практически всех ливонских магистров, включая последнего из них — Готтгарда фон Кеттлера (Кеттелера, Кетлера), родовым гербом которого служил «котельный крюк» и который, как мы увидим, в ходе Ливонской войны преобразовал остатки вверенных ему орденских владений в светское герцогство Курляндское (и Семигальское).

В середине XVI в. изображение на ливонской «Большой печати» несколько изменилось (с этого времени на ней, как и на печати прусских магистров, Святой Иосиф Обручник идет впереди мула, ведя его под уздцы).

Наряду с двумя упомянутыми выше типами печатей, ливонские магистры использовали и малую, или «секретную», печать (Secretsiegel), прикладывавшуюся к менее важным документам. Изображение на этой «секретной» печати, появившейся впервые около 1367 г. и использовавшейся до 1558 г., повторяет рисунок печати прусского ландмейстера, но развернуто в левую от зрителя сторону. В надписи на этой малой лифляндской печати, в отличие от большой, сразу же появились слова «магистр Ливонии» (лат.: Magister Livonie или Magister Livoniae).

В отличие от самого Тевтонского ордена, где следующими по важности лицами после Верховного магистра являлись Великий комтур и «Дейчмейстер» (магистр Германии), в ливонском филиале ордена Святой Девы Марии первыми заместителями ландмейстера являлись ландмаршал и коадъютор (первый помощник). На печати ливонского ландмаршала, просуществовавшей, с незначительными изменениями, с 1346 по 1558 гг., был изображен конный рыцарь с украшенным прямым крестом щитом и копьем с флажком-прапорцем, скачущий в левую от зрителя сторону.

5. Знамена «мариан»

Как известно, все крупные духовно-рыцарские ордены имели свои знамена, постоянно находившиеся при магистрах. Так, на знамени госпитальеров-иоаннитов, утвержденном в 1118 г., изображался на красном полотни-

ще прямой белый крест. Тот факт, что именно знамя с прямым крестом было исконным знаменем госпитальеров (Vexillum Hospitalis), подтверждается тем, что именно прямой белый крест изображался на красном поле герба ордена Святого Иоанна (да и на современном красном флаге одного из его ответвлений — папского католического «Суверенного Военного (Рыцарского) Мальтийского Ордена». С другой стороны, сохранились изображения иоаннитских знамен с восьмиугольным белым крестом в красном поле.

Достоверные сведения об утвержденном папой римским или общеизвестном «главном» знамени Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии (подобного «Vexillum Hospitalis» госпитальеров или черно-белому «Vexillum Templi» тамплиеров) в средневековых грамотах и хрониках отсутствуют, хотя на этот счет существует немало спекуляций и легенд. Известно, что на войсковых штандартах или на крепившихся к копьям флажках «мариан» изображался прямой черный орденский крест на белом поле. В немецкой «Хронике» Виганда Марбургского (конец XIV в.) упоминается использование в походах Тевтонского ордена на язычников боевых знамен с образами Пресвятой Богородицы и Святого Георгия Победоносца. Если знамена с изображением Богородицы можно признать характерными именно для тевтонских рыцарей (орден которых был посвящен именно Святой Деве Марии), то знамена с образом Святого Георгия могли использоваться в походах на язычников и рыцарями из числа крестоносцев-добровольцев, поскольку Святой Георгий (наряду со святыми воинами Маврикием и Мартином) был небесным покровителем не конкретного ордена, а всякого рыцаря и всего рыцарства вообще.

При описании «прусских бандер» (то есть знамен тевтонских рыцарей и их союзников), захваченных польско-литовским войском после победы над орденом при Танненберге в 1410 г., польский хронист Ян Длугош описывает целых два знамени Верховного магистра — «Великое» («Большое») и «Малое», на которых был изображен его («должностной») герб. В специальной литературе (напр. Muczkowski J. Wiadomosz o resopismach historyi Dlugosza, jego banderia Prutenorum et insignia seu cleinoda Regni Polonici, Krakow, 1851) можно найти и соответствующие рисунки. В труде Й. Мучковского герб на знамени Верховного магистра «мариан» аналогичен изображениям на малых, или «секретных», печатях (Secretsiegel) — но не Верховных, а немецких магистров (дейчмейстеров) !, появившихся со времени правления Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341), причем, в отличие от дейчмейстерских печатей, орел в перекрестье креста на захваченных поляками белых, с «костыльным» золотым крестом, знаменах Верховного магистра увенчан короной и смотрит не в левую, а в правую (от зрителя) сторону — аналогично коронованному черному орлу на нагрудном кресте Верховного магистра «тевтонов», впервые засвидетельствованном в начале XVI в. и использующемся Гохмейстером Тевтонского ордена и по сей день.

На современных реконструкциях «Большого» и «Малого» знамени Верховного магистра орел в центре креста выглядит так же, как на указанных печатях и нагрудном кресте, то есть, развернут в левую сторону. Не утихают споры и о том, какой стороной знамя Верховного магистра было прикреплено к древку — верхней или боковой (его изображают на иллюстрациях как в первом, так и во втором виде, да вдобавок еще в виде хоругви-вексиллума, прикрепленным к поперечной перекладине!).

6. Знамя «Дома Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии»

«Дом Пресвятой Девы Марии Тевтонской в Ливонии» имел, как уже говорилось выше, свое собственное знамя, которое во время военных походов везли рядом с ландмейстером, или, в его отсутствие, рядом с ландмаршалом, являвшимся в орденской иерархии ливонского филиала «тевтонов» вторым по важности должностным лицом после магистра (тогда как в рамках всего Тевтонского ордена эту функцию выполнял не маршал, а Великий комтур). Знамя рыцарей-«мариан» в Ливонии (по другим данным — знамя ливонского ландмейстера «мариан») было двусторонним. На одной стороне на белом поле была изображена (в соответствии с полным названием ордена) его Небесная Покровительница Пресвятая Дева Мария в лазурном одеянии, держащая на правой руке Богомладенца, а в левой — державу в форме земного шара. На другой стороне ливонского орденского знамени, также на белом поле, был представлен покровитель рыцарства святой Маврикий с золотым мученическим венцом на окруженной нимбом голове, в голубом одеянии и белом плаще, с золотыми поясом, налокотниками и наколенниками, держащий в правой руке копье с флажком, а левой опирающийся на серебряный прямоугольный щит с окаймленным золотом прямым черным крестом. В верхних углах полотнища орденского знамени, противоположных древку, был изображен белый орденский гербовый щит с черным тевтонским крестом.

Как Пресвятая Богородица, так и святой Маврикий были изображены на знамени стоящими на зеленой траве. Присутствие святого Маврикия объяснялось не только его функцией как мученика за Христа и патрона рыцарства вообще, но и особым почитанием, которым он пользовался в Прибалтике. В Риге существовало даже особое посвященное ему элитное «Общество (братство) Черноголовых» (нем.: «шварцгейптеров», Schwarzhaeupter), молодых холостых отпрысков знатных купеческих родов, живших по общежитийному уставу, во многом напоминавшему монастырский, в особом «Доме Черноголовых»), имевших привилегию носить рыцарские шлемы и латы

и составлявших в военное время отдельный отряд ополчения рижских бюргеров и купцов, сражавшийся под собственным знаменем.

«Черноголовыми» эти почитатели святого Маврикия именовались потому, что он считался «арапом-египтянином». Исторический святой Маврикий был римским военачальником, легатом расквартированного в Египте Фиванского Легиона, претерпевшим мученичество за Христа в гонения императора Диоклетиана. По христианской легенде, он владел чудодейственным «Святым копьем» ветхозаветного священника Финееса, перешедшего по наследству к библейскому пророку Иисусу Навину (якобы державшему это копье в руке при взятии Иерихона — о чем, между прочим, поется в известной песне времен войны между Севером и Югом в США «Joshua fought the Battle of Jericho, and the Walls came tumbling down», где Святое копье упоминается в следующих выражениях: «Down to the walls of Jericho he marched with the Spear in his hand...»), а затем — к римскому центуриону (сотнику) Гаю Кассию Лонгину, пронзившему этим копьем ребро распятого на Голгофе Христа, ускорив тем самым Его искупительную миссию.

На некоторых дошедших до нас иллюстрациях у святого Маврикия, изображенного на знамени ливонских рыцарей, на голове не мученический венец, а шлем, верхняя часть которого золотая, а нижняя — черная. Такое знамя с образами Богородицы и святого Маврикия было захвачено поляками в битве с ливонскими рыцарями Тевтонского ордена при Накеле в 1431 г.

Встречается также изображение «знамени ливонских рыцарей», представляющего собой полотнище с тремя (!) горизонтальными полосами — желтой, белой и красной. Оно, в частности, приведено в книге Стивена Тернбелла и Ричарда Хука «Танненберг. 1410 г. Неудача тевтонских рыцарей» (Stephen Turnbull, Richard Hook. Tannenberg 1410. Desaster for the Teutonic Knights; Campaign-122/Osprey Ltd.2003), со ссылкой на Яна Длугоша. Но следует заметить, что, хотя польский каноник Ян Длугош (годы жизни 1415–1480) считается «классическим» источником сведений об этой кровавой, судьбоносной для ордена Святой Девы Марии битвы, он родился спустя пять лет после сражения и был отделен от событий, по крайней мере, сроком жизни целого поколения.

Сам Ян Длугош не был ни современником, ни очевидцем, ни, тем более, участником битвы. По некоторым сведениям, в битве участвовал отец Длугоша, но тот, опять-таки, умер в 1425 г., когда будущему историку не исполнилось еще и десяти лет. Поэтому многие приведенные Длугошем сведения не следует принимать на веру — например, его упоминание о «хоругви Святого Георгия», под которой выступали крестоносцы-союзники ордена Девы Марии, как о красном знамени с белым крестом (в то время, как общеизвестно, что «знамя Святого Георгия», наоборот, всегда было белым с красным крестом (и дожило в таком виде до нас, в качестве английского «флага Святого Георга»!), или же упоминание Длугоша

о трехцветном желто-бело-красном (!) знамени ливонских рыцарей, под которым они, по его утверждению, якобы принимали участие в роковой для Тевтонского ордена битве 1410 г.

Как известно, традиционные средневековые геральдические знамена были двуцветными (хотя и могли иметь несколько полос), и именно в качестве двуцветных дошли до нас древнейшие европейские флаги — красно-бело-красный австрийский, красно-желто-красный испанский, красно-зеленый португальский, красно-голубой лихтенштейнский, красно-белый монакский, бело-голубой сан-маринский, бело-красный польский и др. К тому же однозначно известно, что ливонских рыцарей в рядах «тевтонской» рати под Танненбергом не было (что и было, возможно, одной из важнейших причин поражения орденского войска).

7. Д олжностной герб «земских магистров Ливонии

С начала XV в. начинает наблюдаться процесс формирования должностного герба ливонского ландмейстера, включающего в себя эмблему ордена Святой Девы Марии в сочетании с родовым (фамильным) гербом магистра. К описываемому времени подобная «четырехчастная» композиция, включающая оба указанных герба, уже существовала в ордене госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского. Впервые такой герб, отчеканенный на монетах и высеченный на крепостных стенах, появился у иоаннитов (именовавшихся в описываемый период «рыцарями Родоса», или «родосскими рыцарями» — по месту расположения своей тогдашней орденской резиденции) при Великом магистре Пьере д'Обюссоне, руководившем орденом Святого Иоанна в 1478–1503 гг.

Кстати, следует отметить, что, хотя внешним отличительным знаком госпитальеров в мирное время являлся белый восьмиугольный крест на черном плаще, в период военных действий таким знаком служил не восьмиугольный, а прямой белый крест на красном одеянии (единственным исключением в этом отношении являлся период правления семьдесят второго гроссмейстера иоаннитов — Императора и Самодержца Всероссийского Павла I, при котором гвардия Великого магистра носила красные супервесты не с прямым, а с восьмиугольным мальтийским белым крестом на груди) и гербом ордена Святого Иоанна являлся прямой крест белого цвета на красном поле.

Именно такой прямой крест и помещался в I и IV полях должностного герба Великого магистра иоаннитов. Именно такой герб представлен и на титульном листе устава Госпиталя, отпечатанном в 1534 г. А в иоаннитских уставах, изданных в 1725 и 1782 гг., изображен сам герб ордена Святого Иоанна Иерусалимского — прямой белый крест в красном фигурном щите под короной. Современный герб католического ответвления ордена

Святого Иоанна — «Суверенного Военного Мальтийского Ордена» — также содержит, в качестве центральной фигуры, изображение прямого белого креста на красном поле в овальном («итальянском») щите, за которым помещен большой белый восьмиугольный («мальтийский») крест, концы лучей которого едва видны из-за щита, под которым на четках висит маленький белый мальтийский крестик.

В Тевтонском ордене Пресвятой Девы Марии, как уже указывалось выше, включение родовых гербов Верховных магистров в состав орденской печати произошло в конце XV в., однако родовой герб магистра при этом сочетался не с гербом ордена (прямым черным крестом на белом поле), а с описанным нами выше должностным гербом Верховного магистра (таким же, как на «малых» печатях, начиная с 30-х-40-х гг. XIV в. и на знамени Верховного магистра всех «тевтонов»). Приведенные в «Хронике Даубмана» 1565 г. гербы тридцати четырех Верховных магистров Тевтонского ордена (на иллюстрациях с портретами Гохмейстеров) представляют четырехчастные щиты, содержащие в I и IV части крест (то есть должностной герб) Верховного магистра, а во II и III частях — его родовой герб. Четырехчастный герб Верховных магистров повторяется также на щите и груди его «портретных» иллюстраций. Позднее крест Верховного магистра на гербе служил для разделения поля на части, на которых располагались родовые эмблемы.

В Ливонии четырехчастный герб с орденским крестом формировался, по-видимому, под влиянием геральдических тенденций, которые можно проследить на примере немецких епископств. До конца XIV в. там использовались печати одной только епископской эмблемой. Но на рубеже XIV–XV вв. в ряде германских духовных княжеств появились гербовые печати с изображением как должностного герба епископа, или, точнее, печати епископства, так и герба конкретного епископа (личного или родового, по примеру римских пап). Комбинации этих двух гербов, или эмблем, отличались большим разнообразием: два гербовых щита рядом под одной епископской митрой; один «рассеченный» (разделенный на части по вертикали) щит, на котором слева от зрителя помещалась эмблема (герб) епископства, а справа — родовой (личный) герб конкретного епископа. Имелись также гербовые епископские печати, представлявшие собой геральдический щит, разделенный на четыре равные части (если употреблять геральдическую терминологию, «щит рассеченный и пересеченный»). В I и IV части этого щита посещался герб (печать) епископства, во II и III части — родовой (личный) герб епископа. Впервые гербовую печать с четырехчастным щитом, включающим герб епископства и родовой герб епископа, использовал Рудольф III, епископ Шверинский (1390–1415).

У Великих магистров ордена Святого Иоанна Иерусалимского должностной герб с четырехчастным щитом получил официальный статус несколько позднее, хотя в литературе встречается портрет Великого магистра ро-

досских рыцарей (госпитальеров) фра Фульк (о) де Вилларэ (1305–1319) с изображением такого герба. Но на орденских печатях личные эмблемы магистров отсутствовали. На монетах ордена госпитальеров «родосского периода», начиная с Гроссмейстера Фулько де Вилларе, на одной стороне был представлен аверс орденской печати — коленопреклоненный магистр перед шестиконечным патриаршим крестом (в память об изначальной подчиненности госпитальеров не папскому Риму, а православному Патриарху Иерусалимскому), а на другой — крест с небольшим расширением на концах.

При Великом магистре родосских рыцарей фра Раймонде Беранже (1365–1374) на монетах иоаннитов за изображением магистра впервые появляется щиток с его личным гербом. На монетах магистра рыцарей Родоса фра Хуана де Эредиа (1376–1383) на этом месте изображена стилизованная башня без щитка, хотя должностной герб с четырехчастным щитом этого иоаннитского магистра присутствует в манускриптах конца XIV — начала XV в.в. Личный герб фра Хуана де Эредиа представлял три белых (серебряных) башни (два вверху, один внизу) на красном (червленом) поле, что позволяет рассматривать изображение башни на чеканившихся при этом магистре госпитальеров монетах как часть его личного герба. Официально четырехчастный щит начал использоваться Великими магистрами иоаннитов лишь начиная с фра Пьера д'Обюссона (1476–1503).

Для христианского сознания может показаться удивительным, что магистр, хотя и рыцарского, но все же духовного ордена, то есть монах, призванный служить Богу (пусть даже «по-рыцарски» — мечом!), «дерзнул» изобразить рядом с Божественным символом Креста свою личную эмблему — тем более, что еще совсем недавно магистр изображался на орденских монетах коленопреклоненным перед Крестом! Но, вероятно, впечатление «дерзости» смягчалось тем, что личный герб д'Обюссона (являвшегося, до своего избрания Великим магистром родосских рыцарей, кардиналом римской церкви), представлял собой красный «якорный» крест.

У преемников этого Великого магистра страннопримцев — фра Эмери д'Амбуаза (1503–1512) и фра Фабрицио дель Каретто (1513–1521) — личные эмблемы на гербе носили, хотя и не церковный, но, по меньшей мере, «нейтральный» характер (у д'Амбуаза — вертикальные полосы, у дель Каретто — косые полосы). В дальнейшем использование четырехчастных гербов Великих магистров рассматривалось госпитальерами уже как орденская традиция. И герб следующего их Гроссмейстера — фра Филиппа де Вилье де Лиль-Адана (1521–1534), при котором орден госпитальеров обосновался на Мальте, украшал титульный лист орденского Устава, вышедшего в 1534 году.

В Восточной Прибалтике подобная геральдическая композиция впервые появилась на печати епископства Курляндского в 1508 г., но в 20–30-е гг. она распространилась по всему «Уделу Пресвятой Богородицы».

На территории ливонского филиала Тевтонского ордена аналогичное изображение появилось первоначально на монетах. На орденских «фердингах» 1515 г. под изображением небесной покровительницы ордена — Пресвятой Девы Марии с Богомладенцем на руках — впервые был помещен четырехчастный щит, в I и IV частях которого была изображена эмблема Тевтонского ордена (прямой крест), а во II и III частях — родовой герб ландмейстера брата Вольтера фон Плеттенберга (рассеченный двуцветный щит).

На орденской монете 1525 г. такой же четырехчастный герб ландмейстера Ливонии изображен на щите, который держит ливонский рыцарь. В дальнейшем под образом Богородицы изображался или только родовой герб ландмейстера, или четырехчастная композиция вышеописанного типа, но изображение рыцаря практически всегда сопровождалось четырехчастным гербом, расположенным внизу, у ног рыцаря (как на монете 1536 г.), или перед ним. Видимо, поэтому изображение рыцаря на монете часто трактуют, как изображение ливонского магистра. Впоследствии четырехчастный герб иногда помещался на орденских монетах сам по себе (без всякой дополнительной фигуры) — например, на ферденге 1553 г. или на золотом гульдене 1558 г.

Введший впервые в Ливонии изображение четырехчастного герба, ландмейстер брат Вольтер фон Плеттенберг, однако, не посчитал возможным перенести его с монет на печать — даже после упразднения государства Тевтонского ордена в Пруссии изменившим римско-католической вере Верховным магистром Альбрехтом фон Гогенцоллерн-Ансбахом в 1525 г. и после официального присвоения самому фон Плеттенбергу титула князя (нем.: фюрста, лат.: принцепса) «Священной Римской империи» в 1530 г. В период своего магистерства он позволял изображать четырехчастный герб лишь на монетах. Правда, на надгробной плите Вольтера фон Плеттенберга (умершего в 1535 г.) в усыпальнице ливонских ландмейстеров — храме святого Иоанна в Вендене (по-эстонски: Вынну, по-латышски: Цесис, а по-русски: Кесь) этот ландмейстер был изображен держащим правой рукой меч, опущенный острием к земле, а левой — поддерживающим щит с четырехчастным гербом, в доспехах с уширенным «тевтонским» крестом на груди.

Еще при жизни Плеттенберга печать с подобной композицией появилась на немецкой территории Тевтонского ордена. Дело в том, что после упразднения Тевтонского ордена в Пруссии и образования на его территории Альбрехтом фон Гогенцоллерн-Ансбахом светского Прусского герцогства, члены ордена, не признавшие законности этого акта и отвергнувшие его предложение принять протестантизм и «самораспуститься», перенесли центральное орденское управление в городе Мергентгейме, расположенном в германской области Франконии (бывшую резиденцию дейчмейстеров). Немецкий ландмейстер-дейчмейстер взял на себя функции «Администратора» (управляющего) должности Верховного магистра (как

бы исполняющего обязанности Верховного магистра Тевтонского ордена) и уже в 1528 г. начал пользоваться печатью с изображением четырехчастного герба с орденским крестом (но не с должностным крестом Верховного магистра!) и со своим родовым гербом.

При преемниках Плеттенберга в Ливонии четырехчастный герб, как и при нем самом, присутствовал лишь на орденских монетах. Но на надгробной плите ландмейстера брата Германа фон Брюггенея изображен именно четырехчастный герб, хотя ранее в таких случаях изображался родовой герб ландмейстера (например, на надгробии предшественника Вольтера фон Плеттенберга — ландмейстера брата Иоганна фон Лорингкофе, прародителя фон Лорингофенов и фон Фрейтаг-Лорингофенов). Личный герб ливонского магистра не мог претендовать на статус официального, хотя определенные попытки в этом направлении предпринимались. Ливонский ландмейстер брат Генрих фон Галлен первым использовал должностной магистерский герб не только на монетах, но и на своих портретах (где ранее изображался только родовой или личный герб) и, что еще важнее — в официальных документах, впервые — в охранной грамоте — шуцбрифе (Schutzbrief) 1556 г. И не случайно именно с лета 1556 г. титул ливонского магистра обогатился приставкой «Dei Gratias» («Божией милостию...») — как у наследственных или выборных монархов!

Но на печатях ландмейстеров эти слова пока что отсутствовала. До нас дошел должностной герб ландмейстера Генриха фон Галлена из этой грамоты; фамильным гербом ландмейстера были три красных крюка в белом поле. И только в 1558 г. четырехчастный герб появился на ливонских орденских печатях! При ландмейстере брате Вильгельме фон Фюрстенберге малая («секретная») печать со сценой бегства Святого Семейства в Египет была заменена печатью с должностным гербом ландмейстера. Таким образом, должностной герб ливонского магистра Тевтонского ордена был юридически оформлен перед самым падением власти ордена Девы Марии в Ливонии (1560–1562 гг.), просуществовав фактически менее двух лет!

8. Краткая история военного конфликта между ливонским филиалом Тевтонского ордена и Московским государством

После окончательного присоединения Новгородской земли к владениям Великого Князя Московского в 1478 г. в прибалтийском «порубежье» шла, по существу, непрерывная «малая» война. В январе 1480 г. ливонские рыцари произвели несколько нападений на Вышгородок, Гдов и Изборск. Летом 1480 г., воспользовавшись пребыванием («стоянием») основной

части вооруженных сил Великого Княжества Московского на реке Угре, где они держали оборону против сил золотоордынского хана Ахмата, ливонцы усилили набеги на московскую приграничную полосу. В августе 1480 г. орденское войско во главе с «маистром» (ландмейстером) братом Бернгардом фон дер Борхом двинулось на Псков. Простояв два дня под Изборском, ландмейстер подошел к Пскову, осадил его и начал обстреливать из пушек. Ливонцы высадили десант со стороны реки Великой, но псковичи отразили десант, захватив все орденские лодки. В конце концов, активная оборона псковичей вынудила ландмейстера снять осаду и отступить в пределы Ливонии.

Великий Князь Московский, Государь всея Руси Иван III решил, в свою очередь, перейти в наступление на ливонцев. двадцатитысячная московская рать, усиленная псковскими и новгородскими вспомогательными контингентами, в конце февраля 1481 г. вторглась в Ливонию, продвигаясь в направлениях на Дорпат (Дерпт, по-русски: Юрьев, по-эстонски: Тарту), Валк (по-латышски: Валга) и Мариенбург (по-латышски: Алуксне). В ходе боевых действий, продолжавшихся около четырех недель, московской рати удалось овладеть двумя важными ливонскими крепостями — Феллином (Вильянди) и Тарвастом.

Не имея достаточно собственных сил и не слишком доверяя наемникам, руководство ливонского филиала Тевтонского ордена не решилось выйти в поле и дать московитам генеральное сражение, предпочтя пойти на заключение временного перемирия (по-немецки: «Бейфриден», Beifrieden), подписанного в 1482 г. В 1493 г. заключенное перемирие было продлено еще на десять лет. По настоянию московской стороны, заключение перемирия было обставлено целым рядом унизительных для ордена церемоний. Ливонцы были вынуждены вести мирные переговоры не с самим Великим князем Московским, а с его новгородским наместником, с которым они и заключили перемирие, в чем вынуждены были «бить челом о покое (мире — В.А.)». Тем не менее, вторжения небольших московских контингентов в Ливонию продолжались, и было совершенно ясно, что возобновление «большой войны» не за горами.

В 1492 г. Государь всея Руси Иоанн III повелел возвести на правом берегу реки Наровы, как раз напротив орденской крепости Нарвы (по-русски: Ругодив) свою собственную крепость, названную в честь Великого князя Ивангородом. С тех пор и по сей день обе крепости продолжают мрачно возвышаться друг напротив друга по обоим берегам Наровы (образующей ныне государственную границу между Россией и Эстонией).

В 1494 г. упоминавшийся нами выше тевтонский рыцарь из Вестфалии Вольтер фон Плеттенберг был избран орденским маршалом (ландмаршалом) Ливонии. Со свойственной ему энергией новый ландмаршал попытался восстановить обороноспособность орденского войска, прежде

всего — путем вербовки хороших пушкарей и пушечных дел мастеров, с целью усилить орденскую артиллерию, как крепостную, так и полевую (последняя ранее находилась в пренебрежении, хотя, справедливости ради, следует заметить, что пушки орденское войско тевтонов имело еще в 1410 г., в битве под Танненбергом). Стремясь усилить рыцарское войско, Плеттенберг мобилизовал большие вспомогательные контингенты, состоявшие из леттов (латышей) и эстов (эстонцев). Вопреки широко распространенным у нас представлениям, представители коренных прибалтийских народностей отнюдь не уклонялись от несения военной службы под знаменами Тевтонского ордена, поскольку, начиная с XIII в. (если не раньше), именно они (а не отсиживавшиеся за каменными стенами замков и городов «остзейские» немцы) неизменно становились первыми и главными жертвами походов русских ратей на Ливонию. Так что дело обстояло, мягко говоря, не совсем так, как у Натальи Петровны Кончаловской:

Ливонский орден, ссорясь с нами,
Закрыл на Балтику пути,
И в рабстве эсты с латышами,
Нам доведется их спасти,
И пусть балтийские народы
Пропустят нас в морские воды.
Вот для чего Руси нужна
С Ливонским орденом война!

Или:

И хотя молчали улицы в печали,
Без боязни эсты москвичей встречали:
Шла свобода к эстам с этою войною,
На балтийский берег хлынула волною,
С новыми друзьями, с новою торговлей,
С новыми правами под эстонской кровлей.
Этих дней эстонцы ждали и хотели, —
Им Ливонский орден язвой был на теле и т.д.
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Зримым символом претензий Московской державы на Ливонию стала упомянутая выше, выстроенная пр приказу Государя всея Руси Великого князя Ивана III, напротив орденской Нарвы мощная крепость Ивангород. Правда, в 1496 г. шведский десант на 70 судах-насадах, в отместку за разорение московским войском в 1494–1496 гг. шведской Финляндии, взял Ивангород штурмом, перебив московский гарнизон (при этом погиб и комендант крепости — воевода князь Юрий Бабич), однако крепость была вскоре восстановлена московитами, продолжая угрожать ливонским владениям.

В августе 1501 г. лифляндский ландмаршал «тевтонов» брат Вольтер фон Плеттенберг, отразив очередной русский набег на Ливонию, перешел границу у Пскова, начал разорять приграничную полосу и подступил к Изборску. Ливонское войско включало четырехтысячный кавалерийский контингент, состоявший из рыцарей, оруженосцев и тяжеловооруженных конных воинов («рейзигов»), а также четыре тысячи пеших воинов-кнехтов, и имело на вооружении артиллерию, превосходившую русский «наряд» как в количественном, так и в качественном отношении.

Для войны с рыцарями ливонского филиала Тевтонского ордена у Пскова были сосредоточены конные полки московских, новгородских и тверских «детей боярских». Вместе со вспомогательным контингентом псковичей объединенная русская рать насчитывала до сорока тысяч воинов (если верить ливонским хронистам). Русские воеводы, получившие от Великого Князя Московского приказ искать встречи с противником, двинули свои рати на Изборск. Ливонское войско поджидало московитов на реке Сирице (Серице), в десяти верстах за Изборском. Не ожидая подхода «Большого полка» (основных сил), русский Передовой полк, состоявший из псковичей, с марша атаковал орденское войско. Умело применив артиллерию и аркебузы (именуемые в русских летописях тех времен «пищалями»), ливонцы отразили нападение, обратив псковичей в бегство. Бегущие под огнем ливонских аркебуз и пушек псковичи внесли сумятицу и беспорядок в ряды подходившего к полю боя русского «Большого полка».

Завязалась артиллерийская дуэль, но все попытки московского «наряда» подавить ливонскую артиллерию оказались безуспешными. Поражение московской рати было довершено конной атакой ливонских рыцарей, смявшей и опрокинувшей полки Великого Князя Ивана. Тем не менее, главной причиной поражения русской рати стала не боевая мощь тяжелой рыцарской конницы, являвшейся главной ударной силой Тевтонского ордена и его ливонского филиала в «классический» период орденской истории, а превосходство ливонцев в артиллерии и плохая согласованность действий русских воевод.

В октябре того же кровавого 1501 г. Великий Князь Иоанн III двинул против ливонских войск новую, свежую рать, усиленную многочисленными отрядами легкой татарской конницы. Во главе московской рати был поставлен направленный в Великий Новгород князь Даниил Щеня (победитель литовцев в битве на реке Ведроше в 1500 г.), назначенный «большим воеводой» и наместником. Глубокой дождливой осенью, преодолевая разлившиеся реки и плохие дороги, русская рать продвинулась в глубь Ливонии, заняв окрестности Дерпта, Нейгаузена и Мариенбурга. Ландмаршал Вольтер фон Плеттенберг выступил навстречу московитам, по ливонским источникам, с небольшим войском (хотя, по сведениям русских летописцев, он шел на бой «с многою силою, с пушки и пищалми»). В темную ночь на 24 ноября

1501 г. ливонские «тевтоны» внезапно напали на стан русской рати под орденским замком Гельметом (Гельмедом). Оказав им упорное сопротивление, русское войско отразило нападение, отбросило ливонцев и преследовало их около десяти верст. «Воеводы великого князя одолели, одних избили, иных поимали, а многи их утекли». Русские летописцы особо подчеркивали, что московиты «не саблями светлыми секли» ливонцев, но «били их шестоперами, как свиней». Этот пафос не совсем понятен, поскольку шестопер был совершенно нормальным оружием, широко распространенным как в русском, так и в «тевтонском» войске (и даже служил символом власти военачальника), так что смерть в бою от шестопера была ничуть не более позорной, чем от сабли или от меча. Впрочем, это так, к слову...

От Гельмета рать князя Даниила Щени пошла по Ливонии в северном направлении, мимо Дерпта и Ревеля, а затем повернула на восток, к Нарве. В ноябре 1501 г. она снова перешла границу в районе Ивангорода, свершив круг по Ливонии, опустошив все земли епископа Дерптского, половину владений епископа Рижского, а также области Мариенбурга и Нарвы, то есть, предав треть всей Ливонии огню и мечу. В бою под Гельметом русская рать потеряла около тысячи пятисот человек, в то время как население Ливонии (в основном — все та же «чудь» — эстонцы, ливы, латыши, латгалы) за время всего русского похода потеряло не менее сорока тысяч человек убитыми и ранеными, но главным образом пленными — в качестве «ясыря» — живого товара, за которым охотились главным образом служилые татары Великого Князя (хотя и не только они).

С весны 1502 г. ливонские «тевтоны» возобновили набеги на псковское приграничье. Но эти набеги производились незначительными силами и отражались псковскими воеводами. Но осенью того же 1502 г. в пределы Русского государства вторглось пятнадцатитысячное ливонское войско во главе с самим ландмаршалом (а не «ландмейстером», как часто неправильно пишут и думают, поскольку магистром Ливонии он был избран позже), Плеттенбергом. 2 сентября ливонские «тевтоны» подступили «со всем злоумышлением» к Изборску, осадили крепость, «биша стены многими пушками и град не разбиша». Не взяв Изборска, ливонцы осадили Псков (укрепленный еще лучше, чем Изборск), «стены биша многими пушками и пищалми и граду не доспеша ничтоже». Тем не менее, даже у русских летописцев заметен акцент, делаемый на огневую мощь ливонцев, на их превосходство в огнестрельном оружии, а не на военное превосходство тяжелой рыцарской конницы. Затем ливонские «тевтоны» двинулись дальше, на Псков,. 9 сентября войско «Божьих рыцарей» с пушками подступило к Пскову и обстреляло его. Псковичи отбили несколько приступов и, в свою очередь, совершили удачную вылазку. На третий день ландмаршал Плеттенбург решил снять осаду, узнав о приближении московской рати на помощь осажденному городу.

Дело в том, что готовившиеся к походу на Ливонию московские воеводы князья Даниил Щеня и Василий Шуйский сосредоточили в Новгороде многочисленное (до шестидесяти тысяч пехотинцев и конников) войско, состоявшее из русских (московских войск Даниила Щени, новгородцев Василия Шуйского и псковичей), служилых татар и немецкой наемной пехоты (ландскнехтов). По сообщению летописца, русское войско, узнав об осаде ливонцами Пскова, выступило в поход в следующем порядке: впереди — Большой полк, за ним — Передовой (хотя на походе, вероятно, передовой полк шел все-таки впереди, в соответствии со своим названием), затем полки Правой и Левой руки, а «назади» — Сторожевой полк, выполнявший функцию арьергарда.

Итак, получив известие о приближении огромной рати московитов, ливонцы сняли осаду с Пскова и отступили, но были настигнуты русскими у озера Смолина, в тридцати верстах от Пскова, 13 сентября 1502 г. Численное превосходство русских было, как обычно, подавляющим, но ливонцев вновь спасла их сильная и превосходная артиллерия — заслуга лифляндского ландмаршала «марианитов» Вольтера фон Плеттенберга.

Заметив отступавшие обозы орденского войска, русские разведчики доложили воеводам, что ливонцы бегут. При этой вести ратники русского Передового полка, увлекая за собой остальные полки, самовольно устремились вперед, напали на ливонские обозы и стали грабить их, попутно уничтожая охрану. Воеводы Андрей Кропоткин и Юрий Орлов-Плещеев не сумели удержать своих людей от грабежа тевтонского «коша». В ходе беспорядочного преследования ливонцев русские расстроили свой боевой порядок («изрушали полки»), а в ходе грабежа утратили остатки дисциплины. Ливонцы воспользовались этим и неожиданным контрударом разгромили Передовой полк московской рати. Вместе со своими воинами погибли и оба воеводы.

Когда выяснилось, что ливонцы вовсе не отступают, а изготовились к бою, русские полки атаковали главные силы ландмаршала Плеттенберга, но неорганизованно, выдвигаясь, вследствие нарушения походного порядка, небольшими группами. Им противостояла мощная фаланга «тевтонской» пехоты, первая линия которой состояла из тысячи пятисот «стрельцов огненного боя», с пушками и аркебузами. Наступление псковских, новгородских и московских ратников ливонцы без особого труда отражали огнем своей сильной артиллерии и аркебуз, внесших сильное замешательство в ряды подходивших к полю боя главных сил великокняжеской рати. При мощной поддержке артиллерийского огня ливонская пехота отбила атаки не только собственно русских и татарских войск, но и наемных немецких ландскнехтов («служилых немцев») московского князя.

Отведя войска, русские воеводы привели их в порядок и возобновили атаки, но все они были вновь отражены ливонской пехотой, при поддер-

жке спешенных рыцарей, оруженосцев и «рейзигов». Московским воеводам удалось найти слабое место в боевом порядке ливонцев и сосредоточить усилия в этом направлении, бросив туда немецких наемников. Но и атаки «служилых немцев» успеха не имели. В конечном итоге московская рать была вынуждена отступить перед ливонским «огненным боем». Но и потери орденского войска были очень велики. Было убито четыреста «тевтонских» пехотинцев, их знамя было захвачено русскими ратниками. В сече погибли начальник ливонской пехоты Матвей (Матиас) Пернауэр, его брат Генрих, знаменосец Конрад Шварц. Большие потери понесла и ливонская конница, прикрывавшая свою пехоту. Тем не менее, орденское войско продолжало непоколебимо стоять у озера Смолина. Поразмыслив, князь Даниил Щеня решил оступить со своим обескровленным войском в Новгород. По свидетельству ливонского хрониста Бальтазара Рюссова, Вольтер фон Плеттенберг «со своими людьми был совершенно утомлен». Ландмаршал, не решившись преследовать московитов, «стоял на месте до третьего дня и поджидал неприятеля, не придет ли он снова». Но неприятель снова не пришел...

Это была последняя победа войск ливонского филиала Тевтонского ордена не только над русскими, но и вообще над кем бы то ни было.

Простояв три дня на поле боя (или «на костях», как выражались русские летописцы), орденские войска отступили в Ливонию. В 1503 г. Вольтер фон Плеттенберг, уже избранный к тому времени ландмейстером Тевтонского ордена в Ливонии, заключил с Москвой очередное перемирие сроком на шесть лет, многократно продлевавшееся — вплоть до 1557 г.! — и по-прежнему уделял неусыпное внимание обучению туземного прибалтийского населения военному делу, понимая, что наемные солдаты стоят очень дорого, светские рыцари-вассалы ненадежны, силы собственно ордена Святой Девы Марии ничтожно малы и на помощь никаких «крестоносцев» не только рассчитывать, но даже надеяться больше никак не приходится.

Интересно, что земский магистр Вольтер фон Плеттенберг, хотя и сохранил лично верность римско-католической вере, ничем не препятствовал распространению протестантизма («лютеровой ереси») в подвластной ему ливонской части орденского государства тевтонских рыцарей. Вероятно, старый «тевтон» стремился избежать религиозных распрей на подвластной ему территории с целью максимального сохранения обороноспособности Ливонии. Впрочем, в описываемую эпоху не только в Прибалтике, но даже во владениях Тевтонского ордена, расположенных в собственно Германии («Священной Римской империи»), наступил период так называемого «троеверия» («триконфессионализма»), когда в изначально католическом ордене Пресвятой Девы Марии бок о бок с католическими «братьями» состояли и «братья»-протестанты (евангелисты-лютеране и даже кальвинисты-реформаты).

Ландмейстер Вольтер фон Плеттенберг «приложился к роду праотцев своих» в 1535 г., не сходя со своего резного дубового кресла, опираясь правой рукой на эфес вонзенного в доски пола рыцарского меча. На нескольких зданиях в бывшей столице ливонского отделения Тевтонского ордена — городе Риги (например, в Домском соборе и в Замковом дворе) можно и поныне лицезреть его рельефное изображение в полном рыцарском вооружении.

В 1547 г. в стольном граде Москве — Третьем Риме — был венчан на царство Государь всея Руси Иоанн IV, очень скоро ставший Грозным Царем. С самого начала «взяв под прицел» Ливонию, как выход на Балтику, он (предвосхищая аналогичные действия Петра Великого) активно занялся вербовкой в Германии наемников, закупкой современного вооружения и того, что мы сегодня именуем «ноу-хау» или «хай-тек» — «высоких технологий», специалистов во всех областях, оружейников, пищальных и пушечных дел мастеров и т.д. В больших количествах (всего более четырех тысяч человек!) они прибывали из Германии в Ригу и — к огромному неудовольствию «псов-рыцарей»! — через Ливонию следовали дальше в Москву. Схватив одного из таких «специалистов», рыцари ордена Девы Марии сгоряча снесли ему голову. Но этим кровавым инцидентом дело — к сожалению для ордена! — не ограничилось. В 1548 г. купец Ганс Шлитте получил от римско-германского императора Карла V Габсбурга разрешение на вербовку в Германии ремесленников и ученых на службу царю, но был задержан в Ливонии орденскими властями вместе с набранными им иностранными специалистами и заключен в тюрьму, где его продержали до тех пор, пока все собранные им «иностранные специалисты» не разбежались. «Дело Ганса Шлитте» вызвало дипломатический скандал, «плавно» переросший в вооруженный конфликт.

По истечении в 1551 г. срока Московского мирного договора, Царь Иван усилил давление на Ливонию. В ходе переговоров Царь объявил, что готов заключить мир лишь в случае уплаты Ливонией дани, которой Москва первоначально требовало только от Дерптского епископства («юрьевская дань»), но затем — от всей Ливонии. Уплата «юрьевской дани» (за более чем четыреста лет!) Ливонией означала признание последней своей зависимости от Московского государства. Ливонцы никак не могли договориться между собой, тем более, что размер требуемой московитами дани постоянно возрастал. Грозный Царь был разгневан.

Притворяются друзьями
И не платят ничего.
И смеются над князьями
В башнях Дерпта своего.
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Зимой 1557 г. московская рать князя Шестунова начала военные действия против Дома Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии из района Ивангорода с целью утвердиться в устье реки Наровы и начать там строительство русской военно-морской базы («для корабельного пристанища»). Рать Шестунова успешно «повоевала» весь район Наровы и приступила к строительству порта.

В 1558 г. очередная русская рать (как и прежде, имевшая в своем составе многочисленные контингенты татарской легкой конницы и немецких ландскнехтов), вторглась в Ливонию, положив тем самым начало двадцатипятилетней Ливонской войне. Это сорокатысячное войско под командованием князя Глинского и татарского «царевича» (так его чаще всего именуют летописцы и последующие историки, хотя в действительности он был законным «царем», то есть ханом Касимовским и Казанским) Шах-Али (Шиг-Алея), имея впереди «ертаул» (авангард), состоявший из легкой конницы и высылавший перед собой разъезды, «по нахоженной дороге» двинулось на Дерпт.

Где вразброд, оравою, где военным строем
Продвигалась русская молодая рать,
Чтоб морские пристани под седым прибоем
У ливонских рыцарей с боем отобрать.
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Узнав, что «русские идут», рыцари ордена Девы Марии и их ливонские вассалы спохватились и вспомнили о своих эстонских и латышских крестьянах, у которых двадцатью годами ранее, сразу же после смерти дальновидного Вольтера фон Плеттенберга, сами же отняли оружие и которых тогда же прекратили обучать военному делу. Теперь они снова призвали их к оружию... которого у тех не было, так что многие явились на службу, «вооруженные» (без преувеличения!) лишь камнями и дубинками. Так что отнюдь не «русские мужики» (как приучила многих из нас считать отечественная художественная литература, да и отечественная кинематография!) шли на бой с ливонцами, вооруженные «дубинами», а совсем даже наоборот! Впрочем, это так, к слову...

Выступив из Дерпта, ливонское «войско», насчитывавшее всего лишь пятьсот (!) пехотинцев и конников, осмелилось преградить путь бесчисленным ратям Грозного Царя, намереваясь дать им бой на подступах к городу, но было легко побеждено ими и подверглось почти поголовному истреблению. Для уничтожения малочисленного ливонского отряда оказалось достаточно сил одного московского «ертаула», получившего незначительное подкрепление от воевод Передового полка и Полка Правой руки. Царским ратям открылась беспрепятственная дорога в Ливонию. Простояв под Дерптом два дня, но не сумев взять город, русская рать

переправилась через реку Эмбах и разделилась. Часть московских войск двинулась дальше на Ригу, а главные силы — к Балтийскому побережью.

Достигнув побережья, русское войско повернуло к Нарве и Ивангороду, между гарнизонами которых велась артиллерийская перестрелка.

Два старинных форта встали величаво:
Нарва-крепость слева, Иван-город справа.
Нарва у ливонцев — прибалтийский форт,
Иван-город славной, русской кладкой горд.
И вот в этот город рать царя Ивана
С пушками явилась в мае утром рано.
Сквозь туман весенней, северной зари
Стали бить по Нарве наши пушкари.
Ядра сотрясали каменные башни...
Заревел у кнехтов рог тревожный, страшный...
Попадали ядра в замки, в арсеналы,
Раненая Нарва, падая, стонала...
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

11 мая 1558 г. русский гарнизон Ивангорода, форсировав реку Нарову, пошел на штурм Нарвы. В ходе ожесточенного штурма русским удалось захватить нижнюю часть орденской крепости. 12 мая ливонский гарнизон сдался на милость победителей. Устье реки Наровы и выход к Балтийскому морю оказались в руках Грозного Царя. Нарва (которой было возвращено ее древнее название Ругодив) была превращена в русский торговый порт, с правом свободной и беспошлинной торговли со всей Русью и Германией.

По дорогам грязным, по погоде вешней,
В Польшу уходили немцы все поспешней,
Уплывали к шведам на рыбачьих лодках,
Ненависть кипела в пересохших глотках.
Хоть и был отточен меч по рукоять —
Не сумел ливонец Нарвы отстоять.
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Московский воевода Даниил Федорович Адашев потребовал от Ливонии признания московского сюзеренитета на тех же условиях, что и бывшие татарские ханства Казань и Астрахань. Ландмейстеру Иоганну Вильгельму фон Фюрстенбергу (или, по-русски, Фирстенбергу), а также дерптскому и рижскому епископам надлежало отправиться в Москву и принести Царю Ивану ленную присягу, в качестве новых вассалов. Что же касается Нарвы и других ливонских городов, уже покоренных русской ратью, то они просто присоединялись к Московскому государству. Ли-

вонцы отказались (хотя на защиту страны геермейстер Фюрстенберг смог с величайшими усилиями «наскрести» всего восемь тысяч воинов).

Летом 1558 г. начался второй большой поход русской рати, нанесшей одновременно три удара:

1) от Нарвы (Ругодива) на Нейшлос (Нишлот, по-эстонски: Васкнарву, по-русски: Сыреньск) ;

2) от Пскова через Нейгаузен на Дерпт (Дорпат, Тарту, Юрьев) ;

3) на Ригу.

Крепость Нейшлос была осаждена русским воеводой Адашевым 2 июня 1558 г. Адашев выслал отряды на Рижскую и Ревельскую (Колыванскую) дороги с целью преградить подступы к осажденной крепости и не допустить ее деблокады силами ливонского ландмейстера. Московиты соорудили на дорогах засеки с сильными гарнизонами.

На сей раз русское войско имело на вооружении сильную осадную артиллерию («наряд»), подвергшую успешному обстрелу осажденный ливонский город, несмотря на ответный огонь крепостных орудий. «И туры круг города поставили и наряд по всем турам розставили, и учали по городу стрелять из всего наряду, ис пищалей по вокнам».

Все грознней и громче пушки говорили,
Поднимая тучи камня, щебня пыли...
И теперь ливонцы, от испуга немы,
Торопясь влезали в панцири и шлемы...
(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Когда к воеводе Адашеву подошли подкрепления из Пскова и Новгорода, орденский гарнизон Нейшлоса капитулировал (6 июня 1558 г.). Вся местность северо-западнее реки Наровы на пятьдесят верст была очищена от ливонских отрядов. Чудское озеро, на льду (или на берегу) которого далекий предок Грозного Царя, Святой благоверный князь Александр Невский, трехстами шестнадцатью годами ранее разгромил орденское войско, и река Нарова стали безопасны для русского судоходства.

В июне 1558 г. новое сорокатысячное русское войско во главе с воеводами князем Шуйским, Троекуровым и Шеиным, в составе Передового полка (под командованием князей Курбского и Адашева), Полка Правой руки (под командованием князей Серебряного и Сабурова) и Полка Левой руки (под командованием князей Щетинина и Ивашкина), а также Сторожевого полка (под командованием князя Темкина), выступив из Пскова, вторглось в Ливонию и в июле овладело сильными орденскими крепостями Нейгаузеном и Дерптом. Особенно удручающее впечатление произвело на ливонцев падение Дерпта. Надо сказать, что дерптский епископ и его приближенные поторопились сдать город. Преследуя личные выгоды. Паника охватила всю Ливонию. Выступившие из Нарвы и Дерпта

русские рати быстро захватывали один ливонский замок за другим, взяв двадцать (!) замков до начала октября.

Но осажденный Ревель продолжал упорно сопротивляться. В сентябре 1558 г., с приближением зимы, князь Шуйский, по обычаю русских военачальников, отступил. Воспользовавшись этим, Готтгард Кеттлер перешел в контрнаступление. Собрав под свои знамена десять тысяч воинов, он взял приступом занятую русскими крепость Ринген (потеряв при этом две тысячи человек убитыми и ранеными). Затем Кеттлер подступил к Себежу и Пскову, где сжег пригороды, однако больше ничего не добился и отступил на ливонскую территорию.

15 января 1559 г. новая русская рать двинулась на Ригу — столицу ливонского отделения Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии.

Ливонцы попытались оказать сопротивление московитам под Тигзеном, но были разгромлены. Московские рати взяли еще одиннадцать орденских замков, захватили и сожгли под Ригой ливонские корабли и через месяц овладели всей южной Ливонией. Когда русские осадили крепость Венден (по-русски: Кесь, по-латышски: Цесис, по-эстонски: Вынну) — усыпальницу ливонских ландмейстеров — оборонявший ее гарнизон (семьдесят орденских рыцарей, светских вассалов ордена Девы Марии и кнехтов), предпочел взорвать себя на воздух, но не сдаваться царским войскам.

Старый ландмейстер Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг стремился получить помощь от датского короля, в то время как его коадъютор Готтгард Кетттлер делал ставку на Польско-Литовское государство. Поскольку Дания не оказала ливонским «тевтонам» ожидаемой от нее помощи, Фюрстенберг сложил с себя полномочия ландмейстера, передав власть Кеттлеру, который, однако, тоже не получил помощи от польского короля.

Оказавшись в катастрофическом положении, орденское руководство было вынуждено заключить с московитами перемирие до конца 1559 г.

С Венденом, несколько раз переходившим из рук в руки, через девятнадцать лет оказался связан и еще один аналогичный эпизод Ливонской войны. Осенью 1578 г. русские воеводы в очередной раз осадили отстроенный заново Венден, но, после трех неудачных приступов сняли осаду, заслышав о приближении неприятельских войск. Будучи атакованы польско-шведским войском (к описываемому времени главным противником русских на территории Ливонии стали поляки, литовцы и шведы), московиты отступили в свой лагерь, где яростно отстреливались до самой ночи. четверо русских воевод — князь Иван Голицын, Федор Шереметев, князь Андрей Палецкий и дьяк Андрей Щелкалов, воспользовавшись ночной темнотой, бежали с конницей из стана, но воеводы, которым был вверен пушечный наряд (артиллерийский парк), не захотели покинуть его. Русские пушкари не сдались в плен; когда неприятель ворвался в московский стан, они повесились на своих орудиях... Но все это произошло гораздо позже.

К ноябрю 1559 г. новый ливонский ландмейстер «тевтонов» Готтгард фон Кеттлер, навербовав в Германии ландскнехтов, возобновил войну. Но уже в январе 1560 г. московская рать взяла штурмом первоклассную орденскую крепость Мариенбург (не прусскую, а латвийскую — Алуксне). Московский воевода князь Василий Иванович Барбашин (Боробошин) захватил всю ливонскую тяжелую артиллерию, следовавшую обозом из Феллина (Вильянди) в Гапсаль (Гапсалу), лишив тем самым орденское войско его главного преимущества в войнах с Москвой (как некогда «греческий огонь» был главным преимуществом византийцев в войнах с «варварами»). И, наконец, при взятии Феллина в 1560 г. русские под командованием князя Андрея Михайловича Курбского захватили весь главный артиллерийский парк «Дома Пресвятой Девы Марии в Ливонии» — восемнадцать больших и четыреста пятьдесят малых орудий! Кроме «железных змей» ливонских «тевтонов», в битве под стенами Феллина, предшествовавшей взятию крепости, в руки к московитам попали также ливонский ландмаршал Филипп Шаль фон Белль, его брат Вернер, комтур Гольдингена Генрих фон Галлен, а после сдачи Феллина не желавшим защищать его наемным немецким гарнизоном — и Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг — бывший ливонский ландмейстер (1557–1559). Отпущенные победителями в Ригу малодушные немецкие наемники были повешены за трусость по приказу Готтгарда фон Кеттлера избранного, как нам уже известно, ливонским ландмейстером Тевтонского ордена вместо Фюрстенберга (еще до того, как последний попал в плен к московитам).

Но, несмотря на столь успешное для Грозного Царя начало Ливонской войны 1558–1583 гг., разразившейся в качестве очередного военного конфликта между Московским государством и орденом Девы Марии, в нее скоро оказались втянутыми практически все соседние великие державы.. Одни — на дипломатическом уровне, как «Священная Римская империя германской нации», князем которой с 1530 г. являлся «по должности» ливонский ландмейстер (что, впрочем, не помешало первому же удостоившемуся этой чести лифляндскому «провинциальному магистру» тевтонских рыцарей Вольтеру фон Плеттенбергу, вступив в союз с германскими князьями-протестантами, поднять меч не на кого-нибудь, а на своего же верховного сюзерена — императора этой самой «Священной Римской империи германской нации» Карла V Габсбурга — в ходе так называемой «Шмалькальденской войны», в то время как сам Тевтонский орден, в лице своего Верховного магистра, выступил в этой войне на стороне императора) ! Другие — как активные участники военных действий (Швеция, Дания, Польско-Литовское государство).

Ливонский ландмейстер Готтгард фон Кеттлер упорно отказывался от переговоров с Москвой, хотя был в состоянии лишь защищать некоторые крепости. Ландмейстер и его сотрудники обращались за помощью

то к римско-германскому императору, то к королям Дании, Швеции и Польши, однако реальной помощи не получали. В конце концов, Кеттлер предпочел подчиниться польской короне (подобно бывшему Верховному магистру всех «тевтонов» Альбрехту фон Бранденбург-Ансбаху, назначенному в награду за подчинение Польше сенатором и членом королевского совета). Признав актом от 21 ноября 1561 г., в качестве главы Тевтонского ордена в Ливонии, присоединение Ливонии к Польско-Литовскому государству (точнее — к Литве), Кеттлер 5 марта 1562 г. передал военачальнику короля Сигизмунда-Августа, виленскому воеводе князю Николаю Радзивиллу «Черному» (главе всей «протестантской партии» Речи Посполитой), свои ландмейстерские крест, мантию и ключи от Рижского замка Тевтонского ордена, после чего принял лютеранство и женился на дочери герцога Мекленбургского, сохранив за собой часть бывших прибалтийских владений Тевтонского ордена (в качестве первого светского герцога Курляндии). Власть его распространялась также на Земгалию (Семигалию), но более далеко идущим планам Кеттлера, рассчитывавшего стать наследственным герцогом всей Лифляндии (Ливонии), подобно тому, как бывший Гохмейстер «тевтонов» Альбрехт Бранденбургский сумел стать наследственным герцогом всей Пруссии, не было суждено осуществиться.

Царь Иоанн Грозный предложил взятому им в плен Иоганну Вильгельму фон Фюрстенбергу возглавить «Ливонское государство» под московским протекторатом, но бывший ландмейстер ливонских «тевтонов» гордо отказался, предпочтя через десять лет угаснуть в московском плену. Впрочем, в плену он жил доходами с поместья, пожалованного ему Иоанном Васильевичем под Костромой, и, мягко говоря, не бедствовал.

После очередного поражения крайне малочисленного, лишившегося всей своей артиллерии, ливонского войска в Эргемском сражении (1561) «Дом Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии» фактически прекратил свое существование (хотя юридически был упразднен лишь через два года).

Еще в 1559 г. датчане завладели островом Эзель (по-эстонски: Сааремаа), уступленным епископом Эзель-Викским датскому королю, и частью курляндских земель. Вассалы ордена Пресвятой Девы Марии в северных провинциях Эстляндии (Гаррии и Вирланде), окончательно убедившись в неспособности орденских властей обеспечить эффективную защиту их земель, обратились за помощью к шведскому королю Эрику XIV. В начале 1561 г. рыцарство (дворянство) и города этих бывших провинций Тевтонского ордена присягнули на верность шведской короне.

Остальные владения «Дома Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии» и прибалтийских епископств по Виленскому договору 1561 г. перешли под власть Польши, присягнув королю Сигизмунду II Августу — прямому по-

томку литовского князя и польского короля Владислава Ягайло (Ягелло), победителя войска Тевтонского ордена под Танненбергом в 1410 г.

Орденская комменда в Бремене и орденский дом в Любеке, подчинявшиеся ливонскому ландмейстеру «тевтонов», еще в 1560 г. перешли в подчинение комтура Динабурга Георга фон Сибурга, потомки которого в конце XVI в. продали их, соответственно, обоим городам.

Город Рига — бывшая столица рыцарей-«тевтонов» в Ливонии — отказался (несмотря на передачу ключей от Рижского орденского замка бывшим ландмейстером Кеттлером князю Радзивиллу) подчиниться Польско-Литовскому государству и еще на протяжении двадцати лет сохранял статус вольного ганзейского города, признавая над собой лишь номинальную власть «Священной Римской империи германской нации».

И, наконец, остров Эзель и земли Пильтенского епископства в Курляндии (то есть часть Курляндии, никогда не принадлежавшая Тевтонскому ордену) были куплены королем датским Фредериком II у епископа Иоганна фон Мюнхгаузена (нем.: von Muenighusen или von Muenchhausen) — предка «того самого Мюнхгаузена»!

Итак, в результате сокрушительного поражения ливонских «тевтонов» в войне с Иоанном Грозным Готтгард фон Кеттлер публично заявил в Рижском замке о сложении с себя звания ландмейстера, выходе из ордена и об официальном упразднении орденского государства «тевтонов» в Ливонии.

Ливонская война с переменным успехом продолжалась до 1583 г., но только велась она уже между Польско-Литовским государством, Швецией и Грозным Царем Московской державы. С тех пор термин «Ливония» («Лифляндия») применялся исключительно к территориям, расположенным к северу от Западной Двины, включавшим в себя современные латвийские провинции Видземе и Латгале, а также южную часть современной Эстонии.

9. Опричный эпилог

В победоносной для русских битве под Эргемом в 1560 г. жвенадцать тысяч русских легких конников князя Василия Ивановича Барбашина разбили состоявшее из пятисот конников и пятисот пехотинцев ливонское войско ландмаршала «ливонских рыцарей» (как их издавна называли на Руси) Филиппа Шаля фон Белля, взяв в плен его самого, одиннадцать (!) комтуров и сто двадцать рыцарей «Дома Пресвятой Марии Тевтонской в Ливонии». Пленный был доставлен в стан воеводы Царя Иоанна Грозного, князь Андрея Михайловича Курбского, пленившего, после взятия крепостки Феллин, престарелого бывшего ландмейстера Фюрстенберга.

Царский воевода с великим почетом принял знатных ливонских пленников в своем походном шатре и долго слушал вместе со своими соратниками увлекательные рассказы ландмаршала Белля о Крестовых походах «тевтонов» в Святую Землю и языческую Пруссию, о подвигах их собратьев-иоаннитов на Родосе и Мальте. Князь Курбский отослал пленных немецких рыцарей к Грозному Царю в Москву с самыми наилучшими рекомендательными письмами. Сам ливонский ландмаршал Филипп Шаль фон Белль, к сожалению, вел себя с Иоанном Васильевичем слишком дерзко и независимо, за что и поплатился головой (вместе с четырьмя оказавшимися не в меру строптивыми комтурами ордена Девы Марии, отвечавшими Царю «противным словом»).

Иоанн IV был, по воспоминаниям князя Курбского, смертельно уязвлен тем, что ландмаршал отказался признать военное превосходство московитов, объяснив свое поражение исключительно небесной карой за допущение в Ливонию лютеранской ереси: «Когда мы имели одного истинного Бога Иисуса Христа и одну истинную римскую (католическую — В.А.) церковь, тогда мы были непобедимы. Но пришла ересь (лютеранство — В.А.) и расколола нас, горожане восстали на епископов, а кнехты на рыцарей, и орден пал за наши грехи...». Именно эти «противные слова» стоили острому на язык Филиппу Шалю фон Беллю головы (хотя Царь, раскаявшись, в последнее мгновение передумал, казнь свершилась до прибытия царского посланца с вестью о помиловании).

Зато все прочие соратники строптивого ландмаршала (кроме строптивого экс-ландмейстера Фюрстенберга, который предпочел провести остаток жизни в поместье, пожалованном ему Грозным Царем поместье близ Костромы: в письме своему брату, датированному 1565 г., Фюрстенберг подчеркивал, что не имеет оснований жаловаться на судьбу) на удивление скоро прижились на Москве и, несомненно, не без их влияния Грозный Царь (который не стеснялся в интимной беседе с английским послом именовать себя не русским, а «немцем», хвалил, если верить «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, немецкие обычаи, «славился своим германским происхождением, хотел женить сына на княжне немецкой, а дочь выдать за немецкого князя, дабы утвердить дружественную связь с империею» и вообще имевший гораздо больше общих черт с «герром Питером» — будущим великим реформатором России Петром I, чем это принято признавать!) замыслил учредить собственные «чины стратилатские, сиречь воинские» (по выражению князя Курбского), орденскую организацию (орден Небесного Креста), которую, однако, решил использовать для укрепления собственной власти.

Не случайно у истоков возникшего в 1565 г., в разгар злополучной Ливонской войны, «опричного ордена» стояли бывшие ливонские пленники Таубе, Крузе, Кальб, Эберфельд, Шлихтинг, Ференсбах и многие другие

рыцари из Ливонии. Как не случайно и то, что именно «псы-рыцари» Таубе и Крузе, уже в качестве царских опричников, вели по поручению Царя переговоры с владыкой «Священной Римской империи германской нации» о создании в Ливонии вассального по отношению к Московскому государству королевства. Правда, римско-германский император Максимилиан II Габсбург отказался признать за Грозным Царем права на Ливонию, но сам факт обращения к нему Иоанна Васильевича за легитимацией своих завоеваний представляется весьма многозначительным. Не зря в число клейм (гербовидных эмблем) на Большой печати Иоанна Грозного была включена «печать маистра Лифлянския земли».

Несомненно, немалую роль в готовности ливонских орденских «псов-рыцарей» перейти на «новое место службы» в опричный орден Великого Государя Московского сыграл тот факт, что его главным противником в Ливонской войне стало то самое Польско-Литовское государство, которое столетиями являлось главным противником Тевтонского ордена и его ливонского филиала, подчинив их, в конце концов, своей власти. «Тевтоны» подчинились власти Речи Посполитой, буквально «скрежеща зубами» от бессилия и не видя для себя иного выхода, но застарелая, вошедшая в их плоть и кровь, вражда к Литве и Польше у них, естественно, осталась, вырвавшись наружу при первом же удобном случае.

Опричный орден Иоанна, подобно военно-духовным орденам стран Западной Европы, имел мощную экономическую базу в форме переданных ему монархом крупных земельных владений с четко организованной системой управления и целую сеть орденских замков — так называемых «кромешных (опричных) дворов» (соответствовавших конвентам, комтуриям или коммендам западных духовно-рыцарских орденов).

Один из таких «опричных дворов» был построен в Москве на нынешней Берсеневской набережной (там, где в настоящее время расположен Храм Святителя Николая на Берсеневке), почти напротив Кремля. Это был настоящий орденский замок, окруженный мощными черными стенами, с черными двуглавыми орлами на шпилях башен, хищно оскалившимися геральдическими львами по бокам огромного двуглавого орла на дубовых воротах и многочисленной крепостной артиллерией. Пушки орденской крепости опричников были направлены прямо на Кремль — место заседаний «земской» боярской Думы... Стены и крыши опричных «комменд» (судя по результатам раскопок другого центра царского «кромешного» ордена, расположенного в Александровской слободе), были покрыты черной графитной черепицей.

Крайне интересным представляется расположение опричного орденского замка Иоанна Грозного. Этот замок-дворец представлял собой четырехугольник с равными сторонами, причем на западной стороне не было ворот. Восточные же ворота предназначались исключительно для въезда

самого Царя — игумена опричного орденского братства. За восточной стеной находилась церковь необычной формы (без покрытия), каждый камень в стенах которой был украшен изображением креста. Южные ворота, как уже было сказано выше, украшали резные изображения двух львов с зеркальными глазами и двуглавого орла с разинутыми клювами.

Из вышеизложенного со всей очевидностью явствует, что опричный орденский замок Иоанна являлся своеобразной копией эсхатологического Града Божия, описанного в Откровении Иоанна Богослова под названием «Нового (Небесного) Иерусалима». В описанном в Апокалипсисе Небесном Граде не было западных ворот (поскольку в грядущем Царстве Божием не будет заката солнца). А в восточные ворота Небесного Града мог войти только Царь Славы, то есть Бог — еще один важнейший элемент сходства Опричного Замка с Небесным Иерусалимом.

В Небесном Граде отсутствует Храм, ибо Бог присутствует в нем непосредственно — вот и объяснение необычной архитектуры церкви без покрытия, построенной по приказу Иоанна Грозного за восточной стеной опричного замка. В «лицевых» (иллюстрированных) Апокалипсисах как описываемой, так и более ранней эпохи небесный Град Святых изображался точно так же — в виде крестообразной церкви без покрытия. А украшавшие ворота опричного замка львы и орел символизировали небесные ангельские силы (а орел, по толкованию Андрея Кесарийского — еще и «наказание нечестивых»).

По уставу опричного орденского братства, учрежденного Грозным Царем по рекомендациям ливонских рыцарей, все «кромешники» были обязаны «выводить государевых изменников» и охранять священную особу монарха — учредителя их опричного ордена. Наряду с этой «военно-рыцарской» стороной деятельности опричников налицо была, однако, и духовно-монашеская сторона.

Царские опричники составляли как бы «монастырскую братию», настоятелем которой был сам Верховный магистр опричного ордена — он же Царь, ниже которого в орденской иерархии стоял отец-параклисиарх (упоминавшийся нами выше Малюта Скурлатов-Бельский). Количество опричных «псов-рыцарей» было строго определенным (сначала триста, затем шестьсот, и, наконец, — так называемая «ближняя тысяча»).

Перед зачислением в «кромешный» орден кандидат проходил строжайший отбор, в ходе которого исследовался весь его род, проверялись семейные связи, имена всех, с кем он был породнен, знаком или дружен — совсем как в военно-монашеских, рыцарских и династических орденах тогдашнего Запада, с присущими им тайнами, эмблемами и ритуалами. Данный несомненный факт, кстати, начисто опровергает широко распространенное (но от того не менее ошибочное) представление, будто Царь Иоанн Грозный, якобы, набирал своих опричников из людей «низкого

(подлого)» происхождения. Естественно, среди «кромешников» преобладали выходцы из мелкопоместного, или вообще безземельного дворянства — но точно так же обстояло дело и в Тевтонском ордене, да и в других военно-монашеских братствах!

«Кромешники» принимали особое посвящение наподобие монашеского пострига, приносили присягу и обеты, регламентировавшие — как в западных духовно-рыцарских орденах! — образ жизни и дисциплину членов опричного ордена, и, в частности, строго запрещавшие им общение с семьями и «не опричными» родственниками — как настоящим монахам!

Как уже говорилось выше, в рядах царских опричников, ходивших в церковь, согласно «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина в «черных ризах с длинными шлыками» (т.е. с остроконечными капюшонами) было немало иностранцев, преимущественно ливонцев и вообще немцев. Опричники, подобно рыцарям-монахам других военно-духовных орденов, носили (в боях и походах — поверх доспехов) уставное форменное облачение — черные кафтаны из грубой ткани, напоминавшие монашеские подрясники, и скуфьи — черные монашеские шапки, а также особые орденские знаки — метлы на кнутовищах и собачьи («песьи») головы у седел (впрочем, иногда метлы носились у седла, а не на кнутовище, а собачьи головы, судя по описаниям современников, носились не у седла, а подвешенными к конской шее, вместо бахмар). Сохранились упоминания и о том, что царские «кромешники», кроме скуфеек, носили на головах черные «шлыки», то сеть остроконечные капюшоны (что, вероятно, делало их еще более похожими на членов монашеских орденов христианского Запада).

Как писал, Карамзин, «Царь дал им тафьи, или скуфейки, и черные рясы, под коими носили они богатые, золотом блестящие кафтаны с собольею опушкою, сочинил для них устав монастырский, и служил примером в исполнении оного».

Символика опричного орденского братства — собачья голова и метла, привязанные к седлу — использовалась в «кромешном» обиходе повсеместно. В изданной в 1572 г. в германском имперском городе Франкфурте-на-Майне на немецком языке брошюре об опричнине был, со слов очевидцев, описан въезд Грозного Царя в Москву после возвращения из Новгородского похода, закончившегося полным разгромом «псами-рыцарями» Иоанна Васильевича некогда великого Новгорода. Впереди войска ехал опричник на коне, нагрудный доспех которого (а не седло! — В.А.) был украшен свежеотрубленной головой большого английского пса. За ним ехал сам Царь Иван Грозный, также сидевший на коне, у которого на груди (опять-таки не у седла! — В.А.) была большая серебряная песья голова, устроенная так, что при каждом шаге коня пасть пса, открываясь, громко лязгала зубами.

Интересным представляется вопрос, всегда ли опричники носили на шеях своих коней свежеотрубленные собачьи головы (ведь последние через определенное время неизбежно начинали бы подвергаться естественному процессу гниения). Не гонялись же «кромешники» по всей округе за бродячими собаками! Можно, разумеется, предположить, что в распоряжении «псов-рыцарей» Грозного Царя постоянно находился определенный запас живых собак, обезглавливаемых по мере надобности, но данное предположение представляется нам, в силу целого ряда причин, достаточно сомнительным. Скорее всего, подвешиваемые опричниками к шеям коней песьи головы предварительно каким-то образом препарировались, чтобы воспрепятствовать процессу гниения или совершенно исключить его. Или же речь шла об искусственных собачьих головах (например, изготовленных из металла или из каких-либо иных материалов — скажем, из дерева). Думается, что этот весьма интересный вопрос еще ждет своих исследователей.

Черный цвет орденских зданий и облачений невольно наводит на ассоциации между народным прозванием царских опричников — «кромешниками» («опричь» значит «кроме») в рамках иного ассоциативного ряда («кромешники» — «тьма кромешная», «ад кромешный»). А то, что их черные монашеские одеяния были подбиты овчиной, наводит на ассоциации с днем Страшного Суда, когда Грозный Судия отделит овец (праведников) от козлищ (грешников). Что же касается песьих (собачьих) голов, подвешенных к шее коня каждого опричника, то на дошедших до нас «лицевых» Апокалипсисах описываемых времен «Гоги и Магоги» — предводители приспешников Антихриста — изображались людьми с собачьими (песьими) головами. Таким образом, отрубленные песьи головы, подвешенные к шеям коней опричников как бы в качестве трофеев, могли, кроме готовности «кромешников» беспощадно, по-собачьи, «грызть врагов Государевых», означать еще и победу над «слугами антихристовыми», триумф Христова воинства над воинством сатаны. Но это уже тема отдельного исследования...

Опричная символика весьма напоминала символику католического монашеского ордена доминиканцев, члены которого выполняли в странах католического Запада функции инквизиторов. Названный в честь святого Доминика — обличителя еретиков-катаров — он был позднее (по созвучию!) переосмыслен своими членами как орден «псов Господних» лат.: «Домини канес» (Domini Canes). Единственное различие между эмблемами Доминиканского монашеского ордена и опричного военно-монашеского ордена Иоанна Грозного заключалось в том, что собачья голова на гербе доминиканцев держала в пасти не опричную метлу, а факел — в знак того, что «псы Господни» просвещают мир светом истинной веры и в клочья рвут ее врагов — и масличную ветвь (в знак того, что несут мир всем добрым христианам, которым их нечего опасаться).

Любопытно, что и учреждение ливонского ордена меченосцев было связано с именем святого Доминика. Как писал русский историк конца XIX века Николай Алексеевич Осокин в своем фундаментальном труде «История альбигойцев и их времени»: «В тот самый год, когда при папском дворе был учрежден особый сан для Доминика, его же именем было осенено новое, уже церковное воинствующее братство — этот орден прямо назывался воинством Иисуса Христа (ordo militiae Jesu Christi) и предназначался для создания и упрочения Северной Церкви...». В примечании издателя к данному фрагменту книги Николая Осокина сказано: «Имеется в виду орден меченосцев, официально именовавшийся «Братьями Христова воинства», основанный в 1202 году и освященный (папой, а точнее — антипапой — римским — В.А.) Гонорием (III — В.А.) именем Доминика...». Бывают странные сближенья... Так, кажется, сказал поэт?

«Кромешный» орден Грозного Царя управлялся особым Генеральным капитулом — Опричной Думой, состоявшей, в соответствии с царским Указом об опричнине, из особых опричных бояр, окольничьих, казначеев, дворецких, конюших и пр.

Впрочем, опричнину вскоре постигла судьба многих ее орденских «прообразов» на Западе — казни не в меру ретивых «рыцарей-монахов», роспуск орденской организации и превращения ее в «государев обиход».

Вот какие причудливые формы принимали порой связи Тевтонского ордена — через его ливонский филиал — с Московским государством...

Здесь конец и Богу нашему слава!

Магистры Ливонских рыцарей Христовых

А) Магистры (геермейстеры или герренмейстеры) Ордена меченосцев:

1.1202–1209: Венно (Винно, Вейнгольд, Фьюнгольд) фон Рорбах;
2.1209–1236: Фольквин (Фолькуин, Волквин) фон Винтерштеттен (фон Наумбург цу Винтерштаттен).
3.1236–1237: Рутгер (исполняющий обязанности герренмейстера).

Б) Ландмейстеры (земские, или провинциальные, магистры) Тевтонского Ордена Пресвятой Девы Марии в Ливонии:

1237–1238: Герман Бальк;
1238–1241: Дитрих фон Грюнинген (Грёнинген) ;
1241–1242: Андреас фон Фельбен (Вельвен) ;
1242–1246: Дитрих фон Грюнинген (повторно) ;
1246–1248: Генрих фон Геймберг;
1248–1253: Андреас фон Фельбен (повторно) ;
1253–1254: Эбергард фон Сайн (исполняющий обязанности ландмейстера) ;
1254–1257: Анно фон Зангерсгаузен;
1257–1260: Буркхард фон Горнгаузен (Гернгаузен, Горнгузен, Гернгузен) ;
1261: Георг фон Эйхштетт;
1261–1263: Вернер фон Брейтгаузен;
1263–1266: Конрад фон Мандерн;
1267–1270: Отто (н) фон Лаутерберг;

1270: Андреас фон Вестфален (и.о.) ;
1270–1273: Вальтер фон Нордек;
1273–1279: Эрнст фон Ратцебург;
1279–1280: Гергард фон Катценэльнбоген;
1280–1281: Конрад фон Фейхтванген;
1281–1282: Ман (е) гольд фон Штернберг;
1282–1287: Вильгельм фон Ниндорф;
1288–1289: Конрад фон Гаттштейн;
1290–1293: Бальтазар Гольте;
1293–1295: должность ландмейстера оставалась вакантной;
1295–1296: Генрих фон Динклаге;
1296–1298: Бруно;
1298–1307: Готфрид фон Рогге;
1307–1309: должность ландмейстера оставалась вакантной;
1309–1322: Гергард фон Йорк;
1322–1324: Конрад Кессельгут (и.о.) ;
1324–1328: Реймар Гане;
1328–1340: Эбергард фон Монгейм;
1340–1345: Буркхард фон Дрейлебен;
1345–1359: Госвин фон Герреке;
1359–1360: Андреас фон Штейнберг (и.о.)
1360–1364: Арнольд фон Витингове (Фитингоф) ;
1364–1385: Вильгельм фон Фримерсгейм;
1385–1388: Робин фон Эльтц;
1388–1389: Иоганн фон Оле;
1389–1401: Веннемар фон Бруггеней;
1401: Бернгард Гёвельман (и.о.) ;
1401–1413: Конрад фон Фитингоф (ен) ;
1413–1415: Дитрих Торк;
1415–1424: Зигфрид Ландер фон Шпангейм (Шпонгейм) ;
1424: Дитрих Кра (и.о.)
1424–1433: Циссе фон дем Рутенберг;
1434–1435: Франк Кирскорф;
1435–1437: Генрих фон Бёкенфёрде по прозвищу Шюнгель;
1437–1438: Готтфрид фон Рутенберг (и.о.) ;
1438–1439: Генрих Финке (Винке) фон Оверберг (и.о.)
1439–1450: Генрих Финке (Винке) фон Оверберг;
1450: Готтгард фон Плеттенберг (и.о.) ;
1450–1469: Иоганн фон Менгеде по прозвищу Остгоф;
1469–1470: Иоганн фон Крикенбек (и.о.) ;
1470–1471: Иоганн Вольтус (Вальгауз) фон Герзе (Геерзе) ;
1471–1472: Бернгард фон дер Борх (и.о.) ;

1472–1483: Бернгард фон дер Борх;
1483–1485: Иоганн Фрейтаг фон Лорингофен (и.о.) ;
1483–1485: Иоганн Фрейтаг фон Лорингофен;
1494–1535: Вольтер фон Плеттенберг (годы жизни: 1450–1535) (в 1501–1502 гг. обязанности ландмейстера исполнял Веннемар фон Дельвиг) ;
1535–1549: Герман фон Брюггеней;
1549–1551: Иоганн фон дер Рекке;
1551–1557: Генрих фон Гален;
1557–1559: Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг;
1559–1561: Готтгард Кеттлер (Кетлер, Кеттелер) — светский герцог Курляндии (и Семигалии) с 1561 по 1587 гг..

Ливонские ландмаршалы Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии

1237–1239: Рутгер
1241: Вернер
1279: Гергард фон Катценэльнбоген
1300: Генрих
1306: Куно
1316: Генрих
1324?–1328: Иоганн Унгнаде
1330: Эмеко Гаке
1342, 1347–1349: Бернгард фон Ольдендорф
1354–1375: Андреас фон Штейнберг
1375–1385: Робин фон Эльц
1387–1393: Иоганн фон Оле
1395–1404: Бернгард фон Гёвельман
1410: Герман Финке (Винке)
1417–1420: Гергард Вреде
1420–1422: Вальрабе фон Гунсбах
1422–1427: Дитрих Кра
1427–1431: Вернер фон Нессельроде
1432–1434: Франк Кирскорф
1434–1435: Генрих фон Бёкенфёрде по прозвищу Шунгель
1435–1441: Готфрид фон Розенберг
1441–1448: Генрих фон Гортлебен
1450–1461: Готтгард фон Плеттенберг
1462–1468: Гергард фон Маллинкродт
1468–1470: Иоганн фон Крикенбек по прозвищу Шпор (Спор)
1470–1471: Лубберт фон Фарссем (Варссем)
1471: Бернгард фон дер Борх
1472–1488: Конрад фон Герценроде
1489–1494: Вольтер фон Плеттенберг
1495–1501: Генрих фон дер Брюгген
1502–1529: Иоганн фон дем Брёле по прозвищу Платер

1529–1535: Герман фон Брюггеней по прозвищу Газенкамп
1535–1551: Генрих фон Гален
1551–1556: Каспар фон Мюнстер (Яспер фон Мюнстер)
1556–1558: Кристоф фон Нейгоф по прозвищу Лей
1558–1560: Филипп Шал (л) ь фон Белль

Краткий очерк истории военного (рыцарского) Тевтонского левантинского ордена

Не лишенной интереса представляется также история этого малоизвестного братства немецких рыцарей, отпочковавшегося от Тевтонского ордена в период кратковременного пребывания последнего на Кипре после утраты крестоносцами всех владений в Святой земле.

В 1309 г. четырнадцатый Верховный магистр Тевтонского ордена брат Зигфрид фон Фейхтванген перенес свою резиденцию из Венеции в Мариенбург. Однако не все рыцари Тевтонского ордена покинули вместе с ним Средиземноморье. Небольшая группа рыцарей осталась на Кипре под покровительством королей из династии Лузиньянов и объединилась там с группой рыцарей-тамплиеров, орден которых к тому времени уже пал жертвой преследований папы и французского короля Филиппа Красивого.

В 1311 г король Кипрский Гуго (н) II Лузиньян, титулярный король Иерусалима и Армении, признал и утвердил новое объединение в качестве самостоятельного рыцарского ордена под названием «Военный (Рыцарский) Тевтонский Левантинский орден» (лат.: Ordo Militaris Teutonicus Levantis). Орден присягнул на верность этому королю и с тех пор нес военную службу ему, его преемникам из династии Лузиньянов, а позднее — сменившим их в качестве сюзеренов Кипра дожам венецианским.

Орденское одеяние состояло из белого, общего для тамплиеров и тевтонских рыцарей, плаща с изображением черного прямого или лапчатого «тевтонского» креста, наложенного на костыльный иерусалимский крест красного «тамплиерского» цвета. На протяжении всей своей последующей истории Военный Тевтонский Левантинский орден подчинялся не папе римскому, а светским государям. Его рыцари сражались с турками при Александрии, в знаменитой морской битве при Лепанто, а в 1688 г. совместно

с иоаннитами обороняли от османов венецианскую крепость Кандию на острове Крит.

После года ожесточенных боев только четырнадцать рыцарей Военного Тевтонского Левантинского ордена вернулись живыми из этого похода. Когда Наполеон Бонапарт в 1797 г. ликвидировал независимость Венеции, орден потерял свою базу, как в свое время иоанниты на Родосе.

В эпоху наполеоновских войн целый ряд рыцарей Военного Тевтонского Левантинского ордена были приняты на службу офицерами русского лейб-гвардии Преображенского полка и доблестно сражались против французов. В 1810 г. орден был реорганизован под руководством Иоганна Августа Штарка фон Дармштадта, с 1816 г. отдался под покровительство Российского Императорского Дома.

После падения монархии в России орден в 1918 г. перебрался в Великобританию, где продолжал существовать под руководством Верховных магистров Фредерика Харрингтона и Джейкоба Селси.

С 1918 по 1921 г. главной опорой Военного Тевтонского Левантинского ордена являлся граф Ашбернем, ставший рыцарем этого ордена еще в 1867 г. и в тот же год награжденный из рук австро-венгерского императора и короля Франца-Иосифа I орденом Золотого Руна. Благодаря его поддержке орден смог утвердиться на английской земле.

Правда, в силу политических обстоятельств — т.е. антинемецких настроений в Соединенном Королевстве после Первой мировой войны и в период господства национал-социализма в Германии — рыцари были вынуждены изменить форму черного тевтонского креста своего ордена на восьмиконечный крест с «ласточкиными хвостами» на концах, как у иоаннитов. В связи с этим возникла определенная путаница, и с такими, «мальтийской» формы крестами иногда изображают и рыцарей «головного» Тевтонского ордена в Палестине, Трансильвании, Ливонии и Пруссии.

В 1970 г. Военный Тевтонский Левантинский орден вернулся к прежней, «общетевтонской» форме орденского креста (с уширенными концами).

В 1993 г. Верховным магистром ордена был избран брат Бернд Швентек. Орден занимается благотворительной деятельностью, в особенности посвятив себя заботам о детях-сиротах в Хорватии, Боснии или пострадавшей от засухи африканской зоне Сахеля.

Рыцарем ордена может стать любой окрещенный христианин, независимо от национальной принадлежности. Последнее обстоятельство, кстати, было — вопреки широко распространенным представлениям! — характерно и для «головного» Тевтонского ордена (в котором в настоящее время имеются «братья-священники» польской национальности и Гохмейстер которого в качестве официального гостя присутствует на ежегодных торжествах в память Грюнвальдской битвы в Польше).

В 1987 г., после более чем пятидесятилетнего перерыва, были восстановлены комтурии Военного Тевтонского Левантинского ордена в Австрии и Германии. В 1993 г. папа римский Иоанн Павел II (между прочим, поляк пот национальности) даровал Верховному магистру Бернду Швентеку свое Апостольское благословение. В настоящее время Верховным магистром ордена является гражданин Швейцарии Гейнц Майр.

Хронологическая таблица.

Важнейшие вехи истории Тевтонского (Немецкого) ордена Девы Марии:

1190 г. Основание полевого госпиталя под стенами Акры магистром (мейстером) Сибрандом (Зибрандом, Сигибрандом, Зигибрандом, Зигебрандом)

1191 г. Папа римский Климент III берет «Тевтонских братьев (Тевтонскую братию) церкви Святой Марии, что в Иерусалиме» под опеку Престола Святого Петра.

1198 г. Преобразование этого братства госпитальеров (странноприимцев, гостеприимцев) в духовно-рыцарский орден по примеру иоаннитов и храмовников.

1199 г. Папа римский Иннокентий III подтверждает это преобразование.

1202 г. Учреждение ордена братьев-меченосцев епископом Ливонии (Лифляндии).

1211 г. Король Андрей (Андраш, Эндре) II Венгерский призывает Тевтонский орден на помощь в защите земли Бурца (Трансильвания) от набегов половецких (куманских, кипчакских) языческих орд.

1225 г. Изгнание Тевтонского ордена, добившегося больших успехов в борьбе с половецкими язычниками, призвавшим его ранее королем Андреем II из Венгрии.

1226 г. Польский князь (герцог) Конрад Мазовецкий призывает Тевтонский орден на помощь в отражении набегов прусских язычников на Польшу.

1226 г. Император «Священной Римской империи германской нации» Фридрих II Гогенштауфен в «Золотой булле Римини» дарует Госпиталю Пресвятой Девы Марии Тевтонской Кульмскую (Хелминскую) землю и земли язычников-пруссов, которые еще предстоит христианизировать. Он дарует Верховному магистру (Гохмейстеру) брату Герману фон Зальца и его преемникам права и привилегии князя империи (для германских владений Тевтонского ордена). Первое появление тевтонских рыцарей в языческой Пруссии.

1228 г. Учреждение в Мазовии польско-немецкого духовно-рыцарского Добринского ордена князем (герцогом) Конрадом.

1230 г. Передача Конрадом Мазовецким Тевтонскому ордену Кульмской (Хелминской) земли по Крушвицкому договору.

1230–1525 гг. Основание и расширение орденского государства тевтонов в Пруссии.

1231 г. Первый Крестовый поход Тевтонского ордена во главе с ландмейстером Пруссии братом Германом Балком (Валком, Бальке, Вальке, Фальке) против прусских язычников.

1233 г. Продвижение Тевтонского ордена в глубь Помезании при поддержке войск крестоносцев (польских, поморских и силезских князей).

1236 г. Умиротворение прусской области Помезании войском крестоносцев под командованием маркграфа (маркиза) Генриха Мейссенского.

1237 г. Слияние ливонского ордена братьев-меченосцев с Тевтонским орденом.

1237–1561 гг.Тевтонский орден в Ливонии, Эстонии и Курляндии.

1235 г. Тевтонские рыцари при поддержке польских и поморских крестоносцев разбивают язычников-пруссов. Инкорпорация (включение) Добринского ордена в Тевтонский орден.

1238 г. Раздел земельных владений ордена братьев-меченосцев между датским королем и Тевтонским орденом.

1241 г. Окончательное покорение прусских областей Погезании, Натангии и Бартии Тевтонским орденом.

1241 г. Вступление войска Тевтонского ордена в Псков.

1241 г. Пораженние армии коалиции герцогства Силезского, Тевтонского ордена, ордена тамплиеров и ордена иоаннитов в битве с монголотатарами при Лигнице (Легнице, Вальштатте).

1242 г. Изгнание тевтонских рыцарей князем Александром Невским из Яма, Копорья, Изборска и Пскова.

1242 г. Ледовое побоище. Поражение орденского войска в битве со Святым благоверным князем Александром Невским на Чудском озере.

1242 г. Первое восстание пруссов против власти Тевтонского ордена.

1243–1249 гг. «Великое восстание» пруссов в подчиненных Тевтонским орденом областях.

1244 г. Разгром армии Тевтонского ордена пруссами в битве при Рензене, гибель в бою маршала ордена.

1245 г. Папа римский дает Тевтонскому ордену дозволение вести в Пруссии постоянный (перманентный) Крестовый поход.

1249 г. Тяжелое поражение армии Тевтонского ордена в битве при Крюккене с пруссами, гибель в бою маршала ордена.

1249 г. Западные прусские области заключают с Тевтонским орденом Христбургский мир. Помезания принимает Святое Крещение и признает власть ордена Пресвятой Девы Марии.

1254–1255 гг. Крестовый поход короля Богемии (Чехии) Оттокара II Пшемысла, герцога Рудольфа фон Габсбурга и маркграфа Оттона Бранденбургского в Пруссию.

1259 г. Поражение орденского войска во главе с ливонским ландмейстером в битве с восставшими жемайтами (самогитами, жмудинами) при Шотене. Вторжение в Пруссию монголо-татар.

1260 г. Сокрушительный разгром прусско-ливонского войска Тевтонского ордена в битве с литовскими язычниками при Дурбене, гибель в бою ливонского ландмейстера и 150 «братьев» Тевтонского ордена.

1260 г. Начало Второго восстания пруссов. Захват пруссами орденских замков в Бартии, Натангии и Вармии (Эрмланде), почти полная утрата орденом этих областей, а также Курляндии, Земгалии (Семигалии) и острова Эзель (Сааремаа).

1265 г. Маркграф Оттон III Бранденбургский в третий раз совершает Крестовый поход в Пруссию и умиротворяет Самбию (Самландию, Замланд).

1266 г. Неудачная осада мамелюкским султаном Египта Бейбарсом главного замка Тевтонского ордена в Святой Земле — Монфора (Штаркенберга).

1268 г. Вторжение новгородского войска в Ливонию и победа новгородцев над тевтонскими рыцарями и их союзниками при Раковоре (Раквере) в Эстонии.

1271 г. Взятие замка Штаркенберг войском султана Бейбарса в результате капитуляции тевтонского гарнизона.

1272 г. Маркграф Дитрих Мейссенский отправляется в Крестовый поход из орденского замка Бальга и подавляет восстание пруссов.

1277–1283 гг. Покорение Тевтонским орденом прусских племен судравов, надравов и скалвов.

1283 г. Покорив все прусские племена, Тевтонский орден вступает в борьбу с литовскими язычниками.

1286 г. Подавление очередного восстания пруссов.

1291 г. Перенос резиденции Верховного магистра «тевтонов» из Аккона (Акры) в Венецию.

1295 г. Подавление последнего серьезного восстания пруссов.

1308 г. Вторжение литовских язычников в Пруссию.

1309 г. Перенос резиденции Верховного магистра Тевтонского ордена из Венеции в Мариенбург-на-Ногате; упразднение должности ландмейстера Пруссии (с резиденцией в Эльбинге) ; переход Пруссии под непосредственное управление Верховного магистра тевтонов.

1311 г. Вторжение литовских язычников в Пруссию и разгром их войска армией Тевтонского ордена в Воплаукенской битве.

1315 г. Безуспешная осада литовским войском орденского замка Христмемель в Самогитии (Жемайте).

1320 г. Разгром орденского войска 27 июля литовцами в Мединицкой области Литвы. Гибель в бою маршала и 29 «братьев» ордена. Пленение и сожжение орденского фогта (наместника) Самогитии на медленном огне, верхом на своем боевом коне, принесенного литовцами в жертву идолам.

1322 г. Вторжение литовского войска во главе с Великим князем Гедимином в Ливонию.

1323 г. Разорение литовским войском Мемельской области, Самландии и Добринской земли. Перемирие между Тевтонским орденом и Литвой.

1327–1343 гг.Война Польского королевства и Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом.

1329 г. Город Рига заключает союз с Великим князем Литовским против Тевтонского ордена; литовское вторжение в Ливонию.

1329 — Польский король Владислав Локеток ведет войну против Тевтонского ордена за обладание Помереллией

1333 г. Его преемник король Казимир прекращает эту войну.

1329 г. Зимний поход («рейза», «рейс») Тевтонского ордена и войска крестоносцев против Польши в ответ на вторжение польско-литовского войска в Бранденбург и Мазовию (земли союзников ордена).

1330 г. Взятие и подчинение Тевтонским орденом города Риги.

1331 г. Разгром орденского войска польским королем в битве при Пловце.

1343 г. Восстание ливов и эстов (эстонцев), подавленное ливонским ландмейстером при помощи вспомогательного орденского войска, переброшенного в Ливонию из Пруссии.

1343 г. Заключение Калишского мира. Польша формально прекращает войну с Тевтонским орденом (фактически прекращенную еще в 1333 г.). Возвращение орденом Польше Куявии и Добринской (Добжиньской) земли. Отказ Польши от всяких претензий на Кульмскую (Хелминскую) землю и на Помереллию (Поморье).

1345 г. Литовское войско разоряет Самландию (Самбию) и Ливонию.

1346 г. Тевтонский орден приобретает у датского короля Эстонию (Эстляндию) с городом Ревелем (ныне — Таллинн).

1370 г. Разгром орденским войском литовской армии вторжения при Рудау (Рудаве) в Самландии, севернее Кёнигсберга. Гибель в бою маршала ордена и 26 «братьев» Тевтонского ордена.

1393–1407 гг. Орден включает в состав своих владений остров Готланд, Самогитию и Новую Марку (Неймарк).

1387 г. Заключение польско-литовской унии вследствие брака Великого князя Литвы Ягайло (Ягелло) и польской королевы Ядвиги. Ягелло

принимает крещение по римско-католическому обряду и объявляет о крещении Литвы.

1389 г. Разгром тевтонских рыцарей, в составе армии русско-литовского Великого князя Витовта, татарами хана Едигея в битве на Воркле.

1398 г.Флот и войско Тевтонского ордена изгоняют с острова Готланд морских разбойников-«витальеров», угрожающих торговле на Балтике, и овладевают островом.

1398 г.Великий князь литовский Витовт (Витольд) передает Тевтонскому ордену Самогитию (Жемайте, Жмудь). Покорение орденом жмудских язычников продлится до 1406 г.

1401–1402 гг.Война тевтонских рыцарей с Литвой (уже официально окрещенной).

1403 г. Захват острова Готланд датским десантом. Второй поход флота и войска Тевтонского ордена на Готланд, изгнание датчан с острова и разгром датского флота флотом Тевтонского ордена в морской битве при Кальмаре.

1407 г. Тевтонский орден уступает остров Готланд королю Швеции Эрику.

1409- Великая война между Тевтонским орденом и коалицией Польского королевства с 1411 гг.Великим Княжеством Литовским.

1410 г. Разгром армии ордена польско-русско-литовским войском под Танненбергом.

1411 г. Завершение Великой войны Первым Торнским (Торуньским) миром, закрепившим военное поражение Тевтонскогоь ордена.

1411 г. Возобновление войны ордена с Польшей. Отказ ордена от Добринской земли навечно и от Самогитии до смерти короля Владислава (Ягелло) Польского и Великого князя Александра (Витовта) Литовского.

1419 г. Война коалиции Тевтонского ордена с маркграфством Бранденбургским против коалиции Польши со Швецией, Данией и Норвегией.

1422 г. Мельнский мир закрепляет утрату Тевтонским орденом спорных территорий и фиксирует восточную границу орденских владений.

1430 г. Нашествие на Пруссию чешских еретиков-гуситов.

1432 г. Заключение Польшей союза с гуситами в войне против Тевтонского ордена.

1439 г. Разгром польскими королевскими войсками польских гуситов в битве при Гротниках.

1454–1467 гг. «Тринадцатилетня война» между Тевтонским орденом и Польшей.

1463 г. Поражение флота Тевтонского ордена в битве с военными кораблями восставших против ордена городов Данцига (Гданьска) и Эльбинга (Эльблонга).

1466 г. Второй Торнский (Торуньский) мир. Тевтонский орден признает себя вассалом польской короны.

1519–1521 гг. Последняя война между Польским королевством и Тевтонским орденом.

1525 г. Гох-унд-Дейчмейстер Тевтонского ордена Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах превращает прусские владения своего ордена в светское герцогство Пруссию и становится вассалом польского короля Сигизмунда I.

1525–1809 гг.Резиденция Гох (и Дейч) мейстера Тевтонского ордена в Мергентгейме (Франкония).

1527 г.Император «Священной Римской империи» и король Испании Карл V Габсбург возводит «Магистра Тевтонского ордена в германских и романских землях» в сан «Администратора» вакантной с 1525 г. должности Верховного магистра (Гохмейстера).

1558–1583 — Ливонская война.

1696 г. Создание полка «Тейчмейстер» (впоследствии — «Гох-унд-Дейчмейстер») в составе армии императора «Священной Римской империи» Леопольда Австрийского.

1757 г. Поражение прусской королевской армии в битве с австрийцами под Колином в результате штыковой атаки полка «Гох-унд Дейчмейстер» во главе с обрист-вахмистром (майором) Иоганном графом Соро (Зоро), рыцарем Тевтонского ордена.

1809 г.Ликвидация ордена Наполеоном I во всех своих вассальных германских государствах (Рейнском Союзе) и перенос орденской резиденции в столицу Австрийской империи Вену. Прекращение деятельности Тевтонского ордена во всех германских землях, кроме Австрии, на 150 лет.

1837 г.Восстановление средневекового института «сестер Тевтонского ордена». Учреждение конвентов орденских священников в гг. Лане (1854 г.), Троппау (1866 г.) и Лайбахе (1897 г.).

1866 г. Учреждение институтов «рыцарей чести» («почетных рыцарей») и «фамилиаров», несущих добровольную санитарную службу в армии Габсбургской монархии.

1923 г. Отречение от сана последнего Верховного и Германского магистра эрцгерцога Ойгена (Евгения) Габсбурга. Руководство орденом переходит в руки орденского священника, с 1933 г. — в сане аббата.

1929 г. Папа римский преобразует духовно-рыцарский Тевтонский орден в чисто духовное учреждение «братьев (братии) Тевтонского ордена Святой Марии что в Иерусалиме».

1938г. Запрет Тевтонского (Немецкого) ордена в Австрии национал-социалистическим режимом.

1939 г. Запрет Тевтонского ордена германскими национал-социалистами в Судетской области аннексированной Гитлером Чехословакии.

1946 г. Возобновление благотворительной и духовно-окормительской деятельности братьев и сестер Тевтонского ордена в Германии (ФРГ).

1947 г. Восстановление Тевтонского ордена в его прежних правах правительством Австрийской республики.

1965 г. Признание института «тевтонских фамилиаров» папой римским Павлом VI.

1970 г. Восстановление Генеральным капитулом древнего названия ордена «Братья (Братия) Тевтонского Дома Святой Марии, что в Иерусалиме (Тевтонский орден)».

1988 г. Генеральный капитул, собравшийся в Лане, приводит Устав «тевтонских братьев» и «Апостолический статут фамилиаров», а также «правила жизни» и Устав «тевтонских сестер» в соответствие с положениями обновленного канонического права римско-католической церкви.

1990 г. После крушения коммунистических режимов в Европе Тевтонский орден разворачивает активную деятельность, в особенности в орденских провинциях Словении и Чехословакии (впоследствии — в независимых республиках Чехии и Словакии).

2018 г. Избрание Генерального аббата Франка Байярда Верховным магистром Тевтонского ордена.

Содержание

Акунов Вольфганг Викторович
Держава Тевтонского ордена

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *И. Р. Поздняков*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536
Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,
+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. +7-921-951-98-99
www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
в Киеве:
«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru
в Минске:
«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by
в Варшаве:
«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Tel. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:
«Intelektuāla grāmata»
Riga, Kr. Barona iela 45/47. Tel. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88 1/16. Усл. печ. л. 26,40. Печать офсетная.
Заказ №